

Сергеева Александра

Цветы в пустоте

Космос, наконец-то, открыт. Мы покорили звёзды, покорили технологии и даже магию. А мир — по-прежнему огромен и непостижим. Казалось бы, чего нам ещё? Радуйся, человечество, радуйся и погрязай дальше в своих пороках, иди к новым вершинам, чтобы удовлетворить свою жадность. Но, может быть, стоит повременить?

Цветы в Пустоте

Сергеева Александра Витальевна

Символ смирения и скромности. Он говорит: "Присмотрись ко мне, я украшу твою жизнь."

— Сэр... двигатели заклинило!

Аргза выругался, не стесняясь в выражениях. Надежда на то, что из опасной зоны можно будет выйти мощным рывком, до сих пор не желала его покидать, но двигатели отказали раньше.

— Чёрт! Что с запасными?!

Секундное молчание. Сильные помехи в динамике.

— Почти полностью уничтожены, сэр!

— И вы говорите об этом только сейчас, идиоты?!

Снова помехи и шипение в динамиках. На заднем плане слышался грохот и крики рабочих, на которых падали части разваливающихся двигателей.

— Не было замечено... — помехи. — Повреждений... — помехи. — Близнецы скрыли!..

Вот дьявол, теперь понятно! Грёбанные Близнецы снова использовали один из своих любимых трюков — не только напали совершенно внезапно и без предупреждения, но и скрыли самые важные повреждения, отведя глаза иллюзией, чтобы противники не сразу заметили неладное. И угораздило же их попасться Близнецам здесь, где в пределах видимости нет даже достаточно большого астероида, не говоря уж о планетах, чтобы совершить где-то аварийную посадку! Дьявол, дьявол, дьявол!!!

Определённо, сегодня был неудачный день. Крайне неудачный, подумал Аргза с досадой.

Корабль трясло так, что невозможно было удержать взгляд на одной точке — перед глазами всё безостановочно прыгало. В немом отчаянии мигали аварийные красные лампочки: в немом — это потому что панически завывающую по всему кораблю сирену Аргза, разозлившись, вырубил после первых же тридцати секунд. Один за другим теряли питание отсеки, не выдерживая общей перегрузки системы, и экипажу приходилось перебираться всё ближе к кабине управления. Аргза, честно говоря, понятия не имел, что будет делать, если они все попытаются в эту кабину в итоге забиться — места здесь не хватит и для трети. Правда, главная кабина могла отделяться от всего остального корабля, но оставлять всю команду на смерть не хотелось. В частности, хотя бы потому, что на жалких запасах топлива, которое имелось в двигателях головного отсека, вряд ли получится долететь до ближайшей обитаемой галактики, где можно будет достать новый корабль и новых рабочих. Судя по координатам, которые всё ещё уныло мерцали на экране консоли, вокруг на много и много миллионов миль раскинулась сплошная пустошь и бесплодные метеоритные пояса. Близнецы знали, куда загнать, чёрт бы их побрал!

Внезапно откуда-то спереди Аргзу ослепило обширной оранжевой вспышкой. От носа корабля по всему трещавшему по швам корпусу прокатилась волна непонятного жара — такая, что Аргза немедленно отдёргнул руки от раскалившихся рычагов. Когда же зрение вернулось, было уже поздно: на корабль снизу стремительно надвигалась возникшая из ниоткуда поверхность земли. А тряска почему-то прекратилась, демонстрируя все прелести свободного падения. Уже можно было разглядеть и причудливые изогнутые деревья, и

рассыпанные поодаль друг от друга дома с разноцветными круглыми крышами. Понемногу становились видны и фигурки выбегающих из домов людей, и Аргза ещё, помнится, успел подумать со злостью: да чтоб всех этих любопытствующих придавило обломками его корабля, когда он рухнет! Не уходить же, в самом деле, из жизни без жертв! Тем более, что вместе с ним погибнет и его легенда, на этой-то захолустной планетке...

Больше он не успел ничего, потому что в следующий миг корабль столкнулся с поверхностью, и Аргзу вырубилло мощной ударной волной.

К его величайшему удивлению, мир не прекратил лично для него своего существования. Вместо ожидаемой пустоты — в загробную жизнь Аргза Грэн решительно не верил — когда он открыл глаза, над ним обнаружился мерцающий голубоватыми бликами круглый потолок. Он попробовал шевельнуться — и сразу же о себе напомнила пульсирующая в затылке тупая боль.

— Пожалуйста, не вставайте пока. Мы ещё не закончили ваше лечение, — прозвучал рядом заботливый женский голос, и в поле его зрения тут же возникла обладательница этого голоса.

Высокая и тонкая, затянутая в закрытое серебряное платье, с ниспадающими с плеч ярко-синими волосами и синими же ресницами, с открытой доброжелательной улыбкой и мягким взглядом — она могла бы напоминать ангела, если бы только Аргза Грэн вообще знал слово "ангел". Он чуть повернул голову в её сторону, внимательно разглядывая.

— Моё лечение? — переспросил он, надеясь добыть больше информации о своём чудесном спасении.

Женщина кивнула, продолжая улыбаться. Когда она плавно приблизилась к нему, лёгкое серебристое платье её, лишённое каких-либо дополнительных украшений, свободно заструилось по её тонкой фигурке, будто бы обтекая. Невольно скользнув взглядом по своей спасительнице и проследив за её движениями, Аргза наконец огляделся вокруг внимательнее. Его взору предстала небольшая комната, окутанная полумраком и наполненная таинственными какими-то предметами вроде летающих в воздухе шаров, отбрасывающих на потолок те самые блики, и необычной мебели, сотканной будто бы из одних лишь спутанных клубков мягкой шерсти. Возле стен уютно расположились стеллажи, на полках которых мирно дремало (в прямом смысле этого слова — с сонным сопением и даже похрапыванием) множество книг.

— Вам требуется информация, я понимаю, — сказала женщина тем временем. — И, конечно, нет причин её от вас скрывать. Дело в том, что ваш корабль упал на планету Эрлану. Вам она известна под именем Эрландерана, координаты могу сообщить позже, если пожелаете, сейчас они вам ничего не дадут. Вы застали нас врасплох, прорвав нашу завесу, поэтому мы не смогли оказать вам помощь вовремя, но мы сумели немного затормозить падение. Однако ваш корабль и ваша команда всё равно сильно пострадали. Исследовав корабль, мы обнаружили множество серьёзных повреждений, полученных, видимо, в тяжком сражении, но вам не о чем беспокоиться: наши люди с удовольствием помогут вам его починить и даже улучшить, если будет на то ваша воля. Вы получите всю необходимую помощь, медицинскую в том числе, и, пока ваше судно будет в ремонте, вы можете считаться почётным гостем Эрландераны. На нашей планете, как вы можете видеть, гости — очень редкое явление из-за нашей природной завесы и дальнего расположения, и потому каждому, кто сумел сюда добраться, местные жители с удовольствием готовы предоставить всё своё гостеприимство. Пожалуйста, не стесняйтесь и почувствуйте себя, как дома.

Она говорила не на языке Федерации, понемногу распространяющей своё влияние во все концы Вселенной, и даже не на его чуть изменённой пиратами версии, которая имела все шансы стать новым всеобщим сленгом. Она говорила на его родном языке, на языке планеты, где он был рождён и которую покинул уже очень, очень давно. Неудивительно: эрландеранцы славились своей способностью к мгновенной телепатии, позволявшей им, в первую очередь, без каких-либо проблем говорить на абсолютно любом незнакомом наречии. Да и не только этим, честно говоря, они славились! Про Эрландерану и её обитателей ходило столько слухов, что впору бы считать их сказками: и что они, мол, владеют едва ли не самой мощной природной магией, и что в основе их цивилизации лежат законы разума и рационализма, что у них никогда не было войн, что им доступна какая-то скрытая для большинства других рас мудрость... Но Аргза, глядя на свою собеседницу, начинал уже думать, что не такие уж это были и небылицы, судя по этой конкретной представительнице данного народа. Всё в ней было изящно и прекрасно, всё в ней дышало каким-то особенным миролюбием и спокойствием, таким редким в эти тревожные времена. Лицо у неё было молодое, а светло-зелёные, цвета морской волны глаза сияли какой-то, и вправду, непостижимой мудростью, не соотносившейся с этой юной внешностью. Кожа была почти снеговая, но выглядела при этом почему-то вполне здоровой, и Аргза сразу вспомнил ту часть слухов, в которых говорилось, будто бы у эрландеранцев два вида крови в теле — один красный, как практически у всех гуманоидных рас, распределяющийся под поверхностью кожи невообразимо тонким слоем, а другой — серебряный, холодный, глубинный.

— Как твоё имя? — спросил он зачем-то.

Женщина подоткнула ему одеяло и поправила подушку. Положила на лоб узкую прохладную ладошку, измеряя, видимо, температуру.

— Унтеру-Лив Мантэ, — ответила она на своём языке и тут же перевела: — Оно означает на вашем наречии "Прозрачная летняя река".

Имена были отдельной частью сплетен про этих чудаков. Длинные, причудливые, как их флора и фауна, имена, непременно обозначающие какое-то явление или элемент природы, и непременно с каким-нибудь словом, означающим название того времени года, когда обладатель данного имени родился. Аргза невольно поморщился — его имя не обозначало ровным счётом ничего, и его это вполне устраивало, как, впрочем, и всех его сородичей.

— Отдыхайте, господин Аргза Грэн, — улыбка Унтеру-Лив Мантэ стала на мгновение по-доброму лукавой, демонстрируя, что телепатия полезна не только для перевода.

И прежде, чем он успел разозлиться и спросить, что ещё, кроме имени, она теперь о нём знает, она невесомо коснулась его век кончиками пальцев, шепнула какое-то слово, и — он уснул.

Проснулся он снова только тогда, когда все раны и ушибы его, судя по ощущениям, надёжно зажили. Комнату, в которой его поселили на время, заливал мягкий солнечный свет, льющийся из непомерно огромных треугольных окон, и в его обволакивающих лучах все предметы здесь выглядели ещё более уютно. Из соседней комнаты слышались чьи-то тихие разговоры. Аргза встал с кровати и, направившись к двери, задержался возле зеркала — а то мало ли, что тут с ним могли сделать, пока он пребывал в отключке. Впрочем, вроде бы, никаких экспериментов на нём эти любители знаний не ставили (значит, одна сказка про них точно не была правдивой), по крайней мере, внешне в нём ничего вроде бы не

изменилось: всё та же смуглая кожа, длинные и густые чёрные волосы, рассыпавшиеся по могучим плечам, всё те же стальные мышцы и рост под три метра — хорошо хоть, дом был довольно просторный и об потолок ему стукаться затылком не приходилось. Уши не изменили форму, конечностей по-прежнему сохранилось строго необходимое количество, чешуи не появилось — и на том спасибо. Разве что вместо привычной шубы с синими перьями, окаймляющими воротник, ему выдали тонкую белую пижаму, на удивление подходящую по размеру — должно быть, подогнали магией. Пижамы была удобная и мягкая, и это почему-то лучше всего убедило Аргзу в мирных намерениях приютивших его людей: кто же станет давать такую хорошую одежду тому, кого собираются убивать или держать в плену?

Хмыкнув своим мыслям, он толкнул дверь, за которой обнаружилась просторная гостиная с какими-то невесомыми пушистыми коврами, больше похожими на расстеленные по полу тонким слоем облака, и большими, опять же, во всю стену окнами. В гостиной, сидя из-за отсутствия в ней шерстяной мебели на этом самом облакоподобном ковре, расположились трое — уже знакомая ему женщина, широко улыбающийся ей мужчина с озорными кудрями цвета весенней травы, на вид такой же молодой и такой же изящный, и мальчик лет десяти, которого Аргза заметил не сразу. Мальчик тихо играл в углу комнаты, строя большой сияющий замок из гибких светящихся трубочек, заменяющих, видимо, обычные кубики.

— Добрый день, — поприветствовала его Унтеру-Лив. — Я вижу, вы выздоровели, но, тем не менее, прошу вас, оставайтесь в нашем доме столько, сколько пожелаете. Ваш корабль ещё не готов, но наши лучшие механики уже взялись за дело. Все члены команды выжили благодаря усилиям наших медиков, обошлось без жертв, однако приступить к работе они ещё не могут. Позвольте, я представлю вам мою семью: это, — она кивнула на тут же отвесившего приветливый поклон мужчине рядом с собой. — Мой муж, Эневиан Гантэ Сиру. И, — она указала на мальчика в углу. — Наш сын, Сильвенио Антэ Лиам. Их имена означают "Поющий весенний лес" и "Серебряный осенний дождь", если вам интересно. Желаете пообедать с нами? Как раз подходит время трапезы.

Она вовсе не тараторила — напротив, голос её лился гладко и плавно, неизменно завораживая, а информацию она выдавала ровно в порядке по убывающей для него значимости. У Аргзы сводило скулы от такой доброжелательности — он как-то больше привык к несколько другому отношению, и теперь такое безупречное по всем канонам поведение казалось ему чересчур неестественным и неуклонно настораживало.

И только мальчик, посмотрев на него, не улыбнулся. Аргза поглядел на него с любопытством: было в этом ребёнке что-то такое, что как-то сразу цепляло взгляд. Мальчик был больше похож на мать, чем на отца: от неё ему достались такие же синие волосы, пушистые и непослушные, и общие черты лица, а от него — пронзительный голубой цвет глаз и тонкие, практически в ниточку губы. Мальчишка смотрел на него оценивающе, без злобы, но и без этой жизнерадостной приветливости, с которой смотрели его родители: сразу было видно, что такие серьёзные дети не улыбаются просто так каким-то там незнакомцам.

— Здравствуй, — сказал мальчик таким же серьёзным тоном и вдруг поведал: — Я только что закончил модель королевского замка с планеты Рьюга. Хочешь посмотреть?

Видимо, это было самое щедрое проявление гостеприимства для него, но Аргзе это понравилось гораздо больше радушия его родителей. Он подошёл и с интересом оглядел

замок из трубочек. На Рьюге он бывал, но до замка так и не добрался. Однако почему-то сразу понял, что перед ним абсолютно точная миниатюрная копия оригинала: уж больно много было мелких деталей. Как будто замок из сияющих трубочек строил не ребёнок, а профессиональный архитектор.

— Неплохо, — оценил Аргза и попытался потрепать мальчишку по похожим на синий цыплячий пух волосам, но тот сердито сдвинул бровки и уклонился от его ладони.

— Сильвенио не любит чужих прикосновений, — пояснила Унтеру-Лив всё с той же раздражающей улыбкой.

— У нашей расы, — присоединился её муж. — Очень высокий порог чувствительности из-за насыщенности кожи нервными окончаниями. Пожалуйста, не тревожьте нашего сына, он ещё не привык к чужим.

Аргза неопределённо хмыкнул и пожал плечами. Мальчишка молча смотрел на него своим очень взрослым изучающим взглядом; он не был похож на остальных детей, шумных и слишком надоедливых, и потому, в отличие от них, вызывал у Аргзы лёгкую симпатию.

Лёгкую — это значит, он бы всё равно убил его, если бы возникла такая необходимость, но испытывал бы при этом мимолётное сожаление.

— Так вы не против разделить с нами трапезу? — напомнила женщина.

Он неохотно кивнул, выражая согласие. Вероятность отравления, конечно, по-прежнему была велика, но, с другой стороны, его вполне оправившийся организм уже настойчиво требовал едва ли не удвоенной нормы питания, да и откажи он, это вызвало бы подозрения — то, что подозрительности у этих людей не бывает в принципе, в голову ему как-то не пришло.

Чем больше он узнавал этот маленький мирок, похожий на огромный человеческий заповедник (иначе зачем бы там столько нетронутого природного пространства и ни одного подневольного животного?), тем больше пропитывался этим неприятным словом "чужой", как окрестили его радушные местные жители ещё в первый же день, когда он уже излечился от ран. Слово это никто не говорил при нём вслух, и все они — пёстроволосые, прекрасные, добрые — по-прежнему дружелюбно улыбались ему при встрече и всё порывались предложить любую помощь, которая только могла потребоваться: от предложений по улучшению корабля до экскурсии по самым памятным уголкам и демонстрации магии (Аргза, впрочем, всё равно почти от всего отказывался — он не настолько им доверял, чтобы согласиться менять свой корабль по их усмотрению, а чувство эстетики у него было отнюдь не требовательным и довольствовалось видом из окна). Но при всём при этом неприятно царапающее его "чужой" всё равно проскальзывало в каждом взгляде, в каждом снисходительном жесте, в каждом сочувственном к нему обращении. Команда же, тоже заботливо исцелённая, носилась по изумрудно-оранжевой траве и едва ли в рот не заглядывала посмеивающимся над ними эрландеранцам. Аргза про себя чертыхался, но смиренно ждал: после злополучной атаки Близнецов ему и его парням, и вправду, требовалась большая передышка — особенно если учесть, сколько им ещё придётся лететь до более-менее вменяемых людей. Самого же его не впечатляло ни оранжевое небо над головой, ни все эти заумные беседы, которые с ним пытались вести местные, ни эта всеобщая атмосфера любви и гармонии, царившая здесь. От последнего у Аргзы, надо сказать, вообще оставался на языке какой-то кисловатый привкус, и видя в очередной раз, как воркует какая-нибудь парочка влюблённых, нашедшая себе укромный уголок в лесу, где он гулял, он резко разворачивался и шёл от них в противоположном направлении — пока не

стошнило от этой умилительной картины.

И только маленький сын приютившей его семейной четы Аргзу почему-то не раздражал. Он видел, как тот тоже частенько ищет уединения от окружающих его людей, играя с какими-то хитроумными здешними игрушками (Аргза вовсе не был уверен, что, дай ему одно из этих странных приспособлений в десять — да даже в двадцать! — лет, он бы смог разобраться в его устройстве, а не разломать к чертям) либо устраиваясь где-нибудь в уголке гостиной или в тени деревьев с какой-нибудь очередной толстой книгой. И книги, и игрушки он "заглатывал" слишком быстро, и наблюдать за ним было как-то даже... приятно? Всегда тихий, всегда чем-то занятый, сам не занимающий много пространства, никогда не позволяющий своему личику подхватить одну из этих сочувственно-приветливых улыбок, что в обилии можно было встретить вокруг — в представлении Аргзы он был идеальным жителем этой планеты.

Неудивительно, в общем, что в день, когда ему сообщили, что корабль и команда наконец готовы к отлёту, Аргза не испытывал ничего, кроме облегчения. Даже благодарности — но её, как оказалось, никто и не требовал. Аргза едва удержал порыв размокнуть очередное улыбающееся лицо ("Мы так рады, что ваше судно теперь в порядке, но, быть может, вы задержитесь ещё ненадолго?") об ближайший камень и благоразумно отошёл от всех провожающих.

Чуть в отдалении от корабля, на краю выбитого его падением неглубокого кратера, сидел тот самый мальчишка и наблюдал за всходящими на борт членами экипажа. Аргза подошёл и, сам не зная зачем, сел с ним рядом.

— Здравствуй, — сказал мальчик серьёзно.

— Здравствуй, — усмехнулся тот в ответ. — Тебе нравится мой корабль?

Мальчик пожал плечами, не изменившись в лице. Ветер ласково ворошил его синие волосы, невесомые и послушные малейшему дуновению.

— Мне нравится идея взять форму паука, только он у тебя получился слишком злой. Хорошие мощные двигатели, большой диапазон скоростей и оружия. Это не слишком удивительно: люди твоей расы обычно хорошо разбираются в военных кораблях. Мы думаем, что рано или поздно, однако, даже ваш народ встанет на путь просвещения и отринет беспокойный путь войны. Ты ведь с Архагла, я не ошибся? Ты имеешь все отличительные признаки варваров и подходящее имя, но я ни разу не встречал ни одного варвара вживую, только читал о них, значит, велика вероятность ошибки.

Аргза хмыкнул. Жителей Архагла, действительно, теперь повсеместно не называли никак иначе, кроме как варварами, что как нельзя лучше им подходило: выраставшие под жадным Архагльским солнцем в два-три раза выше обычного человека, все, как один, загорелые и темноволосые, обладавшие недюжинной физической силой и выносливостью, воспитанные в истинно-варварских по всем нынешним канонам суровых традициях, они в большинстве своём быстро разлетались с родной неприветливой планеты по всей Вселенной, неизменно терроризируя подвернувшийся им под руку её уголок.

Но откуда бы это знать этому пацанёнку, живущему в мире, спокойствии и отдалении от всех новостей, в чьих книжках не должно быть, по идее, даже упоминания вскользь обо всём этом?

— Ты много читаешь. У нас таких называют книжными червями.

Мальчишка глянул на него — и вдруг неожиданно улыбнулся, как-то так мечтательно, загадочно и торжественно одновременно, наконец-то соответствуя своему возрасту.

— Конечно, я много читаю, — признал он важно. — Я же буду Хранителем Знаний! Это очень почётно: Хранители Знаний рождаются раз в триста лет. Я буду знать всё-всё, и ко мне будут обращаться за советом со всех миров!

Аргза уважительно присвистнул: об эрландеранских Хранителях Знаний легенд ходило ещё больше, чем обо всех остальных представителях этой расы вместе взятых. Якобы они запоминали любую информацию, раз прочитанную или услышанную, и вдобавок имели просто невообразимую связь с любой техникой. Любой мечтал бы иметь одного из них в помощниках, но до сих пор даже попасть на Эрландерану числилось чем-то невозможным.

Надо бы поблагодарить Близнецов, подумал он с усмешкой — без их помощи он, скорее всего, никогда не попал бы сюда. И этот мальчик... у Аргзы появились по поводу него некоторые полезные мысли.

— Твой корабль, — сказал мальчишка тем временем, непроизвольно подтверждая его догадки. — Им можно было бы управлять и с гораздо меньшим количеством людей на борту, и тогда вероятность избежать аварии в критической ситуации будет более высокой. Один достаточно хороший техник мог бы заменить как минимум одну четвёртую часть твоей команды. Это также уменьшило бы нагрузку на общий корпус.

Аргза посмотрел на него.

— Сколько людей мог бы заменить, к примеру, ты? — спросил он вкрадчиво.

— Я думаю, около двухсот человек мог бы. Как минимум. Я не видел твой корабль изнутри, а потому не могу сказать, какая там система и сложно ли с ней справляться.

Аргза улыбнулся, демонстрируя ряд ровных ослепительно-белых зубов, резко контрастирующих с его тёмной кожей. Глаза его стали совсем чёрными, как всегда бывало, если ему в голову приходила какая-то особенно удачная идея.

— Пойдём. Я покажу тебе свой корабль.

Мальчишка явно что-то заподозрил, судя по его недоверчивому взгляду. Но любопытство было самой опасной из всех черт Хранителей Знаний, и об этой их черте прекрасно известно было даже тем, кто никогда с ними лично не встречался. И этот маленький умник не был исключением. Он мигом поднялся на ноги и даже — после некоторых раздумий — доверил ему свою маленькую ладошку, казавшуюся по сравнению с крепкой и широкой лапицей Аргзы совсем крошечной.

Они поднялись по трапу в числе последних членов команды. Прошли через несколько общих помещений, где уже понемногу обустроивались рабочие, и стали продвигаться куда-то вверх: корабль Аргзы действительно был непредставимо огромен, и если снаружи он напоминал чудовищного гигантского паука, то внутри скорее был похож на переплетения паутины множеством извилистых лабиринтов и неожиданными ответвлениями коридоров. С непривычки в его недрах вполне можно было надолго заблудиться.

Кажется, этот ребёнок окончательно понял всё только тогда, когда Аргза, уведя его за собой в кабину управления — служившую головой паука — вдруг отдал по громкой связи приказ немедленно задраивать все люки и взлетать. Двигатели тут же с готовностью взревели, и сильный толчок откуда-то снизу дал понять, что корабль оторвался от поверхности.

— Но... подожди... Я не хочу с тобой лететь. Мне ещё рано вылетать в открытый космос. Верни меня домой, пожалуйста. Мои родители будут волноваться.

Он всё ещё сохранял спокойствие, вполне похвальное для того, кого похищают. Аргза же, мигом растеряв всю свою доброжелательность, грубо подтащил его к себе и защёлкнул

на его шею что-то металлическое.

— Это рабский ошейник, — не спросил, а утвердил мальчик с нотками ужаса, неверяще ощупывая шею.

— Да, он самый, — Аргза ухмыльнулся. — Новейшая разработка. Блокирует любой вид магии и растёт вместе с носителем. Надеюсь, теперь ты понял? Да, ты понял, ты ведь очень сообразительный парень, именно поэтому ты мне и нужен. Что ж, поздравляю. С этого момента ты официально числишься служащим флота Паука!

Сильвенио бросился к окну, но было уже слишком поздно: Эрландерана была уже скрыта пологом невидимости, и о её присутствии среди мерцающих во мраке космоса далёких звёзд уже ничего даже не напоминало. Он закусил губу, всё больше бледнея, но, надо отдать ему должное, не стал совершать ничего необдуманного и даже кричать не стал, что только ещё раз убедило Аргзу в том, какое редкое сокровище он приобрёл.

— Я не буду работать на варвара, — произнёс он тихо, но твёрдо. — Я буду Хранителем Знаний, я уже говорил. А знания не принадлежат никому. Верни меня домой, пожалуйста, и я обещаю, что буду помогать тебе советами... когда ты будешь за ними ко мне прилетать.

Затрещина, которая могла бы свалить с ног и взрослого, ребёнка заставила отлететь в другой конец просторной круглой кабины. Он не успел ещё подняться, как над ним нависли тёмные, страшные в своей бездушности глаза Аргзы Грэна, прозванного Пауком — и прозванного так не только за его корабль.

— А теперь послушай меня, как тебя там... Аргза неопределённо хмыкнул и пожал плечами. Мальчишка молча смотрел на него своим очень взрослым изучающим взглядом; он не был похож на остальных детей, шумных и слишком надоедливых, и потому, в отличие от них, вызывал у Аргзы лёгкую симпатию.

— Сильвенио Антэ Лиам, — сказал он одеревеневшими губами, весь как-то сжимаясь и медленно отползая назад.

— Да... слишком длинно. Я буду звать тебя Лиам, — Аргза снова вздёрнул его за плечо, поставив на ноги. — Так вот, Лиам. Ты теперь будешь работать на этом корабле. И лучше бы тебе как можно скорее к этому привыкнуть, потому что из меня, видишь ли, не выйдет хорошей няньки. И ты — хочешь или нет — будешь мне подчиняться. Да, кстати... — он ухмыльнулся снова, будто вспомнив хорошую шутку, на деле же он вспомнил лишь, с какой изрядной долей снисходительности смотрели на него эти якобы высокоразумные создания. — Тебе пора прекратить называть меня варваром. Обращайся ко мне, скажем, "милорд" или "сир". Ясно?

Сильвенио старательно тёр ладошкой глаза, очевидно, сдерживая подступившие слёзы — всё-таки, несмотря на весь свой потенциал, он был всего лишь ребёнком.

— Ты не король, чтобы так тебя называть...

— Для тебя я и король, и бог, и отец, и хозяин, советую это хорошенько запомнить, если хочешь жить. И — да, к слову: сбежать даже не пробуй: в ошейник встроены маяки. Вопросы есть, малец?

Тот замотал головой, не поднимая взгляда. Как-то так, практически в одно мгновение, его жизнь вдруг перевернулась с ног на голову: только что он был окружён заботой и любовью, был любимым единственным сыном в прекрасной доброй семье и жил в уютном доме, был счастливым обладателем всевозможных радужных перспектив и уже в десять лет выбрал для себя отличное будущее — и вот его увозят в неизвестность на пиратском (это он уже успел понять) корабле, в рабском ошейнике, обозначив ему какие-то невыносимые

жуткие условия.

— Нет? Отлично. Зато у меня найдётся парочка. Скажи мне, это ведь правда, что обычаи вашей расы запрещают вам как лгать, так и наносить какой-либо вред?

Сильвению затравленно, обречённо посмотрел на него, и его огромные, как у всех детей, голубые глаза уже неотвратно наполнялись слезами. Аргза усмехнулся: кроме любопытства, у Хранителей Знаний с Эрландераны имелось множество других слабостей. И самая главная заключалась, пожалуй, всё-таки в том, что они должны были ответить на абсолютно любой вопрос (исключая разве что риторический, на который ответа не требовалось), кто бы им его ни задал. Смолчать или солгать они не могли просто физически — какая-то неведомая сила не оставляла им даже возможности выбора.

— Да... сир. Это правда. Мы не можем оказывать физическое воздействие и действуем при помощи... — он шумно всхлипнул. — При помощи созидательной силы разума... Мы... не причиняем вреда живым созданиям и памятникам культуры... поэтому мы... не используем никакие навыки сражений... даже для... — он всхлипнул снова, понимая, что сам выносит себе приговор, но не мог самовольно прекратить выдавать информацию. — Даже для защиты...

Аргза удовлетворённо кивнул. Всё это значило, что, какой бы умной ни становилась его новая маленькая игрушка, эта игрушка никогда не попытается его перехитрить. А значит — не придётся постоянно быть начеку.

Затем он, не обращая внимания на закрывшего лицо ладошками мальчика, обратился по коммуникатору, минуя громкую связь, в механический цех. Через несколько минут за дверью послышались тихие шаги.

— Можешь идти, — сказал Аргза чуть мягче. — За дверью тебя ждёт наш стажёр-механик, он покажет тебе всё, что нужно, в том числе и твою комнату.

Нажатием кнопки на стене он открыл дверь, и в коридоре обнаружился чумазый светлорыжий паренёк лет пятнадцати на вид, в тёмно-зелёной спецовке, покрытой пятнами машинного масла. Это был сын главного механика, живущий на корабле почти с самого своего рождения, и Аргза небезосновательно подозревал, что с ним Лиаму будет легче всего найти общий язык.

Мальчишка не пошевелился. Аргза подошёл к нему и легонько потрепал по пушистой голове, и на этот раз тот не отшатнулся — видимо, всё ещё опасался повторной затрепщины за непослушание. Только глянул на него, как маленький забитый волчонок, часто-часто моргая, чтобы не разреветься. Рыжий стажёр неловко мялся, не решаясь переступить порог.

— Иди, — повторил Аргза повелительно.

Сильвению опустил взгляд и коротко поклонился. Он действительно быстро всему учился.

— Да... сир.

Как только дверь за ними закрылась, рыжий сочувственно похлопал его по плечу и сразу же потянул за рукав, утаскивая дальше вглубь коридора. Сильвению, растерянный и напуганный, безвольно тащился следом.

— Меня зовут Джерри, — представился его спутник, пихая его в бок. — А тебя?

— Сильвению Антэ Лиам...

— Ого! — его новый знакомый сочувственно качнул головой. — Наверное, тебе жутко надоедает повторять это каждому встречному? Ну, не хмурься так, нормальное имя, бывает и похуже! Можно, я буду называть тебя Силь?

— Нет. Меня зовут Сильвенио. Я хотел бы попросить не трогать меня. Мне неприятно.

Джерри покосился на него с обидой, но постоянно пихать, подталкивать в бок и нетерпеливо тянуть за руку перестал. Они свернули в какой-то узкий боковой коридор, в котором уныло перемигивались тусклые лампы.

— И откуда ты такой привереда взялся? А, ну да, ты же из этих, из нелюдей с Эрландераны! Про вас говорят, что вы, типа, и драться даже не умеете. Пока мы были на этой планетке, все смотрели на нас как-то свысока — ужасно бесило! — вот и ты теперь тоже строишь из себя незнамо что. А я, между прочим, слышал, что вы вообще бесполезный народец... эй, ты чего? Плачешь, реди коридора, низко опустив голову и закусив губу. Рыжий подошёл и, забывшись, тронул его за плечо, но тут же фыркнул и сам отдернул руку, не дожидаясь напоминания.

— Ладно... чего встал? Пойдём, твоя комната недалеко совсем. Босс, между прочим, одну из самых лучших для тебя выбрал — и не смотри, что тесная, главное, оттуда до тебя не будут доходить ни ругань рабочих, ни их вонь. Потом, если захочешь, покажу тебе остальной корабль.

Комната, и вправду, оказалась тесная — всего пару-тройку метров в длину. Зато на удивление чистая и даже с узкой кроватью, письменным столом и умудрившимся втиснуться в это маленькое пространство пустым шкафом. Сильвенио тоскливо оглядел её, вспоминая собственную комнату в покинутом доме — с большими светлыми окнами, с хитроумными головоломками, с разрисованными им самим стенами, с дружелюбно ластившимися к нему каждый раз живыми книгами, летающими под потолком. Что ж... похоже, детство его действительно кончилось раньше положенного.

После Джерри устроил ему что-то наподобие краткой экскурсии, показав самые важные помещения на корабле — вроде столовой и общей (на несколько сотен человек) душевой. Зрелище это, надо сказать, повергло Сильвенио в ещё большее уныние, но Джерри, сжалившись, рассказал ему про то, что еду можно выпрашивать в отдельном порядке у главного здешнего повара — толстяка с прокуренным голосом и красным от склонности к алкоголизму носом, а мыться — ночью, когда все остальные рабочие спят без задних ног. Это всё, впрочем, всё равно не слишком обнадёживало, и Сильвенио очень долго и внимательно изучал висевший на стене в кухне запутанный план эвакуации, запоминая до мельчайших подробностей — просто так, не для того, чтобы действительно попытаться сбежать (он помнил про маяк; да и куда бежать, если вокруг космос), а чтобы просто знать, что он, по крайней мере, не запутается в этом лабиринте, если так жестоко пошутившая с ним Судьба однажды смилостивится и предоставит ему хотя бы возможность побега.

А потом Джерри по коммуникатору получил приказ доставить Сильвенио обратно к Пауку, и знакомство пришлось прервать. Потоптавшись немного у закрывшейся за Сильвенио двери в кабину, стажёр недовольно что-то проворчал и ушёл помогать отцу, который решил лично исследовать всё, что починили эрландеранцы.

Аргза ждал его с ленивой усмешкой. Его ладонь, будто бы против воли хозяина, снова прошла по синим волосам, и тот обречённо подумал, что, очевидно, теперь ему придётся привыкнуть к непрошенным прикосновениям — вряд ли здесь кто-то будет спрашивать его мнение по этому поводу.

— Ну, мелочь, тебе что-нибудь нужно? В комнату, я имею в виду, — спросил Паук благодушно.

Похоже, привыкнуть придётся и к оскорбительным прозвищам. Сильвенио опустил

взгляд и едва заметно кивнул.

— Я... я бы хотел немного книг... — и добавил неуверенно: — Пожалуйста?

— Ты удивишься, но на моём варварском корабле и так есть целая библиотека, — Аргза хмыкнул. — Можешь ошиваться там столько, сколько захочешь — в свободное от работы время. Ещё что-нибудь?

Наличие библиотеки дарило надежду. Слово "работа" из уст этого человека — внушало разве что страх.

— Я хотел бы попросить краски... сир.

— О, я не ошибся в твоей скромности! Что ж, будут тебе и краски, мне не жалко. Если что-то ещё надумаешь — говори, я посмотрю, действительно ли тебе это нужно. А пока...

Рука Аргзы, протянутая куда-то в сторону, исчезла по самое плечо. Сильвенио узнал так называемую Тёмную технику — магию, позволявшую применявшему её человеку сокращать любые расстояния, что-то вроде частичного и полного телепорта: эта магия помогала пользоваться короткими Путиями, нематериальными тропами реальности, слой которой пролегал прямо над слоем реальности материальной. Для этого важны были два условия: достаточная сосредоточенность мысли и — это было главное — детально-точное представление о том месте, куда необходимо попасть. Аргза, видимо, выполнял эти условия с лёгкостью, потому что, когда его рука появилась снова, в ней уже был зажат какой-то металлический стержень. Сильвенио панически посмотрел на раскалённый конец стержня, сделанный в виде какой-то фигуры.

— Вы же не собираетесь...

— Будь умницей и иди сюда.

Мальчик отчаянно замотал головой и отступил к двери. Упёрся в неё спиной, кинув беспомощный взгляд на открывающую её кнопку на стене — он был слишком мал, чтобы попытаться до этой кнопки сейчас дотянуться. Спасения не было.

— Тихо, малец, ты же не хочешь, чтобы я позвал кого-нибудь, кто будет тебя держать. Я весьма надеялся, что с твоей сообразительностью мне удастся избежать всей этой суеты.

Спасения не было и — он понял это только теперь — никогда не будет. Аргза был совсем близко, равнодушно усмехаясь, и в его руках издевательски пылал металлический прут с набойкой на конце. Сильвенио закричал даже не тогда, когда его коснулись первые волны боли, а тогда, когда он почувствовал жар раскалённого железа возле своего лица.

С болью, впрочем, ему почти повезло: агония длилась только первые несколько мгновений.

Потом порог допустимой боли превысился во много раз, и он просто потерял сознание, малодушно ускользнув в прохладную тьму забвения.

...Джерри не сталкивался с новичком в течение следующих нескольких дней, и о Сильвенио ничего не было слышно. А потом по кораблю прокатилось всеобщее оповещение о том, что Сильвенио пропал, и было приказано его искать. Джерри забеспокоился, хоть и не подал виду: сбежать-то, конечно, у этого мелкого заносчивого (как ему казалось) пацана не получится, но рано или поздно его всё равно найдут, и тогда ему достанется от Аргзы. Младший механик раздражённо вздохнул, наблюдая за лениво отправившейся на поиски охраной: что за проблемная мелочь!

Из вентиляционной трубы слышались странные шорохи. Джерри толкнул решётку, закрывающую трубу, и оттуда на младшего механика вывалился разыскиваемый всюду Сильвенио. Он дрожал и плакал, закрывая глаз рукой.

— Эй, эй... не реви... Я же говорил — тут у нас не жалуют плакс! Ну, малявка, что с тобой опять?

Сильвенио посмотрел на него, убрав руку от лица — и Джерри невольно содрогнулся. Вокруг его правого глаза багровело выжженное на коже страшное клеймо в виде паука. Сам глаз жуткая метка не задевала. Взгляд у мальчика был такой отчаянный, будто он ожидал, что теперь абсолютно все встречные люди будут причинять ему боль. От него пахло лекарствами — похоже, он только-только выбрался из медицинского крыла.

— Клеймо, — выдавил он, глотая слёзы. — И ошейник!.. Я теперь... раб! Я должен был стать Хранителем Знаний! Помогать своей планете! Помогать людям! Помогать маме и папе! А теперь я... раб... у пиратов! И у меня даже... — он затих, и голос его стал совсем беспомощным. — У меня даже шанса на спасение нет... Что мне теперь... делать?

Джерри глубоко вздохнул и присел рядом, прислонившись спиной к холодному металлическому боку топливного бака. Лицо у него было задумчивое и печальное.

— Что делать? — повторил он и невесело усмехнулся. — Привыкать. И желательно — как можно скорее. Ты здесь застрял, чувак. Вероятнее всего — до конца своей жизни, так что... смирись. Клеймо, кстати, есть у каждого на этом корабле.

— У тебя тоже?

— У меня тоже. На плече, — Джерри закатал рукав спецовки, демонстрируя такую же паукообразную отметину. — А ты, к слову, тоже можешь его как-нибудь закрыть, если уж так не хочешь видеть его в зеркале. Скажем, отрасли чёлку. Боссу-то, в общем, пофиг, видно твоё клеймо или нет — он его ставит только для того, чтобы мы не забывали, чья мы собственность. И чтобы об этом знали все, кому вздумается — в случае, если нам как-нибудь неслучайно повезёт — нанять нас на работу следующими.

Сильвенио кивнул, не отвечая. Ему теперь уже было всё равно, с чем соглашаться. Джерри, непроизвольно копируя жест Аргзы, потрепал его по волосам.

— Знаешь, что... — Джерри потянул его за рукав. — Пойдём. Я покажу тебе кое-что, чтобы ты окончательно убедился, что это всё-таки реальность, а не просто кошмарный сон.

Он повёл его какими-то окольными путями, и вскоре они вышли к закопчённой двери с неразборчивым номером на ней. Дверь вела, как обнаружилось, в необъятных размеров котельную, наполненную людьми.

Здесь было жарко; жар, казалось, расплавлял сам воздух, несущий в себе едкий удушливый дым. Запахи пота, дыма, пара и болезни перемешивались, создавая чудовищный смрад. Оглушительный грохот, бивший по ушам, похоже, здесь был обычным делом — во всяком случае, люди, снующие туда-сюда, не обращали на шум ни малейшего внимания. Где-то что-то надоедливо звенело и свистело, где-то что-то стучало, и среди этого по-прежнему отчётливо можно было разобрать цветастую ругань рабочих, которая, судя по отрывочным громким диалогам, заменяла им здесь нормальную речь. Пол был заплёван и покрыт в несколько слоёв какой-то невообразимой дрянью. Несколько десятков человек, грязные с ног до головы, таскали тяжёлые тележки с углём в жадно распахнутые пасти огнедышащих печей, явно измотанные к концу дня от этого труда едва ли не до полусмерти: чтобы обеспечить теплом такое большое судно, в котельных работали практически без передышки. Где-то среди рабочих вспыхивали драки, и тогда вмешивались охранники, разгоняя дерущихся дубинками и ругаясь похуже самих рабочих. Сильвенио вдруг затошнило от всего этого, и он отшатнулся к стене, пытаясь унять головокружение.

— Добро пожаловать в Ад! — провозгласил Джерри торжественно и мрачно, раскинув

руки в стороны в страшном подобии пригласительного жеста.

И, похоже, он вовсе не шутил...

[Запись в бортовом журнале номер МК00012398_01:]

"Пожалуйста, заберите меня отсюда".

[Запись удалена.]

ГЛАВА 2. Незабудка

"Есть поверье, что ангелы, пролетая над землёй, роняют на неё голубые цветы, чтобы люди не забывали о Небе. Оттого эти цветы называют незабудками..."

Пальцы быстро бегали по клавиатуре, выводя на экран, кажется, целые гигабайты данных. Густая чёлка, со стороны выглядящая почти сплошной непроглядной завесой, на самом деле почему-то вовсе не мешала глазу — может быть, он просто привык, в этом всё дело. Перед глазами строчка за строчкой бегали непонятные непосвящённому цифры и коды, и в этом виделось какое-то странное успокоение: нужно было только повторять про себя, что цифры эти ничего не значат, что это самая обычная кодировка, что он не делает абсолютно ничего... Впрочем, абстрагироваться от реальности получалось только до определённых пределов: как ни крути, а взламывание сервера Федерации — не рядовое программирование. Страшно было другое: какая-то его крохотная, оставшаяся нерациональной часть начинала уже как-то по-детски радоваться тому уровню, которого он достиг, и, похоже, собиралась идти к новым высотам...

Аргза попытался проследить за мелькающими на экране данными, но в глазах у него мгновенно зарябило, и пришлось перевести взгляд на обладателя тех самых ловких пальцев, что сейчас с непредставимой скоростью перебирали клавиши.

— Я почти закончил, сир, — сообщил этот обладатель равнодушно, чувствуя его взгляд.

Аргза усмехнулся. За пять лет, проведённые на корабле, Сильвенио ощутимо вырос и стал гораздо более спокойным. И — что самое главное — все пять лет он приносил бесспорную пользу, каждый день регулируя все системы корабля и выбирая нужные маршруты. Он просчитывал траекторию полёта, управлял электропитанием и отоплением в разных отсеках корабля, выискивал информацию про те или иные расы, с которыми они мельком сталкивались, и про их слабые места, составлял отчёты о прибыти с грабежей и расходах на оружие, помогал двигателям выжимать наибольшую мощность, взламывал засекреченные файлы Федерации — словом, полностью оправдывал своё нахождение на этом корабле, и Аргза не уставал думать о том, что тогда, пять лет назад, он очень удачно подобрал себе нового помощника. Сильвенио тогда отнюдь не солгал, сказав, что может заменить добрых две трети его команды.

И вот теперь Аргза сидел в капитанском кресле, а Сильвенио работал, и пират бездумно наблюдал за маячившей периодически перед ним худой спиной, затянутой в плотную тёмно-серую ткань, и за скользившим по этой спине длинному синему хвосту — Сильвенио отрастил волосы по какому-то из обычаев своей родины, придуманному специально для тех, кто по какой-то причине отлучён от родного дома; и теперь несколько смежных прядей на затылке были собраны в тонкий хвост, спускавшийся до поясницы, тогда как все остальные волосы на его голове сохранили прежнюю длину и эту детскую какую-то пушистость, благодаря которой волосы не свисали, а невесомо шевелились от малейшего движения. Мальчишка был теперь долговязый, совсем тощий, как будто недокормленный — хотя Аргза строго следил за тем, чтобы его личному умнику хватало всего необходимого для жизни — но при этом ему как-то удалось избежать обычной подростковой нескладности. Рыжий Джерри, которому недавно исполнилось двадцать один, постоянно жаловался Сильвенио на

то, что в его возрасте он был, в отличие от него, прыщавый и неуклюжий.

Вот Сильвенио снова загородил ему экран, переходя к центральной части консоли. Взгляд Аргзы, скользнувший по узким бёдрам паренька, был неожиданно тёмным и задумчивым.

— Сколько тебе лет? — спросил он вдруг.

— Вопрос некорректен, — отозвался тот всё так же равнодушно, не отрывая от экрана глаз. — Существуют разные системы отсчёта, и следует указать, какую конкретно вы имеете в виду. К примеру, по мерувинской системе отсчёта мой возраст можно определить как девяносто шесть тысяч лет. По системе отсчёта, принятой у ландэрнов, мне два года. На планете Рьюга мне было бы...

— По системе Федерации, Лиам.

— В таком случае, пятнадцать лет, сир.

Аргза ухмыльнулся: пятнадцать — хороший возраст, уже далеко не младенческий. Его ладонь медленно, изучающе прошлась вверх по худой спине.

— Так ты закончил?

— Теперь да...

Сильвенио прекратил вводить данные и вопросительно глянул на него, обеспокоенно хмурясь — его прикосновений он по-прежнему не любил, они вызывали у него почти инстинктивную тревогу. Сейчас же, когда взгляд пирата так странно скользил по его телу, горячая ладонь на спине беспокоила ещё больше.

— Идём за мной.

Сильвенио послушно последовал за ним, хотя всем своим существом ощущал неладное. Чувство это, надо сказать, только усилилось, когда Аргза привёл его к дверям своей спальни.

— Милорд... — попробовал он, наблюдая, как Аргза запирает за ним изнутри дверь. — Могу я узнать, для чего...

— Раздевайся.

Сильвенио застыл. Он посмотрел на Аргзу, скинувшего свою чёрно-синюю шубу, оставшись в одних штанах (странная это была у него привычка — носить шубу практически на голое тело, даже без рубашки, и при этом шубу никогда не застёгивая). Посмотрел на огромную, даже больше своего хозяина необъятную кровать со смятыми простынями. И невольно попятился, уперевшись спиной в дверь. Страх быстро распространялся по телу свои отвратительные щупальца, пробежав мурашками по коже и дрожью в коленях: до сих пор Сильвенио удавалось успешно убеждать себя, что он всегда будет нужен пирату исключительно в качестве своеобразного секретаря и информационного архива. По крайней мере, с этой своей участью он ещё хоть как-то мог смириться.

— Сир... пожалуйста... могу я уйти?

Аргза сел на кровать и похлопал по месту рядом с собой. Сильвенио сглотнул.

— Раздевайся и иди сюда, что непонятного? Не тормози.

Он не двинулся.

— Сир... я... не надо... Что вам нужно? Если... если вы хотите, чтобы я... с вами... то не надо, прошу! Во-первых, осмелюсь заметить, что по законам моего народа я ещё несовершеннолетний, а значит, не могу вступать в подобные отношения. Во-вторых, не могу не напомнить вам о моих... излишне бурных ощущениях. И в-третьих, я... я боюсь вас. К тому же, два последних приведённых мной аргумента означают также, что... то, что вы хотите сделать... не доставит, скорее всего, вам удовольствия. Поэтому... позвольте мне

уйти.

Он старался говорить ровно и уверенно, хотя от страха его голос то и дело сбивался. Но Аргзе, судя по всему, плевать было на все его аргументы. В одну секунду он оказался рядом, прижав его к двери, и снова глаза Паука вдруг стали напоминать две чёрные дыры, затягивающие в себя все остатки мужества.

— Ты, кажется, забываешь, что являешься на этом корабле отнюдь не гостем, которого сюда взяли просто покататься. Ты — мой подчинённый, и ты будешь делать то, что я скажу. И знаешь, ты бы лучше поблагодарил меня за мою снисходительность — я ведь мог бы отодрать тебя прямо в кабине, но великодушно решил, что для твоего первого раза постель подойдёт больше. Однако я ведь могу и передумать, так что прекрати ломаться и проверять моё терпение на прочность. Раздевайся, я хочу на тебя посмотреть.

Паук снова отошёл к кровати. Сильвенио, оценив угрозу, с усилием оторвался от двери и на непослушных, негнущихся ногах подошёл к пирату, на ходу пытаясь расстегнуть молнию на рубашке. Наконец, ему это удалось, и, аккуратно повесив её на ближайший стул, он молча принялся стягивать узкие штаны из такой же тёмно-серой ткани и невысокие сапожки. Затем, вопросительно посмотрев на Аргзу, после недолгих сомнений стянул и нижнее бельё, так же тщательно уложив всё на стул. Нагота была ужасно непривычна, учитывая, что эрландеранцам приходилось укрывать одеждой как можно больше участков тела из-за высокой чувствительности кожи. Без одежды, оставшись в одном лишь проклятом ошейнике, сжимающем горло, под изучающим тёмным взглядом смуглого пирата он чувствовал себя неумолимо незащищённым. Зато Аргза, кажется, остался доволен осмотром.

— Ничего, — хмыкнул пират и резко притянул его к себе, ухватив за бедро. — У тебя неплохое тело. Ни язв, ни сыпи, хорошая кожа. Мне подходит.

Пальцы у него были чересчур сильные, и Сильвенио, прикрыв глаза и поморщившись, подумал ещё, что у него обязательно останутся синяки. Он обречённо замер.

"Три метра, — подумал он, содрогаясь. — Его рост — три метра. И не похоже, что он собирается хоть как-то обо мне заботиться. Мне будет больно... очень больно... Помогите мне, Господи..."

Не открывая глаз, он почувствовал, как его толкнули на кровать, как руки варвара хозяйски прошли по всей длине его тела, исследуя уже наощупь. Почувствовал, как его, словно мягкую куклу, приподняли и перевернули, поставив на четвереньки — варвары были не из тех, кто считал долгие прелюдии в виде поцелуев и ласк достоинством.

"Я спокоен, — внушал себе он, комкая подушку и бессильно утыкаясь в неё лицом. — Я спокоен и я не боюсь... Да, я совсем не боюсь, я совершенно спокоен, ничто из внешнего мира не может нарушить моего покоя..."

Внушение, надо сказать, почти помогло: Сильвенио знал, что главное — непрерывно повторять про себя эту мантру, как в случае с большинством аспектов его работы, и ни в коем случае не открывать глаза. Правда, он чуть было не сбился с мысли, когда ощутил холодное масло — Аргза всё-таки хотя бы это учёл — но потом холод сразу же исчез, и снова стало так невыносимо горячо, что можно было просто раствориться в волнах раскалённого жара и боли.

О, насчёт боли он не ошибся...

Всю оставшуюся ночь после своего первого раза Сильвенио беззвучно плакал, отвернувшись от миглом заснувшего пирата.

А утром, когда тот великодушно освободил его на полдня от обязанностей, предупредив

при этом, что если он, вернувшись, обнаружит его на этом же месте, то повторит произошедшее ночью — Сильвенио, опираясь на стены, кое-как добрёл до своей комнаты, сжался на узкой кровати в комок и — уснул.

Через несколько дней Аргза неожиданно объявил ему, что ему придётся пойти с ним на собрание Альянса пиратов, лидером которого Паук являлся. Сильвенио новость не понравилась: он был убеждён (и не без повода), что его туда берут исключительно для того, чтобы лишний раз похвастаться им как относительно новой игрушкой перед такими же жестокими и испорченными собратьями по ремеслу, хотя Аргза и сказал, что просто хочет, чтобы он представил на собрании одну свою задумку.

Впрочем, как бы там ни было, а Сильвенио не мог отгородиться от своего любопытства, навязчиво нашёптывающего, что хотя бы просто посмотреть на объединение самых известных и самых опасных пиратов было бы весьма познавательно.

К тому же, абсолютно про всех генералов Альянса ходило множество легенд. Когда-то генералов было двенадцать, и — Сильвенио тогда ещё очень удивился, когда нашёл эту старую информацию — Аргзы Грэна среди них не числилось. Зато числился его двоюродный брат, по кличке Чёрный Овен (Сильвенио подозревал, что те, кто осмеливались тогда шутить что-то про "барашков", долго не проживали), который и собрал вокруг себя пиратов, больше всего отличившихся в минувшей тогда большой войне против признания Федерации единым источником закона. Двенадцать капитанов (позже приобретших статус генералов) назвали в честь двенадцати знаков Зодиака, память о которых сохранилась ещё со времён давным-давно уничтоженной Старой Земли, и создали взаимовыгодный союз, напугавший кое-как выигравшую войну Федерацию до дрожи. Но просуществовал могущественный союз недолго — что-то произошло (ни в одном источнике не упоминалось, что именно), и Альянс потерпел крах: Близнецы разорвали свой договор и отделились от союза, убив трёх из двенадцати капитанов, и одновременно загадочным образом пропал сам Чёрный Овен, а его место лидера занял вовремя сообразивший свою выгоду Паук. Правда, позже Пауку удалось объединить оставшихся семерых капитанов заново, но доверием внутри союза больше и не пахло: каждый теперь ждал, что от соратника в любой момент можно схлопотать нож в спину, и эта подозрительная осторожность убила всю сплочённость. По крайней мере, в официальных источниках некоторые смело заявляли, что Альянс уже не обретёт былой мощи.

Местом проведения собрания, как и всегда, был назначен корабль Паука. Какое-то время Сильвенио зачарованно наблюдал в окно за тем, как со всех сторон их окружают многочисленные корабли союзников. Самых разных форм, цветов и размеров, они создавали, надо сказать, впечатление какой-то величественности даже, но величественности почему-то гнетущей. Кто-то прилетел только на своём корабле — Сильвенио заметил даже пару одиночных истребителей, почти гоночных — а кто-то явился в окружении целой стаи кораблей поменьше, явно не просто дружественных, а входящих в подчинение к капитану главного судна. Собрание, вообще-то, проводилось примерно раз в несколько лет, и Сильвенио видел все эти корабли регулярно, но зрелище их прибытия каждый раз его завораживало. На самом собрании он, впрочем, никогда ещё не был, а потому, ступив в конференц-зал вслед за Аргзой, с невольным интересом оглядел собравшихся генералов.

Справа от Аргзы, расположившегося во главе стола, сидела женщина в красных доспехах, сразу же цеплявшая взгляд: у неё были очень яркие янтарные глаза, глядевшие на всех с каким-то извечным вызовом, меч за поясом, тонкая полупрозрачная красная кольчуга,

практически не скрывающая её крепкую фигуру истинной амазонки — сплетённая на самом деле из прочнейшей акариновой стали — и рыжие, коротко стриженные волосы, только на затылке опускавшиеся до плеч неровными обрезанными прядями. Рыжина её, однако, отличалась от рыжины конопатого Джерри — если у механика цвет волос был сравним с мёдом и осенними листьями, то волосы этой женщины горели настоящим лесным пожаром. В этой её рыжине, как и во всём её облике, чувствовалось нечто острое, режущее глаз, мятежное, болезненно-яркое. Сильвению узнал её сразу: имя Красного Скорпиона Хенны было сейчас в мире пиратов на слуху точно в той же степени, что и имя Паука.

Дальнейшие лица он опознал в основном по сохранившимся в его памяти цифровым листовкам с наградами. Мужчина в рогатом фиолетовом шлеме, весь в пирсинге и шипах, с разрисованным какой-то боевой раскраской чёрного цвета лицом и двумя сделанными на древний манер катанами за спиной, сидевший напротив Красного Скорпиона, был известен как Сайго Крэйен, Ядовитый Рог. Слева от него — худой жилистый парень с волосами цвета спелой вишни, непокорно вздымающимися против всяких законов физики вверх и одновременно закрывающими почти всё его лицо, за исключением острого подбородка и кривого красного рта, одетый во всё обтягивающее, абсолютно несочетаемых кричащих цветов — Стрелок, настоящего имени которого никто не знал. У этих двоих не было собственного флота, в отличие от всех остальных здесь присутствующих, но их истребители в бою были незаменимы. Напротив Стрелка расположилась весьма странная парочка: мужчина, всем своим видом напоминающий старых морских пиратов из незапамятных времён, когда это ремесло ещё было сказкой — бронзовый загар, серьга в ухе, простой кожаный жилет, распахнутый на груди, свободно разлохмаченная грива светло-русых волос, жёлтые когтистые перчатки — и голубокожая хрупкая амфибия с характерными жабрами за ушами, сидевшая у него на коленях. Трокс, Тихий Лев, и его возлюбленная Мирта по прозвищу Рыбка, командовавшая флотом амфибий (их шаровидные корабли, доверху наполненные водой, Сильвению сегодня увидел в числе первых) и потому так нужная Альянсу. Сейчас, правда, у Мирты вместо рыбьего хвоста были обычные человеческие ноги. Про Трокса же ходили слухи, будто бы он когда-то был едва ли не самым грозным членом Альянса, его флотилия считалась непобедимой, но затем он как-то раз встретил Мирту, и с тех пор заделался заядлым пацифистом — то есть, он всё ещё мог сокрушить практически любого врага, если хотел, но делал это только в тех случаях, когда враг напал непосредственно на его собственный корабль первым или атаковал флотилию Рыбки.

Последние двое, разместившиеся в самом дальнем конце стола — Юнба Шимей, Весы Правосудия, и приобнимавший её за плечи Водолей, имя которого в листовке значилось самым длинным — Эйритем Мириам Де Швальц Пирметто Тахени. И если Водолей несмотря на то, что являлся незаконнорождённым принцем планеты Къелен — отсюда и нежные руки, усеянные кольцами и браслетами, и инфантильный надменный взгляд, и одежда из чистого шёлка — всё таки обладал довольно мощным флотом и имел вполне пиратские амбиции, то причина вступления в Альянс Юнбы, представительницы почти вымершего загадочного народа с потрясающими способностями к ясновидению, оставалась для всех тайной за семью печатями. Обычно её корабли, как и корабли Блинецов, возникали словно бы из ниоткуда — и так же в никуда исчезали, появляясь там, где силы Федерации могли уничтожить какой-нибудь одиночный пиратский корабль, и помогали пиратам хранить хрупкое равновесие против служителей закона. Но при этом в другое время Весы Правосудия не появлялась вообще, и разыскать её было почти невозможной задачей.

Сильвенио разглядывал её дольше других: самая низкая здесь, большеглазая, с короткими вьющимися волосами цвета светлого металла, в длинной серой тунике и коротких зелёных штанах, она была похожа одновременно и на девочку, и на красивого мальчика, и пол её можно было опознать разве что по титулу "принцесса", значившемуся в архивах напротив её имени. Возможно, из-за одного этого титула Водолей и испытывал к ней такую очевидную благосклонность.

— Что застыл? — позвал его Аргза недовольно, отвлекая от мыслей. — Успеешь ещё поглазеть, а сейчас иди сюда, тебя ждём. Кстати, — обратился он уже к собравшимся. — Это мой новый помощник, Лиам. Немного тормоз, зато весьма полезный. И я надеюсь, что он сейчас наглядно продемонстрирует свою пользу, рассказав нам всем кое-что интересное.

Уловив намёк, Сильвенио вздохнул и всё-таки подошёл к нему. Под выжидающими взглядами собравшихся пиратов он начал говорить о новых оружейных разработках, которые Паук недавно достал, и о том, как можно избегать встреч с правительственными кораблями, загружая в систему управления кораблём созданную им программу. Этой программой он совсем не гордился, и не только потому, что она служила отнюдь не благим целям — программа была ещё не доработана, а недоработок он не любил, но Аргза сказал накануне, что и этого пока хватит.

— Как я уже сказал, это не гарантия, и я могу предложить...

Он резко замолк, ощутив, как рука сидевшего рядом Аргзы скользнула за ткань его брюк. Он оглянулся и попытался отойти, но пальцы варвара тут же грубо сжали его ягодицы. Сильвенио подумал, что, будь у него в организме чуть больше нормальной красной крови, то он бы сейчас был атомно-красным вплоть до корней волос.

— Сир... — прошептал он испуганно. — Что вы делаете?

Аргза не ответил, препогано ухмыльнувшись:

— Продолжай доклад, Лиам.

Сильвенио сглотнул и снова повернулся к собравшимся, стараясь не смотреть им в глаза. Он уже уяснил, что с Пауком лучше не спорить, иначе абсолютно любая попытка может стать в разы хуже.

— Я предлагаю... использовать такую систему, которая... Сир, пожалуйста, перестаньте!

Один палец уже оглаживал отверстие, всё ещё не зажившее после той ночи. Сильвенио раз за разом пытался продолжить доклад, но всё равно сбивался, и приходилось начинать сначала. Для него, до десяти лет росшего среди убеждений, что личная жизнь каждого — дело глубоко интимное и на людях невежливо даже целоваться, эта выходка варвара вылилась в настоящий кошмар наяву. Ему казалось, что лучше бы он немедленно провалился сквозь землю, исчез, испарился от стыда. Когда же Аргза совсем потерял всяческие понятия о приличиях и проник пальцем внутрь, Сильвенио едва сумел подавить крик. Он продолжал пытаться всё ещё что-то сказать, хотя и понимал, что представляет собой невыносимо жалкое зрелище — вцепившийся в край стола до побелевших костяшек пальцев, хватающий ртом воздух, давящийся собственными словами, и при этом — не смеющий даже возразить из опасения сделать хуже. Хотя уже, казалось бы, куда хуже — но Сильвенио был научен горьким опытом.

Совершенно отчаявшись, он всё-таки решился посмотреть на остальных генералов, надеясь, что кто-нибудь из них наконец прекратит это безобразие. И — ужаснулся.

Красный Скорпион хмурилась и критически осматривала вмятины на своих доспехах.

Ядовитый Рог скучаяще протирал катану платком. Стрелок — тот и вовсе откровенно кривил рот в нехорошей, похотливой усмешке; пожалуй, хорошо даже, что из-за густой красной чёлки нельзя было увидеть его глаза. Трокс и Мирта, занятые влюблённым воркованием друг с другом, вообще ничего вокруг не замечали, их мир состоял только из них двоих. Весы и Водолей просто смотрели, и в их глазах не читалось абсолютно ничего — ни сочувствия, ни интереса, ни даже скуки. Им всем было абсолютно всё равно, что на их глазах фактически насильовали пятнадцатилетнего мальчишку, и Сильвенио подумал мельком, что вряд ли кто-нибудь из них вообще его слушал.

Слёзы затопили его глаза, и он, прекратив уже все попытки связно говорить, просто уронил голову на грудь и зажмурился, не в силах это выносить.

Но оказалось, что всё-таки не все здесь заражены этим проклятым равнодушием.

— Аргза! — Красный Скорпион яростно вскочила со своего места, едва не опрокинув кресло. — Кончай издеваться над пацанёнком! Мы здесь собрались не для того, чтобы смотреть на твои извращения! Не трать моё время, чёрт бы тебя побрал!

— О? — в голосе Аргзы слышалась насмешка. — Что я вижу? У нашей валькирии проснулся нежданно-негаданно материнский инстинкт?

Воительница пнула своё кресло, и оно улетело в другой конец комнаты. Янтарные глаза её сверкали, колючий ёжик рыжих волос будто бы ощерился ещё больше.

— Не зарывайся, Аргза! Повторяю ещё раз, если ты оглох: не трать моё время! Мои солдаты сейчас штурмуют семьдесят вторую базу грёбаной Федерации, и я, как их командир, должна быть сейчас с ними, а вместо этого я, заметь, торчу тут, вынужденная наблюдать твоё дебильное шоу! С меня хватит!

— Семьдесят вторая база — полупустые развалины. Всё, что там есть на данный момент — это вышедшие из строя автоматические пушки и кучка разленившихся солдат. Твой штурмовой отряд прекрасно справится и без тебя, если, конечно, ты не набрала каких-нибудь неопытных дохляков, Хенна.

Руку он, однако, убрал, и Сильвенио уже за это был благодарен своей злой судьбе.

— Я знаю, что они справятся! Но я их командир! А потому — я ухожу, Аргза. Уж лучше я буду смотреть, как мои парни рушат базу Федерации, чем на тебя и на твоего сопляка.

Она направилась к двери, застучав тяжёлыми каблуками своих сапог. Однако по пути она вдруг остановилась, словно бы вспомнив о чём-то, и приблизилась к Сильвенио, чтобы резко встряхнуть его за плечи, заставляя посмотреть на неё.

— А ты, пацан, послушай меня, — он покорно поднял взгляд и посмотрел в её ясные, решительные глаза, похожие на два миниатюрных Солнца. — То, что ты позволяешь себе демонстрировать свою слабость при посторонних, не делает тебе чести. Ты этим только раздражаешь. Я не знаю, где ты жил и чем занимался до того, как попал к Пауку, но теперь это не имеет значения: ты теперь числишься в рядах пиратов, и здесь твои сопли не помогут. Если хочешь выжить в этом мире, ты никогда, ни при каких обстоятельствах не должен позволять другим видеть свои слёзы. Если хочешь — уходи и хнычь в одиночестве, но не при чужих. Для таких ублюдков, как он, — она с презрением кивнула на насмешливо наблюдавшего за ними Аргзу. — Твоя слабость — только лишний повод повеселиться. Ты меня понял?

Сильвенио кивнул, всхлипнув в последний раз. Он смотрел на неё — яркую, красно-рыжую, воинственную. Сильную. И понимал, что она права: если он будет плакать, никто не станет принимать его всерьёз.

— Да, — сказал он. — Я понял. Благодарю вас, леди.

— Эй, Хенна, — тут же хмыкнул Аргза. — Ты сегодня на редкость многословна. Не знал, что у тебя бывает настроение читать морали.

Она фыркнула, распрямляясь, и показала ему средний палец.

— Пошёл нахер, Паук.

Красный Скорпион вышла из конференц-зала, не попрощавшись ни с кем, широким, размашистым шагом. Сильвенио заметил ещё по своей привычке замечать любую мелочь, что походка у неё совсем не женская — без единого намёка на кокетство, тяжёлая и уверенная, военная.

Это была Хенна, самая удивительная женщина в его жизни.

После ухода Скорпиона остаток собрания прошёл как-то смазанно. Аргза больше к нему не лез и позволил закончить доклад, который, впрочем, всё равно ни на кого не произвёл впечатления. И лишь одно событие ещё имело значение для Сильвенио: после собрания к нему подошла Юнба.

— Ты хочешь спросить нас, почему мы присоединились к пиратам, — произнесла она уверенно.

Сильвенио кивнул, не удивляясь — о способностях этого народа к предвидению он был уже наслышан, как и о том, что они в разговорах никогда не говорят от первого лица. Всегда только "мы", всегда только "наше", как будто весь народ — единое целое. Аргза, проходивший мимо, заинтересованно остановился, положив руки сзади на плечи Сильвенио: ему тоже было интересно послушать Весы.

— Мы здесь, чтобы наблюдать. Нам наскучило сохранять нейтралитет, потому что близятся большие перемены, которые коснутся всего мира. И мы бы хотели быть ближе к эпицентру этих перемен, одним из которых являешься ты, Сильвенио Антэ Лиам.

— Я? Но почему?

Юнба помолчала. После пылающих глаз Хенны глаза этого существа, холодного зелёного оттенка, казались Сильвенио какими-то чересчур пустыми и тусклыми.

— Мы видели все возможные концовки, — пояснила она наконец. — Но только две из них затронут всю Вселенную. Один конец означает уничтожение мира как такового. Другой приведёт к бесконечной и безжалостной войне, которая в итоге приведёт к его полному разрушению. Мы не можем раскрыть тебе пока, к какому из этих вариантов ты имеешь непосредственное отношение, как и то, каким образом всё это произойдёт. Но сегодня мы хотим сказать, что рады познакомиться с тобой лично, Сильвенио Антэ Лиам.

— Но... вы ошибаетесь... я никогда не сделаю ничего, что может принести вред — тем более, в таких масштабах...

— Мы никогда не ошибаемся, Сильвенио Антэ Лиам. До встречи.

С этими словами она покинула зал, уведя за собой безмолвного Водолея, липнущего к ней наподобие пиявки. Затем и Аргза потянул потрясённо застывшего Сильвенио в коридор, и собрание можно было считать оконченным.

Этим же вечером, когда корабли союзников отбыли, он пришёл к проверяющему двигатели Джерри, и долгое время молча сидел рядом с ним на полу, находя успокоение в одном только присутствии друга рядом. За эти пять лет у него, кажется, так и не появилось никого ближе конопатого механика.

— На тебе лица нет, — заметил Джерри пронизательно, глянув на него. — Что, собрание Альянса прошло настолько паршиво? Кстати, генерал Хенна — действительно

такая знойная, как о ней говорят?

Сильвенио качнул головой: собрание, разумеется, прошло ужасно — в основном из-за кошмарной выходки Аргзы, но короткий миг общения с Хенной и загадочное предсказание Юнбы (пусть и мрачное, зато весьма любопытное) вполне искупляли этот инцидент.

— Я не совсем уверен, что правильно понимаю значение термина "знойная", употреблённого тобой, и потому не могу сказать, как этот термин соотносится с леди Хенной. Что же касается собрания... нет, не в этом дело. Мне просто не хочется... идти спать. Господин Аргза может ждать...

Джерри нахмурился, вытирая испачканные чем-то чёрным руки ближайшей тряпкой. Взгляд синеволосого товарища ему не нравился.

— Что он с тобой опять сделал?

Сильвенио вспыхнул и покрылся бледно-розовым румянцем. Он всё не решался рассказать механику о том, что ввязался теперь в такие постыдные отношения — пусть и без своего согласия. С одной стороны, негоже было посвящать кого-либо в такое дело, а с другой — Джерри всегда его поддерживал, хоть и ехидничал порой по-доброму. Впрочем, вопрос был задан, и не ответить он, в любом случае, просто не мог.

— Шесть дней назад он... привёл меня к себе в спальню и...

— Понятно, можешь не продолжать, — тот вздохнул и присел рядом. — Ничего не поделаешь. Он... ну... со всеми приглянувшимися это делает, короче. Женщин на корабле приличных нет, сам понимаешь, а те, что есть — замужем за рабочими и страшные, как смерть, от такого режима существования. А подчинённые, вроде как, всегда под рукой, и за ними не надо лететь на какую-нибудь планету, и платить не надо за... услуги. Я, правда, надеялся, что тебя-то он не тронет, потому что ты же у нас не просто там обычный работник — на тебе весь корабль держится фактически, да и личный комфорт босса тоже. Но, видимо, ему всё-таки пофиг на твою полезность. Сочувствую.

Сильвенио вздрогнул.

— И... с тобой он тоже?..

— Угу. И меня тоже никто не спрашивал. Так что не переживай так, ладно? Рано или поздно ты ему в этом качестве надоешь, и он перестанет тебя мучить.

Перспектива была почти что обнадеживающей. Хоть что-то, подумалось ему. Он позволил себе даже помечтать немного, что однажды он перестанет быть варвару полезным и в плане остальной работы тоже, и тогда, вероятно, его отпустят домой и...

Да нет, скорее всего, его убьют. Сильвенио на самом деле знал это очень хорошо, и поэтому мечтать как-то не получалось. Он вздохнул.

— Не вздыхай тут, малявка, — буркнул механик, вдруг нахмурившись и поднявшись на ноги. — Лучше помоги мне.

— А? Конечно, что надо сделать? — он поднялся следом и вопросительно посмотрел на друга.

— У нас топливо кончится через три дня. Если я скажу об этом боссу сам, он в меня сразу швырнёт что потяжелее — и ведь попадёт, сволочь.

— Но почему? Мы же в торговой зоне, здесь можно достать топливо за два часа до полного опустошения баков...

Джерри раздражённо махнул в его сторону полотенцем и направился вдаль по коридору в направлении кабины управления. Сильвенио шёл за ним, недоумевая.

— Ага, можно-то можно, да только это если тебе надо обычное топливо. А наш босс

считает себя таким уникамом и топливом пользуется только специальным, чтобы двигатели могли работать всегда на полную мощность и при этом не изнашиваться. И при этом дело теперь не только в его причудах: после стольких лет двигатели больше ни на чём другом и не работают. Ты разве не знал? А, ну да, ты ведь у нас "белый воротничок", в грязный цех и носа не сунешь без необходимости... Так вот: для достижения нужного результата топливо у нас используется только вкуче со специфичной добавкой, которую мы покупаем у одной ведьмы. В отличие от самого топлива, эта добавка расходуется очень медленно, потому что там всего-то полщепотки на целый бак надо, поэтому ты, наверное, и не участвовал пока в этом. Но ведьма живёт у чёрта на куличиках, так что...

— Ну, хорошо, я понял — сообщать о том, что запасы подходят к концу, надо как можно раньше. Но я по-прежнему не понимаю, чем я могу тебе тут помочь.

— Очень просто. Ты скажешь это боссу вместо меня.

— А ты не думаешь, что в меня он тоже может что-нибудь швырнуть?

Джерри уставился на него, как на идиота.

— В тебя-то? Да босс с тебя едва ли пылинки не сдувает! Не замечал, что ли? У тебя же на корабле самые лучшие условия после босса! Комната отдельная и практически со всеми удобствами, качественная одежда, подогнанная под твой размер, десятичасовой — а не восемнадцати! — рабочий день, не нормированное питание — ты хоть знал, что остальные тут вообще на кухню больше двух раз в день заходить не могут? — и, к тому же, он тебя почти не бьёт. А если и бьёт, то даже тогда явно щадит. Улавливаешь, друг мой? Если мне он за запоздалое сообщение о топливе разобьёт башку об стену, то ты отделаешься лёгким недовольным упрёком. Блин, спорим, он и трахал тебя со смазкой, а не насухо!

Сильвенио удивлённо замолк: он и не подозревал, что ему ещё так повезло относительно других рабочих. Интересно, с чего такое особое к нему отношение? Не из-за его же ума...

Новость из его уст Аргза воспринял действительно спокойнее, чем можно было ожидать. Правда, Джерри всё равно досталась смачная оплеуха — настоящего виновного в опоздании сообщения Аргза просёк быстро.

— Придётся лететь прямо сейчас, даже если сожжём всё топливо, — задумчиво проговорил пират, выставляя Джерри за дверь.

Сильвенио поводит механика печальным взглядом, но ничего не сказал, когда Аргза, мимолётно погладив кончиками пальцев его шею, ухватил за плечо и потащил к другому коридору, ведущему к его спальне.

Закрывать глаза и просто покориться чужой воле и на этот раз оказалось самым мудрым решением.

Но, помня слова Хенны, Сильвенио больше не плакал, и уже это было достижением.

Через три дня, когда они подлетели к какой-то заброшенной крохотной планетке, на главном экране возникло лицо неприятной на вид старухи, напоминавшей высушенную до капли сливу. Увидев Аргзу, она хитро улыбнулась беззубым почти ртом.

— О, Паук! — обрадовалась она. — Сколько лет, сколько зим, сколько вёсен!

— Да-да, Крига, и тебе здравствуй. Давай сразу к делу. Я, как обычно, за товаром. Всё сжёг по пути сюда, так что давай-ка без долгих приветствий.

Старуха расхохоталась каким-то каркающим, хриплым смехом. Сильвенио от этого смеха едва заметно передёрнуло: в его детстве ему никто не читал сказок про страшных ведьм (это считалось непедагогичным), но позже ему хватило немного почитать такие сказки самому.

— Что, и даже не поговоришь с бедной старушкой, хитрый Паучок? — она всё ещё смеялась, но глаза у неё были холодные и расчётливые, как у хищной птицы. — Ай-ай, все сейчас спешат, все суеются, никто и слова доброго не молвит...

— Крига, — её кривляния произвели эффект: Аргза улыбнулся, но голос его звучал предупреждающе.

Больше ничего говорить не понадобилось — Крига перестала разыгрывать из себя несчастную добродушную бабушку, и улыбка её сразу стала какой-то кривой и такой же хищной, как и её взгляд.

— Плата, как всегда? — спросила она быстро.

— Разумеется. Я пошлю к тебе кого-нибудь из младших рабочих.

— Нет. Я выбираю мальчишку, который стоит рядом с тобой.

Аргза, до того весёлый и непринуждённый, разом напрягся. Сильвенио вздрогнул повторно, почувствовав на себе цепкий, пронизывающий насквозь взгляд старухи, пробирающий даже через видеоканал.

— Послушай, — сказал Паук уже с гораздо большей угрозой и с гораздо меньшим дружелюбием. — У меня нет времени и настроения на твои капризы, Крига. Я сказал, что пошлю кого-то из младших рабочих, а не своего личного помощника. И я не сказал, что предоставляю тебе выбор.

— На нет и суда нет, Паучок, — старуха снова неприятно рассмеялась. — Ты, конечно же, помнишь, что у моей маленькой планетки система защиты такая, что может уничтожить даже твой боевой корабль, если вздумаешь напасть? Помнишь ведь и то, что без моего топлива ты никуда не улетишь отсюда? Вот и отлично. Передумаешь — я на связи.

Аргза смачно выругался.

— Чёрт с тобой! Лиам пойдёт к тебе. Но клянусь, если ты...

— Вот и договорились, Паук! — и она, не дожидаясь, пока тот договорит, отключила связь.

Аргза резко помрачнел. С минуту он не произносил ни слова, и это молчание встревожило Сильвенио, которого помимо его воли, похоже, подписали на что-то опасное. Он осторожно коснулся плеча пирата, обращая на себя его внимание.

— Что я должен сделать, сир?

— Пошли. На месте узнаешь.

Аргза поднялся из кресла и молча куда-то пошёл. Сильвенио, вздохнув, направился за ним. Они дошли до экстренного телепорта, откуда можно было связываться исключительно с такими же телепортами во избежание того, чтобы оказаться в открытом космосе — Тёмную технику Аргза мог использовать только для себя, да он никогда и не был лично в этом месте назначения. Сильвенио хотел шагнуть в телепортационный круг, уже смирившись, что ему не собираются ничего объяснить, но Аргза, до этого не произнесший ни слова, вдруг сильно, резко схватил его за плечо, наклоняясь к нему так, чтобы смотреть в

глаза.

— Сир... мне больно... не могли бы вы...

— Слушай меня внимательно, Лиам, — взгляд Паука был какой-то странный, неопределимый. — Эта ведьма обожает, когда к ней приходят какие-нибудь малолетние курьеры. Когда я дам сигнал, ты окажешься внизу, и от того места, где ты будешь, до её дома идти строго на запад часа два-три — это единственная ближайшая постройка в округе. Там отдашь ей это, — он вручил ему раздобытый в недавнем грабеже какой-то артефакт. — И возьмёшь два мешка с товаром — это основная задача. На деле же... на деле же Крига пока вернула мне только двух из пятидесяти посланных к ней в разное время подчинённых. Не знаю, что она с ними делает — и знать не хочу. До сих пор мне было на это совершенно похрен. Однако на этот раз она запросила кое-что поценнее обычного служащего. Я намерен вернуть тебя оттуда во что бы то ни стало, ты меня понял? Ты должен запомнить: зови меня на помощь, если что случится. Ты ведь уже хорошо владеешь телепатической связью?

Сильвенио, которого этак завуалированно поименовали "ценной вещью", безразлично кивнул.

— Да, сир. Я вполне способен открыть для вас двусторонний мысленный канал.

Аргза чуть усмехнулся одобрительно и наконец отпустил его руку, наверняка снова оставив внушительные синяки. У Сильвенио осталось привычное уже ощущение того, что его плечо побывало в железных тисках. Но потом варвар зачем-то осторожно, ласково погладил его по волосам, как любимого домашнего питомца, и взгляд его стал ещё более странным.

— Хорошо. Тогда можешь идти. Помни, что я приду на помощь сразу же, если ты позовёшь. Непременно приду, ясно?

Честно говоря, Сильвенио вовсе не думал, что когда-либо станет звать этого человека на помощь, но его слова на всякий случай принял к сведению.

Это была третья важная фраза в его жизни, которую он решил воспринимать как непреложную истину. Первой из них было указание леди Хенны про слёзы и слабость. Второй — предсказание Юнбы. И вот теперь третьей была эта нехитрая аксиома: если с ним случится что-то плохое, нужно звать на помощь Аргзу Грэна, своего хозяина. По крайней мере, до тех пор, пока он будет для этого хозяина полезным...

Телепорт переместил его в безлюдную степь, сплошь покрытую жёсткой жёлтой травой. Сильвенио долго стоял, пользуясь редкой возможностью побыть в полном одиночестве, и какое-то время просто бездумно смотрел на синеющее в вышине небо, задрвав голову. Он пытался разглядеть в этой ослепительно-яркой безмятежной синеве корабль Паука, но не разглядел даже чёрной точки — слишком далеко. Потом шея окончательно затекла, и только тогда он наконец сдвинулся с места, вдруг вспомнив о встроенном в ошейник маяке и о нетерпении Аргзы.

Полуразвалившуюся хижину он нашёл в указанном направлении сразу же: вокруг, и правда, не видно было никаких других соседей. Крига — низкая, скрюченная, одетая в какие-то драные неопределимого цвета лохмотья — встретила его у порога с явным неудовольствием, будто уже действительно давно его ждала, и без всяких слов затащила внутрь. Никак не отреагировав на его церемонные приветствия, принялась что-то готовить, отвернувшись спиной и не особенно любезно указав ему на лавочку за покосившимся столом, и ему ничего не оставалось, кроме как сесть на лавочку и молча ждать своей участи.

В прочитанных им сказках у таких злобных ведьм в доме обязательно хранились всякие

жуткие вещи: засушенные головы, человеческие глаза в банках, отрубленные конечности животных и прочее. Однако, оглядевшись, здесь Сильвенио видел только связки каких-то ароматных трав и несколько рваных тряпиц, и оттого ему становилось даже более комфортно: уютный домишко в деревенском стиле никак не желал увязываться в его голове с образом страшной колдуньи, которая куда-то девала сорок восемь молодых рабочих и угрожала Пауку уничтожить его корабль. Незвестность томила, он был готов уже практически к чему угодно, когда шёл сюда — но явно не к тому, что его посадят на лавочку и будут игнорировать. Ведьма же, очевидно, догадывалась о том, что незвестность всегда разъедала гораздо хуже самых неутешительных результатов, потому что обращать своё внимание на гостя она явно не спешила.

— Пожалуйста, не убивайте меня, — сказал он вдруг, не выдержав. — Я не хочу умирать.

Старуха вдруг неожиданно развернулась к нему, пронизательно прищурившись.

— Значит, твоя жизнь тебя вполне устраивает, маленький слуга большого Паучка?

Сильвенио задумался. Разумеется, его не устраивало существующее положение вещей, его не устраивало абсолютно ничего из того, что с ним произошло за последние пять лет, включая сам момент похищения. Его не устраивало и то, что с каждым днём он становился всё больше равнодушен к собственной жизни, научившись смиряться с абсолютно любыми её поворотами.

— Нет, — ответил он тихо. — Мне совсем не нравится быть слугой. Но умирать я всё равно не хочу.

— А чего тогда хочешь?

Он моргнул.

— Пожалуйста, уточните свой вопрос.

Старуха глядела на него неотрывно, по-прежнему шурясь, будто бы пробегая взглядом по самой его душе и визнавая все его тайны. Но — у него не было никаких тайн, и в этом она здорово просчиталась.

— Представь, что я могу исполнить любое твоё желание. Чего бы ты пожелал, мальчик? Может быть, денег столько, чтобы купить весь мир и никогда больше не знать той беды, в которую ты попал?

— Нет.

— Может быть, ты пожелал бы такого зелья, которое мигом бы убрало из памяти все плохие воспоминания и ощущения?

Он на мгновение задумался, а потом так же решительно замотал головой.

— Нет.

— Тогда, может быть, ты пожелал бы мести? Мести тому, кто сделал тебя своим рабом? Власти над ним?

— Нет. Я не хочу этого. Месть — слово не из моего языка. Мой народ... не мстит. И не добивается власти.

Старуха усмехнулась и, кажется, взгляд её стал несколько озадаченным.

— Удивительно, что ты всё ещё помнишь заветы своего народа после всей той грязи, в которую наш Паучок тебя окунул, мальчик... Но чего же ты тогда, в таком случае, хочешь?

Он посмотрел на неё — замученно и устало. Все мышцы его тела, казалось, болели после сегодняшней ночи, которую Аргза опять заставил провести в его постели, болела и душа, истосковавшаяся по хоть каким-то положительным эмоциям за все эти годы.

Сильвенио сделал глубокий вдох и на медленном выдохе отчаянно закрыл лицо руками.

— Покоя, — проговорил он с безысходностью. — Я пожелал бы покоя. И вернуться домой... да, домой... Мне больше ничего не надо...

И тогда Крига поставила перед ним на стол... стакан молока. Свежего, судя по запаху и виду, при том, что в округе не водилось ни одного млекопитающего. На удивлённо-вопросительный взгляд Сильвенио она только усмехнулась и кивнула на молоко.

— Выпей это, мальчик. Ты терзался тайной, куда подевались предыдущие посланники Паука, и вот этой тайны решение: это молоко я давала абсолютно всем его курьерам, а потом они засыпали и видели во сне то, чего больше всего в жизни желали — с той оговоркой, что потом получали во сне всё, что честно заслужили. Сорок восемь твоих предшественников умерли, не просыпаясь, и смерть тридцати из них была очень мучительной. Пей, и ты тоже получишь, что заслужил. Не бойся старой ворчливой Криги.

Сильвенио выпил, и его мгновенно потянуло в сон. Последняя его мысль была о том, что Вселенная, похоже, до сих пор полна поистине изумительных неизведанных уголков...

...Аргза собирался уже пойти к ведьме лично, наплевав на все возможные последствия. Лиамма не было слишком, слишком долго, и неясная тревога уже ощутимо царапала где-то под крепкими рёбрами. Мальчишку терять сейчас совершенно не хотелось, и Аргза даже позволил себе признаться, что причина этого крылась не только в несомненной выгоде, которую он приносил. В чём ещё эта причина крылась, Аргза не знал и словами сформулировать для себя даже не пытался: это всё равно было бесполезное занятие. Но желание сохранить при себе мальчишку любой ценой от этого нисколько не уменьшалось.

И вот тогда, когда он уже опасно близок был к тому, чтобы идти на посадку, Сильвенио возник прямо на полу кабины, укрытый какой-то ободранной шалью и в обнимку с двумя мешками нужного для топлива химического порошка. Он спал, свернувшись клубком вокруг мешков, и улыбался сквозь сон до того безмятежно и счастливо, что Аргза почему-то не решился его будить. Никогда в жизни он не страдал ничем, даже отдалённо напоминающим нерешительность, но теперь, когда хрупкий синеволосый подросток лежал перед ним и улыбался сквозь сон, он определённо познал это явление на себе. Чёрт его знает, почему эта улыбка так ему понравилась, почему ему вообще было хоть какое-то дело до этого малолетнего слабака с планеты надменных и заносчивых чудаков, считающих себя умнее всех на свете — но факт был в том, что он не только не разбудил его, но и аккуратно перенёс на кровать. На свою — чтобы не искать к ночи.

Самому Аргзе Грэну, грозному варвару, лидеру Альянса Пиратов, главнокомандующему огромным флотом Паука, сны не снились никогда.

[Запись в бортовом журнале номер МК0JU12765_34:]

"Мам, пап... Не волнуйтесь там за меня, ладно? Я не скажу, что у меня всё хорошо — у меня всё плохо. Но я жив, жив и всё ещё могу надеяться на лучшее. А это главное."

[Запись удалена.]

Такой подарок может означать предложение дружбы или желание возобновить прерванное знакомство.

Эрлана, святая мать Эрлана, горела. Апельсиново-оранжевое небо сделалось совершенно чёрным от закрывшего его дыма, нежные переливы изумрудной травы превратились в море безжалостного пламени, пожирающего плодородную землю. Леса, чудесные девственные леса кричали от боли, корчилось в агонии каждое дерево, и жители Эрланы (Эрландераны, как называли её невежественные пришельцы) всем сердцем ощущали эту боль своей планеты.

Мама взяла его за руку, и её красивые сине-зелёные глаза были полны слёз. В свете красного зарева, приближающегося с каждой минутой к их дому, лицо мамы казалось отлитым из тонкой акариновой стали. Зелёные кудри отца в этом свете приобрели ядовито-жёлтый оттенок. Сильвенио было снова десять, и он, в отличие от родителей, которые пытались остановить огонь непрекращающимися заклинаниями, абсолютно ничего не мог поделать. Он только стоял и смотрел на окружающее их со всех сторон пламя, в одной руке сжимая ладонь матери, а в другой — связку перепуганно жмущихся к нему любимых книг. Мама дрожала от перенапряжения и страха, она никак не могла понять, почему вся магия эрланцев вдруг оказалась бессильной — в их истории ещё никогда такого не случалось. Зато папа улыбался, как всегда. Улыбался спокойно и обречённо, как будто ни капельки не боялся, и Сильвенио вдруг стало ужасно стыдно за то, что он не такой смелый, как папа. Когда огонь подступил к дому вплотную, папа тоже взял маму за руку и обнял их с Сильвенио — на прощание. Мама сказала: "Ничего. Спасибо, что вы были у меня, мои дорогие. Я люблю вас обоих." Сильвенио не сказал ничего — ему было слишком страшно...

...Реальность вернулась так резко, что Сильвенио едва не задохнулся от столь внезапного выброса из сна. Он рванулся, закричал, выдираясь из липких щупалец кошмара и — тут же попал в железное кольцо чужих рук, вынужденно уткнувшись в широкую, словно стена, грудь лежавшего рядом варвара.

— Тихо, тихо, — прогудел Аргза недовольно и сонно, и низкий голос отдался в его груди лёгкой вибрацией. — Чего скачешь? Не буди меня лучше, или я наплюю на твоё "не надо сегодня" и успокою тебя сам.

Сильвенио не ответил: он всё пытался успокоить дыхание и выбросить кошмар из головы. Аргза медленно и задумчиво провёл ладонью от его затылка до поясницы, продолжая прижимать его к себе.

— У тебя как будто температура, — заметил он. — Заболел, что ли? Где умудрился-то? Или кто-то по моему кораблю заразу разносит, а я не знаю?

И как он, интересно, определяет чужую температуру, если сам вечно горячий, как будто у него внутри, по меньшей мере, атомный реактор спрятан? Сильвенио в сравнении с ним казался почти что ледяным.

— Нет, я... всё в порядке, сир. Я не болен. Просто... перенервничал из-за кошмара. Не хочу, кстати, ставить вам это в упрёк, но замечу, что до встречи с вами мне кошмары не снились никогда раньше, потому что это явление — признак не совсем здорового психического состояния. А до знакомства с вами я был... здоров.

— Мне не снятся ни кошмары, ни какие-либо другие сновидения, однако при этом ты постоянно намекаешь мне в последнее время, что моя психика заслуживает тщательного лечения.

Сильвенио прикрыл глаза, постепенно успокаиваясь. Как ни странно, в горячих руках варвара о кошмарах думать не хотелось. Когда пират говорил, грудная клетка его издавала забавные вибрации, и это делало реальность достаточно уютной, чтобы немного расслабиться. Старое, вбившееся в голову иррациональное утверждение, что Аргза не даст его в обиду — ну конечно, он же может обижать его только сам — неизменно действовало даже сейчас.

— Вам не снятся кошмары, потому что вы творите их наяву. И это тоже весьма говорящий признак... милорд.

Аргза опрокинул его на спину и навис сверху, жадно прикинув губами к его шее. Губы у него были жёсткие и обветренные, сухие, тоже неизменно горячие. Что-то такое было в его поцелуях, которыми он поначалу совершенно не баловал, что заставляло почувствовать на себе жаркое дыхание неприветливых Архагльских степей, почувствовать дикий и злой тамошний ветер, одновременно лихой и свободный. Как будто разума вместе с каждым прикосновением его губ осторожно, изучающе касались какие-то особые степные бесы — жадные, огненные, с разбойничьими замашками и хитрыми мордами. У Сильвенио закружилась голова.

— Скажи ещё, что тебе не нравится. Руки в стороны.

Он подчинился, раскинув руки ладонями вниз — чтобы заранее вцепиться в простынь. Но не от боли, а от того, что подобными поцелуями Аргза начал покрывать всё предоставленное ему тело — чуть прикусывая кожу, вбирая её губами и оставляя цепочки вызывающих красных следов, вылизывая сгибы локтей и ключицы. В последнее время это стало у пирата любимым развлечением — и обязательно, чтобы при этом Сильвенио держал руки широко раскинутыми, потому что именно в таком положении тот сильнее всего ощущал свою незащищённость. Сильвенио понимал, зачем Аргза это делает: он приучал его подсознательно доверять ему, не закрываться, не защищаться от него, показывая, что не причинит ему вреда. Сильвенио понимал и то, что вред ему всё равно так или иначе причинят, что эта мнимая безопасность — всего лишь иллюзия. И если инстинктивно он уже готов был ему довериться (инстинктам нужен был только один довод: открытый живот не атакуют — значит, друг), то разумом он по-прежнему боялся Аргзы.

Честно говоря, Сильвенио не знал, нравится ему это или нет. Та гамма самых разнообразных контрастирующих между собой ощущений, которая открывалась ему в результате таких вот манипуляций пирата с его телом из-за излишне острого восприятия, не позволяла ему определиться с собственным отношением к этому. И ощущения эти никак не желали вписываться в рамки даже его богатого словарного запаса: и не "больно", не "приятно", не "возбуждающе", не "противно" — он никак не мог описать это заурядными словами. Единственное, что он мог сказать — от всех этих ощущений у него неотвратимо кружилась голова, и ещё ему становилось от них душно и как-то... стыдно.

— Сир... скоро рассвет... Я думаю, вам всё-таки нужно выспаться... Вы говорили, что нам предстоит сегодня очень важное дело, и я дерзну предположить, что это дело — Приём в честь Дней Мира...

Аргза коснулся языком его пупка, посылая по его телу что-то наподобие безболезненного разряда тока, и Сильвенио замолкнул с протяжным выдохом. В глазах у

него помутнело. За следующие несколько лет (точное количество Сильвенио запретил себе считать, как и отсчитывать дни), прошедшие с того дня, когда Аргза против воли сделал его взрослым, пират так и не прекратил водить его к себе спальню так часто, что тот почти не ночевал в собственной комнате. Зато — зато довольно скоро ему наскучило иметь безвольное тело, и он раз за разом ставил эксперименты над его чувствительностью, изводя ласками. Тем более, что он теперь старался быть с ним осторожен — после того случая, когда у Сильвенио один раз включился Контроль, и он до конца ночи не чувствовал вообще ничего. Контроль был чем-то вроде встроенной в организм эрландеранцев системы защиты: он автоматически включался, когда интенсивность болевых ощущений превышала допустимый предел, и напрочь отрубал почти все нервные окончания, кроме необходимых для продолжения нормальной деятельности. У Сильвенио Контроль впервые включился где-то на пятнадцатом году жизни — до того он просто терял сознание от боли. Взгляд у Сильвенио при этом резко становился абсолютно пустым и равнодушным, а Аргзе этот взгляд ужасно не нравился, и потому он теперь старался доводить его до Контроля как можно реже. Любимой пыткой его теперь было вот так вот распластывать его руки в стороны и покрывать тело поцелуями, но при этом ещё он обычно заставлял вслух повторять конституции каких-нибудь дальних народов (Сильвенио читал их на досуге просто так, из необходимости постоянного получения новой информации) — ему забавно было наблюдать, как тот постепенно начинает краснеть и сбиваться. Для варваров, правда, такие игры были нетипичны, но Аргза почему-то всё равно оставался доволен: похоже, ему нравилось выводить его из обычного покорного оцепенения. Может быть, он просто не любил тех, кто оставался к нему равнодушен — это объяснение подходило больше всего. Правда, почему он вместо этого не пошёл более лёгким путём и просто не поменял его на какого-нибудь более эмоционального подчинённого, до сих пор оставалось загадкой.

— Ты вытянулся что-то, — заметил Аргза невпопад, хозяйски осматривая его ноги. — Полтора года назад твои ступни в таком положении мне едва доставали до колен. Слишком быстро растёшь. Мне не нравится.

— Эрландеранцы живут обычно от трёхсот до четырёхсот лет. У Хранителей Знаний срок жизни в два раза меньше, потому что на наш мозг всегда несравнимо больше нагрузки, чем на обычного человека. Также влияние на процесс роста и старения имеет и испытываемый стресс. Вам напомнить, что до встречи с вами мне никогда не снились кошмары? Рядом с вами я расту и старею примерно с той же скоростью, с которой старели жители Старой Земли.

— Ну-ну. И с каждым годом, похоже, становишься всё более языкастым. Однажды ты начнёшь мне откровенно хамить.

Сильвенио с беспокойством проследил за тем, как он властно разводит его ноги шире.

— Быть может, мне просто надоело терпеть молча, сир...

Аргза хмыкнул: несмотря на то, что он был разбужен среди ночи, настроение у него было весьма благодушное.

— Я и не предлагаю тебе терпеть молча. Стонешь ты весьма недурно. Только не заиграйся в своё завуалированное хамство, лады? А то ведь я могу и ответить.

Сильвенио прикрыл глаза, изучающе проводя кончиками пальцев (наконец-то руки снова были свободны) по лицу нависшего над ним пирата: пока есть время, прежде чем его ощущения зашкалят за всякие разумные пределы, прежде чем Аргза перейдёт к настоящим действиям, прежде чем ему станет не до анализа и сопоставлений каких-либо фактов.

— А вы, к слову, не изменились вообще. Я знаю, что у жителей Архагла тоже очень продолжительный срок жизни, но ведь, судя по фотографиям в архивах, вы выглядели точно так же и во времена первого созыва Альянса Двенадцати...

— Хочешь правды? О, не сомневаюсь, что хочешь, правда — это то единственное, что ты хочешь всегда, — Аргза издал короткий беззлобный смешок. — Так вот. Ты ведь знаешь уже, что по официальным данным мой дорогой братец пропал без вести? Ну, он пропал, да, но совсем не без вести. Я забрал его жизненную силу.

Сильвению вздрогнул и вновь распахнул глаза, откинувшись назад.

— Это запрещено, вы об этом знаете?

Страшный, безумно опасный ритуал забирая жизненной силы врага был не в ходу даже у всевозможных пиратов и контрабандистов: слишком уж хлопотно было выпитывать целиком сущность врага, забирая себе его умения и знания и заодно прибавляя к своему жизненному сроку чужой. Ритуал больше был сродни поглощению, чем убийству, и оттого расценивался абсолютно во всех кругах общества как нечто уж слишком подлое. У Аргзы же, как оказалось, даже в этом отношении моральных принципов не существовало.

— Похищать детей и заставлять их работать на себя — тоже запрещено.

Да уж, логика этого человека всегда была столь же непрошибаема, сколь и цинична.

После, насытившись, Аргза снова откинулся на подушку, напоследок оставив ему ещё одну метку на шее, чуть выше ошейника. Сильвению был рад, что, по крайней мере, носит из-за этого ошейника высокие, почти до самого подбородка воротники. Он посмотрел на довольного, как сытый хищник, пирата, мельком удивляясь, как тому удаётся так быстро засыпать. Поразмыслил немного. Вспомнил о поджидающих его на чересчур быстро остывающей половине огромной кровати кошмарах. И придвинулся к варвару ближе, осторожно устраивая свою голову на его широкой груди.

— Смотрю, ты окончательно ко мне привык, Лиам. Я думал, ты ещё лет двадцать будешь пытаться держать дистанцию по возможности, — Аргза сквозь сон погладил его по волосам и накрыл сверху тяжёлой рукой, словно дополнительным одеялом.

— Мне холодно, сир. И держать дистанцию с вами — абсолютно бесполезное занятие, вам ли не знать.

Аргза не ответил, только насмешливо хмыкнув. Сильвению, уже согревшийся, некоторое время просто бездумно слушал гулкие удары здорового, сильного сердца варвара, прижавшись к его груди ухом. Сердце билось уверенно и успокаивающе, очень ровно, очень размеренно, как будто с осознанием собственной же важности: "туммм, туммм, туммм". Он прикрыл глаза, доверяясь этому нехитрому ритму, и уснул до утра уже без снов.

Утро, правда, всё равно наступило как-то неожиданно, и до конца Сильвению выспаться всё-таки не удалось. У него было много дел на это утро: настроить корабль на нужную скорость, чтобы успеть добраться до первой базы Федерации (добраться ровно к тому времени, чтобы это можно было счесть за демонстративное опоздание и не счесть за опоздание случайное), проследить за приготовлениями торжественного костюма Паука, узнать предварительно, взломав архив с электронными приглашениями, чтобы затем рассказать Аргзе, кто из наиболее нужных ему сейчас людей будет на Приёме и в котором часу — и ещё принести завтрак в спальню пирата.

— Не забудь о своём костюме позаботиться, — голос Аргзы нагнал его уже в дверях.

— Что?

— Не притворяйся глухим. Ты идёшь со мной.

— Мне позволено заметить, что я предпочёл бы остаться здесь?

— Нет, разумеется. Всё, выметайся и неси уже мой завтрак.

Приём в честь Дней Мира уже давно представлял собой исключительно скучную деловую вечеринку с фуршетом и нейтрально-крепкой дорогой выпивкой. Раньше этот Приём, впервые устроенный, что удивительно, по инициативе Федерации когда-то, являлся действительно благим делом: в течение трёх дней каждые пять лет во всех доступных представителям закона уголках цивилизации временно прекращались все войны, и даже на пиратов останавливали охоту. Всё это было устроено в память о той самой большой войне с Федерацией, в которой погибло очень много невинных — не людей даже, а целых народов. То есть, когда-то у этого мероприятия были вполне благородные цели, но сейчас это быстро превратилось в лишний повод для пиратов помозолить глаза властям и заодно всячески укрепить свои торговые и контрабандные связи. Проще говоря, Приём стал местом встречи всяческих отбросов общества — включая и желающих поблистать мелких чиновников и коррупционеров, и Сильвению, зная об этом, совершенно не хотел туда идти. Но ему всё ещё хватало ума не спорить с Аргзой, и потому уже этим вечером он впервые переступил порог первой базы Федерации, обычно служившей самым неприступным оплотом закона. Говорят, отсюда когда-то и началась та самая война.

Его сразу же ослепили бесчисленные огни самых разных цветов — синие, красные, жёлто-оранжевые, зелёные, как будто старающиеся безмолвно перекричать и перебить друг друга. Пока зрение привыкало к такому количеству света, он на автомате диктовал встретившему их на пороге охраннику — ростом в два раза выше Аргзы — их имена и номер приглашительного.

Военная крепость, совмещающая в себе функции боевой базы и здания заседаний правительства, поражала своими размерами ещё снаружи, а уж внутри казалась чем-то и вовсе непредставимым. Но размеры — это, пожалуй, всё, что было в ней действительно потрясающего: отделана она внутри была, на взгляд Сильвению, без какого-либо вкуса. Слишком яркие огни, слишком тёмные мраморные полы, слишком много аляповатых украшений, слишком мало незагромождённого статуями и скульптурами, изображающими давно забытых героев войны, пространства. И — слишком много людей, это уж точно. В воздухе сталкивались дурманяще-приторные запахи всевозможных духов и одеколонов, но Сильвению почему-то упорно казалось, что такими сильными ароматами прикрывают разве что тлен.

Аргза шёл впереди, рассекая толпу подобно ледоколу, и возвышающийся над большинством её составляющих подобно гигантской чёрной акуле, заплывшей на мелководье. Одетый в непривычную чёрную рубашку вместо этой его шубы-накидки из перьев, с зачёсанными в высокий конский хвост волосами, с блестящей кольцевидной серьгой в ухе — он как нельзя лучше подходил под общее разнаряженное окружение и в то же время очень явно не являлся его частью. Кто-то почтительно ему кланялся, кто-то обходился лёгким презрительным кивком — в основном агенты Федерации — а кто-то просто приятельски здоровался с ним хлопком по плечу или молчаливой ухмылкой издалека, но никто не делал даже вида, будто не знает, кто он такой. Чувствовалось, что здесь Паук считался действительно важной фигурой, и Сильвению — высокий (не такой высокий, как Аргза, разумеется, но на полторы головы выше обычного среднестатистического человека), изящный, затянутый в сверкающий в свете этих огней облегающий серебристый костюм — ощущал себя его тенью. Но он был не простой тенью, а тенью весьма значимой

персоны, и это было главной причиной направленных на него заинтересованных взглядов. Он чувствовал себя так, словно бы каждый этот чужой взгляд просвечивал его наподобие рентгена, взвешивая на каких-то невидимых весах и беспардонно оценивая. Он всё надеялся, что где-нибудь мелькнёт хотя бы одно знакомое лицо — в конце концов, Паук много с кем имел дела в последнее время — но в этой толпе было невозможно найти кого-то конкретного.

Возле стола, оккупированного оголодавшими с долгой дороги гостями, Аргза вдруг цепко ухватил его за локоть и сказал, кивая куда-то в сторону:

— Я буду вон в той нише, это что-то вроде вип-ложи. Не хочу здесь толкаться. А ты немного тут пошивайся, поумничай перед кем-нибудь, как ты умеешь, чтобы показать, что я не зря тебя притащил. Ты же, вроде, у нас хорошо знаешь всю эту хрень с этикетом, верно? Вот и отлично. И принеси мне что-нибудь пожрать со стола.

— Но, сир, я не уверен, что...

Тот, разумеется, не слушал — отпустил его руку и невозмутимо направился в указанном им направлении. Сильвенио беспомощно посмотрел ему вслед: ему совершенно не хотелось оставаться в этой толпе одному, а тем более — набивать себе цену, "умничая", как выразился пират. Некоторое время он неловко топтался на месте, чувствуя себя ужасно неуютно среди такого количества людей, затем неуверенно двинулся к столу, надеясь хоть как-то пробиться туда.

Сильвенио мельком поймал своё отражение в мелькнувшем где-то рядом зеркале: аккуратный внешний вид, сияющий и безупречный даже по канонам оставшейся воспоминанием об утерянном Рае Эрланы, и при этом — извечно опущенные уголки губ и несколько потухший взгляд, демонстрирующие, что он едва ли вообще улыбался за все те годы, что провёл в плену. Печать смиренной печали так прочно укрепилась на его красивом лице, что даже ошейника, скрытого воротником, пожалуй, и не было нужно видеть, чтобы понять, что за жизнь он ведёт.

— Приветствую тебя на Дне Мира, — обратились к нему откуда-то со спины, отвлекая от невесёлых мыслей. — Осмелюсь заметить, что раньше я тебя на этих Приёмах не видел.

Сильвенио обернулся. Рядом с ним стоял человек в длинной белой рясе — признак общества миротворцев, этаких безнадёжных идеалистов, которые всё порывались улаживать любые крупные конфликты между Федерацией и представителями оппозиции в виде пиратов или осёдлых мятежных групп. Волосы у мужчины тоже были длинные и белые, что невольно наводило на ассоциации с какими-то призрачными проповедниками. Лицо у него было спокойное и открытое, и Сильвенио, глядя на него, вдруг явственно ощутил, как понемногу отступает охватившее его уныние.

— Здравствуйте, сэр. Да, я здесь впервые. Я пришёл с пиратом по прозвищу Паук, если вы о нём слышали.

Миротворец едва заметно поморщился.

— Разумеется, мне знакомо имя Паука, оно сейчас у всех на слуху. Что ж, если ты пришёл с ним, тебе можно только посочувствовать.

Сильвенио оглянулся, проверяя, нет ли Аргзы рядом. И осторожно кивнул, чуть расслабляясь.

— Да. Можно. Только, прошу вас, не сочувствуйте мне в его присутствии, вряд ли он это оценит.

Тот покачал головой и протянул ему руку, улыбнувшись:

— Мартин Люмен. Можешь называть меня просто Мартин, без всяких "сэр".

— Сильвенио Антэ Лиам. Можете называть меня, как вам угодно, Мартин, я ко всякому привык.

Миротворец снова покачал головой — не то осуждающе, не то грустно. Сильвенио пожал его руку и, смутившись собственной невежливости, повернулся к столу, высматривая, что можно бы отнести ждущему его Аргзе. Мартин, видимо, уже привычный, умудрился ловко скользнуть в толпу и выцепить со стола тарелку с салатом, старательно игнорируя лежавший гораздо ближе кусок сочного мяса.

— Вы тоже вегетарианец? — Сильвенио слабо улыбнулся ему, чувствуя в нём своего.

— О, сейчас это редкость, это уж точно. Но я не люблю есть трупы, в отличие от большинства здесь собравшихся.

Они обменялись понимающими взглядами, и после этого разговор пошёл живее. Говорили они о какой-то необременительной ерунде, и Сильвенио всё больше расслаблялся. Мартин ему нравился, он ощущал в нём некую родственную душу, и после стольких лет было безумно приятно снова кому-то довериться. Но Аргза, как он уже давно выяснил, ненавидел ждать.

"Перестань флиртовать с этим убогим, я всё вижу. И тащи уже мою еду."

Сильвенио вздохнул: мысленный канал, который он когда-то открыл, всё-таки был двусторонним, и Аргза быстро научился извлекать из этого для себя пользу. Мартин, глянув на его мгновенно переменившееся лицо, встревоженно нахмурился и осторожно коснулся его локтя:

— Что-то случилось?

— Да... я прошу меня простить, но мне нужно идти. Паук зовёт.

— Я подойду к нему с тобой, ладно?

— Ладно. Я не против.

На самом деле, перспектива даже на время вновь остаться одному заставляла Сильвенио содрогаться. Он быстро ухватил тарелку с копчёной рыбой и бокал вина и направился к нишам, чувствуя на своём плече успокаивающее тепло руки миротворца. Зато Аргзе, судя по взгляду, их совместная прогулка очень сильно не понравилась. Он сидел, вальяжно развалившись, на большом мягком диване, скрытом от слепяще-ярких огней навесом. Выдернув из рук Сильвенио тарелку и бокал с вином, он привычно ухватил его за бедро и лениво усадил — а со стороны казалось, будто швырнул — на место рядом с собой. Мартин наблюдал за этой сценой с молчаливым неодобрением.

— Здравствуй, Паук, — голос миротворца стал ощутимо холоднее. — Могу я спросить, откуда ты похитил этого ребёнка? Потому что я ни за что не поверю, что это создание подчиняется тебе добровольно.

Сильвенио послал ему предупреждающий взгляд, но Аргза лишь усмехнулся и демонстративно, глядя в глаза Мартину, сжал колено Сильвенио ладонью, заставляя того мгновенно покрыться смущённым румянцем. Ему было стыдно — и за себя, что не может даже выразить протест против такого бесцеремонного обращения, и за Аргзу, который, похоже, вообще не знал, что такое приличия.

— И тебе не хворать, — отозвался Паук невозмутимо. — Он с Эрландераны, представь себе. Я скажу больше: он Хранитель Знаний, если тебе это о чём-нибудь говорит.

Сильвенио ужасно не любил, когда он так делал: это всегда выглядело так, будто бы он охотник и хвастается шкуркой убитого им редчайшего зверька. Взгляд Мартина стал

откровенно шокированным.

— С Эрландераны! Боже милосердный, Паук, и ты ещё с ним так обращаешься! Ты хоть понимаешь, что творишь?! Это... это уже даже не глупость — это настоящее безумие! Разрушать жизнь одного из этих достойнейших созданий, невысказанно! Ты понятия не имеешь, на что посягнул!

Ладонь на колене Сильвенио сжалась так сильно, что он тихо застонал и просяще уткнулся лбом Аргзе в плечо — от злости тот вполне мог со своей силой сломать его коленную чашечку. Аргза ослабил хватку не сразу, совершенно точно оставив под тканью брюк на коже фиолетовую синецу, но затем ладонь его переместилась выше и легла уже на бедро. Мартин выдохнул и, протянув руку, благоговейно убрал с лица Сильвенио чёлку, разглядывая клеймо. Его светлые, спокойные глаза потемнели от печали и холодного, тяжёлого гнева. Сильвенио и не знал, что кто-то может относиться к нему настолько небезразлично.

— Не надо читать мне проповеди, Мартин Люмен. Я не считаю, что посягнул на какую-то святыню, — ухмылка Паука приобрела похабный оттенок. — И видел бы ты, как это "достойнейшее создание" извивается подо мной ночами...

— Избавь меня от подробностей, будь любезен, — миротворец поклонился с ледяным достоинством и отошёл. — Был очень рад знакомству, Сильвенио, всего хорошего. Извини, что я не могу пока вырвать тебя из лап этого чудовища.

Когда он окончательно исчез в толпе, Аргза ухмыльнулся снова и перевёл наконец взгляд на Сильвенио, который, пользуясь шансом, как раз попытался отсесть. Взгляд пирата ему не понравился: похоже, тот намерен был рассчитаться с ним за случившееся прямо сейчас.

— Так, значит, уже нашёл себе фаната? Мне кажется, я не этим приказывал тебе заняться.

— Он не фанат. Я просто разговаривал с ним.

— Ну, разумеется, просто разговаривал. Если бы ты хоть попытался перейти от невинных разговоров к чему-то большему, я бы просто башку тебе оторвал.

Аргза рывком притянул его обратно к себе и сильно укусил за ухо. Сильвенио зажмурился от боли, но извиняться не стал — в конце концов, он был не виноват, что Аргза оказался таким параноидально-ревнивым.

— Эй, Паук, снова извращаешься над своим щенком на глазах у всех?

Аргза наконец оторвался от него, и он открыл глаза. Хенна возникла рядом с ними неожиданно, внезапно как-то, и Сильвенио подумал, что её точно посылает к нему в такие моменты сама Судьба. Она стояла возле навеса, одетая в вызывающе открытое ярко-красное платье, удивительно женственная и при этом всё ещё незыблемо воинственная, кажущаяся сплошным алым росчерком на фоне всего этого разноцветного марева и фальшивого напыщенного блеска. У Сильвенио потеплело в груди: все эти несколько лет, минувшие с того самого собрания Альянса, Красный Скорпион даже на видеосвязь с их кораблём не выходила — очевидно, была занята какими-то новыми завоеваниями. Аргза открыто, белозубо ей улыбнулся, хотя до этого только усмехался. И Хенна улыбнулась ему тоже, как будто между ними продолжался какой-то очень давний разговор, никому, кроме них, не известный.

— Здравствуй, Хенна. Мой, как ты выражаешься, щенок, это заслужил.

— Ну-ну, — она не стала спорить, но умудрилась выразить всё единственным

скептически-осуждающим взглядом. — Позволь украсть твою несчастную изжѣванную добычу на один танец. Не бойсь, верну в целостности, сохранности и даже не обслюнявленным.

Паук коротко хохотнул и откинулся на спинку дивана, опрокинул в себя залпом бокал вина, убирая от Сильвенио руки и показывая этим, что не против на время его отпустить. И тот вдруг с удивлением понял, что Аргза, кажется, почему-то совсем не ревнует его к Хенне. Феномен, не иначе. Он встал и поклонился воительнице по всем правилам этикета, на что та только залиvisto рассмеялась и сгребла его за шиворот, уволакивая подальше в толпу вяло танцующих гостей. Торжественное платье, как оказалось, совершенно не прибавило ей манер — оно и к лучшему.

— Вы сегодня очень веселы, леди, осмелюсь заметить.

— Тебя что-то не устраивает, пацан? — он с улыбкой замотал головой. — Честно говоря, я пьяна в хлам, амиго! Тут, конечно, выпивка дрянная, но я постаралась извлечь из неё максимальную выгоду! Здесь так скучно! Ненавижу эти грѣбанные Приѣмы, но ничего не поделать, иногда на них приходится бывать и мне. О, с каким бы удовольствием я бы сейчас порубила в капусту все эти лоснящиеся от осознания собственной важности лица! Нет, ты только посмотри на всех этих надутых индюков, армия по ним так и плачет!.. Но — нельзя, увы. По крайней мере, пока Дни Мира не закончатся.

Он аккуратно поддерживал её за талию, ведя в неподобающе медленном для этой женщины танце, и задумчиво смотрел в чуть подѣрнутые дымкой алкоголя смеющиеся глаза.

— Вы уже второй раз спасаете меня от господина Аргзы. Спасибо.

— "Господина"! — она громко фыркнула. — Ну и самомнение у Аргзы, если он заставляет тебя так себя называть! Да и я тебе, кстати, никакая не "леди", парень! И вообще. Пора тебе уже, по-моему, учиться самостоятельно спасаться от его домогательств. Ты же, чёрт возьми, жутко умный вроде, так придумай что-нибудь!

Она была почти такая же горячая, как и напоминающий ходячую батарею Аргза. Сильвенио чувствовал её жар даже сквозь перчатки, которые вынужден был натянуть перед появлением в такой толпе, как чувствовал и каждую мышцу на изгибе её спины, платьем совершенно не прикрытой. Сильвенио нравилось ощущать каждое её движение, ощущать её грацию, которая, несмотря на её заявления о количестве выпитого, стала сейчас такой очевидной, но удовольствие это было скорее из ряда эстетических, чем телесных: невзирая на сверхчувствительность, возбуждение эрландеранцы воспринимали больше как наивысшую точку духовной близости.

— Я, возможно, умный, но он сильный, леди. Как бы сейчас ни говорили про торжество разума, на практике мы наблюдаем совсем другое.

— На каждую силу найдётся своя сила. И я не леди!

На этой философской ноте они умолкли, окончательно сливаясь с ритмом негромкой музыки. Хенна танцевала неплохо, Сильвенио — безупречно. Непривычно было смотреть на неё сверху вниз, и только теперь он в полной мере осознал, что действительно вырос: Хенна теперь едва доставала ему колючей рыжей макушкой до плеча.

Но, видимо, долго молчать её затуманенное алкоголем сознание не хотело, и она вдруг выдала:

— Между прочим, когда-то я встречалась с этим твоим тупым... господином. Теперь так смешно наблюдать за тем, как он от вечного недотраха с ума сходит и домогается каждого, кому не посчастливилось ему попасться!

Сильвенио поражѣнно промолчал: от изумления ему даже спросить было нечего.

Собственно, главная причина его изумления крылась в том, что он как-то привык считать, что Аргза просто недостоин этой женщины — а недостойных она к себе явно не подпускает. Он думал до этого, что уж кто-кто, а Хенна никогда бы не связала себя какими-либо близкими отношениями с таким человеком.

— Что? — рассмеялась она, прочитав это немое удивление на его лице. — Я не скажу, конечно, что я когда-то была глупой и наивной, а он когда-то был милым и галантным. Нет! Мы оба с ним ни капли не изменились с тех пор, и никогда этот мудака даже не напоминал джентльмена, а я никогда не напоминала такую трепетную барышню. Эта история была не так банальна, не думай.

— Но тогда...почему? — выдавил он, справившись кое-как с приступом шока.

Она пожала плечами:

— Что я могу сказать? Он дикий, привлекательный в качестве самца и трахается отлично. И с ним было довольно весело. Иногда этого бывает достаточно. Впрочем, не волнуйся, мы уже больше полутора десятка лет совершенно чужие люди. И то, что он делает с тобой, вызывает у меня разве что жалость. Слава всем высшим силам, если они есть, за то, что я вовремя избавилась от его общества!

— Рад за вас, леди.

Она душераздирающе вздохнула, явно устав от его твердолобного почтения. Танец подошёл к концу, и она с каким-то потаённым сожалением отпустила его плечи. Мир, всё время танца вращавшийся, казалось бы, исключительно вокруг её яркой фигуры, снова разочарованно расползся по всему пространству зала.

— Ты хороший парень, — улыбнулась она напоследок. — Только больно слабый и боязливый. Не позволяй этому придурку себя ломать, окей?

Сильвенио кивнул. Что ему ещё оставалось делать?..

Потом он вернулся к Аргзе, и тогда уже он неожиданно потащил его танцевать. Сграбастал, прижал к себе, улыбаясь почему-то точно так же, как улыбался до этого Хенне — открыто и с лёгким оттенком снисходительности, почти тепло. Почти. Он буквально таскал лёгкого, как пушинка, Сильвенио по залу, частенько сбивая могучей спиной другие пары, и настоящий танец это напоминало разве что весьма отдалённо. Смысл всего этого, кажется, был всего лишь только в том, чтобы показать всем вокруг, кому Сильвенио на самом деле принадлежит, дабы больше никто вроде Мартина не смел претендовать на него. Честно говоря, Сильвенио вовсе не думал, что Мартин на него претендовал, да и Хенна, в общем-то, не претендовала тоже, но варвару этого было просто не объяснить.

— Сир, я понимаю, что вам нравится полностью в очередной раз подтверждать для окружающих вашу надо мной власть, но я был бы признателен, если бы вы хотя бы переместили руку чуть выше, где это будет смотреться не так унижительно.

Аргза только расхохотался, но всё же выполнил просьбу и передвинул ладонь на спину. Сильвенио доставал ему только до груди, и потому удовольствия от "танца" получал крайне мало — впрочем, с Аргзой всегда всё было как-то неправильно. Но блеск тёмных глаз манил, гипнотизировал, спутывал мысли, заставляя непроизвольно напрягаться в ожидании чего-то неясного, а руки — одна на запястье, другая на спине — держали крепко, и, непонятно почему, это успокаивало. Во всяком случае, хищные изучающие взгляды, направленные на него, беспокоили так гораздо меньше: он знал, что Аргза никому его не отдаст. Хорошо это было или плохо, он пока не знал, но на данный момент, когда вокруг толпилось множество незнакомых людей с заранее непонятными намерениями и интересами, так было

определённо проще.

— Тебя так волнует чужое мнение? — хмыкнул пират лениво.

Сразу вспомнился кошмарный эпизод того первого посещённого им собрания Альянса, и Сильвенио вздрогнул, вцепившись в скользкую ткань рубашки Аргзы. С тех пор Аргза к нему на публике почти не приставал, уяснив, что от Сильвенио, за что-то на него обижающегося, в постели удовольствия гораздо меньше — ровно столько же, как было в самом начале от его безучастного тела, но теперь Аргзе этого, очевидно, мало. Во всяком случае, до сегодняшнего дня у того не было и повода, чтобы таким образом его унижить.

— Да, сир, волнует.

— Зануда.

— Воздержусь от комментариев, пожалуй, милорд.

Аргза хмыкнул повторно и красноречиво провёл большим пальцем по его всё ещё красному уху с явственными следами зубов.

— Да, пожалуй, воздержись.

После, не дожидаясь, пока гости начнут расходиться, Аргза уволок его обратно на корабль — те, кто был нужен непосредственно ему для заключения всяческих сделок, должны были явиться только на второй День Мира, и нужно было переночевать возле базы, не отводя от неё корабль. Ни Хенны, ни Мартина Сильвенио больше не видел, но одно только воспоминание о встрече с ними уже достаточно его грело, чтобы пребывать в приподнятом настроении. Тем более, что засыпал он снова у Аргзы на груди, чувствуя тепло его рук и ровное биение его сердца.

Неудивительно, что он совершенно не ожидал никакой беды.

А ведь не стоило бы — ох, не стоило бы! — забывать о том, что любой незначительный просвет в его жизни, любая мизерная возможность вздохнуть спокойно и расслабиться — ведёт к неперемому удару в спину со стороны злодейки-судьбы.

Утро выдалось на редкость яркое: где-то относительно недалеко от базы случился взрыв Сверхновой, и теперь светящиеся потоки разноцветных газов носились по космосу. Аргза спал после долгой бессонной ночи и утомительного торжества накануне. А тот, кто проснулся вместо него, слишком, слишком давно искал пути на поверхность, и теперь, открыв глаза, не сразу ещё понял, что у него наконец-то всё получилось.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на эти самые пролетающие в иллюминаторе потоки света. Но тут взгляд его наткнулся на другое живое существо, лежащее рядом: существо было тёплое, незащищенное, совершенно обнажённое и доверчиво прижималось к нему. Он усмехнулся с предвкушением и, пробуя свои новые возможности, протянул к существу руку. Хотел коснуться, но прежде посмотрел на свою-чужую руку, где, подчиняясь его воле, на пальцах мгновенно выросли чёрные металлические когти, в которых были спрятаны смазанные ядом лески — в своё время он лично подбирал для Аргзы это оружие. И медленно провёл остриём когтя по так доверчиво подставленной ему спине, оставляя длинный быстро розовеющий след. Существо дёрнулось и уставилось на него сонными перепуганными глазами цвета неба. Похоже, про настоящую остроту когтей и лески в них существо было прекрасно осведомлено, как и про то, что всего нескольких капель яда этих когтей было достаточно, чтобы убить человека. Аргза не ответил, только насмешливо хмыкнув. Сильвенио, уже согретый, некоторое время просто бездумно слушал гулкие удары здорового, сильного сердца варвара, прижавшись к его груди ухом. Сердце билось уверенно и успокаивающе, очень ровно, очень размеренно, как будто с осознанием

собственной же важности: "туммм, туммм, туммм". Он прикрыл глаза, доверяясь этому нехитрому ритму, и уснул до утра уже без снов.

"Перестань флиртовать с этим убогим, я всё вижу. И тащи уже мою еду."

Сильвенио вздохнул: мысленный канал, который он когда-то открыл, всё-таки был двусторонним, и Аргза быстро научился извлекать из этого для себя пользу. Мартин, глянув на его мгновенно переменившееся лицо, встревоженно нахмурился и ос, в которых были спрятаны смазанные ядом лески — в своё время он лично подбирал для Аргзы это оружие. И медленно провёл остриём когтя по так доверчиво подставленной ему спине, оставляя длинный быстро розовеющий след. Существо дёрнулось и уставилось на него сонными перепуганными глазами цвета неба. Похоже, про настоящую остроту когтей и лески в них существо было прекрасно осведомлено, как и про то, что всего нескольких капель яда этих когтей было достаточно, чтобы убить человека.

— Сир, что вы...

Существо замолкло, с ужасом глядя в его глаза, и он знал, чем оно удивлено: глаза его, в отличие от глаз крепко спящего Аргзы Грэна, были абсолютно белыми, с очень чёткими светло-серыми зрачками. Он с удовольствием прошёлся когтями по нежной коже, не царапая и не выпуская яд, разглядывая отметины на зацелованной его-не его губами тонкой шее.

— Кто вы? — спросило существо почти панически, но, тем не менее, требовательно. — Вы не господин Аргза.

Он порылся в чужой памяти. Существо звали Лиамом, и он, похоже, был на корабле первым помощником.

— Ммм, — протянул он довольно. — Сокровище Аргзы... Я никогда не сомневался в том, что у моего брата ужасный вкус. Вместо того, чтобы приобрести в секретарши какую-нибудь роскошную знойную девку с грудью четвёртого размера, он предпочёл завести себе хилого плоского мальчика, да ещё и привести его к себе в постель. Ты, должно быть, теперь что-то вроде оригинального бесплатного приложения к его ужасной шубе, мальчик?

Сильвенио непроизвольно вжался спиной в простынь. Конечно же, двоюродный брат Паука, бывший лидер Альянса, у которого тот забрал жизненную силу! Должно быть, ритуал тогда прошёл не без последствий, и он каким-то образом сумел затаиться на дне чужого разума, и теперь решил вернуть утраченное...

— Я не приложе...

— О, я не разрешал тебе говорить, — он надавил когтем на его горло, в одном движении от того, чтобы проткнуть горло насквозь. — Лучше давай-ка проверим, так ли уж ты хорош, чтобы заменять собой знойную секретаршу...

Сильвенио задрожал и зажмурился, поглощённый ужасом. Если жизнь и была похожа на зебру, то его была — почти полностью чёрной.

...Аргза проснулся, как обычно, довольно рано. Однако что-то было не так: казалось, тело проснулось гораздо раньше сознания, хотя обычно бывало наоборот. Он огляделся, недоумевая... и увидел Сильвенио.

Тот лежал лицом в подушку, дыша сбивчиво и часто. Его руки были лесками примотаны по локоть к ногам, заставляя сложиться в неудобной позе. Плечи и руки его были искусаны, а простынь вокруг — покрыта разводами чего-то липкого и белёсого, перемежающегося с серебряными каплями крови.

— Что произошло? — спросил Аргза ошеломлённо, одним движением убирая лески.

Сильвенио кое-как перевернулся на бок и посмотрел на него. Глаза у него были совершенно пустые и безучастные, будто бы стеклянные, и Аргза понял, что тот включил Контроль.

— Ваш брат... вернулся. Полчаса назад. За пределы комнаты... не выходил.

Аргза разом помрачнел и сел в кровати. Перспектива возвращения братца всегда прежде казалась ему невозможной, но либо дело действительно обстояло именно так, либо Лиам связал и оттрахал сам себя и научился врать, а это всё же было, мягко говоря, чуть более абсурдным предположением. Он не глядя сунул руку в пространство через Тёмную технику и добыл из медицинского крыла пачку обезболивающего, которую тут же сунул продолжавшему равнодушно наблюдать за ним Сильвенио. Потом достал оттуда же какую-то резко пахнущую мазь и тоже отдал ему.

— Я считал психически нездоровым вас, сир, но... должен заметить, что ваш брат в этом отношении гораздо хуже...

Пират напряжённо и задумчиво погладил его по волосам.

— Ну, по крайней мере, ты признаёшь, что хотя бы в чём-то я не безнадёжен.

Сильвенио проглотил сразу три таблетки обезболивающего, и взгляд его начал заметно поясняться от Контроля.

— Я могу избавить вас от него, — сказал он, немного помолчав.

— Мм? Ты же не причиняешь вреда?

— Только живым. Ваш брат — уже мёртв. То, что от него осталось, не должно существовать по законам Вселенной. Он терроризирует ваш разум, а это неприемлемо. Я могу... помочь...

— Нет.

Сильвенио, натираяющий мазью болезненные укусы и прочие повреждения, непонимающе глянул на него.

— Нет? Но, сир, я правда могу помочь, он больше не будет вас беспокоить... Кроме того, он представляет непосредственную угрозу как для вашей репутации, так и для всего корабля...

— Для чего он представляет угрозу сейчас, так это для твоей тощей задницы, а с остальным я как-нибудь справлюсь, — отрезал пират неожиданно грубо. — Как бы там ни было, а я не позволю тебе копаться в моей голове. Тебе — и никому. Мой разум, даже заражённый — только моё дело. Уяснил? Вот и славно. Приходи в себя быстрее, мы сейчас же отчаливаем от базы. Слишком опасно оставаться на Приёме.

Сильвенио вздохнул. Кажется, у него ощутимо прибавилось проблем в и без того нелёгкой жизни...

[Запись в бортовом журнале номер MN9KL12785_03:]

"А я ведь почти готов был поверить, что его вполне можно терпеть..."

[Запись удалена.]

"Нарцисс перестал есть, пить, спать, потому что не в силах был отойти от ручья, откуда его манило собственное отражение, и таял почти на глазах, пока не исчез бесследно..."

— Лиам.

Мерное гудение главной консоли завораживало, и Сильвенио сделал вид, что целиком им поглощён. Правда, с Аргзой этот номер не прокатывал никогда — тот просто брал его за шкуру в случае игнорирования и больно кусал за ухо или за подбородок. Или гладил задумчиво шею своими сильными жаркими пальцами, словно бы намекая, что его очень опасно злить. Или насмешливо дёргал его за длинный шёлковый ручеёк синего хвоста, стекающего по спине от затылка до худых бёдер. Или...

Но Сильвенио уже научился определять разницу в их интонациях, и потому не обернулся на этот раз, понадеявшись, что, раз игнорирование не действует на самого Аргзу, то подействует хотя бы на его брата.

— Лиам. Лиам. Лиам. Лиам.

Сильвенио передёрнуло: Аргза никогда не повторял его имя таким бессмысленным тоном, и его голосом это звучало ужасно. Но он не обернулся, продолжая напряжённо выщёлкивать на клавиатуре отчёт о сегодняшнем доходе с торгового корабля гарлианцев.

— Лиам.

Он не обернулся. "Может, он уйдёт, наконец," — подумалось ему.

— Лиам. Совершенно дурацкое имя, не находишь, мальчик? И не слишком ли ты дерзко игнорируешь зов своего хозяина?

— Вы... не мой хозяин. Хватит с меня и Паука. Настоятельно прошу вас покинуть его разум.

В синеватом мерцании экрана отразились белые глаза, и Сильвенио замер.

— А чем же я хуже моего братца, интересно?

Чёрные когти почти нежно прошлись по его щеке. Сильвенио резко выпрямился, отстраняясь, повернулся к нему, невольно прижимаясь к консоли. Он всё ещё так и не выработал стратегию верного поведения в отношении этого существа, занимавшего теперь разум Аргзы с завидной периодичностью. Если с самим Аргзой большую часть времени вполне можно было договориться и обеспечить себе более-менее приемлемые условия существования, раз уж Паук так часто шёл ему на уступки, то главная проблема в общении с его братом, Конрадом Грэном, заключалась, пожалуй, в том, что, как бы разумно он себя с ним ни вёл, в итоге ему всё равно доставалось.

— Неточная формулировка вопроса...

Удар когтями пришёлся плашмя по рёбрам, отшвырнув его на пол. На плотной ткани серой куртки остались рваные порезы, но кожу, к счастью, не задело — иначе яд бы убил его за считанные минуты. Когти были любимым оружием Паука, и в ближнем бою действие их было просто сокрушительно. Хорошо хоть, что у Конрада не было намерения убивать Сильвенио. Правда, вопрос был в том, до каких пор у него такого намерения нет.

— Не понимаю, как Аргза тебя терпит, — белые глаза нависли над ним, открытые так широко, словно были напрочь лишены век — он ещё не совсем научился управлять чужими

лицевыми мышцами, и выглядело это по-настоящему жутко. — Мало того, что ты абсолютное бревно в постели, тощий и бесхарактерный, так ещё и ведёшь себя по-хамски. Смеешь поправлять своего хозяина этими уточнениями. Но... — он хищно дёрнул щекой, оскалившись. — По крайней мере, ты действительно забавный. И ты ведь будешь послушен, правда, мальчик?

Сильвенио закрыл глаза. Похоже, ему предстояла ещё одна бессонная ночь.

— Да, — выдохнул он, на всякий случай блокируя клавиатуру консоли. — Я буду послушен.

Кто бы знал, как ему это всё надоело!..

Чёрный Овен, казалось, и не думал теперь когда-либо оставить тело Аргзы в покое. Аргза ничего о его визитах не помнил — когда он просыпался, то не чувствовал даже следа присутствия брата в своей голове, но периодически находил либо избитых до полусмерти рабочих, либо в буквальном смысле затраханного до такого же состояния Сильвенио. Последний смотрел на него с немой укоризной и обидой, но больше даже не заикался о том, чтобы помочь. Хотя всем, в том числе и самому Аргзе, было уже очевидно, что сам он со всем этим не справляется, несмотря на то, что заявлял обратное: времени в его теле Конрад проводил совсем немного, не больше пары часов примерно раз в два дня, но и за это время он умудрялся натворить много всего неприятного. Сильвенио мрачнел всё больше с каждым днём. Он прочитал всю имеющуюся в интернет-архивах информацию про Конрада Грэна, но нигде не говорилось ни слова о том, что тот хоть когда-то проявлял признаки подобного навязчивого нестабильного психического состояния. По словам очевидцев, Чёрный Овен был хоть и довольно жёстким и бескомпромиссным лидером едва ли не хуже Паука, всё же был в основном серьёзен и не тратил силы на причинение вреда своим же подчинённым без веской на то причины. Тот же Конрад, которого Сильвенио узнавал теперь, без всякого повода срывался на рабочих, никого, впрочем, не убив ещё и даже ни разу не попытавшись сделать что-то с самим кораблём. Было похоже, будто бы ему неинтересно строить какие-либо планы и размышлять о том, как можно было бы выгоднее воспользоваться своим возвращением. Будто бы он просто не знал, чем себя занять в неожиданно приобретённой за чужой счёт жизни, и оттого пытался хоть как-то унять то чувство опустошения, которое теперь отчётливо им владело, развлекаясь, как мог. Понятия о самих развлечениях у него, в общем, тоже были заметно размыты: и бил, и насиловал он всё с тем же выражением невыносимой скуки на лице, словно бы не понимая, отчего это больше не разогревает его кровь. Остальным членам команды перепало от него почти в той же степени, что и Сильвенио — если не посчатливливалось попадаться ему на глаза раньше первого помощника — но они даже не подозревали, что страдают не совсем от рук своего непосредственного капитана. По кораблю прошёл слух, что Аргза в конец обезумел, и, в общем-то, это было не так уж далеко от правды.

Над Сильвенио же Чёрный Овен любил издеваться почему-то больше всех, каждый раз зачем-то связывая его, несопротивляющегося, проклятыми лесками, и стараясь причинить как можно боли. Тот абсолютно не понимал его мотивов, но на всякий случай старался его не провоцировать: он был во много раз опаснее Аргзы уже одной своей непредсказуемостью. Пару раз он пытался поговорить с ним, пробовал узнать, что за гнетущее чувство разрушения им движет, пробовал предложить свою помощь и ему — безрезультатно. Жалкие остатки существа, бывшего когда-то Конрадом Грэном, уже не имели ничего общего с логикой и разумностью.

Однажды, проснувшись утром, Аргза с удивлением обнаружил, что совершенно выспался — причём не только сознанием, но и телом. Похоже было, что Конрад либо не приходил, либо ушёл уже вечером. Сильвенио в кровати не было, как не было и обычно заранее приносимого им в его комнату завтрака. Он попробовал позвать его по телепатической связи — тот не отозвался. Такое бывало крайне редко, но всё же случалось порой, и причин для беспокойства вроде бы не было. Однако какая-то смутная, неясная тревога неприятно царапалась внутри, и Аргза, одевшись, решил всё же заняться его поисками немедленно.

Странное дело — его не обнаружилось ни в кабине управления, ни в камерке механиков (Джерри тут же вызвался присоединиться к поискам, вмиг обеспокоившись пропажей друга), ни где-либо ещё на всём огромном корабле.

В конце концов, Аргза нашёл его в самой дальней пустой кладовой, где раньше располагалась комната уборщика. Сильвенио был абсолютно обнажён, одежды его поблизости не обнаружилось. Он стоял на коленях, привязанный лесками к вертикальной железной трубе, проходящей в углу сквозь всю высоту комнаты. Бёдра его снова были испачканы обильными белёсыми разводами. Спина была вся испещрена тёмно-серебряными глубокими бороздами с рваными ярко-красными краями, с которых капало оба вида крови одновременно. Чем её изодрали, было непонятно, но, судя по цвету ран, яда в кровь не попало, значит, железные когти Аргзы не имели к этому отношения. И то хорошо.

— Лиам?

Тот не откликнулся и никак не среагировал, оставшись неподвижным, и на мгновение Аргзе показалось, что тот потерял сознание. Но — нет, глаза у него были открыты. Аргза глубоко вздохнул и, подойдя ближе, убрал лески, впивавшиеся в тонкие исцарапанные руки. Помог безучастному, словно кукла, Сильвенио подняться на ноги, удостоверился, что благодаря Контролю тот может идти самостоятельно. Набросил на него свою шубу, прикрывая от холода и чужих глаз и оставшись в одних штанах. И молча направился к себе, зная, что Сильвенио пойдёт за ним.

Он и пошёл, и тоже не произнёс ни слова по пути. Ничего не сказал он и тогда, когда Аргза усадил его на край кровати и начал аккуратно втирать в его спину ту самую пахучую мазь. Контроль делал своё дело на славу — он не чувствовал совершенно ничего. Его охватило тягучее, унылое безразличие к происходящему.

— Смотри, — произнёс вдруг пират довольно, стремясь нарушить воцарившуюся между ними напряжённую тишину. — Ты должен ценить своё выгодное положение. Заметил, что я здесь больше ни о ком, кроме тебя, не забочусь? Я даю тебе фактически всё, что попросишь, лечу тебя, разрешаю пользоваться всякими приятными привилегиями вроде моей собственной ванной и разных послаблений. Ты ещё с детства у меня... на особом счету. Не такое уж я, выходит, и чудовище, верно?

Сильвенио немного помолчал. Потом повернул голову, глядя на него пустыми глазами живого мертвеца, и, кое-как разлепив пересохшие губы, слабым равнодушным голосом ответил:

— Нет, сир. Простите, но... вы и впрямь самое настоящее чудовище. Жестокое, безжалостное и эгоистичное. Самовлюблённое. Вы думаете, что на всё в этой жизни имеете исключительное право, что никто вам не указ. Вы... похожи на избалованного ребёнка, которому так и не объяснили, что он вовсе не является центром мироздания. Не объяснили, что существуют другие люди, помимо вас, и их надо уважать. У вас внутри нет абсолютно

ничего, вы никого никогда не любили. Вам кажется, будто своей заботой обо мне вы частично искупаете свои грехи... но это не так. Это всего лишь иллюзия, в которую вам так удобно верить. Вы заботитесь обо мне только лишь потому, что хотите выглядеть чуточку лучше в своих глазах... хотите иметь ещё один повод собой гордиться, упиваться своей якобы добротой, прибавляя к собственному воображаемому портрету лишние штрихи мнимого великодушия... говорить себе, что вы умеете не только причинять другим боль... Но моё благополучие вас при этом на самом деле нисколько не интересует.

Глаза варвара темнели всё больше с каждым его словом — хотя, казалось, темнее было некуда уже в самом начале. Он спокойно дослушал его до конца, а потом вдруг резко столкнул его с кровати и отшвырнул мазь, которой успел обработать только пару царапин.

— О, — сказал он, жутковато ухмыляясь и глядя на него с ледяным презрением. — Значит, так ты считаешь? Что ж, благодарю, моя пташка-говорун. Ты буквально открыл мне глаза. Я действительно безнадёжный лицемер и эгоист, страдающий, к тому же, неизлечимым нарциссизмом, и, раз уж ты всё это так тонко подметил, нужно уже в этом признаться, верно? Но не волнуйся, я даже обещаю прилежно встать на путь исправления. И первым шагом на этом пути, я думаю, должен стать добровольный отказ от всех этих тешащих моё самолюбие иллюзий. Ты прав, мне не нужно относиться к тебе так бережно — ни к чему, раз уж это тебя так огорчает. Что ж... хорошо. Свободен, Лиам. У тебя два часа, чтобы привести себя в порядок, потом жду в кабине. Впрочем, нет, два часа — это слишком. У тебя час, и, кстати, не забудь принести в кабину мой завтрак. С тебя ещё причитается за опоздание.

Сильвенио, который из-за включённого Контроля не спал всю ночь, так и проведённую на коленях в холодной кладовке, устало поклонился и вышел из комнаты, одев предварительно свои запасные брюки, висевшие на стуле, чтобы не ходить по коридорам голым — шуба так и осталась лежать на кровати пирата. Пока он шёл к себе, вокруг слышались испуганные перешёптывания попадавших на пути рабочих: "Опять хозяин над ним издевался, ужас!", "Смотри на спину пацана, кошмар какой!" — и всё в том же духе. Даже совершенно посторонние люди уже давно сочувствовали ему, любимчику капитана...

— Извини, конечно, но ты редкостный придурок, — заявил Джерри, когда Сильвенио вечером кое-как добрёл до механического цеха после целого дня работы и рассказал ему о случившемся.

— Я лишь сказал чистую правду... что здесь такого?

Джерри вымученно вздохнул.

— Ты не понимаешь? На самом деле не понимаешь? Слушай, дружище, правда твоя — это, конечно, замечательно просто, но... Правда не залечит тебе раны, чувак. Правда не выпишет тебе лишней выходной после получения таких вот травм. Правда не защитит тебя от Паука. Правда, наконец, не является твоим начальником. А Аргза — является, улавливаешь? Не с правдой тебе надо бы мириться, не с ней...

Сильвенио только недоверчиво покачал головой. Он и сам уже, признаться честно, начал сомневаться в правильности своего поступка, но что было теперь поделать?

Разницу между тем, чтобы быть фаворитом тирана, и тем, чтобы быть у этого тирана в немилости, он ощутил сполна в первые же дни после этого.

Растеряв всё своё показное — как выяснилось — благодущие, Аргза быстро превратил его жизнь в непрекращающийся кошмар. Он действительно перестал лечить его раны, перестал беречь его разум и тело. Днём он нагружал его именно той работой, которая

отнимала больше всего ментальных сил, к тому же теперь в его обязанности входило и лично делать обход всего необъятных размеров корабля, чтобы контролировать его безопасность не только из кабины, но и непосредственно по всему корпусу. За малейшую провинность — даже за недостаточно горячий обед — Аргза бил его так нещадно, что у него весь день после звенело в голове. А ночью он вколачивал его в кровать с поистине варварской грубостью, превращая каждую ночь в сплошной клубок боли, и те самые душные степные бесы теперь стали настоящими дикими дьяволами. И ещё — ещё был его брат, который приходил, когда ему вздумается, и мучил его в разы хуже и изощрённее, чем Паук. У Сильвенио почти не оставалось времени на сон, не говоря уж о том, чтобы пообщаться с Джерри или хотя бы почитать.

Но апогеем всего этого стал день, когда Сильвенио отказался выполнять прямой приказ.

Им тогда попало небольшое судно аркалиннских контрабандистов. С пиратами у их братии всегда был взаимный разлад, потому что обычные контрабандисты за свою добычу хоть сколько-то платили, пираты же — забирали приглянувшееся даром. На связь их корабль выйти не пожелал, но Аргза почему-то был просто уверен, что они везут что-нибудь ценное.

— Ты можешь через канал видеосвязи взломать их систему безопасности? — спросил он у Сильвенио.

— Теоретически, я могу попробовать, сир, но...

— Вперёд. Перекрой им вентиляцию. Посмотрим, как долго они протянут без воздуха. Может быть, тогда они захотят проявить чуть больше навыков дипломатии.

Сильвенио, уже потянувшийся к консоли, замер и нахмурился.

— Сир... должен заметить, что у аркалиннов — уменьшенный объём лёгких, и если перекрыть им вентиляцию, они погибнут за несколько секунд, не успев даже ничего уже "захотеть" и согласиться на сотрудничество...

— Тем лучше. Значит, просто подождём, пока эти крысы передохнут, а потом вычистим у них с корабля всё добро и разберём судёнышко на запчасти. Всегда пригодится.

Сильвенио отпрянул от консоли совсем, глядя на него с неподдельным ужасом. Аргза и раньше пользовался его навыками для проворачивания грабежей, но до сих пор он, по крайней мере, никогда не заставлял его заниматься прямым убийством лично. Взгляд пирата, обращённый на него, был тёмным и абсолютно нечитабельным — непонятно было, то ли он просто его так проверял, то ли в самом деле решил заставить его отказаться от главного и нерушимого убеждения.

— Я этого не сделаю...

— Сделаешь. И как можно быстрее. Мы теряем время — они отдаляются.

Сильвенио постоял. Помолчал, переводя взгляд с Аргзы на экран радара, на котором постепенно отдаляющейся точкой мерцал корабль контрабандистов, решивших, видимо, что беда уже обошла их стороной, и потому не торопившихся. Послушно вернулся к консоли. И — вдруг включил переговорное устройство, чтобы отчаянно выдохнуть туда:

— Пожалуйста, быстрее! Исчезните отсюда как можно быстрее! Паук вас убьёт!

Ему что-то ответили, прокричали вопросительно, но затем связь оборвалась, и мигающая точка действительно исчезла с радара в одну секунду — видимо, они использовали максимальное ускорение.

Глубину своей ошибки Сильвенио осознал только тогда, когда Аргза сжал сзади его горло, едва не переломив шею.

— Ты понимаешь, что только что наделал? — спросил пират тихо, с явной угрозой.

Сильвенио поймал себя на том, что малодушно надеется, что в приступе ярости он его убьёт. В самом деле, это решило бы разом все его проблемы...

— Я сделал то... что должен был...

Аргза швырнул его в стену. К счастью, он вовремя успел выставить руки, иначе одним таким ударом варвар запросто мог проломить ему голову. А голову Сильвенио берёт. Аргза схватил его за локоть, едва ли не вырвав при этом руку из плечевого сустава — так ему показалось — и неожиданно потащил куда-то в коридор.

— Ты же у нас терпеть не можешь публичные унижения, да? — прошипел он ему на ухо, и Сильвенио от его тона пробила крупная дрожь.

Паук притащил его в котельную, наполненную в этот час людьми больше обычного. От нехорошего предчувствия у Сильвенио мгновенно пересохло во рту, но он уже ничего не мог сделать — стальные пальцы мёртвой хваткой впивались в его плечо. Завидев капитана, рабочие приостановились и выжидательно посмотрели на своего начальника.

— Кажется, поступали жалобы на то, как скупое я оплачиваю ваше существование, вшивые псы, — произнёс Аргза с каким-то пугающим весельем, без труда повышая голос ровно до той степени, чтобы его слышно было по всей котельной. — Так вот. Хочу сообщить, что только что вы имели шанс нехило обогатиться. Но один мой служащий, — он встряхнул Сильвенио так, что у него челюсти стукнулись друг об друга. — Вас этого шанса лишил, не только послушавшись моего прямого приказа, но и дав уйти потенциальной добыче. Как думаете, что я могу с ним за это сделать?

Никто не шевелился. Где-то возле баков Сильвенио заметил мелькнувшую в толпе рыжую макушку механика, но не решился подать ему хоть какой-то знак.

— Сир... я не думаю, что...

— Молчать.

Аргза дёрнул его на себя и одним движением содрал с него тонкую куртку. Пнул под колени, заставляя упасть на пол — у Сильвенио осталась ссадина на лбу. Тот попытался подняться или хотя бы отползти, панически дрожа — его тут же пнули снова и прижали тяжёлым коленом к полу, вышибив весь воздух из лёгких. Сквозь охватившую его панику он вдруг ощутил, как Аргза сдёрнул с него штаны и поставил на четвереньки, сильно вжав лицом в отвратительно-грязный, заплёванный металлический пол.

— Не надо... не надо, милорд... я не мог... убить их... и то, что вы делаете... убийцей меня не сделает, как бы вы ни хотели... Но ведь в остальном я... всегда слушаюсь! Всегда, сир!.. Не... не н... надо... не...

С каждым болезненным толчком он ударялся поцарапанным лбом об пол с глухим стуком, и этот стук не позволял ему почему-то, как обычно, отвлечься от реальности происходящего и успокаивать себя привычными мантрами-внушениями о том, что всё хорошо, что здесь не он, а только его тело — брэнная оболочка, которая всё равно рано или поздно умрёт... В котельной было грязно и невероятно душно, и ещё — очень людно. Точно так, как он запомнил её ещё с первого своего посещения. Жаркий смрадный воздух прилипал к выгнутой спине, к нещадно кусаемой шее, набивался тошнотворным комком в горло и лёгкие. Сильвенио царапал металл в тщетной попытке хоть за что-нибудь уцепиться. Рабочие стояли вокруг них безмолвными, безучастными наблюдателями, впивались в него бесчисленным множеством испуганных-злых-усталых взглядов, не шевелясь, и никто — никто! — не смел ни возразить, ни хотя бы перестать смотреть. Они думали, Аргза показывает это представление для них, чтобы ни у кого не возникало даже мысли

ослушаться его однажды, они думали — горе тому, кто попытается сейчас избежать этого поучительного шоу. Но это было не так, Сильвенио, бессильно стонущий и извивающийся под пиратом наподобие выброшенной на берег маленькой рыбки, знал, что это было не так: Аргзе было плевать на всех этих рабочих, их за непослушание он просто выкинет с корабля — прямо в открытый космос. Аргза устроил всё это только для него одного. Чтобы запомнил — раз и навсегда.

Потом Аргза молча ушёл, а Сильвенио так и остался лежать на полу, обнажённый, избитый, неподвижный. Он не хотел подниматься, не хотел больше когда-либо смотреть в глаза всем тем, кто наблюдал за этим кошмаром, не хотел больше что-либо делать. Он вообще больше ничего не хотел — только прижиматься лбом к удивительно холодному в здешней жаре полу и никогда-никогда не открывать глаз.

Рядом раздались шаги, и кто-то, насильно поставив его на ноги, натянул ему штаны и кое-как набросил на плечи порванную куртку.

— Пойдём, — сказал Джерри мрачно, поддерживая его за плечи. — Ну, пойдём... Доигрался ты со своей правдой, вот что я скажу...

Сильвенио не ответил. Ему было всё равно. Механик повёл его, запинаящегося об собственные ноги, в его комнату, уложил там на постель. А потом вдруг рассердился — пихнул его в бок, нахмурился и сказал зло:

— Ну, всё, хватит тебе! Ведёшь себя так, будто катастрофа случилась мирового масштаба, а ведь он мог и что похуже выкинуть!

— Тебе он делал хуже? Унижал сильнее?

— Ну... — тот как-то сразу стушевался. — Вообще-то, нет, но... это всё равно не повод так себя распускать!

Сильвенио устало прикрыл глаза.

— Оставь меня, пожалуйста. Мне нужно отдохнуть, пока ему опять что-то не понадобится...

Джерри поворчал ещё немного, но послушно вышел, чтобы дать ему хотя бы поспать после всего этого. Хорошо хоть, что он не обидчивый.

Вечером Аргза предсказуемо позвал его к себе, и Сильвенио, наглотавшись добытых для него Джерри обезболивающих, пошёл в кабину управления. Это было лучше, чем постоянно держать Контроль, от которого потом неумолимо ныли виски.

— Ты вовремя, — заявил Аргза с порога. — Как раз пора делать вечерний обход корабля. И не забудь сообщить мне, если увидишь каких-нибудь самоубийц, отлынивающих от работы.

Сильвенио сглотнул. Резкое осознание того, что он не протянет так долго, сжало его сердце волной страха. Он вдруг отчётливо понял, что у него осталось всего два варианта, как может это закончиться: либо Аргза в конце концов убьёт его нагрузками и непрекращающимися наказаниями, либо ему придётся окончательно поступиться своими принципами и убеждениями и научиться причинять другим вред. Хотя нет — был ещё и третий вариант: он мог просто умереть от голода, учитывая, что Аргза дал запрет поварам на особое вегетарианское меню для него, а есть мясо он не мог себя заставить, и приходилось довольствоваться хлебом и остатками общего супа.

Он подошёл к нему и — рухнул перед сидящим в капитанском кресле варваром на колени. Это оказалось нетрудно: ноги его уже всё равно не держали. Саднящим лбом он в изнеможении уткнулся в носки его сапог, вцепившись, как безумный, в его брюки

дрожащими пальцами.

— Простите меня... — зашептал он сбивчиво. — Умоляю, простите... Я ошибся, я ужасно ошибся, когда говорил вам... те слова! Пожалуйста, я не выживу без вашей заботы, я не справлюсь, я не выдержу больше... Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Ладонь варвара легла на его затылок в привычном ласкающем жесте, и только тогда он решился поднять взгляд.

— Ты прощён, — Аргза улыбнулся ему, и тёмные глаза его чуть потеплели. — Но прежде — заслужи это прощение.

Он многозначительно посмотрел на свой пах, недвусмысленно намекая. Сильвенио застыл, кусая губы.

— Ты ведь делал это моему братцу, я не ошибаюсь? — тот неуверенно кивнул, содрогнувшись от воспоминаний. — Хорошо. Значит, опыт уже есть. Покажи, чему ты научился.

Он не мог возразить. Не мог отступить сейчас, не мог встать с колен, не мог выбрать смерть. Может быть, многие бы выбрали на его месте, но он всё ещё свято верил в то, что ему так часто повторяли в детстве: причинять вред — грех, но не ценить свою жизнь, какой бы безнадежной она ни казалась — грех ещё больший, потому что святая мать Эрлана даёт своим детям жизнь не для того, чтобы ей разбрасываться, а значит, пока ты жив, нужно сделать всё от тебя зависящее, чтобы эту жизнь сохранить. Поэтому он закрыл глаза и потянулся к его ширинке.

Когда он закончил "просить прощения", его глаза были пусты без всякого Контроля. На семя, стекающее с его губ и подбородка, он не обращал внимания, продолжая сидеть на коленях и не поднимая больше взгляда.

— Иди умойся, Лиам. Потом вернись, ты мне ещё сегодня будешь нужен. С завтрашнего дня я возвращаю тебе твоё питание и нормальный режим.

Он кивнул и, поднявшись, вышел из кабины, направившись в личную ванную Аргзы. Вернулся он, однако, только через полтора часа, с мокрой головой и слипшимися — то ли от воды, то ли от слёз — ресницами. Без слов подошёл к консоли, привычно настраивая систему корабля — необходимости в калибровке сейчас не было, но на Аргзу ему смотреть не хотелось.

Пират — Вперёд. Перекрой им вентиляцию. Посмотрим, как долго они протянут без воздуха. Может быть, тогда они захотят проявить чуть больше навыков дипломатии. встал. Обнял его сзади за плечи, зарылся носом в мокрый пух волос, чувствуя, как хрупкое тело под ним ощутимо напрягается.

— Послушай, — сказал Аргза, целуя его в макушку. — Не думай, что я на самом деле такой уж бездушный. Всё совсем не так, как ты себе представил. Мне действительно нравится о тебе заботиться — и чёрт с ними, с мотивами. Просто... тебе нужно быть осторожнее со словами, ладно? Я и впрямь разозлился, потому что, видишь ли, я не люблю неблагодарных.

Сильвенио благоразумно проглотил рвущееся наружу замечание о том, кто на самом деле здесь неблагодарный, учитывая, сколько он делает для обеспечения нормальной работы судна. Аргза коснулся губами его уха, снова зарылся в волосы.

— Не знаю, почему, но я не хочу, чтобы ты меня ненавидел.

— Традиции моего народа учат отказываться от ненависти от злости, потому что они уничтожают человека изнутри...

— К чёрту традиции. Ты *не можешь* меня после всего этого не ненавидеть.

— Я... нет, сир, могу. Я не ненавижу вас и не понимаю, зачем вы добиваетесь обратного. Зачем вы делаете всё это, если... Нет, я не ненавижу вас, сир, честно говоря, мне вас... жаль.

— Жаль?

— Да. Мне вас жаль... У меня, по крайней мере, есть целый один лучший друг, один просто хороший друг и ещё — воспоминания о доме, и это помогает мне верить в лучшее. А у вас... у вас нет ничего и никого, что могло бы... — тут он очнулся, задрожал снова, до смерти перепугавшись, что за такие речи Аргза снова его накажет. — То есть... нет, простите, я заговорился, я совсем не это имел в виду, я...

Он замолк, прерванный громким хохотом. Непонимающе уставился на смеющегося пирата, повернувшись к нему лицом и готовый даже повторить минет, если тот потребует — лишь бы не лишал его снова своего покровительства. Но Аргза смеялся и, кажется, не злился на этот раз.

— Жаль, Лиам? Ну и странный же ты, честное слово, если в твоём положении ещё можешь испытывать жалость, и к кому — ко мне! Мой личный маленький чудак, ты не устаёшь меня удивлять!

Слава Богу, подумал Сильвенио, он так ничего и не понял. А может, и плохо, что не понял — возможно, если бы до него дошли хоть какие-то из его слов, он бы, наконец, по-настоящему задумался...

"Здравствуй, братец."

Аргза опешил. В этот раз он проснулся не один: Конрад всё ещё был в его сознании.

"Убирайся из моего тела."

Из висевшего в коридоре зеркала на него смотрели насмешливые белые глаза.

"Это тело такое же твоё, как и моё, братец. Мы ещё посмотрим, кто имеет на него больше прав. А пока — хватит нам уже ссориться. Я разбудил тебя, чтобы показать, как надо правильно воспитывать слуг, а то они у тебя совсем распустились."

Аргза похолодел и внутренне напрягся.

"Что ты опять сделал с моим Лиамом?"

"Увидишь. Уверен, тебе понравится мой подарок."

Конрад беззвучно засмеялся. Аргза ещё подумал, помнится, что переругиваться с собственноручно убитым братом у себя в голове — самый дичайший и очевидный признак шизофрении. Мда... выходит, Лиам был прав относительно его психического здоровья? Он попытался перехватить управление телом — ничего не вышло, Конрад всегда был сильнее. Он присутствовал в собственном сознании исключительно в качестве гостя, как бы это его ни выбешивало. Стоило признать: существовали всё же некоторые вещи, перед которыми был бессилён даже могущественный Паук.

Конрад пришёл в спальню, и — Аргза оцепенел ещё больше: Сильвенио уже был там, он сидел на кровати, абсолютно обнажённый и стыдливо прикрывающийся тонким

покрывалом.

— Мм, ты уже тут, мой мальчик?

То, как прозвучало это "мой", Аргзе не понравилось. Очень.

— Как вы и приказывали...

— Отлично. Сегодня у нас с тобой контрольный урок, ты ведь помнишь? Ты должен делать всё без моих подсказок.

— Да... я помню... мне начинать?

— Разумеется.

"Что ещё за уроки такие, эй?!"

"Имей терпение, дорогой брат. Я же сказал — тебе понравится мой подарок."

Конрад прислонился спиной к дверному косяку, прикрыв за собой дверь, а Сильвенио неуверенно отбросил покрывало, бессмысленно смотря куда-то в пространство. Аргза думал, что тот сейчас просто уляжется и будет ждать, как всегда. Но — нет, на этот раз тот проявил неожиданную инициативу: вдруг выпрямился, сидя на коленях, и начал медленно водить руками по своему телу, запрокинув голову и демонстрируя окованное ошейником горло. Аргза следил за этими руками, как замороженный: за узкими ладонями, мягко оглаживающими все изгибы, за неправдоподобно хрупкими запястьями, за длинными талантливыми пальцами, пробегающими по выступающим рёбрам и несильно щиплющими бледно-розовые соски, за острыми подвижными локтями, обострившимися ещё больше из-за недавнего голодного режима. Аргза и раньше подозревал, что у него какая-то нездоровая фиксация на его руках, теперь же был уверен в этом совершенно точно — он просто не мог перестать на них смотреть. Тем более, когда эти самые руки так откровенно ласкали остальное тело, выгнутое, вдобавок, в столь соблазнительной позе. Лиам мерно раскачивался, как бело-синяя тонкая змейка, то ли гипнотизируя, то ли впадая в транс сам, и дыхание его быстро сбивалось. Уже несколько раз его пальчики пробежались у него между ног вверх-вниз, словно бы и не касаясь, но от этого румянец, покрывавший его щёки, становился с каждым разом всё заметнее, а раскачивания — быстрее. Конрад медленно, неторопливо подошёл к нему, внезапно вцепился в волосы, заставляя замереть на месте, и Лиам всё той же змейкой скользнул к нему, призывно прошёлся ладошками по брюкам. Аргза почувствовал, как у него встал — от одного лишь этого такого нетипичного поведения, делавшего Сильвенио похожим на профессиональную шлюху. Каждый жест, каждое его движение были очень точно спланированными, вызубренными наизусть, рассчитанными на то, чтобы возбудить даже какого-нибудь старого импотента-натурала. Даже свои длинные синие ресницы он опускал теперь как-то совсем по-блядски. Такими же заученными движениями тот самостоятельно расстегнул брюки Аргзы — Конрада — и, спустив их, совершенно крышесносно припал губами к внутренней стороне бедра.

"Впечатляет, правда? О, я знаю, что впечатляет — признай, только я мог сотворить такой шедевр из того занудного бревна, которое у тебя было."

Эти слова Аргзу мгновенно отрезвили. Он абсолютно не хотел знать, какими методами Конрад добился такого результата. То есть, выглядело это всё, конечно, и впрямь потрясающе, но...

Пустые, как у машины, ничего не выражающие голубые глаза, ставшие из пронзительно-лазурных почти бесцветными, не давали Аргзе насладиться всем этим более чем привлекательным зрелищем.

Безусловно, Лиам, соблазнительно облизывающий губы — себе и ему, Лиам, сам

подающийся бёдрами навстречу, когда он опрокинул его на кровать и приступил от прелюдии к делу, Лиам, стонущий какие-то пошлости томным от хорошо разыгрываемой страсти голосом — такой Лиам был просто мечтой. Но это был *не его* Лиам, это был какой-то неживой робот, занявший его место. Конрад, конечно же, не обращал внимания на эти стеклянные глаза, ему нужно было только услужливое, умеющее правильно себя подать тело. А Аргзе — Аргзе нужен был отклик. Зачем — он не знал и сам, и знать, честно говоря, не хотел, но факт был в том, что он вдруг очень ясно понял: ему хотелось бы, чтобы Лиам делал всё это по доброй воле, сам. Добровольно — или лучше никак, чем так, потому что так было... неправильно. Аргзе нужен был только его Лиам, настоящий — извечно смущающийся, робкий, вовремя и невовремя вставляющий какие-то заумные комментарии, застенчивый, прямо как девчонка, путающийся в собственных желаниях и эмоциях, парадоксально гордый — хотя со стороны это было не так заметно — и непременно серьёзный, даже в постели. Потому что именно эти качества в основном определяли выбор Аргзы все последние годы в вопросе "кого привести в спальню".

Конрад исчез из его сознания, как всегда, резко и без предупреждения. Когда Аргза понял, что снова может контролировать своё тело, он уже лежал на обессиленном Лиаме, основательно придавливая его своим весом, и восстанавливал дыхание.

— Вы... наблюдали за этим, сир? — спросил тот хрипло, тоже явно ощутив его присутствие теперь.

— Не поверишь, но у меня не было выбора. Да, наблюдал.

Сильвению осторожно выбрался из-под него, и Аргза увидел, что спина у него вся исцарапана, а плечи — снова искусаны. Хорошо хоть, на этот раз обошлось без лесок и когтей.

— И как? Вам понравилось... представление?

Аргза внимательно посмотрел на него — тон Лиамы ещё никогда не был так близко к истерическому. Но глаза его были по-прежнему пусты и бесцветны.

— Честно говоря, не очень. Ты здорово переигрывал.

— Прошу прощения, милорд, я постараюсь лучше в следующий раз. Могу я уйти сейчас к себе?

Аргза удивился и хотел было поинтересоваться, зачем ему идти к себе, если можно переночевать и тут, но вовремя сообразил кое-что и только кивнул, разрешая. В конце концов, Лиам не заслужил сейчас ещё одного унижения — а его было не избежать, если бы Аргза приказал ему остаться, потому что глаза у него были очень подозрительно сухие, а лицо — подозрительно спокойным. Аргза знал, что последует за этим спокойствием.

Он немного полежал ещё с четверть часа после того, как Лиам, одевшись, ушёл. А потом встал, натянул штаны и отправился в дальний коридор, ведущий к комнате первого помощника.

Ожидаемые им всхлипывающие звуки он услышал ещё на подходе к двери. Звуки были отчаянные, протяжные, и Аргза без труда представил себе Сильвению, сжавшегося на полу возле своей кровати в комок и закрывающего себе рот руками, чтобы не разбудить своими рыданиями уставших за день рабочих. Сильвению думал, что никто не знает об этой его привычке выплакиваться после чего-нибудь особенно ужасного у себя в комнате, и даже Джерри с тех пор, как Лиам принял к сведению тот совет Хенны, никогда не видел ни единой слезинки друга. Но Аргза знал, Аргза слышал, как тот плачет — в основном благодаря пресловутому мысленному каналу, натянутому между ними: бессвязные отголоски

его рыданий эхом отдавались у пирата в сознании. До сих пор он успешно делал вид, что ничего не замечает, справедливо полагая, что Сильвению, верный своему убеждению не плакать при чужих, совершенно не обрадуется, если узнает о его осведомлённости.

— Лиам. Открой дверь.

Зачем он нарушил данное себе негласное обещание не вмешиваться и пришёл к нему на этот раз — было не ясно и ему самому. Но какие-то дремучие инстинкты подсказывали: в последнее время на Лиаме обрушилось слишком уж много наказаний, и если ничего не предпринять сейчас — тот сорвётся окончательно. Сломается, не выдержав, или окончательно от него отдалится, сросшись со своей новой маской выполняющего любые прихоти робота с потухшим взглядом. Аргза не хотел ни того, ни другого.

— Я... я хочу побыть один, сир... — раздалось с той стороны двери приглушённо. — Можно?

— Нет. Нельзя. Открывай.

— Я выйду к вам позже... через пять минут, милорд. Да, через пять минут...

Конечно же, он ни в какую не собирался показывать Аргзе свои слёзы. Пират сильно сомневался, что после таких истерических рыданий тот сможет успокоиться за пять минут, но сделал вид, что поверил:

— Ну, хорошо. Жду в кабине.

И нарочно тяжело зашагал по коридору, чтобы тот понял: он уходит. Но, свернув за ближайшим поворотом, сразу же использовал Тёмную технику и шагнул из коридора напрямик в комнату помощника.

Он вышел из сомкнувшегося за спиной воздуха как раз в тот момент, когда Сильвению, поднявшись с пола, подошёл к двери, неуверенно вслушиваясь — видимо, чтобы удостовериться, что Аргза не поджидает его за дверью. Услышав за спиной движение, он резко развернулся, коротко вскрикнул и попытался хотя бы заслонить лицо руками — но Аргза вовремя поймал его запястья и развёл его руки в стороны, крепко удерживая. Сильвению беспомощно затрепыхался, вертя головой и ища хоть какого-то укрытия, а затем вдруг обречённо затих и посмотрел на него, тихо всхлипывая. По лицу у него безостановочно катились дорожки слёз, и в этот момент он казался Аргзе как никогда живым и красивым. Особенно же красивыми у него были сейчас глаза: большие, чуть раскосые, безмерно выразительные, ярко-синие — именно такие глаза, какие нравились Аргзе больше всего в нём.

— Ладно, — вздохнул пират, успокаивающе улыбнувшись ему. — Что тебе понадобится, чтобы влезть в мой мозг и убрать оттуда всяческих незваных гостей?

Сильвению так удивился, что даже всхлипывать перестал. Аргза медленно отпустил его руки, и тот больше не стал закрываться. Только хлопал смешно своими глазёнками и машинально слизывал солёную влагу с раскрасневшихся губ.

— Мне понадобится день в вашей библиотеке и ваше согласие...

— Хорошо. У тебя есть день и есть моё согласие. Что-то ещё?

— Нет... нет, сир. Этого достаточно. Могу я спросить... почему вы передумали?

Аргза задумчиво провёл большим пальцем по его губам, стирая с них слёзы. В самом деле, почему он решил подпустить этого мальчишку ещё ближе, ближе, чем подпускал кого-либо — в собственный разум? Почему ему не нравится, когда это жалкое создание плачет? Почему ему важно, чтобы это существо наконец перестало видеть в нём врага? Аргза не знал ответов на эти вопросы — собственно, ему было плевать. Он не привык, в отличие от того

же Сильвенио, хоть к какому-то самоанализу, и действовать любил импульсивно, не раздумывая над причинами своих поступков, потому что был уверен: если ему чего-то хочется — значит, надо это исполнить любой ценой, и не топтаться на одном месте, размышляя над тем, почему именно этого ему хочется.

— Ещё сам не знаю. Но, раз уж я передумал, изволь сделать всё так, чтобы я впредь не пожалел о своём решении.

Сильвенио кивнул, вновь недоверчиво моргнув. Беспомощность из его взгляда постепенно исчезала.

— Разумеется, сир.

Ровно через сутки Сильвенио явился к нему в спальню, сосредоточенный и взволнованный одновременно. Попросил сесть на кровать с ногами и устроиться как можно удобнее в сидячем положении, сел рядом сам, когда его просьба была выполнена. Краснея и смущаясь — до чего же он смешной всё-таки! Аргза вообще не понимал, как можно хоть чего-то смущаться после стольких лет совместных ночей! — попросил крепко его обнять, не забыв деликатно напомнить при этом, что рёбра ему ломать вовсе необязательно. Когда же варвар с удовольствием прижал его к себе, он обхватил своими прохладными ладонями его лицо и наклонил его к себе, чтобы иметь возможность непрерывного визуального контакта. Аргза ощутил, как через кончики пальцев Лиамы (чёрт, у него точно фиксация на его руках!) внутрь его черепа протягиваются какие-то несуществующие ментальные нити — теперь они были связаны между собой крепко-накрепко, как связываются одним страховочным тросом между собой альпинисты.

— Вы верите мне? — спросил Сильвенио вдруг.

— Что?

— Так нужно, — пояснил он. — Для ритуала. Вы должны честно ответить. И официально дать своё разрешение на вторжение в ваш разум. Иначе не получится. То есть — получится, но... с разрешением лучше. Не придётся взламывать замки, когда двери открыты — если вы понимаете, о чём я.

Аргза чуть было не отпрянул от него: последняя фраза звучала весьма угрожающе. Только теперь он понял, на какой риск согласился — в конце концов, этот чёртов телепат мог сотворить с его разумом абсолютно всё, что угодно, и вряд ли он сможет его остановить. Он мог его даже, наверное, заставить чувствовать себя до конца жизни умственно-отсталой пятилетней девочкой с Лойтеройсой! И ведь при этом даже нельзя было положиться на его убеждение "не причинять вреда", потому что — кто знает, посчитает ли он такое вредом!

Но с другой стороны... кому же верить, если не Лиаму, его Лиаму, который, в общем-то, и ненависти-то испытывать не умеет?

— Я верю тебе, — отозвался он, наконец. — Верю и разрешаю войти в мои мозги, как бы дебилно это ни звучало.

Сильвенио слабо улыбнулся — и тут же снова стал серьёзным. Зрачки его куда-то разом пропали, оставив лишь светлую радужку, и Аргза вдруг почувствовал, как... отключается. Да, пожалуй, другого слова было и не подобрать, он именно отключился — в одну секунду, как будто где-то внутри дёрнули рубильник...

Ему показалось, что в отрубе он провёл не больше нескольких секунд, но когда он очнулся — всё тело давно затекло. Сильвенио, одновременно с тем, как он открыл глаза, обессиленно откинулся на спину — и тут же вырубился сам, на редкость умиротворённый и довольный собой. Аргзе ничего не оставалось, кроме как перетащить его на подушку и

укрыть одеялом.

Конрада, Чёрного Овна, больше не существовало — ни в его сознании, ни где-либо ещё. Во всяком случае, после этого Аргза больше ни разу его не ощущал, и ни разу больше он не просыпался со стойким чувством, будто бы бродил во сне. Сильвенио удалось его победить раз и навсегда — как он утверждал, а врать или хвастаться было не в его репертуаре. Аргза ему верил.

А однажды, через какое-то время, Аргза проснулся от того, что по телу его изучающе скользили знакомые прохладные пальчики. Открыв глаза, он с немалым удивлением обнаружил Сильвенио, с любопытством исследующего его руки и грудные мышцы невесомыми прикосновениями.

— Продолжай, — сказал Аргза, ухмыляясь и ничего не предпринимая. — Что бы ты там ни делал — продолжай.

Сильвенио, воспользовавшись разрешением, отбросил одеяло и уселся сверху на его живот.

— Я... провожу научный эксперимент, сир, — Аргзе досталась ещё одна лёгкая улыбка.

— Ммм... И что за тема эксперимента?

Тот задумчиво провёл по его груди ладонями, приглаживая густые тёмные волоски на ней. Зачем-то попружинил немного кончиками пальцев на его плечах, очертил линию мускулистой шеи, пощупал пресс. Аргзе стало щекотно.

— Тема моего эксперимента — "переоценка возможностей и альтернатив", сир.

Всё с той же задумчивостью он провёл губами по его животу вверх, демонстрируя всё новые пределы своей гибкости. Нерешительно лизнул, словно бы боясь отравиться, но не отравился и лизнул снова, уже увереннее. Это, конечно, было совсем не так развязно и возбуждающе, как заставлял его делать тогда Конрад, но зато это был не робот, а самый настоящий Лиам, и крышу от этого сносило едва ли не больше: одно дело — забитая кукла с чужим взглядом, изображающая страсть по заранее оговорённому сценарию, и совсем другое — свой собственный молодой любовник, по доброй воле решивший немного разнообразить их обоюдные ощущения.

— Могу я спросить? — снова подал он голос. — Вы ведь... довольно привлекательный, по крайней мере — по меркам варваров. С вашей внешностью вам, возможно, даже не нужно было бы платить кому-нибудь, чтобы... Но вы почему-то выбрали меня. Джерри говорил мне, что рано или поздно любой работник вам надоедает, но вы со мной уже... достаточное количество лет... Для этого есть какие-то особые причины?

Аргза едва подавил желание стащить его с себя за шкуру и целовать до тех пор, пока не заткнётся.

— Ты действительно хочешь говорить об этом сейчас? — ответил он вопросом на вопрос. — Вот именно сейчас, в данный момент? Или, может быть, вместо разговоров ты займёшься своим экспериментом?

Сильвенио серьёзно кивнул и вернулся к изучению его тела всеми доступными способами. Щекотка очень быстро, надо сказать, сменилась кое-чем получше. Гораздо лучше.

— Сир, — Лиам лизнул его в ухо, и Аргза, не глядя, ощутил на своей щеке его улыбку. — А если я буду делать так каждую ночь, вы перестанете меня бить?

— Так вот для чего ты это задумал. Поздравляю, ты становишься коварным.

Сильвенио потёрся о его плечо щекой, и его улыбка теплела уже где-то в районе шеи.

Аргза почувствовал, как его помощника наконец отпускает накопившееся за все последние недели эмоциональное напряжение — и почему-то ему тоже стало от этого осознания легко на душе. Нет, всё-таки он был не прав, этот пташка-говорун, когда сказал, что у Аргзы нет никого и ничего. У Аргзы был он, Сильвенио.

— Да, сир... с вами по-другому никак, насколько я вижу.
И ведь не возразишь.

[Запись в бортовом журнале номер МК0JP53100_65:]

"Я, кажется, начал, наконец-то, привыкать. Не знаю, хорошо это или плохо. Но выжить теперь я сумею точно."

[Запись удалена.]

"Однажды старуха-Зима со своими спутниками Стужей и Ветром решила не пускать на землю Весну. Все цветы испугались угроз Зимы, кроме подснежника, который выпрямил свой стебелёк и продавил брешь в толстом снежном покрывале. Увидело Солнце его лепестки и согрело землю теплом, открыв дорогу Весне...."

Чья-то рука мягко перехватила его за талию, вылавливая из потока людей. Он удивлённо воззрился на улыбающегося Мартина, который даже в этом захолустном межпланетном баре не сменил свою белоснежную рясу на что-то более подходящее обстановке.

— Прости, — извинился тот и убрал руку, задержавшуюся на его пояснице чуть дольше положенного. — Просто не ожидал тебя тут увидеть.

Сильвенио улыбнулся в ответ: с Мартином они уже давно переписывались и даже несколько раз общались по видеосвязи, пока Аргза не видел, и за прошедшее с их первой встречи время они успели подружиться. Мартин был неизменно добр к нему, и, казалось, всегда был рад поговорить о чём угодно. Общение с ним изрядно облегчало Сильвенио жизнь — каждый раз, когда Мартин каким-то образом выходил на связь, пусть даже на пару минут, у Сильвенио оставалось после чувство какого-то тёплого спокойствия на душе.

— Ничего. Я здесь... сам знаешь, с кем.

На "ты" он согласился перейти относительно недавно, и Мартина это, кажется, воодушевило безмерно.

— Знаю, знаю... Абсент тоже ему несёшь?

Сильвенио уныло покосился на бокал с ядовито-зелёной жидкостью в своей руке.

— Разумеется. Я не люблю алкоголь. Он однажды заставил меня распить с ним бутылку вина на двоих — мне не понравилось. Воздействие самого алкоголя на мозг я всё равно нейтрализую, а без градуса вкус как-то не впечатляет.

— Он ещё и пить тебя заставляет...

Мартин покачал головой. Всякий раз, когда Сильвенио упоминал Аргзу, взгляд миротворца неизменно наполнялся сочувствием и печалью. Он тогда поджимал осуждающе губы и всё качал вот так головой, безмолвно сетуя каким-то высшим силам, и Сильвенио с ним в такие моменты становилось как-то неловко: он ощущал себя, в самом деле, какой-то осквернённой святыней. Или неизлечимо больным. Или ещё кем-нибудь... ущербным. Всё было в Мартине хорошо — он разделял его вкусы и идеологию, относился всегда с пониманием, поддерживал в особенно трудные дни, умел одной своей открытой улыбкой усмирить бушующую бурю эмоций, был терпеливым, внимательным и искренним — и при этом всё же существовало одно "но": иногда его основательно переклинивало, и тогда он взирал на Сильвенио с неподдельным благоговейным обожанием, как на какой-нибудь идол, и всё просил восторженным шёпотом рассказать ещё что-нибудь об Эрландеране. Неловкость в такие минуты увеличивалась всё больше.

Они вместе прошли к одному из дальних столиков, где сидел Аргза — как всегда, в тени, в вальяжной позе. Сильвенио поставил бокал на стол и предусмотрительно сел рядом с пиратом, не дожидаясь, пока тот усадит его сам. Мартин поздоровался с Пауком

убийственно-вежливым тоном и демонстративно пристроился на диванчик к Сильвенио, невозмутимо попивая свой апельсиновый сок.

— Я не приглашал тебя, Мартин Люмен.

Сильвенио сделал вид, что его здесь нет, потому что оказаться между двумя перекрёстными огнями схлестнувшихся не на шутку взглядов пирата и миротворца, одинаково неприязненных, ему не хотелось совершенно. Иногда он по-настоящему жалел, что Аргза не брал с собой в такие вот походы по барам Джерри — с ним было бы гораздо проще найти понимание.

— Ты не указ мне, Паук, и я сам вполне могу выбирать себе место.

— А я смотрю, ты больно смелый стал?

— С какой стати мне тебя бояться, интересно?

— Я могу наглядно показать, с какой стати. Брысь отсюда, пока я добрый.

— Добрый? Быть может, ты скажешь ещё, что ты сейчас очень вежливый?

Сильвенио вздохнул и незаметно вытек из-за стола, обогнув колени миротворца. Вмешиваться в перебранку не хотелось тоже — его всё равно, очевидно, никто не собирался слушать.

— Сир, — сказал он тихо. — Я хочу пить. Можно мне сходить к бару снова?

Аргза глянул на него с недоверчивым прищуром, но великодушно махнул рукой, отпуская. Сильвенио с облегчением переместился обратно к бару и спрятался за там за барной стойкой, заказав сок и себе. Плату с него не брали — видели, с кем пришёл. Здешний контингент ему не нравился — сплошь пьяные, наглые, с масляными глазками и скользкими, липкими взглядами — как не нравилась и мысль о том, что в таком месте мог забыть Мартин. Через какое-то время миротворец разыскал его и опять уселся рядом, и по его спокойному лицу невозможно было сказать, в чью пользу завершился этот бессмысленный спор.

— Он за нами следит, — заявил Мартин с непонятым смешком. — Неудивительно — моё одеяние очень трудно потерять из виду. Но при этом он велел передать тебе, чтобы ты заказал ещё что-нибудь и не торопился возвращаться в ближайшие минут двадцать. Пригрозил, правда, что если я этим воспользуюсь и хоть раз к тебе притронусь, он переломает мне руки. Как будто я его боюсь.

Сильвенио оглянулся: за столик Аргзы подсели какие-то хмурые типы с бегающими глазками. Значит, у Паука намечалась какая-то сделка. Судя по тому, что он не захотел его присутствия рядом — наверняка бесчестная. То есть, ещё более бесчестная, чем повседневная жизнь пирата.

— Ясно... Мартин, а почему ты здесь?

— А! Точно! — тот проморгался, словно очнувшись. — Как раз время подошло. Пойдём, покажу, почему я выбрал это место.

Сильвенио опасливо покосился на неотрывно следящего — и при этом умудряющегося внимательно слушать своих собеседников — Аргзу, который взглядом пытался четвертовать Мартина. Но миротворец только подмигнул ему и ненавязчиво потянул из-за стойки.

— Не волнуйся, я оставлю иллюзию, и этот негодяй ничего не заметит. Я хочу подарить тебе хотя бы несколько минут радости, не лишай меня этого права.

На всякий случай Сильвенио обернулся снова — Аргза, кажется, и впрямь ничего не заметил, а доводы звучали убедительно. Тогда он позволил себе расслабиться и оказаться утянутым куда-то в сторону чёрного хода.

Они вышли на узкую пустую площадку позади бара, которая не просматривалась ни из одного окна. Площадка, слишком маленькая даже для приземления одиночного истребителя, резко обрывалась неровным каменным краем в чёрную космическую пустоту — бар был большой и занимал почти всё горизонтальное пространство сравнительно маленького астероида. Кислородно-тепловым куполом взамен несуществующей атмосферы, правда, астероид этот был окружён со всех сторон и со всей тщательностью. В отличие от душного бара, пахнувшего алкоголем, дешёвым освежителем и толпой, здесь было даже холодно. Мартин, вопросительно глянув на Сильвенио, взял его за руку, согревая его мигом замёрзнувшую здесь ладонь.

— Смотри, — сказал он, кивая на обрыв. — Сейчас начнётся.

Сильвенио послушно посмотрел. Сначала он, честно говоря, основательно недоумевал: проходили минуты, а бесконечное чёрное пространство перед ними, обманчиво перемигивающееся далёкими звёздами, оставалось всё таким же пустым. Вызывало оно только неизменное, древнее чувство тоски по дому, знакомое каждому путешественнику в долгом пути. Сильвенио представлял: где-то там, неизмеримо далеко, за завесой равнодушной ледяной темноты, его ждут апельсиновое небо и круглые крыши домов...

Но вот что-то начало происходить, и картина стала понемногу меняться. Из-за края обрыва, чуть искажаемые куполом, торжественно грянули переливающиеся белые лучи света. Сильвенио вдруг замер, затаив дыхание: он не знал, что сейчас произойдёт, но почему-то был уверен, что непременно что-то волшебное, и это детское, забытое почти ощущение некой тайны заставляло его сердце биться сильнее в предвкушении.

Сияющий клубок неравномерного пульсирующего света всполохами вынырнул из-за погрызенного подобия горизонта, расцветая прямо над их головами гигантским космическим цветком. И точно, цветок — в середине светового клубка прорезалось вдруг ярко-фиолетовое отверстие, и от него начали по спирали закручиваться веточки-завитки, как будто на влажный лист бумаги капнули сверху акварелью. Размываемые потоками завихрений прозрачного газа, вокруг всего этого великолепия ярко вспыхивали всеми цветами радуги отражения звёзд, и уже казалось, будто не было никогда никакой чёрной пустоты, будто весь космос был живой и дышащий...

— Раз в девяносто семь лет, — тихо объяснил Мартин, синхронно с ним переводя дыхание. — Местный голубой сверхгигант проходит самую дальнюю точку своей орбиты, совсем рядом с чёрной дырой. Только здесь, с этой конкретной площадки, это зрелище можно наблюдать во всей красе и с максимальной безопасностью.

— Надо же... А люди в баре за нами? Они могут это видеть?

— Они даже не знают, что имеют уникальную возможность наблюдать что-то подобное в данный момент. Из окон, к сожалению, ничего не видно, а ведь никто там даже не интересуется, почему вдруг в этой грязной забегаловке стало чуть светлее. Вот почему я здесь на самом деле.

Это означало, что он поделился этой тайной, как величайшей драгоценностью, только с ним, с Сильвенио. От этого у него разливался внутри какой-то щемящий восторг, и на какое-то время он даже позволил себе забыть, кто он и к кому ему придётся вернуться, когда этот короткий миг абсолютного счастья так или иначе закончится. То есть — не забыть, нет, этого он не смог бы при всём желании, но хотя бы не придавать этому сейчас значения.

Рука Мартина была умеренно-тёплая, умеренно-мягкая, как он сам, и в то же время в ней определённо ощущалась сила — не как у Аргзы, а гораздо плавнее, возвышеннее, добрее.

Сам Мартин смотрел на него с какой-то непонятной тоской, и только тепернбсп;ь, когда световое шоу начало понемногу смещаться к краю площадки (астероид удалялся от удобного места наблюдения слишком быстро), Сильвенио заметил, что тот больше не улыбался. Как будто хотел что-то сказать или спросить, но всё не решался.

— Что-то не так?

Мартин сначала кивнул, потом помотал головой. Вздохнул, осознавая глупость своего поведения, крепче сжал его ладонь.

— Мне кажется, ты самое прекрасное создание во всей Вселенной, Сильвенио. Прости меня, если такие слова тебя пугают, но ты же знаешь, я привык быть честным.

Сильвенио вздрогнул: не то чтобы такие слова его действительно пугали, просто он совершенно не представлял, как на них нужно правильно реагировать. Раньше ему никто и никогда такого не говорил — разве что, мама с папой, но для родителей естественно души не чаять в своём ребёнке. Однако, надо сказать, смущение, испытываемое им, было приятным.

— Я... наверное, мне надо сказать "спасибо" или что-то ещё... я не знаю... Да, спасибо. Благодарю. Правда.

Улыбка вернулась на лицо миротворца.

— Ты очень обидишься, если я тебя сейчас поцелую?

Сильвенио издал горький смешок: Аргза никогда его не спрашивал. А Мартин был... хороший. Очень. Очень-очень хороший.

— Нет... я не обижусь.

Мартин оказался совсем близко, и от него пахло мятой. Мятой и апельсинами. Сильвенио закрыл глаза, почувствовав на своём лице его дыхание: Аргза ни разу ещё не целовал его в губы — слишком уж чувственным, наверное, являлся такой жест для грубого варвара — и теперь лёгкий незатейливый интерес к новому для него занятию щекотал Сильвенио изнутри и дразнил перспективой разнообразить ощущения. Он гадал, каким будет его первый настоящий поцелуй (где-то он читал, что "настоящий" — это только так, в губы), волнуясь и нервничая, а Мартин был спокоен, как всегда, и приближался как-то чересчур медленно, словно боясь повредить, как хрупкую фарфоровую статуэтку...

И его первый настоящий поцелуй так и не состоялся: в тот самый миг, когда их губы почти соприкоснулись, сзади раздалось глухое звериное рычание, и в тот же миг Сильвенио был больно оттащен от миротворца за длинный хвост. Он коротко вскрикнул — и встретился глазами с бешеным взглядом нависшего над ним Аргзы, который появился совершенно неожиданно — явно использовал Тёмную технику.

— Возомнили себя самыми умными, голубки?! — прорычал он, яростно наматывая синий хвост на кулак и заставляя Сильвенио прогнуться назад в позвоночнике. — Оставили мне иллюзию, а сами пошли лизаться в уголке?! Хочу разочаровать: я не такой уж идиот. Значит, так. Ты, Люмен, действительно меня разозлил на этот раз. Не приближайся к нему больше даже на пару десятков метров, если хочешь жить и сохранить свои кости целыми. А с тобой, — он снова дёрнул руку с зажатыми в кулаке волосами на себя. — Мы разберёмся на корабле, поганец.

На обычно светлое и одухотворённое лицо Мартина мгновенно легла гневная тень.

— Ну уж нет, Паук! Моему терпению тоже, знаешь ли, есть предел! Я люблю Сильвенио всем сердцем и не позволю, чтобы ты так с ним обращался. Он не заслуживает такой страшной участи — быть твоим рабом!

— Хочешь попытаться объявить мне войну? — глаза пирата угрожающе сузились, а оскал стал совсем хищным.

— Да хоть бы и так! В конце концов, я...

— Нет!

Мартин замолк и посмотрел на рискнувшего подать голос Сильвенио с удивлением и обидой. Тот зажмурился, стараясь не обращать внимание на усиливающуюся тянущую боль в затылке — Аргза, кажется, мог запросто оторвать сейчас его тонкий хвост целиком, вместе с приличным куском кожи или даже черепа, но всё это были мелочи в сравнении с тем, что тут сейчас могло произойти.

— Не надо из-за меня начинать войну, Мартин, пожалуйста, не надо... Ты не воин, ты миротворец, ты лучше и сильнее — духовно. Я не хочу, чтобы ты воевал, Мартин... не хочу. Не из-за меня. Не опускайся... до его уровня.

Слова, надо сказать, дались ему нелегко. Больше всего на свете он хотел сейчас закричать, заплакать, как маленький ребёнок, и умолять спасти его, умолять спасти любым способом, умолять показать ему, что в его жизни ещё действительно может быть что-то хорошее. Но он же теперь взрослый, а взрослым приходится порой принимать трудные решения. Очень трудные.

— До чьего уровня, ну-ка, повтори? — Аргза дёрнул его волосы ещё раз и одновременно врезал сзади кулаком под рёбра. — Ты ещё больше нарваться хочешь?

Сильвенио охнул, но заставил себя стоять более-менее прямо, что в таком унижительном положении сделать было довольно трудно.

— Нет, сир, не хочу, мне и так уже больно, и я склонен полагать, что если вы ударите меня так ещё раз, то сломаете мне рёбра. В таком случае я, скорее всего, просто потеряю сознание. Но я был бы благодарен, если бы вы перед этим хотя бы дали мне... попрощаться. Раз уж... раз уж я вряд ли ещё раз увижу этого человека.

Что-то такое было в его тоне спокойно-обречённое, что даже съедаемый ревностью Аргза вдруг нехотя кивнул и отпустил его из своей хватки, скрипнув зубами. Сильвенио подошёл к Мартину и порывисто его обнял, чувствуя, как тот в ответ беспомощно прижимает его к себе. Аргза скрипнул зубами ещё раз, громче и злее, но не вмешивался.

— Я... понимаю, наверное, почему ты не хочешь, чтобы я вступал в войну... Но я просто не могу жить спокойно с мыслью, что это чудовище...

Сильвенио вдохнул в последний раз запах мяты и апельсинов и отстранился, отходя на шаг. На самом деле, не так уж и сильно он был разочарован: слишком призрачной, слишком невозможной была надежда на счастье. Во всяком случае, сейчас ещё не пришло время его свободы. Когда придёт — он не знал, но пока ещё способен был верить, что однажды это случится.

— Просто не попадайся ему — и это уже будет хорошо. Я... справлюсь. Уже справлюсь, ты же видишь. Всё нормально.

Мартин смотрел на него с явственной болью. Сделал было шаг к нему — почти машинально — но затем отступил сам, всё понимая и осознавая.

— Я найду способ тебя вытащить, — пообещал он. — Обязательно найду. И как можно скорее.

Сильвенио только кивнул, ничего не говоря. Аргза, вконец разозлённый этой их сопливой сценой, снова намотал на кулак его хвост и потащил его обратно в бар, как на поводке, ничуть не заботясь о том, что тот за ним не успевает.

— Всё ясно, надеюсь, Мартин Люмен? Подойдёшь к нему ещё раз — в порошок сотру. Обоих.

Так, за волосы, он протащил Сильвенио через весь бар и через весь корабль до кабины. Тот лишь жмурился и кусал губы, ни на кого по пути не глядя — понимал, что в какой-то мере виноват был сам, потому что не подумал о том, что Аргза может распознавать иллюзии, но это не мешало горькой, бессильной обиде душить его изнутри.

Первым же ударом Аргза действительно едва не сломал ему рёбра. Удивительно, как он ещё умел вовремя останавливаться, с его-то физическими возможностями. Сильвенио не стал вставать с пола, куда отлетел по инерции, и зажмурился сильнее, уныло прикидывая про себя, насколько именно зол варвар и успокоится ли сегодня вообще.

— Сир... зачем вы так? — терять уже, похоже, всё равно было нечего, и слова рвались наружу сами. — Я же ваш, и вы это знаете. У меня ваше клеймо на лице. Ошейник с встроенным маяком. Я знаю, что не смогу от вас сбежать, скорее всего. Я ваш, и вашим останусь... Но зачем вы лишаете меня даже... надежды на лучшую участь? Почему я не могу хотя бы просто мечтать о том, что я мог бы быть свободным и... любимым?

Он ожидал, что если у него и был шанс отделаться парой ударов и очередным публичным унижением в виде таскания за волосы на глазах у всего бара, то уж после этого ему точно придётся проваляться в медицинском крыле несколько дней. Но новых ударов не последовало, и он решился открыть глаза. Аргза молча стоял над ним, почему-то с опущенными руками и уже абсолютно спокойный. В его тёмных глазах читалось какое-то странное, неопознаваемое выражение, в котором Сильвенио с изумлением увидел лёгкий оттенок... О, нет, это определённо чушь, ему показалось!..

— Я — твоя лучшая участь, — произнёс варвар с нажимом, отчётливо чеканя каждое слово. — Только я. Ты меня понял?

Сильвенио моргнул, глядя, как пират разворачивается и уходит из кабины. Похоже, он действительно легко отделался за сегодняшнее.

— Как скажете, милорд...

— Напомни мне, почему я согласился на всю эту хрень вместо того, чтобы просто разломать всё там к чертям, уничтожив недовольных, и забрать то, что мне нужно.

Сильвенио опустил глаза. На самом деле, как он прекрасно догадывался, настоящая причина внезапного согласия Аргзы с его планом состояла всего лишь в том, что после расставания с Мартином он уже довольно долго хандрил, а хандрящим он был варвару просто неинтересен. В общем-то, Сильвенио не думал, что это действительно улучшит его настроение: съедающая его тоска всё равно должна была пройти сама собой. Время лечит, время — универсальное лекарство, особенно учитывая, что даже на тайные звонки Мартина он больше не отвечал, чтобы не травить обоим душу. Но говорить обо всех этих догадках пирату было совсем необязательно.

— Потому что убийство и разрушения — не самый лучший выход, сир. Тем более, когда можно обойтись без этого. И ещё — потому что одна из первых баз Федерации неустанно

дрейфует вокруг этой планеты, и, несомненно, вмешается, если начнут поступать жалобы. Не факт, что мы в таком случае сможем уйти без потерь, не говоря уже о получении вами желаемого.

Аргза неопределённо хмыкнул, делая вид, что принимает такие аргументы на веру. Потом на лице его зажёгся интерес, и он оглядел помощника ещё раз — теперь уже внимательнее. Тот, надо сказать, выглядел более чем непривычно, но всё равно почему-то безупречно: умело задрапированная на манер древнеримской тоги красно-золотистая ткань, охватывающая тонкое тело тяжёлыми складками, смотрелась на нём не хуже обычного серого костюма, а кожа, заметно потемневшая из-за прилепленных к ней под одеждой специальных пластырей для распространения временного загара, казалась весьма и весьма экзотическим дополнением к густо подведённым чёрной краской глазам. Бледный книжный червь превратился в соблазнительного солнечного принца. При взгляде на него у Аргзы приятно тяжелело в паху: этот облик как нельзя лучше отражал почти все идеалы красоты для выходцев с Архагла. Правда, в обычном виде Сильвенио почему-то нравился ему ничуть не меньше.

— Тебе идёт, — заметил пират, притягивая его к себе и задумчиво проводя ладонью от неприкрытого драпировкой колена выше до бедра.

Сильвенио осторожно положил руки ему на плечи, чтобы попытаться отстраниться, но ладонь ползла всё выше и держала всё крепче. Он терпеливо вздохнул.

— Сир, вам, разумеется, нет дела до того, что заново мне закреплять эту ткань именно так, как того требуют местные обычаи, придётся опять очень долго, ибо это кропотливый процесс. Но хочу напомнить вам, что позже, когда мы войдём на рынок, нежелательно с вашей стороны проявлять подобный интерес. Вы ведь помните суть плана, верно? Я должен изображать вашего... — он неловко замолк.

— Моего хозяина, — подсказал тот с усмешкой и вынул руку из-под ткани, запутавшись в многочисленных складках. — Я помню. И я здорово подозреваю, что ты предложил весь этот план исключительно для того, чтобы насладиться этой небольшой, но, несомненно, приятной мстью.

Сильвенио с облегчением выскользнул из его хватки и на всякий случай отошёл подальше. Но руки у огромного варвара были длинные, и он снова оказался притянут обратно. Иногда ему казалось, что руки Аргзы Грэна достанут его даже на краю мира.

— Сир, я вынужден напомнить вам, что я не одобряю само понятие мести, как и весь мой народ, и предстоящий нам с вами совместный грабёж, уж поверьте, не доставляет мне удовольствия сейчас — не доставит и в перспективе. Но, тем не менее, предложенное мной решение кажется мне наиболее разумным, потому что о нужном вам артефакте мы можем узнать только на здешнем рынке, а вы не знаете языка, и если принять во внимание тот факт, что местные богатые коллекционеры, с которыми будут охотнее всего делиться подобными сведениями, больше походят телосложением на представителей моей расы, и что, согласно проанализированным мной данным, пиратов они не берут даже в телохранители, только в рабы, то...

Аргза нетерпеливо отмахнулся и привычно, по-звериному начал вылизывать ему ухо. Всё это Сильвенио говорил уже много раз, и всё это Аргза уже прекрасно знал, но это ничуть не убавляло его раздражения. Да и потом, ему почему-то никогда не нравились чужие длинные логические цепочки. Даже если они и вправду были сугубо логическими. У варваров логика всегда была своя собственная, простая и действенная: врагов — атаковать,

желаемого — добиваться, своего — не упускать из рук, а все разговоры — как-нибудь потом, а лучше — в другой жизни, если она будет. На уровне инстинктов жить было гораздо проще и полезнее. Что, впрочем, не мешало ещё ни одному варвару рассуждать здраво, когда это требуется для их целей.

Сильвенио отвернулся с усталым безразличием, больше не пытаясь ненавязчиво выскользнуть из собственнически облапывающих его рук и — тоже привычно — обмякая в его руках живой куклой. Он уже давно уяснил, что так было гораздо проще, чем пытаться увещевать пирата заняться наконец делом, которое, между прочим, только ему и нужно, в общем-то. Работало всегда безотказно: если он проявлял подобное покорное равнодушие, а у Аргзы не было достаточно времени, чтобы попытаться его как-то растормошить, то домогательства быстро прекращались. Целовать и лапать куклу ему было определённо скучно.

Они вышли из замаскированного под торговое судно корабля вместе. Тонкий фиктивный поводок, закреплённый посередине ладони Сильвенио и ведущий к такому же фиктивному ошейнику на шее варвара, Аргзу ужасно позабавил, и он едва удержался от хохота, когда представил, как они, должно быть, выглядят сейчас со стороны: субтильный паренёк с печальными глазами, аккуратно завёрнутый в какие-то тряпки, со смешными голыми коленками, с абсолютно безволосыми и гладкими ножками-спичками — и его широкоплечий трёхметровый "раб" со взглядом убийцы и в одной лишь набедренной повязке.

— И как я смотрюсь в ошейнике? — улыбнулся он, пока они проталкивались через толпу на тот самый рынок. — Тебе нравится, Лиам?

Он, конечно, издевался, и Сильвенио это прекрасно знал, поэтому он только чуть приостановился и глянул на него с мученической скорбью.

— Должен заметить, сир, что ошейник не смотрится хорошо ни на одном живом существе. Ограничение свободы — это всегда печально. За миллионы лет своего существования человечество, как ни странно, так и не сумело отказаться от торговли рабами, несмотря на весь уровень своего развития, и это говорит только о том, что люди...

Аргза наклонился к нему и, лениво подцепив ногтем бинты на его шее, которыми был скрыт от любопытных глаз собственный ошейник Лиама, подхватил его за подбородок и чуть сжал, любуясь его личиком, приобретшим привычное выражение проповедующего священника. Тот, однако, не спешил замолкать, вопреки привычке, и очередная лекция о свободе и ошибках человечества грозила затянуться. Иногда так бывало: Сильвенио заклинивало, и он всё не затыкался, упрямо пытаясь донести до Аргзы какую-то очень Важную и Умную Мысль (именно так, с заглавной буквы), а пират, даже не утруждаясь делать вид, что слушает хотя бы краем уха, беззастенчиво его разглядывал и следил за его руками, в такие моменты нервно теребившими край одежды или же выразительно жестикулирующими. Аргзу просто тоже порой нехило переклинивало — только на несколько других вещах.

Правда, сейчас клин случился с ними обоими крайне, крайне невовремя.

— Ооооо! — прервал поток очередной проповеди чей-то удивлённо-брезгливый голос рядом с ними. — Вы слишком много позволяете своему рабу, юноша!

Они обернулись к говорившему одновременно; Сильвенио смущённо моргал, а Аргза только насмешливо приподнял бровь. Человек, стоявший возле них, был чуть ниже ростом, чем Сильвенио, и незначительно шире в плечах, что придавало ему в сравнении с

эрландеранцем менее изящный вид, но в целом он действительно больше походил на него, чем на варвара. Судя по расшитой золотом одежде, он относился как раз к группе нужных им зажиточных торговцев.

— Да, я... не так уж искусен в обращении с... рабами, — проговорил Сильвенио, неловко пытаясь избежать опасной правды и в то же время от природы не умея врать.

— Это заметно! Чтобы позволять рабу так наглеть, да ещё и в публичном месте! Какой стыд! Отойдите-ка, юноша, я покажу вам, как с такими надо обращаться.

Даже через фальшивый загар было видно, как Сильвенио побледнел. Аргза нехорошо осканился: фарс фарсом, а трогать себя каким-то недоумкам он позволять не собирался.

— Нет нужды, — быстро, но спокойно отозвался Лиам. — Всё под контролем.

Под чьим контролем, он уточнять не стал. Торговец переводил подозрительный взгляд с одного на другого, и вокруг уже начала собираться толпа любопытствующих, привлечённых разгорающимся спором. Ситуация медленно, но верно приближалась к статусу абсурда. Напряжение росло.

— Я вижу, вы действительно очень неопытны, юноша. Могу я узнать имя вашего Дома? Мне бы хотелось поговорить с вашими родителями о некоторых аспектах воспитания. Быть может, они тогда смогут отнестись внимательнее к проблемам вашего общения со скотом.

Аргза, поименованный скотом, хищно улыбнулся. Сильвенио обречённо вздохнул.

"А я ведь говорил тебе, что эта затея изначально провальна, Лиам. Если бы ты хотя бы умел врать, то идея с маскировкой, возможно, была бы не так плоха, но ты безнадежен."

Сильвенио опустил взгляд и выпустил хлипкий поводок из руки, понимая, что сейчас произойдет.

"Если бы вы, сир, лучше умели контролировать свои эмоции и хотя бы на время не вели себя так вызывающе, нам бы даже вопросов никто не задавал, и всё прошло бы хорошо."

Пират отвесил ему подзатыльник, уже не стесняясь. Вокруг послышались изумлённые и возмущённые перешёптывания. Одновременно Сильвенио, вынужденный ответить против своей воли, вежливо улыбнулся торговцу:

— На этой планете у меня нет Дома, честно говоря. Моя семья осталась очень далеко. Извините.

И всё бы ничего, и можно было бы, пожалуй, как-то выкрутиться, исходя из этой только невинной реплики, но прилюдный подзатыльник от якобы "раба" и общий подозрительный вид их парочки сделали своё дело. Да и выкрутиться-то, в общем, не получилось бы в любом случае, потому что тогда пришлось бы придумывать себе легенду, а они этого себе позволить не могли. Оба понимали это, и потому уже в следующее мгновение, не дав больше произнести ни слова рвущемуся проявить своё дальнейшее недовольство купцу, Аргза активировал когти и отшвырнул его от себя. Затем схватил Сильвенио за плечо, рванув в сторону и расчищая себе путь при помощи когтей. В мгновение возникшей суматохе они смогли сбежать с рынка незамеченными, несмотря на то, что рослого варвара крайне трудно было потерять.

— Ну, и что дальше? — спросил Аргза недовольно, когда они, переводя дыхание, затаились от преследователей внутри какого-то заброшенного низкого здания. — Ещё один гениальный план?

Ответить Сильвенио не успел: откуда-то из тени начали выползать к ним странного вида люди. Измождённые, в обносках, с затравленным взглядом — они явно принадлежали,

мягко говоря, не к самому богатому классу населения. Аргза брезгливо изогнул бровь, размышляя, видимо, стоит ли вообще с ними драться, или можно просто игнорировать. Но оборванцы тянулись к ним, и их становилось всё больше — откуда только повывлезали, спрашивается?

— Сир, — Сильвенио осторожно коснулся его локтя. — Не надо с ними драться. Они не хотят нападать. Посмотрите: они безоружны.

Те смотрели на них с явным страхом, не решаясь приблизиться на достаточное расстояние. Шумиха на рынке ещё не улеглась, но отсюда её можно было расслышать только как отдалённый гул голосов, и тишина, застывшая в пыльном воздухе этого здания, оседала в горле напряжением. Люди не шевелились, Аргза скучал и изучал их взглядом (явно не ощущая себя хоть в какой-то степени неловко даже в набедренной повязке и с болтающимся забытым поводком), Сильвенио ловил невнятные обрывки их мыслей, словно живая антенна. Мысли эти в основном отдавали привкусом чего-то вязкого, непонятного, но враждебности в них не чувствовалось совсем. И на том спасибо.

— Ты же этот... Паук, — полувопросительно утвердил один из них. — Пират. Один из легендарных участников в той Войне против Федерации.

Аргза лениво кивнул.

— Он самый. Что вам нужно, отбросы? Игра в гляделки мне надоела.

Из-за спины говорившего робко выглянул ребёнок лет десяти-двенадцати, чумазый и такой же запуганный, как и все остальные, и с любопытством уставился на пирата. Сильвенио улыбнулся ему чуть ободряюще: он знал по себе, как тяжело детям приспособиться к слишком рано вторгающемуся в их мир миру взрослых.

— Мы... — мужчина явно замялся. — Мы — представители почти уничтоженной оппозиции... Представители исконного местного народа! Но эти, новые, они пришли и вышибли нас... из родных мест! Из наших домов! Убили нашего царя, чтобы посадить на его место пса из Союза Федерации, и устроили здесь ещё один опорный пункт этой многоглавой гидры... Они забрали наши права, они...

— Да плевал я. От меня что нужно?

Незнакомец нахмурился — он-то, видимо, рассчитывал произнести длинную вдохновляющую речь и рассказать о годах борьбы с тиранией, но весь вид Аргзы говорил о том, что таких предисловий он не любит.

— Нам нужна помощь... мы хотим поднять восстание... и помощь такого известного пирата могла бы...

— Не интересуюсь.

Мужчина замолчал, совершенно растерянный таким резким отказом. Разговор определённо не клеился. Надежда, вспыхнувшая было в глазах этих людей неуверенным огоньком, начала угасать. Но окончательно всё равно не исчезла.

— Хорошо. Если вы не хотите помогать нам даром, то мы согласны на сделку. У нас есть провидица, и она сказала, что вам здесь нужен один артефакт. Мы знаем, какой именно. Осколок Священного Семицвета, верно? Мы можем провести вас в храм, где он спрятан.

Только теперь глаза Аргзы сверкнули интересом. Сильвенио вопросительно посмотрел на него: ему он так и не сказал, что конкретно они ищут, и одно упоминание Священного Семицвета заставило его сердце биться в разы быстрее — этот артефакт был одной из самых будоражащих его ещё с детства загадок Вселенной, и он просто не мог поверить, что Аргза тоже им заинтересовался. Пират усмехнулся и потрепал его по пушистым волосам, заметив,

как тот оживился.

— А вот это уже больше похоже на деловое предложение. С этого и стоило начать. Ну?

Мужчина выступил вперёд, и его сынишка — судя по общим чертам лица — тоже потрусил за ним, чтобы снова прижаться к его ноге. Сильвенио наблюдал за ребёнком с сочувствием и жалостью.

— Если ты согласишься обеспечить нам защиту во время акции протеста... от солдат Федерации... то мы покажем тебе путь к храму.

Аргза изогнул бровь. Они определённо что-то недоговаривали, он чувствовал это всем своим нутром, но всё не мог понять, насколько опасны их недоговорки. Сильвенио же, судя по его радостному лицу, никаких недомолвок не заметил.

— Какого рода вы планируете акцию протеста? Вооружённую? — уточнил тот настороженно, но со слишком очевидной надеждой в голосе.

Мужчина как-то вымученно ему улыбнулся, и эту его улыбку ещё более неумело скопировали остальные. Не улыбался только ребёнок, так и не отпустивший ноги отца, и Сильвенио против воли почувствовал с этим ребёнком некое родство.

— Мирную, конечно, исключительно мирную... Мы ведь не воины, мы простые жители, у которых отняли землю и дома, и мы только хотим им напомнить, что у нас тоже есть права... А защита нам для этого просто необходима: они ведь и слушать, небось, не станут, просто перестреляют нас, как только мы соберёмся на площади! Поэтому нам... нужно прикрытие... Понимаете?

Он глянул на Сильвенио проникновенно, с хорошо просчитанной долей отчаяния во взгляде. Происходящее нравилось Аргзе всё меньше и меньше с каждой минутой: его не покидало смутное ощущение, что всё это было подстроено для того лишь, чтобы заманить в ловушку. И, судя по всему, заманить даже не его. Но, в любом случае, было уже катастрофически поздно — у Лиамы так сияли глаза, что можно было даже не сомневаться: он попался.

— Митинг назначен на завтра, но если бы ты обеспечил нам своих людей уже сегодня, то, думаю, нам хватит пары часов, чтобы мобилизоваться... А в это время твой помощник мог бы пойти с одним из нас в храм. Таким образом, ты не потеряешь здесь много времени, пират, и у тебя будет меньше риск попасться Федерации...

Определённо, это была какая-то ловушка, и пахло всё это дурно, очень дурно. Аргза бы, честно говоря, ни за что бы на такое не согласился, он и не собирался, в общем-то, соглашаться. Но Лиам, этот чёртов Лиам, уже вцепился в его руку, встав на цыпочки и просительно заглядывая в глаза, и смотрел на него взглядом доверчивого щенка, и льнул к нему всем своим тощим телом, и вообще выглядел так, словно сейчас завилает несуществующим хвостом.

— Пожалуйста, — произнёс он, улыбаясь. — Мы ведь можем действительно помочь этим людям. Сделать так, чтобы их услышали. Мы можем помочь им, и вам же это ничего не стоит, сир. А зато потом у нас будет этот артефакт. Осколок Священного Семицвета, милорд! Это же, если не ошибаюсь, тот самый Осколок, являющийся фрагментом некой загадочной карты, которая, согласно общей легенде, способна привести к самому Сердцу Вселенной! Я читал об этом в детстве: говорят, что Сердце способно исполнить любое желание того, кто его найдёт... Это же так... захватывающе!

Где-то Аргза слышал пословицу, что любопытство сгубило кошку. Сильвенио сам был, что та кошка — обычно сдержанный и апатично-покорный, при любом упоминании мало-

мальски значимой тайны он вдруг оживал, загорался интересом, граничащим с фанатизмом, и иногда варвару всерьёз начинало казаться, что однажды ради какой-нибудь неразрешимой загадки его хрупкий тихий Лиам перегрызёт кому-нибудь горло, наплевав на все свои тщательно лелеемые принципы. Показать ему что-то совершенно новое, увлечь, удивить — верный способ превратить этого печального ангелочка в живой любознательный огонёк, которым, пожалуй, можно и обжечься при случае. И Аргза — Аргза поймал себя с досадой на мысли, что абсолютно не может сопротивляться этим его горящим небесным глазам. А Сильвенио не преминул его добить контрольным выстрелом в голову:

— Пожалуйста, сир. Ради меня...

Ради кого ещё, спрашивается, он мог бы всерьёз обдумывать подобную хрень? Но, в конце концов, впервые после расставания с Мартином тот выглядел таким воодушевлённым, и ничего не оставалось, кроме как выдохнуть и кивнуть. Лица окруживших их людей мгновенно расцвели уже более искренними улыбками, Сильвенио просиял.

— Надеюсь, я не ошибаюсь, доверяя тебе в том, что ты не сбежишь, пока я буду организовывать защиту для этих уцербных? — Аргза дёрнул его за ухо, нахмурившись.

— Не ошибаетесь, сир. Я не сбегу.

— Хорошо. Тогда, — он повернулся к ожидавшим его окончательного решения людям. — Покажите мне эту свою площадь, я приведу туда людей. Лиама пусть кто-то отведёт к артефакту.

Ему не понравилось, как подобострастно они закивали — от таких хорошего ждать не приходилось. Тем не менее, он всё же отпустил Сильвенио и, одарив его напоследок ещё одним долгим недоверчивым взглядом, пошёл за провожатыми.

Человек десять — сколько же их тут было изначально? — остались в здании, в том числе и тот ребёнок, отец которого взялся показать пирату площадь. Сильвенио шагнул к ним, и кто-то взяв его за руку, молча вывел его другим ходом, в противоположном ушедшей группе направлении.

Они шли довольно долго, и Сильвенио всё пытался с ними заговорить, но в ответ на все его вопросы ему только вежливо улыбались и просили подождать. Тогда он позволил себе погрузиться в грёзы наяву: о том, как он найдёт осколок легендарного артефакта, о том, как Аргза поможет всем этим людям, о том, как общими усилиями здесь можно будет установить настоящий мир, а потом, возможно, отправиться на поиски дальнейших фрагментов постигнутой им загадки... Перспективы, открывающиеся перед ним, были одна другой радужнее, и это было в кои-то веки приятным разнообразием после всех этих лет полного мрака. Он заставил себя поверить, заставил себя не сомневаться, потому что уже, честно говоря, ужасно устал от всех этих сомнений, устал от того, что всё так безнадежно, устал от того, что всё в жизни не так, как надо. Он думал: они помогут этим людям, Аргза сделает, может быть, первое доброе дело в своей жизни, и тогда, вероятно, всё станет лучше, жизнь перестанет катиться под откос и снова начнёт упрямо взбираться в гору — к свету, к радости, к счастью...

Слишком много планов, слишком много надежд. Максимализм ещё ни для кого не заканчивался хорошо.

Ствол ружья упёрся ему в спину между лопатками, заставляя его замереть на месте и оторваться от мечтаний.

— Эй, ты, — прогнусавил один из его спутников. — Где стоит ваш корабль?

Он неверяще оглянулся, несколько раз моргнув. Проклятый мираж никуда не исчез:

люди стояли вокруг него плотным кольцом, и на их лицах не осталось и следа былой беспомощности. Они смотрели на него всё так же затравленно, но теперь ещё и зло, словно стая крыс, знающих, что в численности их преимущество. Численность, конечно, на данный момент была у них небольшая, всего с десятков человек, но это было ровно в десять раз больше, чем имел на своей стороне Сильвенио.

— К юго-востоку отсюда, в нескольких милях... Зачем вам это нужно? Мы разве не идём к храму?

Человек с ружьём переглянулся с остальными, и только теперь Сильвенио заметил их недобрые, торжествующие взгляды, которыми они обменивались между собой всю дорогу.

— Нет, пацан. Мы идём к кораблю того пирата, которого сейчас застрелят на площади агенты долбаной Федерации и благодаря которому мы наконец получим нашу законную землю назад. Показывай дорогу, если хочешь жить.

Холодное дуло снова больно ткнулось ему в спину, и Сильвенио споткнулся на месте, от этого толчка едва не пропахав носом землю.

— Но... как же... Семицвет? Акция протеста? И...

Они зло засмеялись, и понимание ударило его хлётко, резко — большее, чем бил когда-либо Аргза. Эти люди обманули их! Должно быть, у них и правда имелся кто-то с провидческим даром, и они узнали, что ищет Паук, и использовали это знание против них... А Аргза? Что, интересно, с ним? Сильвенио решился наконец снова считать с их разумов обрывки поверхностных мыслей — и ужаснулся повторно. Так в чём заключался их план — заманить Аргзу на площадь и просто передать в руки властям, которых заранее предупредили, а потом ещё и заставить его, Сильвенио, привести их к кораблю Паука и указать на местонахождение судна тем же представителям закона!

— Давай, малец, топай-топай.

Сильвенио вздрогнул и повернул к кораблю, только сейчас осознав, что по его вине погибнет, возможно, не только Аргза, но и сотни невинных рабочих. Но он не мог сопротивляться и продолжал вести их вперёд: ружьё было слишком сильным аргументом, и к тому же они периодически спрашивали его, в том ли направлении они идут, а врать он по-прежнему не мог...

Когда до корабля оставалось не больше пары сотен метров, Сильвенио не выдержал. Рванулся, не помня себя, и этот рывок вызвал у его конвоиров секундное замешательство — этого хватило, чтобы он сумел проскочить мимо них и опрометью кинуться обратно к городу, виднеющемуся вдалеке. Ведь всё ещё можно исправить, думал он, надо только найти Аргзу, найти и всё рассказать, ведь не может же быть такого, чтобы Аргзу уже схватили, нет, не может, Паук слишком силён, он ещё в городе, он, конечно же, тоже всё понял и убежал, и теперь надо только его найти и...

Выстрел громом прервал его бессвязный почти, лихорадочный поток мыслей, и Сильвенио бросился на землю, повинувшись могучему и древнему инстинкту самосохранения. Следующая пуля прошла у него над головой в паре сантиметров от затылка, а потом преследователи настигли его и скрутили. Дуло ружья упёрлось ему в лоб: его, похоже, никто не собирался отпускать. Ещё одна разрушенная в одно мгновение бессильная надежда. Ещё один промах.

Человек, стоявший над ним, надавил на курок. Значит, промах этот будет последним в жизни Сильвенио Антэ Лиама...

Он не успел ничего осознать. Не успел даже испугаться. Одновременно прозвучали

выстрел, чей-то короткий вскрик и судорожный вздох самого Сильвенио. А через мгновение он уже был прижат к чьему-то сильному телу, обдавшему его волной знакомого внутреннего жара.

— Сир?..

До этого момента он, оказывается, даже не подозревал, как бешено бьётся его сердце — того и гляди, выскочит из груди. Его неподдельно трясло, и он всё никак не мог разобраться, что же произошло, голова кружилась, а перед глазами от столь резкой смены положения в пространстве безудержно прыгали цветные пятна. Но один факт не поддавался никаким сомнениям: он всё ещё был жив и невредим. Жизнь продолжалась. И это было... восхитительно. Несмотря ни на что.

— Тихо, тихо, Лиам. Всё в порядке. Я вовремя их разгадал.

Немного успокоившись, Сильвенио решился оглядеться. Выяснилось, что Аргза притянул его к себе лесками одной рукой. Другая рука в то же время поразила того, кто держал ружьё — теперь он валялся с перерезанным острой леской горлом, в луже собственной крови, и выстрелившее в последнюю секунду в воздух ружьё лежало там же бесполезной грудой железа. Кучку замотанных в обноски людей окружили солдаты Аргзы, нацелившие на них уже свои собственные оружия. Никого из тех, кто посмел его когда-либо обмануть, Аргза Грэн в живых не оставлял.

Сильвенио закусил губу и посмотрел на своего хозяина. Да, его веру в людей опять жестоко подорвали; да, ему преподали очередной урок выживания в этом мире. Но он всё ещё не мог допустить, чтобы эти люди погибли. В конце концов, они были последними из исконного местного народа, он прочитал это в их мыслях, в их глазах, и на этот раз это был не обман. Их действительно угнетали много лет, истребили почти всю их нацию, превратив их родную планету в прибыльную туристическую зону. И — они всего лишь хотели выжить. Кто их мог в этом обвинить?

— Не убивайте их, сир, не надо... Они просто запутались. Они не придумали лучшего пути... Дайте им шанс. Пожалуйста, дайте им шанс...

Аргза посмотрел на него в ответ сверху вниз, и в его взгляде не было ничего, кроме презрения — но совсем не к нему. Сильвенио тщетно старался найти в его ледяных тёмных глазах хоть каплю сочувствия и жалости.

— Я уже дал им шанс, — отрезал пират жёстко. — И в результате они чуть не угробили не только меня, но и тебя. И больше я никаких шансов им давать не собираюсь. Огонь!

Отчаявшись, Сильвенио кинулся в сторону тех, кого пират приговорил, надеясь спасти хоть кого-то, надеясь спасти хотя бы того ребёнка... А тот стоял и просто смотрел на него своими ничего не выражающими голодными глазами, этот странный ребёнок, даже не пытающийся убежать или заплакать...

Треклятые лески опутали его снова, на этот раз целиком, связывая по ногам и рукам. Он упал на землю, вскрикнув, и тут же над его головой зазвучал оглушительный грохот шквального огня. Сильвенио кричал, пытался дёрнуться, извивался всем телом, а лески лишь сжимались крепче, резали ткань и нежную кожу. Его крики тонули в выстрелах и зверином вое приговорённых пиратом к казни.

Когда всё кончилось, он уже не мог сдерживать дрожь. Почувствовав, что путы опали, он нерешительно вскинул голову: его глазам предстала гора трупов из десяти человек, и маленькая ручка так запомнившегося ему молчаливого ребёнка свисала из-под какого-то тела подобно немому укору.

Задрожав сильнее, Сильвенио в ужасе вскочил на ноги и, круто развернувшись, чтобы не видеть этого кошмара, нашёл глазами Аргзу. Бросился к нему, ища хоть какой-то защиты и утешения от представшей его глазам тошнотворной картины. И Аргза обнял его, обнял так крепко, что на целых несколько блаженных мгновений он действительно ощутил себя в безопасности. В безопасности от предательства и обмана. От злого внешнего мира. От собственной совести.

От Аргзы пахло дымом и кровью, но больше это Сильвенио не пугало. По крайней мере не пугало относительно этого конкретного человека.

— Пойдём, — сказал пират, утешительно глядя его по волосам. — Здесь нам ловить нечего.

Позже Сильвенио сидел в каморке у Джерри, запивая потрясения успокаивающим зелёным чаем, и, как обычно, рассказывал обо всём пережитом. Это стало в некотором роде их особой традицией — разделять на двоих и страх, и боль, и обиду на людей.

— Ты не мог спасти всех, — механик пожал плечами.

— Я знаю! Знаю, что не мог, но... я ведь даже не попытался! Если бы я удосужился узнать их получше, если бы я не позволил себе потерять бдительность и так увлечься идеей найти тот артефакт... может, тогда я бы...

Тень, вышедшая прямо из стены, приняла облик Аргзы и подошла к ним. Джерри сразу же благоразумно сделал вид, что ему срочно надо найти какой-то запасной ключ. Аргза упёрся ладонями по обе стороны бёдер Сильвенио, который сидел на столе, так как больше сидеть здесь было негде, и внимательно заглянул ему в глаза. У пирата вообще в последнее время появилась странная привычка — появляться всегда вовремя. В самый нужный момент.

— Твой дружок прав, Лиам. Мы пираты, и пора бы тебе уже давно свыкнуться с мыслью, что я не собираюсь спасать всех униженных и оскорблённых на своём пути. Я не герой-освободитель, я не странствующий благородный рыцарь. Я — пират. И мне плевать, если кто-то ожидает от меня помощи. Тебе должно быть плевать тоже, раз ты со мной.

— Теоретически я понимаю, сир, но...

Горячие пальцы варвара сжали его подбородок, заставляя посмотреть на себя. Улыбка Паука была нехарактерно тёплой, это была та самая улыбка, которую он демонстрировал исключительно ему одному. Ну, или Хенне, когда они оба были в хорошем настроении.

— Нет, ты не понимаешь. Я привык к подобным трусливым шакалам, ты — нет. И, может быть, если бы они тронули только меня, кто-то из них и выжил бы. Но они посмели посягнуть на тебя, Лиам, а этого я простить уже не могу. Никогда и никому. Никогда и никому я не позволю тебя тронуть. Слышишь, Лиам? Никогда. Никому.

Тон его, вместо прежних стальных, приобрёл какие-то странно-мурлыкающие нотки. Ни дать ни взять — довольный хищник. Разве у пауков бывает такой ласковый голос?..

[Запись в бортовом журнале номер LZ0JK58232_888:]

"Мартин хотел спасти меня. Я хотел спасти тех людей. А теперь мне вдруг пришла в голову мысль... Можно ли спасти его? Аргзу Грэна?"

[Запись удалена.]

"В японском языке "ирис" и "воинский дух" обозначены одним и тем же иероглифом. В традиционный праздник мальчиков из цветов ириса готовят магический талисман, который должен вселить в душу юноши отвагу. Также является символом дружбы."

Джерри нерешительно помялся у порога кабины управления, с сомнением взирая на запертую дверь. Аргза нечасто приглашал его к себе, и каждый раз механик невольно думал, в чём тут подвох и чем он заслужил такую "честь". Но долго сомневаться ему не дали — дверь открылась, и пути для отступлений не осталось.

Правда, причину вызова он понял сразу же, как только взгляд его уткнулся в стену слева. На которой, прикованный к ней магнитными наручниками, висел Сильвенио.

— Проходи, — поторопил его Аргза нетерпеливо, пока Джерри растерянно хлопал глазами.

Сильвенио под его взглядом неопределённо мотнул головой, показывая, что с ним всё в порядке, и тому ничего не оставалось, кроме как пройти вглубь кабины и встать рядом с капитаном.

— Э... босс, могу я спросить, почему Сильвенио... Что он сделал?

— Лиам имел наглость снова меня послушаться. И если твоё любопытство утолено, я предпочёл бы послушать о шумах в динамиках по всему кораблю.

Джерри ещё раз с сомнением оглянулся. Что ж, по крайней мере, теперь наказания для Сильвенио стали, очевидно, гораздо мягче — ужасающий прошлый раз, когда Аргза изнасиловал беднягу на глазах у множества рабочих в котельной, всё ещё очень живо стоял у механика перед глазами. Судя по тому, что сейчас за непослушание Сильвенио был только подвешен на стену кабины — и, раз взгляд ясный и без следа Контроля, значит, он не был даже избит — выходит, Аргза и вправду стал к нему чуть лояльнее. И всё же, зная методы пирата, наверняка Сильвенио висел так уже не первый день, и наверняка Аргза его даже не кормил.

— Босс, — Джерри набрался храбрости. — Зачем вы с ним так? Разве он не ваш...

— Мой — кто? — Аргза сузил глаза, и в кабине, казалось, сразу стало холоднее.

Но Джерри было уже не так просто напугать. Он решительно нахмурился и вздёрнул подбородок, показывая, что не боится:

— Ваш самый ценный работник, — продолжил он упрямо, явно намекая на что-то большее своими словами.

Аргзе его намёк ну очень не понравился, и Джерри полетел на пол от звонкой оплеухи. Выражение холодного спокойствия с лица пирата при этом никуда не делось, да и удар получился больше ленивый, чем по-настоящему злой.

— Я сам разберусь, как обращаться со своими... ценными работниками. А тебя я пригласил не для того, чтобы ты давал мне указания. Итак, я жду доклада.

— Джерри, — Сильвенио предупреждая качнул головой со стены, заметив, что поднявшийся на ноги механик снова собирается что-то ляпнуть. — Со мной всё в порядке, правда. Перестань, пожалуйста.

Механик хмуро кивнул и повернулся к пирату, чтобы начать отчёт. Ушёл он после

таким же мрачным, ссутулившись и спрятав руки в карманы. На лице от одного лишь удара уже ощутимо набухал синяк.

Когда он вышел, Аргза подошёл к Сильвенио и с задумчивой усмешкой расстегнул молнию на его куртке, обнажая торс.

— Твой дружок постоянно нервничает в последнее время. И нарывается со мной на конфликт.

Горячие ладони прошлись по рёбрам и плоскому животу, очертили ногтями соски. Сильвенио чуть дёрнулся — разумеется, тщетно.

— Да, сир, я тоже заметил... Вас это беспокоит?

Аргза провёл большим пальцем по изящным ключицам и укусил его в плечо — только слегка, почти не сжимая челюсти. Эрландеранцу, правда, всё равно было больно, и он поморщился.

— Меня — нет. Это должно беспокоить его. Передай этому придурку, что либо он будет повежливее, либо однажды всё-таки нарвётся.

— Хорошо, я передам. Может быть, вы снимете меня отсюда, милорд? Я очень хочу есть и пить. И я сожалею о повторном нарушении приказа. Действительно сожалею, сир, снимите меня отсюда, пожалуйста.

На самом деле голод он испытывал скорее информационный, чем физический — во всяком случае, страдал он больше именно разумом, чем телом. Три дня абсолютного бездействия, пока он висел на проклятой стене, извели его невыносимой скукой: он не привык так долго довольствоваться отсутствием каких-либо задач. То есть, конечно, он любил предаваться созерцанию — но это при условии, что ему было, что созерцать. Решение в уме дифференциальных уравнений шестой степени не помогало уже после первых же суток.

Аргза что-то неопределённо промычал, припав губами к его шее. В это время как раз вернулся Джерри, у которого во время падения на пол выпал пластиковый пропуск в столовую, и в итоге получилась донельзя неловкая немая сцена.

— Кхм, — механик кашлянул, привлекая внимание. — Босс, я тут выронил кое-что, позвольте забрать?

Варвар недовольно помахал в его сторону рукой, показывая, что занят. Сильвенио отвернулся и закрыл глаза, в свою очередь, делая вид, что его тут вообще нет и никаких непотребств с ним сейчас не творят. Джерри хотел было уйти молча, но в последний момент вдруг остановился и хмуро глянул на Аргзу.

— Босс, хватит, а? Сильвенио уже скоро тошнить начнёт от вашего постоянного недотраха! Вы можете хотя бы делать это с ним не так часто?

— Я сейчас сверну ему шею, как курёнку, и даже не буду ни секунды жалеть о потере нашего главного механика, — тихо, но очень отчётливо пробормотал варвар на ухо Сильвенио, полностью игнорируя рыжего горе-храбреца.

Лиам только мученически вздохнул и наклонил голову так, чтобы длинная чёлка закрыла его лицо целиком. Больше всего в общении с людьми его печалили такие споры, в которых не выявлялась никакая истина, а только тратился, что называется, вербальный фонтан. Сейчас было очевидно, что Джерри это маленькое противостояние (нашёл кому противостоять, герой!) ни за что не выиграть. Аргза же был не в том настроении, чтобы кого-то калечить, сегодня он был вполне благодушен, так что и ничего серьёзного механику сейчас схлопотать не угрожало.

И верно: тот уже собрался, по-видимому, ещё что-нибудь опасное сказать, но пират, круто развернувшись, молча поймал его за шкурку и буквально вышвырнул в коридор, на этот раз не забыв закрыть изнутри дверь.

— Так что, Лиам, тебя уже тошнит? — он улыбнулся, возвращаясь к прерванному занятию.

— В данный момент, сир, должен заметить, что даже если гипотетически процесс пищеварительного обмена в моём организме мог бы быть каким-то образом связан с вашими действиями, испытывать тошноту мне было бы затруднительно хотя бы потому, что мой желудок уже три дня как пуст. И не то чтобы я намекаю, но...

Джерри, словно очнувшись, поспешил убраться подальше, чтобы не слушать всего этого.

Вечером Сильвенио, уже сытый и свободный, заглянул к нему с чашкой чая, как обычно. Каморка механиков, тесная и неудобная, где обитали ещё трое стажёров, была сплошь завалена всяким техническим хламом и разнообразными инструментами, от отвёрток до разводных ключей. Непонятно, как в таком хаосе вообще можно было жить, да ещё вчетвером, но прибраться здесь даже Сильвенио в голову не приходило, хотя он и любил чистоту.

Джерри лежал на жёсткой кушетке, бездумно уставившись в потолок, и допивал бутылку дешёвого тёмного пива. На полу таких бутылок скопилось уже штук десять, и откуда он достал столько выпивки — оставалось загадкой. Вид у него был крайне меланхоличный.

— Что с тобой происходит?

Тот повернулся на его голос, с трудом фокусируя взгляд.

— С чего ты взял, что что-то происходит?

— Ты ведёшь себя очень странно, дружище, — Сильвенио немного расчистил от железного хлама стол и присел на его край, болтая ногами. — Я помню, что у тебя скоро годовщина смерти отца и что ты всегда хандришь по мере её приближения, но в этот раз твоё настроение меня действительно беспокоит. Господин Аргза...

— Чёрт, не называй его господином хотя бы здесь!

— Я бы рад, но, видишь ли, благодаря ему у меня развился синдром параноидального расстройства личности, и мне постоянно кажется, что он следит за мной и за моими словами... Так вот, господин Аргза даже послал тебе предупреждение, что если ты не уймёшься, то сильно рискуешь его по-настоящему разозлить.

— Да плевать я хотел! — механик запустил пустой бутылкой в стену, чуть не попав при этом в Сильвенио. — Тоже мне, нашёлся доброжелатель грёбанный! Пошёл он нахрен, вот что я скажу! Что он мне сделает? Побьёт? Я привык уже! Еды лишит? Ха, тоже привык, и вообще у меня заначка жратвы есть. Трахнет? Да я, может, даже не против буду, учитывая, что у меня тут даже подрочить времени не находится!

Сильвенио подавился зелёным чаем, который пил, и долго откашливался. Чем пьянее становился Джерри, тем более странные речи говорил.

— Эммм... Послушай, не хочу сейчас навязывать свою паранойю и тебе, но ты бы, и правда, поосторожнее со словами... Поверь мне, я на личном опыте знаю, что он может придумать нечто такое, что побьёт все твои представления о прежних наказаниях. Вспомни, как он обращался тогда со мной, когда я рискнул высказаться слишком вольно...

— Ты слабак, — заявил рыжий безапелляционно. — И вообще. После того, как я в юности был в него влюблён, мне уже ничего не страшно.

Сильвенио подавился чаем повторно и на этот раз кашлял так долго, что чуть не

задохнулся. Чашку пришлось поставить от греха подальше.

— Что, прости?

Механик пожал плечами — в точности, как Хенна, тоже огорошившая Сильвенио в своё время подобным откровением. Но она тогда и то поразила его этим меньше.

— Ну да. В юности все совершают ошибки и все неудачно влюбляются, и часто это накладывается одно на другое. Ну... кроме тебя, пожалуй. Но ты-то у нас исключение из всех возможных правил, а я-то нормальный человек, и... В общем, у меня и выбора не было особо, если так посудить: я был подростком, а на корабле даже девчонок симпатичных отродясь не было... А босс наш, согласишься, единственная более-менее впечатляющая на этом грёбаном судне личность. Сильный. Уверенный. Крутой, ха... ну, ты понял, короче. Признаться, я даже чутка ревновал его к тебе поначалу, видя, как он с тобой носится! А потом всё как-то само собой прошло... Не иначе, помешательство было! Теперь-то мозги на место встали, не смотри на меня так. Могу поспорить, что и ты, если бы пожил со своим миротворцем немного, быстро бы перестал по нему сохнуть.

— Я по нему не "сохну", как ты выражаешься. Мы с Мартином даже не общаемся, а грущу я только потому, что переживаю за тебя. Ты сделал ошибочные выводы.

— Ага, конечно... Чёрт с тобой! Блин, чувак, да я первым тебе счастья пожелаю, если тебе когда-нибудь удастся к нему прорваться! Да только помани моё слово: нету на свете любви! Нету её... понимаешь? А, ничего ты не понимаешь!

Сильвенио покачал головой и, спрыгнув со стола, укрыл друга куцым одеялом.

— Ты очень много выпил, Джерри. Оставь все эти рассуждения на потом, ладно? Тебе нужно поспать.

Механик согласно опустил веки: пиво его разморило. Но, когда Сильвенио уже собрался уходить, он вдруг резко схватил его за руку, вновь распахнув глаза.

— Устроим бунт, — сказал он с неожиданной убеждённой уверенностью. — Давно ведь уже пора. Я уже очень долго об этом думаю, ты знал? Бунт — это то, что нам нужно, брат. Нас ведь не меньше двух сотен, угнетаемых им рабочих! Если мы объединимся, то сможем свергнуть Паука! Ты ведь со мной, да? С нами? Ты с нами, брат?

Сильвенио поёжился, машинально заозиравшись. Для его прогрессирующей паранойи такие разговоры звучали слишком громко даже для пустой комнаты механиков. Он заморгал, аккуратно высвобождая руку из его хватки, и сбивчиво прошептал:

— Да... с вами, да... ты только не говори об этом пока вслух, и... и ты пьян, мой друг, проспись, а потом, может, поговорим об этом... если не забудешь и не одумаешься. Мы поговорим об этом и всё обсудим, обещаю...

И Джерри уснул, совершенно его обещаниями успокоенный. А Сильвенио ушёл, предварительно захватив чашку со злополучным чаем и заодно бутылки с остатками выпивки, чтобы друг, проснувшись, не ушёл снова в запой. Он постарался задвинуть на самый край сознания озвученную механиком опасную мысль. Подальше, поглубже, чтобы над ней невозможно было размышлять всерьёз...

Чего он никак не ожидал, так это того, что Джерри повторит свою мысль и потом, на трезвую голову.

Но прежде случилось другое.

...Они продирались через какие-то джунгли на очередной планете, чтобы разыскать очередное захоронение золота. Аргза был жаден до бесхозных кладов — ничуть не меньше, чем до тех сокровищ, которые приходилось добывать в бою. И всё было бы ничего, вот

только Сильвенио, не пройдя и четверти пути до означенной цели, вдруг начал задыхаться и краснеть, лихорадочно зажимать ладонями нос и спотыкаться обо все коренья подряд. Глаза у него стали какие-то дикие и мутные. На недоумённый взгляд Аргзы тот только отмалчивался, почему-то избегая любых — даже случайных — соприкосновений.

— Мы... можем уйти отсюда, сир? — спросил он наконец нерешительно. — Мне нехорошо... могу я вернуться на корабль?

Аргза остановился и внимательно его оглядел со смутным беспокойством.

— Лихорадку подцепил, что ли?

Сильвенио помялся, прежде чем ответить: он почти наверняка знал, что это никакая не болезнь, но твёрдой уверенности у него не было, потому что раньше он такого никогда не испытывал.

— Я... я думаю, это всё воздействие этих цветов, которые нас окружают со всех сторон. Особый вид... Реливис Дисконис, если научно, они...

— Они — что?

Сильвенио опустил глаза.

"Судя по реакции моего тела, эти цветы испускают невидимые глазу феромоны, которые воздействуют на мои рецепторы... Рискну предположить, что такой эффект они производят только на организм эрландеранцев. Эффект... весьма специфического характера..."

Аргза пару секунд переваривал информацию. Потом вдруг расхохотался — да так громко, что идущие впереди солдаты подозрительно стали коситься на своего командира.

— Ладно, — хмыкнул он, отсмеявшись. — Возвращайся на корабль.

Облегчение Сильвенио испытал тогда совершенно зря: когда на следующее утро он вошёл в кабину управления, первым же, что он увидел, был подвешенный на экране консоли ярко-оранжевый букет вчерашних цветов. Аргза, сидевший в капитанском кресле, препаскуднейшим образом ухмылялся.

— Сир... могу я это убрать? Это растение...

— Садись и работай. У нас много дел.

Сильвенио послушно сел в своё кресло второго пилота, не переставая коситься на злосчастный букет. Попытался успокоить дыхание и не обращать внимания на поведение своего организма, но получалось, честно говоря, из рук вон плохо.

Следующие несколько часов он ощущал себя так, как будто по ошибке записался в рядовые черти в Аду. С него градом катился пот, одежда липла к телу, из-за чего приносила ещё больше неудобства, а благодаря усилившейся в несколько раз чувствительности, и без того обычно не низкой, каждое неровное движение корабля ощущалось чересчур остро. В голове было мутно, привычные коды и буквы плясали перед глазами какой-то дикий танец. Непонятно было, чего этим добивался Аргза, упорно делавший вид, что не замечает его состояния, но смотрел на него варвар с неподдельным любопытством, а случайные будто бы касания вроде мимолётного похлопывания по плечу и поглаживания шеи кончиками пальцев участились раза в два.

— Прошу меня простить, сир, я, пожалуй, пойду отдохну, — он вскочил, не выдержав, когда от очередного такого касания у него свело плечи, и кинулся к двери.

Дверь оказалась заблокирована с консоли. Аргза молчал, ухмыляясь уголком рта, и неотрывно смотрел на него, словно изучая. Сильвенио вздохнул: ему нестерпимо жарко становилось от одного лишь этого взгляда.

— Что вы от меня хотите, сир?

— О, мне просто любопытно, к чему это приведёт. И наконец-то хочется увидеть, как ты бываешь похож на нормального человека. Вопрос поинтереснее: чего сейчас хочешь ты?

Сильвенио с трудом отвёл взгляд от открытой груди Аргзы — шубу тот не застёгивал никогда, да и пуговиц на ней не имелось. Вздорные синие перья липли и ластились к смуглой коже, под которой перекачивались мощные мышцы. Кто вообще носит шубу на голое тело? Полуголое, конечно, учитывая кожаные брюки... Сильвенио отчаянно зажмурился. Его собственные мысли ему ужасно не нравились.

— Я хочу, чтобы вы убрали эти цветы и позволили мне пойти в свою комнату.

— Скучно. Спорим, ты мог бы захотеть сейчас чего-нибудь повеселее.

Когда он открыл глаза, Аргза уже нависал над ним, не касаясь, но отрезая все пути к отступлению. Его извечный жар ощущался сейчас как никогда сильно. От варвара пахло мускусом, немного потом и чем-то таким первобытным, от чего Сильвенио чувствовал себя загнанной в угол добычей, которую вот-вот освежают. Или не освежают, а что-то совсем другое, и он поймал себя на пугающей мысли о том, что вот сейчас, в данный конкретно взятый момент времени, он вовсе не против такого развития событий. Даже наоборот. Но Аргза, издеваясь, отошёл обратно и как ни в чём не бывало снова уселся в кресло, и напряжение, сковавшее Лиама, стало уже откровенно болезненным. Он тихо застонал.

— Милорд...

— Да?

— Разблокируйте дверь...

— Не хочу. Иди ко мне, хватит ломаться. Уже сколько лет со мной спишь, а всё ведёшь себя, как стеснительная целка. Сюда никто не зайдёт, пока я не позволю, так что можешь расслабиться. Иди сюда, пташка.

Сильвенио подошёл. Давнее обращение "пташка" всё ещё казалось чересчур странным, Аргза произносил это не ласково, а как-то так очень насмешливо, как будто вкладывал в это слово совсем иной смысл. Ему было неловко, мысли и желания путались в голове, разум медленно уплывал — от запаха проклятых цветов и от тёмного взгляда Аргзы. А может, и от возбуждения, которое волнами исходило от варвара. Задумавшись о том, почему на него так действует чужеродное растение, если даже на его родной планете не росло ничего подобного, Сильвенио потерял бдительность и очнулся только в тот момент, когда уже сидел на коленях Аргзы верхом и постыдно тёрся об него бёдрами и губами. Пират расхохотался повторно и, мимоходом будто лизнув его за ухом, столкнул на пол.

— Раздевайся, — сказал он, накрутив на палец кончик длинного хвоста. — И, так и быть, можешь раздеть меня, если хорошо попросишь.

Сильвенио мигом избавился от своей куртки и, неудержимо влекомый каким-то инстинктом, змеёй скользнул вверх, вдоль бёдер Аргзы, потеревшись пылающей щекой о его ногу.

— Вы сейчас... очень похожи на своего брата, сир... не заставляйте меня... испытывать подобное ещё раз...

— Ты серьёзно думаешь, что нелестное сравнение с почившим братцем заставит меня одуматься? — Аргза нетерпеливо потянул его за накрученную на палец синюю прядь. — К тому же, я тебя не заставляю. Если не хочешь, можешь возвращаться сейчас к работе.

Инстинкт — дремучий, забытый, ненужный, как рецессивный ген — гнал его вверх, к единственному доступному сейчас чужому телу, подставляться под властные раскалённые

ладони, под поцелуи-метки, заставлял отпустить себя. Сильвенио даже рад был, что почти не мог связно мыслить: следующая вспышка сознания случилась уже тогда, когда он был полностью раздет, как и Аргза, и жадно вылизывал пальцы пирата. Потом, к счастью, сознание отключилось снова. Запомнил он одно: было безумно сладко и ужасно стыдно.

Для него, представителя расы, которая считалась носителями высшего разума, гордо презиращими все первобытные порывы тела, это всё было постыдно вдвойне.

Зато на следующий день, когда цветы были благополучно выкинуты — Аргза всё же не хотел каждый рабочий день превращать в чёрти-что, спасибо и на этом — Сильвенио уже абсолютно точно знал, что ему следует сделать. Он забрался на колени к пирату сам, обвив руками его шею, и коснулся губами мочки его уха, вызвав у того несказанное изумление.

— Извинитесь передо мной, — потребовал он вдруг.

— Мм? — изумление Аргзы возросло, и он словно невзначай до боли сжал его колено. — С какой это стати?

— За вчерашнее. Ваши эксперименты надо мной уже перешли все границы. Я был послушен, я не дерзил, я ничего плохого не сделал, а вы подвергли меня очередному унижению. Это несправедливо. Я понимаю, когда я действительно в чём-то виноват — по крайней мере, по вашей системе правил — но это не тот случай. Извинитесь, или я обижусь.

Аргза сдавил его колено сильнее, рискуя разломать сустав. Сильвенио же только прижался к нему крепче и просяще погладил ладонь на своём колене кончиками пальцев.

— Извинитесь передо мной, или я действительно обижусь, — повторил он настойчиво. — Мне надоело терпеть подобные ваши шутки.

Аргза ещё пару секунд сверлил его взглядом, а затем неожиданно развеселился и разжал руку, издав короткий смешок.

— Обидишься? Надоело терпеть? А ты наглеешь, моя пташка-говорун! Если ты ещё не заметил, я — твой хозяин. И мне нет абсолютно никакого дела до твоего настроения. Назови мне хоть одну причину, которая помешает мне отыметь тебя прямо тут, разложив на консоли и при этом заставив не задеть ни одной кнопки?

Он, разумеется, не собирался прямо сейчас выполнять свою угрозу. Но Сильвенио удивил его снова, ничуть не растерявшись. Напротив, почти бескровные тонкие губы сложились в лёгкую — и уверенную, ну надо же! — улыбку.

— Хорошо, вот вам причина: если вы сделаете это, я вас не прощу. Вы привыкли ломать окружающих, удостоверяя свою власть над ними, вам нравится делать людям больно, унижать их, потому что это каким-то извращённым образом возвышает вас в собственных глазах. Вы всегда добиваетесь своего исключительно силой. Но со мной это не проходит. Я слабый, и ломать меня неинтересно, потому что я не ломаюсь, а только гнусь, и вас это злит. Я слабый, да, я не умею врать, я не умею драться, я не могу сопротивляться вам, а вам приятно чужое сопротивление. Я нуждаюсь в вашей защите. В вашей лояльности. У меня нет никого, кто мог бы защитить меня от вас самого. Я ваш. Полностью в вашей власти: вы отняли у меня дом, заменив своим кораблём, вы отняли у меня свободу, заменив работой на вас. И по этой причине вам не пбсп; — Они — что? нравится, когда я на вас обижаюсь: потому что большей власти, чем у вас надо мной уже есть, вам всё равно не добиться. Я, честно говоря, не знаю, почему вы так стремитесь сохранить иллюзию моей добровольности, но я зато знаю, что вам это важно. И если вы хотите, чтобы я по-прежнему искал вашего покровительства вместо того, чтобы просто отключить разум и восприятие — а я это могу — то... извинитесь передо мной, сир.

Аргза зарычал. Негромко, но зло, угрожающе. В тёмных глазах плеснула ярость, и на секунду Сильвенио показалось, что он ошибся в своих расчётах, что его сейчас в самом деле изнасилуют или избьют, но...

— Тварь, — произнёс пират почему-то ласково. — Маленькая тварь.

Он схватил его за волосы у основания затылка и резко дёрнул, заставляя запрокинуть голову. Ладонь снова легла на колено и сжалась до предупреждающего хруста.

— Извини меня, — прорычал варвар ему в губы, прокусывая их до крови. — Доволен?

Было очень больно, едва ли не на грани включения Контроля, но это было не так уж важно. В конце концов, за всё надо платить, а заплатить минутной болью за такую важную победу было совсем не зазорно. А победа ведь стоила того! Подумать только, он заставил извиниться, пусть даже и так грубо, самого Аргзу Грэна, никогда и ни перед кем не признававшего своей вины!

— Да, — он не сдержал слабой улыбки. — Я буду доволен, если вы не станете сейчас ломать мне шею и коленный сустав.

Аргза ничего ломать не стал, вновь разжав руки, и осталось потерпеть только ещё один злой укус, пришедшийся уже на ухо. Победу можно было считать одержанной почти без потерь.

В дверь постучали, и Аргза впустил в кабину Джерри, вызванного для повторного отчёта о тех самых шумах в динамиках. На этот раз Сильвенио не стал слезать с колен пирата и даже не стал отводить взгляд. Только руки с шеи его убрал, но по сравнению с прошлым его смущением это тоже было своеобразной победой, только уже со стороны Аргзы. Пронзительно-голубые, ангельски-ясные глаза эрландеранца сияли таким неприкрытым торжеством, что Джерри глянул на друга с большой настороженностью, но, к счастью, комментировать никак не стал.

И вот уже потом, в каморке механиков, за очередными вечерними посиделками, Джерри повторил, как-то напряжённо разглядывая его лицо:

— Устроим бунт. Свергнем Аргзу.

И Сильвенио на этот раз не отшатнулся, не дёрнулся, не стал оглядываться по сторонам. Только приглушил голос и шёпотом, почти неслышно, спросил:

— У тебя есть конкретные идеи?

Тот кивнул, продолжая в него вглядываться. Сильвенио почувствовал укол досады: его лучший друг, кажется, ему не вполне доверял.

— Послушай, я понимаю, в каком направлении ты сейчас думаешь. Что ко мне он относится лучше, чем к остальным рабочим. Что я купился на его фальшивую доброту. Что я мог забыть, кто он на самом деле и что со мной сделал, раз уж он одаривает меня такими привилегиями, — лицо Джерри при этих словах запылало, что только доказывало правоту Сильвенио. — Но это не так. Этот человек... угнетает всех нас. Он отнял нашу свободу. А я хочу эту свободу вернуть. Я хочу снова приносить людям пользу, а не составлять отчёты с грабежей. Я хочу читать книги и нести в мир учения моего народа. Я хочу... не бояться сказать лишнего, хочу снова жить без страха. Поэтому — да, я в деле, что бы ты ни задумал, мой друг, я хочу рискнуть. Я не могу сражаться, но... я могу его отвлечь. Да... пожалуй, действительно могу... Я с тобой.

Механик улыбнулся облегчённо и шумно выдохнул — ему, похоже, и самому было крайности неприятно сомневаться в своём товарище. Но жизнь на этом корабле всех волей-неволей заставляла становиться подозрительными, и Сильвенио, сам страдающий чем-то

подобным, не собирався его в этом винить.

— Хорошо, — улыбка Джерри превратилась в азартный оскал. — Тогда вот что...

— Только без убийств, — вставил быстро Сильвенио, замечая нехороший кровожадный блеск в глазах друга.

— Ну... это как пойдёт...

— Нет! — Сильвенио встряхнул его за плечи, нахмурившись. — Я не собираюсь участвовать ни в чём убийстве! Либо мы находим другой путь, либо я отказываюсь помогать.

Джерри посмотрел на него исподлобья, насупившись: он-то был настроен более чем решительно. Но всё-таки он хорошо осознавал, что Сильвенио имеет на Аргзу слишком большое влияние, и без его непосредственного участия вряд ли что-то получится.

— Ладно, ладно, — он примирительно поднял руки. — Без убийств, так без убийств. Мы его просто обезвредим, я понял.

Сильвенио отпустил его и улыбнулся тоже.

— Хорошо. Тогда говори свою идею.

Странные глухие звуки он слышал ещё из коридора. Замер, прислушиваясь, но ничего подробнее не различил, только распознал голос Джерри, издающий какие-то хриплые ругательства. Дверь кабины была приоткрыта, но света внутри не было, и уже это Сильвенио насторожило. Он замер было, но затем решил, что Аргза всё равно потом спросит с него, какого чёрта он не зашёл, и, сделав глубокий вдох, бесшумно проскользнул за дверь.

Проскользнул — и замер на пороге, понимая, что зайти решил всё-таки невовремя. Ему мгновенно стали понятны и странные звуки, и ругательства, и показавшийся каким-то сдавленным голос механика. Стоило лишь узреть представшую ему картину в виде прижатого спиной к стене Джерри с разведёнными ногами, стонущего куда-то в плечо трахающему его Аргзе.

Сильвенио надеялся уйти незамеченным, но тут механик случайно зацепил его блуждающим по комнате взглядом и, видимо, попытался что-то сказать. Аргза, естественно, тут же его заметил.

— Лиам, — позвал он с ухмылкой. — Ты куда?

Он не обернулся, всё ещё надеясь, что хотя бы сейчас его присутствие варвару не так уж необходимо.

— Я найду попозже, если вы не возражаете...

— Возражаю. Зайди и закрой дверь.

Как он мог говорить таким спокойным тоном в такой момент, Сильвенио просто не представлял. Но покорно вернулся в кабину и прошёл к консоли, смотря только на выключенный экран и никуда больше. Разбитые в кровь губы Джерри он, впрочем, всё равно по пути заметил. Как и сбитые костяшки пальцев. Догадаться, что тут произошло, не составило труда: Джерри, наверняка вызванный по какому-нибудь мелкому вопросу, снова нагрубил или даже — безумец, не иначе — полез в драку, судя по сбитым кулакам, а Аргза...

В общем, после всего даже неудивительно было, что механик нарвался. Сильвенио после его пьяного признания о своей юношеской влюблённости заподозрил, что именно на такой исход их конфликта Джерри и напрашивался в последнее время, пока медленно, но верно выводил пирата из себя.

Через несколько хриплых вскриков Джерри обессиленно сполз по стене, а Аргза подошёл к Сильвенио и оценивающе провёл ладонью вверх по его спине. Он нырнул в сторону, избегая прикосновений, и подошёл к Джерри, чтобы помочь ему встать. На Аргзу, в хлам пьяного, судя по шальному взгляду и пахнущему винными парами дыханию, он старался не обращать внимания.

— Ты в порядке? — спросил он у друга тихо.

Тот невнятно что-то промычал — похоже, это было извинение. За что, Сильвенио так и не понял, но всё же с трудом поднял шатающегося механика на ноги, отмечая про себя с неудовольствием, что механик тоже весьма далёк от трезвости.

— Зачем ты опять напился? — прошептал он, придерживая его за плечи. — Ты разве забыл, что дал мне обещание не прикасаться к алкоголю, пока *это* не случится?

Джерри вскинул на него взгляд, но ответить не успел. Аргза подошёл сзади, на удивление беззвучно, и мощной затрепачной отправил Сильвенио в другой конец кабины. Потом, не церемонясь, пинком ноги вышиб так и не обретшего способность нормально двигаться механика и заблокировал изнутри дверь. Глаза у него были совершенно мутные и дурные — то ли от злости, то ли от не до конца прошедшего возбуждения, то ли от того, что обеим этим эмоциям изрядно подливал масла в огонь алкоголь в крови.

— Так-так, — Аргза пнул его под рёбра, вызывая одновременно пугающий хруст и отчаянный крик. — Что ты, чёрт возьми, делаешь, по-твоему?!

Сильвенио, корчась на полу от боли, начал лихорадочно размышлять, в чём он на этот раз виноват. Пришёл к выводу, что Аргза разозлился из-за того, что он сейчас проигнорировал его так называемое приглашение, выраженное тем касанием, но... но мельком выцепив из затуманенного сознания общий поток мыслей варвара, он вдруг понял, что тот бесится совсем не из-за этого. А всего лишь из-за того, что он помог Джерри. Странно, очень странно. Неужели ревнивого варвара так задело равнодушие Сильвенио по отношению к тому, что он имел секс с кем-то другим? Неужели он всерьёз считал, что Сильвенио так уж сильно нравится считать эту "привилегию" исключительно своей?

Это было бы даже смешно, наверное, но в тот вечер ему было определённно не до смеха.

Утром у Аргзы предсказуемо наблюдалось похмелье: он был хмурый и периодически потирал виски. Сильвенио, еле ходивший после вчерашнего, не сказал ему ни слова, привычно скрываясь от любых разговоров за работой. Всё тело ломало, некоторые мышцы были порваны, про рёбра и говорить нечего было, и двигался он с трудом. Дышал он хрипло и со свистом, но Контроль пока помогал мыслить ясно. Уж яснее, во всяком случае, чем мыслил сегодня заметно морщившийся даже от звука мягкого стучания пальцев по клавиатуре пират.

— Эй, — позвал Аргза, когда молчание затянулось. — Я был пьян вчера.

Сильвенио глянул на него с досадой, делая перерыв.

— Сир, не думаю, что упоминание столь очевидного факта сейчас актуально.

Аргза раздражённо дёрнул его за руку на себя, нахмурившись ещё больше.

— Не выделывайся. Я имел в виду, что не слишком хорошо себя контролировал. И я не хотел на тебе срываться.

— Это такое извинение, милорд?

Короткий злой рык заставил его заткнуться и рефлекторно вжать голову в плечи в ожидании удара. Но Аргза, к его удивлению, только поднялся с кресла — и толкнул в него не ожидавшего этого Сильвенио. Затем наклонился и зачем-то зажал его рот ладонью, жёстко сжимая ему челюсть.

— Мне проще делать так, чем потакать твоему новому внезапному пунктику насчёт этих извинений, — пират как-то пугающе усмехнулся.

И — без предупреждения послал по его телу через свою ладонь волну непонятной магии. На долгую минуту все вчерашние повреждения взорвались болью так, словно его пропустили целиком через мясорубку, и Сильвенио закричал, вцепившись в подлокотники кресла до побелевших костяшек пальцев, но рука варвара продолжала зажимать ему рот, не позволяя орать слишком громко.

Зато, когда Аргза, тяжело дыша почему-то, убрал руку, Сильвенио вдруг обнаружил, что никакой боли больше нет и в помине. Мышцы и рёбра срослись, ткани восстановились, исчезли даже синяки. Правда, почему-то царапало сухостью в горле и нещадно ныла голова, что вкупе с вяло дёрнувшимся желудком наводило на подозрения о передавшемся ему каким-то образом чужом похмелье, но, по крайней мере, это было ещё терпимо. Аргза выдернул его из своего кресла и снова уселся туда сам, с хрустом потянувшись. Очевидно было, однако, что этот ритуал отнял у него слишком много сил.

— В расчёте пока, — заявил варвар безапелляционно. — Не думай, что я буду проделывать такое часто.

Сильвенио отвернулся к консоли и спрятал затаившуюся в уголках губ улыбку. Два — ноль, посчитал он. А потом добавил мысленно: это если только принять за "ноль" все те случаи, когда выигрывал Аргза.

Джерри вечером уже на пороге комнаты механиков встретил его словами:

— Выходит, я зря переживал вчера, и он тебя как-то вылечил всё-таки.

Сильвенио пожал плечами, как бы не понимая, что тут такого, потом кивнул и прошёл внутрь, заперев за собой дверь. На всякий случай пошарил по комнате взглядом в поисках извечных пивных бутылок, но ничего не нашёл и кивнул ещё раз, уже одобрительно. От механика его жест не укрылся.

— Да успокойся ты, я не буду больше пить! Я прекрасно помню, что нам предстоит вскоре. И, кстати, свою часть работы я уже выполнил — пропаганда нашего плана прошла успешно. Рабочие с нами, солдат спрашивать не стал, потому что их-то, по-моему, как раз всё на этом корабле устраивает.

— Хорошо. А ты сказал им, что мы не должны его убить в итоге? Чтобы не было разочарований? Как-то мне не верится, что они... поддержат более гуманный путь решения проблемы...

Джерри непонятно улыбнулся, не отвечая. Сильвенио резко нахмурился:

— Джерри... Я уже говорил тебе, что...

— Что не собираешься участвовать в убийстве, я помню, да-да. Не бойсь, никто никого не убьёт. Всё будет хорошо и... кхм... гуманно. Верь мне, брат.

Сильвенио не то чтобы особенно верил, потому что рыжий механик явно что-то темнил. Но у него, в общем и в целом, просто не было выбора. Если он откажется участвовать уже теперь, когда всё уже почти готово, то восстание просто поднимется без него, и тогда уж совершенно точно будут жертвы. А так у него хотя бы оставался шанс проследить, чтобы вся

эта задумка не унесла ничьих жизней — в чём-то он всё же продолжал оставаться наивным идеалистом.

— Ладно, я полагаюсь на тебя.

— А я — на тебя, — Джерри смущённо запустил руку в свои короткие волосы, прочёсывая их пятернёй в попытке успокоить какие-то свои мысли. — Послушай, вчера... я был пьян.

Сильвенио невольно закатил глаза.

— Он сказал мне то же самое с утра. Практически слово в слово.

Конопатое лицо Джерри приобрело ещё более смущённое выражение.

— Не сомневаюсь, но... Я должен сказать тебе ещё кое-что. Я был не совсем пьян, я... прекрасно осознавал, что творю. Алкоголь мне просто храбрости придал. Я намеренно его вывел из себя, потому что... хотел ещё раз, ну... понимаешь? Последний раз...

Слушать это было тяжело и как-то неприятно. Сильвенио не понимал, зачем механик вообще рассказывает ему всё это. Отчасти он мог ему даже посочувствовать, потому что у него сохранились ещё воспоминания о том, каким невыносимо желанным Аргза казался ему под воздействием природного афродизиака, но вот то, с каким упорством другие люди плевали на доводы разума, лишь чтобы удовлетворить желания плоти, приводило его в недоумение.

— Мой друг, не надо передо мной оправдываться, ладно? За это ты несёшь ответственность только перед самим собой. Мне, конечно, жаль тебя, потому что ты сам же от этого и пострадал в итоге, но... это всё-таки только твоё дело.

— И ты совсем не ревнуешь?

— Ревность — это...

— ...слово не твоего народа, я знаю. Ты не умеешь ревновать, я и забыл. Ты вообще ничего более-менее человеческого, кроме страха, чувствовать не умеешь, по-моему. Чёрт, и что он в тебе нашёл вообще?

— Я не знаю. И кто здесь ревнует, Джерри?

Механик замолчал и рухнул лицом в подушку на свою кровать. Тяжело вздохнул и пробормотал что-то невнятное, но Сильвенио и так всё понял. Он подошёл к другу и коснулся его плеча.

— Послушай, — сказал он мягко. — Давай не будем ссориться накануне всего того, что должно произойти. Если ты передумал, то...

— Нет, — уже более отчётливо. — Нет, не передумал. Этот сукин сын мне до смерти надоел. Мы от него избавимся. А я не буду дураком.

— У нас всё получится, вот увидишь.

Кого он пытался в этом убедить, Сильвенио не знал и сам.

План был прост и надёжен: устроить где-нибудь в одном из самых просторных отсеков корабля масштабную драку, чтобы заманить туда Аргзу, который непременно захочет с этим разобраться лично, затем наброситься на него всей толпой и вколоть успокоительное, а

потом связать и быстро вытащить из корабля на ближайшей обитаемой планете. А уж потом можно будет улетать восвояси, чтобы после рассеяться по галактикам и никогда, никогда больше не вспоминать украденные Аргзой Грэном годы жизни. И не вспоминать друг друга, пожалуй. Сильвенио в основном плане (без учёта предполагаемых издержек) отводилась сравнительно небольшая роль: увести корабль после того, как главная часть будет закончена, ибо управлять судном умел только он один. Правда, оставалась ещё проблема с той частью солдат, которые на корабле находились исключительно ради сражений и к тому же получали регулярную зарплату, а соответственно, вряд ли одобрили бы весь бунт, но Джерри сказал, что рабочие, коих было большее количество, смогут с этим разобраться. Потому что даже измождённые и неопытные в драках гражданские могут справиться с профессиональными военными при помощи одной лишь накопленной за долгие годы злости, так утверждал Джерри.

Предыдущий план, заключавшийся в том, чтобы банально подсыпать пирату снотворного (или чего посильнее) в еду и питьё, был отвергнут по той простой причине, что никакие пищевые яды на организм варвара не действовали.

С утра Сильвенио нервничал так, что впервые в своей жизни наделал опечаток в программном коде, чуть не пролил принесённый Аргзе бокал вина на консоль, спотыкался на ровном месте и как-то очень заторможенно отвечал на все вопросы. Аргза, недоумённо за ним наблюдавший, потрогал ему лоб, но никакого жара не обнаружил. Тот же безмерно был благодарен всем существующим Высшим Силам за одно то, что Аргза почему-то в этот день так и не спросил его прямо, что с ним происходит.

Он всё думал: неужели и правда всё выгорит? Неужели он сможет вернуться наконец домой? Неужели всё действительно может закончиться уже сегодня?

Но тревожная, глухая тоска, какое-то предчувствие, будто сегодня произойдёт что-то очень-очень страшное, безжалостно вгрызалась в сердце острыми иглами. Что-то такое ужасное висело в воздухе, как Дамоклов меч, и Сильвенио, повинувшись этому предчувствию, поймал себя на том, что размышляет уже, какой будет его смерть. Он почему-то совершенно точно знал, что ничего у них не получится, и он, покрываясь холодным потом от сжимающего сердце страха, вдруг очень чётко осознал: он сегодня умрёт. Да, он умрёт, несомненно, потому что Аргза не оставляет предателей в живых. Вопрос был лишь в том, умрёт ли он быстро и легко — или пират заставит его мучиться в агонии... Впрочем, такого рода мысли он старательно отгонял, повторяя про себя неустанно, что всё это глупости и волноваться не стоит.

Когда в одном из отсеков вспыхнула долгожданная драка, сначала туда пошли солдаты, Сильвенио наблюдал за этим через плечо Аргзы на экране, куда картинка подавалась с одной из развешенных по периметру камер. Но рабочие были готовы к приходу наёмников, и набросились на них все разом. Сильвенио же умудрился незаметно отключить внутренний канал связи, чтобы солдаты не вызвали подкрепление.

— Считаешь, я должен вмешаться? — спросил вдруг Аргза, наблюдая за всем этим.

Он вздрогнул.

— Почему вы спрашиваете об этом у меня? Я не в праве вам указывать, сир... Но — да, считаю, что это нужно остановить, пока не появились жертвы.

Отчасти это было правдой: драка ведь разгорелась не шуточная, не бутафорская, а самая настоящая, и люди могли всерьёз пострадать. Аргза глянул на него как-то странно, но молча поднялся и направился в коридор.

— Ты идёшь? — позвал он уже на пороге.

Сильвенио вздрогнул повторно, покрываясь испариной, и пробормотал что-то о том, что предпочёл бы остаться, потому что не любит насилия. Ему достался ещё один странный, нечитаемый взгляд, а потом Аргза всё-таки ушёл, и паника неумолимо сдавила эрландеранцу горло.

Смерть — или свобода, третьего не дано. Сейчас всё решится.

Некоторое время ничего не происходило. А затем на экране камеры появился Аргза, и одновременно в толпе рабочих мелькнула знакомая рыжая макушка. Предводительствуемые воинственными криками механика, с десятков рабочих напали на Аргзу одновременно, через пару мгновений их стало полтора десятка, а затем и вовсе три — тридцать злых рабочих против одного-единственного пирата, кажущиеся мелкими карликами с ним рядом. На несколько долгих минут могучий варвар оказался просто погребён под навалившимися на него телами, и Сильвенио отчаянно закусил губу, иррационально опасаясь ещё, что стук его сердца слышно будет по всему кораблю — так громко оно билось, так самозабвенно оно заходило истерикой, вынужденное претерпевать худшую муку из всех возможных — муку ожидания.

Джерри что-то кричал на экране, сливаясь в одну большую веснушку. Камера звука не передавала, но Сильвенио стоило только немного порыться в настройках, чтобы это исправить.

— Убить его! — орал механик азартно и счастливо. — Да! Убьём тирана! Освободимся, братья! Отомстим ему за всё!!!

Сильвенио застонал и кинулся было из кабины, чтобы предотвратить то, чего никак не хотел допустить, но в следующий момент Джерри вдруг закричал уже что-то бессвязное, и его душераздирающий вопль заставил Сильвенио внутренне похолодеть и снова ринуться к экрану.

— Нет... — разобрал он. — Транквилизатор... не сработал!.. Бежим!..

Аргза расшвырял нападавших, как кучку мусора, и Сильвенио заметил, как блеснули в неверном свете ламп его извечные когти. Джерри досталось первому — оттого он и кричал. Драка грозила превратиться в массовую казнь. Сильвенио вырубил экран и всё-таки ринуться на помощь. Какое там "без жертв"! Он надеялся вытащить хотя бы своего друга!

С бежавшими из отсека рабочими с Джерри во главе — всеми теми, кто решился напасть лично — он столкнулся в коридоре. И тут же из-за поворота показался Аргза, злой, как сам дьявол, с торчащим в плече сломанным шприцом. Никто даже не успел ничего сообразить: десять смертоносных лесок со свистом рассекли воздух и... Полегли все: не убитые ещё, но уже серьёзно раненые, и сбежать дальше по коридору не успел никто. Сильвенио, единственный, кого не задело, замер на месте, парализованный смесью паники и обречённости, и с расширенными от ужаса глазами наблюдал за тем, как Аргза всаживает лески в Джерри и швыряет его об стены и пол, как марионетку на ниточках. Жуткий хруст костей сопровождался стонами-всхлипами-вскриками несчастного механика.

А потом, отшвырнув искалеченное и изломанное тело механика, Аргза резко шагнул к нему и схватил за горло, поднимая над полом, словно тот ничего не весил. Сильвенио подумал ещё: вот она, смерть. Но когти варвар убрал с той руки, которой его держал, а это значило...

Это значило, что его не собираются убивать. Во всяком случае, здесь и сейчас.

— Вот уж на кого я не думал, так это на тебя, Лиам. Знаешь, как я вычислил ваш план?

Очень просто. В комнате механиков тоже установлены камеры, и тебе, умник, следовало бы проверить комнату на их наличие, прежде чем ввязываться в нечто столь сомнительное. Признаться, я рассчитывал, что ты передумаешь, но нет. Ты меня разочаровал.

Сильвенио, хватая ртом воздух, рефлекторно обхватил его руку своими ладонями. Перед глазами от недостатка кислорода всё стремительно меркло, однако лицо Аргзы, будто высеченное из цельного куска тёмного мрамора, почему-то виделось очень отчётливо, как и его глаза — ледяные, гневные, звериные. Но пальцы, способные переломить ему хребет, только слегка сдавливали горло, даже не душа, а лишь частично перекрывая доступ воздуха: в звере всё ещё сидел человек.

— А я не люблю разочаровываться, — Аргза сжал пальцы сильнее. — Тебе придётся очень хорошо постараться, чтобы заслужить моё прощение.

Джерри за его спиной пошевелился на полу. В руке у него блеснуло что-то металлическое — нож, украденный накануне из столовой.

— Отпусти... — прохрипел механик, кое-как поднимаясь на ноги. — Отпусти его, подонок!

Шатаясь, ничего не видя и не слыша, он бросился на Аргзу с ножом в последнем отчаянном жесте.

— Смотри, — прошептал Аргза одними губами, не оборачиваясь.

Его глаза, похожие сейчас на два бездонных чёрных колодца, останавливают время, и оно застывает, проваливается в них, чтобы навсегда отпечататься у Сильвенио в памяти.

У Джерри совершенно безумный взгляд и искривлённое ненавистью лицо. Сильвенио видит это очень хорошо, он может разглядеть каждую веснушку на его лице. У Джерри открыт в крике окровавленный рот, но Сильвенио почему-то ничего не слышит.

Аргза смотрит на него неотрывно, словно бы не замечая, что на него со спины несётся человек с ножом. Он смотрит на него, и Сильвенио — беспомощный, перепуганный, наполовину задохнувшийся — тоже кричит, отражаясь в чёрных зеркалах его глаз.

Не слышно ни звука.

Аргза оборачивается ужасающе медленно, неотвратимо, словно танк, он оборачивается лишь в самую последнюю долю секунды, которая тянется непростительно долго. Сильвенио хочет предотвратить страшное, но мысли у него быстрые, а тело — слишком медленное, оно просто не успевает реагировать, и всё, что он может — это сказать беззвучное "нет".

Нет, хочет сказать он, не надо. Не-надо-не-надо-не-надо.

Но им обоим, конечно, плевать на его "не надо".

Чёрные металлические когти сверкают в свете тусклых коридорных ламп, пока всё так же медленно, будто бы продираясь сквозь вязкий кисель, приближаются к спецовке механика. Спецовка тёмно-зелёная, и когда она пропитывается кровью возле проткнутого сердца, то сочетание зелёного и красного кажется неправильным и глупым. Кровь капает у Джерри изо рта, взгляд его начинает стекленеть, и он, похоже, только сейчас, в самый последний миг, когда уже в любом случае слишком поздно, вдруг резко понимает, на что всё это время шёл.

Звуки возвращаются как-то неожиданно, и Сильвенио обнаруживает, что крик на самом деле так и не вырвался из его горла. Тело Джерри с глухим стуком падает на пол.

В то же время Аргза разжал руку, запуская остановившееся время, и Сильвенио, кое-как приземлившись на не держащие его ноги, машинально попятился, не отрывая взгляда от застывшего на полу тела в красно-зелёном. А потом — сорвался с места и кинулся бежать.

— Куда это ты собрался, мне интересно? — догнал его холодный голос пирата. — С твоим наказанием ещё не закончено.

Сильвенио не обратил на это внимания и скрылся за ближайшим поворотом. Добежав до своей комнаты, он заперся изнутри и обессиленно сполз спиной по двери, обняв колени руками. В голове было пусто и темно, в кои-то веки. Думать, едва ли не впервые в жизни, абсолютно не хотелось.

Сколько он просидел так, его сознание не зафиксировало, но когда из-за двери послышались знакомые до боли тяжёлые шаги, в комнате было уже совсем темно, а мышцы порядочно затекли.

— Тебе лучше выйти добровольно, Лиам.

Он не ответил и не среагировал. За дверью раздался вздох.

— Либо ты выходишь сам, либо я вытащу тебя за шкуру и в качестве дополнительного наказания оставлю на сутки в одной кладовке с трупом твоего дружка.

На этот раз Сильвенио всё-таки услышал. Поднялся на ноги, открыл дверь, глядя исключительно себе под ноги.

— Должен сказать, сир... ваша бесчеловечность действительно...

— Захлопнись. Все твои претензии я уже давно знаю наизусть. Пошли.

Он "захлопнулся" и пошёл за ним. А что ему ещё, спрашивается, оставалось делать?

Счёт "бесконечность — два", в пользу варвара...

[Запись в бортовом журнале номер LZ0JS51738_946:]

"..."

[Запись удалена.]

"Фригг взяла клятву с каждого металла, с каждого камня, с каждого растения, с каждого зверя, с каждой птицы и с каждой рыбы в том, что никто из них не причинит вреда Бальдру. Но Локи, узнав, что Фригг ещё не взяла клятвы с омелы, сделал из этого растения стрелу и хитростью заставил Хёда выстрелить в Бальдра. Стрела попала точно в сердце..."

Цифры привычно выстраивались на экране в стройные ряды. Командовать ими было довольно просто: цифры были неприхотливы и охотно слушались того, кто знал, как с ними следует обращаться. У каждой цифры, у каждого символа было своё строгое назначение, и это помогало упорядочивать собственные мысли. Чувствовать себя машиной было теперь даже приятно: лишние волнения быстро исчезали под стук клавиатуры, а рутинная работа убивала все желания и мягкой тряпкой затираала слишком яркие ненужные воспоминания. И это было просто замечательно.

— Лиам.

Он сделал вид, что не слышал.

— Лиам. Прошло три месяца. Мне кажется, или твой траур слегка затянулся?

— Вам кажется, сир. Мой траур не выходит за рамки традиций моего народа, согласно которым у каждого человека есть право переживать потерю ровно столько, сколько это ему необходимо.

Все эти три месяца они почти не разговаривали. На вопросы Сильвенио, разумеется, по-прежнему всегда отвечал, но больше не заговаривал по своей инициативе. Более того, за всё это время он ни разу не посмотрел ему в глаза — может быть, отчасти и потому, что боялся однажды снова увидеть так врезавшиеся ему в память те самые вымораживающие без остатка чёрные зеркала. Но что было странно, так это то, что Аргза его всё это время — после наказания, которого пребывающий где-то в прострации Сильвенио даже не запомнил — и не трогал особо, хотя больше в его духе было бы любыми способами добиваться своего.

Сейчас Аргза подошёл со спины и, мягко взяв его за запястье, поднёс его руку к губам и поцеловал тыльную сторону ладони. Сильвенио только продолжил печатать левой рукой, не повернув даже головы.

— Мне нужно работать, сир.

— Прекрати это. Ты не думаешь, что пора перестать изображать из себя вместилище мировой скорби? Пора принять факт: да, твой приятель мёртв, и — да, его убил я. Такова жизнь, что поделать. Хотя, несомненно, ты был бы гораздо больше рад, если бы тот зарвавшийся идиот убил меня, верно?

Сильвенио еле слышно вздохнул и неловко высвободил руку.

— Нет, сир. Я не был бы этому рад. И никакое "вместилище" я не изображаю. Просто... вы убили моего лучшего друга. Моего фактически единственного друга, если учесть, что с Мартином вы запретили мне общаться задолго до этого. Вы убили очень близкого мне человека, который мне был как старший брат, который был со мной с самого детства, с самого моего здесь появления... Хотя, я уверен, вы могли бы этого не делать. Вы могли бы... просто высадить его хотя бы. Но вы убили его, хладнокровно и жестоко. Заставив меня при

этом смотреть. Чего вы от меня ожидали после такого поступка? Признательности и благодарности за то, что я, в отличие от него, остался жив? Нет, извините, никакой благодарности я не ощущаю. Если бы я был свободен, я никогда бы больше с вами не общался после такого. Но я не свободен, я вынужден оставаться здесь, поэтому... не мешайте мне работать, пожалуйста.

Аргза только хмыкнул, не отвечая. А в следующее мгновение провёл перед его глазами пластиковой карточкой, зажатой между двумя пальцами.

— А если так?

Сильвенио изумлённо и неверяще проследил за золотистым прямоугольником глазами — и, забывшись, тут же встретился взглядом с довольным Аргзой, держащим карточку у лица. Он машинально вздрогнул, но его ожидания, к счастью, не оправдались: глаза варвара были совершенно обычными, такими, какими он запомнил их до убийства Джерри.

— Это... это же членская карта для доступа во Всемирную Артурианскую Библиотеку... Как вы её достали?

— О, я вполне могу себе позволить нечто такое, учитывая мои запасы золота и банковские счета. Не бойся, она не краденая, заказана на твоё имя. Как-нибудь слетаем туда, когда будет время.

Сильвенио опустил голову. Всемирная Артурианская Библиотека являлась самым большим хранилищем книг, собранных со всех галактик, и именно пропуск в неё могли купить очень и очень немногие. Он мечтал попасть туда с тех самых пор, как случайно встретил упоминание о ней в интернете, грезя обо всех тех книгах, которые, согласно общим слухам, являются уникальнейшими экземплярами, не выставленными нигде больше, даже в сети. И Аргза каким-то образом снова угадал его желание, как тогда, с той историей про Семицвет.

— Не надо... — выдавил он через силу. — Оставьте это себе, милорд...

— Хмм? — Аргза насмешливо выгнул брови. — Разве ты не хочешь её получить?

— Очень хочу, сир, и вы это прекрасно знаете. Но я не собираюсь... унижаться перед вами из-за неё... оставьте себе, милорд, я больше ничего и никогда не буду у вас просить.

Он старался, чтобы его голос звучал твёрдо и уверенно, но так и не смог изгнать из него нотки сожаления. Аргза, однако, лишь молча вложил карточку в его руку и приподнял за подбородок его лицо, заставляя снова оторвать взгляд от пола.

— Ну-ну, не зарекайся. И потом, ты уже переигрываешь, по-моему. Мне эта штука даром не нужна, а на ветер я такие деньги пускать не намерен. Бери и не ломайся, пташка, это подарок. Обещаю даже свозить туда тебя в ближайшее время, мой маленький книжный червяк.

Сильвенио посмотрел на него, вновь ощущая себя абсолютно беспомощным, несмотря на то, что сейчас никто не заставлял его делать что-то против его воли.

— Вы же не думаете, что я вас прощу?

Аргза задумчиво погладил его по щеке большим пальцем, усмехаясь.

— Мне, честно говоря, похрен как-то, простишь ты меня или нет. Обижаешься — твоё дело. Мне будет достаточно, если ты немного развеешься и перестанешь вести себя, как скорбящая вдова.

Сильвенио не ответил, только кивнул и крепче сжал заветную карточку в пальцах.

Обещание своё Аргза выполнил уже через неделю, доставив его напрямую к Артурии, всю площадь которой занимала одна только Библиотека. Приземлиться здесь было негде, и

посетители отправлялись внутрь исключительно при помощи телепортов. Второй раз в жизни Сильвенио должен был пользоваться телепортационным кругом, и теперь это навевало мимолётные воспоминания о загадочной старухе Криге, которая совершенно неожиданно оказалась к нему добра.

— Через сколько тебя забрать? — поинтересовался Аргза, выцепляя его из потока воспоминаний.

Честно говоря, Сильвенио предпочёл бы остаться там навсегда. Подумать только, среди нескончаемых книг, не заводя больше никакой дружбы, не заводя больше никаких близких знакомств и таким образом оградив себя от всякой боли... Да, пожалуй, именно о такой вечности он мечтал.

— Как пожелаете, сир.

— Хорошо. Тогда через три дня. Больше дать не могу.

Сильвенио посмотрел на него со смутной надеждой: по виду Аргзы ему показалось, что, может быть, если он сумеет убедить его, что корабль обойдётся без его непосредственного присутствия минимум неделю, то...

Но тут круг под ним сверкнул красной вспышкой, и убеждать было уже некого.

Он оказался возле большого регистрационного стола, за которым сидело несколько библиотекарей и на котором располагался компьютер. Библиотекари были негуманоидного какого-то вида: с шестью лишними конечностями, с волосатым панцирем вместо кожи, с усами над вытянутой мордой, с фасеточными выпученными глазами. Оно, наверное, и правильно, подумалось Сильвенио. Вряд ли бы даже самый терпеливый человек смог бы работать здесь и не извлекать никакой корысти. Даже книги наверняка оказались бы разворованы, если бы тут работали люди — увы, это была общая черта гуманоидных рас: присваивать всё ценное себе.

— Пропуск? — спросил один из библиотекарей, шевеля усами, и Сильвенио едва не передёрнуло от звуков эрландеранской речи: почувствовать на себе воздействие такой же телепатии было... как-то очень внезапно.

— Да, да, конечно...

Его имя, пробитое на карточке, сверили с базой данных, вернули обратно, и только потом он позволил себе оглядеться.

То, что предстало его взору, поистине поражало воображение. Стеллажи с книгами, выстраиваясь в бесконечные лабиринты, простирались вверх и вдаль настолько, насколько хватало глаза — и ещё много, много больше. Люди и иные существа, бродившие в достаточном количестве между этих стеллажей, казались по сравнению с ними не то что муравьями, а даже будто микробами. Тишина, нарушаемая лишь непрерывным шелестом страниц, распространялась не горизонтально, как обычно, а шла откуда-то сверху, с недостижимых ни для кого вершин этого лабиринта, и от этого создавалось такое ощущение, словно всё здесь было частью одной цельной Вечности... Сильвенио, забывший от восхищения, как дышать, кое-как заставил себя сделать вдох и шагнуть навстречу заманчиво пестревшим корешками книгам, и первой же связной мыслью, пробившейся через окутавшее его состояние нирваны, было только то, что три дня — это всё-таки ужасно, неприемлемо, невыносимо мало.

И здесь, в царстве тишины и быстро мелькающих перед глазами букв, он впервые за прошедшие три месяца совершенно не думал о Джерри. До того образ погибшего друга постоянно стоял у него перед глазами: их общие вечера за чаем (и пивом кое для кого), их

беседы, их планы и мечты. Джерри был его первым другом, ибо в детстве он как-то сторонился других детей. Джерри был его самым близким человеком после родителей, с которыми всё равно не было связи после похищения. В самом деле, он был даже не другом, а названным братом — и погиб так глупо, так неожиданно, так рано... Кошмар с умирающим от руки варвара механиком снился ему едва ли не каждую ночь, не позволяя ни на миг забыть, и спасало разве что полное отключение всех эмоций за работой.

А теперь — теперь вместо покойного Джерри перед его мысленным взором представляли сказочные герои, создавались и рушились империи, расцветали невиданные цветы, проносились неизвестные виды диких зверей и ещё много, много чего. Он читал взахлёб, всё подряд, до чего только мог дотянуться, не разбирая ни названий, ни жанра — просто поглощал книги одну за другой, как одержимый, забыв и о еде, и о сне. Библиотека, к счастью, работала круглосуточно, и в ней всегда горел свет, так что понять, сколько времени прошло, там было невозможно. Если, конечно, не смотреть на часы, висевшие на видных местах между книг, но Сильвению на часы смотреть не хотелось абсолютно.

В реальность он вернулся только чудом: случайно зацепился за строчку в одной из книг, в которой упоминалось, что можно увеличить вероятность успеха в случае перемещения при помощи телепортационного круга, по каким-либо причинам не связанного с другим таким же кругом на другом конце канала. Магии для этого вроде бы не требовалось, нужно было только изменить пару символов в круге и проработать в уме кое-какой код во время самого непосредственного перемещения. Заинтересовавшись, Сильвению прекратил наконец беспорядочное поглощение текстовой информации и занялся целенаправленным поиском нужных ему сведений. Ещё через десяток книг обнаружилось подробное описание процесса — вместе с предупреждением, что это всё равно очень рискованно и вероятность телепортации в открытый космос или куда похуже по-прежнему высока.

— Рискованно, — повторил Сильвению в пустоту, грустно улыбаясь. — Сейчас мне кажется, что рискнуть своей жизнью — уже не так страшно в сравнении с тем, чтобы оставаться с этим человеком...

Библиотекарь, проходивший мимо, подозрительно на него глянул своими шарообразными глазами и пошевелил усами, но Сильвению только пожал плечами и улыбнулся уже ему, на этот раз вежливо, показывая, что всё в порядке и он не разговаривает сам с собой.

Ещё через три прочитанных книги (на которые от корки до корки у эрландеранца ушло двадцать минут) в четвёртой он — опять же совершенно случайно — наткнулся на описание некоего "живого льда", который, согласно догадкам автора книги, влиял на магнитные поля и на электронику. Вместе с новым знанием о секрете телепорта это всё составляло одну сплошную безумную затею, но Сильвению успел уже привыкнуть к всевозможным безумствам за то время, которое провёл с Аргзой. Сомнения, конечно, сразу же окутали его голову и сердце, но он отогнал их всего одним рыжим образом.

Стоя уже в изменённом им дальнем круге Библиотеки, он снова огляделся, теперь уже с неодолимой тоской. Он хотел бы работать здесь, хотел бы провести здесь всю жизнь, перебирая книги, расставляя их по местам, бродя между полок. Может быть, именно таким будет выглядеть после смерти его личный Рай: книги, тишина и — и ещё этот особый вид одиночества, когда вокруг вроде бы много людей, но никто тебя не трогает... И всё же он твёрдо знал: вряд ли он когда-нибудь ещё сюда вернётся. Независимо от того, чем завершится его сегодняшнее безумство — скорее всего, в любом случае дорога сюда ему

будет навсегда закрыта. Это было печально, более чем печально, однако единственное лишь воспоминание о глазах-колодцах заставляло его двигаться вперёд. В полнейшую неизвестность.

Телепорт выбросил его именно туда, куда нужно, судя по тому, что он оказался в какой-то пещере, залитой таинственным сине-зелёным светом. Осмотреть окрестности, к сожалению, ему не удалось: последствия рискованной телепортации без надёжного приёмника энергии на обратном конце настигли его тут же, не успел он и оглядеться толком. Живот скрутило в морской узел, и он мучительно долго блевал желчью и остатками библиотечного ужина, который входил в сервис для обладателя именной членской карточки. И только спустя полчаса, растянувшиеся на целые десятилетия, его более-менее отпустило, и он, взмокнувший и дрожащий, смог наконец увидеть перед собой огромный мерцающий кристалл.

"Живой лёд", вспомнилось ему, и он попытался достучаться до разума находящегося рядом с ним... создания.

"Приветствую? Я... у меня мирные намерения..."

Непонятно, слышал ли его неизвестный разум, но перемигивания сине-зелёного света в кристалле стали явно чаще. Сильвению сделал несколько неуверенных шагов вперёд, стараясь не слишком заглядываться на это мерцание — мало ли, чем это чревато.

"Мне нужна помощь... Ты слышишь меня?"

Мерцание прошло сверху вниз — то ли утвердительно, то ли в знак чего-то ещё. Сильвению не заметил, как сделал ещё несколько шагов и подошёл почти вплотную.

"Ошейник. Ты можешь его нейтрализовать? Он сковывает мою магию. Если бы я только мог... если бы я... Пожалуйста, помоги мне."

Снова сверху вниз, а потом — от краёв кристалла к сине-зелёной сердцевине. Сильвению не чувствовал враждебности или страха этого существа, зато ощущал ненавязчивый к себе интерес. Это его ободрило, и он протянул к кристаллу руки.

— Я бы на твоём месте этого не делал, Лиам.

Дрожь волной прокатилась по его телу, сердце испуганно сбилось с ритма, но он не позволил себе обернуться на голос. Руки обожгло холодом, и они сразу же онемели.

"Помоги мне, помоги мне, помоги мне! Ошейник, только нейтрализуй ошейник, прошу!"

— Нет! Ты не..!

Лёд потянулся к нему жадно, неистово, пробираясь в самый мозг, и окончания фразы Сильвению не услышал. Лёд заполонил его мысли, его зрение, его слух, лёд пытался охватить его сердце, стремительно пробираясь внутрь по костям. Кажется, он кричал, не видя ничего, кроме гипнотизирующего мерцания, но рук так и не отнял: они примёрзли намертво. Но и просьба его тоже вроде бы была всё-таки услышана — по коже горла поползли колючие ледяные искры, опутали ошейник, стремясь его разломать. Ещё немного, ещё чуть-чуть и...

...и в обмен на свободу у него заберут жизнь.

Что-то с силой рвануло его сзади, выдёргивая из сияющего плена, и он без сил повис на чьих-то руках. Секунду спустя память начала возвращаться, как и зрение, и он осознал сразу несколько значимых вещей. Во-первых, он был жив, что уже немаловажно. Во-вторых, его спас Аргза, который сейчас обеспокоенно заглядывал ему в лицо и, кажется, что-то спрашивал. И в-третьих — ошейник всё ещё был на нём, целый и невредимый, и магии в теле по-прежнему не ощущалось.

— Тебя ни на минуту нельзя одного оставить, да? То ты за моей спиной участвуешь в

бунте, то чуть не отдаёшь себя в жертву Демоническому Кристаллу. Что ещё ты можешь учудить, моя богатая на сюрпризы пташка? Пожалуй, я теперь тебя вообще никуда не отпущу. Будешь со мной ежесекундно. Жаль, я-то надеялся, что ты уже взрослый мальчик и умеешь себя хорошо вести в моё отсутствие.

Это Аргза говорил ему уже потом, когда они оба снова были на корабле, когда Сильвенио уже пришёл в себя, как следует отогретый в горячей ванне, и стоял перед пиратом в кабине управления.

— Простите, сир, я просто... — он замолчал, не зная, какое оправдание не вызовет у варвара ещё большей злости.

— Просто что?

Он неловко пожал плечами.

— Просто боялся остаться с вами, сир. Боялся, что если не использую этот шанс, то буду потом жалеть.

Аргза посмотрел на него. Глаза у него были темнее обычного, и снисходительная усмешка, застывшая на его губах, глаз совсем не касалась.

— Да ты у меня, оказывается, тот ещё бунтарь по натуре, а? Вот так и получается: в тихом омуте водятся не то что черти, а настоящие радиоактивные мутанты... — пират хмыкнул и протянул ему круглую чашу с какой-то мутной жидкостью. — Пей.

Сильвенио закусил губу.

— Это яд?

Аргза кивнул, и для того, чтобы задать следующий вопрос, Сильвенио пришлось собрать в кулак всю свою волю.

— Я умру, милорд?

— Умер бы через два месяца, но я дам противоядие через двенадцать дней. Твой организм не успеет пострадать. Пей.

Сильвенио молча принял чашу из его рук и начал пить. С первым же глотком горло обожгло болью, как будто он опрокинул в себя стакан кипятка, хотя жидкость была прохладная. До дна ему допить так и не удалось: в какой-то момент боль перекинулась по всему телу, и чаша просто выпала из сведённых судорогой рук. Задышавшись, он рухнул на пол, едва успев зацепиться за подлокотник кресла пирата обеими руками, чтобы не разбить в падении голову. Ноги его не держали.

— Тише, тише, — Аргза обхватил его лицо широкими ладонями и потянул на себя. — Тебе ещё двенадцать дней с этим справляться. Этот токсин воздействует в основном на нервные узлы и на мозг, так что ты не сможешь включить Контроль. Потерпи, ладно? Я уверен, что ты понимаешь, почему я это делаю.

— Да... да, сир, понимаю... — говорить становилось всё труднее с каждым вздохом.

— Ты не должен больше пытаться сбежать.

— Да, сир...

— Рад, что ты понимаешь. Иди полежи. Завтра возвращаешься к работе.

Потом его существование до краёв наполнилось непрекращающейся болью. Больно было двигаться, больно было есть, больно было прикасаться к чему-то, даже собственная одежда причиняла боль. Казалось, все нервные окончания, имеющиеся в его теле, горели адским пламенем, и ему всё чудилось, будто эти окончания — миниатюрные фитили, а он — ходячий динамит, который должен вот-вот взорваться. Но взрыва всё не происходило, боль продолжала терзать его, не оставляя больше места ни для одного ощущения в его

нынешней жизни. Работал он теперь с большим трудом, и пару раз даже терял сознание, а болевой шок всё так и не наступал — у его мозга из-за токсина перегорели предохранители. Боль стала почти фоном, заставляя его видеть мир сквозь расплывчатую красную пелену.

Одно преимущество, однако, здесь всё же было — из-за боли он не мог думать ни о Джерри, ни о каких-либо новых попытках побега, вообще ни о чём.

На пятый день наказания Сильвенио сидел в корабельной библиотеке и пытался прочитать одну и ту же страницу вот уже два часа подряд — глаза словно кислотой разъедало изнутри, и никак не получалось сосредоточиться. Обычно такие приступы, к счастью, проходили довольно быстро, но во время них невозможно было заниматься чем-либо в принципе. В конце концов, он закрыл книгу и, тяжело дыша, вцепился в подлокотники кресла, изгибаясь в особенно сильных судорогах и пытаясь просто переждать, пока боль не опустится до терпимого предела.

Приоткрылась дверь, и раздались знакомые шаги. Тяжёлые ладони легли сзади на его плечи, и он запрокинул голову, чтобы посмотреть в нависшие над ним глубокие чёрные глаза.

— Больно, — прошептал он с отчаянием, не вполне соображая, что и кому говорит. — Господи... как же мне больно... Господи...

Чёрные глаза на миг исчезли из его поля зрения, и он в изнеможении опустил веки. Что-то тихо звякнуло, а потом его лицо обхватили те же ладони, что только что лежали на плечах, и губ коснулось что-то горячее, влажное. Он ощутил запах миндаля и какой-то лекарственной травы. Открыв глаза, он увидел склонённое над ним лицо варвара.

"Противоядие, — донеслось до его мыслей. — Открой рот."

Он открыл, и Аргза припал своими губами к его, вливая ему в рот лекарство. Вместе с спасительной жидкостью по телу разливалось долгожданное облегчение, боль отступала, и Сильвенио потянулся к нему, стараясь вылизать всё до последней капли.

Это был их первый настоящий поцелуй, и он случился только через десять лет после их знакомства. Их первый поцелуй был горьким и жадным, каким-то безнадежным и совсем чуть-чуть нежным, каким обычно бывает разве что последний.

Сильвенио молча смотрел на него снизу вверх, автоматически сражаясь с внезапно одолевшей его ни с того ни с сего сонливостью.

— Я добавил в противоядие немного снотворного, — объяснил Аргза, глядя его по щеке. — Так тебе будет легче. Спи.

Глаза неумолимо слипались, и сопротивляться этому было уже бесполезно. Где-то под веками угнездилась блаженная прохлада. Сильвенио уснул почти мгновенно, убаюканный снотворным, отступающей болью и неожиданной лаской.

Проснулся он от лёгкой щекотки в волосах и ощущения мягко скользящего по глазам света. Он лежал в постели Аргзы, уже раздетый и отдохнувший, свернувшийся в уютный клубок, а пират лежал рядом, опираясь на локоть, и перебирал его волосы с задумчивой улыбкой.

— Лучше? — спросил Аргза, увидев, что он проснулся.

Под его пальцами по коже куда-то внутрь бежало неясное тепло, и Сильвенио, изрядно намучившийся за последние дни, поймал себя на том, что эти прикосновения ему до безумия приятны сейчас. Хотелось нежиться в этой ласке до тех пор, пока чёртов корабль не развалится на части. Аргза касался его аккуратно, бережно, успокаивающе пропуская сквозь пальцы ворох его пушистых волос так, что Сильвенио ощущал себя приручённым диким

зверьком. Раньше он хотел вернуться домой, потом хотел просто сбежать, потом мечтал работать в Артурианской Библиотеке, сейчас же — сейчас высшее счастье представлялось ему только в том, чтобы лежать и ничего не делать, и чтобы Аргза гладил его вот так вот размеренно, осторожно. И чтобы при этом совершенно не помнить, кому эти ласковые руки принадлежат и кто сейчас ему так странно тепло улыбается, это обязательное условие.

К его огромному сожалению, часть про "не помнить" — была как раз из разряда невыполнимых, а потому ощущение покоя казалось ему как никогда прежде фальшивым.

— Лучше, — отозвался он через какое-то время. — Да, определёнno лучше. Глаза ещё немного болят, но, думаю, это быстро пройдёт, — он помолчал и добавил совсем тихо: — Не то чтобы я был против, совсем наоборот, но... могу я спросить, почему вы прервали наказание раньше названного вами срока, сир?

— Ты очень жалко выглядел. Мне не понравилось.

На самом деле теперь Сильвенио смутно припоминал, что в тот момент, когда их глаза в библиотеке встретились, во взгляде пирата что-то неуловимо дрогнуло. Будто ему... неприятно было видеть своего помощника в таком состоянии? Хотя нет, слово "неприятно" здесь неуместно, это было что-то другое... более глубокое... В ту секунду пират, откровенно говоря, имел такой вид, словно бы это он сам наглotalся яда. Всего секунду, но...

Что-то это да значило.

— Спасибо вам... правда, спасибо... это было ужасно... я не думаю, что выдержал бы все двенадцать дней... спасибо...

— Не убегай больше. Мне не нравится тебя наказывать, Лиам. Совершенно не нравится. Не доводи меня, хорошо?

Он кивнул, прикрыв глаза.

— Да, милорд. Я больше не буду. Обещаю. И... можно ещё один вопрос? Вы вчера... поцеловали меня... я думал, вам это неприятно...

Аргза хмыкнул и притянул его к себе ближе.

— Просто не в моих привычках целовать того, кто заведомо не ответит. Это скучно. Но ты вчера ответил, и ещё как. Думаю, это станет постоянной практикой.

В доказательство своих слов он склонился к нему и поцеловал ещё раз, теперь уже требовательно. Сильвенио растерянно приоткрыл рот и на пробу лизнул края ровных крепких зубов, не сопротивляясь и пытаясь проанализировать ощущения. Вчера он всё же был несколько не в том состоянии, чтобы оценивать, насколько ему нравится это новое занятие. Оказалось, что вполне себе нравится — если, опять же, не акцентировать внимание на том, кто этот человек с ним рядом и что он сделал.

Иногда, стоило признать, Аргза казался почти что нормальным. Почти что приятным. Почти человеческим. А ведь было бы проще, если бы он всегда оставался тем бесчувственным варваром, каким его знал весь остальной мир. Потому что тогда, по крайней мере, Сильвенио не испытывал бы от его поцелуев этой неуловимой горечи.

Он отстранился и хотел было слезть с кровати, но Аргза цепко ухватил его за запястье и вернул обратно в свои объятия, уткнувшись подбородком ему в затылок.

— Куда это ты собрался?

— Я хотел принести вам завтрак, сир... нельзя?

— Нельзя. Сегодня у тебя выходной.

— А вы?..

— И у меня тоже, разумеется. А что люди делают в выходные?

Сильвенио серьёзно задумался.

— Согласно статистике, большинство потомков жителей Старой Земли предпочитают несколько общепризнанных видов деятельности в выходные, такие как...

— О, заткнись, — ему достался беззлобный тычок в спину, от которого наверняка останется синяк. — В выходные люди прежде всего хорошенько высыпаются. Потом посмотрим.

И варвар, как всегда, мгновенно отрубился, что стало понятно по выровнявшемуся дыханию и по тому, как быстро расслабились его мышцы. Сильвенио хотел было сказать, что, в общем-то, уже и так достаточно спал, но вырваться из железной хватки Аргзы, даже спящего, представлялось весьма и весьма проблематичным. А потому он только устроился в кольцо его рук поудобнее, прижавшись лбом к его шее, и вновь закрыл глаза, думая, что, конечно же, не сможет сейчас уснуть после и без того долгой отключки. Чтобы хоть как-то скоротать время, он начал считать вдохи и выдохи пирата: раз, два, три... четыре... пять...

Он проснулся во второй раз уже от внезапного холода — это Аргза вылез из постели раньше него и теперь неспешно одевался. Судя по ощущениям, проспали они не меньше шести часов. Лишившись источника тепла, у которого так сладко пригрелся, Сильвенио завернулся в одеяло плотнее и с молчаливым вопросом посмотрел на пирата, сонно моргая.

— Поднимайся, — Аргза бросил ему на кровать его серые брюки. — Мы идём гулять.

"Гулять", как выяснилось, в переводе с его непонятных намёков означало: приземлиться на планету с минимальным населением вдали от всех жилых построек, а потом зайти в лес так далеко, чтобы гигантский паукообразный корабль не было даже видно из-за пологих холмов.

— Могу я спросить, куда мы идём, сир? — Сильвенио с трудом заставил себя оторваться от разглядывания окрестностей и тронул пирата за локоть свободной рукой.

Свободной — это потому что другую его руку Аргза крепко держал в своей ладони, таща его за собой, как на буксире. Видимо, он твёрдо намерен был выполнять своё обещание относительно того, чтобы больше его не отпускать ни на миг. Что ж, хорошо хоть на цепь не посадил — и на том спасибо. И ещё хорошо было, что легконогий эрландеранец без труда успевал за широким шагом варвара, а то бы эта странная прогулка и вовсе превратилась бы в забег на марафонские дистанции с повышенной сложностью, учитывая, какие непроходимые тропы тот порой выбирал.

— Откуда мне знать? — отозвался варвар на удивление беспечно.

Сильвенио покосился на него с недоверием: обычно Аргза всегда знал, куда идти. Даже если раньше он в каком-то месте не бывал, всё равно обычно сразу же намечал цель пути и двигался к ней наиболее удобным путём. Теперь же тот вытворял явно что-то из ряда вон выходящее. Забрался зачем-то в лес, вёл путаными трудными тропками, а теперь ещё и так легко признался, что понятия не имеет, куда они всё-таки идут. Немыслимо.

— Ладно, — Сильвенио кивнул, но не удержался от ещё одного вопроса: — А зачем мы вообще здесь?

Аргза неопределённо хмыкнул и на этот раз не ответил. Весь его вид говорил о том, что последний вопрос он счёл сугубо риторическим. Какое-то время они так и шли молча, не разбирая дороги, и Сильвенио, честно говоря, уже не особенно хотелось выяснять, куда и зачем они так упорно продираются. Лес действовал на него как хорошая доза успокоительного: шелест листвы, ломкий треск сухих веток под ногами, журчание воды где-то неподалёку, ленивое пение птиц — все эти звуки складывались в незатейливую мелодию,

которая лилась, казалось, не в уши, а через всё его существо. Когда же из-за ближайших кустов послышалось невнятное, но угрожающее рычание, Аргза только оскалился как-то чересчур радостно и активировал на одной руке неизменные когти.

— Не трогайте зверей, пожалуйста, — попросил Сильвенио тихо, не желая обрывать постепенно завладевающую им приятную лёгкость ещё одной резнёй.

И, к вящему его удивлению, Аргза послушался. Убрал когти и продолжил путь, как ни в чём не бывало, но от него разило такой уверенностью и спокойной силой, что никто из хищников так и посмел преградить им дорогу. А может быть, у хищников нашлась просто добыча поинтереснее и повкуснее двух людей, зачем-то зашедших в их царство.

Густые заросли можжевельника и ещё каких-то кустов, пришедшие на смену тесным рядам вековых деревьев, неожиданно вывели их к мелкому обрыву, под которым за полоской сплошь покрытого высокой травой берега плескалось в солнечных лучах небольшое прозрачное озеро. Аргза помог Сильвенио спуститься и, только оказавшись на берегу, позволил себе наконец отпустить его руку, чтобы объявить, что здесь они и останутся. Сильвенио опустил на траву, скинув обувь. Земля под ногами ощущалась как великое множество отдельных песчинок, и с непривычки — всё-таки на природе ему приходилось бывать в последние годы слишком редко — было ужасно щекотно. Сильвенио зажмурился почти машинально, чувствуя, как губы его сами собой, словно только того и ждали, складываются в непрощенную улыбку. После недавней пытки ядом, когда он заживо сгорал изнутри, такие простые и обыденные ощущения вроде щекотки, ветра на коже и скользящих сквозь него потоков солнечного света казались ему чем-то запредельным, нереальным почти, как один большой поток кристально-чистой ледяной воды после скитаний по пустыне. По пустыням ему лично, конечно, скитаться ещё, к счастью, не приходилось, но он справедливо полагал, что эмоции всё равно схожи.

Рядом послышался чужеродный шорох, и Сильвенио открыл глаза как раз в тот момент, когда Аргза, сбросив и шубу, и штаны, с разбегу нырнул в озеро, естественно, ни на миг не озаботившись тем, что из-за поднявшихся брызг сидящий чересчур близко к воде Сильвенио станет мокрым с головы до ног. Брызги были ледяные, как будто озеро не нагревалось каждый день всю сияющим солнцем, и Сильвенио вздрогнул, невольно вспомнив тот самый "живой лёд", который его чуть было не угробил. Аргза, не заметив, скрылся под слепящей бликами гладью воды. С минуту Сильвенио бездумно ждал, пока он вынырнет, рассеянно пересыпая в ладонях влажный песок, в достатке имевшийся под примятой им травой. Воспоминание о недавних событиях было совсем мимолётным, и настроение у него неуклонно повышалось: и токсин, и сам побег, и Демонический Кристалл, и даже огромный уродливый паук из прочнейшего металла, ожидающий их вместе с запахом смерти и заметно присмиревшими после памятного бунта рабочими — всё сейчас походило на какой-то далёкий кошмарный сон. Настоящими казались только легкомысленно-жёлтое небо над головой с зелёными барашками кучевых облаков, резь в глазах от непривычного обилия солнечного света, мягкая трава вокруг, плеск воды и звуки леса, наполняющие нагретый тёплый воздух. Он хорошо помнил это чувство единения со всем миром ещё из оставленного за бесконечной чередой несчастий детства, когда ещё не существовало для него ничего ужасного и злого, когда весь мир был его колыбелью и одновременно дружеским плечом, когда ветер играл с его несуществующими крыльями, а звёзды так заманчиво обещали несбыточное...

— Чего ты там сидишь, Лиам? — варвар вынырнул наконец на поверхность, чтобы

глотнуть воздуха, и бесшабашно ему улыбнулся из воды. — Иди сюда.

Сильвенио с сомнением огляделся по сторонам.

— Я не привык раздеваться в общественном месте, сир, а запасной одежды я не взял, и...

— Дьявол, Лиам, ты невыносим, воистину! — пират расхохотался так громко, что распугал снующих над противоположным берегом мелких птиц. — Здесь никого нет, кто, по-твоему, может проходить здесь мимо?

— Люди, сир.

— Да? Ну и чёрт с тобой, ужасный ребёнок! — и тот снова скрылся под водой.

А потом, ещё через несколько минут, он всё-таки вынырнул окончательно и вылез на берег. Уселся рядом на траву, подставив лицо солнечным лучам и улыбаясь всё так же довольно. *Синbsp; "Ошейник. Ты можешь его нейтрализовать? Он сковывает мою магию. Если бы я только мог... если бы я... Пожалуйста, помоги мне."*

львенио внезапно понял неожиданно для себя, что Аргза и сам получает от этой прогулки неизмеримое наслаждение, независимо от мотивов, сподвигнувших его на этот "поход". Здесь, в глубине леса, вдали от цивилизации, вдали от корабля — они были действительно совсем одни, и варвар как будто ощущал себя в родной стихии. Эрландеранцу подумалось ещё: что же могло заставить его, полужверя, выросшего в условиях исключительного единения с окружающей его природой, довольствующегося первобытными какими-то желаниями и утолением своих минутных страстей, однажды обратить взор в холодную черноту космоса?

Аргза с силой провёл ладонями по своим волосам, облепившим его подобно каким-нибудь чёрным водорослям, убирая мокрые пряди, а затем вдруг опрокинул Сильвенио на спину, нависая над ним сверху и прижимая к земле его руки. Желание, вспыхнувшее в его глазах, было настолько очевидно, что спрашивать о его намерениях сейчас даже не было нужды. Сильвенио закрыл глаза, подумав с тоской, что, наверное, ради этого всё и затевалось, это было бы вполне в духе Паука.

Но — нет. Ему достался только быстрый поцелуй: губы у пирата были тоже мокрые и почти прохладные, а язык — по-прежнему горячим, и контраст это создавало незабываемый. У Сильвенио после этого поцелуя остался во рту привкус чистой озёрной воды.

— Ты как хочешь, а я всё-таки затащу тебя в воду, — зловеще пообещал ему Аргза со смешком и отстранился.

Так незаметно прошёл весь день, и к кораблю они возвращались уже в поздних сумерках, оба насквозь мокрые (пират его в итоге, разумеется, действительно затащил купаться, причём прямо в одежде), усталые и голодные.

Перед тем, как подняться на трап корабля, Аргза остановился, а вместе с ним пришлось остановиться и Сильвенио, которого на обратном пути точно так же тащили за руку, как маленького.

— Тебе понравился этот выходной? — спросил он зачем-то.

Сильвенио улыбнулся ему — впервые за долгое-долгое время улыбнулся по-настоящему искренне.

— Да. Очень понравился, сир.

В подтверждение своих слов он даже приподнялся на цыпочки и просительно потянул на себя варвара за плечи, а когда тот наклонился — благодарно коснулся губами его щеки. Аргза, однако, вовремя повернул голову, превращая это в очередной "настоящий" поцелуй, и

прижал его к себе крепче. Надо признать, к четвёртому разу Сильвенио уже почти научился целоваться, и он был уверен, что его и этому нехитрому искусству скоро обучат в полной мере. Аргза Грэн ни одно дело не бросал на половине.

— Могу я надеяться на повторение таких прогулок? Мне бы очень хотелось... делать это почаще... я хотел бы... больше бывать в таких местах...

Аргза взъерошил ему волосы и легонько подтолкнул в спину по направлению к кораблю.

— Посмотрим на твоё поведение, пташка.

За ними уютно сомкнулась вечерняя тишина.

[Запись в бортовом журнале номер LH0NF807490_003:]

"Знаешь, друг мой, где бы ты ни был сейчас... Я уверен, тебе там хорошо. Потому что ты и так настрадался при жизни, а значит... В общем, я хотел сказать, что я прощаю его. Да, прощаю, потому что... Потому что просто надо двигаться дальше, понимаешь? Но ты не думай... я всё равно тебя помню."

[Запись удалена.]

Означает благородство, настойчивость, упорство; магнолия в букете говорит буквально "Всё равно ты будешь со мной."

Послышался короткий вскрик, резко оборвавшийся каким-то странным хриплым звуком. Аргза мог бы этот нелепый крик совершенно спокойно проигнорировать, если бы только не два обстоятельства.

Первое: кричали в его собственной спальне. И второе: голос слишком узнаваемо принадлежал Лиаму.

Аргза поморщился и разлепил глаза, сев в постели. Сильвенио рядом не обнаружилось, зато где-то за дальним краем необъятной кровати обнадёживающе мелькнуло нечто синее, и пират раздражённо зевнул, решив, что тревога напрасна.

— Лиам? Ты свалился с кровати? Мда, никогда не замечал за тобой такой неуклюжести. Раздавшееся вдруг тихое мяуканье заставило его вновь нахмуриться.

— Лиам?

Снова мяуканье. А потом — знакомый голос в голове:

"Да, сир... я здесь... и — да, я упал с кровати, потому что... посмотрите, пожалуйста, сами..."

— Да что с тобой, чёрт возьми?

"На этот вопрос я пока не могу дать внятного ответа, извините. Посмотрите сами, пожалуйста."

Аргза выругался и спустил ноги на пол. И — к его ногам тут же подошёл синий... кот. Ничем, кроме непосредственно цвета, кот от других своих гипотетических сородичей вроде бы не отличался, но вот эти ясные голубые глаза были пирату поразительно знакомы. Ни с кем другим перепутать единственного обладателя таких глаз было попросту невозможно. Аргза поражённо выдохнул и выругался ещё раз, да так, что кот испуганно прижал к голове ушки и чуть попятился.

— Ладно, — он неуверенно протянул к коту руку и поднял его, перехватив ладонью поперёк живота. — С причинами мы разберёмся позже. Похоже, либо тут у нас завёлся какой-нибудь шутник-самоубийца, либо мы попали в какую-то странную зону аномалий. Пока что у меня вопроса всего два: можем ли мы вернуть тебя в нормальное состояние подручными средствами и... почему именно кот? — он встряхнул бедное животное, поднеся ближе к глазам и задумчиво рассматривая. — Мне всегда казалось, что ты можешь быть разве что птенцом. Или мелким грызуном. Уж больно ты нелепый.

Кот предсказуемо ничего не ответил, но кончик длинного тонкого хвоста (гладкошёрстный, надо же, а в человеческом облике казался таким пушистым!) обиженно дёрнулся. Аргза расхохотался: теперь ему стало от всего этого смешно. В самом деле, Лиам с подвижными треугольными ушами, мягкими лапками и выдающим все его эмоции хвостом выглядел более чем забавно.

"Осмелюсь заметить, что если вы ещё немного сожмёте руку, возвращать в нормальное состояние будет уже некого..."

Аргза хмыкнул и милостиво опустил кота на кровать. Тот начал было машинально приглаживать шерсть языком, но тут же опомнился и встряхнулся, явно смущённый. Аргза

наблюдал за ним с внимательным интересом.

— А, ну да, — он коротко рассмеялся и грубовато потрепал его по ушам. — Теперь я вижу, почему кот: ты слишком чистоплюй.

Сильвенио смиренно ожидал, пока варвар закончит веселиться. В кошачьем теле всё ощущалось как-то совсем по-другому: мир казался большим и неуклюжим, зато все чувства разом обострились, вызывая какие-то смешанные непонятные желания. Помнится, когда ему было лет шесть, дома он пробовал как-то заклинание, чтобы посмотреть на мир глазами кролика, но он тогда почти ничего не уловил и к тому же недостаточно сосредоточился, из-за чего его вынесло в собственное сознание слишком быстро. Теперь же всё было иначе, и уже довольно большая часть его лелеяла смутную надежду, что он останется в таком виде если не навсегда, то хотя бы как можно дольше. Во-первых, это гарантировало неплохое исследование, а во-вторых — ну, не станет же Аргза требовать от кота всего того, что требовал от человека? Или станет?

— Так, — Аргза наконец посерьёзnel. — Если мы хотим тебя вернуть — а мы хотим, не смотри на меня так, тоже мне, умник — то нужно для начала составить какой-то план. Есть идеи?

"Полагаю, нужно проверить экипаж на предмет таких же или похожих ситуаций сейчас, на случай, если это действительно зона аномалий. А я пока могу поискать в сети. Эти... мм... конечности, конечно, несколько хуже предназначены для работы с компьютером, но я, наверное, справлюсь."

Пират кивнул и, посадив Сильвенио к себе на плечо, вышел с ним из спальни, чтобы донести до кабины управления — двери тому в любом случае самостоятельно было бы открывать несколько проблемно. Сам он, оставив его на консоли, ушёл проверять остальных подчинённых.

Вернулся он в кабину мрачным и напряжённым: хватило обойти всего пару рабочих помещений, чтобы удостовериться, что в самых разных животных превратилось более трети всей команды. Сильвенио, судя по нервно дёргающемуся хвосту, тоже никаких особенно радостных новостей не обнаружил. Аргза рассеянно провёл ладонью по лоснящейся синей шкурке, мимоходом заметив, как тот рефлекторно прогнулся под его рукой, подставляя смешную шерстяную спину под ласку. Ходящий ходуном хвост, очевидно, действовал вне воли своего временного владельца, потому что на секунду обвил гладившую его руку за запястье и сразу же отпустил, а Сильвенио этого даже не заметил. Кот ткнул лапой в экран, привлекая внимание Аргзы к какому-то объявлению в интернете.

— Что за хрень? — спросил варвар недовольно, пробежавшись по объявлению глазами. — Что ещё за "Кроличья Нора"? Ты о чём-то подобном слышал?

"Согласно рекламным листовкам, это какое-то реалити-шоу. И оно сегодня. Спонсор — одна богатая корпорация с Данара, которая контролирует всё телевидение вблизи него."

— И какое это имеет отношение к тому, что у меня на корабле развёлся зоопарк?

Корабль вдруг ощутимо трянуло, словно бы он во что-то врезался, хотя координаты на другом мониторе упрямо твердили, что никакого объекта перед ними нет и быть не может. Ох, кто бы знал, как Аргза Грэн ненавидел все эти чёртовы завесы!..

"Дело в том, сир, что Данар — прямо под нами. И ещё... в некоторых неподтверждённых источниках сообщается, что "участники" на это шоу выбираются абсолютно рандомно. То есть, если у нас появились такие проблемы, то логично предположить, что..."

— А ты не мог сказать об этом сразу?!

Корабль тряхнуло ещё раз, уже сильнее. На этот раз по всему корпусу будто прошла волна невнятной дрожи, и вместе с негодующе загудевшим металлом автоматически включилась тревога второго уровня, сообщавшая, что на судно действует какое-то постороннее магнитное поле. Аргза несколько раз громко чертыхнулся и, не раздумывая, схватил непонимающе вертевшего головой Лиама в охапку.

Тут же свет во всём корабле моргнул и пропал, а перед глазами полыхнула красная вспышка. И секундой позже выяснилось, что Сильвенио он уцепил с собой в последний момент не зря, иначе неизвестно, где бы тот оказался.

Вновь загоревшийся свет выхватил из полумрака незнакомое пространство: голые бетонные стены с извивающимися вдоль них железными трубами, длинный безликий коридор, освещаемый разве что плещущейся в плафонах зелёной фосфорицирующей жидкостью. И — ни души вокруг. И ни следа корабля, разумеется, где бы ему тут уместиться.

— Дьявол!!! — далее последовало ещё несколько цветастых выражений, и осторожно нюхающий воздух кот в его руках с привычной досадой дёрнул ушами. — Кто-то тут явно нарывается! Что ещё за выходки?! Где мы, чёрт побери?!

Сильвенио ловко вывернулся из его хватки и запрыгнул на широкое плечо. Не то чтобы он не мог передвигаться самостоятельно, напротив, в лапах радостно пружинила незнакомая энергия, призывающая его пробежаться и испытать новую скорость тела. Однако в воздухе пахло опасностью и сыростью, и он отчётливо улавливал непонятный посторонний гул где-то за дальним поворотом коридора, а варвар на своих двух ногах всё равно в силу длины этих ног мог передвигаться определённо быстрее, чем он на своих четырёх.

"Сир, я не слышу поблизости разум кого-нибудь из экипажа. А когда пытаюсь расширить зону поиска — в мыслях становится слишком шумно."

— Ничего, — процедил тот сквозь зубы, тоже явно чувствуя витавшую вокруг опасность. — Не напрягайся. Если тут есть кто-то из моих солдат или рабочих, я их найду. Но, чёрт, хотелось бы мне знать, кто всё это затеял.

Словно бы в ответ на его вопрос, неприметные динамики, развешенные под самым потолком и до того молчавшие, вдруг ожили, и из них автоматной очередью затарахтел чей-то бодрый жизнерадостный голос:

— Дамы и господа! И снова в нашем эфире так полюбившееся зрителям шоу "Кроличья Нора", и я, её ведущий, Атрий Джоз! В сегодняшнем шоу у нас, не поверите, почти знаменитый гость! В определённых кругах его имя навевает даже ужас! А тем, кто его имя не слышал, следует почаще общаться с мелкими контрабандистами и наркоторговцами, хехе... О, шутка-шутка, это имя, конечно, не стоит таких жертв, дамы и господа! Но я могу гарантировать вам точно, что сегодня будет достаточно весело! Итак, встречайте, гвозди нашей программы: пират Паук и его команда!

Аргза отчётливо закрипел зубами и сжал кулаки. Сильвенио на его плече чуть слышно вздохнул. Станный гул на грани слышимости беспокоил его всё больше.

"Пожалуйста, сир, успокойтесь. Нам пригодится всё ваше внимание, учитывая, что я сейчас мало на что способен..."

— О, я спокоен, — скрип его зубов стал таким громким, что Сильвенио уже чудилось, что его эмаль будет стёрта под корень. — Просто хочу лично поблагодарить всех организаторов этой милой вечеринки за оказанную мне великую честь.

Гул за поворотом становился всё громче. Как будто что-то... приближалось. Вместе с

тем усилился запах сырости, и Сильвенио, чутко поведя носом, предупреждая ткнулся мордочкой куда-то в скулу варвара, чтобы отвлечь того от размышлений о ещё несвершившейся мести. Проще было, наверное, мякнуть или что-то в этом духе, но он всё ещё не привык (и не собирался привыкать!) к кошачьей манере общения. Мышцы пирата под его лапами ощутимо напряглись: он тоже слышал.

Голос диктора тем временем продолжал:

— А теперь — обращение к участникам и ко всем, кто впервые подключился к нашему каналу! Внимание, правила игры! Всё, в общем-то, довольно просто: участникам нужно всего лишь... выжить! Да-да, задача тривиальна, но попробуйте сохранить этот скептицизм до конца игры, и держу пари, что его у вас изрядно поубавится! Для каждого — и на этот раз я не шучу, для каждого, буквально! — здесь приготовлены некие испытания. Правило всего одно: постарайтесь по-настоящему нас развлечь! Напоминаю также, что голосованием телезрителей каждые два часа определяются наиболее интересные и наиболее скучные участники, последних ждёт немедленное удаление, а первых — приятные бонусы! Что ж, кажется, основные моменты я разъяснил, а теперь — удачи! Веселитесь!

Аргза рванул с места за несколько секунд до того, как за поворотом коридора с размеренным механическим скрипом отъехала невидимая им дверь. Выработанная за долгие годы странствий по всяческим значным местам реакция спасла его: если бы он соображал чуть медленнее, то в следующие мгновения был бы сразу же погребён под обрушившимся из-за этого зловещего поворота мощнейшим потоком воды. Волна, хлынувшая на них, была такой силы, что запросто могла переломать им все кости одним лишь напором, и никакое умение задерживать дыхание тут бы не помогло. Поэтому Аргза бежал на пределе своей немалой скорости, а Сильвенио оставалось только вцепиться когтями в верхний слой перьев на его шубе и лететь за ним пушистым синим флагом, свисающим с плеча. Динамики позади них ломались с треском и шипением, а фосфорное свечение странных ламп равнодушно гасло, и в результате вместе с поистине оглушительным грохотом несущейся на них сзади водяной громады их преследовала ещё и леденящая темнота.

Когда шум воды начал немного стихать, а скорость волны — снижаться, Аргза остановился за дальним поворотом коридора, чтобы перевести дыхание. Лёгкие у него натурально горели — бежал он несколько дольше, чем могло справиться без отдыха даже его от природы впечатляюще выносливое сильное тело. Как от волны убегали гораздо менее подготовленные к подобным дистанциям остальные рабочие с его корабля — он не имел ни малейшего понятия. Сильвенио на его плече отфыркивался и мелко дрожал от холода — брызги, пропитавшие его густую шёрстку, были на самом деле ледяными.

— В порядке, Лиам?

Сильвенио фыркнул чуть громче: он полагал, что беспокоиться за него варвар должен был в начале забега, когда он с десятков раз чуть не слетел с его плеча прямо в разверзнувшуюся за их спинами хищную водяную пасть. Аргза, отдышавшись, выпрямился и, скосив взгляд и удостоверившись, что его маленький компаньон никуда не исчез, обернулся назад. Первая волна успела схлынуть, но теперь вода просто стремительно наполняла коридор. И пусть даже без угрозы переломов — перспектива утонуть в том, что, судя по температуре, водой звалось только по какому-то недоразумению, была не очень-то радужной. Как раз тогда, когда к варвару более-менее вернулось дыхание, стены предупреждая загудели снова: похоже, готовилось новое локальное цунами.

Что было гораздо хуже, так это то, что коридор оказался тупиковым, и бежать было

некуда. Вдалеке проход обрывался сплошной стеной. Аргза повёл носом, подозрительно прищурившись, и бросился вперёд, вновь опережая следующую разрушительную волну.

— Лиам, — умудрился позвать он на бегу, снова выжимая максимальную скорость. — Ты мне доверяешь?

Они катастрофически не успевали: волна нарастала с каждым неуловимым мгновением, щекоча их спины алчными ледяными брызгами. Расстояние неумолимо сокращалось. Аргза стащил Сильвенио со своего плеча и взял его за шкуру, не замедляясь. Кот, которого теперь нещадно мотало из стороны в сторону, только испуганно уставился на него, прижав уши к голове:

"Вообще-то, нет, не совсем..."

Аргза ухмыльнулся, сверкнув хищным оскалом ослепительно-белых клыков. Выражение у него при этом было самое что ни на есть нехорошее.

— Значит, пора начать доверять.

И тут он размахнулся и со всей силы швырнул его... прямо в чернеющую перед ними стену.

У Сильвенио не пронеслась перед мысленным взором вся его жизнь, нет. Что там определённо пронеслось — так это очень живые и красочные воображаемые картины разmozжённого об стену черепа и адской боли в маленьком разбитом теле. Фоном ещё мелькнула мысль, что вот этот долгий сплошной "мяяаяяв", бьющий по барабанным перепонкам — это его собственный голос...

Когда до неизбежного столкновения со стеной оставалось всего пару десятков сантиметров, что-то подхватило его сбоку и изменило направление полёта. Теперь он летел вверх. А в следующее мгновение знакомые загорелые руки поймали его из воздуха и втащили на что-то твёрдое и холодное. Внизу, бесконечно далеко и бесконечно близко, со стеной с яростным грохотом столкнулась толща воды.

— Ну-ну, незачем так пугаться, — спасительные руки методично прошли по его голове и бокам, приглаживая вздыбленную мокрую шерсть. — Зато ты теперь самая настоящая пташка, раз научился летать.

Сильвенио заставил себя более-менее успокоиться и внимательно огляделся. Аргза сидел с ним рядом на корточках, добродушно посмеивающийся, и всё трепал его несчастные ушки, миниатюрными локаторами вращавшиеся во все стороны. Бетонный пол в нескольких дюймах от его нервно подёргивающегося хвоста обрывался в пустоту, а пустота, в свою очередь, недовольно бурлила оставшейся где-то внизу водой. Значит, коридор был не тупиковый на самом деле, просто у самой стены поворачивал не вбок, а вверх, чего в начале пути не было видно, и над ними проходил уровнем выше ещё один коридор — по обе стороны ровного квадратного провала, через который они попали сюда, флуоресцировал зелёными лампами абсолютный близнец затопленного теперь туннеля. Пират, видимо, применил Тёмную технику, чтобы переместиться сразу к стене, а оттуда — наверх, но, так как перемещаться таким образом он мог только один, для Сильвенио пришлось разрабатывать дополнительный план.

План. Конечно. Ну-ну...

"Я очень рад, что вам по-прежнему весело, сир."

Аргза поднялся на ноги с коротким смешком, деловито вглядываясь в зелёный полумрак нового коридора. Потом глянул на Сильвенио, оценивая его состояние.

— У тебя слух и чутьё сейчас должны быть лучше. Что-нибудь засёк?

Тот фыркнул и принялся. Подозрительного гула вроде бы больше не было, но какой-то дальний шорох привлёк его внимание. Он пригнулся к полу: шаги. Тихие и одиночные. Аргза кивнул — он тоже это слышал (у кого тут звериный слух, интересно?).

— Подойдём ближе. Ты — на разведку, как более незаметный.

Кот издал тихий вздох и начал осторожно подкрадываться к источнику звука на бесшумно ступающих согнутых лапах. Чужие шаги не приближались, но и не удалялись, и это было даже более странно, чем то, что тень варвара, казавшаяся ещё огромнее с высоты кошачьего роста, скользила за ним на некотором отдалении точно так же беззвучно, словно бы у идущего за ним могучего человека тоже были кошачьи лапы вместо надетых на нём сейчас тяжёлых армейских ботинок.

Паук охотился, понял вдруг Сильвенио. Если он, эрландеранец, тихим был из осторожности, что являлось необходимым условием сохранения своей жизни в большинстве ситуаций, то Аргза незаметным становился исключительно тогда, когда выходил не просто драться, но убивать — безжалостно и быстро.

Коридор сворачивал вправо, и за углом эти странные шаркающие шаги становились слышны очень отчётливо. Сильвенио как-то весь инстинктивно напряжился и подобрался, припав к полу ещё сильнее — в его нынешнем состоянии фору могла дать разве что скорость, но и то было немало. Паук позади него почти слился со стеной, и Сильвенио мельком уловил порыв азарта и даже кровожадности от него.

В тусклом мерцающем свете безразличных ко всему ламп за углом обнаружился человек. Он слепо шагал на месте, упираясь лбом в стену, и, кажется, их приближения совершенно не заметил. Опасным он не выглядел. Сильвенио подкрался ближе, втягивая чуткими носом и мыслями малейшие признаки агрессии со стороны незнакомца. И — удивлённо повёл ухом:

"Сир, его запах... Я не знаю, какое-то, должно быть, сильнодействующее лекарство?.. Но это не важно, важно то, что у него... ох!.. У него в голове творится что-то откровенно ужасное!"

Аргза вышел из тени. Незнакомец по-прежнему его не замечал, хотя варвар уже и не особенно таился, и продолжал нелепые попытки протаранить бетонную стену своим хилым телом, как заведённый. На лице пирата отчётливо поступило раздражение пополам с разочарованием, в котором читалось: "И вот ЭТО я счёл за угрозу?" Сильвенио это его выражение крайне не понравилось — можно подумать, они тут в самом деле поразвлеклись собирались, как в компьютерной игре, где надо не только пройти квест, но и желательно убить всех попавшихся на пути.

— Эй!

Человек на его зов не откликнулся и бессмысленного своего движения не прекратил. Даже головы не повернул в его сторону, словно не слыша. Сильвенио усомнился было, человек ли на самом деле перед ними или же какой-нибудь неисправный человекоподобный андроид, но нет: грудная клетка того слабо вздымалась, а слепые глаза моргали без всякой систематики и слезились. Роботам таких бесполезных функций не делали вот уже пару столетий. Он оглядел его: измождённый, бледный, в грязной и местами порванной одежде, со стёртыми в кровь ногтями и сбитыми костяшками пальцев — всё это копилось, похоже, не так уж долго, но, очевидно, скопилось это уже здесь, где бы они сейчас ни находились. Значит ли это, что шоу "Кроличья Нора" набирает участников далеко не для одного-единственного эфирного дня?

Выглядело это всё в сумме с абсолютно ничего не выражающим взглядом и беззвучно шевелящимися губами, надо признать, отвратительно и жутко. Аргза протянул было руку, чтобы тронуть этого ненормального за плечо, но почему-то тут же брезгливо сморщился и развернулся, так и не прикоснувшись к нему.

— Даже руки марать об него не хочется, — бросил он через плечо. — Наверняка накачанный какой-нибудь дрянью. Это не то, что мне нужно, чтобы получить некоторые нужные мне ответы. Идём, Лиам.

И зашагал дальше по коридору, не оглядываясь. Сильвенио помедлил: что-то его как будто не отпускало от странного человека. То ли неясное ощущение чего-то неправильного и опасного, то ли тот бессвязный, полный панического животного ужаса и боли сумбур (если не сказать хаос) в поверхностных мыслях незнакомца, то ли... запах?

Да, кажется, это всё-таки был запах. Тревожный и резкий, но в то же время неуловимо приятный, дурманящий, словно бы лекарственный, и при этом почему-то отталкивающий. Что-то было в этом запахе абсолютно, совершенно *не так*. Сильвенио, как зачарованный, осторожно приблизился, испытывая необъяснимое и нездоровое желание лизнуть кожу человека и попробовать, каков этот непонятный запах на вкус...

Успевшие снова разогреться после ледяной воды до привычного жара пальцы варвара чересчур грубо вцепились в его шкуру на загривке, резко поднимая над полом и встряхивая. Глаза пирата были темнее обычного, неожиданно серьёзные, со знакомым стальным блеском.

— Где твои гениальные мозги, мне интересно? Не трогай его.

Сильвенио сжался под его взглядом и полувопросительно изогнул хвост, не пытаясь вырваться из жёсткой хватки, грозившей вырвать шерсть на шее вместе с кожей и мясом при любом неосторожном движении. Аргза нахмурился и снова посадил его к себе на плечо, стремительным шагом покидая злополучное место.

— От него пахнет смертью, — заявил он тихо и напряжённо. — Очень медленной смертью и гниением. Не знаю, почему ты не заметил, но, кажется, его полили чем-то вроде местного эквивалента валерьянки, раз тебе приспичило исследовать его ближе. Значит — кто-то хотел, чтобы ты его коснулся. И мне это не слишком нравится. Так что просто не трогай, если нам ещё кто-то подобный попадётся.

К несчастью, мрачное предсказание Аргзы сбылось — уже на втором повороте коридора картина повторилась, только уже с другим человеком, точно так же беспомощно пытавшимся пройти сквозь стену. Ещё через поворот (коридор разветвлялся, становясь постепенно похожим на лабиринт, но Аргза почему-то упорно сворачивал только на запад) история повторилась уже с двумя такими несчастными. Проблема была в том, что раз за разом запах "эквивалента валерьянки" становился всё сильнее и всё невыносимее. Когда Аргза чуть не споткнулся о седьмого, который не совершал никаких движений, а просто валялся на полу бесформенной кучей тряпья и костей, Сильвенио на его плече тихо заскулил и закрыл лапами нос, потому что терпеть это было уже невозможно.

— Эпидемия, — вынес вердикт варвар. — Слишком много для обычных обкачанных наркотиками или чем ещё. Смотри, — сказал он, наткнувшись на восьмого, едва не налетевшего на них из тени. — Симптомы одинаковые. И если это и впрямь эпидемия, то мы, судя по участвовавшим встречам с этими красавчиками, приближаемся к эпицентру заражения. И я буду очень, очень счастлив, если эта хрень передаётся не по воздуху, а каким-то другим путём. Потому что если это не так — то мы с тобой такие же ходячие трупы.

Всё это, признаться, было по-настоящему жутко. Десятой заболевшей была женщина, и у неё текла какая-то нелицеприятная слизь из ушей. Тринадцатым оказался ребёнок, и у него слизь капала ещё из носа и глаз. С пятнадцатого по двадцатый номера поджидали их все вместе, в узком проходе: Аргзе пришлось использовать лески, чтобы устранить их с пути, и одновременно удерживать одной рукой Сильвенио за загривок, потому что тот уже совершенно ничего не соображал и вырывался уже нешуточно, раскачиваясь взад-вперёд и явно пытаясь коснуться заражённых хотя бы кончиком лапы. И чем дальше, тем большими группами скапливались на их пути больные, и тем худший вид имела каждая такая группа.

"Сир... почему бы просто не вернуться назад? Вы продолжаете сворачивать только в одном направлении, и это направление, похоже, ведёт к очагу заражения... И потом, мы могли бы задержаться возле кого-то из них на безопасном расстоянии, чтобы я мог прочесть их разумы и выявить, как они заболели. Тогда мы могли бы избежать повторения их ошибки..."

— Посмотри вниз и подумай, можем ли мы тут задерживаться.

Он осторожно посмотрел. Честное слово, лучше бы он этого не делал!.. Тошнота резко подкатила к горлу, и желудок услужливо свернулся узлом при виде того, что устилало пол: вязкая отвратительная каша из крови, слизи и чего-то, подозрительно напоминающего осколки перемолотых человеческих костей, и всё это — в медленно прибывающей воде, уже заливавшей носки Аргзовых ботинок. И вся эта дрянь омерзительно хлюпала. Сильвенио был уверен, что его сейчас вырвет, и сдержаться удалось только с титаническим трудом — Аргза бы точно не одобрил, испачкай он сейчас его шубу, а если он опустит его из-за этого на пол, то он уж точно просто свалится в обморок и малодушно позволит воде затопить его лёгкие прежде, чем он превратится в такую же кашу. Потому он поспешно спрятал мордочку.

— Твои усы щекочут мне шею, — улыбнулся вдруг варвар, как будто они не шли по тошнотворному ковру из человеческих останков. Сильвенио не уставал поражаться отсутствию у пирата всякой брезгливости. — Что касается этого оригинального дизайнерского решения по поводу полового покрытия — мы ступили на него уже довольно давно, но ты не заметил из-за той самой вонючей гадости, которой это самое покрытие щедро полито. Теперь я начинаю думать, что эта дрянь не только на котов так действует: должно быть, других "участников" тоже частично превратили в животных. Расклад наверняка такой: животное подходит, приманиваемое запахом, как-то касается больного, и не только заражается само, но и разносит вирус дальше. А потом и оно, и коснувшиеся уже его люди становятся частью этого полового покрытия, когда болезнь переходит в последнюю стадию. Чёрт, я надеюсь только, что среди моих работников нет совсем уж безмозглых идиотов, иначе мне придётся основательно пополнять команду! Вода, кстати, начала прибывать пару минут назад. Подозреваю, это самый быстрый способ распространения заразы. Значит, нам дают шанс убежать? Какое великодушие!

На следующей развилке нужный им западный поворот загораживало не менее двадцати человек, и некоторые разлагались прямо на месте, жутко капая на пол потерявшими твёрдость конечностями. Сильвенио целиком забрался пирату под шубу и притулился где-то под воротником, стараясь не смотреть наружу и не вдыхать проклятый запах — ощущение тошноты всё усиливалось, и он не хотел рисковать. Ему нестерпимо хотелось хоть чем-то помочь этим людям, но он был совершенно растерян: без книг, без минимальных медицинских принадлежностей, без человеческих рук, без необходимого времени, без возможности даже прикоснуться, без достаточно ясного разума из-за запаха наркотика — он

ни на что в данной ситуации не годился, и это было слишком унижительно. Он даже не мог успокоить как-то их телепатически: разум каждого; Перед тем, как подняться на трап корабля, Аргза остановился, а вместе с ним пришлось остановиться и Сильвению, которого на обратном пути точно так же тащили за руку, как маленького. го больного был настолько плотно наполнен паникой от сопутствующей разложению заживо слепоты и глухоты, невыносимо-громкой болью и отчаяньем, что пробиться сквозь всё это не представлялось сейчас возможным.

— Надеюсь, ты оттуда не свалишься, потому что мне сейчас придётся сильно ускориться. Вода поднимается всё быстрее.

Он услышал из-под шубы характерный звук, когда острые лески вгрызаются в податливую плоть, а потом — звуки глухих ударов об стены. Это повторилось несколько раз. Затем снова раздалось тихое ритмичное хлюпанье ботинок пирата, уже, и в самом деле, гораздо более быстрое, чем до этого. Значит, преграда в виде двадцати человек, и так уже страдающих не по своей вине, не показалась варвару достойным поводом, чтобы сменить выбранное им ранее направление пути.

"Мы могли выбрать другой коридор..."

— Они всё равно сдохли бы, Лиам. Твоя гуманность тут более чем неуместна. И потом, я решил, что буду идти налево, и хрен вот тем придуркам, которые возомнили, будто могут указывать мне дорогу.

Хлюпанье скоро усилилось и участилось. Сильвению выглянул из-под перьев воротника, на удивление сухих после безумной гонки с локальным цунами. Вода доставала пирату почти по колено, и оставалось только надеяться, что через ткань брюк вирус не проникнет. Впрочем, они обречены, даже если она доберётся всего лишь до его пояса: Аргза не изменял привычке носить шубу на голое тело, и застёжек на ней, разумеется, предусмотрено не было в принципе. А кот не мог выбраться сейчас из своего укрытия, чтобы прервать непосредственный контакт с его кожей — тогда бы он точно упал в заражённую воду на бегу.

Коридор кончился слишком внезапно, и Аргза едва успел среагировать, отскочив назад от обрыва. Перед ними чернела огромная пропасть, наполненная бурлящей внизу водой — ещё с первого этажа. Только на этот раз провал был гораздо громаднее — и на противоположной стороне коридор не продолжался, там была сплошная стена. В середине пропасти над поверхностью воды независимо парила небольшая квадратная платформа. Пока они с Аргзой всё это осматривали, размышляя, как выбраться из злополучного коридора, не касаясь воды, сзади послышалось беспорядочное шарканье множества ног.

Они обернулись. Толпа заражённых — все с одинаковыми слепыми глазами и заторможенными движениями — медленно и неотвратно ползла к ним, как единое многоголовое существо. Как больное многоголовое существо, ползущее умирать. Теперь больных было гораздо больше двадцати — по одним только теням, колышущимся впереди на стенах в отсветах зелёных ламп, можно было сказать, что к ним приближается не меньше сотни человек. Первый десяток уже подходил к ним, и Аргза заблаговременно шагнул на так кстати подплывшую к ним по воздуху платформу прежде, чем его успеет кто-нибудь из них коснуться.

— Иииии мы снова возвращаемся к главным гвоздям-шурупам нашего шоу! — вернулся откуда-то сверху тот же раздражающе-бодрый голос ведущего. — Напоминаю, дамы и господа, что сегодняшнее наше угощение — экипаж Паука! Мы с вами пока имели

удовольствие наблюдать за простыми, так сказать, смертными из его команды, и если мне позволено будет высказать своё субъективное мнение, то господа пираты, признаться, меня не разочаровали! Ну, ещё бы — всем известно, насколько у господина Паука, хе-хе, сложный характер — с таким просто невозможно не быть подготовленным ко всяческим испытаниям! Но, впрочем, я что-то опять заболтался, да простят меня телезрители! Итак, мы возвращаемся к нашим бара... то есть, к нашим многоуважаемым участникам! Краткая справка: господин Паук и его в высшей степени очаровательная зверушка успешно прошли первый уровень игры и без потерь преодолели второй. Однако путь, выбранный господином Пауком, несколько отличался от того, который так любезно предлагали организаторы, и таким образом этот, простите, жулик просто срезал дорогу, чтобы попасть сразу на четвёртый уровень вместо положенного третьего. Но этим господин Паук, похоже, завоевал сердца телезрителей, и по результатам предварительного голосования — та-да-да-дамм! — господин Паук получает бонус!

Наверху противоположной стены вспыхнули четыре странных знака, больше всего напоминающих незамысловатые загогулины трёхлетнего ребёнка. Простейшая рунопись, принятая сейчас у народов, имеющих пещерный уровень цивилизации — и стараниями Федерации перешедших на это жалкое подобие всеобщего языка. Что это было, интересно? Указание со стороны "организаторов" на умственные способности их участников, ненавязчивое такое? Аргза, решивший, что над ним издеваются, мстительно пообещал себе, что припомнит при случае и это завуалированное оскорбление, и определение его "сложного характера".

— А теперь — внимание! Наш бонус заключается в том, что мы предоставляем господину Пауку самому выбрать следующее испытание, которое ждёт его на четвёртом уровне. Перед ним, как вы можете видеть, дорогие телезрители, четыре двери, и каждая из них ведёт к своему испытанию, минуя остальные три. Однако этих дверей ещё нужно достигнуть! Так что, пожелаем Пауку и его зверушке удачи — лично я, кстати, болею за этого милягу-кота, потому что тоже хочу себе такого питомца — и оставим их на время, дабы проследить за другими участниками! К примеру, дорогие телезрители, в секторе С на третьем уровне сейчас...

На этом месте связь здешние динамики продуманно отключились. Аргза нахмурился ещё больше, разглядывая расположенные на недостижимой даже для него высоте двери, отмеченные каждая своим знаком. Сильвению смотрел на эти знаки с ненавязчивым любопытством и никаких мыслей по этому поводу не высказывал: очевидно, настолько упрощённую письменность он ещё изучить не удосужился, гоняясь за сложнейшими архаичными шифровками. Варвар же, в отличие от него, знал смысл предоставленных ему знаков, но положения их это нисколько не облегчало — даже наоборот. Он оглянулся, почувствовал, как вздрогнул Лиам в его руках: платформа уже снова переместилась к середине залы, и им было отлично видно, как из пройденного ими коридора в продолжавшую подниматься воду безвольно падали заражённые люди, сталкиваемые ни о чём не подозревающими товарищами по несчастью. Значит, эта вода уже была заражена, и если они так и будут продолжать топтаться на платформе, то поток в любом случае скоро их коснётся.

— Возвращаясь к вопросу о доверии, — произнёс пират мрачно.

Сильвению ожидал продолжения, но его не последовало. Он тревожно изогнул хвост и вопросительно посмотрел на своего хозяина.

— Я доброшу тебя дотуда. На это у меня сил хватит.

И, без перехода, не давая возразить даже мысленно, тот перехватил его за шкурку покрепче, как следует раскрутил руку с ним и — со всей дури швырнул его вверх. Второй раз за день смертельно перепугавшийся кот всё же успел кое-как зацепиться за чуть выступающий карниз и забраться на него; мир перед глазами в очередной раз издевательски закачался. Он уныло подумал ещё, что, должно быть, после сегодняшнего дня он начнёт перманентно бояться высоты...

Аргза остался внизу. Сильвенио уже шагнул в открывшуюся при его приближении дверь, когда понял, что пират уже слишком долго задерживается. Непонимающе глянув вниз (голова сразу же закружилась, подтверждая недавние мысли о боязни высоты), он обнаружил, что Аргза всё так же стоит на платформе и, запрокинув голову, просто смотрит на него, не предпринимая никаких действий. Вода успела подняться ему выше колен.

"Сир?"

С такого расстояния выражение глаз пирата, поглощавших отсветы умирающих ламп, казалось абсолютно нечитаемым.

"Я не вижу."

Сильвенио хотел переспросить, но догадка озарила его сама: варвар не мог использовать Тёмную технику без хотя бы малейшего визуального представления о конечном пункте перемещения, а дверь находилась слишком высоко. Пришлось срочно послать ему мысленную картинку того, что видел он сам, и уже через мгновение Аргза снова был рядом. Сильвенио, не дожидаясь напоминания, вскарабкался на его плечо, несколько недоумевая.

— Не знал, что ты и так можешь, — произнёс варвар вместо благодарности.

Сильвенио покосился на него с ещё большим недоумением...

"Сир?"

С такого расстояния выражение глаз пирата, поглощавших отсветы умирающих ламп, казалось абсолютно нечитаемым.

"Я не вижу."

Сильвенио хотел переспросить, но догадка озарила его сама: варвар не мог использовать Тёмную технику без хотя бы малейшего визуального представления о конечном пункте перемещения, а дверь находилась слишком высоко. Пришлось срочно послать ему мысленную картинку того, что видел он сам, и уже через мгновение Аргза снова был рядом. Сильвенио, не дожидаясь напоминания, вскарабкался на его плечо, несколько недоумевая.

"Не знали? Но как вы тогда собирались выбираться? Если бы не..."

Аргза безмятежно пожал плечами, что ощущалось, как маленькое землетрясение. Сильвенио не стал заканчивать мысль, старательно отгоняя охватившее его острое подозрение. Которое просто не могло быть правдой. Ну не могло же?

Некоторое время они вновь петляли по унылому лабиринту однообразных коридоров — конечно же, сворачивая исключительно на запад. Пол, правда, на этом этаже был уже совершенно сухой, что вселяло кое-какую надежду. Стены, усеянные всё теми же зелёными лампами, в некоторых местах были и вовсе раскалёнными: Сильвенио чувствовал исходящий от них горячий пар.

— Мы в коридоре, дверь которого была обозначена как "Потеря", — сказал Аргза, словно бы это он тут был телепатом. — Дверь соседнего была обозначена как "Огонь".

Догадываюсь, там испытание эквивалентное тому, которое мы прошли на первом уровне, только там был потоп, а тут — повсеместный пожар. Оставшиеся два предложенных нам пути — "Боль" и "Страх". Ловушки с шипами в полу и галлюциногенный газ? Не знаю. Я решил, что "Потеря" в любом случае безопаснее.

Насчёт этого утверждения вполне можно было поспорить, но в споре сейчас, когда они уже не имели возможности выбрать что-то другое, не было никакого смысла, и Сильвенио не стал доносить свои доводы.

Он так напряг все свои чувства, ожидая новой опасности, что даже ослабил телепатическое поле — и чуть не подпрыгнул на плече Аргзы, когда в это самое поле неожиданно вторглись чужие голоса, мысленно зовущие на помощь. Звали они, впрочем, как-то очень странно: не отчаянно, не испуганно даже, а как-то очень вежливо, в духе "мы, конечно, не настаиваем, но не могли бы вы быть так любезны и помочь нам, если не сочтёте это за трудность?"

"Сир, — позвал Сильвенио, с трудом скрывая радость от возможной встречи с такими же, как он, людьми. — Тут есть ещё телепаты. И они нуждаются в помощи. Я не очень понимаю, что конкретно они хотят сказать, но, судя по всему, они заперты в комнате за этой стеной справа от нас..."

Аргза остановился. Потрогал стену справа, чтобы убедиться, во-первых, в её непроницаемости, а во-вторых, в её относительно холодной поверхности.

— Как ты собираешься туда попасть? Надеешься, что я пробью бетон? Тут как минимум несколько метров толщины, так что это будет очень долго и шумно. Не вариант.

Кажется, он не сомневался в том, что в конечном итоге пробьёт даже такую стену, если хорошо постарается. Сильвенио улыбнулся мысленно — он тоже предпочитал не сомневаться в его силе, но помнил, что у всего есть предел.

"Вентиляция, милорд. Тут вентиляционное отверстие, и я думаю, что вполне смогу через него пролезть в комнату. Вы позволите мне это сделать? Я... я обещаю, что вернусь. Я не сбегу."

Тот глянул на него с явным сомнением: после случая с Библиотекой он так и продолжал на всех вылазках таскать его за руку, хотя Сильвенио вёл себя примерно.

Решил всё звук ритмичных чётких шагов, послышавшийся за поворотом. Судя по всему, к ним приближалось с десятков человек, военных — никак не шаркающих больных со второго уровня. Аргза ещё раз оценивающе оглядел кота и, быстро выдернув ржавую решётку с вентиляции лесками, подсадил его к узкому квадратному отверстию в стене.

— Будь там. Я добуду оружие и приду за тобой. Во что-нибудь вляпаешься — зови, постараюсь придти быстрее.

И — едва ли не запихнул его в вентиляцию, после чего снова сделался смертоносной неслышной тенью и исчез из поля зрения Лиама. Сильвенио ничего не оставалось, кроме как воспользоваться своей временной свободой и проползти на животе вперёд по трубе.

О второй решётке он вспомнил только тогда, когда подобрался к ней вплотную, и неловко застыл, ругая себя за отсутствие детального плана — он был так взбудоражен от перспективы встречи с возможными союзниками-телепатами, что действовал слишком импульсивно. Однако, пока он напряжённо прислушивался к происходящему в коридоре (откуда как-то подозрительно не доносилось ни звука), эту проблему решили за него: кто-то любезно снял перед ним решётку, освобождая путь, и он, обрадованный ещё больше, быстро вылез наружу.

— Здравствуй, путник. Мы рады приветствовать тебя и благодарим за то, что ты откликнулся на наш зов.

Он огляделся. Комната, в которую он попал, была довольно большая, с полным отсутствием мебели и окон, освещённая лишь надоевшими фосфорными лампами. И наполненная тесно жмущимися друг к другу людьми — все высокие и худые, но не кажущиеся при этом измождёнными. И все до единого смотрели на него с искренним дружелюбием, что в последнее время с ним бывало крайне, крайне редко.

— Ты, как я вижу, тоже пребываешь под действием их аниморфного заклинания? Позволишь превратить тебя в человека, путник, или желаешь остаться так?

Он непонимающе моргнул, уставившись на говорившую с ним женщину: похоже, тут были заперты далеко не обычные люди. Но он уже успел порядком соскучиться по своему нормальному облику и способности говорить вслух, поэтому радостно кивнул и чуть слышно мяукнул в знак согласия. Женщина подошла к нему, улыбаясь, начала делать какие-то пассы руками и...

— Наконец-то! — Сильвенио не сдержал удивлённого возгласа, оглядывая в следующее мгновение свои вновь ставшие человеческими ладони. — Я благодарю вас от всего сердца. И... не сочтите за наглость, но у вас не найдётся... одежды?

Пока он смущался и краснел, неловко прикрываясь руками (после обратного превращения он остался полностью обнажённым, что неудивительно, учитывая, в каком виде он вчера ночью ложился в кровать Аргзы), ему всё-таки нашли общими усилиями лишний комплект одежды и подогнали магией нужный размер. Теперь, когда он наконец был одет и находился в более привычном для себя облике, можно было оглядеться внимательнее. Всего здесь оказалось чуть меньше тридцати людей, разного возраста и пола, но, к счастью, среди них не было ни одного маленького ребёнка или древнего старика. Внешний вид этих людей, несмотря на не самые, судя по усталым глазам и впалым щекам, благоприятные условия, оставался довольно аккуратным: чистая и не рваная одежда, причёсанные волосы, кожа без следов язв и с минимальным количеством ссадин. Не похоже, что они здесь сильно страдали, да и в телепатическом поле не было того белого шума, который окружал разумы несчастных больных с предыдущего этажа. У многих из них оказались волосы узнаваемо ярких оттенков — оттенков, присущих природе одной очень определённой планеты — и вкупе с телепатическими способностями и неизменной мягкой вежливостью это давало неплохую подсказку, кем были его новые друзья. Что-то тёплое и живое, почти не вспоминаемое в последнее время, с готовностью шевельнулось в его груди, наполнив его существо изнутри и оперевшись комком в горло.

— Просто невероятно, — выдохнул он поражённо, неверяще улыбаясь. — Встретить в таком месте, в такое время — представителей моей расы! Я не могу выразить словами свою радость от встречи с вами, друзья мои! Счастлив представиться: Сильвенио Антэ Лиам. Святая мать Эрлана да воздаст вам благодать...

Он не ошибся: на его приветствие ответил стройный хор голосов, с нежностью повторявших имя его планеты, и дружелюбные улыбки окружающих его людей сразу стали ещё более открытыми. Один за другим люди подходили и представлялись длинными именами, звучащими для него лучше любой музыки; он никогда не знал их прежде, но теперь это не имело значения. Эти люди даже не были родом с самой Эрланы — он догадался по небольшому различию между их и его родным языком, похоже, они являлись представителями той части его народа, которая когда-то давно, ещё множество веков назад,

отправилась путешествовать к звёздам, в поисках полумифического Сердца Вселенной. Никто на Эрлане не знал, достигли ли отважные путешественники цели, но известно было, что они до сих пор продолжают свой путь, никогда не засиживаясь на одной планете дольше нескольких лет. Кажется, они уже стали совершенно отдельным народом, их кровь поколение за поколение смешивалась с кровью других рас, но общие корни были столь сильны, что узнать в них потомков эрландеранцев не составляло труда. Сильвенио закусил щёку изнутри, борясь с желанием немедленно кинуться обнимать каждого из присутствующих и напоминая себе, что это, наверняка, очередная ловушка. Вслед за нахлынувшим счастьем в грудную клетку уже начало болезненно вгрызаться привычное чувство недоверия и уныния. Что, если это просто затейливые организаторы проклятого шоу так играют с его воображением?

— Как вы оказались здесь? И почему звали на помощь? Я не вижу, чтобы вам здесь что-то угрожало...

Они переглянулись. Потом женщина, заговорившая с ним первая здесь — теперь он знал, что её звали Лими́на Джантэ Тревори, очень в духе их традиций — снова вышла вперёд. Как он понял, Лими́на была здесь самой старшей. Синеволосая, улыбчивая, зеленоглазая — она неожиданно напомнила ему мать, и от этого непрощенного воспоминания он вдруг затосковал: почему он должен был встречать отражения своего бесконечно далёкого счастливого прошлого на пути, как этот?

— Видишь ли, мы направлялись на Ваэрллин, но туристический корабль, на котором мы находились, был перехвачен по пути над Данаром, и мы оказались здесь. Первый уровень очень быстро был затоплен, поэтому нам пришлось пробираться выше. На втором уровне мы начали лечить встреченных нами больных, ты, вероятно, тоже видел этих несчастных, — Сильвенио ощутил болезненный укол стыда и виновато кивнул. — Очевидно, кому-то здесь это не понравилось, и вскоре нас забрали сюда, где и заперли. Кажется, на наш счёт они ещё не решили, что им стоит предпринять...

Сильвенио осмотрелся: здесь не было ни одной двери, а значит, либо этих людей привели сюда через скрытый лифт в полу, либо у местной охраны были массовые телепорты. Впрочем, теперь всё более-менее встало на свои места. Магия Ищущих, как называли этот народ, была немного слабее эрланской, потому как за сменившиеся поколения часть традиций неизбежно канула в забвение, но при этом всё равно была на порядок сильнее магии среднестатистических путешественников. Они умели лечить тех бедолаг со второго уровня, которым, казалось бы, ничто уже не могло помочь, они умели осуществлять обратные превращения животных в людей, они умели пользоваться телепатией и наверняка умели управлять некоторыми из стихийных элементов — судя по тому, что с первого уровня они выбрались сухими, а воздух в тесной для тридцати человек комнате, проникающий через маленькие отверстия вентиляции в стенах, казался на редкость чистым и свежим. Немудрено, что организаторы сочли их не слишком интересными игроками и заперли их здесь, чтобы лёгкость, с которой они преодолевали все местные опасности, не мешала больше по генеральной идее захватывающему зрелищу игры. Вряд ли кто-то с данарского телевидения вообще рассчитывал, что в их шоу могут быть однажды вовлечены Ищущие, но просто так отпускать их, конечно же, никто не собирался, а выбраться сами те не могли. Они попросту не знали, куда следует идти здесь, учитывая, что они в любой момент могли быть снова засунуты сюда охраной. Потому они бросили сети телепатического зова в соседние с комнатой коридоры, в надежде, что кто-нибудь из других участников будет ориентироваться

здесь несколько больше.

— Ох... — он покачал головой, размышляя. — Да, я не думаю, что оставаться здесь для вас безопасно — рано или поздно организаторы найдут способ нейтрализовать ваши способности... Но сюда должен скоро придти... один человек, который поможет нам всем выбраться. Похоже, мы сейчас можем только ждать его. Извините... я не слишком хороший помощник, я бесполезен, я знаю, я догадывался, что не сумею помочь, но не мог не воспользоваться шансом...

— Мы можем попробовать снять твой ошейник. Это ведь он ограничивает твою магию.

Сильвенио застыл. Мысль эта, разумеется, пришла ему в голову раньше, но он совершенно не знал, что с этой мыслью делать. Звучало это более чем соблазнительно, однако факт был в том, что Аргзе это очень, очень сильно не понравится. Он больше не верил в то, что действительно сможет сбежать от него однажды.

— Я...

И тут снаружи раздался дикий грохот, долетевший даже через несколько метров бетона и больше всего похожий на звук взрыва, а в следующее мгновение в стене образовалась приличных размеров сквозная дыра — Сильвенио и несколько Ищущих едва успели отскочить от рушащихся плит.

— О, да ты и правда нашёл себе компанию, Лиам!

Талант появляться всегда вовремя определённо нужно было внести в список самых необычайных способностей человечества. Аргза Грэн приветственно махнул присутствующим зажатой в правой руке весьма грозной на вид пушкой размером с эту самую руку. Сильвенио чуть нахмурился.

— Вы... действовали неосторожно, сир. Могли пострадать люди.

Аргза благодушно хмыкнул и выразительно на него посмотрел: очевидно, посторонние люди его никоим образом не интересовали, а в том, что самому Лиаму хватит ума отойти от стены, он не сомневался.

— Ну, никто, как видишь, не пострадал. А ты вернул себе нормальный вид, что меня, признаться, очень радует, так что хватит болтать и идём отсюда. Сейчас на шум сбежится местная "служба безопасности", которая следит, чтобы мы играли по их правилам.

Ищущие разглядывали варвара с неизменным вежливым вниманием. Сильвенио обернулся к ним, не двигаясь с места, на его лице читалось сомнение. Аргза закатил глаза.

— Быстрее, Лиам. Эти, — он снова махнул в сторону молчавших людей пушкой и пренебрежительно им улыбнулся. — Останутся здесь в качестве приманки. Насколько я выяснил, за ними должен придти кто-то из администрации.

— Приманки?.. Тогда я остаюсь тоже.

Улыбка исчезла с лица пирата. Он схватил Сильвенио за плечо и с силой его встряхнул — так, что зубы клацнули друг об друга. Это с некоторых пор стало его любимым приёмом, чтобы сказать "прекрати глупить". Тот ответил ему неожиданно решительным взглядом: расставаться с только что обрётёнными дальними сородичами не хотелось. Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза, а потом Аргза с раздражением выругался и резко отпустил его.

— Хорошо. Твои новые друзья, — он осклабился, уже без всякого намёка на благодушие. — Напоминают мне выскочек с твоей планеты. Хочешь остаться — прекрасно. Я пока доберусь до главного тут. Потом приду за тобой. Позови, если станет совсем скверно. И — вот, держи-ка.

Он вручил ему пушку. Сильвенио моргнул.

— Я не буду пользоваться оружием, и вы это знаете...

— Знаю. Но раз уж ты хочешь быть приманкой вместе со своими приятелями, будь ей по полной программе. Камеры в коридоре я вырубил, так что для тех, кто придёт сюда, виновником пробитой стены и трупов охраны неподалёку будет обладатель этой красавицы. Пока мне выгодно, чтобы это был ты.

Вот и вся его так называемая забота. Неясное хрупкое чувство, периодически превращавшее их связь хозяин-раб во что-то, отдалённо напоминающее человеческие *отношения*, всегда успевало вдребезги разбиться о холодный расчёт варвара. Сильвенио опустил глаза и перехватил базуку так, чтобы она опиралась прикладом об пол. Держать её было неудобно, прогретый недавним выстрелом металл оружия ощущался чуждым.

— Как прикажете, милорд...

Аргза кивнул и скрылся в облаках поднявшейся из-за обрушенной части стены пыли. Из коридора уже слышались шаги охраны. Лимина и остальные Ищущие смотрели на Сильвенио с немым вопросом, но из комнаты уходить не спешили. Он устало прислонился к базуке и дёрнул уголок губ в подобии улыбки:

— Простите меня, пожалуйста. Я действительно ни на что не способен.

...Аргза проследил за солдатом, свернувшим за угол. Заставить одного из работников пресловутой службы безопасности отправиться к администрации в качестве связного оказалось не слишком сложно — украденная базука (её использовали здесь для массовых зачисток тех, кто играл "не по правилам"), несколько трупов, перерезанные кабели видеокамер и старый пиратский трюк, с помощью которого, имея лишь один радиопередатчик убитого охранника, удалось замкнуть всю систему радиокommunikации. Потом удачно подвернулись подсадные утки, и — вуаля, одного солдата всё-таки направили с докладом к начальству. Не то чтобы Аргза был мастером многоходовых стратегий (ему проще было действовать по обстоятельствам), но обычно такие приёмы всегда срабатывали. Выждав немного, он нырнул в коридор за солдатом, уже предвкушая мгновения мести за весь этот фарс.

Коридор оказался тупиковым, и в нём была только одна дверь, из-за которой слышались голоса. Аргза, приготовив когти, пинком распахнул дверь, и...

...Позже он всё удивлялся: как он с его чутьём не почувствовал подвоха?..

...там никого не оказалось. Дверь захлопнулась за ним прежде, чем он успел что-то сообразить: снаружи с оглушительным лязгом опустилась тяжёлая металлическая решётка. Комната была абсолютно пуста — не считая динамиков, подвешенных под потолком, из них-то и слышались голоса.

Ловушка. Разумеется. Не следовало ожидать, что ему дадут победить так легко.

— И, наконец-то, дорогие телезрители, мы с вами снова имеем удовольствие обратить наше внимание на незабываемого господина Паука! — честное слово, уже один звук этого надоевшего голоса вызывал почти неконтролируемое желание убивать. — На этот раз господин Паук полностью оправдал своё нахождение здесь, создав так необходимую всем телезрителям интригу! А именно: он, подумайте только, задумал перехитрить саму игру! Вы тоже думали, что за этой дверью окажусь я или кто-нибудь из нашей многоуважаемой администрации, правда? Ха! А вот и нет! Прекрасная операторская работа, не правда ли? Как мы вас всех надули вместе с господином Пауком!

Диктор засмеялся своей шутке, а Аргза всё пытался выломать дверь или хотя бы стену.

Ничего — на этот раз и решётка, и бетон были слишком прочными. Не прибавляло спокойствия и то, что камера, как он теперь догадался, висела где-то наверху, рядом с динамиком, и была скрыта так хорошо, что он даже не мог сбить её леской.

И тут Аргза резко замер, потому что следующие слова ведущего заставили его внутренне напрячься:

— Эй, да я ведь забыл рассказать новость! Хочу обрадовать всех, кому понравилась зверушка господина Паука: эту зверушку возвратили в человеческое состояние, и прямо сейчас наши доблестные охранники имеют возможность как следует с ним позабавиться! Скажи зрителям "привет", прелестное создание! Ну же, помаши в камеру ручкой!

Послышались чьи-то грубые издёвки и смешки. Сильвенио, если он был там, промолчал, но Аргза всё равно его услышал — по мысленному каналу:

"Сир, я... Мне кажется, ситуация, в которую я попал, вполне попадает под определение "совсем скверно"... Не могли бы вы помочь?"

Смешки солдат и комментарии ведущего приобрели явный похабный оттенок, и Аргза очень живо представил себе беспомощный взгляд и сжатые в одну нить губы Лиама, которого ублюдки, развлекаясь, перебрасывают друг другу, поочерёдно раздевая. Он зарычал от бессильной злости: никто не имел права трогать его Лиама. Он попытался ответить ему так же мысленно, но злость не давала сосредоточиться.

— Тише, пташка, я уже иду, — пробормотал он вслух, утроив напор на дверь.

Плечо и кулаки уже предупреждающе ныли, но решётка начала понемногу подаваться назад, оставляя глубокие вмятины в полу — разломанную ещё в первые секунды деревянную дверь он в расчёт не брал. Однако при этом всё равно оставалась одна важная проблема: как он узнает, куда ему идти? Переместиться, не видя, он не мог, а просто бегать по всем этажам в поисках нужного помещения — не будет ли слишком поздно?

"Милорд, пожалуйста, если вы меня слышите... Их намерения слишком очевидны, чтобы надеяться на то, что они одумаются!"

Чёртова "Потеря"! Не на это он рассчитывал, оставляя Сильвенио в качестве диверсии! Совсем не на это!

"Сир..."

— Сейчас, Лиам.

Слишком медленно. Ему катастрофически не хватало времени.

"Милорд!"

Теперь он знал, что ни "Огонь", ни "Боль", ни "Страх" — не были так опасны, как эта треклятая "Потеря". Потому что им ни в коем случае не следовало разделяться.

"Аргза..."

Через мысленную связь его внезапно накрыло эмоциями Лиама. Аргза снова глухо зарычал, выплёскивая рвущийся наружу гнев, и — и Тёмная техника наконец сработала, несмотря ни на что.

Когда Сильвенио открыл глаза, которые зажмурил, пока его так бесстыдно домогались четверо солдат, на полу лежало четыре трупа, а Аргза стоял рядом и осматривал его на предмет повреждений. Ведущего в комнате не было.

— В порядке?

— Да...

Аргза с усмешкой провёл пальцам по его шее, глядя на расстёгнутые пуговицы чужой рубашки. Адреналин щекотал кровь и отдавался под кожей приятным жаром.

— А как насчёт поблагодарить спасителя?

— Спасибо, сир.

Варвар прищурился. Сильвенио казался каким-то обиженным.

— Не делай такое лицо, ладно? Я спас тебя только что, а ты выглядишь так, будто я ещё один из этой шайки.

Сильвенио посмотрел на него своим коронным странным взглядом. Вот же, как не вовремя у него случился очередной клин!

— Я просто подумал, что совершил ошибку. Звать на помощь вас — всё равно, что звать льва, чтобы отогнал шакалов. Помочь-то лев, конечно, поможет, но потом съест сам... Вы ведь, по сути, ничем не лучше этих людей...

Аргза вздохнул.

— Ты назвал меня по имени.

— Простите... больше такого не повторится.

Он погладил его по волосам, чуть улыбнувшись.

— Почему? Я разрешаю тебе с этого дня. Ты ведь уже большой мальчик, теперь можно.

Сильвенио смотрел на него долго, ничего не отвечая, и глаза у него были совершенно ледяные. Аргза и не подозревал, что у него может быть настолько близкое к ярости выражение лица.

— Нет, милорд, — отозвался он сли бы вы просто... Но ведь вы даже не захотели обдумать такой вариант как следует, потому что принципиально не хотели кого-либо спасти!

Ах, вот оно что. Мда, теперь стало понятнее. Аргза помрачнел: если уж Лиам заводил свою любимую пластинку — это надолго, особенно учитывая, что в этот раз обида была больше личной, раз уж он так привязался к своим новым знакомым.

— Я уже говорил тебе, что я не служащий благотворительной организации и не обязан спасать кого бы то ни было только лишь потому, что они тебе нравятся.

— Да. Я знаю... просто...

Воцарилось молчание. Аргза осмотрелся: на этот раз комната, в которой они оказались, для разнообразия не была пустой, здесь был стол с разбросанными на нём игральными картами, пара стульев и несколько выключенных мониторов. Компьютера, правда, здесь не обнаружилось, что было досадно: при наличии хотя бы допотопного компьютера для Сильвенио не составило бы труда взломать всю местную систему, и тогда поиски главаря стали бы значительно легче. Но у убитых солдат наличествовали всё те же коммуникаторы, а у одного из них нашёлся и мобильник в виде наручных часов, и варвар, обстоятельно их всех обчистив, вручил всю найденную технику Лиаму — тогда как себе забрал всё немногочисленное оружие и пластиковые карточки-пропуска. Сильвенио тут же понятно уселся за стол и начал ковыряться в устройствах.

— Ведущий — и есть главный организатор, точнее, единственный, — произнёс он тихо через некоторое время. — Его здесь не было лично, я слышал только его голос, но поверхностного чтения разумов тех, кто привёл меня сюда, было достаточно. Если бы это был особый блок против моих способностей, я бы это распознал. Так что, скорее всего, они просто не осведомлены о моих возможностях. Я уловил его образ из их мыслей. Могу послать вам картинку, если вас интересует.

— Естественно, интересует, не тормози.

Образ тут же возник в его голове: живенький немолодой толстячок с круглыми

румяными щеками и нехорошими маленькими глазками, в которых за нескончаемым весельем так и читался выдающийся хитрый ум. Жёлтый пиджак, зелёный галстук, прилизанные редкие волосы, дорогие ботинки — явный пижон. К визуальному образу добавились словесные характеристики, почерпнутые, очевидно, из разумов тех же охранников и слегка переформулированные самим Лиамом: сильный маг, но не слишком хорош в рукопашной, изворотливый, но не слишком смелый, быстрый, но привыкший считать себя недосыгаемым, а значит — всегда недооценивает противников.

— Хорошая работа. Порадуешь ещё чем-нибудь?

Сильвению молча продемонстрировал ему небольшое аккуратное устройство, смастерённое им из подручного материала. По дисплею расходились несколько ветвящихся линий, и на конце одного такого ответвления равнодушно мигал красный огонёк — точка наиболее часто поступаемых по радиосвязи сигналов, очевидно, сам затейник-администратор или, по крайней мере, его доверенное лицо. Это уже было не просто хорошо, это было даже больше, чем отлично, и пират одобрительно потрепал своего личного умника по смешно встопорщенным волосам.

Они вышли в коридор — дверь оказалась не заперта. Все замеченные им камеры Аргза срезал сразу, о незамеченных же ему говорил внимательный Лиам, и в результате им даже удалось наткнуться на парочку солдат, а это значило, что за их передвижениями всё-таки не следили. Сигнал привёл их к потайному лифту, который вёл на верхние уровни.

— Ну что? — спросил Аргза, мимоходом вырубая камеру в лифте прежде, чем она их заметила. — Готов?

— Некорректная формули...

— Хм, я всё ещё в немилости, и верно, — дослушивать он не стал и первым шагнул в лифт. — Хорошо, хочешь конкретики — будет тебе конкретика. Вот мой приказ: не дай себя поймать, пока я буду занят. Если мне придётся на тебя отвлечься — наши шансы выбраться из этой дыры заметно уменьшатся. Ты меня понял?

— Да, сир. Предельно.

На восьмом этаже было неестественно тихо. Зелёные лампы мерно гудели — и это был единственный слышимый звук здесь. Этот этаж был последним, и коридор здесь имелся только один; равнодушные железные двери по обе стороны молчаливо охраняли спрятанные за ними кабинеты — пустые, судя по абсолютной, вгрызающейся в нервы тишине. Маяк на этот раз указывал не на ту дверь, что притаилась в самом конце узкого бетонного тоннеля, а на одну из угловых, обманчиво-невзрачную. Аргза быстро обвёл взглядом стены, и Сильвению уверенно мотнул головой: значит, тут камер не было предусмотрено. Тем лучше. Сюрприз-сюрприз, как любил говорить Стрелок, прицеливаясь в жертву из огнемёта вместо любимой винтовки.

— Атрий Джоз, я полагаю? — громко спросил Аргза, привычно вышибая дверь ногой.

Это была именно та комната, которая была им нужна, что было понятно по одним лишь многочисленным проводам и самой разнообразной технике, которой она была набита до отказа. Человек в жёлтом пиджаке был там; до их появления он сидел в наушниках перед целым каскадом мониторов, которых здесь было намного, намного больше, чем в предыдущей комнате, и, судя по запечатлевшейся на его круглом лице ехидной усмешке, он как раз собирался вставить очередной комментарий в закреплённый возле рта микрофон насчёт происходящего на экране. Однако реакциями этот проныра славился не зря: вот он только что сидел к двери спиной, совершенно расслабленный и полностью захваченный

зрелищем на экране — а вот уже стоит к ним лицом, собранный и внимательный, готовый в любую секунду стремительно сорваться с места.

— Ох уж эти мне поклонники, — проворчал он шутливо, картинно взмахивая руками. — Везде ведь найдут! Но что поделывать, такова обратная сторона славы!.. Рад приветствовать вас лично, уважаемый господин Паук, это большая честь! Хотя, на самом деле, не такая уж большая, ну да ладно, я не переборчивый. Так что, дать вам автограф? Может быть, мне расписаться на лбу вашего замечательного маленького питомца?

— На нём уже стоит мой собственный автограф, и этого вполне достаточно, — осклабился пират не менее дружелюбно, чем его собеседник, и выпустил когти.

На самом деле, конечно же, следовало сделать это сразу же, как они вошли в комнату, не давая мерзавцу произнести больше ни слова, но Аргза был великодушен и решил дать ему шанс на последнее в своей жизни представление. Пусть покривляется перед смертью, чёртов паяц.

— Ну-ну, зачем вот так воспринимать всё в штыки, господин Паук? Я всего лишь...

Пять смертоносно-ядовитых лесок перерезали бы этому шуту горло в то же мгновение, но он оказался быстрее. Силовое поле, полыхнувшее вокруг него малиновым огнём, отразило лески, и те разрезали какой-то кабель над его головой. Джоз засмеялся.

— Какой вы, однако, грубиян, господин Паук! Нет-нет, так дела не пойдут, любезный. Пожалуй, я вас теперь оставлю — дела, сами понимаете, не ждут, игра идёт. У знаменитостей всегда так много дел, вы бы знали! Счастливо оставаться. Ах, да, не крушите здесь технику, она безумно дорогая.

И — исчез в клубах малинового дыма. Аргза рванулся было, но опоздал всего на долю секунды — Атрий Джоз буквально испарился, и проследить за его перемещениями не представлялось никакой возможности. Потому что въедливый дым немедленно начал заполнять комнату и забиваться в лёгкие, видимость в комнате за считанные секунды стала практически нулевой. Аргза, потеряв в первые мгновения ориентацию в пространстве, врезался во что-то спиной, и шипящие искры услужливо подсказали, что он, разумеется, разбил что-то из пресловутой "безумно дорогой" техники.

Вместо ведущего в дыму тут же начали возникать солдаты, Аргза понял это по короткому вскрику Лиамы и по треску их собственного жалобно просигналившего что-то напоследок устройства навигации, которое, видимо, швырнули об стену. Раздались выстрелы, пара пуль прошла где-то в опасной близости от него, но варвар, по счастью, успел и сам уже воздвигнуть силовое поле вокруг себя — не такое уж сильное, возможно, и продержится оно наверняка не дольше пяти минут, но этого должно было хватить. Коварный дым разъедал глаза и мешал дышать, короткие вспышки защитной магии, о которой отражались его атаки, только запутывали ещё больше, и времени оставалось всё меньше...

И как-то внезапно дым начал рассеиваться. Аргза сообразил раньше, чем его противники: в одно мгновение, как только зрение едва-едва прояснилось, он преодолел разделяющее его с первым из них расстояние и свернул ему шею — их силовое поле работало исключительно в дальнем бою. А потом точно так же избавился от оставшихся четырёх (откуда только повылезали, тараканы?!) — и только тогда огляделся.

Лиам, успевший мастерски спрятаться в дыму на всё время боя, теперь стоял в углу комнаты, зажимая обёрнутый его рубашкой конец изогнутой трубы, из которой, видимо, и дымило до этого, судя по тёмно-розовым горячим пятнам, проступающим на ткани. Рубашка, естественно, не выдерживала такого давления, но, когда она задымилась сама,

Аргза уже успел переключить рубильник, отвечающий за это малиновое безобразие, и угроза миновала.

Чтобы уступить место угрозе гораздо более мощной и непосредственной.

Ровно в тот момент, когда Аргза обернулся, разрезанный ещё с начала драки кабель, оглушительно треща и искря многовольтовым напряжением, наконец сорвался с потолка. И падал он прямо на застывшего Сильвенио.

Думать было некогда. Что-то сродни инстинкту или какому-то безусловному рефлексу толкнуло Аргзу вперёд, на потаённые Пути между слоями реальности, и Тёмная техника перенесла его так быстро, как только вообще было возможно. Он успел только с силой оттолкнуть Лиама от себя, а затем...

Затем пришла Боль.

Последнее, что он видел, пока его тело прошивали один электрический разряд за другим, были широко распахнутые, донельзя ошеломлённые глаза Сильвенио.

...Сознание возвращалось медленно, толчками. Некоторое время Аргза бездумно смотрел в закопчённый потолок, ощущая, как к телу возвращается жизнь, а вместе с ней — отголоски боли. Мышцы всё ещё неприятно покалывало.

Сильвенио сидел возле него на коленях, спокойно за ним наблюдая. Аргза тепло улыбнулся ему с пола.

— Привет.

Было почему-то безумно приятно видеть его рядом с собой вот так, верно ожидающего его пробуждения. Аргза испытал какое-то странное облегчение от того, что он пришёл в сознание именно возле него, и ещё от того, что тот был в полном порядке.

— Вы уверены, что здороваться сейчас актуально?

Аргза улыбнулся шире и сжал его ладонь.

— Как долго я был в отключке?

— Не больше часа, сир.

Вот как. А ему показалось, что не меньше недели. Интересно, что сюда до сих пор никто больше не пришёл. Сильвенио сжал его пальцы в ответ и неловко закусил губу.

— Зачем вы это сделали?

Аргза хмыкнул. Если бы он сам знал.

— Ты хлипкий, подход бы от этого. А лететь за другим таким же умником на эту твою Эрландерану, сам понимаешь, слишком долго.

Глаза Сильвенио в ужасе расширились, он резко выпустил его руку и отшатнулся.

— Вы... вы хотите сказать, что если я умру, то вы... обречёте ещё кого-нибудь из моей расы на подобную судьбу?!

Аргза ухмыльнулся.

— Ну, ты оказался весьма ценным и полезным приобретением, мне было бы уже скучно без твоих услуг.

Тот, похоже, действительно принял всё за чистую монету:

— Нет! Нет, пожалуйста, сир, не надо, никто не заслуживает повторения моей...

Аргза рассмеялся и, сев на полу, притянул его к себе, положив ладонь ему на затылок.

— Удивительно, каким же ты иногда бываешь непроходимым дураком, при твоём-то уме! — заявил он прочувствованно и тут же крепко его поцеловал.

Сильвенио непонимающе заморгал, но на поцелуй ответил — благодарность никто не отменял.

— И всё же я хотел бы знать...

— Заткнись, просто заткнись.

Пират поднялся с пола, подхватив его за локоть, и огляделся. Компьютер в центре комнаты искрился и тускло мерцал разбитым экраном с запросом десятистрочного пароля. Аргза только вопросительно выгнул бровь, глядя на помощника. Лиам пожал плечами, что означало: "попробую, но гарантий нет".

Волновался он, впрочем, зря: хоть и сломанный, компьютер поддался его ловким пальцам всё с той же лёгкостью, с которой ему поддавалась вся остальная техника.

— Ха, такого они наверняка не предусмотрели! — торжествующе заметил варвар из-за его плеча.

— Боюсь, что предусмотрели, сир, — Сильвенио нахмурился. — Тут автоматическая система самоуничтожения, и, похоже, я её активировал. Взрыв уничтожит комнату. Или полздания, не уверен.

— Справишься?

Пират спрашивал это абсолютно спокойно, как будто речь шла не об их непосредственных жизнях. Похоже, он вообще ни секунды не сомневался в своём помощнике. Это было... приятно, да. Сильвенио кивнул.

— Да. Я справлюсь с этим.

Аргза молча кивнул в ответ и отошёл в сторону, чтобы не мешать. От нечего делать он разглядывал напряжённо застывшую перед ним узкую белую спину, которую без куртки он видел теперь, вообще-то, крайне редко. Взгляд его медленно перетекал с острых лопаток до выступающих позвонков, от плеч до изгиба поясницы. Эта спина влекла его, как магнитом, и он вдруг понял, что фиксация у него, видимо, не только на руках этого человечка. Он подошёл снова, опустил на колени возле Сильвенио и припал губами к этой манящей спине, придерживая его за бёдра. Тот вздрогнул.

— Сир...

Он провёл языком от пояса штанов до шейных позвонков, отслеживая линию недавнего взгляда — медленно, с наслаждением, стараясь почувствовать каждую косточку под нежной кожей, каждый блёклый шершавый шрам, оставшийся ещё от Конрадовых издевательств. Сильвенио печатать не прекращал, но по коже у него прошла волна мурашек, а вырвавшийся вздох явно нёс оттенок той особой обречённости, с которой он каждый раз в неизменном удивлении вспоминал, что у него есть не только мозги, но и тело, и тело это испытывает самые разнообразные ощущения.

— Сир, если я оторву руки от клавиатуры, мы взлетим на воздух.

— Так не отрывай, в чём проблема? — он поцеловал его в лопатку, оглаживая ладонями чуть выступающие рёбра.

Под его руками тот слегка выгнулся и послушно наклонил голову, пока Аргза вылизывал основание его шеи. Его пальцы бегать по клавишам не перестали, но замедлились.

— Проблема в том, что если вы продолжите в том же духе, у вас не хватит самоконтроля, а потом его не хватит у меня, потому что вы сильнее, а задача предстоит довольно сложная. Пожалуйста, дайте мне закончить работу, хорошо?

Аргза фыркнул, но послушно отстранился и с сожалением разжал руки, понимая его правоту.

Через полчаса Сильвенио облегчённо выдохнул и наконец выпрямился, показывая, что работа закончена. Компьютер был в их полном распоряжении, а это значило, что в их

распоряжении была теперь и вся эта "игровая" база — если не весь Данар. Сильвению послал ему картинку чертежей здания, сведения о расположении камер и оружейных, информацию о всех тайных ходах и лифтах, личные данные из секретных досье на работников службы безопасности и самих участников. А самое замечательное было в том, что варвару даже не было нужды всё это запоминать — достаточно было и того, что это запомнил Лиам.

— Я отправил отчёт о незаконности "Кроличьей Норы" Федерации, чтобы подобного здесь больше не повторилось, — Сильвению поджал губы, явно собираясь прочесть ещё одну лекцию у гуманизме, если пират вдруг вздумает возражать, но возражений не последовало, и он продолжил. — Однако прежде убедился, что ближайший их корабль достаточно далеко от Данара, так что, у нас есть время освободить "удалённых" игроков... тех, которых не убили, а просто устранили из игры — возможно, для дальнейшего использования, в том числе и для распространения вирусов. Я думаю, существует большая вероятность, что большинство из них ещё здоровы, так что...

— Я тебя понял. Нам в подвал, верно? Отправляемся туда, — Аргза двинулся к выбитой им двери, но по пути обернулся через плечо: — Ты ведь понимаешь, что я просто заменю этими "удалёнными" участниками образовавшиеся в моей команде бреши?

Сильвению с нарочитым безразличием смотрел в пол, плетясь за ним бледной тенью.

— Вы бы всё равно это сделали, даже если бы я устроил так, что у вас не осталось бы на это времени. Только в этом случае с вас стало бы ещё и ввязаться в конфликт с Федерацией. Я знаю также, что вы собираетесь заставить меня вернуть сбежавшего ведущего, потому что я передал вам сведения о том, что с помощью своей магии он мог добраться только до какого-то более мощного местного технического телепорта, который можно перенастроить, и знаю, что вы собираетесь его убить... И поэтому я хочу, чтобы вы мне кое-что обещали. В частности, что не тронете моих собратьев и позволите им уйти.

— Уже готов отдать одну жизнь за четырнадцать взамен? — Аргза усмехнулся и с любопытством покосился на него. — Да ты растёшь, мой мальчик, определённо!

И он тут же пожалел о своих словах, потому что в этот момент Сильвению выглядел таким глубоко несчастным, что у пирата мучительно заныло под рёбрами. Надо же, с каких это пор его это так волнует?..

— Я их не трону, Лиам.

— Благодарю...

Теперь, когда они знали всё, что знал Атрий Джоз, база встречала их, как хозяев. Они остановили все запущенные механизмы игры, изолировали заражённых со второго уровня в отдельном помещении, заперли в разных отсеках солдат. Больше всё это нагромождение коридоров, напичканных на каждом шагу ловушками, нисколько не казалось зловещим или угнетающим — когда они знали, чего здесь ожидать.

Подвальный уровень оказался самым большим. Нескончаемые вереницы клеток с пленниками простирались куда-то далеко в чернильную темноту — лампы там не горели. Из-за решёток на них смотрели многочисленные лица: угрюмые, измождённые, испуганные, злые, болезненные, равнодушные — словом, им не было конца. Сильвению беспокойно вертел головой, тщетно пытаясь отыскать среди них Ищущих, но поблизости не обнаружилось никого похожего.

— Телепорт, — напомнил Аргза, не обращая ни малейшего внимания отчаявшихся пленников, что умоляюще протягивали им руки через решётки и что-то выли.

Телепорт действительно находился здесь же, в подвале, причём телепорт тот самый,

массовый — видимо, чтобы удобнее было транспортировать пленных. Сильвенио заставил себя думать не о последствиях, а исключительно о тех, кого он сможет этим спасти, пока перенастраивал телепорт слегка дрожащими руками. Совесть оправданий не слишком слушалась, но делать было нечего. Соглашение было всё ещё в силе.

Человек в жёлтом пиджаке возник перед ними, удивлённый и ничего не понимающий. Сильвенио, увидев его, на секунду опустил веки, безмолвно прося прощения.

— Мм? Питомец господина Паука? — Джоз моргнул. — А где же твой грубиян-хозяин?

— Прямо за тобой, идиот.

На этот раз Аргза медлить не стал и насквозь пронзил его когтями со спины. Однако, Атрий Джоз был всё же не так прост. Оказалось, что у него даже после такого остались ещё силы сопротивляться: рассмеявшись страшным хриплым смехом, он вдруг снова окутался магическим сиянием, на этот раз багровым, и — исчез, чтобы возникнуть поодаль.

— Я пронзил этому ублюдку сердце, чёрт побери! — варвар оскалился, уставившись на свои когти так, словно те его предали. — Он не должен двигаться!

Сильвенио издал невнятный звук: рядом с багровым пламенем вспыхнуло голубое, и теперь стало отчётливо видно, что Джоз переместился в одну из клеток, где...

— Сир! — он панически вцепился в шубу пирата. — Ритуал забирая жизненной силы! И там... Ищущие! Он хочет поглотить их силу!!!

Толстяк держал под локоть Лимину Джантэ Тревори, старшую из этой группы Ищущих, и по тому, как стремительно она бледнела, как теряли всякое выражение её глаза — было понятно, что Джоз начал ритуал задолго до того, как здесь появиться. Возможно, предчувствовал такое развитие событий — или же, что вероятнее, при любом раскладе собирался использовать бесполезных для его игры магов именно так изначально...

Лимина протянула руку, ничего уже не соображая. Коснулась одного из своих младших товарищей. И он тоже занялся ослепительным голубым сиянием. Третий попытался отстранить от Лимины самого Джоза. И попал под действие заклятия тоже.

— Нет! — когда Сильвенио дёрнулся в направлении клетки, Аргза крепко схватил его за руку, не пуская. — Прикоснёшься — сам умрёшь! Ритуал нельзя прерывать! Он убьёт себя сам, этот хмырь, его тело не выдержит столько. Один подключённый — его предел.

К сожалению, Ищущие его слышали. Услышали, сделали выводы, посмотрели на свою предводительницу. На голубое пламя, пожиравшее их товарищей. На хищное лицо человека, который так беззаботно играл с чужими жизнями. И взялись за руки, один за другим. Сильвенио, понявший всё за мгновение до того, как они совершили этот жест, в ужасе замер.

— НЕ НАДО!!! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НАДО! В этом нет нужды!!!

— Прощай, Сильвенио Антэ Лиам, — эхом откликнулись спокойные музыкальные голоса. — Это наш долг. Да воздаст тебе благодать святая мать Эрлана.

А затем тот из цепочки, что стоял к Лимине ближе всех, положил ладонь ей на плечо, и пламя объяло их всех до одного.

Сильвенио закричал так, что оглушил сам себя. Он бросился вперёд, хотя и слишком хорошо осознавал, что не сможет никого спасти. Снова не сможет!.. Он чувствовал себя самым ничтожным существом на свете. Он чувствовал себя таким жалким сейчас, что хотел лишь умереть вместе с ними, с теми, кого он опять, опять не смог спасти — лишь бы не ощущать этой пожирающей его изнутри вины...

Горячие руки варвара, как нагретые солнцем железные оковы, обхватили его сзади. Одна ладонь легла на глаза, подобно непроницаемой чёрной ленте, а другая мягко, но

настойчиво накрыла его сердце и прижала к чужой груди. Сквозь шум крови в голове он вдруг услышал размеренное "туммм, туммм, туммм" — как будто где-то били в большой барабан, предвещая военный марш.

— Тише, — сказал Аргза. — Тише. Я здесь. Я рядом. Я с тобой. Ты ведь слышишь мой голос, верно? Да, молодец, слушай его. Я здесь. Это очень важно, Лиам, чтобы ты меня слушал. Я с тобой. Ты со мной. Ты в безопасности. Слушай мой голос, Лиам. Это очень важно, ты ведь помнишь. Я рядом. Ты меня слышишь?

Барабан продолжал звучать, сливаясь с низким тембром его голоса, и отдавался в груди пирата успокаивающей вибрацией, которая ритмично проходила по всему телу Сильвенио тёплыми волнами. Он изогнулся, всё ещё пытаюсь вырваться, но уже не мог разорвать контакт.

— Ты молодец, Лиам. Ты выдержишь. Всё будет хорошо. Слушай мой голос. Я здесь. Я рядом. Только я. Только мы. Слушай меня очень внимательно, Лиам. Очень внимательно, ты меня понял? Всё будет хорошо.

Где-то бесконечно далеко, за пеленой обволакивающего, как шёлковая паутина, голоса пирата, закричал Атрий Джоз. Сильвенио обнаружил, что дышит уже спокойно, в такт биению чужого сердца позади себя. Биению, которое проходило сквозь всё его существо. Аргза склонился к нему ниже, и теперь его голос, казалось, минуя непосредственно уши, поступал сразу в мозг, сразу куда-то под кожу, под черепную коробку, сворачиваясь там в клубок из одних лишь уверенных интонаций и усыпляющего тепла.

— Только я, — повторил Аргза, касаясь губами его уха. — Только мы. Есть только мои руки. Есть только мой голос. Есть только мои слова. Есть только я. Я. Я — начало. Я — конец. Твой мир замкнулся сейчас на мне, Лиам. Слушай меня очень внимательно. Потому что нет больше никого и ничего. Я рядом. Я здесь. Только я. Мы одни. Мы всегда будем одни. Я с тобой. Ты со мной. Ты в безопасности. Тебе ничего не угрожает. Ты слышишь только мой голос. Ты чувствуешь только мои руки. Есть только я, Лиам. Сосредоточься. Это очень важно, чтобы ты сосредоточился. На мне. Я — есть. Я. Слушай меня. Ты молодец, Лиам. Ты у меня молодец. Вот так... да, вот так, всё хорошо...

Потом он медленно разжал руки, и Сильвенио, всё ещё опираясь на него спиной, открыл глаза. Ни от Джоза, ни от Ищущих не осталось даже трупов — они исчезли без единого следа. Странно: мозг его чётко зафиксировал, что произошло, и тем не менее все остальные его чувства склонны были обманывать. Мозг помнил всё, но Сильвенио теперь ощущал себя так, будто бы в его голову закрались неправильные воспоминания. В самом деле, удивился он про себя мимолётно, разве тут только что был кто-то ещё? Разве ему не привиделось голубое пламя, и Ищущие, и...

— И часто вы проворачиваете такие... штуки? — спросил он, с трудом сохраняя ясность ума. — Не думал, что вы владеете подобными техниками...

Аргза довольно хмыкнул. Он сам всё ещё был абсолютно спокоен, и все инстинкты, все эмоции, все ощущения Сильвенио, сливаясь с этим спокойствием, в один голос твердили, что ничего не произошло. Пару минут назад его сердце буквально готово было разорваться на мельчайшие куски, не выдержав напряжения, а теперь внутри было хорошо и пусто. Словно бы пережитое было не больше, чем галлюцинацией.

Качественный гипноз.

— Почему вы не сделали так, когда убили Джерри? Я чуть не отключил восприятие тогда, я думал, я сойду с ума.

Аргза мягко потрепал его по волосам.

— Некоторые вещи в своей жизни необходимо пережить. А некоторые — совсем необязательно. Пойдём отсюда.

С "Кроличьей Норой" было покончено навсегда.

Костёр полыхал нестерпимо ярко, тянулся жадными оранжевыми языками к самому небу. Счастливые люди танцевали вокруг него, корчились в диких пьяных плясках и орали какие-то песни на разных языках. Выжившие рабочие и солдаты с корабля Паука веселились точно так же, как и остальные освобождённые, словно бы и не ждал их такой же плен по возвращении. Алкоголь, бесплатная еда, пляски и это мимолётное упоение кажущейся свободой и кажущейся победой — вот и всё, что испокон веков нужно было людям. Праздник на Данаре был в самом разгаре.

Сильвенио наблюдал за всем этим хаосом из-под полуприкрытых век, стоя в стороне от общего веселья. Несколько раз он заметил в толпе танцующих громадную тень варвара, но не следил за ним. Потом Аргза подошёл к нему и, пьяно ухмыляясь, вручил чашу с вином. Сильвенио отпил немного из вежливости — и вернул её обратно.

— Могу я вернуться на корабль, милорд? — спросил он осторожно. — Я очень устал и... замёрз.

— Ууу, уже устал? Ну уж нет, мой милый! Ты у нас... мм... Королева Бала сегодня! Эй, эй, смотрите все! — пират радостно заорал и замахал руками, привлекая общее внимание. — Эй вы, крысы паршивые, мы забыли отдать почести тому, кто спас вас всех, идиоты! Смотрите, какая умная у меня принцесса!

"Мой милый", "королева", "принцесса"... Сильвенио утопил лицо в ладонях и молча позволил варвару набросить на него свою шубу (взамен прожжённой рубашки он так ничего и не нашёл) и подвести к костру. Вокруг слышался одобрителный свист. Вряд ли, правда, кто-нибудь вспомнит вообще его лицо на следующее утро, но утешением это служило довольно посредственным: он-то точно будет помнить всё.

nbsp; Аргза легко подхватил его за бёдра и поднял над землёй, усаживая на импровизированный "трон", спешно собранный такими же пьяными энтузиастами из булыжников, шкур и лишних дров. Руки от лица он ему отнял насильно и плотнее укутал в свою шубу, практически запеленав в неё.

— Всем воздать уважение нашей храброй принцессе! — заорал пират снова.

Толпа согласно взревела, и общий гул усилился в десятки раз. Теперь каждый норовил оказаться как можно ближе к костру и "воздать уважение", что выражалось чаще всего в каком-нибудь приветственном крике, горстке высыпанных на него цветов и лент и изредка — в попытке прикоснуться, но Аргза, периодически исчезающий в толпе за новой порцией алкоголя, охранял свою территорию столь ревностно, что желающих на эту территорию посягнуть постепенно становилось всё меньше.

Сколько так прошло времени, Сильвенио не знал. Давно стемнело, а костёр всё пылал до небес, и люди не прекращали праздновать. Шуба была тяжёлая и давила на плечи, однако

при этом спереди она почти не согревала от холодного ночного ветра, а сзади, со спины, его заставлял обливаться потом жар от костра. У Сильвенио давно пересохло во рту и кружилась голова, желудок сводило от голода, но в рот не лезло ни куска из-за тошнотворных запахов, окружавших его со всех сторон.

— Сир... — позвал он наконец. — Сир, я действительно очень устал... Пожалуйста, позвольте мне уйти.

Аргза, который уже довольно долгое время никуда не уходил, а стоял, уткнувшись лицом в его колени и обнимая за талию — благо, высота "трона" позволяла — поднял на него полные бессмысленного, бездумного обожания глаза. Улыбка у пирата была блаженная и почему-то безумно нежная, точно так же, как и взгляд, не отягощённый следами какой-либо работы мысли.

— Позвольте мне уйти, сир?

— Ммм...

— Сир.

— Я слышу, Лиам. Тебе здесь не нравится?

Он вздохнул. Каким нужно быть эгоистом, чтобы этого не понимать?

— Нет, милорд, не нравится.

— Хмм... ладно, пташка, можешь идти. Иди в мою комнату и жди меня там.

И он его наконец-то отпустил.

Сильвенио добрался до корабля, уже посаженного на поверхность Данара, и долго там принимал душ в личной ванной Паука. Потом в изнеможении свернулся клубком на кровати и почти сразу же уснул.

Поспать, правда, долго не удалось: судя по его ощущениям, прошла всего пара часов после соприкосновения его головы с подушкой, когда он услышал стук двери и тяжёлые заплетающиеся шаги. Не то чтобы всё это было достаточно громко, чтобы его разбудить, просто он уже привык просыпаться сам, слыша возвращение хозяина этой комнаты. Он приподнялся на локтях, сонно моргая, пока Аргза заваливался рядом.

Следующий момент он помнит очень хорошо, этот момент — один из тех, которые он позже, много позже, разбирая потом свои мотивы, назовёт переломными. Правда, тогда он этого ещё не знал, и тогда этот момент переломным не казался.

Глаза Аргзы — как и *тогда* — останавливают время, но сейчас это не зеркала и не чёрные дыры, сейчас они — бездонные тёмные моря, наполненные лихорадочным мутным блеском, на глубине их плещется что-то такое неправильно-горячее, как будто подводные вулканы начали извержение в прозрачные толщи холода. Аргза нависает над ним, прижимает к кровати, и вулканы из его глаз затапливают его раскалённой жидкой темнотой. От Аргзы пахнет пивом, вином и элем, и ещё десятком других видов выпивки, от него пахнет жареным мясом и ночной свежестью, пахнет дымом костра и чем-то таким неуловимым, чем пахнет только от него одного.

Он говорит:

— Я люблю тебя.

Он говорит:

&nbs

Он говорит:

— Чёрт, я даже матери своей этого не говорил. Ты... что ты со мной делаешь, чёртов мальчишка? Мне хочется убить тебя за это. Я мог бы... так легко было бы просто... Но —

нет. То, что ты делаешь со мной... продолжай. Мне почти нравится. Тебя так легко любить. С тобой вообще легко на самом деле...

Он говорит:

— Не молчи.

Он говорит:

— Скажи... что-нибудь?

И Сильвенио прикрывает глаза, отвечая:

— Вы пьяны, сир. Готов поспорить, вы сейчас всех любите, кто попадётся вам на пути.

Поэтому я сейчас даже не буду пытаться вам доказать, что вы ошибаетесь, принимая за...

— Поэтому, — перебивает его варвар, непонятно усмехаясь. — Поэтому я никогда не скажу тебе этого на трезвую голову. Потому что ты всегда найдёшь причины мне не верить, и пусть лучше этой причиной будет алкоголь. Я, видишь ли, ненавижу чувствовать себя глупцом.

Он вздыхает — глубоко вбирает в себя воздух, словно бы дышать ему почему-то сложно.

И он говорит:

— Спокойной ночи, Лиам.

Потом он сгребает его в охапку и засыпает прямо так, не раздеваясь. А у Сильвенио в голове бьётся одна-единственная мысль: "До чего же жаль, что некоторые люди умеют врать так хорошо."

[Запись в бортовом журнале номер LK0A1509087_026:]

"Хорошо, что он не задал прямой вопрос, пожалуй. В пятнадцать я бы ответил вполне однозначно. В день смерти Джерри — тоже. А что бы я ответил сейчас, после всего того, что он для меня сделал... я не знаю. Я просто не знаю."

[Запись удалена.]

Член семьи ноготков, календула была оценена исторически за свои медицинские свойства. Календула является полезным противовоспалительным средством, оказывает вяжущее, ранозаживляющее действие, снижает кровяное давление, успокаивает центральную нервную систему.

— Иногда, — заявил вдруг Аргза, когда они уже остановились у подножия холма. — Иногда у меня возникает желание научить тебя хотя бы немного драться. То есть, я понимаю, что ты даже под страхом смерти не нарушишь своего идиотского принципа не причинять насилия, но основы самозащиты тебе быгодились.

Сильвенио взглянул на него с лёгким удивлением. День был хмурый и ветреный, временами моросил ленивый дождь, так что сегодняшняя встреча с очередными нечистыми на руку торговцами, ради которых им пришлось приземлиться на Въявуллу, должна была, к обоюдному удовольствию сторон, закончиться довольно быстро. Вряд ли в такую погоду местные контрабандисты захотят подолгу болтать с Пауком. И уж тем более сам Аргза, если вдруг почувствует обман с их стороны, просто не даст им времени на какие-либо сложные манёвры — обычно погода ему была не особенно интересна, но вот что он не выносил, так это подобную промозглую серость: она его порядком раздражала. Поэтому опасности в сегодняшний день вроде бы не предвиделось, и Сильвенио подозревал, что варвар обдумывал эту идею задолго до этого.

— Вы прекрасно знаете, что я не собираюсь учиться драться. Даже исключительно ради самозащиты.

— Есть приёмы, которые не причиняют вреда, только блокируют или замедляют противника. К примеру, я могу показать тебе, как остановить кровоток врага на десять секунд — неплохое время, чтобы предпринять что-то более действенное, если будешь достаточно шустрым.

Он шагнул к нему, явно намереваясь начать обучение прямо здесь и сейчас. Сильвенио синхронно с ним сделал шаг назад и чуть нахмурился, всем своим видом демонстрируя, что совершенно не одобряет подобную затею.

— Вы очень великодушны, и, безусловно, многое можете показать в плане боевых техник, я не сомневаюсь в вашем боевом опыте. И всё же я предпочёл бы отказаться от вашего предложения.

Аргза снисходительно хмыкнул — видимо, предвидел такой ответ заранее. Издали к ним приближались двое подозрительных личностей в плащах с капюшонами, явно те самые контрабандисты. Пират, завидев их, подтянул Сильвенио поближе к себе и повернулся к ним, скрестив руки на груди в ожидании.

— Ладно, покажу позже, на корабле. Ты ещё увидишь, мой трусишка, что в этом нет ничего, противоречащего твоим правилам.

Сильвенио подавил сердитый вздох: непоколебимая уверенность варвара в собственной правоте, с лихвой приправленная талантом слушать исключительно самого себя, была полезна только в самых крайних ситуациях, в обычной же жизни вызывала только перманентное недоумение и тихую досаду.

— А вы не думаете, что я начну таким образом защищаться от вас, сир? — спросил он с невольным возмущением.

Аргза искоса глянул на него с тихим смешком и легонько щёлкнул двумя пальцами по его затылку:

— Нет, Лиам, не думаю. От меня тебе защититься ни один из этих приёмов не поможет.

И правда, подумалось ему с тоской. Вряд ли этот человек когда-нибудь расслабится настолько, чтобы позволить ему предпринять что-то серьёзное. Не то чтобы Сильвенио задумывался над этим, нет, он успел уже осознать, что для того, чтобы найти какое-то спасение от Паука, который никогда не выпускал добычу из своих рук, ему нужно будет как минимум перестать быть самим собой, изменить самую свою суть. А этого он делать не собирался. Да и, возможно, этого всё равно было бы недостаточно...

Ровным счётом ничего не изменилось между ними после возвращения с Данара, и это оба негласно считали естественным порядком вещей. Сильвенио думал ещё, что ему после этого испытания начнут сниться кошмары, как только гипноз варвара закончит своё действие, но — нет, ему всё ещё успешно удавалось помнить гибель своих дальних соплеменников и множества других невинных людей лишь как убедительную галлюцинацию, не имевшую отношения к реальным событиям, и потому спалось ему по большей части вполне спокойно. Так же успешно они оба, и он, и Аргза, делали вид, что признание того было точно такой же галлюцинацией. Только, может быть, чуть менее убедительной.

Личности, прежде чем приблизиться, воровато огляделись по сторонам, понюхали зачем-то воздух — Сильвенио отметил их крысиные носы, торчавшие из-под капюшонов — и только потом соизволили подойти вплотную. Совершенно очевидно было, что ни о какой законной сделке сегодня речь идти не может, и Сильвенио, честно говоря, вообще не хотелось копаться у них в головах, потому что ничего хорошего он там обнаружить не ожидал. Тем не менее, ему всё же пришлось этим заняться: Аргза обещал ему, что после разрешит собрать некоторые редкие травы, растущие только на Вявулле, для дальнейшего исследования, и это было вполне достойной наградой за грязную работу подобную той, что ему предстояла.

— Принесли? — осведомился пират тем временем.

Те снова недоверчиво переглянулись между собой, пошевелили своими длинными носами, о чём-то безмолвно переговариваясь. Аргза, решив воспользоваться их же невежливостью, вопросительно покосился на Сильвенио.

"У них блок, сир, — он едва заметно пожал плечами. — Не могу пробиться. Не моими методами, во всяком случае... тут нужен грубый взлом, а в этом я вам не помощник."

Аргза фыркнул, явно недовольный. И, кажется, только больше укрепился в своей идее научить его драться — похоже, он в самом деле считал, что если начать с обучения минимальной самозащите, то однажды дело дойдёт потихоньку и до дальнейшего изменения принципов эрландеранца в более выгодную сторону. Сильвенио, прочтя всё это в его разуме, только устало возвёл глаза к небу.

— Принесли, — ответил наконец один из типов в плащах, голос у него был какой-то скрипучий и приглушённый. — А ты, Паук? Плату вперёд! У тебя гораздо больше шансов просто уйти с нашим товаром, не заплатив, чем у нас — уйти с твоими деньгами, не отдав товар!

Тот фыркнул вновь и презрительно бросил им в руки небольшой мешочек. Звона

мешочек не издавал, значит, на этот раз плата была не золотом. Владелец скрипучего голоса и его приятель, однако, тут же в этот мешочек вцепились так, будто там по меньшей мере находилось не золото даже, а целая золотая жила; развязав горловину, они одновременно уткнулись в содержимое мешочка подвижными носами. Некоторое время увлечённо нюхали, и только когда Аргза напомнил им о себе раздражённым покашливанием, они нехотя оторвались от своего занятия. Мешочек забрал себе более молчаливый из спутников, он же вынул из-под плаща нечто продолговатое, плотно завернутое в потрёпанную лямбу ткань, и протянул это варвару. Второй небрежно заметил:

— Всё, как и договаривались: новейший образец оружейных технологий Федерации, которые уже поступили в их войска. Про чертежи речи не шло, так что специалиста, который расскажет тебе, как эта штука работает, ищи сам, мы не разбирались.

Аргза усмехнулся, разворачивая предмет, и многозначительно посмотрел на Сильвению.

— У меня уже есть такой специалист. Разберусь.

Они как-то задёргались, очевидно, занервничав ещё больше, пока пират тщательно осматривал узкую блестящую пушку со множеством непонятных кнопок.

— Ну? Мы можем уже идти? — они, не сговариваясь, начали зачем-то пятиться назад, но Аргза оперативно поймал их лесками, пока, впрочем, не ранил их.

— Нет. Только после того, как я буду окончательно убеждён, что вы не втюхали мне какое-то дерьмо вместо того, что мне нужно. Лиам, это работает?

Сильвению со вздохом приблизился и тоже взглянул на оружие. Если бы Аргза заранее сказал ему о том, что заставит разбираться ещё и с этим, он бы попросил награду побольше — например, провести исследования трав прямо здесь, на Вьявулле, чтобы не срезать их корни. Он кивнул, нахмурившись, осторожно указал пальцем на одну из кнопок, не нажимая. Что-то ему во всём этом основательно не нравилось, но такие сделки всегда были чреватые неизбежным риском.

— Да, похоже, что работает. Включается вот здесь, само устройство, и правда, несколько нестандартное, подозреваю, что здесь имеются неизученные функции, но, кажется, ничего сверхсложного...

Разумеется, Аргза не стал дослушивать и нажал на указанную им кнопку. И, разумеется, это вышло им боком, потому что в то же мгновение типы в плащах снова панически переглянулись и синхронно испарились, набрав на своих браслетах-телепортах какие-то координаты, а включённое им устройство — предупреждающе замигало красным.

— Твою мать!!! Что за..?!

Произошло сразу несколько событий сразу за одну секунду. Первое: Аргза отбросил оружие даже не рукой, а лесками. Второе: Сильвению бросился на землю. И третье: оружие взорвалось ещё в полёте, а пират, потративший драгоценное время непосредственно на сам бросок, был отброшен взрывной волной.

Сильвению несколько минут лежал, вжавшись лицом в свои руки. Эхо взрыва всё ещё перекрывало все остальные звуки в его голове, и слепящий огненный цветок, расцветший под веками, всё никак не желал угасать. Кровь гулко стучала в ушах, сердце и вовсе билось почему-то где-то в горле, а перед крепко зажмуренными глазами неудержимо носился хоровод смазанных разноцветных пятен. Как-то запоздало накрывало удивление, что он в очередной раз лишь чудом остался жив.

Жизнь по-прежнему казалась чертовски страшной, но не лишённой, надо признать,

своей прелести шукой.

Сквозь оглушающий гул постепенно начали пробиваться звуки окружающего мира, и он с трудом различил какой-то хриплый, искажённый контузией голос варвара:

— Лиам?

Он пошевелился, пытаясь определить степень своих повреждений. Оказалось, что конечности его всё ещё нехотя, но слушались, лёгкие всё ещё послушно набирали кислород, хотя и приправленный изрядной долей пепла и гари, да и всё остальное тело, похоже, всё ещё вполне себе нормально функционировало. Правда, немного ныли расцарапанные о жёсткую траву ладони и рёбра, которыми он ударился об землю, когда падал, а вестибулярный аппарат, когда он неуверенно поднялся, первые мгновения малодушно подводил, но всё это, право, были такие глупые мелочи, что на них и внимания обращать не стоило.

— Лиам, ты в порядке? — повторил варвар чуть напряжённее.

— Да... да, сир, в порядке.

В конечном итоге ему как-то удалось более-менее ровно встать и оглядеться. От "новейшего образца оружейных технологий Федерации" остались только оплавленные куски железа и обугленные обрывки проводов, живописно разбросанные по земле вокруг места взрыва. Сырая трава горела лениво и тускло, ветер сердито гнал пламя прочь, и оно только зло шипело в ответ, притушаемое постепенно вновь заморосившим дождём. Аргза сидел неподалёку, почему-то не спеша подниматься, и со странным выражением на лице разглядывал зачем-то свои ладони, поднеся их близко к глазам и то сжимая в кулаки, то разжимая обратно. Спросить, в порядке ли он, Сильвению даже в голову не пришло: пират, по его мнению, сам был вполне способен о себе позаботиться.

— Попадись мне эти суки, — процедил пират сквозь зубы ненавидяще и наконец поднялся на ноги, при этом слегка пошатнувшись. — Четвертую на месте! Чёрт, ну конечно, правительственные твари позаботились о том, чтобы у неудачливых воров не было ни единого шанса, и эти отродья, конечно, об этом прекрасно знали! Хорош бы я был, реши я испытать эту хрень уже на корабле, посреди какого-нибудь боя! Чёрт, чёрт, чёрт!!!

Сильвению терпеливо ожидал, пока Аргза закончит бушевать и прикажет возвращаться на корабль. Ни о каком сборе трав сейчас, разумеется, и речи быть не могло: на данный момент важнее было проверить тщательнее своё состояние в медицинском отсеке и заодно успокоить капитана, иначе тот со злости мог покалечить попавшихся под руку рабочих.

— Я пойду своим путём, — сказал вдруг Аргза. — А ты возвращайся пешком, и если тебя не будет в кабине через полчаса — пеняй на себя. Уяснил? Отлично.

И тут же исчез, оставив его одного. Сильвению непонимающе нахмурился ему вслед, но списал эту странность на то, что пирата всё же контузило сильнее, и перемещаться так ему было пока удобнее. Затем он с неизбывной тоской посмотрел вдаль, туда, где за узкой полоской хилой рощицы возвышались над горизонтом крыши домов ближайшего города. Однако, мысль о побеге так и не закончила своё формирование и разлетелась на мелкие осколки, толком не успев родиться, так что Сильвению оставалось только развернуться и зашагать к кораблю.

Аргза обнаружился, правда, не в кабине, а в медицинском отсеке, он держал за воротник что-то втолковывающего ему врача, исходя почти осязаемыми волнами ярости, и Сильвению уныло подумал, что его предположение оказалось верно.

— Сир? Что-то не так? — он осторожно прикоснулся к его локтю, ощутив, как от его

прикосновения варвар почему-то едва заметно дёрнулся.

— Какого дьявола ты ко мне подкрадываешься сзади, чтоб тебя?!

Если Аргза злится по пустякам — значит, всё гораздо больше "не так", чем Сильвенио представлялось до этого. Он обеспокоенно оглядел его, но не заметил каких-либо серьёзных повреждений. Врач, покорно болтавшийся в лапищах варвара над полом, в ответ на его взгляд беспомощно пожал плечами и в очередной раз поправил съезжавшие с носа благообразного вида очки. Этот врач был, кажется, уже третьим по счёту — по крайней мере, за всё время нахождения на корабле Сильвенио. Первого Аргза как-то выкинул в космос за то, что тот посмел оказать помощь какому-то впавшему в немилость солдату, второй оказался счастливым и сбежал сам, во время одной из стоянок умело изобразив сердечный приступ. До прихода этого, третьего, Сильвенио приходилось подрабатывать в качестве медика самому, но, надо сказать, чтение им медицинских книг всё же было не так полезно, как нормальный человеческий опыт, и заниматься этим снова ему бы не хотелось. Не тогда, когда от него зависели чьи-то жизни. А он сильно опасался, что если и этот Аргзе чем-то не угодит, новых докторов он нанять не будет.

— Вы ранены?

— Нет. Я в полном порядке.

Пират отпустил врача, ещё раз очень выразительно на него зыркнув, затем круто развернулся и вышел в коридор. Сильвенио сочувственно посмотрел на доктора.

— И не спрашивайте даже, — тот махнул рукой. — Цитируя нашего уважаемого капитана, я "останусь без башки", если скажу хоть кому-нибудь. Вы сами-то как? Он приказал мне вас осмотреть.

После, разобравшись с собственным осмотром — к счастью, всё обошлось парой ссадин — Сильвенио снова отправился на поиски Аргзы. Нужно было срочно выяснить, что всё-таки случилось такого страшного, что выбило из колеи даже такого самоуверенного обычно пирата.

Он нашёл его в кабине управления, сидевшего в своём кресле и мрачно уставившегося куда-то в пространство. Ещё одна странность: корабль он с поверхности Вьявуллы поднял, но дальше вести его не спешил, и теперь они недвижно зависли над оставшейся далеко внизу планетой. Сильвенио подошёл ближе, всё ещё недоумевая. Мало того, что корабль не двигался — даже координаты следующего примерного места назначения не были заданы.

— Лиам.

Он обернулся. Аргза не смотрел на него.

— Да?

— Ты умеешь маневрировать кораблём? До сих пор ты вроде бы только настраивал саму систему и просчитывал траекторию. Как у тебя с прямым пилотированием?

Это было нехорошо. Очень, очень нехорошо. Сильвенио окончательно растерялся.

— Что? Я... я думаю, что справлюсь с пилотированием, если немного потренируюсь, но... разве это не ваша работа? Я имею в виду, раньше вас вроде бы вполне устраивало заниматься этим в одиночку, и...

Аргза молчал, по-прежнему глядя куда-то в чернеющую за окном пустоту. Сильвенио, проверяя возникшее вдруг предположение, медленно провёл перед его лицом ладонью, затем ещё раз и ещё, перекрывая свет от экрана консоли.

Глаза пирата за его ладонью не следили.

— Хватит махать у меня перед носом... чем бы ты там не махал, — Аргза вдруг

скривился и оттолкнул его руку от себя. — Или ты думаешь, я решу, что это такой сквозняк?

Он закусил губу и выпрямился.

— Сир... вы...

— Да. Я абсолютно нихера не вижу. Сетчатку обожгло. Наш штатный очкарик сказал, что это временно, так что отставить панику. Если у тебя больше нет вопросов, будь добр, поставь пока эту посудину на автопилот и сам найди более-менее безопасный курс. Можешь скачать себе какой-нибудь симулятор и потренироваться пока на случай, если на нас нападут и придётся маневрировать.

— Да, но... доктор ведь наверняка сказал вам наложить на глаза повязку? Так сетчатка восстановится быстрее, и я бы на вашем месте последовал бы его совету...

Аргза резко наклонился вперёд, как отпущенная пружина — так, что он невольно отшатнулся — и больно ухватил его за локоть.

— Ты не на моём месте, — отрезал он сухо. — Чёрта с два я буду ходить с этой грёбаной повязкой, давая каждому встречному, в том числе и своим подчинённым, повод думать, будто я какой-то беспомощный калека и меня может надурить любой желающий! Я скажу тебе так, пташка: твою умную и полезную голову я, разумеется, отрывать не буду, в отличие от головы доктора, но тебя, если проболтаешься о моей слепоте даже случайно, тоже не ждёт ничего хорошего. Ты меня хорошо понял?

Сильвенио, забывшись, торопливо закивал, и только потом спохватился и заверил его в своей понятливости вслух. Иногда паранойя этого человека, подумалось ему, выходила за всяческие разумные пределы...

С каждым последующим днём недоумение Сильвенио всё возрастало. Откровенно говоря, он уже и сам не знал, восхищается ли он упёртостью Аргзы или же осуждает его за неё, но одно было ясно совершенно точно: раз приняв какое-либо решение, варвар следовал ему до самого конца. И уж если он вздумал скрывать ото всех свою слепоту, то делал для этого всё, что было в его силах. На первый взгляд его распорядок дня не изменился ни на йоту. Он вёл себя всё так же уверенно — шагал твёрдо, не спотыкался — он досконально знал свой корабль — не ходил с тростью, не шарил руками по стенам и окружающим предметам, по-прежнему бил провинившихся рабочих и проводил грабежи встречных кораблей, иногда, более того, лично руководил атакой. Неудивительно, что никто так ничего и не заметил. Даже Сильвенио, признаться, почти поверил, что слепота если и была, то исчезла после первого же дня. Почти — потому что он всё-таки знал правду, потому что видел, как раздуваются порой ноздри Аргзы, как он чутко, неуловимо дёргает головой на каждый непривычный звук, как он сжимает иногда челюсти, если нужно разобраться с какими-то мелкими деталями на глазах у своих солдат. Когда же ему не помогали его звериные инстинкты и обострившиеся в обмен на зрение другие чувства, он просто безмолвно приказывал Сильвенио побыть его глазами, и тот телепатически подключал его к собственному зрению. Часто такое проделывать он, правда, не мог, потому что после чересчур длительного такого "подключения" у Сильвенио нещадно болела голова, и весь остальной день он был вялым и рассеянным. Он отказывался предоставлять ему эту услугу только тогда, когда пират намеревался прикончить кого-то, пользуясь его глазами, и в таких случаях Аргза либо великодушно оставлял ничего не подозревающей жертве жизнь, либо убивал её сам, и в такие моменты он выглядел так зловеще, что Сильвенио казалось, будто варвар слышит, как бьётся сердце его цели. Рассуждать об этом можно было сколько угодно, но факт оставался фактом: за всё это время Аргза ни разу не промахнулся.

Впрочем, одно явное изменение всё же наблюдалось. Теперь ночами Аргза, убедившись, что основная часть экипажа спит, отправлялся в тренировочный зал, где обычно муштровались солдаты, и там, в одиночестве, заново учился сражаться. На манекенах, правда, упражняться было гораздо труднее, потому что механические куклы издавали только монотонный скрежет при движении и одинаковый на всех слабый запах железа и пластика. Сильвенио не знал, как он с этим справляется и справляется ли вообще, но в постель Аргза возвращался уже под утро, вымотанный до предела и совершенно обессиленный. Тем не менее, спать в свою комнату Сильвенио не уходил, хотя варвара и не хватало ни на что большее после его тренировок: ложась в кровать рядом с ним, Аргза теперь как-то по-особенному бережно прижимал его к себе, словно бы только его присутствие помогало ему хоть как-то расслабиться, и в такие моменты Сильвенио очень остро ощущал, насколько непривычно этому сильному, выносливому человеку вдруг оказаться в чём-то таким слабым. Аргза ничего не говорил ему ночью, но в его молчании отчётливо улавливалась окутавшая его смутная тревога и изрядно беспокоивший его вопрос, который он невольно задавал мысленно в никуда.

— Если бы вы выполняли предписания врача, то шансов на возвращение зрения было бы куда больше, — сказал ему Сильвенио однажды, прижимаясь лбом к его ключицам.

Аргза тогда только усмехнулся куда-то ему в макушку и не ответил.

— Вы сами губите своё здоровье, — сказал Сильвенио в другую ночь, пока Аргза, вернувшийся с сегодняшней тренировки пораньше, задумчиво касался его лица кончиками пальцев, заново его для себя изучая. — Я уверен, если бы не ваш разрушительный режим, который вы сами себе установили, вы бы уже давно вернули себе возможность видеть.

— У тебя так забавно ресницы щекочутся, когда ты моргаешь, — сообщил тот вместо ответа и зачем-то обхватил губами его нос.

— Почему вы такой упрямый? Я ведь хочу помочь, — сказал Сильвенио две ночи спустя.

— Прекрати читать мне лекции, или, клянусь, я просто трахну тебя в твой говорливый рот, — грубо отозвался пират и, вопреки своему угрожающему тону, начал медленно и осторожно, прислушиваясь к своим ощущениям, покрывать его долгими поцелуями.

Таким образом, ночи их тоже вернулись в свою колею.

Аргза недовольно поморщился, разминая затёкшую шею. Сильвенио некоторое время на него косился от консоли, уговаривая себя, что он вовсе не обязан помогать ему ещё и в этом, тем более, что это приносило варвару не то чтобы такие уж сильные страдания. Но уговаривать себя — это одно, а смотреть, как человек мучается — совсем другое, и он, вздохнув, встал за спиной сидевшего в кресле пирата, положив ему руки на плечи.

— Вы позволите, сир?

Тот напрягся было ещё сильнее, но затем вдруг кивнул и приспустил с плеч шубу. Сильвенио начал осторожно массировать его шею и плечи. Мышцы у варвара были тугие, жёсткие, почти каменные от не отпускающего его ни на минуту со дня потери зрения

напряжения, и довольно быстро у Сильвенио стали уставать пальцы. Он уже хотел было взять небольшой перерыв — но тут, видимо, надавил на чувствительную точку, и Аргза вдруг тихо и блаженно застонал своим низким грудным голосом. От удивления Сильвенио забыл, что хотел отдохнуть, и продолжил массировать: Аргза ни разу не стонал даже ночью, достигнув пика удовольствия, и слышать от него подобные звуки было, мягко говоря, непривычно.

— У тебя отличные руки, — заявил тот, едва ли не мурлыча. — Я никогда в этом не сомневался.

В этот момент поступил входящий сигнал по видеосвязи, и Сильвенио убрал руки, давая Аргзе возможность одеться и ответить на звонок. Пират, однако, как всегда оказался гораздо менее тактичным:

— Кто разрешал тебе прекращать, мне интересно? Продолжай.

Очередное публичное унижение. Сколько их было всего за их совместную жизнь, интересно? Сильвенио решил, что точный подсчёт этого несметного количества только огорчит его ещё больше, и послушно возобновил прерванное занятие.

На экране возникло упитанное загорелое лицо Слаовиша Добальски — работорговца, частенько связывавшегося с Аргзой. Немалая доля прежней команды — из тех, что были живы до прибытия на злосчастный Данар — была составлена именно благодаря ему, и у Аргзы с ним давно было налажено что-то вроде приятельского сотрудничества. Сильвенио Слаовиш не нравился категорически: он не любил этого прожжённого хитреца, у которого, казалось, напрочь отсутствовали любые понятия о морали.

— Кого я вижу! Паук, душа моя, почему не здороваешься с давним другом?

— Потому что ты мне не друг, старый пройдоха, — отозвался тот невозмутимо, ничем не выдав, что узнал его только по голосу. — Что тебе опять понадобилось? Мне пока не нужны новые люди.

Слаовиш, не прекращая сыпать любезностями и слащавыми метафорами, начал вдохновенно рассказывать о каких-то ошейниках удалённого контроля, лишняя партия которых была им закуплена так удачно. Аргза слушал его не слишком внимательно, и Сильвенио позволил себе не вслушиваться в неприятный разговор больше: вряд ли по этой теме кому-то из них потребуется его мнение.

Поэтому он пропустил момент, когда работорговец замолчал и с интересом уставился на него, продолжавшего разминать мышцы пирата. Взгляд его Сильвенио не понравился.

— Продай мне его, Паук, — произнёс Слаовиш неожиданно. — Твоего мальчишку, умеющего и взламывать сайты Федерации, и согревать постель, и так мило заботиться. Я отдам тебе за него моих умнейших техников, даже одного телепата, если захочешь. Нет, двух телепатов! И ещё заплачу, как за целый корабль. Ты меня знаешь, Паук, у меня хватит денег.

Аргза неопределённо хмыкнул, будто бы размышляя, и Сильвенио внутренне похолодел. Поощрённый такой реакцией, торговец написал на листке сумму и поднёс листок к экрану. Аргза сделал вид, что внимательно разглядывает записку.

"Что там за цифра, Лиам? Он ведь предлагает мне деньги, я его знаю."

Сильвенио издал судорожный вздох и замер, пальцы его, лежавшие на плечах пирата, дрогнули.

"Сир... Не надо... Я буду слушаться... я же и так слушаюсь..."

Аргза снова хмыкнул.

"Успокойся, мне просто любопытно, во сколько он тебя оценивает. Я не собираюсь"

тебя продавать, глупый."

Сильвенио не особенно ему поверил, но цифру всё-таки назвал — всё так же мысленно. Аргза удивлённо дёрнул бровью и стукнул ногтем по экрану, показывая, что бумажку можно убрать.

— Так что, Паук? По рукам, душа моя?

— Нет.

— Тебе нужно больше? Я заплачу больше! Сколько?

Аргза улыбнулся.

— Он не продаётся.

Слаовиш напрягся.

— Паук, я могу...

— Нет. Я сказал, он не продаётся. Какое из моих слов тебе не ясно?

Добальски это, кажется, не на шутку расстроило. Он сердито попрощался и отключил связь, а Сильвенио некоторое время всё ещё неверяще смотрел на потемневший экран, пытаясь осознать в полной мере, чего только что избежал. Голос варвара вывел его из раздумий:

— Не всё ли тебе равно, кому служить?

Он вздрогнул.

— Нет... не всё равно. Я, по крайней мере, знаю, чего от вас ожидать. По большей части знаю... Мне с вами привычнее. Не продавайте меня, ладно? Я... мне... Мне страшно даже представить, что ко мне будет... прикасаться ещё кто-то. С вашими... прикосновениями... я смирился, во всяком случае.

Аргзе, похоже, его ответ весьма понравился. Вид у него был откровенно довольный. Сильвенио молчал.

— Я не продам тебя, — заговорил пират медленно, взвешивая каждое слово. — Я никому тебя никогда не отдам, Лиам, неужели не очевидно? Ты — мой. Он может сколько угодно предлагать мне телепатов, техников, блудниц и блудников, горы золота — но всё это неважно. Знаешь, почему? Потому что золоту и чужим телепатам я не доверяю. А тебе — доверяю. Ты понимаешь? — он вдруг взял его руки в свои и поочерёдно поцеловал каждую ладонь, припал губами к запястьям. — Моё доверие — бесценно. И тебе лучше никогда его не подрывать. Помни об этом ради своего же блага.

Сильвенио поражённо уставился на его затылок.

— Я участвовал в бунте против вас, — напомнил он тихим срывающимся шёпотом. — А потом ещё пытался сбежать. И вы... всё ещё доверяете мне?

Аргза запрокинул голову, не отпуская его ладоней, и как-то очень расслабленно ему улыбнулся. Сильвенио сомневался, что эту его улыбку когда-нибудь доводилось видеть даже Хенне.

— Всего лишь детские шалости. Я и так тебя наказал за них, и уверен, что больше ты так глупо шалить не будешь. Так ведь?

Сильвенио закрыл глаза.

— Да, милорд. Больше никогда...

— Вот и славно.

Как будто они действительно обо всём договорились.

Только теперь, когда Аргза озвучил это, Сильвенио неожиданно понял, что до этого и не задумывался о том, насколько сильно **nbsp**; — Принесли, — ответил наконец один из

типов в плащах, голос у него был какой-то скрипучий и приглушённый. — А ты, Паук? Плату вперёд! У тебя гораздо больше шансов просто уйти с нашим товаром, не заплатив, чем у нас — уйти с твоими деньгами, не отдав товар! варвар ему доверяет. А ведь и правда, стоило бы заметить это раньше: то, как безоговорочно он вручал ему свою жизнь, безопасность своего корабля и своих людей, даже свою тайну, которую не открывал больше никому, кроме него и доктора — всё это приводило в некоторое недоумение. Да, Сильвенио не умел врать, не умел сопротивляться, да, он ненавидел сражаться; но ведь варвару это было известно только с его собственных слов и с некоторых слухов, и, если посмотреть на это с его стороны, вряд ли у него были какие-либо разумные причины так сильно на него полагаться. Когда Сильвенио начал всерьёз размышлять об этом, ещё одна внезапная догадка осенила его и никак не хотела отпустить: Аргза устал. Просто и банально — устал. За всю свою долгую жизнь, начиная с детства и юности на планете, где совершенно нормально не доверять даже близким и членам семьи, и заканчивая нынешним его положением, на пути к которому он сам убил и предал наверняка очень многих и заслужил соответствующее к себе отношение — за всё это время у него вряд ли был когда-нибудь человек, от которого можно было не ожидать подвоха в самый ответственный момент. И вот у него появился он, Сильвенио.

По всему выходило, что варвар, возможно, сам того не зная и не подозревая, возложил на него, помимо прочего, дополнительную ответственность. Потому что если он в самом деле никому до него так не верил и никого до него не лю... (нет, сказал себе Сильвенио, думая, об этом, это абсолютно тут ни при чём, не путай понятия)...не подпускал к себе так близко — то тот, кого он для этого выбрал, просто по определению должен был быть к нему снисходителен. Теперь, со всеми этими данными, Сильвенио становилось почти стыдно, когда он вспоминал, как сам вызвался принять участие в том бунте. Потому что, может быть, он действительно был первым и последним шансом Аргзы Грэна хотя бы немного приоткрыть окутавшую его плотную завесу темноты...

А потом, после таких мыслей, Сильвенио обычно сердился на себя и переставал сожалеть о содеянном. Почему, спрашивал он мироздание, именно он должен нести это бремя? Почему именно он должен был осуществлять постепенное очеловечивание этого дикаря, который лишил его свободы, который убивал так же легко, как дышал, который всегда, даже ослепнув из-за собственной промашки, считал себя во всём правым? Почему это должен был быть именно он, а не кто-то сильнее и лучше?

Однажды утром ко всем этим переживаниям добавилось ещё одно: он вдруг вспомнил, что в этот день на Эрлане обычно праздновали приход весны. Отключив своё чувство времени относительно дней и лет, проведённых вне дома, он обычно не следил за календарными датами, оперируя с ними исключительно в качестве ничего не значащих цифр для отчётов и спонтанно иногда вспоминая то свой День Рождения, то День Матери, то День Скорби По Погибшим. Он никогда не праздновал ни один из этих дней на этом проклятом корабле, разве что ставил свечи у себя в комнате в честь последней даты. Но сегодня — сегодня так некстати картина эрланской весны особенно отчётливо встала перед глазами, и он в который раз подумал, что никогда уже не увидит ничего родного больше... Ему с новой силой — отчаянно, нестерпимо — захотелось домой.

Всё утро он лежал без движения в кровати, а потом, не вынеся разрывавшей его сердце безудержной тоски, отправился на поиски капитана, который сегодня почему-то проснулся раньше него. К его удивлению, Аргза обнаружился в кабине управления, совсем один, хотя что он мог там делать сейчас в одиночестве, с его-то глазами — загадка.

Сильвению молча подошёл и сел рядом с ним на пол, уткнувшись лбом в его колени.

— Что ты делаешь? — похоже, Аргза в последнее время узнал его по шагам, потому что больше не дёргался от таких неожиданных прикосновений.

— Я... — он сглотнул, не поднимая взгляда. — Я просто... хочу побыть так немного... Можно?

Помедлив, пират кивнул. Через минуту его ладонь привычно прошлась по его затылку, лаская и успокаивая. Так они и сидели молча: Аргза гладил его по голове — рассеянно, словно бы даже не задумываясь, а Сильвению душил подступающие слёзы и размеренно дышал.

Сколько так времени прошло, он не знал. Кажется, он умудрился даже задремать так, успокоенный чужим теплом и иррациональным ощущением безопасности. Очнулся он только тогда, когда Аргза чуть сильнее потрепал его загривок — тот явно что-то ему говорил, и не в первый раз. Сонно моргая, он с трудом заставил себя поднять голову и посмотреть на пирата.

— Обед, — напомнил тот мягко. — Время обеда.

— Да, сир, простите... Конечно, обед...

Он поднялся с пола и уже собирался идти за обедом для капитана в столовую, когда Аргза сказал:

— На Архагле сегодня тоже празднуют начало весны.

Значит, вот почему он сидел здесь один, ничего не делая... Сильвению остановился, следуя непонятному порыву. Невесомо коснулся ладонями лица пирата и чуть повернул его к себе, чтобы поцеловать высокий загорелый лоб. Это было его личное "спасибо" для этого невозможного человека. Аргза никак не отреагировал на это его выражение благодарности — только веки его на мгновение как-то дрогнули, и эта секундная слабость очень хорошо говорила Сильвению о том, что он выбрал правильный способ.

Однако ему стоило бы уже привыкнуть, что с Аргзой Грэном никогда и ничего нельзя сказать наверняка. Тем более — по поводу его отношения к кому-либо.

Кризис разразился как-то очень неожиданно. Они тогда впервые за последнее время зашли в спальню вместе, и Сильвению, немного посомневавшись, всё же неуверенно предложил помочь ему расчесать перед сном волосы. На самом деле он уже давно хотел предложить это, но всё никак не решался; а между тем порядком спутавшаяся из-за всего этого нового режима грива пирата не переставала его манить. Аргза, усмехнувшись, молча вручил ему расчёску и уселся на кровати, словно бы и сам ждал, когда же он сподобится это предложить. Видимо, приказывать одалживать ему своё зрение — это в понимании варвара было естественно, а вот попросить помощи в элементарных делах он считал ниже своего достоинства.

— Безусловно, твои руки могли бы приносить ещё больше пользы, — заметил Аргза, когда он приступил. — Но этим я воспользуюсь тогда, когда смогу эти руки видеть. Твои пальцы... им давно пора найти применение помимо работы.

Сильвению не счёл нужным отвечать. Гребень в его руках был очень старый, деревянный, но всё ещё крепкий, и расчёсывать им длинные волосы варвара, растекающиеся в его руках чёрной рекой, было сплошным удовольствием. Исключая, конечно, комментарии, отпускаемые владельцем этой гривы. В какой-то момент пришла даже детская какая-то мысль заплести эти волосы в косичку, чтобы полностью прочувствовать их густоту и тяжесть пальцами — собственный жиденький хвостик, спускавшийся с затылка, и пушистый ворох

остального "оперения" не давали ему и половины таких эмоций — но жажда тактильных ощущений заметно проигрывала благоразумию. И слава Богу. Пират, впрочем, тоже ворчал явно только для виду, а сам едва ли не мурлыкал.

И тут Сильвенио, чья осторожность так не вовремя притупилась в этой атмосфере взаимного удовольствия, совершил роковую ошибку: обнял его сзади за шею и коснулся губами затылка, одновременно глубоко вдыхая запах чужих волос. На самом деле, ему всего лишь хотелось разобраться, почему эти волосы пахнут так приятно. Но Аргза, похоже, воспринял почему-то это действие как оскорбление, потому что вдруг резко развернулся, швыряя его спиной на кровать, и его пальцы стальными тисками сомкнулись на его горле. В слепых глазах полыхала неподдельная ярость.

— Сир?.. — Сильвенио издал приглушённый писк, ничего не понимая.

Его горло сжали сильнее.

— Молчать, — прорычал варвар с тем выражением взбешённого зверя, которое доводило порой его врагов до нервного тика. — Ты думаешь, я не знаю, что ты делаешь?! Не знаю, почему ты помогаешь мне?! Я не такой идиот!!! С какого хрена ты решил, будто мне нужна твоя грёбаная жалость?! Кажется, ты думаешь, что тебе, маленькая сучка, всё теперь позволено?!

Сильвенио беспомощно заскулил, даже не пытаясь сопротивляться. Перед глазами у него уже вспыхивали и гасли тёмные круги, в сжатой чужой рукой шее остро пульсировала боль. Ему уже очень давно не было так страшно от гнева Аргзы.

— Собираешься манипулировать мной, да?! Так вот, ты кое-чего не учёл! Я убью тебя, убью в тот же миг, как только ты...

Сильвенио сомневался, что он до этого "как только" доживёт, потому что жизнь, кажется, собиралась покинуть его прямо сейчас. Он закричал, но из горла вырвался только придушенный предсмертный хрип, и этот звук, видимо, внезапно отрезвил пирата, потому как он вдруг отпустил его шею и замолчал.

С минуту ничего не происходило. Сильвенио судорожно пытался отдышаться и унять безостановочно сотрясающую его дрожь. Он тихо всхлипнул по инерции, не открывая крепко зажмуренных глаз, и — тут же снова замолк, почувствовав, как Аргза осторожно гладит его по плечу.

— Прости, — сказал он уже абсолютно другим тоном. — Я сорвался. Вся эта слепота и... С каждым случается, верно?

Сильвенио не отозвался. Дрожь всё не унималась, но дыхание уже приходило в норму, поэтому он наконец открыл глаза. Лицо варвара нависало над ним совсем близко — с раздувающимися от злости (стремительно утихающей) ноздрями, с постепенно соскальзывающим звериным оскалом, с нахмуренными бровями, с яростно блестящими глазами в тени упавших на лицо волос. Шевелиться Лиам не решался. Он подождал, пока Аргза откинется спиной на одеяло рядом, пока обессиленно закроет лицо ладонью. И только ещё через несколько минут напряжённого молчания он осмелел настолько, что смог еле слышно выдать:

— Это не жалость...

Аргза застыл. Сильвенио, в общем-то, и так понимал, что тот совершенно не хотел говорить ничего такого — наверняка всё то время, пока он был погружён в размышления о том, почему пират возложил именно на него миссию по наполнению его хоть какими-то чувствами, внутри Аргзы тоже происходила борьба с самим собой по этому же вопросу.

Варвар не привык, что о нём кто-то бескорыстно заботится, и не привык ощущать ответственность за кого-то, помимо себя. Раньше все люди для него делились исключительно на продажных партнёров по сделкам, врагов, рабочий скот и ненадёжных временных соратников, а Сильвенио, похоже, не вписывался ни в одну категорию, и он просто не знал, как это принимать. И если до потери зрения он мог просто забросить эти размышления в самый дальний ящик мыслительной кладовки или же выкинуть вовсе, то теперь, когда он вынужден был волей обстоятельств смотреть непрерывно только вглубь себя, а не наружу...

— Это не жалость, — повторил Лиам увереннее. — Я не... не настолько вам сочувствую. Честно говоря, я абсолютно вас не понимаю... Вы непоследовательны... — он вновь зажмурился и непроизвольно вцепился в покрывало, ожидая нового приступа ярости за свои слова, но упрямо продолжил. — Все эти годы вы намеренно меня приручали. Вы добивались того, чтобы я не сторонился вас. Чтобы я не воспринимал вас как врага. Чтобы я... привязался к вам. Вы дрессировали меня, чтобы я был послушным... и полностью вашим. И теперь, когда я начал уже смиряться со всем этим, когда я смирился даже с тем, что в моей жизни больше никого никогда не будет, кроме вас... Теперь вы обвиняете меня в жалости, даже в намерении вами манипулировать! Тогда зачем вы лгали мне про своё якобы бесценное доверие, если его не испытываете? Я запутался, чего вы от меня хотите. Что я должен делать? Что мне *можно* делать, чтобы сохранить при этом и рассудок, и жизнь? Считать ли мне вас дальше бездушным монстром... для своего же блага? Я не знаю, я правда не знаю, сир. Прикажите мне? Я устал разбираться в ваших настроениях. Просто скажите мне, ладно?

Аргза нащупал на постели его руку и, чуть сжав его ладонь, дёрнул его на себя. Вздохнув, Сильвенио покорно пристроился на его груди, чуть вздрогнув лишь, когда пират провёл кончиками пальцев по наливающимся на шее синякам.

— Что ты должен делать? Терпи меня, Лиам. Просто терпи. Тем более, у тебя всё равно нет выбора.

Он позволил ладони пирата скользнуть по его лицу в жесте слепой тоски.

— Это не ответ, сир.

— Что ж. Другого у меня пока нет.

— ...сир?

— Хмм.

— Сир.

— ...

— Ладно... Могу я поинтересоваться, кого вы на этот раз пытаетесь изобразить? Вы могли бы просто сказать "нет", как обычно делаете, но вы не отвечаете ничего определённого уже полчаса. Поскольку я не могу принимать решения за вас, то, вероятно, мне следует просто найти голосовую версию этого объявления и оставить в вашей электронной почте, чтобы вы прослушали её тогда, когда будете более склонны размышлять

над этим всерьёз?

— Ты потрясающий зануда, Лиам.

— Тогда просто скажите мне прекратить поиски, и я больше не буду даже пытаться.

— Тебя-то чем не устраивает моя слепота, мне интересно? Я не срываюсь на тебе после того случая, так что тебя моё состояние вообще никак не касается. К тому же, должен признать, в этом есть своя прелесть: по крайней мере, мне больше нет нужды видеть поганые рожи моих поделщиков и моих рабочих, которые только и думают, как всадить мне нож в спину. Или между глаз, кстати. А уж любителем глазеть на всякие там пейзажи я тем более никогда не был.

Он тихо фыркнул, предусмотрительно держась от капитанского кресла подальше. После того, как Аргза его едва не удушил, он предпочитал теперь говорить с ним о серьёзных вещах — да и вообще говорить — исключительно на расстоянии. Всего лишь мера предосторожности: он не хотел, чтобы варвар снова вымещал на нём свою злость ни за что, учитывая, что в следующий раз это могло кончиться и более плачевно, чем охрипшим на несколько дней голосом и надолго задержавшимися синяками на шее. Аргзу эта его мера предосторожности, кажется, злила ещё больше и одновременно едва уловимо расстраивала.

— Знаете, я начинаю думать, что, быть может, лучше и в самом деле поискать вам хорошего психиатра. Ваша паранойя очень опасно сочетается с вашим упрямством, и если она будет и дальше развиваться в том же духе, то вы рискуете... Ай! Не надо!..

Аргза рывком притянул его к себе за куртку (чтоб их, эти его длинные руки) и неласково двинул кулаком по плечу.

— Как насчёт вспомнить урок про тщательный выбор слов, мой маленький умник? — прорычал он ему в лицо.

Сильвенио зажмурился и весь сжался, потирая, судя по ощущениям, планировавшее отвалиться прямо сейчас плечо.

— Простите... я заговорился...

Пират раздражённо его отпустил. После того разговора он стал гораздо чаще напоминать ему, где его место на этом корабле, невзирая на то, какие почти что тёплые отношения у них установились было до этого. Казалось, пират и сам не рад был вдруг очнуться и обнаружить, как много лишнего уже позволяет своему помощнику. Хотя, может быть, дело было больше не в этом, а в том, что он теперь не мог увидеть самого важного: лица Сильвенио. И его глаз, которые и оказывали прежде на него такое необъяснимо сильное воздействие. Свои интонации и жесты тот теперь контролировал слишком хорошо, и Аргза, не ощущавший из-за этого разницы между его выражениями привязанности и обиды, неизбежно сердился.

— Ладно, чёрт с тобой. Я пойду в эту проклятую клинику и верну себе зрение. Но если за моё отсутствие здесь что-то случится — или, например, если этот хваленый доктор всадит мне новые глаза со шпионским обеспечением — гарантирую, тебе будет очень больно.

Сильвенио с облегчением перевёл дыхание. Когда он нашёл в сети скромную рекламу одной клиники, где работали лучшие нелегальные доктора этой Галактики, в которой они оказались, он и не предполагал, что убедить Аргзу пойти туда за примитивной, в сущности, операцией на глаза будет так сложно. Но, в конце концов, победа была одержана, хоть и с трудом.

— Я понял вас, сир.

— И ты, разумеется, остаёшься здесь, следить за порядком.

Он моргнул.

— Что?

— У тебя проблемы со слухом? Ты остаёшься здесь. Раз уж ты обещал мне не сбегать, то, думаю, и корабль ты угонять не станешь. Запрись в кабине и не выходи, пока я не вернусь. Можешь посылать по системе коммуникации свои, хах, вежливые предупреждения, если в камеры увидишь, что кто-нибудь из экипажа начал, скажем так, шалить не в меру. Будет нападение — уводи корабль, только не далеко, чтобы я мог переместиться. Понял?

— Да, сир, я сделаю, как вы сказали... но... это необходимо?

— Абсолютно. И — Лиам, будь хорошим мальчиком, не делай без меня глупостей.

Потом Аргза подвёл корабль как можно ближе к обосновавшейся на маленькой планете-спутнике клинике, оставив его при этом всё же достаточно далеко, чтобы его не могли обнаружить сразу, и благополучно испарился. А Сильвенио остался "следить за порядком", и, признаться, от этой миссии ему с самого начала было как-то не по себе.

Оказавшись в полном одиночестве, он заблокировал дверь в кабину изнутри, как было приказано, и растерянно огляделся. С некоторым удивлением он вдруг поймал себя на том, что совершенно не знает, куда себя деть: обычно, даже если варвар спал или тренировался в самом дальнем конце судна, его присутствие всё равно неизменно ощущалось в любой комнате, а теперь без него стало как-то совсем пусто. С Аргзой весь корабль ощущался будто бы живым: следил за своими обитателями неусыпными камерами-глазами, ловил их в сети своих многочисленных переплетающихся лабиринтов, как будто даже гудел как-то по-особенному, с разными интонациями, и прятал в каждой своей тени тень капитана. Да, это было жадное и прожорливое металлическое чудовище, но, по крайней мере — что Сильвенио осознал с долей горькой иронии — по крайней мере, это чудовище было... привычным. Это многоглазое, страшное, злое чудовище — оно стало для него за все эти годы практически ручным питомцем. Правда, питомцем чужим, который мог перегрызть ему горло по первому же приказу своего настоящего хозяина.

Тюрьма как-то незаметно начала превращаться в дом. Нет — в искусственный заменитель дома.

Сильвенио тоскливо взглянул на тот экран, где пестрили изображения с камер наблюдения. Смотреть на вечно ругающихся рабочих и напивавшихся большую часть дня солдат ему по-прежнему не хотелось, и он, обстоятельно самому себе объяснив, что пират не давал ему насчёт этого прямого приказа, а всего лишь предложил свою версию его занятий, решительно от этого экрана отодвинулся. Вместо этого он углубился в поиски по интернету чего-нибудь, что могло бы его заинтересовать, и в итоге включил на трёх мониторах сразу три разных образовательных фильма по трём разным тематикам, с головой окунувшись в поглощение новой информации.

Третий фильм, повествующий о самых занимательных мифах Старой Земли, немного затянулся, и Сильвенио, к своему стыду, не сразу заметил неладное, чересчур увлечшись. В реальность он вернулся только тогда, когда от того самого экрана, на который он решил не обращать внимания, вдруг стали доноситься крики. Он бросился к нему, но увидел лишь, как что-то неведомое, словно разумный вихрь, проносится по всем отсекам, выборочно атакуя членов экипажа. Солдаты, однако, быстро опомнились и начали давать неизвестному врагу отпор, и пару раз в вихре, сражавшемся с ними, отчётливо мелькнула сталь.

Амальгамные плащи!

Эти штуки были немислимо дорогие. Даже Аргза, вздумавший как-то приобрести такие

для своих наёмных головорезов, быстро отказался от этой идеи. Сильвенио лихорадочно размышлял: очевидно, противник был хорошо знаком с Аргзой и знал точное время, когда тот отлучится, потому что момент нападения был подобран идеально. Кто-то рассказал их врагам о слепоте Паука? Но об этом знали только он, Сильвенио и... доктор.

Доктор, которому, вероятно, надоело терпеть заскоки капитана, и он перешёл на более выгодную сторону? Должно быть, их противник и вправду богат, раз мог позволить себе платить этому врачу больше, чем платил прекрасно знающий все свои недостатки варвар. Тем более, что непосредственно сами носители плащей-невидимок должны были как-то попасть на борт, а на этом судне не имелось ни одного массового телепорта, который они могли бы взломать, следовательно, они прибыли с какого-то другого корабля, который наверняка незаметно подлетел к ним, покрытый таким же амальгамным покрытием, а оно тоже стоило немало. Кому, интересно, могло понадобиться тратить столько денег на захват такого судна при возможности просто уничтожить его издали? Очевидно, тот, кто имел возможность вот так сорить деньгами.

Слаовиш.

Сильвенио запаниковал. Отсюда, из кабины, он даже не мог ничего сделать, чтобы помешать врагам. Да и вне её, честно говоря, он мог сделать ещё меньше. И при этом он даже не мог послать мысленный зов Аргзе, потому что клиника во имя спокойствия врачей была окружена непроницаемым для телепатии экраном. Единственное, что было в его силах — это заблокировать с консоли все двери, до которых ещё не успели дотянуться нападавшие, но и это не особенно помогло: у тех обнаружилась с собой мощная взрывчатка, и прокладывать себе таким образом путь им не составляло большого труда. К тому же, после первого же взрыва, словно это послужило неким сигналом, случилось самое страшное: наёмники Паука начали атаковать своих же товарищей и простых рабочих. Они тоже оказались перекуплены; скорее всего, о Слаовише им рассказал всё тот же доктор, имевший к любому из них свободный доступ. Такой двойной продуманный удар не оставлял оставшимся ни единого шанса: солдаты, сохранившие верность, пребывали в меньшинстве, а рабочие не умели сражаться вовсе.

Он с ужасом смотрел на воцарившийся на экране полнейший хаос, ощущая себя как никогда прежде беспомощным и никчёмным. Ему были доверены жизни всех этих людей, он же должен был следить, чтобы с кораблём ничего не случилось! Аргза же оставил его, фактически, заместителем капитана! Как он мог такое допустить?! Как он мог быть таким беспечным?! И доктор... кто бы мог подумать!

Последняя мысль почти заставила его услышать скептический голос Аргзы в своём воображении, говоривший "Ну, и что ты теперь скажешь о моей якобы паранойе?" И ещё ему подумалось вдогонку: оказывается, деньги в этом мире решают гораздо больше, чем оружие и угрозы. И даже больше, чем голос разума — которому, впрочем, как он понял, всё равно никто уже, кроме него, не придавал в нынешнее время значения...

Стараясь сделать хоть что-то полезное, он перехватил с компьютера чужой сигнал связи и выцепил несколько обрывочных сообщений, периодически прерывающихся шумом в динамиках из-за вражеского устройства, глушащего внешний доступ к линии.

— Первая группа докладывает... — помехи. — ...зачистка почти завершена, босс. Сопротивление было пода... — помехи. — ...ждём указаний.

— Первая группа, отлично, — он узнал голос Добальски. — Отмеченных мной... — помехи. — ...живыми?

— Как вы и приказывали, босс. Будущий товар... — помехи. — ...артефакты тоже целы.

— Что с... — помехи. — ...леплатом? Нашли?

— Ещё нет, босс.

— Найти и оставить Второй гру... — долгие помехи. — ...дьте осторожны с ним.

Отбой.

А вот это было даже хуже, чем вся эта внезапная атака в целом. Получается, Слаовиш не просто собирался захватить их судно, он намеревался ещё и забрать себе отсюда пленных! Судя по всему, Первая группа имела задачу сделать ещё что-то помимо зачистки, а Вторая в это время должна была увести на свой корабль раненых и оглушённых членов команды Паука, которых Добальски заранее наметил в новые перспективные рабы, и забрать из хранилищ все накопленные варваром ценности. И ещё — ещё они наверняка должны захватить и его, когда обнаружат, если он правильно понял, что в последних сообщениях речь шла о единственном на этом корабле телепате. Неудивительно: Слаовиш слишком хорошо знал, какую запредельную цену за него, Сильвенио, могут заплатить потенциальные покупатели.

Когда обнаружат!.. Сильвенио охнул и кинулся к двери кабины, намереваясь хотя бы спрятаться понадежнее. Его намерениям, однако, не суждено было сбыться: он едва успел инстинктивно отскочить назад, прежде чем дверь снесло очередным зарядом взрывчатки, но его всё равно отбросило в сторону ударной волной.

— О! Да это же тот самый телепат! Смотри-ка, нам повезло!

Один из обломков двери глубоко порезал ему бок, а при падении он ударился об пол виском, так что сосредоточиться на вошедших удалось не сразу. Сильвенио, увидев, что они направляются к консоли, метнулся было наперерез, надеясь заблокировать управление, но тут один из них прострелил ему ногу, и он неловко упал, стукнувшись об пол уже лбом. Те секунды, что он потратил на совладание с собственным страхом, чтобы включившийся Контроль убрал оглушившие его болевые ощущения, оказались решающими: когда он поднял голову, один из троих вошедших уже направлял на него автомат, в то время как двое других успели всё-таки отрезать его собой от консоли.

— Брайан, какого чёрта ты творишь?! Босс говорил, что этот — ценный товар, ты чем слушал, мать твою?!

Тот, кого назвали Брайаном, только равнодушно пожал плечами и выстрелил Сильвенио в здоровую ногу, когда он попытался хотя бы отползти подальше.

— Офицер Брайан!!!

— Этот мудака сам нарвался. Да нормуль, парни, босс же сказал, что с этим нужно быть предельно осторожным, а нам надо ещё Второй группе его сдать со всеми остальными. Если он будет слишком трепыхаться, у нас не останется времени на собственное задание, и потом, босс ведь всё равно его подлечит, главное — совсем не убить.

В этот момент Сильвенио неосторожно дёрнулся, пытаясь посмотреть, что другие двое делают с консолью, и чертовски нервный офицер Брайан прострелил ему ещё и плечо. Основное он на мониторе углядеть всё же успел. Оказалось, что они запускали на главный компьютер какой-то вирус с флешки, и, судя по тому, что вирус требовал поставить время отсчёта, это было что-то вроде программы самоуничтожения. И вряд ли она уничтожит только файлы компьютера. Скорее всего, они намерены были ещё и взорвать весь корабль. План Слаовиша, как он теперь понял, был гораздо более коварен, чем ему казалось вначале: тот планировал не просто ограбить Аргзу и лишить его (подкупом или взятием в плен) почти

всех его людей, но и не оставить при этом ни улики, ни корабля. Наверное, в идеале это выглядело так: Аргза возвращается из клиники, вирус, реагируя на его присутствие, запускает программу самоуничтожения, а дальше два варианта — либо Аргза погибнет, и Слаовиш лишится фактически конкурента, либо Аргза спасётся — и придёт потом к Слаовишу за деньгами на новый корабль и новую команду. Хитрый работороговец выигрывал в любом случае.

Эрландеранец решил попробовать другую тактику. Он заставил себя сосредоточиться на разуме державшего его на мушке офицера, осторожно обволакивая его мысли облаком спокойствия и расслабленности. Это сработало как надо, и уже через минуту тот потерял бдительность и с ленивым любопытством повернул голову в сторону своих занятых вирусом товарищей. В то же мгновение Сильвенио вскочил на ноги, не чувствуя своего тела, и бросился к стене — там за секретной панелью были скрыты провода, и если выдернуть их разом, то корабль лишится питания и перейдёт на автономный режим, а главный компьютер вырубится. Идея его была довольно проста: если уж его заберут в рабство (в другое рабство, какая ирония), то, по крайней мере, он сохранит корабль, а уж тогда Аргза точно сумеет его спасти. Да... он найдёт его и спасёт, что бы ни случилось... ведь так?..

Следующие пять выстрелов беспорядочно прошили его спину, руки и ноги. Сильвенио упал в третий раз — и больше не смог подняться, кровопотеря оказалась слишком большой. На растекающуюся по полу холодную серебряную лужицу крови, в которой отражалось тусклое мерцание мониторов, он старался не смотреть.

— Чёрт! Эта сука мне в мысли пролезла и чуть не сбежала! Мы так до Второй группы его не удержим!

— Ладно, Брайан, успокойся, рыпнется ещё раз — убьём тварь, а боссу скажем, что слишком сильное сопротивление оказывал.

Слабость быстро окутывала его невидимым ватным одеялом, но терять сейчас сознание было катастрофически нельзя — хотя безумно хотелось просто позволить надвигающейся темноте убаюкать его в своих объятиях. Оставался только один-единственный последний шанс. Он выбросил вперёд руку, стараясь мысленно настроиться на электромагнитное излучение консоли и хотя бы на секунду поймать управление ей. Прежде у него никогда такого не получалось, да и теперь почти не было надежды на успех, но попробовать всё же стоило. Всё-таки этот корабль очень долго находился на одной с ним волне, а искусственный интеллект — почти то же самое, что интеллект живого существа... Он бросил на это все оставшиеся силы — и, к своему изумлению, смог. Консоль заискрилась, обдав захватчиков негодующим шипением, и стремительно погасла. Они мигом повернулись к нему, все трое.

— Уходите... — прошептал он устало. — Пожалуйста, просто покиньте это судно...

Те выругались и, переглянувшись, разом направили дула автоматов ему в голову. Понимая, что сейчас произойдёт, он обречённо закрыл глаза, думая, что, по крайней мере, сделал всё, что было в его силах. Честно говоря, он уже столько раз успел побывать на грани смерти, что теперь она его почти и не пугала. О чём он действительно жалел сейчас так парадоксально — так это о недосмотренном фильме про мифы и, может быть, о том, что так и не сумел даже чуть-чуть продвинуться в той главной, негласной миссии, которую только недавно осознал...

Невнятный глухой звук заставил его снова открыть глаза. Аргза стоял над ним, а у его ног валялось три мёртвых тела с отрезанными головами. Почему-то вид варвара, такой

уверенный и грозный, принёс невероятное облегчение, и губы Сильвенио, покрытые кровью, сами собой сложились в слабую улыбку. словно в полусне, Сильвенио ощутил, как его голову бережно приподняли, чтобы взглядеться в лицо.

— Вы пришли, — сказал он. — И вы видите. Я рад за вас.

Голос его теперь звучал спокойно и твёрдо, хотя и очень тихо. От кончиков пальцев на руках и ногах по телу неумолимо ползло холодное оцепенение, и оттого ему стало вдруг неестественно легко. Аргза бегло осмотрел его раны и нахмурился.

— Помолчи, и так много крови потерял. Они успели что-нибудь сделать с кораблём?

— Нет, — он помолчал. — Простите меня... я не справился...

— Глупости. Ты отлично справился. Я бы даже сказал, ты чуток перестарался, потому что я бы успел предотвратить взрыв и без того, чтобы ты получил столько ран.

Откуда он знал про взрыв?.. Сильвенио улыбнулся и сфокусировал на встревоженных глазах пирата ускользающий взгляд.

— Сир... у меня есть последняя просьба...

— Ты не умрёшь.

— Выслушайте, пожалуйста... Я хочу, чтобы вы пообещали мне... Поклянитесь, что больше ни одного представителя моей расы не постигнет моя судьба. Поклянитесь, что никого из них вы никогда не сделаете рабом...

Аргза закатил глаза и подхватил его на руки, поднимаясь с пола вместе с ним. В его руках хрупкий Сильвенио казался маленькой изломанной куколкой на проволочках.

— Ты не умрёшь, — повторил варвар упрямо. — Сердце, череп и лёгкие не задеты. Внутреннего кровотечения, похоже, нет, раны чистые и сквозные. Остальное вполне поправимо.

Сильвенио просто посмотрел на него.

— Когда я потеряю сознание, что случится, судя по всему, с минуты на минуту, Контроль автоматически отключится. И я умру от одного уже болевого шока — мозг не справится с таким мощным импульсом, который накроет нервные окончания после отключения Контроля. Я... Ничего страшного, сир. Просто выполните мою просьбу, ладно? Дайте мне обещание.

— Обещаю, — сказал тот и тихо добавил: — Спи. Я буду рядом.

Неясная горечь от того, что варвар не сказал больше абсолютно ничего на прощание, кольнула куда-то под язык. Кольнула — и сразу пропала, и Сильвенио, с трудом кивнув, просто закрыл глаза и со вздохом облегчения растворился в так манящей его темноте.

...Он плыл вверх по удивительной реке. Небо над его головой простиралось ярко-апельсиновое, беззаботное, весёлое, как летний день, течение казалось мягким и спокойным, а вода в реке была тёплая, как парное молоко. Он лежал на спине, сложив руки на груди, и в его ладонях был зажат странный белый цветок; цветок этот не издавал никакого запаха, но сам льнул к его груди сияющими ослепительной белизной лепестками и тихо, еле слышно звенел, словно бы ведя с ним одностороннюю непонятную беседу. Ему было хорошо и спокойно.

— Господи, — произнёс он вслух и сам себе удивился. — Наконец-то покой...

Тёплый воздух был наполнен самыми разнообразными звуками. На обоих берегах реки ветер шелестел высокой душистой травой. Уютно стрекотали какие-то кузнечики, жужжали пчёлы. Монотонно мурлыкала журчанием сама река. Звенел цветок в его руках. И ещё он слышал какую-то мелодию... Вдалеке, где-то в необозримой бесконечности, там, где

оранжевое небо становилось пронзительно-голубым, в устье реки пела девушка. Сильвенио узнал звуки родного языка и от души ими наслаждался.

Пока не понял, что песня эта на самом деле была наполнена какой-то щемящей тоской. Он ещё не мог различить отдельные слова, но в целом мелодия показалась ему настолько грустной, что его вдруг перестало радовать и оранжевое небо, и звуки природы, и ласкавшийся к нему живой цветок.

— Нет, — произнёс он с отчаянием. — Я не хочу туда!

Незаметно для себя, он отчего-то заплакал, сожалея непонятно о чём, а потом...

...А потом его внезапно выбросило в вязкие сети одеяла и простыней, ударив мимоходом об жёсткую кушетку. В нос немедленно забился вкрадчивый запах лекарств, а неприятное покалывание в затёкших конечностях окончательно оповестило его о том, что он и в этот раз умудрился выжить.

Он приоткрыл глаза и обнаружил себя в медицинском отсеке корабля Паука. Доктора, разумеется, в палате больше не наблюдалось. Зато внушительная тёмная фигура рядом с его кроватью оповестила, что владелец этого корабля был сейчас здесь. В палате было темно и тихо.

— С добрым утром, Лиам. Ну что, паникёр? Я же говорил, что ты не умрёшь.

Сильвенио проморгался.

— Как? — только и выдавил он.

Аргза протянул ему стакан воды. Помог сесть на кровати и поддерживал его под лопатки, пока он жадно пил. Поставил потом стакан на тумбочку и уложил Сильвенио обратно, поправив ему подушку.

— Чудо свыше, — хмыкнул пират, и только поймав усталый взгляд помощника, который прекрасно знал о его атеизме, неохотно пояснил: — Есть один небольшой трюк. Я всего лишь забрал больше половины твоей боли, потом залечил самые опасные раны единственным целебным заклинанием, которое я знаю. С тем, что осталось, твоё тело и лекарства справились. Немного постельного режима плюс... Эй, что с тобой? Лиам?

Сильвенио, не дослушав, застонал и закрыл лицо ладонями, втягивая воздух сквозь зубы. Отозвался он только после того, как Аргза в третий раз спросил, не дать ли ему обезболивающих. Смотрел он на пирата с таким выражением, будто тот только что второй раз убил его лучшего друга у него на глазах.

— У нас... у моего народа есть древний обычай, — губы у него предательски дрожали. — Когда двое... хотят связать свои жизни... они проводят особый ритуал, во время которого... перенимают боль друг друга и забирают себе. С нашей чувствительностью это очень важно, и...

Он с досадой замолчал. Аргза улыбнулся и вопросительно приподнял бровь.

— Так в чём проблема?

Сильвенио взглянул на него с бесконечной грустью.

— Этот ритуал связывает влюблённых. Навсегда. Понимаете? Разумеется, сейчас считается, что это что-то вроде суеверия, но... таков обычай, и это считается самым важным событием в жизни каждого из нас. Я не хотел, чтобы это со мной произошло... так! Не с вами! Вы не тот человек, с которым я хотел бы... совсем не тот!.. Я никогда не хотел быть с вами, но вы меня принудили — сначала физически, а теперь и... Вы забрали у меня мою первую ночь близости, и то, что должно было стать сокровенным воспоминанием, привело к тому, что я потом плакал до утра. Потом вы забрали себе мой первый поцелуй. А теперь вы и

вовсе забрали у меня даже гипотетическую возможность когда-нибудь связать себя с кем-то другим, с кем-то, кто, в отличие от вас, будет спрашивать на это моё согласие!

Лицо Аргзы каменело с каждым словом. Однако с места он не сдвинулся — видимо, бить раненого всё же показалось ему плохой идеей. Сильвенио, выговорившись, отвернулся к стене и снова умолк.

— Так в чём проблема? — повторил Аргза ледяным тоном. — Ты всё равно всегда будешь моим. Думаешь, я позволил бы однажды "связаться" тебе с кем-нибудь другим? Маленькая неблагодарная дрянь, вот ты кто. Я спас тебе жизнь, если ты не заметил, и, скажу по секрету, ощущения при этом были далеко не самые приятные. А ты бросаешь мне этот факт в обвинение.

Сильвенио закрыл глаза.

— Да, я всё понимаю, но... иногда мне кажется, что умереть было бы проще. Оставьте меня, если вам не сложно. Я хочу спать.

Аргза молча поднялся со стула и вышел, хлопнув дверью.

[Запись в бортовом журнале номер LZ06X478999_352:]

"Я иногда думаю... почему всё так запутанно? Почему в жизни не существует простых путей и простых человеческих отношений? По крайней мере, в своей жизни я уже вряд ли когда-нибудь этого дождусь..."

[Запись удалена.]

"Возле дорог, в пыли, тысячелистник неприметен, унижен, а на вольном лугу, сразу после утренней росы, он красавец: такое бодрое, крепкое растение-кустик, словно выставленное дозором над всем лугом..."

Сильвенио обдало потоком искр, и с коротким вскриком он отшатнулся от консоли, дую на обожжённые пальцы. Экран тут же издевательски подмигнул на прощание и погас, оставшись без его внимания. Аргза глухо прорычал какое-то замысловатое ругательство.

— Сможешь возобновить связь? — спросил он у Сильвенио недовольно, как только закончил выражать своё крайне нелестное мнение относительно ускользнувшего в очередной раз Слаовиша.

Эрландеранец посмотрел на него, затем перевёл взгляд на свои покрасневшие от ожога руки. Честно говоря, он понятия не имел, каким образом вражеские техники сумели до такой степени за считанные мгновения нагреть весь компьютерный блок через установленную им одностороннюю связь с их кораблём, потому что сам никогда не интересовался подобными методиками, но, безусловно, они выбрали наилучший способ отвлечь его на достаточное время, чтобы ему не досталась победа в этом небольшом дистанционном сражении через сеть. Однако сказать варвару о том, что в ближайшие пару часов он вряд ли сможет безболезненно прикоснуться к чему-либо, он всё же не решился: проницательный хитрый Слаовиш ускользал от праведной мести Паука вот уже который день, и потому нетерпение того возрастало всё больше. Вздохнув, он решил, что в любом случае при слишком уж запредельных ощущениях у него включится Контроль, и осторожно притронулся к медленно остывающей клавиатуре, стараясь не морщиться. К счастью, Аргза вовремя очнулся и оттащил его обратно.

— Я не сказал, что необходимо возобновлять её прямо сейчас. Дай взглянуть.

Он всё так же молча протянул ему руки ладонями вверх.

— Хм. Лучше, чем я ожидал. А уж сколько страдания было во взгляде — я подумал было, что тебе вообще кожу нафиг спалило.

— Я посмею вам напомнить о чувствительности нашей ра...

— Иди уже отсюда и забинтуй руки, страдалец. Я слишком ценю все твои симпатичные конечности, чтобы видеть на них какие-то посторонние повреждения.

Сильвенио с лёгкой долей укоризны покачал головой и уже двинулся было в направлении двери, когда Аргза вдруг поймал его за запястье и, притянув к себе, припечатал деловитым поцелуем в лоб.

— Тебе лучше говорить мне, когда тебе больно. То, что я иногда чересчур увлекаюсь своей охотой, вовсе не означает, что ты должен терпеть ранения молча. Мы договорились?

Он отвернулся, тихо фыркнув.

— Да, сир.

— Перестань. Я всего лишь пытаюсь показать, что со мной не так уж плохо, Лиам.

— Я знаю, сир.

Пальцы на запястье сжались сильнее. Аргза встряхнул его, нахмурившись. Он решительно не понимал, что на этот раз было не так: после возвращения зрения их

отношения уже должны были вроде бы снова придти в норму, потому что его больше не одолевали приступы паранойи (по крайней мере, больше эти приступы не были никогда направлены на Лиаму), а Лиаму не было нужды испытывать на себе его срывы. Чёрт возьми, думалось Аргзе, что этот невыносимый ребёнок от него хочет? Он же, в конце концов, по мере сил старался быть заботливым. Участливым. Справедливым даже в его понимании. Старался проявлять как можно меньше жестокости у него на глазах. Дьявол, да он почти ухаживал за ним, как грёбаный джентльмен за грёбаной ломающейся целкой! А этот маленький баран по-прежнему держался с ним так отчуждённо, словно бы в том ритуале разделения боли, после которого Лиам и начал отдаляться ещё стремительнее, чем до этого, и в самом деле была вина Аргзы. Ему всё больше хотелось побиться об стену головой от злости. А лучше — побить об стену этого упряма. И второй вариант с каждым днём казался всё привлекательнее. Аргза ничего не понимал, а не понимать он не любил ужасно.

— Если ты не прекратишь себя так безобразно вести, — сообщил он ему доверительно. — То рискуешь полностью исчерпать запас моего далеко не бесконечного терпения. И тебе не понравится то, что я с тобой сделаю, когда это случится.

Сильвенио даже не дёрнулся.

— Позвольте уточнить, какие конкретно аспекты вы считаете безобразными в моём поведении? Я приму все необходимые меры, чтобы устранить так раздражающий вас фактор.

Аргза чертыхнулся и почти что отшвырнул его к двери, а сам развернулся обратно к консоли, показывая, что разговор закончен.

Самостоятельно связь с чужим кораблём, наводнённым техниками уровнем едва ли не выше Сильвенио, он, разумеется, не мог. Впрочем, это и не особенно его раздосадовало: он и так уже слишком хорошо знал, что никакими хитрыми вывертами до проклятого Добальски не добраться. Имея в своём распоряжении собственный коварный ум, лучших техников, лучших стратегов и — куда без этого — самые разнообразные лучшие, новейшие разработки относительно защитных и атакующих свойств его корабля, тот мог ускользать сколько угодно долго, дразня и насмехаясь. Добальски не считался такой уж крупной фигурой в мире преступности, зачастую он даже баловался каким-нибудь абсолютно законным частным предпринимательством, прикрывая свой более крупный бизнес по торговле рабами, и его не принято было как-то особенно опасаться как в кругах правительства, так и в подполье, потому что он сидел на своём месте довольно тихо и приносил несомненную выгоду и той, и другой стороне, умело между ними лавируя. Но за свои двести семьдесят лет он набрал таких профессионалов себе в команду, так поднаторел в проворачивании всяческих афер, скопил такой большой капитал — что делать его своим врагом было теперь откровенно опасно. Аргза хорошо понимал это, потому что в своё время, несколько раз столкнувшись со Славишем ещё в начале своей карьеры пирата, достаточно много времени уделил планам по уничтожению или хотя бы масштабному ограблению раздражающего его противника, пока не поумнел и не решил для себя, что с этим старым лисом выгоднее находиться в приятельских отношениях.

Вернее, он думал так только до тех пор, пока тот не показал своё истинное лицо, напав на его корабль и чуть было не лишив его как всего экипажа, так и одного маленького твердолобого умника, которого Аргза, гипотетически имевший возможность набрать всю остальную команду с нуля и украсть новое судно, уж точно терять был совершенно не намерен. Такие личные обиды варвар не прощал никому.

Кстати, об упомянутом умнике. Аргза скосил глаза в сторону — Лиам успел уже

бесшумно вернуться в кабину и встать за его плечом, ровно на таком расстоянии, чтобы он мог до него дотянуться, но не задел случайно при повороте локтем — новая привычка, появившаяся у эрландеранца за время слепоты капитана. Аргза на секунду отвлекся от своих размышлений о дальнейшей стратегии, бездумно проследив взглядом линию тонкой шеи, почти полностью скрытой высоким воротником, затем посмотрел на аккуратно перебинтованные кисти рук — и решил, что там его взгляд и останется. Тем более, что думать о мести Слаовишу это ничуть не мешало, даже наоборот.

— Нужно подобраться к этому ублюдку вплотную, — заключил он вслух, разглядывая замотанные белым длинные пальцы. — Если я выманю его на открытое пространство, он заведомо проиграет, несмотря на все свои преимущества, потому что в бою он не так силён, как в своих манипуляциях. Мне остаётся только вынудить его вылезти из своей раковины. Но, разумеется, это было бы слишком просто, он прекрасно знает о своих недостатках и не выползет, если нашим кораблям даже посчастливится приземлиться на одной планете. Да и ждать такого случая слишком долго, так что это не вариант.

Продолжая размышлять, он осторожно взял одну из так цепляющих его взгляд рук и наклонился, целуя костяшки пальцев, пахнувших мазью от ожогов и антисептиком. Сильвению не отреагировал и молча смотрел на него в ожидании дальнейших приказов.

— Как там с его банковскими счетами, Лиам? Ты их все нашёл и обнулил?

— Ещё вчера, сир. Не уверен, что мне удалось обнаружить абсолютно все его филиалы, но, как вы и приказывали, я постарался разобраться хотя бы с основной частью... Также я хотел бы спросить, что делать с теми деньгами, которые... которые числятся на счету малоизвестных сиротских домов... это, разумеется, только прикрытие, я знаю, что он никогда на самом деле не тратил ни монетки на благотворительность, но... это ведь... это ведь не подтверждённый факт...

Аргза усмехнулся и опять поцеловал его пальцы, не обращая внимания на остающийся во рту привкус бинтов и лекарств. Он уже понял, что его чертовски правильный личный помощник в который раз столкнулся с очередной нравственной дилеммой, однако сейчас подталкивать его к заведомо жестокому для него решению было бы слишком опрометчиво. С него потом станет толкать долгие обвинительные речи.

— Ладно, хрен с этими подпольными счетами, уверен, он не держит на них достаточно крупных сумм, чтобы компенсировать всё то, что мы уже у него забрали. Ты перевёл часть на моё имя?

— Да, сир. Можете проверить.

— Обойдусь. Не сомневаюсь в твоих способностях.

Он задумался снова. Логичнее всего сейчас, когда Добальски лишился почти всех своих сбережений, было бы просто подождать нужного момента: без денег вся его сеть шпионов и все его сделки скоро развалятся, наёмники начнут поднимать бунты, рабы, почуяв ослабшую хватку, начнут задумываться о массовых побегах. А даже если и нет — всё равно ему понадобится где-то засветиться, чтобы собрать необходимый для поддержания всех навороченных функций своего корабля капитал, и оставалось лишь запастись терпением и прихлопнуть его в этот самый момент. Однако Аргза терпением обладал скорее в виде исключения (например, он за все десять с лишним лет так и не убил одного чудака, хотя ему давно надоели эти его вечные обиды), чем в виде постоянного качества характера, и ждать подолгу не любил. Ему хотелось расправиться с интриганом как можно быстрее — а потом посвятить себя какой-нибудь другой цели и другой охоте.

— А, к чертям! — он выпрямился и отпустил руку Лиама, встряхнув головой. — Выйди из кабины и иди следить за автономными генераторами, чтобы корабль не развалился на части и не остался без отопления. Меня заколебало играть с этой жабой в догонялки. Он даст мне бой, хочет того или нет, мне плевать.

Сильвенио встревоженно глянул на него. Непонятно, волновался он больше за себя или за своего хозяина — впрочем, волновался-то он, как казалось Аргзе, в любом случае зря.

— Вы собираетесь..?

— Да, отделить кабину. Целым судном будет трудно маневрировать. Я бы взял один из запасных истребителей, но ты же помнишь, чем окончился прошлый раз, когда я оставил корабль без присмотра. Без кабины вероятность, что на вас в моё отсутствие кто-либо нападёт, гораздо ниже, потому что без неё корабль фактически бесполезен. Основной запас топлива останется здесь, так что вам должно хватить надолго, тем более, что во время дрейфования в космосе топливо уходит разве что на обогрев жилых и рабочих отсеков. Все корабельные пушки здесь тоже автономные, корпус достаточно прочный — с внешними атаками солдаты справятся. И ты, естественно, остаёшься за старшего. Только не вздумай больше геройствовать, пташка, быть старшим — не значит позволять изрешетить себя во имя защиты судна. Если что-то непредвиденное — лучше сразу прячься куда-нибудь в надёжное место, мне будет легче заменить металлолом или пушечное мясо, чем тебя. Хотя, наверное, взять тебя с собой было бы выгоднее... но я не возьму. Всё, указания ты получил, свободен.

Сильвенио кивнул и направился к выходу. И только у самых дверей вдруг обернулся и наконец-то посмотрел ему прямо в глаза:

— Пожалуйста... будьте осторожны. У меня странное предчувствие насчёт этой затеи.

— Ты за меня беспокоишься? — Аргза удивлённо улыбнулся. — Не стоит. Я всегда побеждаю в итоге, разве нет?

— Да... — он помолчал. — Да — беспокоюсь, и — да, вы всегда добиваетесь своего. Любым способом... Я знаю. Всё равно — будьте осторожны, я вас прошу.

Аргзе после этих слов снова неожиданно (ожидаемо?) захотелось его поцеловать, но он только хмыкнул неопределённо и уселся в кресло пилота, настраивая консоль на себя. Подождал, пока тихие шаги скроются за дверью, пока они растворятся в сплетении коридоров, пока схлынут последние остатки непонятного тепла, покалывающего где-то в груди. И только потом потянул за нужный рычаг, слыша, как кабина управления с громким лязгом отделяется от остального корпуса.

Корабль Слаовиша, уже стремительно удаляющийся, вспыхивал и гас на радаре нестабильным бледным огоньком — и это ещё с купленным на днях на украденные у Добальски деньги сканером слабых радиационных волн, потому что без этого сканера амальгамное покрытие делало чужое судно невидимым для радаров абсолютно. Аргзу, впрочем, устраивало и это, потому что это давало ему хотя бы приблизительное представление о том, куда лететь. Тем более, что и на обзорном окне кабины был установлен специальный барьер, благодаря которому он мог видеть сквозь это окно корабль с таким покрытием как слегка смазанный объект с расплывчатыми контурами — то есть видеть хоть как-то.

— Ну уж нет! — Аргза нехорошо оскалился и выжал из кабины максимальную скорость, заметив, что корабль Слаовиша начал замедляться и будто бы накреняться — верный признак либо поломки, либо, что вероятнее, подготовки к гиперскачку через пространство. — На этот раз я не дам тебе от меня уйти так просто!

Без многотонного паучьего "туловища" лететь было непривычно легко, потому что Аргза, как выяснилось, слишком давно не практиковал одиночные вылеты, и поначалу его слегка заносило в сторону, когда более неповоротливая громада вражеского судна начала огрызаться в его сторону выстрелами из пушек. Зато и маневрировать стало определённо приятнее, и он, неосознанно рисуясь, стал закладывать самые рискованные виражи, при этом неуклонно, по спирали приближаясь к цели. Один выстрел прошёлся в опасной близости от окна, отчего стекло нагрелось, а изображение корабля Слаовиша на несколько секунд пошло рябью — это только разозлило его сильнее, и он в ответ некоторое время прицельно бомбил правый нижний двигатель, пока он не загорелся. Потом пришлось уходить от обстрела мёртвой петлёй, невыгодно забрав чуть вперёд, но ему сразу же удалось поднырнуть под широкое днище, откуда его достать было не так-то просто, и противнику снова пришлось резко ускориться, отменяя уже почти запущенный было гиперскачок, чтобы ненароком не утянуть его с собой.

Сияние бледных звёзд, чернота космоса и ослепительно-яркие вспышки выстрелов смазывались, смешивались между собой в одуряющем адреналиновом танце, и варвар, как всегда бывало в такие моменты, старался полной грудью вдыхать даже не воздух, а наполнявшее его ощущение битвы. В ушах оглушающе громыhalo. И это было хождение по лезвию бритвы, по тонкой грани между победой и поражением, между жизнью и гибелью — Аргза упивался им сполна. Настолько опьяняюще живым он ощущал себя лишь во время сражений — и ещё тогда, когда Лиам целовал его по доброй воле или просто ему улыбался — поэтому отдавался происходящему без остатка.

Хотя со стороны это выглядело, наверное, как будто бы средних размеров птица нападала на крупного хищника, рискуя одним движением его когтей остаться без крыла или без головы, но в таком случае под птицей подразумевался голодный коршун, а хищник был ленивый и сытый, что сказывалось на боевой мощи. Всё это объяснялось очень просто: Аргза был прирождённым воином, а капитан вражеского судна — прирождённым бизнесменом, и именно эти факторы оказались сейчас решающими. Слаовиш хотел побыстрому от него избавиться и без потерь достичь следующей остановки, тогда как Аргза целиком был захвачен атакой, видя перед собой только цель, которую надо уничтожить. К тому же, Аргза, в отличие от работарговца, точно знал, куда и как стрелять, чтобы вызвать наибольший ущерб. Уже два из четырёх двигателей противника были сильно повреждены и чадили в черневшую вокруг них ледяную пустоту плотным дымом; один раз пролетев совсем близко от палубных окон, варвар увидел, что там горят красные лампы тревоги. Запас топлива у его кабины уже предсказуемо уменьшился вполовину, потому что он действительно много потратил на то, чтобы достичь такой скорости и приблизиться вплотную, также много топлива уходило и на растрату собственно боевой мощи: одна лишь голова его железного паука не была рассчитана на то, на что было рассчитано всё тело вместе. Однако много ему было и не нужно. Он подбил половину третьего двигателя, тоже немедленно окрысившегося чёрным дымом, и одним мощным рывком оказался у носа чужого корабля, развернувшись лицом к лицу.

— Слаовиш, дружище! — проорал он в видеосвязь, когда Добальски, решив, что он хочет переговоров, включил её. — За тобой должок, старик!

И, с секунду, пока тот раскрывал рот для ответа, полюбовавшись его явно испуганным и оглушённым лицом, в упор расстрелял лобовое стекло его корабля.

Вообще говоря, Аргза сильно рисковал: все окна у Слаовиша тоже были покрыты

невидимым щитом, и разглядеть через них было можно только что-нибудь очень яркое, но никак не лица тех, что находились внутри, и не существовало гарантий, что Добальски не сумел вовремя смыться из своей кабины пилота, а ведь щит включал в себя также и защиту от почти любого вида оружия. Теоретически, даже если бы весь остальной корабль удалось разрушить, окна должны бы были остаться целыми и невредимыми стекляшками. Но у Аргзы была его непоколебимая уверенность — и новейшая мощная бомба, которая, по заверениям продавших ему её контрабандистов, могла прошибать и не такие преграды.

Если бы только Слаовишу Добальски в этот момент вздумалось всего чуть-чуть продвинуть корабль вперёд, дожать ещё немного скорости из своего судна — то он бы с лёгкостью протаранил своего бывшего партнёра по сделкам, и на этом бы, возможно, всё и закончилось — в частности, жизнь Аргзы Грэна. Но Слаовиш, как уже говорилось ранее, был не воином, а бизнесменом, и Аргза считал, что именно это его в конечном итоге и погубило.

Однако, его тоже поджидал сюрприз. Как только лобовое стекло корабля Добальски разлетелось в мелкие кусочки, кто-то из пилотов, видимо, в порыве удушья ухватился за панель управления, и вокруг корабля закрутилась видимая с близкого расстояния невооружённым глазом энергия гиперпрыжка, так и не рассеявшаяся до конца после предыдущей попытки. Завихрения этой энергии протянули жадные щупальца и к скалящейся ей в лицо металлической паучьей голове.

"Сир! Не стреляйте больше! Пожалуйста, возвращайтесь сейчас! Вам нельзя в скачок вместе с ними, я не знаю, как это объяснить, но у меня правда очень плохое предчувствие! Вы уже победили, разве нет? Пожалуйста, возвращайтесь!"

Похоже, Лиам на этот раз не только смотрел его глазами, лишённый какой-либо другой возможности наблюдать исход боя, но и беззастенчиво прошёлся по его мыслям, потому что Аргза как раз подумывал о том, чтобы совершить ещё один, контрольный выстрел, дабы предотвратить поднятие аварийного герметичного щита на подбитом им корабле. Невольно у него возникли два вопроса: во-первых, когда он успел привыкнуть к такому постоянному бесцеремонному присутствию в своей голове этого паникёра? И второй: неужели этот упомянутый паникёр в самом деле так волнуется за него? Почему-то второй вопрос казался несоизмеримо важнее, и это почти пугало.

Разумеется, он не послушал совета.

"Прикончу одного старого друга и сразу вернусь, успокойся, моя нервная птишка. Я быстро, смотри не расплачься там от страха."

На этот раз он выстрелил уже прицельно, выделив Слаовиша из нескольких человек в лишённой кислорода кабине и заодно окончательно разворотив их консоль. Выстрел этот ещё крепче связал его с энергией скачка, и она, пробираясь по нему, как по тросу с якорем, вскоре опутала всю кабину. Его начало утягивать в гиперпрыжок. И только тут Аргза заметил, что у него уже недостаточно топлива, чтобы рвануть назад или хоть как-то сопротивляться закручивающемуся в спираль пространству вокруг.

Проклятье! Надо поставить себе заметку в ежедневнике: всегда слушать советы Лиамы, когда он говорит таким эмоциональным тоном!

Хотя — к чёрту, у него же нет ежедневника...

Через мгновение его вместе с дымящимся всюю кораблём поверженного врага выбросило где-то за миллионы миль или через несколько световых лет от той точки в бесконечном космосе, где он оставил почти весь свой корабль вместе с переживающим за него беспомощным слугой (помощником? воспитанником? любовником?) — настройки

противников были, очевидно, поставлены на максимально возможное расстояние. На самостоятельное возвращение обратно ресурсов явно не хватало. Подходящим выходом было разве что высадиться прямо в разворочённую кабину чужого корабля и попытаться перенастроить его на обратный скачок, чтобы быть утянутым повторной волной — пусть даже после этого на части рискует развалиться не только корабль, но и случайный спутник в виде его кабины. Или же, второй вариант: дотянуть до ближайшей населённой планеты, заправиться там и уйти в скачок самому. Аргза, с его невероятно коротким терпением, решил снова рискнуть и выбрать первый вариант. Мысленный голос Сильвению на такой дистанции достать его не мог, и некому, соответственно, было уберечь его от последующей глупости.

Впрочем, потом, размышляя об этом, Аргза приходил к выводу, что даже если бы Сильвению мог дать ему какой-то дельный совет и даже если бы он его послушался, это бы не сильно помогло, потому что...

Потому что, когда он только-только принял это решение, внутри полуразрушенного корабля напротив что-то оглушительно громыхнуло, и внезапно весь корпус начал как-то сжиматься, словно какая-то страшная сила сминала его бока внутрь себя, как пластилиновую игрушку, и Аргза, к его мимолётному стыду, почти с ужасом ощутил, как и его кабину тоже неумолимо затягивает куда-то в центр этого невидимого гигантского пылесоса. Генератор чёрной дыры, ну конечно же. Слаовиш Добальски не мог пройти мимо такой запрещённой и такой опасной штуки, которая в случае его смерти и уничтожения системы жизнеобеспечения корабля автоматически запускала этакую самоутилизацию всего ценного имущества — как непосредственно судна, так и пойманных на нём в ловушку рабов и наёмников. А заодно и утилизация врага, покусившегося на это самое имущество, проходила без каких-либо проблем и участия самого Слаовиша уже не требовала.

Сукин сын остался невероятно жадным и эгоистичным до самого своего конца.

Аргза выжал максимальную скорость, но у него не получилось сдвинуть кабину ни на миллиметр: чудовищная сила тяготения уже захватила его в плен, и вырваться не представлялось возможным. Искусственные чёрные дыры были по какой-то причине в разы слабее, чем настоящие, и быстро захлопывались сами собой, но пару-тройку планет уничтожить вполне могли. Правда, согласно теореме Копенгагеля, абсолютно любая чёрная дыра, даже искусственная, могла привести в альтернативную Вселенную, коих, как уже было доказано некими учёными, существовало бесконечное множество, но проверить данную теорему ещё никто толком не удосужился, потому что из прорех в мироздании, в любом случае, ещё никто до сих пор не возвращался. А если и возвращался — то молчал о своих открытиях по каким-либо своим соображениям, так что...

Аргза нервно усмехнулся и закрыл глаза, не желая видеть, как массивное судно работаровца съёживается и превращается в миниатюрную чёрную точку, и как его собственный транспорт уже вытягивается вдоль, стремясь к этой точке. Пожалуй, разумнее было бы разгерметизировать собственную кабину, чтобы умереть от удушья и кровоизлияния в мозг, а не чувствовать, как все органы сжимаются и распыляются на мириады субатомных частичек, но Аргза Грэн никогда не был трусом. Кем угодно, но только не им.

— Ну что ж... Помолись за меня каким-нибудь своим глупым богам, Лиам, чтобы я мог к тебе вернуться и снова тебя от чего-нибудь спасти, потому что, боюсь, больше мне сейчас ничего, даже удача, не поможет, — пробормотал он, совершенно уверенный, что тот на таком расстоянии никак не сможет услышать его мысли.

И несказанно удивился, когда в ответ вдруг услышал очень чёткое и очень искреннее:
"Да хранит вас святая мать Эрлана, сир..."

А больше он не слышал ничего.

Существовало одно негласное правило, которое Аргза навсегда усвоил почти с самого детства, но почему-то забывал время от времени: если ты неожиданно проснулся после того, как вырубился в какой-то серьёзной передрыге (особенно, если при этом проснуться ты и не надеялся даже) — первым делом проверяй оружие. Не целостность конечностей, не способность шевелиться вообще, не наличие каких-либо провалов в памяти, не присутствие вокруг тебя кого-либо опасного — а оружие: оно-то и пригождается в большинстве таких ситуаций почти сразу же, ибо, будучи выключенным из сознания на неопределённое время, по пробуждении необходимо как можно дальше отогнать всех, кто решил воспользоваться твоей удобной слабостью. Именно поэтому Аргза, придя в себя, не открыл глаза сразу, а сначала на пробу активировал когти, ещё даже не вполне ощущая свои руки.

Когти успешно активировались — значит, всё остальное в порядке. Более того, сразу за этим раздался слабый треск рвущейся ткани, и, по мере того, как к нему возвращались ощущения, Аргза обнаружил, что лежит в кровати — и только что слегка порезал когтями одеяло или простынь.

Его руку тут же участливо обхватили чьи-то прохладные ладони. Он узнал эти ладони, несмотря на то, что сейчас они были затянуты в плотные перчатки, он узнал эти руки, которые так любил целовать, на которые так любил смотреть, которых так любил касаться, узнал за секунду до того, как такой же знакомый голос заботливо произнёс:

— Вы очнулись? Пожалуйста, не совершайте пока резких движений, не нервничайте, мы не причиним вам вреда.

Не удержавшись, он резко распахнул глаза и сел в постели.

— Лиам?..

Тонкие синие брови удивлённо взметнулись вверх, но вежливая улыбка не изменилась.

— Вам известно моё имя? Да, счастлив представиться, Сильвенио Антэ Лиам Хранитель Знаний Эрланы, представитель Тринадцатого Совета Порядка. Моё имя на вашем наречии означает...

— Серебряный осенний дождь, я в курсе, — пробормотал Аргза машинально и вновь откинулся на подушки, почувствовав приступ головокружения.

Он и сам уже понял, что, как ни странно, обознался: это был не Лиам. Не его Лиам, в всяком случае. Точная копия, но детали различались и этим выдавали: не наблюдалось такой привычной чёлки, закрывавшей половину лица, да и само лицо было чистое, без следа памятного паукообразного клейма; волосы были по-прежнему пушистые и невесомые, колыхавшиеся от малейшего ветерка, но уже без длинного тонкого хвоста на затылке; горло всё так же скрывал воротник, но очертаний ошейника не наблюдалось. Но больше всего Аргзу поразили его глаза и улыбка. Не существовало больше затравленного взгляда со следами какой-то вечной печали, исчезли горькие складки в почти всегда опущенных

прежде уголках губ, и он весь казался младше, спокойнее. Счастливее. Это был уже не забитый слуга, а человек, живущий в полной гармонии с самим собой и внутренним миром.

Это был человек, никогда в своей жизни не встречавший Аргзу Грэна.

— Неужели вы знакомы с нашим языком? Надо же, я даже предположить не мог... Не примите, пожалуйста, за оскорбление, но вы выглядите совсем как... — "варвар", ясно повисло в воздухе. — ...уроженец Архагла. Я думал, там не склонны... изучать чужие языки. Впрочем, прошу меня простить, я опять забываюсь: у вас же, наверное, всё там по-другому. Или не всё? Если бы я только мог вычислить коэффициент разницы... Но для этого желательно взять одинаковые переменные, а ведь, кроме вас, эту часть Вселенной жители Архагла и родственных планет не посещали уже около пары столетий... Или, быть может, вы даже не с Архагла, и я опять ошибся?..

Аргза невольно рассмеялся, прикрыв глаза, чем прервал его размышления вслух.

— Я с Архагла, ты прав, и я не знаю твой родной язык, просто слышал... кое-какие ваши имена. А теперь, будь добр, скажи мне, что означает твоё "у вас там всё по-другому". У кого — у нас? Где — там?

Тот выглядел смущённым, но и жутко заинтересованным одновременно.

— Вы упали на нашу планету, известную вам как Эрландерана, и сначала мы думали, что это просто обычная авария, так бывает, — начал он издали. — Правда, нам сразу показалось необычным то, что ваш корабль — военный, это очевидно, как и то, что это только часть большего судна. Понимаете, военные корабли сейчас уже такая редкость! После той большой Войны — я расскажу вам о ней позже, если хотите — после её окончания официально настали мирные времена, когда даже космические пираты в разы уменьшили свою активность. Поэтому ваш случай уже с самого начала привлёк моё внимание. Мне нравится общаться с гостями нашей планеты, особенно с необычными, и... В общем, как только я вас увидел, я сразу понял, что вы не из этого мира. Это было только предчувствие, но мы измерили частоту колебаний вашего энергетического поля — и моё предположение, представьте только, подтвердилось! Я и все мои коллеги, изучившие этот вопрос, единогласно пришли к мнению, что вы попали сюда из какой-то альтернативной Вселенной. Так что, говоря "у вас" и "там" я имел в виду ваш родной мир, если можно так выразиться, хотя это не совсем точное определение, потому что, согласно одной теории, все материальные миры... — он прервался и виновато на него посмотрел. — Ох, простите, вам ведь ещё нужен отдых, вы не совсем оправились, а я надоедаю вам своей многословностью! Простите меня ещё раз, я постараюсь не утомлять вас больше. Но помните, пожалуйста, что я с превеликим удовольствием отвечу на все ваши вопросы, когда вы... если вы захотите продолжить нашу беседу! К вам позже зайдёт целитель, чтобы осмотреть вас. До свидания. Если я вам понадоблюсь — скажите, что ищете Хранителя Знаний.

Аргза вновь рассмеялся: в голосе здешнего Сильвенио слышалась такая неприкрытая мольба, словно он на самом деле хотел всего лишь сказать "задайте мне вопросы, пожалуйста, задайте мне вопросы!!!" Прежде, чем этот недотёпа ушёл, варвар произнёс:

— Меня зовут Аргза Грэн. Ты не спросил, потому что, вероятно, не отказал себе в удовольствии немного порыться в моей голове, и на первый раз я прощаю, но в следующий раз всё-таки лучше спрашивай разрешения, договорились?

Телепат вспыхнул, быстро закивал и вылетел из комнаты, на бегу пробормотав какие-то длинные извинения.

Аргза огляделся. Комната, в которую его поместили, неуловимо напоминала ту, в

которой он проснулся во время своего первого посещения Эрландераны: такие же большие треугольные окна, благодаря которым всё вокруг заливал сюрреалистичный мягкий свет, наполненные живыми книгами стеллажи вдоль стен, летающие под потолком шары неизвестного предназначения, пушистая мебель, похожая на искусно сложенные мотки шерсти. Тем не менее, он как-то сразу опознал, что этот дом не принадлежит семье Лиама — он решил про себя называть его здешнего двойника Антэ, чтобы не путаться. Кроме него, в комнате никого не было, да и никаких посторонних звуков, за исключением мирного посапывания книг, в доме не было слышно.

Это давало ему время как следует поразмыслить надо всем этим. Итак, если всё это не являлось сном — а оно им не являлось, потому что Аргза был совершенно убеждён, что его мозг скорее расплавится, чем начнёт видеть сны — значит, он действительно прошёл через чёрную дыру невредимым и действительно попал в параллельную реальность. Уже сам по себе один этот факт мог бы считаться чудом, а уж то, что он ещё и умудрился попасть не просто в рандомную точку бесконечного космического пространства, а на родную планету Лиама — это даже обычно донельзя скептически настроенного варвара непроизвольно наводило на мысли, что такая искренняя молитва Сильвенио, услышанная им в последний момент, оказалась не такой уж и бесполезной. Означало ли это, что всё это время он недооценивал потенциал своего помощника? Потому что, если это было не так, и всё объяснялось просто невероятным, но при этом совершенно случайным совпадением — то эта версия выглядела ещё более неправдоподобной, чем версия про скрытые способности Лиама, неизвестные даже ему самому. А ведь существовало и ещё кое-что, говорящее в пользу последнего утверждения, иначе как объяснить, что Аргза всегда, абсолютно всегда успевал спасти его от смерти, хотя множество раз и сам сомневался, что сможет это сделать? Однако, эти домыслы Аргза оставил на потом, решив, что продолжит анализировать их дома. Сейчас было важнее разобраться, как в этот самый "дом" вернуться... и возможно ли это вообще.

Весь оставшийся день он проспал, давая организму восстановиться — то ли он неудачно приземлился, когда падал на эту чёртову планетку, то ли на человеческий организм переход в другую Вселенную через чёрную дыру в принципе влиял не самым лучшим образом, но могучее тело пирата сковывала какая-то странная слабость. Правда, на следующее утро он уже смог встать, хотя голова всё ещё сильно кружилась, и, внимательно выслушав все предписания заглянувшего к нему целителя, советовавшего оставаться в постели как можно дольше и не перегружать всё ещё нестабильные после такого перехода из одной реальности в другую мышечные ткани, предельно вежливо отодвинул его со своего пути и отправился на прогулку, устав валяться без дела.

Казалось, эта Эрландерана абсолютно ничем не отличалась от той, которую он помнил. Уже на третий день, когда ему соизволили наконец показать его разбитый транспорт (в удивительно рабочем, учитывая ситуацию, состоянии), он с непроходящим чувством дежавю раздражался уже и на излишне радостный климат, и на развеселенькие расцветки местной флоры и фауны, и, особенно, на неизменные вежливые улыбки всех заговаривающих с ним эрландеранцев. Нигде в мире он не ощущал себя чужим и ненужным так, как он ощущал себя в этом вечном царстве благополучия. За всю свою долгую жизнь ему довелось побывать в великом множестве самых разных мест, и только здесь, на этой грёбаной планете, это чувство собственного диссонанса со всем, что его окружало, преследовало его так неудержимо, душило так сильно, как нигде больше. По правде говоря, во всём этом крылось

какое-то иррациональное даже унижение: он бы ни за что себе в этом не признался, но здесь он чувствовал себя так, словно бы был полуобезьяной из каменного века со Старой Земли, которую по ошибке привели в музей Высоких Искусств и оставили в зале с импрессионизмом. Словно бы он был... не достоин здесь находиться. Недостаточно разумен для этого? В любом случае, что бы там ни было, а это невероятно его бесило. Все эти улыбчивые, добросердечные люди, помогающие друг другу (и ему, как гостю) совершенно бескорыстно, начисто лишённые всякой агрессии, цитирующие друг другу какие-то философски трактаты и физические теоремы, обнимающие деревья и глядящие спокойно крутящуюся вокруг них разнообразную живность, звонко смеющиеся вместе с ласкающими их ветром и солнечными лучами — все они, все до единого, стойко вызывали у Аргзы небывалое ощущение неправильности. Потому что нормальные люди просто не могут быть, не должны быть такими нечеловечески счастливыми! У нормальных людей обязана быть куча проблем, тайные комплексы, мелочные желания, нормальные люди обязаны кипеть мелкими и не очень страстями, злиться, ненавидеть, обижаться сами и обижать близких людей, вести себя глупо... в общем, делать всё, что делают обычно люди.

Так считал Аргза, а потому избегал по возможности общения с местными. Но в одиночестве гулять по окрестностям ему быстро наскучило, так как все эти яркие одухотворённые пейзажи ему были как-то абсолютно до лампочки, что называется, а непрерывно наблюдать за тем, как трудолюбивые эрландеранцы бесплатно чинят его корабль и совещаются насчёт того, как снова открыть для него переход между реальностями, надоело ему ещё быстрее, и он совершенно не знал, чем себя занять. Хранителя Знаний он не искал нарочно, сам не в силах объяснить, по какой причине. Тем больше он был рад обнаружить на одной из прогулок, что из-за деревьев за ним на почтительном расстоянии следует знакомая серебристая тень.

— Привет, — сказал он на шестой день, устроив тени засаду и столкнувшись в результате с ней лицом к лицу.

— Здравствуйте, — серьёзно кивнул его преследователь и поглядел на него с беззастенчивым интересом. — Вы меня заметили, да? Простите, я не хотел вас тревожить или создавать у вас ложное впечатление, будто бы вам здесь не доверяют. Именно это ведь думают люди, когда за ними следят? То есть... ох... Я не следил за вами, клянусь! Я просто наблюдал. Поймите меня правильно, вы же такой... неизученный... То есть!.. То есть я хотел бы познакомиться с вами ближе, если не возражаете, но просто раньше я боялся, что невежливо будет надоедать вам своим присутствием, и потому скрывался, а сейчас... Господи, я ужасный собеседник, я всегда это знал, простите меня, пожалуйста, простите...

Аргза покачал головой. Кажется, бедняга так переволновался, что совсем запутался. С его Лиамом тоже такое бывало, когда он находил какую-нибудь особенно сложную загадку. В то же время, Антэ, его двойник, явно был гораздо более разговорчивым и более эмоциональным, но, поразмыслив, Аргза осознал, что это легко объяснимо: Лиам, которого он сам с детства приучал не болтать лишнее и строго следить за своими словами, ожидаемо замкнулся в себе и говорил обычно очень осторожно — по крайней мере, он пытался быть осторожным, хотя и не всегда получалось. Антэ же никто в словах не ограничивал, скрывать свои мысли ему было незачем, и он привык высказывать всё, что думает, вслух, а думал он, разумеется, на нескольких уровнях сразу, и из-за волнения не мог сосредоточиться на одной мысли.

— Не тараторь, — пират присел на траву и похлопал по месту рядом с собой. — И сядь.

Если уж хочешь поговорить, то не стоит заниматься этим на ходу.

Антэ присел, но не рядом, а напротив него, неизменно сохраняя дистанцию. Теперь он смотрел на него с надеждой, и Аргза почти что мог видеть огромную надпись печатными буквами у него на лбу: "шанс на получение новой информации". Новая информация — о да, её поиск и добыча, это ведь то, для чего рождались Хранители Знаний, то, для чего рождался каждый Сильвенио Антэ Лиам в каждом из миров, и это Аргза хотя бы мог понять, это делало Хранителей Знаний гораздо человечнее всей их остальной расы, потому что в них была, по крайней мере, хоть какая-то *жажда*.

— Итак, — он улыбнулся одними уголками губ. — Ты что-то хотел у меня спросить, маленький сталкер. Спрашивай. Мне всё равно скучно, и я не против твоего общества.

Антэ выдохнул с заметным облегчением и расслабился, поняв, что не совершил ничего непоправимого. Аргза со смешком представил, как теперь уже на его собственном лбу для собеседника загорается красная неоновая надпись "источник информации, не спугнуть". В изумрудно-фиолетовой листве высоких, причудливо изогнутых деревьев, плотно обступивших их со всех сторон, умиротворяюще заливались птицы, никто из местных не шпаялся вокруг с предложениями помощи, так что Аргза расслабился тоже.

— Я... я не сталкер, сэр. Как я уже сказал, это было небольшое недоразумение, — тон его, когда он успокоился, стал привычно-серьёзным. — Ещё раз приношу свои извинения за это. Просто... я прочёл множество книг об этикете самых разных планет и об этикете всеобщем, но иногда у меня не получается сдерживать себя, к тому же, в некоторых случаях этикет идёт вразрез с моей природой, когда предписывает говорить людям заведомую ложь, и поэтому при встрече с новыми людьми я, бывает, теряюсь. Будь вы просто посетителем нашей планеты, потерпевшим обычную аварию, рядовым туристом или же прилетевшим за моим советом, как сейчас многие делают — поверьте, тогда я бы не докучал вам так сильно, потому что на самом деле я предпочитаю книги и природу человеческому обществу, и в большинстве случаев общество это взаимно устраивает, пока я делюсь с ним собранной информацией. Но вы... вы же попали сюда из другой Вселенной! Это нечто совершенно новое! Периодически упоминания о таком феномене встречаются в исторических хрониках и мемуарах неких межгалактических путешественников, однако этот феномен всё равно ещё недостаточно изучен. На данный момент мы только знаем, что параллельные миры существуют, и что их бесконечное множество. Также до сих пор ведутся споры о том, как это явление обозначать, ибо некоторые учёные утверждают, что как раз это бесконечное множество миров и нужно определять, как одну Вселенную, другие же...

— Давай перейдём от познавательной лекции к делу, дружок, — Аргза подавил зевок. — Что конкретно ты хотел спросить у меня в первую очередь?

Вообще-то, ему и самому хотелось спросить довольно многое, но он понимал, что в таком случае нарвётся на ещё одну (или больше) длинную пространную лекцию, а этого ему пока не хотелось. Необходимо было вычленять самое главное из его речи, это он понял ещё тогда, когда его Лиаму было всего-навсего десять.

На этот раз тот не растерялся:

— Каков ваш мир? Я имею в виду, есть какие-то разительные отличия от нашего? Воздух? Химический состав воды? Тирания какой-то одной из рас, но не человеческой? Люди, кроме вас, вообще ещё есть? Основной язык? Существует ли там Федерация? Какие учёные наиболее известны? Сколько длятся сутки, год? Помнят ли там о Старой Земле, и была ли она там? Существует ли там до сих пор мой народ? Какой он? Сколько солнц и лун у

Архагла? Кому-нибудь там удалось сосчитать количество звёзд на небе?

Мда, вот с кем бы ему точно понравилось общаться — так это с самим собой. Аргзе представилась огромная конференция из тысяч и тысяч собравшихся вместе Лиамов, заваливающих друг друга подобными вопросами — и, что самое удивительное, последовательно на них отвечающими. Пожалуй, только так они смогли бы создать у себя в головах требуемую полную картину всех интересующих их миров. Аргза же подобной копилкой знаний не был, а потому только вздохнул и медленно ответил:

— Нет, слушай, так не пойдёт. Ты хочешь от меня, чтобы я в малейших подробностях описал тебе свой мир, а на это уйдёт слишком много времени, да и не то чтобы я знал все нужные тебе детали. Давай я лучше расскажу тебе основное, как это основное вижу я, а ты взамен потом расскажешь мне, что из этого не так здесь. Хорошо? — дождавшись согласного кивка, он продолжил. — Для начала, пригодная для человеческой жизни атмосфера, искусственная или настоящая, в основном устанавливается одинаковой, с небольшими различиями, и здешний воздух, по-моему, точно такой же, как и принято у нас. Человеческая раса после уничтожения Старой Земли расселилась по всем уголкам Вселенной, претерпела некоторые изменения, самый яркий пример — твой народ, у которого теперь два вида крови, повышенная чувствительность и мощная природная магия плюс телепатия. Остальные, негуманоидные расы не очень-то нас жалуют, но сотрудничают вполне охотно, считается, что у нас равные права и всё такое, потому как в Федерацию, которая считается высшей законодательной инстанцией, — похоже, она есть и тут, так что ты о ней знаешь — так вот, в неё входят государства самых разных представителей, они пытались создать видимость демократии, отдав в правительстве места в равных количествах как людям, так и всем остальным. Разумеется, это всё херня, потому что люди всё равно, тайно или явно, занимают главенствующие позиции, а другие расы просто делают вид, что им на это плевать. Около тридцати лет назад — или чуть меньше, не считал — закончилась большая Война, в которой пострадали или даже были уничтожены многие цивилизации, и Война эта, начавшаяся как маленькая кампания Федерации по внедрению их законов во все основные сильнейшие политические системы мира, закончилась их победой, но с такими потерями, что неофициально это считается ничьей. Я дрался на стороне пиратов и оппозиции, — он внимательно взглянул на лицо эрландеранца, но тот никак не отреагировал на это заявление. — Некоторые последствия не улеглись до сих пор, и времена всё ещё довольно беспокойные. Но это не коснулось твоей планеты. Я однажды попал на неё, тоже в результате аварии, и увидел, что на Эрландеране ни о какой Войне даже не слышали, что немудрено, учитывая, в какой глуши вы находитесь. Собственно, вот всё. Таково основное положение вещей.

Антэ помолчал, обдумывая услышанное. Потом отрешённо провёл ладонью — сегодня он снял перчатки — по траве и тихо сказал, выглядя каким-то подавленным:

— Здесь всё почти так же, как у вас... за одним исключением. Вы сказали, что в вашем мире Война не коснулась нашей планеты. Здесь же... здесь Война случилась раньше, намного раньше, около двух столетий назад. И Федерация направила часть сил... на полную ликвидацию Эрланы и всех её жителей. Потому что мы не хотели подчиняться их правилам. Они требовали поменять наш язык, наши обычаи. Отдать нашу землю. Они требовали, чтобы все рождающиеся здесь Хранители Знаний работали на них, чтобы только они могли их использовать, не народ. Они требовали, чтобы мы вступили в невыгодный нам союз, чтобы мы в случае необходимости воевали на их стороне. Понимаете? Мы всегда жили так

уединённо, так мирно, никому не мешали, помогали всем тем, кто, нуждаясь в нашей помощи, прилетал сюда или просил совета издалека. Мы ведь не пытались переделать мир, нам было достаточно жить по нашим понятиям и быть свободными, но люди посчитали, что мы угрожаем самим устоям их общества. Они решили, будто мы хотим сопротивляться, претендовать на их власть, а ведь мы всего лишь вежливо отклонили их предложение вступить с ними в союз. И тогда Федерация объявила нас врагами правительства. И напала. Они посылали военные корабли, они поджигали наши дома, они разрабатывали массовое оружие, чтобы совершить геноцид. Чтобы убить нас всех, до единого... И нам пришлось измениться. Мы приняли решение, очень важное. Мы изменили наши собственные законы. Мы встали на защиту нашей планеты. И мы воевали с ними. Меня тогда, конечно, не было ещё, но все наши архивы, все учебники истории содержат записи об этом, и это называют Временем Великой Скорби, потому что это, и правда, было самое печальное время для Эрланы. Даже Ищущие, покинувшие нашу планету задолго до этого, начали возвращаться, прервав свой Поиск. С тех пор мы... мы больше не те, кем были раньше, не та нейтральная сторона, которой являлись всегда, даже на заре появления нашего народа. Потому что мы победили, и теперь мы можем пользоваться своими способностями во вред другому человеку, во вред целым народам, если того потребует Новый Кодекс. И мы теперь контролируем. Мы постепенно вносим в мир порядок. Наш представитель есть в собрании Федерации, и к нему всегда, всегда прислушиваются, потому что они знают, что иначе им же будет хуже. Мы... редактируем. Чтобы больше подобного никогда не повторилось. Чтобы постигшая нас трагедия никогда больше не случилась вновь. Мы редактируем политику, торговлю, военные операции. Медленно. Постепенно. Мягко. Но — редактируем. Мы создаём законы. Мы управляем. Мы стараемся уменьшить количество бессмысленного зла в мире, и потому я сказал вам, что здесь уже давно никто не видел военных кораблей и что в этой части Галактики вряд ли можно встретить кого-то с Архагла, потому что почти все жители вашей планеты — пираты либо террористы на данный момент, и они знают, что лучше не попадаться нам на глаза. Я знал, что вы пират, уже в тот момент, когда увидел вас и ваше судно, потом я только слегка прикоснулся к вашему разуму, чтобы проверить, могу ли я это сделать с кем-то, кто появился *извне*, и таким образом я узнал ваше имя — а также то, что моя догадка оказалась верна. Однако вам не следует волноваться. Пока вы не нарушаете наших законов, вы в безопасности, хотя, будь вы пиратом из нашего мира, вас бы немедленно отправили на перефилтрацию разума, окажись вы на нашей планете, потому что это всё равно, что сдать нас добровольно в руки. Но вы — гость, и у вас, конечно же, существует определённая неприкасаемость, иначе, несомненно, нарушится баланс двух миров, а этого допускать ни в коем случае нельзя. От себя хочу добавить, что ваш... ваш статус несколько не уменьшает моей радости от встречи с вами, как и моего желания с вами общаться. Естественно, если после того, что я вам рассказал, вы согласны это общение продолжить, ибо я не буду вам навязываться в случае отказа...

Аргза, всё это время не сводивший с него поражённого взгляда, снова молча покачал головой, то ли отказываясь, то ли что-то отрицая. Затем встал с земли и с силой провёл ладонью по своим забранным в хвост волосам, приводя мысли в порядок. Антэ так же молча ждал его решения, глядя на него снизу вверх, и это молчаливое ожидание привело пирата в ещё большее смятение, потому что именно в этот момент совершенно чужой ему паренёк, посмеявшийся ему завуалированно угрожать, был чересчур похож на Лиама, точно так же смотревшего на него в ожидании приказов большую часть времени.

— Как насчёт моего возвращения? Ты и другие умники что-нибудь придумали по этому поводу?

Антэ вздохнул и понуро опустил голову, по-своему поняв его резкую перемену темы.

— Да. Мы ещё не уверены, но, кажется, уже нашли путь решения проблемы. Нужно лишь сгенерировать нематериальное пространство, в котором мы спровоцируем нестабильность тканей реальности посредством...

— Избавь меня от подробностей, будь любезен. Просто скажи, сможете ли вы это сделать.

— Да, сэр. Я думаю, да.

— Отлично, — он развернулся и направился прочь из рощи, добавив: — Я подумаю.

Антэ остался сидеть на траве и ничего не сказал не прощание.

А подумать, как выяснилось, было над чем. Должно быть, вся эта мнимая гармония, так раздражающая Аргзу, на самом деле была лишь видимостью, потому что, если эрландеранцы контролировали почти весь их мир — нелегко же им приходится. Миру, впрочем, тоже, и Аргза всерьёз начал опасаться, что его Вселенную постигнет та же участь однажды, раз такое произошло здесь. Подумать только, он и представить не мог, что эти чёртовы хиппи, пропагандирующие мир и покой, на самом деле настолько опасны! "Мы редактируем", сказал Антэ, и это звучало... ужасно. По-настоящему ужасно. Человечество, правда, всегда стремилось контролировать всё и вся, особенно, когда эта мания вылилась в масштабы всего космоса, но это было в порядке вещей. Это всегда считалось естественным для представителей человеческого вида — захватывать чужое, пытаться подчинить, навязывать свои законы, выгрызая кусок своего счастья из чужого горла. Но они, эрландеранцы, сделали кое-что похуже. Они выделили себя в новую расу, в расу сверхлюдей, поставили себя выше остального человечества, захватив власть не для себя, а для всеобщего, как им казалось, блага... Аргза понадеялся, во-первых, что покинет этот жуткий мир достаточно быстро, чтобы его не успели ненароком "отредактировать", и, во-вторых, что эта зараза, как чумная, не перекинется и на его мир тоже. Потому что он бы не хотел, о, он бы очень не хотел жить под чьим-то таким "мягким" контролем.

Весь последовавший за тем разговором день он только и делал, что наблюдал за починкой его кабины, зорко следя, чтобы эти самозванные помощники, что с таким энтузиазмом копались во внутренностях его судна, не убрали ничего, что, по их мнению, будет лишним. Например, оружие. Или чтобы они не вживили в консоль управления какой-нибудь чип, который промыл бы ему мозги. Но, вроде бы, обошлось, хотя точно сказать он не мог, потому что, чёрт возьми, они разбирались во всей этой технике всё равно несравненно лучше, чем он. Следующие два дня он не поленился сходить в местную библиотеку и пролистать их учебники новейшей истории, мельком проглядев пресловутый Новый Кодекс, и только ещё раз убедился в том, что треклятые хиппи воевать хоть и не любят, но, бесспорно, умеют, и ещё он подумал, что они победили бы и в его мире, если бы только захотели, и даже то, что теперь он знал их стратегию, ничем бы не помогло. Потому что у них были, пожалуй, главные качества для теневых диктаторов, коими они здесь являлись: терпение и способность грамотно использовать все имеющиеся у них знания, а знаний у них в общей сложности было очень и очень много. Читая про то, как велись некоторые из сражений во время Войны, Аргза ловил себя на том, что у него волосы на затылке встают дыбом — не от ужаса даже, а от простого понимания: факт был в том, что эти нечеловечески умные твари могли выиграть бой всего лишь парой слов, сказанных

нужному человеку. А иногда не нужно было и слов: они просто полностью подчиняли себе разум какого-нибудь влиятельного политика или главнокомандующего армией, и система врага разваливала сама себя изнутри.

И только на десятый день, проснувшись почему-то в необыкновенно благодушном настроении, Аргза наконец отправился в дом Хранителя Знаний, который теперь жил отдельно от родителей.

Антэ сидел на крыльце дома, увлечённо читая какой-то толстенный древний фолиант, и заметил пирата только тогда, когда его тень закрыла ему свет солнца, мягко лежащий на книгу.

— Привет, — Аргза улыбнулся и сел рядом.

— Здравствуйте, — Антэ с готовностью подвинулся и улыбнулся ему тоже, совершенно искренне, а не так, как улыбались все остальные здесь. — Я боялся, что вы не придёте. Вы понравились мне... очень. Не знаю, почему. Может быть, потому, что я ещё ни разу не общался ни с кем подобным. Ваша энергия... у неё очень странное поле. Такое... живое. Я ощущаю эту энергию, даже когда вы молчите, и я думаю, что это — не только энергия вашего мира, она ваша собственная. У неё такой завораживающий, сильный ритм. Это меня восхищает. И я боялся, что вы увидите во мне угрозу после того, что я вам сказал, боялся, что вы не захотите общаться со мной, чтобы избежать потенциальной опасности. Но вы пришли. Я не могу выразить, как я рад этому. Я опять слишком много говорю, да?

Он хмыкнул, не отвечая. Признаться, он успел порядком соскучиться по этой обезоруживающей прямолинейности. Ему не хватало этого.

— Ничего. Мне нравится твой голос. Можешь щебетать дальше, пташка. Расскажи мне... о чём-нибудь.

— О чём? — тот даже отложил книгу.

— О чём хочешь. У тебя есть друзья, к примеру?

Антэ проследил за его взглядом — и увидел играющих неподалёку детей. Пожал плечами неловко:

— Нет, не думаю. Как я уже говорил, я предпочитаю общество книг человеческому. У меня не было времени заводить какие-либо отношения: я читал.

— Всё время? — он сделал вид, что удивлён, хотя на самом деле это было не так; он уже и так подозревал нечто подобное.

Ещё одно пожатие плеч.

— Не всё, разумеется. Я совершаю необходимые гигиенические процедуры, принимаю пищу, говорю с теми, кто прилетает сюда ради моих советов, отвечаю на возникшие у кого-либо вопросы, навещаю родителей, когда успеваю, они живут тут недалеко. Ещё решаю головоломки, которые мне привозят со всего мира путешественники. Но всё остальное время — да, читаю. Я читал всегда, сколько себя помню. Люди понимают, насколько важна моя миссия, и не проявляют инициативу в сближении со мной.

— И тебе этого хватает? Я имею в виду, ты никогда не хотел, чтобы к тебе относились не как к Хранителю Знаний, ходячей справочной, а как к живому существу? — вот это его действительно не на шутку интересовало.

Антэ выглядел немного удивлённым.

— Не знаю, — ответил он рассеянно. — Я никогда об этом не задумывался, если честно...

— Тоже не было времени, я так понимаю?

— Да... вы правильно понимаете... Мне некогда было думать о своей жизни. Но зато я помогаю своему народу! Я помогаю им делать этот мир лучше.

— Ну да, разумеется, и вы, конечно же, единственные знаете, что будет лучше для этого мира и всех его обитателей. Решили за всех, да? — пират недобро прищурился.

— Мы делаем это разумно... Мы помогаем заблудшим. Обездоленным. Тем, кто волей судьбы не смог выбрать правильный путь. Тем, кто нуждается в нас, даже не подозревая об этом. Мы...

Аргза перестал слушать его уже на второй минуте радостного вещания о том, каким чудесным их раса может сделать мир. Лицо у него, однако, при этом было такое вдохновенное, что прерывать его Аргза не спешил. Он бездумно наблюдал за его сияющими глазами, за мечтательной улыбкой, за ритмичным учащённым дыханием. Потом, усмехнувшись, поддался порыву и накрыл сверху своей ладонью лежащую на ступеньке руку Сильвенио, погладив большим пальцем запястье — перчаток сегодня снова не наблюдалось. Тот резко замолчал и уставился на него с таким смущением, с каким его родной Лиам смотрел на него первые годы после поцелуев на публике, хотя сейчас вокруг не было ни души, даже дети куда-то испарились.

"Ого, — мысленно обрадовался варвар. — Точно, у этого Лиама же, наверное, даже в прикосновениях опыта не было, если вспомнить, каким он ко мне попал недотрогой! Ушёл в свои дурацкие книжки ещё с детства, ха, и решил, что отношения с людьми ему не нужны вовсе. О, моя бедная пташка, за тобой без меня совсем некому присматривать!"

— Я... — Антэ залился краской. — Я попросил бы вас не делать такого... мы ещё не настолько знакомы...

С этим невнятным бормотанием он ненавязчиво убрал руку и положил её себе на колено. Но краска с его бледного лица всё не сходила, а глаза блестели из-под синих ресниц с явным удовольствием. Аргза хмыкнул, якобы смиряясь.

— Сколько тебе лет? — спросил он вдруг.

— По какой системе отсчёта?

Это, надо сказать, вызывало лёгкую ностальгию. Приятно было видеть лишнее подтверждение тому, что в любой Вселенной Сильвенио остаётся всё тем же маленьким дотошным занудой.

— По системе Федерации.

— Двадцать лет и семь месяцев.

Аргза кивнул своим мыслям. Двадцать — столько же, сколько и его Лиаму. Но этот, выросший в тепле и ласке, купающийся ежедневно в лучах славы и почёта, обожаемый своим народом и не знавший долгих лет рабства — этот должен сейчас в свои двадцать выглядеть ещё совсем ребёнком, тогда как он смотрится едва ли на несколько лет младше своего двойника. Выходит, так или иначе у него всё равно не было детства ни в одном из вариантов?

— Стресс, — пояснил Антэ. — Наш народ уже двести лет идёт против своей природы, что и сказывается. Вся эта Война... Мать Эрлана страдала, как и все её дети, и эхо её боли до сих пор отдаётся в наших сердцах. Поэтому мы здесь... быстро растём. Я расту ещё быстрее, учитывая моё предназначение, ничего страшного, — и, заметив насмешливо-подозрительный взгляд пирата, торопливо добавил: — Я не рылся в вашей голове, просто те, кто знает об эрландеранских сроках жизни, почти всегда удивляются, узнав мой возраст.

Потом они поговорили ещё о чём-то. Вернее, говорил в основном Хранитель Знаний, а

Аргза не то чтобы слушал — наслаждался звучанием голоса, жадно впитывая эмоции, на которые его Лиам был обычно так скуп. Правда, по мере этого Антэ удавалось вытаскивать из него всяческие интересующие его подробности относительно его мира, и в таком образом выгоду получали оба. А затем к дому подошла какая-то делегация, и они, не прерывая их разговора, уставились на Хранителя Знаний с вежливым ожиданием, по привычке вслушиваясь в каждое его слово, словно он был каким-то мессией. Аргзе стало неудобно, и он, не попрощавшись, молча ушёл.

А чуть погодя после заката, когда Аргза уже собирался ложиться спать, раз уж заняться тут ночью всё равно было нечем, в дверь его комнаты робко постучали. После разрешения войти в спальню скользнул Антэ, несказанно удививший варвара своим видом собирающегося впервые в жизни нашкодить патологического отличника: блестящие, как и утром, глаза, пылающие розовым румянцем скулы и обкусанные губы, свидетельствующие о нешуточной внутренней борьбе. Это было настолько же забавно, насколько и интригующе. Аргза заинтересованно приподнял бровь.

— Вы... вы не могли бы... — Антэ перевёл дыхание и шагнул ближе. — Нет, я не с того начал, прошу простить мне мою сумбурность. Видите ли, дело в том, что я принял кое-какое решение...

Ох, эти хождения вокруг да около никогда не нравились Аргзе.

— Давай к сути сразу, хорошо?

Тот снова вздохнул.

— Я... сделайте так, как утром? Мне понравилось, и... и я думаю, что ничего плохого от этого не случится...

И неуверенно протянул ему руку. Аргза едва подавил изумлённый хохот: подумать только, этот чудак в самом деле пришёл к нему среди ночи только затем, чтобы трогательно подержаться за лапки! Мда, когда-нибудь эта личность определённо сведёт его с ума.

Он приблизился к нему вплотную и послушно взял за руку. Погладил тыльную сторону ладони пальцем, очертил тонкое запястье, внимательно наблюдая за лицом Антэ. А потом, когда тот более-менее расслабился, поднёс его руку к губам и поцеловал её. Антэ приоткрыл рот, чтобы, кажется, вставить что-нибудь возмущённое о том, что не просил заходить так далеко, но не издал ни звука, только стыдливо опустив глаза, будто совершает какое-то совсем уж неблагоприятное преступление. Надо сказать, это он сделал совершенно зря: если до этого имелся ещё крошечный шанс на то, что Аргза остановится, то теперь мысль о том, как приятно будет лишиться это создание невинности второй раз, выжгла из его разума все остальные желания. Он был Пауком, тем, кто всегда забирал себе всё лучшее, и отказать себе в таком лакомстве было выше его сил.

Он резко привлёк его к себе, алчно вылизывая его всё ещё приоткрытый рот и кусая за язык. Антэ сначала замер было от неожиданности, и Аргза, успевший забраться ладонью под его рубашку, с наслаждением почувствовал, как у того в ужасе заходится взбесившимся кроликом сердечко. Очнувшись, Сильвенио завывался, попытался что-то сказать, но Аргза не давал ему даже воздуха глотнуть, одновременно целуя и прижимая к кровати, куда успел дотащить.

Взрыв острой боли в голове, насквозь просверлившей его виски и затылок, заставил его отпрянуть и прекратить раздевать Антэ. Следующая ментальная игла прошла его мозг и заставила застыть на месте. Подросток — с расширившимися во всю радужку зрачками, с покрасневшими влажными губами, в расстёгнутой рубашке и почти стянутыми брюками,

весь трясущийся — ужом выскользнул из его рук, скатившись на пол. Смотрел он при этом на пирата так, будто тот на его глазах поджёг его дом и убил его родителей.

Вот чёрт.

— Я думал, вы... вы не один из них!.. — обвиняюще бросил Антэ. — Вы ужасны! Как и большинство тех, снаружи! Вы... как я мог вам довериться... Я думал, мы можем стать друзьями!

Аргза паскудно ухмыльнулся.

— Друзьями? Я что, похож на идиота? У меня нет друзей, и я не собираюсь их заводить. Я с самого начала собирался тебя завалить. И ты, дьявол тебя побери, вполне на это напрашивался!

Хранитель Знаний знакомо поджал губы, справляясь с дрожью.

— Встаньте на колени, сэр пират, для оглашения вашего приговора.

— Мм? А тебе не кажется, что ты зар...

Его мозг будто провернули через мясорубку, и в следующее мгновение он обнаружил, что действительно стоит перед этим наглецом на коленях и не может двинуться. Тело ощущалось как абсолютно чужое, и он снова некстати вспомнил способы ведения войны у эрландеранцев. В самом деле, им ведь не нужно было даже оружие, с такими-то возможностями. Антэ заговорил бесстрастно, но слёзы, бегущие по его щекам, всё равно его выдавали:

— Аргза Грэн, статус — нелегальный охотник за сокровищами, космический пират. Несомненно, на вашей совести очень много немыслимых преступлений, я чувствую это очень чётко, но все эти преступления были совершены не здесь, а значит, и судить я за них не имею права. Но я имею право, как официальный Хранитель Знаний Эрланы и представитель Тринадцатого Совета Порядка, судить вас за проступок, совершённый вами здесь, в моём доме. Вы обвиняетесь в нарушении Нового Кодекса по статье о совершении каких-либо насильственных действий против воли пострадавшего и причинении неоговорённого вреда. Вам есть, что сказать в своё оправдание?

Всё это было бы смешно и нелепо, если бы не было так серьёзно.

— Ты действительно на это напрашивался.

Волна невыносимой боли снова прокатилась по его телу. Он прогнулся в спине, борясь с желанием разmozжить себе череп об пол — хотя, может быть, тогда бы боль была чуть меньше. Из рта тонкой струйкой потекла кровь. Он стиснул зубы, чтобы позорно не разораться, и тут же вскинул на Антэ полыхающий бешенством взгляд, показывая, что не сдастся так легко.

— Хочешь, чтобы я раскаялся?! — он расхохотался сквозь зубы, втягивая носом воздух. — О, какой же ты наивный! Я жалею только, что не успел хотя бы..!

Ещё одно невидимое сверло врезалось в его разум, не давая договорить, и он вновь изогнулся, напрягаясь, как перекрученная струна. Сильвению сквозь пульсирующую перед глазами дымку боли казался размытым сине-серебристым миражом.

— Завтра же вы покинете нашу планету. Мы подготовим портал.

Аргза яростно оскалился, кое-как фокусируя на нём взгляд.

— Да запросто! — он снова нервно рассмеялся. — Только сначала — не хочешь ли узнать, почему я захотел поступить именно так, а не завоевать побольше твоего доверия: там, откуда я пришёл, есть другой ты. Мой личный. И — о, я могу рассказать тебе, как приятно будет трахнуть его по возвращению! Он будет ползать передо мной на карачках,

стоит мне только заикнуться. Может быть ты мне не веришь? — он с неадекватной ухмылкой оглядел на его шокированное лицо. — Так взгляни сам! Я же знаю, ты можешь! Давай, взгляни и убедись!

Антэ смотрел на него с крайним недоверием, и по его глазам было видно, что он вновь борется сам с собой. Но Аргза знал как никто другой, что победа любопытства уже предрешена: всё-таки, хоть этот Сильвенио и был чужим, он всегда оставался тем же самым любопытным ребёнком, которого только помани загадкой — и он пойдёт за тобой, как дети бегают за пёстрыми бабочками.

И верно: Антэ, всё ещё сомневаясь, подошёл к нему ближе. Коснулся его висков самыми кончиками пальцев, словно бы в любой момент готовился отдернуть руки, но Аргза уже ощутил, как невесомые нити соединяют его разум через эти пальцы с разумом Хранителя Знаний. Правильно, подумал он со злорадным одобрением. Правильно, пташка, ты должен увидеть всё напрямую.

И он увидел. О, он увидел, и ещё как, судя по сменяющимся гримасам на его хорошеньком юном личике, не закрытом чёлкой и не испорченном рабским клеймом; по гримасам отвращения, брезгливости и неконтролируемого страха. Через минуту тот отшатнулся, разрывая контакт и тяжело дыша. Даже закрыл себе рот ладошкой, будто опасаясь, что его стошнит прямо сейчас — должно быть, для него, почти не знавшего зла в жизни, столько унижительных воспоминаний было чересчур много. Аргза продолжал торжествующе скалиться в ухмылке.

— Красочно, правда? — спросил он. — Итак, теперь ты знаешь, какая участь ожидает тебя по моему возвращению. Не-тебя, вернее, но сути это не меняет. Что ты будешь делать, мальчик?

Антэ поражённо молчал.

— Что ты будешь делать? — повторил Аргза, веселясь и понимая, что сполна отомстил за своё "наказание". — Вот перед тобой выбор: отпустить меня или оставить здесь. Но есть небольшая проблемка: ты теперь знаешь, что, отпустив, обеспечишь себе самому из моего мира такую жизнь, которую ты не пожелал бы и врагу. Оставишь здесь — нарушишь так тщательно охраняемый тобой баланс.

Он говорил уверенно, потому что ни секунды не сомневался, что тот скорее пожертвует собой, чем принципами. По отчаянью, сквозившему в светлых глазах напротив, он видел, какие сомнения раздирают Сильвенио, но видел и то, что Антэ сам знал, на какое решение обречён. Маленький глупый мальчик, не способный отстаивать собственное благополучие, кто о тебе заботится здесь, где нет своего Аргзы Грэна, мешающего тебе загубить свою жизнь?

— Моё решение остаётся неизменным... Как я уже сказал, вы покинете нашу планету завтра же, — и Хранитель Знаний вышел, вырубив его ещё одним ментальным ударом.

Утром, как только Аргза проснулся, его практически под конвоем проводили к уже полностью отремонтированной паучьей голове и даже любезно настроили для него нужные координаты на консоли, чтобы он попал точно в созданный ими за пределами атмосферы планеты временный коридор между реальностями — искусственную чёрную дыру Слаовиша они закрыли ещё в тот же день, когда он попал сюда. Аргза завёл двигатели заранее, чтобы немного прогрелась, и вышел из кабины наружу — осмотреть последний раз на предмет пропущенных этими бесплатными механиками повреждений.

— Подождите!

Он обернулся. Антэ стоял у трапа корабля, сжимая в руках странный продолговатый футляр.

— Что, уже соскучился и передумал меня отпускать?

Антэ покачал головой. Взгляд у него был холодный и хмурый, но уже совершенно спокойный. Аргза подошёл к нему, усмехнувшись.

— Пожалуйста, возьмите это, — он протянул ему футляр. — И заберите с собой. Это... подарок. Не вам. Тому, кто... мучается там, с вами. Тому, кто страдает в вашем мире, на вашем корабле. Подарите ему это, ладно? Это всё, чем я могу помочь ему.

— Себе, — подсказал Аргза и спрятал посылку под шубу. — Всё, чем ты можешь помочь самому себе.

Тот опустил глаза и отошёл на шаг.

— Да, — ответил он просто. — Всё так. Вы и сами ведь всё прекрасно знаете, не так ли? Отдайте это тому, кому предназначено, если вы на самом деле хотя бы на одну десятую часть тот, кем вы мне показались сначала.

— И кем же я тебе показался?

Двигатели призывно гудели, и пират нахмурился, помня, что топливо лучше сейчас не тратить зря. Но он хотел почему-то во что бы то ни стало дождаться ответа прежде, чем покинет этот мир.

И он его дождался.

— Хорошим, но запутавшимся, — неожиданная тихая улыбка на мгновение озарила юное лицо. — Вы показались мне хорошим человеком. И, несмотря ни на что, я всё ещё уверен, что это так и есть... где-то глубоко внутри. Просто вы, может быть, запутались гораздо сильнее, чем вы думаете. Удачи вам, сэр пират.

Улетал Аргза в неясной растерянности.

Воссоединение кабины со всем остальным телом корабля прошло почти гладко, не считая того, что в последний момент сцепление произошло слишком резко, и всё судно ощутимо трянуло. Из кабины повалил дым, и Аргза поспешил выбраться наружу. Его тут же обступили рабочие и механики, столпившиеся поглазеть на возвращение своего капитана.

Синюю макушку, неизбежно возвышающуюся над всеми другими головами, он нашёл сразу же. Владелец упомянутой макушки шагнул к нему, хлопая своими глазами — вернее, одним глазом, потому что второй был, разумеется, привычно закрыт чёлкой. Робкая неуверенная улыбка, обозначавшаяся на его лице, мгновенно напомнила Аргзе о непроходящей фантомной боли в висках.

— Сир, вы...

Кулак Аргзы врезался в его живот почти лениво, в треть силы, но это была треть силы варвара, и Сильвению с судорожным выдохом рухнул на колени, обхватив место удара руками. Копыщающиеся вокруг них рабочие замерли в немом удивлении — обычно хозяин всегда щадил своего помощника, исключая пару нелюбезных случаев. Сильвению глянул на него с сокрушающей обидой, но ничего не сказал и не спросил даже, за что ему

досталось. Просто сидел на полу, держась за живот, и молча ждал, что будет дальше. Тогда пират протянул руку, сжав в кулаке его чёлку, резко вздёрнул его на ноги. Свободную руку он протянул в свою спальню Тёмной техникой, и вернулась она уже с длинными ножницами оттуда.

Один щелчок — и синие пряди чёлки плавно упали на пол. Сильвенио проводил их опустевшим взглядом и больше глаз не поднимал. Никакой улыбки больше не было и в помине, уголки его губ снова опустились, складываясь в привычную маску обречённой покорности.

— Никогда больше не закрывай его, — приказал Аргза, очерчивая большим пальцем своё клеймо вокруг его правого глаза. — Я хочу видеть, кому ты принадлежишь, ясно?

Тот вяло кивнул.

— Да, милорд. Я понял. Могу я идти?

Аргза вздохнул. Смягчившись, он примирительно коснулся клейма губами, потрепав помощника по волосам. Теперь, когда даже малейших сомнений в том, что перед ним именно его Лиам, не осталось, злость, как и фантомные боли, быстро растворилась.

— Не сердись. У меня есть на то причины.

Сильвенио пожал плечами и отстранился, всё ещё глядя на мёртвые синие обрезки на полу.

— Я просто хотел сказать, что... — на этот раз его улыбка вышла кривой и горькой. — Что рад вашему возвращению, сир. Но, честно говоря, больше я вам этого сказать почему-то не хочу... Хотя я по-прежнему рад, что вы живы.

И он сбежал вглубь корабля, провожаемый десятками сочувственных взглядов и одним — задумчивым.

После, уже вечером, Аргза без стука возник в его комнате и прежде, чем тот успел что-либо спросить, быстро вложил ему в руки футляр, при виде которого у Сильвенио неверяще распахнулись глаза.

— Тебе подарок. Не от меня, но это поправимо.

Лиам прижал футляр к груди, как самое дорогое сокровище, не прерывая зрительного контакта.

— Вы были на Эрлане, — его голос заметно дрогнул от волнения. — Этот материал... оттуда, я знаю...

— Я был там, да. Но не на твоей Эрлане. На другой. И этот подарок тебе передал тот кто лучше всех тебя знает, так что давай открывай, мне тоже интересно, что там такое.

— Вы поэтому на меня... злились сегодня? Потому что видели там, на другой Эрлане, что-то такое, что вам не понравилось, а я каким-то образом это вам напомнил?

Ох уж этот невыносимый всезнающий умник. Как он жил раньше без этого зануды?

— Открывай уже.

Сильвенио открыл. В футляре оказался упакован одиночный цветок в узком горшке, с изумрудным стеблем и ярко-оранжевым закрытым бутонем. Сильвенио медленно выдохнул и бережно поставил цветок на стол.

И тогда оранжевый бутон распустился сам собой, а Сильвенио вдруг застыл, как загипнотизированный. Спина у него была очень прямая, и Аргза, подойдя ближе, бездумно провёл по ней ладонями.

— Он... он поёт, сир...

Он повернулся к Аргзе, и тот увидел, как по его лицу текут слёзы. Вот же глупый

маленький птенец.

— Ты же у нас теперь не плачешь, вроде? Парень-кремень, а? — пират сел на кровать и потянул его за руку на себя.

Сам он ничего такого не слышал — цветок, похоже, пел где-то на телепатическом уровне. Но, видимо, пел он о чём-то таком очень хорошем, потому что Сильвению тихо прижимался к нему, сидя на его коленях и обнимая его за шею.

— Это от счастья. Я думаю, в этом случае можно, — Аргза почувствовал его мокрую от слёз улыбку на своей шее, и почему-то от этого ощущения по коже побежали мурашки. — Он... он поёт о доме... О том, что нас всех где-то ждут... о том, что всегда есть тот, кто любит нас... о том, что каждый ребёнок рано или поздно вернётся назад... Хотите, я покажу вам? Дам вам услышать?

Аргза с усмешкой кивнул, и холодные тонкие пальчики тут же приникли к его вискам.

И он услышал.

Цветок действительно пел, хотя Аргза не сказал бы, что это был настоящий человеческий голос. Скорее, это было больше похоже на мелодию, но мелодию не бессловесную. Аргза в самом деле различал слова, причём слова своего родного языка.

"О том, что каждый ребёнок рано или поздно вернётся назад." Аргза закрыл глаза, вслушиваясь. Он вспомнил свою собственную мать: она не особенно о нём заботилась, да это и не было в традиции у варваров; она выгнала его из дома, как только он стал достаточно взрослым, чтобы самостоятельно добывать себе еду; он даже не слишком-то помнил её лицо. Нет, цветок пел не о ней, совсем нет. Он пел, скорее, о некой всеобщей Матери. Той, которая будет ждать своих детей всегда, которая примет их в свои объятия, когда они, дети, уже старые и испорченные её дети, придут к ней после своего долгого-долгого пути, усталые, измождённые...

"Отдохни," — пели звёзды голосом оранжевого цветка, звёзды над Архаглом из его детства.

Я не устал, возражал он и сам себе не верил.

"Ты прощён," — пел далёкий огонёк, мерцающий в бесконечной темноте, и оранжевый цветок качал лепестками в такт.

Я не нуждаюсь в прощении, говорил он и старался не замечать неуместное чувство, коварным теплом пробирающееся под рёбра.

"Тебя ждут дома, несмотря ни на что," — пело небо, синее, как на Старой Земле, невообразимо синее.

У меня его нет, вздыхал он отстранённо и понимал, что это не так.

"Тебя любят, каким бы ты ни был," — пели ему чьи-то удивительно знакомые лучистые глаза цвета того самого неба.

— Спасибо, — произнёс он вслух и не нашёлся, что ещё он может сказать.

— Сир...

Он моргнул, с трудом возвращаясь в реальность. Реальность, к слову, смотрела на него этими самыми небесными глазами — донельзя удивлёнными. Щекам почему-то было теперь так же мокро, как и шее. Неужели маленький плакса ещё и слёзы об него вытер?

— Вы плачете, сир...

Изумление в его голосе было настолько неподдельным, что Аргза недоверчиво моргнул. И правда: влага каким-то образом скопилась и в его собственных глазах. Он бы не назвал это словом "плакать", скорее, глаза его действовали абсолютно независимо от мозга. Но

Сильвенио смотрел на него так, как будто он был каким-нибудь диковинным зверем из сказок — грёбаным единорогом, ага — и Аргза не стал ничего говорить. Такой взгляд, пожалуй, даже стоил того, чтобы позволить своим слёзным железам немного протечь. Песня всё ещё звенела в его голове — и где-то под кожей, в глубине груди.

— Я... вы... честно говоря, я не знал, что вы на это способны, — Лиам светло ему улыбнулся и поцеловал в щёку.

— О? Так мы разобрались с вопросом про бездушного монстра?

Сильвенио потёрся об него носом, как кот, и это было необыкновенно приятно.

— Да, сир. Я думаю, разобрались.

[Запись в бортовом журнале номер L3IUX37500_111::]

"Я посмотрел его разум потом, с его разрешения. И... увидел. Что-то такое страшное, как будто далёкий отзвук надвигающейся беды, шевельнулось тогда во мне, и только теперь, когда я знаю, как это может выглядеть со стороны, я задался вопросом: что, если однажды бездушным монстром стану уже я? А ведь я вполне могу им стать..."

[Запись удалена.]

*"Седые астры пахнут осенью, промокшим пологом льняным.
Седые астры пахнут озимью, прогорклым инеем лесным.
Поблекший холод увяданья, как забеленное стекло,
Напоминает расставанье с тем, что смеялось и цвело..."*

— Сир... Это одеяло нужнее мистеру Ламберту... у него нарушен обмен веществ, и ему сейчас гораздо хуже, чем всем остальным.

— Кто это?

— Ваш главный механик, сир. Вы назначили его после... вы сами знаете, после чего.

— А. Ну да. Точно.

Молчание.

— Так что насчёт одеяла? Мистер Ламберт болен. Ему сейчас нужно быть в тепле больше, чем всем нам.

— Безусловно.

Молчание. Облачка пара, оседающие на стекле.

— Одеяло...

— Твоя дурацкая холодная кровь не даёт тебе согреться, как следует. У тебя иней на ресницах. Тебе не мешает второе одеяло.

— Но мистер Ламберт...

Снова недолгое молчание.

— Лиам, я скорее сдеру одеяла со всех рабочих и отдам их тебе, чем отниму второе у тебя в пользу какого-то механика. Ты мне нужнее. Давай я лучше отдам тебе ещё чьё-нибудь, мне не нравятся твои фиолетовые губы. Синий тебе, конечно, идёт, но признак это нехороший.

— Нет! Не надо ничего ни у кого отнимать больше, пожалуйста! Я в порядке, милорд, честное слово. Двух мне вполне хватает на данный момент.

Тогда Аргза хмыкнул и, подойдя к нему со спины, согнулся, обнял его сзади, обхватывая заодно и своим одеялом тоже таким образом, будто бы укрывая тёплыми шерстяными крыльями, как ребёнка. Сильвенио, пошатнувшийся от частично перенесённой на его плечи тяжести варвара, видел, что и у самого Аргзы губы заметно начали синеть, да и руки у него казались непривычно прохладными даже сквозь собственные два одеяла. Но затылком, прислонённым к груди пирата, он ощущал уверенный жар его сердца, которое продолжало работать обогревателем и сейчас, в окружавшем их ледяном холоде, и невольно он задумался: почему это сердце всегда такое горячее? С характером-то Аргзы, это сердце должно было, по идее, вспыхивать злым обжигающим пламенем только в моменты его сокрушительного гнева или во время сражений, а после — погасать, потому что во всём остальном Аргза был довольно хладнокровен и редко выдавал бушующий внутри огонь. Однако вот же, огонь горел ровно, сердце билось уверенно и горячо, так горячо, словно и не было у пирата никогда ни приступов апатии, ни равнодушной жестокости, ни оседавшего на душе пепла от всей этой жизни. Сильвенио нравилось это сердце, как бы он ни относился к его владельцу, потому что собственное маленькое сердечко всегда казалось слишком

пугливым и слабым.

— Сир... могу я спросить?

— Ммм?

Час и сорок минут назад система отопления начала сдавать позиции. Два с половиной часа назад окончательно заглохли аварийные двигатели. Три часа назад отказала главная панель управления, поражённая сильнейшим магнитным полем, в которое они оказались затянуты. Пять часов назад Сильвению предупредил Аргзу о том, что в эту зону лучше не соваться — и был, естественно, проигнорирован, что сопровождалось раздражёнными заверениями в том, что Аргза тут капитан и прекрасно знает возможности своего корабля.

— Когда вы наконец начнёте слушать мои советы? Вы говорите мне постоянно, что полностью доверяете моим способностям и знаниям, говорите, что считаетесь с моим мнением, но, когда доходит до вопросов, подобных этому, вдруг перечёркиваете всё вышеперечисленное, словно у меня нет ни шанса здраво оценить ситуацию.

И вот они здесь, возле холодной звезды, белого гиганта, неумолимо, хоть и ужасающе медленно, притягивающей их корабль в свои смертельные объятия — но прежде, чем они столкнутся, вся их система жизнеобеспечения отрубится, такой прогноз был достаточно очевиден, хоть и выглядел далеко не оптимистичным. Оставалось только делать пессимистические ставки на то, что откажет первым: отопление или подача кислорода. Хотя отопление пока лидировало в плане скорости отключения: оно не справлялось уже сейчас, и во всех отсеках царил жуткий холод, как будто какое-то языческое божество дохнуло на корабль морозным воздухом суровой зимы Архагла. До температуры абсолютного нуля, царившей в окружавшем их космосе, ещё не дошло, однако перспектива эта уже не вызывала такого содрогания, как час назад. Экипаж собрал со всего корабля одеяла и пледы и постарался набиться в котельные, остывающие чуть менее быстро, чем остальные помещения. А они вдвоём остались, как всегда, в кабине, чтобы в том случае, если вдруг произойдёт непредвиденное чудо и консоль заработает хотя бы на пять минут, не упустить момент и гиперскачком вывести судно из опасной зоны.

Что работало на удивление исправно — так это искусственная гравитация на корабле. Так что, если они всё-таки умрут, то умрут не в невесомости — и то хорошо.

— Хм. Ладно, меня иногда заносит на поворотах, пташка. Это не значит, что я сомневаюсь в тебе. Это значит только, что я не люблю сомневаться в самом себе.

— То есть, вы признаёте, что были не правы?

Аргза с ленцой прикусил его ухо, заставив вздрогнуть всем телом от мимолётного опасения, что ухо от такого укуса и при таком холоде просто отвалится, но потом сразу же примирительно поцеловал в затылок. Интересно, подумалось Сильвению, как же ему не надоедает вечно наклоняться для совершения всех этих незначительных, по сути, жестов... Или они в самом деле имели для него значение?

— Нет. Не признаю. Но, так и быть, признаю, что ты был прав. В какой-то мере.

— В какой-то мере?

Аргза выпрямился, и снова его сердце тёплой пульсацией ощутилось где-то возле самой макушки Сильвению. Они стояли у огромного обзорного окна, глядя на заливающее всё вокруг бело-синее сияние, заслонившее собой всё видимое пространство. Судя по скорости сближения со звездой, им осталось в лучшем случае несколько часов. Сильвению мог бы в одно мгновение вычислить более точное время столкновения вплоть до секунды, как и рассчитать время до полного отключения системы, но он нарочно этого не делал: ему

совершенно не хотелось, честно говоря, знать точную секунду своей смерти.

— Не придирайся к словам, зануда.

— Я не... — он запрокинул голову и хмуро уставился на него снизу вверх, озарённый внезапной догадкой. — Сир, вам что... весело? Вы ведь понимаете, что это не совсем подходящее время для подобного легкомыслия?

— Почему нет? — тот усмехнулся. — Ты что, предлагаешь мне плакать?

— Нет... Вы просто могли бы отнестись к этому немного серьёзней...

— Зачем?

Сильвенио некоторое время изучал его спокойное лицо, потом встряхнул головой и снова стал смотреть прямо перед собой, когда шея затекла.

— Полагаю, затем, что это, возможно, последние часы в вашей жизни. В моей жизни. В жизни всех тех, за кого вы ответственны. Я понимаю, вы, скорее всего, не собираетесь никому молиться и вспоминать свои грехи, это для вас крайне нехарактерно. Но... вы разве не боитесь?

Пират безразлично пожал плечами. Странно, а Сильвенио казалось, что он непременно будет злиться и горячиться из-за такой глупой смерти до самого последнего момента.

— Я ничего уже не боюсь, пташка. Смерть преследовала меня по пятам с тех пор, как я вышел на моём первом судне в открытый космос, и если она меня наконец нагонит — что ж, можно поздравить её с добычей, потому что это была очень долгая и очень увлекательная охота. Что до тебя — да, жаль немного, ты и жизни-то повидать не успел. Но если ты умрёшь, то умрёшь со мной. Ты будешь рядом до самого конца, потому что у тебя нет выбора. И это, знаешь ли, чертовски правильно. Так и должно быть.

— Так должно быть, потому что вы так решили?

— Именно.

Что ж, дальнейший спор в любом случае становился бессмысленным, и Сильвенио не стал продолжать разговор. Корабль обволакивало мягкой тишиной. От холодного белого сияния за окном рябило в глазах, тело ощущалось почти ничего не весящим из-за начинающих терять чувствительность конечностей, по венам, казалось, медленно ползли кусочки льда, и от всего этого Сильвенио погружался в какой-то транс. Веки неудержимо смыкались — организм требовал перейти в "ждущий режим", дабы не тратить зря ресурсы энергии, так быстро исчерпывающиеся без тепла. Сердце варвара размеренно ухало над ним: "туммм, туммм..."

— Не спать, — голос Аргзы прозвучал резковато на фоне всей этой усыпляющей атмосферы. — Не спать, Лиам. Ещё рано засыпать, потому что ты можешь и не проснуться. А я не собираюсь умирать один.

Он с усилием встрепенулся: может быть, со стороны пирата и гуманнее было бы позволить ему не дожидаться мучительного конца от удушья, от столкновения или от взрыва сосудов в температуре абсолютного нуля, но, как бы там ни было, Сильвенио был твёрдо убеждён, что умирать в одиночестве не должен абсолютно никто, и он не мог сейчас оставить Аргзу. К тому же, в самом деле, ещё рано. С ними ещё не покончено, хотя это вопрос времени теперь.

— Да, сир. Простите.

Тот снова наклонился, чтобы опять укусить за ухо — сильнее, чем в предыдущий раз. Это, хоть и было чертовски больно, по крайней мере, сразу же взбодрило.

— Давай я расскажу тебе историю, пташка, чтобы ты не скучал. А если эта история

закончится раньше, чем нужно, я расскажу ещё одну. И ещё. И ты пообещаешь мне, что не уснёшь, пока не дослушаешь их все. Хорошо? Ты ведь так любишь чужие истории. А я могу рассказать тебе то, чего нет даже в твоих глупых книжках.

Он против воли улыбнулся и позволил себе полностью откинуться на тёплую вибрирующую басом грудь пирата, чтобы лучше слышать необходимую ему пульсацию чужого сердца.

— Хорошо. Я буду слушать вас со всем моим вниманием. До самого конца.

— Вот и умница. Итак... с чего же начать... В общем, это всё было хрен знает сколько лет назад. И началась эта история даже не Архагле, как ты мог бы подумать, а в каком-то захолустном баре на захолустной планетке, который мы тогда гордо окрестили временным залом совещаний...

Сильвенио закрыл глаза, но уже не потому, что ему хотелось спать: просто внешние глаза не должны были мешать внутренним — тем, которые он подключил к разуму Аргзы, смотря на обещанную историю через призму его воспоминаний, как документальное кино. Он смотрел, а голос варвара ровно, неторопливо окутывал его с ног до головы, как четвёртым одеялом, и сердце его стучало у эрландеранца над головой: "туммм, туммм, туммм, туммм"...

В зале совещаний, в пустом пыльном баре, который они объявили своим трофеем, собралось тринадцать человек. То есть — он оглядел зал — вообще-то, четырнадцать; но двое — слишком одинаковые, слишком близкие друг другу и слишком далёкие для остальных — негласно считались за одного человека, разделённого надвое. Так что всё правильно: тринадцать.

Он, Аргза Грэн, был как раз тринадцатым, и он был здесь лишним. Они все говорили ему это: кто-то — взглядом, кто-то — показным игнорированием, а острый на язык Стрелок не постеснялся высказать это вслух, бросив ему в лицо небрежное "Ты как сюда попал?".

Аргза не реагировал на выпады и провокации и только усмехался так презрительно, что все направленные на него взгляды — сразу же отводились, игнорирующие — обходили по широкой дуге, проходя на свои места, а Стрелок — тот благоразумно заткнулся вскоре после того, как от одного из его едких комментариев у Аргзы к этой усмешке добавился ещё и нехороший, кровожадный блеск в глазах. Конечно, они считали его всего лишь телохранителем Чёрного Овна, которого тот из родственных соображений всюду за собой таскал. Это Конрад разыскивал каждого из них лично, это Конрад вёл с ними переговоры, это Конраду принадлежал огромный безликий корабль, это Конрад командовал своим собственным флотом, это Конрад был одним из тех, кто официально объявлял Федерации войну, а Аргза, и в самом деле, только тенью следовал за ним с тех пор, как потерял собственное судно и собственную небольшую флотилию в одном из первых больших сражений Войны. Аргзе доводилось слышать самые разные слухи на свой счёт: и что он просто слишком неумелый командир, чтобы быть капитаном судна, и что он как-то раз в неконтролируемом порыве собственноручно поубивал всех своих подчинённых — а те, кого

он не достал, просто сбежали — и даже что он якобы спит со своим кузенном, потому и не спешит восстанавливать утраченное. И всё это было неправдой, разумеется, но никому, откровенно говоря, на самом деле не было дела до истинных его причин. Он казался всем простой пешкой, не имеющей никакого влияния на события, а значит, сочинение нелепых слухов про него среди тех, кто хоть раз слышал его имя и его краткую историю, служило чем-то вроде развлечения среднего качества. Однако, почему-то никому и в голову не приходило предположить что-то правдивое, например, что боевые операции планирует в основном на корабле Конрада именно он. Или что Конрад никогда не питал к нему даже обычной для родственников привязанности и, соответственно, ни за что бы не взял его на корабль, если бы не был уверен, что без него не обойтись. Или что на новый корабль и новую команду нужны были время и ресурсы, которые до окончания Войны можно было обнаружить разве что в тылу, а уж туда он не собирался в ближайшее время точно, потому что ему жизненно необходимо было драться в первых рядах. Пусть даже за плечом брата.

И уж тем более никому не приходил в голову почему-то самый простой вариант из всех возможных, что он всего лишь дожидался своего часа, находясь в тени по собственной воле. Что он не хотел тратить время на возвращение к собственному пути, раз уж мог забрать уже готовое: чужой корабль, чужая команда, чужая слава, чужие банковские счета, чужой золотой запас, чужие знания, чужие умения — в самом деле, перспектива быстро и легко завладеть всем этим в сравнении с перспективой зарабатывать всё самому выглядела настолько же заманчивее, насколько идея пиратства в целом в сравнении с честным законным трудом. У него был один секрет, благодаря которому он планировал окупить вскоре разом все эти насмешки и унижительные домыслы, окупить всё время пребывания в качестве чьей-то пешки.

Итак, это был Аргза Грэн, ещё без паучьего корабля, без когтей с паучьими лесками, без своего паучьего прозвища — но уже со всепоглощающей паучьей жадностью, являвшейся его отличительной чертой.

(Аргза, конечно, не сказал так о себе, но Сильвению сделал этот очевидный вывод сам, мельком отметив ещё, что похвально не вздрогнул при намёке Аргзы на небезызвестный ритуал)

— Ты опоздала, — Чёрный Овен недовольно покосился на рыжую воительницу, прошедшую в бар последней. — Мы ждали тебя сорок пять минут, Красный Скорпион.

Та раздражённо передёрнула плечами, наливая себе виски возле барной стойки, и залпом опрокинула в себя целый стакан.

— Ну уж извините, что пришлось разбираться с двумя кораблями этих ублюдков, которых послали к здешним властям для переговоров!

С Красным Скорпионом они тогда были знакомы чуть дольше, чем с остальными, собравшимися здесь: Аргзе приходилось порой сражаться с ней бок о бок ещё тогда, когда цело было его собственное судно. Но до сих пор эта женщина была всего лишь случайным соратником, она не шла на контакт и то появлялась в самых разных боях, то исчезала так же внезапно, как не знающий покоя рыжий вихрь. То, что даже она решила сейчас наконец пересмотреть свою нелюбовь к заключению всяческих союзов, лишней раз подтверждало всю серьёзность происходящего в мире.

— Они уже послали парламентёров сюда? — Чёрный Овен вздёрнул бровь, и больше

ничем его эмоции по поводу её заявления не были выражены. — Что ж, полагаю, это означает, что у нас остаётся всё меньше и меньше времени. Предлагаю начать наше собрание. Я надеялся, что будут ещё люди из Клана Волка, но мне сообщили, что они попались в засаду ещё на вылете с их базы. Тем лучше: нам не нужны слабаки, а Клан Волка в последнее время основательно сдаёт позиции. Итак... здесь двенадцать капитанов. Мы здесь, чтобы заключить взаимовыгодный союз, и вы все дали мне на это согласие. Не сомневаюсь, что абсолютно каждый из вас предпочитает работать в одиночку, но таковы обстоятельства, что сейчас полезнее наступить на горло своим принципам ради общей победы. Потому предлагаю для начала каждому назваться в следующем порядке: имя или кличка, статус, сколько самостоятельных боевых единиц имеете и, наконец, кратко — какие цели в Войне преследуете. Последнее меня не особенно интересует, откровенно говоря, но среди нас присутствуют те, чьё участие мне кажется весьма подозрительным, и я не хочу рисковать.

— А этот красавчик-дикарь, одетый по последней моде среди парней-обезьян, будет исполнять роль дизайнерского шкафчика? — тут же поинтересовалась Хенна, и тон её неумовимо успел измениться с раздражённого на насмешливый.

Аргза послал ей в ответ широкую ухмылку:

— Милая, — сказал он благодушно, и она громко фыркнула от такого обращения. — Я рад, что с первого взгляда так тебе приглянулся, но, думаю, тебе не стоит уж слишком стараться обратить на себя моё внимание подобным образом. Поверь, этот "шкафчик" запросто может свернуть твою хрупкую шейку в одно мгновение.

— Хм, ты хочешь испытать, насколько она хрупкая, козёл?! — глаза её немедленно загорелись яростью.

Стрелок, скучающе метавший до этого момента дротики в мишень, висевшую на противоположном от него конце зала, вдруг изменил направление одного из них и прицельно метнул дротик в Хенну. Самого движения его никто не заметил, он только чуть повернул запястье, не двинувшись с места, но та отреагировала мгновенно, отразив метивший ей в висок дротик мечом, сверкнувшим в свете тусклых ламп красным лезвием.

— Эй, страстная дамочка, не ори так громко, бесишь. Ты не могла бы продолжить свой флирт с этим элементом декора позже?

Разумеется, она тут же развернулась к нему. Конрад закатил глаза, видимо, предчувствуя скандал.

— Кто тут бесит — так это ты, мистер Розовая Маечка! — лицо её приобрело совершенно хищное выражение. — Повтори-ка, что ты там вякнул из своего уголка!

— Да, — Аргза тоже повернулся к нему, уже совсем не так благодушно. — Будь добр, повтори, что ты там ляпнул про элемент декора.

Конрад уронил лицо в ладонь. "Я окружён идиотами", ясно говорил весь его вид.

— Удачи нашей новой сладкой парочке, — равнодушно добавил Ядовитый Рог из другого угла, полирующей, как всегда, неизменные катаны. — Отрежьте отродью язык, у некоторых рас совместное расчленение парой кого-то третьего считается романтическим брачным ритуалом.

— А ты заткнись! — ощетибилась воительница. — Косишь под самурая — коси молча!

— Какие тут все заботливые, диву даюсь, — Аргза посмотрел на нового шутника. — Может быть, нам с этой чудесной воспитанной леди стоит начать с твоего языка? Или с каких-нибудь других частей твоего тела?

— Что я слышу? — Стрелок неприятно рассмеялся и метнул пару дротиков уже в Крэйена, но и они встретили на своём пути сталь с его стороны. — Ты не только в кои-то веки со мной соглашаешься, но и переключиваешь на других свою работу, Рогатый! А как же наша большая и светлая любовь? Ты же обещал мне, сладенький, что отрежешь мне язык лично, неужели твоя страсть уже погасла?!

Ядовитый Рог напрягся и, оскалившись, медленно встал со стула, держа катаны в боевой позиции, на скулах у него заходили желваки. Хенна пригнулась, как приготовившаяся к прыжку кошка, и крепче сжала меч, Стрелок молниеносно достал из-за голенищ высоких жёлтых сапог по пять метательных ножей в каждую руку. Аргза, не прекращая ухмыляться, взял в руку прислонённую к стене внушительную секиру, которую на тот момент предпочитал любому другому оружию. Атмосфера всё накалялась; девять остальных капитанов молчали, не принимая в разгорающемся споре участия. В баре становилось душно.

— Заткнулись все и сели. Живо, — и, персонально, уже с большей угрозой: — Аргза. Помни своё место.

Голос Чёрного Овна подействовал как ледяной душ, сразу же охладивший пыл любителей подраться, резко снижая общий градус напряжения до приемлемого. Притом говорил он вроде бы очень спокойно, не кричал, не повышал тона, но что-то в его ровном голосе было такое, что заставляло слушаться помимо собственной воли, какие-то такие очень опасные жёсткие нотки, от которых даже у бывалых воинов просыпался почти атрофированный инстинкт самосохранения, подсказывавший, что лучше бы сейчас вести себя тихо и не отвечивать лишней раз, хотя обладатель этого голоса даже не изменился в лице. Спорщики моментально стушевались: Хенна, ещё раз демонстративно-громко фыркнув, вернулась к барной стойке и недопитому виски, Аргза, скрипнув зубами от злости уже на брата, посмеявшегося им командовать, прислонил секиру обратно и вновь скрестил руки на груди, Сайго Крэйен, испепеляя Стрелка взглядом, тоже снова уселся на стул и убрал катаны за спину, последний же участник потасовки, так и не двинувшийся с места, только опять рассмеялся и с независимым видом бросил все десять кинжалов так, что они идеально ровным кругом очертили деревянную мишень на стене.

— Имя, — повторил Конрад чётко и отдельно, всё тем же не предполагающим возражений тоном. — Статус. Количество боевых единиц. Цель. Я жду.

— Кто назначил тебя главным, брутальный мальчик? — снова не удержалась Хенна.

Конрад одарил её таким взглядом, что она сочла за лучшее проворчать что-то себе под нос и замолчать.

— У нас слишком мало времени, чтобы решать вопросы лидерства. Я беру на себя функции главного, поскольку взял себе за труд собрать вас всех вместе. Если кто-то захочет оспорить моё право — прошу в личном порядке. И после того, как мы закончим на сегодня. Хочу напомнить вам, дамы и господа, что мы здесь не в игрушки играть собрались и не детский сад изображать. Я пригласил вас, потому что дальше так продолжаться не может: эта Война и без того слишком затянулась, а мы проигрываем грёбаной Федерации, если вы не заметили. И проигрываем из-за собственного идиотизма, мешающего нам работать сообща. Агенты Федерации же, все до единого, напротив, работают чётко и слаженно, и, во многом, если бы не эта их командная работа, если бы не их отлаженная система — ещё неизвестно, кто терпел бы поражение. Пока что, в общем, это мы. Но всё ещё может измениться. Мы можем всё переиграть даже сейчас, когда всем кажется, что формально

осталось несколько решающих боёв; мы можем переиграть всё даже в том случае, если сольём их все — но этого мне бы не хотелось. Поэтому... я всё ещё жду.

Воцарилась недолгая тишина, сопровождаемая очередными недоверчивыми переглядками, и только теперь, когда все присутствующие более-менее успокоились, появилась возможность по-настоящему рассмотреть друг друга.

(Никто из тех, кого Сильвенио уже видел на собраниях Альянса, практически не изменился, судя по воспоминаниям Аргзы. Разве что Хенна была тогда ещё более порывистая, ещё более вспыльчивая, а остальные, казалось, даже не постарели за эти годы: всё те же вздорные красные вихры, вздымающиеся вверх и одновременно закрывающие всю верхнюю половину лица, всё та же обтягивающая одежда несочетаемых ярких цветов — у Стрелка; всё та же мрачная боевая раскраска на угрюмом лице и фиолетовый рогатый шлем — у Ядовитого Рога, тогда ещё только Сайго Крэйена; всё тот же простой кожаный жилет и спокойная улыбка — у Тихого Льва, уже поглядывающего заинтересованно в сторону Мирты, всё такой же голубокожей и мечтательной; и всё то же равнодушное выражение нежного смазливого личика и всё те же униженные кольцами и браслетами изящные руки — у Водолея. Древний ребёнок Юнба — та, похоже, вообще оставалась константой в любом времени, и, глядя на неё, казалось, что она не только не стареет, но и не имеет даже такой гипотетической возможности. Она всё так же смотрела будто бы на всех и одновременно ни на кого, всё так же не проявляла никакой реакции на всё происходящее и одновременно будто следила за всем сразу. Четверо — на самом деле пятеро — были ему незнакомы, но он узнал их лица по виденным в архивах фотографиям. Похоже, это были те самые Близнецы и те, кого они убили позже).

Немолодой крепкий мужчина с бородой и угольно-чёрной кожей — даже темнее, чем у Аргзы — хмуро взирал на присутствующих с таким видом, будто маялся от нестерпимого желания всех здесь переубивать и пойти домой: очевидно, тот самый Юпитер, про которого ходил слух, что раньше он служил в армии какого-то королевства, прежде чем кровожадная натура взяла верх и увела его к пиратству. И две весьма странные парочки, держащиеся несколько отчуждённо от всех. Первой парой были миловидная девушка с нежно-розовыми локонами до поясницы, украшенными нитями жемчуга, с безмятежной улыбкой и звонким мелодичным смехом — и её спутник, ужасно похожий на примерного домашнего мальчика, неизвестно как оказавшегося среди бандитов: затравленный взгляд, аккуратно уложенные короткие волосы оттенком чуть темнее, чем у девушки, выглаженная рубашка, застёгнутая на все пуговицы, большие влажные глазки робкого ягнёнка — всё это совершенно не подходило его должности одного из генералов. И у девушки, и у спутника поблёскивали одинаковые кольца на безымянных пальцах правых рук — похоже, они собирались пожениться, потому что для уже женатых вели себя слишком скованно по отношению друг к другу.

А второй парой были Близнецы, прекрасные, как ангелы, и опасные, как демоны, и они просто сидели тихо-тихо, лучезарно всем улыбаясь и непрерывно держась за руки, и выглядели они так, словно бы были здесь всего лишь случайными гостями, не имеющими никакого отношения к происходящему. Никто с самого начала не обращал на них внимания, считая кем-то вроде четы сумасшедших феечек, безропотно выполняющих чужие приказания. Никто тогда не был настроен воспринимать их всерьёз: уж слишком блаженными они оба выглядели, да никто и не слышал о них прежде абсолютно ничего.

(- Нам стоило уже в тот момент присмотреться к ним внимательнее, — заметил Аргза, и его глаза потемнели от злости. — Потому что — запомни, Лиам — к психам никогда, никогда нельзя поворачиваться спиной. В один момент псих может держать в руках цветок и безобидно нюхать ромашку, но как только ты повернёшься к нему спиной — он немедленно попытается тебя этой ромашкой задушить. И ещё не факт, что у психа это не получится.)

— Лааадно, — протянул Стрелок таким голосом, будто бы делал всем тут великое одолжение, и капризно подул на чёлку (что, впрочем, эффекта не возымело). — Все называют меня Стрелок, потому что, что логично, я превосходный снайпер. Вольный пират, раньше был наёмником, потом надоело, теперь работаю только на себя. Флота нет, подчинённых нет, имею только один-единственный корабль-истребитель и кучу разных пушек, их не считал. Участвую во всей этой херне для того, чтобы хорошенько повеселиться — и надрать вонючие задницы тех, кто возомнил, будто может диктовать мне законы. Всё.

— Сайго Крайен, — сухо подхватил Ядовитый Рог, всё ещё буравивший Стрелка раздражённым взглядом. — Вольный пират. Раньше тоже был наёмником, довелось работать с этим кретином, — он слегка кивнул на ухмыльнувшегося при этих словах красноволосого. — После этого ушёл в одиночное плавание. Флота нет. Подчинённых нет. Корабль один. Цель: занять свободное время.

После этого знакомство пошло значительно быстрее.

— Юнба Шимеи. Глас народа скайрах-кьяр с правом ношения личного имени. Пять кораблей. Пятьсот человек. Наша цель: восстановить справедливость. Сохранить баланс.

— Меня зовут Рональд Веллистер... Я... ну... теперь я же вроде как пират, да? — его невеста ненавязчиво подтолкнула его локтем в бок. — Ах, да, я теперь точно пират! А вообще-то, я просто... ну... сын рыбака, вот... У меня восемь кораблей, две тысячи человек. Я, вообще-то, не очень-то люблю воевать. Я участвую в Войне ради Айлин... Мы с ней... у нас... миссия...

— Айлин Джей-Сандерс! — бойко перебила жениха девушка. — Лидер оппозиционного движения "Равноправие для всех"! Мы против правительства! Они гарантировали нам демократическую власть, но где же это видано, чтобы демократы насильно навязывали свои законы?! Они не уважают права других рас! Не уважают чужую культуру! Время мирных бесполезных митингов прошло, и поэтому мы с Рональдом здесь! В самой гуще боя, бок о бок с нашими последователями, с теми, кто тоже верит всем сердцем в наши идеалы! Ронни собрал людей из своей родной системы планет, я — из своей, он со своей флотилией специализируется на диверсиях, я со своей — на огневой мощи! Вместе у нас семнадцать кораблей и пять тысяч добровольцев, плюс наши наземные агенты, число которых постоянно растёт! Мы готовы сокрушить лицемерных тиранов из Федерации!

— Девка боевая, — едва слышно отметил Аргза, наклонившись к уху брата. — Но нахрена нам её размазня-женишок?

— Без него она отказывалась приходить, а её хипповская пропаганда слишком сильно влияет на поток текущих на Войну молодых бойцов, чтобы я мог это игнорировать. К тому же, этот сопляк на самом деле довольно толково устраивает диверсии, — так же тихо ответил тот и добавил уже громко: — Дальше.

— Друм Фон Строфф, — осклабился бородатый мужчина. — В более широких кругах известен как Юпитер. Вольный пират. Бывший генерал королевской армии планеты Джин-

Три. Заграхали тупые дипломаты, пошёл искать, где можно по-настоящему развернуться. Участвую в Войне, потому что люблю хорошие масштабные драки и не люблю трусливых крыс из правительства. Два корабля. Десять тысяч человек.

Об этих двух невообразимо гигантских броненосцах Юпитера уже хоть раз, но слышали даже в самых отдалённых галактиках. Неповоротливые и медлительные, как феерических размеров космические танки, эти корабли, однако, невозможно было пробить ни одним оружием, вдобавок их собственная огневая мощь была поистине разрушительна, так что столкнувшись с Друмом в бою рисковали очень и очень немногие.

— Мирта из клана Трёх Зеленохвосток, ммм, лидер оппозиционного движения "Мы тоже люди". Двадцать пять кораблей... ммм... вот... Что там ещё?.. Ах, да. Все наши так просились! Говорили старейшинам: "Давайте будем воевать против Федерации, это так прикольно!" А старейшины что? А ничего. Согласились. Валяйте, говорят, нам и без вас тут ништяково. Мы и пошли. А потом ещё узнали, что эти гады нас даже за людей не считают! То есть, подумали мы, как так — без жабр, получается, ты человек, а с жабрами что? Сразу мутант, что ли? Нет, сказали наши, так не пойдёт. Сказали, что у нас будет собственное движение. Мы же, типа, продвинутые. Сказали: "О, Мирта, давай ты будешь нашим лидером, это так прикольно!" А я что? А ничего. Согласилась. И вот они говорят...

— Никогда бы не подумал, что у амфибий существует понятие "золотая молодёжь", но именно типичного представителя этой самой золотой молодёжи мы сейчас и наблюдаем, — вполголоса проговорил Конрад в ответ на полные сомнений красноречивые взгляды Сайго, Хенны и Аргзы, пока Мирта увлеклась своей болтовнёй. — Прискорбный факт, но все те кто состоит в её организации, сплошь такие же, как она — юнцы, у которых, как там говорят, водоросли на губах не обсохли, и которые пошли в пираты "по приколу". Тем же из их народа, что хоть немного поумнее, и Война, и пиратство, и якобы дискриминация их прав — всё, мягко говоря, фиолетово. Но зато у этих есть оружие, аналогов которого нет у нас, и дерутся они весело, с задором, так что придётся это терпеть.

— Какая общительная, живая барышня, — произнёс тем временем задумчиво разглядывавший разглагольствующую амфибию Трокс, но его никто не услышал.

— Эйритем Мириам Де Швальц Пирметто Тахени, — лениво протянул следующий когда Мирта наконец замолчала. — Тайный претендент на престол королевства Кьелен с одноимённой планеты. В настоящее время — вольный пират. Имею в своём распоряжении сорок кораблей и двадцать три тысячи четыреста семьдесят восемь холопов. Пока вопрос с престолонаследием не разрешится в мою пользу, решил найти себе хобби, дабы скоротать время. Должен заметить, это моё новое хобби оказалось весьма увлекательным занятием, и посему мне бы не хотелось, чтобы какая-то шайка плебеев, именующая себя теперь всеобщим правительством, мешала мне этим заниматься. Также, разумеется, я не могу позволить, чтобы эта пресловутая плебейская шайка каким-либо образом повлияла бы на законы и обычаи моего собственного королевства, ибо в таком случае я могу и не стать однажды королём, как планирую, а это было бы весьма удручающе.

— Хенна, Красный Скорпион, вольный воин, пятьдесят два корабля, подсчётом солдат не занималась, их много, и это меня устраивает. Я на Войне, потому что здесь моё место, и нигде больше. Дальше.

— Трокс моё имя. Меня величают также Тихим Львом. Я вольный воин, как и мадемуазель Хенна. В моём распоряжении имеется сто кораблей с верными мне людьми, но, к моему сожалению, я тоже не вёл подсчёт членам моей славной команды. Моей целью на

данный момент является отстаивать интересы пиратской братии и истинную свободу — свободу быть тем, кем велит мне призвание.

Все молча перевели выжидательный взгляд на Близнецов. Ясно было, что Чёрный Овен собирается высказаться последним, но вопрос был в том, стоит ли ждать ответа от этих ненормальных. Наконец эти двое удивлённо подняли головы, словно бы не понимая, чего от них хотят, а потом улыбнулись ещё солнечнее, ещё блаженнее, чем до этого:

— Лилей и Лилео Лиланда, — представились они абсолютно синхронно. — Вы все тут такие милые люди!

И замолчали. Розоволосые жених с невестой неловко отвели от них глаза, Мирта откровенно пялилась на них с каким-то глупым выражением, Сайго чему-то хмыкнул и потерял к ним интерес, Хенна и Аргза настороженно, напряжённо нахмурились, Фон Строфф презрительно что-то пробормотал себе под нос, Конрад снова прикрыл лицо рукой в жесте полной безнадёжности. Юнба смотрела на них как-то странно, изучающе, и в это мгновение взгляд её равнодушных зелёных глаз приобрёл вдруг какое-то редкое для неё сосредоточенное выражение, будто она знала об этих двоих что-то такое, чего не знал больше никто. Но этого, конечно же, никто не заметил. Остальные и вовсе даже не покосились в сторону двух чудиков.

Были ли они в самом деле настолько невменяемыми или просто играли на публику, водя всех их за нос? Аргза не знал, но какое-то нехорошее предчувствие насчёт этих двоих уже тогда впервые заявило о себе.

— Ладно... Я видел, как эти двое сражаются, и можете поверить мне на слово — этого пока достаточно, чтобы они были здесь. Теперь моя очередь, — сказал Конрад, выпрямляясь на своём стуле. — Итак, к вашим услугам, дамы и господа. Конрад Грэн, Чёрный Овен. Пират. Три сотни кораблей. Сто тридцать тысяч двести шесть... — он бросил быстрый взгляд на Аргзу, чем с новой силой взбесил последнего. — Нет, сто тридцать тысяч двести семь подчинённых, около четырёх сотен на каждом судне. Сейчас, правда, флот по моему приказу разбросан по разным ближайшим галактикам, чтобы не терять время в борьбе с Федерацией. Цель в Войне: победить любой ценой. Вопросы?

(- Но у вас... только один корабль, сир? — Сильвению непонимающе открыл глаза и запрокинул голову, чтобы посмотреть на Аргзу. — Я служу вам чуть больше десяти лет, но совершенно уверен, что никогда не видел, чтобы под вашим непосредственным командованием находилось ещё какое-то судно. Бывает, вы находите себе союзников, или заставляете более слабых капитанов оказывать вам содействие, но это же не *ваши* корабли, если, конечно, не считать одиночные истребители, стоящие в нашем ангаре для воздушных боёв. Однако... как так получилось, если вы действительно забрали позже всё имущество своего двоюродного брата?

Потом он вдруг догадался. А Аргза не отвечал, предоставляя ему высказать свои предположения.

— Вы сознательно распустили флотилию, не так ли? Вы не доверяли тем, кого не могли контролировать лично. Вы не могли знать, что делают ваши подчинённые на этих оставшихся двухстах девяноста девяти кораблях, потому что связь есть не всегда, и связь даёт не всё, и вы не могли неустанно следить за ними. Поэтому вы решили отказаться от такой мощи взамен на сохранение своих нервов относительно целыми... Верно?

Аргза просто кивнул. Ему было, похоже, самому не слишком приятно это признавать.)

Вопросов ни у кого не возникло, все молчали. Стрелок не преминул уважительно присвистнуть. Даже неугомонная, вздорная Хенна смотрела на него поражённо, чуть прищурившись, будто бы только в этот момент увидела в нём по-настоящему опасного противника. Почему-то этот её взгляд, доставшийся не ему, а его невыносимому братцу, разозлил Аргзу даже больше, чем это пафосное представление Конрада, и вот тогда, в эту минуту, он как никогда остро ощутил это настойчивое чувство, что он должен непременно забрать у братца всё, что тот имеет, и как можно скорее. Потому что терпеть дальше это было просто невозможно. Но ничего, сказал он себе. Ему нужно только выждать удобный момент, вот и всё.

(Пользуясь случаем, Сильвенио наконец-то разглядел Чёрного Овна как следует, и, признаться честно, увидеть его вживую через чужие воспоминания ему было даже интереснее, чем смотреть на всех остальных генералов вместе взятых. У Сильвенио не было по отношению к нему какого-то страха сейчас, и осталось одно только любопытство — потому что этот человек определённо не был тем несчастным, страдающим от своей нежизни-не-смерти существом, которое мучило его не столь давно.

Конрад был совершенно не таким, каким довелось его узнать Сильвенио. Не было белых глаз, не было этого страшного выражения бесконечного и безнадёжного поиска. Теперь — тогда — он выглядел, как типичный варвар: та же смуглая кожа, те же тёмные глаза и та же грива длинных густых волос, та же косая сажень в плечах. Черты лица его были чуть грубее, чем у Аргзы, жёстче будто, глаза были посажены глубже, нос был загнут книзу сильнее, что придавало ему схожесть с коршуном, и он был немного выше ростом — где-то сантиметров на пятнадцать. Что касается всего остального — братья различались вроде бы в мелочах, но так разительно, словно пришли из разных миров. Аргза ходил в немного нелепой шубе из перьев и кожаных штанах с широким ремнём, Конрад — в сшитой на заказ дорогой чёрной рубашке и строгих светлых брюках. Аргза небрежно забирал волосы в высокий конский хвост, Конрад — педантично заплетал в толстую косу, почему-то совершенно не выглядевшую у него смешной. Аргза носил тяжёлые золотые серьги по обычаю своей планеты и многочисленные кольца-перстни по обычаю пиратов, Конрад — обходился серебряным медальоном с выгравированной на нём чьей-то зубастой мордой. Аргза выглядел едва вылезшим из леса дикарём, Конрад — светским львом, вернувшимся с какого-нибудь торжественного приёма. Аргза, наконец, имел почти всегда какое-то такое выражение лица, будто он в любой момент готов вцепиться собеседнику в горло, если он скажет что-то не так, Конрад же — словно бы и не замечал вокруг себя никого, кто не мог быть ему хоть как-то полезен, а с полезными он умел договариваться.

Вот почему, подумалось Сильвенио, теперь у Аргзы периодически наблюдается такой диссонанс: ни дикость его, ни злость никуда не делись, но после ритуала забирания жизни ему пришлось уживаться и с поглощённой им спокойной и холодной личностью брата, которая, разумеется, уже по самой своей природе вступала в конфликт с его собственной личностью, заставляя его метаться из крайности в крайность. Вот откуда взялись все эти его вечные внезапные перемены настроения и вспышки гнева после добродушных улыбок, как бывало не раз.)

— Альянс, — Конрад с превосходством усмехнулся, когда никто так ничего и не

спросил. — Мы создадим Альянс пиратов. Возражений, надеюсь, не предвидится, так что...

— Оооо, у меня супер-идея! — снова оживилась замолкшая было Мирта. — Это, типа, будет нечто, да! А давайте, давайте назовёмся в честь знаков, типа, Зодиака? Ну, знаете, типа, такие созвездия ключевые со Старой Земли, я о них сказки слышала! Смотрите: у нас уже есть Лев, — Троксу достался кокетливый, явно заинтересованный взгляд. — Овен, Скорпион, Стрелец, есть даже прикольные Близняшки, я могу быть Рыбкой, надо только разобрать, мм, остальные. Давайте, а?

Аргза поморщился, но Конрад, к его неудовольствию, не повёл и бровью.

— Я склонен поддержать эту прогрессивную барышню в затее её, — заявил Трокс, и получил в награду ещё один кокетливый взгляд, уже более долгий и внимательный. — Звёзды свободы объединили нас, и будет весьма символично, если мы отдадим этим звёздам дань уважения. Люди склонны доверять громким прозвищам.

Аргза фыркнул, Хенна посмотрела на него с вызовом, словно бы напоминая, что уж ему-то точно не светит ни громкое прозвище, ни звание члена Альянса. Он в ответ показал ей средний палец и ухмыльнулся.

"Нахуй", — послал он её беззвучно, одними губами.

Янтарные глаза её вспыхнули азартом ещё ярче.

"Приглашаешь?" — отозвалась она так же беззвучно, явно веселясь.

Он оглядел её с преувеличенной задумчивостью, нарочито медленно, и хмыкнул.

"Да", — заключил он.

Хенна расхохоталась и покачала головой, возвращаясь к обсуждению и не отвечая.

— Мне тоже нравится эта идея! — Айлин хлопнула в ладоши и растолкала Рональда, который, очнувшись, тоже уныло закивал. — Зодиак знают очень многие, и это покажет наше уважение к традициям прошлого! И мистер Трокс прав: люди любят громкие прозвища и разные символы!

— Решайте сами, — вынес вердикт Чёрный Овен. — Мне плевать. От вас требуется хорошо драться и работать сообща, чтобы не позорить Альянс. Как вы будете зваться — это ваше дело. И, Стрелок, не думай, что можешь бросить нож мне между лопаток и этим решить все свои проблемы с нежеланием подчиняться. Я сказал — вопросы лидерства можем обсудить лично.

— Пижон, — процедил Аргза ещё более недовольно.

Конрад сидел к Стрелку в пол-оборота, даже не глядя на него, а Стрелок не совершил вроде бы ни одного подозрительного движения, не шевельнулся почти, да и по глазам его вряд ли можно было что-либо сказать, потому что этих глаз никто и никогда не видел — и всё равно Конрад каким-то неведомым образом угадал его намерение, потому что тот не стал язвить и отпираться, а только любопытствовал:

— Почему именно между лопаток? Может, я собирался выколоть тебе глаз?

— Ты бы не стал метить мне в глаз, потому что знаешь, что я бы заметил движение, и тогда тебе бы сильно не поздоровилось после, даже если бы в каком-нибудь невероятном случае это завершилось успехом, поэтому ты не стал бы так рисковать.

— Пижон, — повторил Стрелок мысль Аргзы, только громче.

Первый день собрания Альянса пиратов можно было считать вполне успешным.

Сильвенио вновь открыл глаза, когда Аргза прервался, обдумывая, какой эпизод своей истории рассказать дальше. Иней теперь оседал и на ресницах варвара, руки его застыли всё стремительнее, но возле сердца тепло всё ещё сохранялось — значит, пока можно не волноваться. У Сильвенио, правда, было фактически три одеяла, и ещё он пригрелся у груди варвара, а у Аргзы одеяло было только одно, да и тем он делился с замёрзшим и не дающим никакого тепла помощником, но его горячая кровь, его мощное сердце не позволяли холоду вгрызаться в тело пирата так же легко, как в тщедушное тело эрландеранца. И сонливость одолевала первого в результате явно меньше.

— Я так понял, — нарушил Сильвенио недолгую тишину. — Что остальные члены Альянса впоследствии всё-таки выбрали себе знак Зодиака согласно своим предпочтениям. Я могу понять, на чём основывался выбор сэра Сайго и сэра Эйритема — на стиле боя и некоторых особенностях родины каждого. Могу понять, почему леди Айлин стала позже Жемчужной Девой. Леди Юнбе, наверное, прозвище дали остальные генералы. Сэру Рональду, скорее всего, уже не из чего было выбирать, и он согласился взять не особенно грозное и невыразительное прозвище "Рак". Но... почему сэр Друм так и остался Юпитером?

Аргза издал довольный смешок, как будто в последнем была его заслуга.

— О, тебе это точно понравится, не сомневаюсь. Я спросил его о том же на втором собрании Альянса, когда все остальные сомневавшиеся объявили свои клички. И знаешь, что он ответил? Он сказал, что выбрал себе знак Тельца, и объяснил это какой-то древней байкой про Зевса, превратившегося однажды в быка. Как он там ещё добавил? А, да: "Что позволено Юпитеру, то не позволено быку". Я поржал от души, а у Конрада было такое лицо, будто он в который раз искренне пожалел, что вообще решился собрать вокруг себя этот балаган. Это правда было ужасно смешно: тоже мне, возомнил себя богом.

Сильвенио кивнул, принимая к сведению. Они помолчали ещё какое-то время, пока Сильвенио вновь не нарушил молчание первым:

— Эта звезда перед нами... а ведь она умирает... Я слышу её голос, и это так удивительно — и в то же время так печально. Она... плачет. И звуки такие... странные. Как будто стая китов или дельфинов затонула где-то в её глубине.

— Хм, дело совсем плохо, как я погляжу. У тебя от холода бред не начался? Нет? Ну ладно, ладно, не смотри на меня так укоризненно в отражение на стекле — претендуешь, что слышишь голос скопления неодушевлённого газа — пожалуйста, я не против.

— Этот белый гигант не совсем...

— Да и вообще, долго эта грёбаная звезда подыхать собралась?

Усталый вздох.

— Думаю, это займёт по меньшей мере столетие, сир.

— А быстрее она подыхать не может, случайно? Было бы крайне любезно с её стороны поторопиться и подарить этим жизнь нам. Людям жизнь, в конце концов, нужнее.

Проворчав это, Аргза снова умолк, а Сильвенио подумал, что и впредь не стоит делиться с ним дальнейшими мыслями о красоте каждого явления — даже умирающей холодной звезды — во Вселенной. Вряд ли Аргза когда-нибудь сможет оценить то же, что

ценит он, но почему-то в данный момент это знание печалило Сильвенио не слишком сильно. Да и потом, вряд ли у них вообще будет это "когда-нибудь".

Закрыв глаза, он попытался представить себе, что могло бы впечатлить Аргзу настолько, что он бы не нашёл этому "чему-то" практического применения и всё равно не решался бы забыть. Правда, представить это почему-то всё равно не получалось, хотя он перебирал мысленно все известные ему произведения искусства, слухи о диковинных чудесах природы, книги о философии, развлекательные игры...

— Эй, — пират слегка его встряхнул. — Ты обещал не засыпать, пока я не закончу рассказывать, а моя история дошла ещё разве только до середины. Мне снова тебя укусить? Знаешь, я бы не хотел делать этого сейчас: твоё ухо совсем синее и наводит на мысли о замороженных полуфабрикатах.

— Нет, не надо меня кусать... простите, сир, я не сплю, я просто задумался. Я всё ещё внимательно вас слушаю.

— Отлично, — голос варвара вновь стал ровным и обволакивающим. — Отлично, тогда слушай дальше. Я пропущу, пожалуй, описание последних сражений Войны, потому что, во-первых, ничем особенным эти сражения не выделялись из общей массы предшествовавших им ещё сотен таких же битв, разве что тогда, благодаря сформированию Альянса, мы действовали более слаженно и работали, как и хотел Конрад, сообща — а во-вторых, ты же у меня не слишком-то любишь слушать про драки. Не сомневаюсь, что тебе известны как итоги Войны, так и точное число погибших или без вести пропавших с той и с другой стороны. Но вот что важно: Федерация официально раструбила повсюду о своей победе, и тогда же назначила Дни Мира. И мы, конечно же, завалились в тот же бар — праздновать, так сказать менее официальную "ничью"...

Они завалились всей компанией (почти всей, надо сказать) в тот же бар, но на этот раз местных прогнать не стали: чем больше там было народа, тем веселее. Местные попались хорошие, правильные — сразу, как пираты вошли, они подняли свои кружки и нестройным пьяным хором прокричали что-то вроде "Ура освободителям! Долой власть тирании!"

Тиранией считалась, разумеется, треклятая Федерация, которая когда-то давно обещала этим выпивохам и бандитам "лучшую жизнь" — порыв этот, естественно, не оценили.

— Хитрожопые жуки! — возмущённо проорала Хенна, забравшаяся на барную стойку, перекрывая общий шум и гвалт. — Все они — просто хитрожопые жуки! Мы почти победили! Мы и победили бы, если бы эти упыри сражались честно! Мы разбили по меньшей мере половину их флота!

— Я отдал за победу один из своих великолепных броненосцев!!! — согласно взревел Друм Фон Строфф, становясь больше похожим на разъярённого медведя, чем на быка.

— Я снял их лидера!!! Снял!!! — вторил обиженным воем Стрелок. — Я застрелил его, клянусь, я застрелил этого мудака с расстояния в три тысячи футов! Я клянусь своей лучшей винтовкой, что пуля прошла его ебучую башку насквозь, разорвав её пополам!!!

— Мой броненосец!!! Пять тысяч людей!!!

Зал загудел ещё громче, подхватывая общий ропот на нехорошую Федерацию. Какая-то пьяная в стельку девица с грудью шестого размера и некрасивым лошадиным лицом начала было недвусмысленно вешаться на шею робко потягивающему свой апельсиновый сок с водкой Рональду, который впервые отважился пойти куда-то с остальными членами Альянса без напрочь отказавшейся от попойки Айлин, но, добившись только того, что бедняга лишь виновато похлопал своими влажными глазками и показал обручальное кольцо, девица пошла самоотверженно утешать опрокидывавшего в себя уже третью кружку тёмного пива Фон Строффа. В баре было тесно, душно и шумно, воздух был наполнен алкогольными парами, запахом дешёвой местной похлёбки и набившихся в бар потных грязных людей. Конрад, спокойный, как скала, выбрал себе столик подальше и молча потягивал там свой виски, Аргза уселся за соседним столом и уцепил на колени к себе из толпы хорошенькую официантку, согласившуюся поить его каким-то ядрёным коктейлем прямо из огромного кувшина — он тоже не видел причин для уныния, напротив, настроение его было более чем отличным. С ними не было Трокса с Миртой, у которых в тот день состоялось первое свидание, Айлин, Юнбы и Эйритема, попросту не понимавших прелести подобных гулянок.

— Да уж, — Ядовитый Рог мрачно облокотился на стойку рядом с носками сапог продолжавшей возмущаться Хенны. — Наш план на удивление сработал, несмотря на то, что Близнецы чуть было не пропустили главную атаку, заигравшись "в ладушки", как они это объяснили, и несмотря даже на то, что ты постоянно грызлась с телохранителем Чёрного Овна и чуть не сорвала как свою часть операции, так и часть операции нашего лидера, которому пришлось вас двоих успокаивать.

— Что?! — Красный Скорпион немедленно предприняла попытку его пнуть, но он лениво уклонился, вследствие чего уже заблаговременно принявшая на грудь Хенна едва не наворачнулась. — И это говоришь мне ты, развернувший воздушный бой со Стрелком посреди масштабного сражения с вражеской армадой и забивший нам всю частоту своим взаимным с ним обменом оскорблениями?!

— Поправочка, детка, эфир вам забил я, а этот тупой Рогатый только кое-как огрызался и повторял однообразные угрозы свернуть мне шею и вырезать мой грязный язык. У тебя ведь просто фетиш на мой язычок, признайся, сладкий? — упомянутый Стрелок прервал свои завывания и вернулся к более привычному амплуа.

— Да какая разница, у кого из вас двоих тут чёртов фетиш на другом — оба хороши, вашу мать, и не смейте рты свои разевать на меня, если сами напортачили!

— О, ну что ты, детка, на тебя рот разевать может только твой пернатый бой-френд, я ни в коем случае на это право не претендую — боюсь, ты слишком дорогая цыпочка, чтобы я мог тебя себе позволить, в отличие от того же любителя пёрышек.

— Ещё раз назовёшь меня деткой или цыпочкой..!

— Ещё раз назовёшь меня пернатым, — угрожающе перебил Аргза, вставая со своего места и стряхивая с колен официантку. — И я отрежу тебе что-нибудь похуже языка.

— Ещё раз меня перебьёшь, — Хенна резко развернулась к нему. — Кастрирую нахер!

— Значит, деткой мне тебя называть можно? Или лучше всё-таки горячей цыпочкой? — всё не унимался Стрелок.

— Тебе лучше заткнуться! — Сайго сомкнул пальцы обеих рук на рукояти катан за своей спиной. — Достали твои визги поросычи!

— Мой броненосец!!! — очень вовремя вклинился в нарастающий спор яростный рёв Юпитера. — Пять тысяч человек!!!

- Кажется, Айлин была права насчёт вреда алкоголя... — слабым голосом напомнил о себе Рак, почти не слышимый в этом гуле. — Меня сейчас стошнит...
- А ведь он прав, Хенна, он не может себе позволить настолько претенциозную шлюху.
- Ты вообще предмет мебели здесь!!! Мебель не разговаривает!!! Или ты хочешь, мистер Неандерталец, чтобы я собственноручно сделала из тебя уже не шкаф, а молчаливый кожаный диван, набитый потрохами?!
- Фу, дамочка, ты совершенно лишена вкуса, если хочешь сделать диван из этого убожества.
- Так, я смотрю, голова тут кое у кого явно лишняя. Даже много у кого, я бы сказал.
- В очередь, ёбаный телохранитель, я порешу этого выродка первым.
- Ооооо, мой милый самурайчик, я знал, что ты непременно меня защитишь от всяких нехороших людей! Иди ко мне, я даже, возможно, позволю тебе облобызать мои ступни в награду за старания! А вот хлебрезки свои засунь обратно, не впечатляют уже.
- Мой корабль! Мой гигант!
- Заткнись, старый алкоголик!!! Хватит причитать!
- Ой, как-то всё кружится так... М-м-мне нехор-рошоооо... Кто-нибуудь...
- И ты заткнись тоже, соплежуй, иди поплачь своей будущей жёнущке в подол!
- Эй, дамочка, мне даже немного неловко спрашивать, но у тебя, кажется, критические дни — процент твоего ора сегодня гораздо выше обычного. Может, сходишь отлежишься лучше? Смирись: сегодня тебе клиента не подцепить.
- Ну всё, Розовая Маечка, ты нарвался!!!

(- Неужели так было всегда? Значит, Альянс разваливался на части с самого начала, и то, что произошло потом, на самом деле было всего лишь последней искрой, которая подожгла пороховую бочку?)

Аргза коротко хохотнул. Сильвению не видел его глаз, но по голосу чувствовал, что варвару вполне приятно было находиться во власти захвативших его воспоминаний. Сильвению никогда бы не подумал, что однажды услышит в этом голосе что-то, настолько напоминающее ностальгию.

— В некоторых вопросах ты всё-таки ещё очень глупый, Лиам. Нет, то, что я тебе кратко описал — признаться, это были не самые плохие времена в нашей жизни. Каждый из нас, даже сопляк Рональд, по-настоящему этим наслаждался, хотя, конечно, со стороны было похоже, будто все генералы друг друга ненавидят больше, чем всю Федерацию вместе взятую. Но это было не так, можешь мне поверить. Не знаю, что это вообще было такое странное, но нам на самом деле было чертовски весело — все эти совместные пьянки, в течение которых люди говорят друг другу гадости в лицо и при этом на утро просыпаются вполне себе живыми, словесные пикировки, постоянные мелкие стычки, всё это понимание едва ли не с полуслова и полувзгляда, это уникальное умение слышать только голоса нужных тебе людей в толпе, даже если они говорят не с тобой и не про тебя — честно говоря, мне порой этого не хватает. Нормальные люди ходят к своим друзьям в гости, беспокоятся об их благополучии, дарят им дешёвые открытки на праздники; всё это скучно и никогда не подойдёт ни одному пирату. А мы поливали друг друга словесной грязью, периодически пытались убить то одного из нас, то другого, закатывали разрушительные в большинстве своём драки, орали, срывая глотки, вместе выпивали и вместе уничтожали врагов — и чувствовали себя как одна большая долбанутая семейка психов. Не то, что теперь, когда

никому из нас нет больше дела до другого, когда каждый ведёт не общую, а свою собственную игру. Однако за всем этим... мы тогда не замечали главного. Мы не замечали, что вся наша грёбаная семейка успела за время, прошедшее с её создания, насквозь провонять гнилью.)

Конрад, всё с тем же каменным лицом попивавший свой виски, неторопливо поднялся и поставил стакан на стол, едва его не разбив при этом.

— Умолкните, господа. У меня тост.

В баре сразу же повисла тишина: замолкли не только с интересом развернувшиеся в его сторону пираты, но и остальные посетители. Чёрный Овен царственно почти взял с подноса у проходившей мимо официантки (той самой, забытой Аргзой) новый стакан и поднял его перед собой.

— Всё это, — начал он самодовольно. — Мелочи. Один броненосец и множество более мелких кораблей, потерянных с нашей стороны, ваша грызня между собой, неоправданные надежды на идеально, между прочим, выполненный план — всё это мелочи. Пусть Федерация верещит на всех углах о своей победе! Я, Конрад Грэн, Чёрный Овен, главнокомандующий Альянса, говорю вам, отбросы: победили пираты! Против чего мы боролись? Против последней подписи последнего правителя, которого Федерация пригласила в свои ряды? Против канцелярской бумажки, подтверждающей Федерацию единым для поглощённых ей государств источником закона? Нет! — он усмехнулся и отпил пару глотков из стакана. — Нет, дамы и господа, мы боролись против самой системы. И мы выиграли эту Войну. Мы показали этим крысам свою силу. Водолей и Трокс отбили у Федерации Кьелен, и огромное королевство, занимающее целую планетарную систему, теперь признано свободной территорией. Благодаря Мирте нам удалось отстоять королевства амфибий на Посейдоне Два, Шесть, Девять и Одиннадцать. Приятно, кстати, что амфибии, в отличие от кьелениан, не сопротивлялись освобождению. Рак со своими диверсантами хорошенько поубавил численность наземных войск на уже завоёванных врагом планетах. Мне с Близнецами и Юпитером фактически не составило труда разрушить усиленно охраняемую Цитадель, сердце Федерации. А четверым из Альянса удалось проникнуть в их мозговой центр на заседание правительства, чего не удавалось, насколько я знаю, ещё никому — эта крепость всегда считалась неприступной. Красный Скорпион положила там по меньшей мере половину оборонительной армии. Дева устроила махровый переполох среди воздушной защиты крепости. Ядовитый Рог перерезал две трети от общего числа тех, кто находился внутри самой базы. А Стрелок умудрился всадить пулю в их лидера, как раз разевавшего рот с какой-то дрянной пропагандисткой речью, с расстояния в три тысячи футов без какого-либо дополнительного снаряжения и, к тому же, уйти совершенно невредимым после. Могу поспорить, что эти крысы порядком стухнули и поналожили в штаны ещё с самого начала, как только узнали, с кем им предстоит сражаться! Так что, я думаю, каждый из нас в итоге достиг своей цели. И это ещё только самая известная часть наших достижений! И то, что в итоге Джин-Три, последнее крупное королевство, сомневавшееся дольше остальных, всё-таки перешло на их сторону — не наш промах. Никто из нас не виноват в том, что не предусмотрел этого, потому что на такой ход со стороны Федерации мы не рассчитывали: согласно плану, мы оккупировали Джин-Три, не давали прорваться туда ни одному неизвестному кораблю, даже торговому, перехватили все частоты эфира, чтобы с тамошним корольком не могли связаться извне, обезвредили армию,

договорившись с командованием. И, чёрт, кто мог подумать, что, как оказалось, вражеские шпионы обосновались там, как и во всех захваченных ими государствах, ещё до начала Войны! Они все практически одновременно связались напрямую с правителями тех планет, которые согласились с требованиями пиратов и оппозиции, пользуясь тем, что никто из нас не мог находиться там неотлучно, и переубедили тех так быстро, что подписи на союзническом акте с Федерацией разлетелись по галактикам, как чума. Уж не знаю, что это было — их план, продуманный на десятилетия вперёд, или они использовали какой-нибудь более изощрённый шантаж, а может, они пообещали этим предателям что-то, нашей братии недоступное — плевать. Потом ещё этот их некрасивый побег из почти захваченной нами главной крепости при помощи внезапного появления телепортёров с Рьюги... Но, повторяю: всё это отнюдь не наша вина. Более того. Я скажу вам: война ещё не окончена! Да, именно! Просто наша война перешла на новый этап. Тем лучше: если всё время действовать грубой силой в таких масштабах, рано или поздно любой выдохнется. А сейчас мы будем умнее. Теперь, когда система упорядочила сама себя, нам будет проще её контролировать. И теперь — теперь мы будем уничтожать её изнутри. Мы захватим торговые пути и сети подпольного бизнеса. Мы будем уничтожать их базы одну за другой. Мы удавим правительство его же коррупцией. Мы будем разрушать всё, к чему они приложат руку. Мы будем побеждать их — раз за разом всё сокрушительнее! Верно я говорю, братья и сёстры?

С этими словами он залпом опустошил стакан, и наполнявшая бар разномастая пьяная толпа, в течение всего затянувшегося тоста молчавшая, как замороженная, под конец взорвалась оглушительным воинственным рёвом и одобрительными криками. Всё тут же снова пришло в движение: кто-то засвистел, кто-то заулюлюкал, грянули с разных концов душевного зала немелодичные, но, несомненно, вдохновляющие на будущие победы пьяные песни. Под потолок полетели шляпы, ботинки и почему-то стулья; Стрелок и Сайго предсказуемо сцепились в яростной драке, опрокидывая мебель и попавших под руку окружающих. Рональд свалился спать прямо под барной стойкой, громко зовя сквозь сон Айлин и невнятно жалуясь ей на что-то. Смазливая официантка досталась в итоге уже Конраду, как и кувшин с тем самым ядрёным пойлом. Друм Фон Строфф, даже в момент речи Чёрного Овна продолжавший оперативно заливать в себя бессчётное количество алкоголя, немного поутих и теперь сосредоточенно лапал приставшую к нему в начале вечера девицу с лошадиным лицом и внушительными формами; нос у него был красный и распухший, что свидетельствовало о том, что пьянствует он уже вполне профессионально и не впервой.

А Близнецы, которые, вообще-то, пришли вместе со всеми, от начала и до конца пьянки сидели тихо-тихо, никого не трогали, всем улыбались и играли между собой в "ладушки", как дети, зачем-то приведённые на взрослую вечеринку, и никто не обращал на них внимания. Никто.

Аргза вышел на улицу — глотнуть свежего воздуха и заодно ещё раз посмотреть на своё новое приобретение. Приобретение это было одной из причин его отменного настроения последние несколько дней: оно досталось ему совершенно случайно, от одного ушлого торговца краденым оружием, который дал ему это взамен на сохранение имени торговца в секрете от Конрада — если бы тот узнал, то заставил бы ловкого воришку поставлять оружие Альянсу, потому что в дни Войны вольным аферистам так или иначе жилось несладко. Жаль, правда, он так и не проверил, удалось ли потом упомянутому вольному аферисту сбежать: через несколько часов после того, как он заключил эту сделку и свалил с того

чёрного рынка, в планету, где рынок находился, врезался на полном ходу потерявший управление корабль Юпитера. В общем, нетрудно угадать, что случилось в результате столкновения: знаменитый броненосец был непомерно гигантским и обладал полными баками горючего топлива, а планетка была маленькая и больше напоминала астероид, так что от неё остался только обгорелый остов и тучи каменных обломков, дрейфующих теперь в космосе. Так и гибли в Войне целые народы.

Аргза прислонился к наружной стене бара спиной и активировал своё новое оружие, согнув руки в локтях, чтобы рассмотреть внимательнее. В безразличном желтоватом свете двух лун на его пальцах сверкнули новенькие блестящие когти из чёрного металла. По словам того продавца, когти были выработаны при помощи новейших нано-технологий, поэтому с момента их первого надевания они могли оставаться с их хозяином абсолютно всегда, если он того захочет, и имели функцию "втягивания", делавшись, если необходимо, частью скелета своего носителя. Также он упоминал про яд на концах когтей и смазанные этим же ядом лески внутри. Аргза снова испробовал сейчас и то, и то, сначала несколько раз активировав и дезактивировав когти, а потом пронзив острыми лесками какого-то подходившего к бару справа одиночного пьяницу, уже шатавшегося и бормотавшего себе что-то под нос. Пьяница умер мгновенно, но Аргза ещё некоторое время поиграл с ним, вертя несчастным, как марионеткой на ниточках, и остался вполне доволен результатом.

— Так это ты их спёр, сволочь!!! — обвиняюще раздалось со стороны входа.

Он обернулся. Хенна, насупившись, подошла к нему и хмуро уставилась ему в лицо немного расфокусированным, но всё ещё очень сердитым взглядом, для чего ей пришлось смешно задрать голову вверх. Аргза убрал когти и скептически скрестил руки на груди, приготовившись к очередному обмену любезностями. Всё время, прошедшее с создания Альянса, он и Хенна только и делали, что ругались, стоило им очутиться рядом, почти как Стрелок с Крэйеном, только в их столкновениях было чуточку меньше искренней ненависти. Признаться, Аргзе ругаться с ней было на самом деле безумно весело.

— Что я спёр на этот раз, красотка? Твои кружевные трусики?

— Не прикидывайся большим идиотом, чем ты есть! — она сжала кулаки, с которых успела снять латные перчатки. — Когти! Я говорю о них! Твою мать, Аргза, я искала их по всему рынку контрабанды на той планетке, а когда нашла единственного, кто мог бы их мне продать — как думаешь, что я услышала?! "Извините, мадам, это оружие у меня забрал господин, пожелавший назвать себя Пауком!" Так это ты — Паук?! С чего вдруг, интересно, ты обрёл себе тайное имя? Завидуешь славе братишки? Нелегко быть безымянным предметом мебели, да?

— Ты так часто намекаешь, что я всего лишь мебель, но общаешься со мной чаще, чем с моим братом. В таком случае, у тебя диагноз тяжёлой шизофрении, милашка.

— Не зови меня так!!!

Он коротко хохотнул, любуясь её разгневанным лицом с резкими чертами. Даже нос её был вздёрнут кверху как-то очень воинственно, и его это незначительное обстоятельство приводило почти что в восторг.

— Как мне стоит называть тебя, в таком случае? "Моя достопочтенная госпожа"?

Она насупилась ещё сильнее и тоже скрестила руки на груди, неосознанно повторяя его позу почти зеркально. Её рыжие брови окончательно съехались к переносице.

— А знаешь, было бы неплохо! В конце концов, ты просто тупой телохранитель!

Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Аргза — с интересом, Хенна

— исподлобья, угрюмо, со злым прищуром. Странная она была, эта Хенна: её лицо казалось каким-то неправильным и состоящим сплошь из острых углов, кроме полных чувственных губ, но изгибы её крепкого тела были привлекающе плавными. Из бара позади них доносился непрекращающийся шум вечеринки, на улице же было тихо и прохладно — настоящая благодать после всего этого душного безумия.

— Ты меня хочешь, — констатировал он с тихим смешком.

— Да, — согласилась она так мрачно, будто похмелье уже наступило. — Уже давно. И ты меня тоже.

— Да, — не стал отрицать и он. — Ещё бы.

Её кулак врезался в его открытый живот. Пресс у Аргзы был, что называется, железный, и удар он почувствовал разве что как поглаживание, но всё равно послушно согнулся, опуская руки и делая вид, что ему больно. За это он получил долгий, жадный поцелуй и возможность укусить наконец несносную воительницу за потрясающе красную губу. Это тоже была своеобразная сделка: он притворился, что позволил себя ударить, она притворилась, что позволила себя поцеловать — только кто и что в действительности кому позволил, осталось загадкой даже для них самих.

Какое-то время они молча и яростно целовались, сталкиваясь зубами и слизывая друг у друга кровь с подбородка. Он подхватил её за обтянутую сеткой из акариновой стали талию, она чуть ослабила хватку на его волосах, в которые вцепилась до этого — целоваться сразу стало гораздо удобнее. Из-за распахнутой настежь двери бара теперь слышалась какая-то ужасная музыка, лишённая всяческого ритма: должно быть, общее опьянение дошло уже до того градуса, когда к самозванным певцам присоединяются такие же самозванные любители губных гармошек и других подручных инструментов. Согнутая в три погибели спина ещё не ныла, но уже начинала об этом подумывать, и Аргза, чтобы это предотвратить, ухватил Хенну за бёдра, поднял над землёй и, резко развернувшись, прижал её к стене. Поцелуй они не прерывали.

— Ну... — наконец он с трудом отстранился, чтобы отдышаться, но на землю её обратно не поставил, продолжая прижимать к прохладной каменной стене. — Всё ещё собираешься попытаться доказать мне, что я должен называть тебя "госпожой"? Не пахнет ли это дурным тоном — трахаться с мебелью?

Она одурманенно посмотрела на него, как кошка, налакавшаяся валерианки, и улыбнулась как-то так бешено и дико, что, если бы у него не стоял колом до сих пор, то в этот момент он бы точно окончательно возбуждился.

— Ради всех несуществующих Богов, Аргза, хоть раз в жизни просто заткнись и уведи меня в комнату наверху этого притона!

Праздник жизни у членов Альянса пиратов всё продолжался.

Белое сияние за окном уже резало глаза так сильно, что невозможно было смотреть. Но они так и не отошли от окна, не отвернулись даже, сами не зная, почему. Аргза только опустил веки ниже, чуть поморщившись.

— Знаешь, — сказал он, завершая второй эпизод своей истории. — Иногда я думаю, что, если бы у меня не было тебя, рано или поздно мы бы вновь сошлись с Хенной, несмотря на то, что расстались не лучшим образом. Потом бы снова разошлись — и снова бы помирились. Это теперь она такая вся из себя деловая, а раньше-то мы отлично проводили вместе время. Лучшая женщина, которую я только знал: без большинства этих бабских закидонов, безбашенная, безрассудная, и в нос может дать, и истерику закатить — не такую, какими увлекаются остальные девки, со слезами и соплями, а настоящую, с нешуточными намерениями прикончить виноватого, с швырянием меча и ором таким, что аж в ушах звенит. Сильная ещё, сильнее многих виденных мной мужиков. Нескучно с ней было, в общем. Но что мне в ней больше всего нравилось тогда — так это то, что она была чуть ли не единственной, кто не смотрел на меня исключительно как приложение к моему ненаглядному кузену. Подкалывала, конечно, за мой несолидный статус — но ведь на словах же только, а на деле в сторону Конрада и не смотрела почти. Жутко лестно, знаешь ли. Тем более, она однажды мне даже призналась, что Конрад, оказывается, тоже как-то предлагал ей переспать, ещё раньше, чем я, только она отказала довольно резко. Немудрено, что я об этом не догадывался — братец так и ходил с непроницаемой миной, и я не припомню, чтобы он как-то уж очень переживал.

Сильвиению уже не чувствовал его рук — казалось, какой-то мёртвый ледяной груз лежал на его плечах. Своих рук и ног он, впрочем, не чувствовал тоже. Мимолётно испугавшись, он попробовал пошевелить пальцами ног — и так и не понял, получилось у него или нет. Аргза посмотрел на него со смутной тревогой, но ничего не спросил: сам, видимо, не избежал некоторой потери чувствительности. Только для него это вряд ли было так страшно, как для эрландеранца, который привык ощущать мир вокруг себя постоянно даже чересчур ярко.

— Я не совсем понял, сир, чем... наличие меня у вас мешает вам наладить отношения с леди Хенной. Вы же оба этого хотите, судя по всему. Не думаю, что я бы помешал леди Хенне: кажется, она вполне благосклонно ко мне относится...

Аргза больно ущипнул его за плечо.

— Ты не догоняешь, что ли, умник? Зачем мне Хенна, когда у меня есть ты? С ней было хорошо, да, но теперь она мне не нужна. И она тоже прекрасно это понимает. А ты что, пташка, правда надеялся, что я соглашусь оставить твою узкую задницу в покое?

— Нет, я... я знаю, что вы меня не отпустите, просто... — он вздохнул и не стал заканчивать бесполезную фразу. — Вы всегда так грубо об этом говорите.

— Угу. Манерам не обучен, как видишь, да что поделывать.

Он поднял голову и посмотрел на всё ещё невероятно беспечного варвара.

— Вам всё ещё кажется смешной вся эта ситуация, верно? Сир, я тут подумал... Если бы у меня была моя магия, я бы смог...

— Тшш, — он прижал палец к его губам. — Я ещё не закончил мою историю. Правда, осталась самая малость, но, по-моему, мы начали падать на чёртову подышающую звезду быстрее, так что, наверное, я только и успею, что рассказать самую концовку, а новую историю уже вряд начать получится. Но концовка же — самое важное, не так ли? Так вот. Слушай дальше. У меня, как ты помнишь, был план по избавлению от моего надоевшего брата. Собственно, я только дожидался подходящего момента. Я, естественно, не мог просто прийти к Конраду, начертить под ним нужный знак и начать ритуал — так бы ничего не вышло, потому что, во-первых, застать его врасплох было почти невозможно, а во-вторых, должным образом следовало подготовить и учесть много деталей. Плюс сначала надо было

закончить на случай непредвиденных обстоятельств мои личные дела. Так что, возможность осуществить задуманное у меня появилась только через семь месяцев после окончания Войны. И когда этот долгожданный день настал...

Когда этот долгожданный для Аргзы день настал, он был на удивление спокоен. До этого у него никак не получалось скрыть от окружающих своё нетерпение, и оттого он был ещё более раздражительным, чем обычно: на кону стояло слишком многое, чтобы относиться к задуманному беспечно. Неделю назад, добыв последний необходимый ему ингредиент, он пребывал в таком нестабильном расположении духа, что чуть не всадил лески в печень невовремя полезшему к нему Стрелку — и он готов был поспорить, что на этот раз того не спасла бы даже хвалёная ловкость — а вчера вечером совершенно беспричинно наорал на Хенну, и она ушла ещё до начала ночи, смерив его презрительным взглядом и хлопнув напоследок дверью. Но уже утром назначенного дня он был спокоен и благодушен, потому что уже ничего нельзя было изменить — либо он идёт в своём плане до конца, либо отказывается от него совсем, и, уж конечно же, он не собирался ни за что в жизни выбирать последний вариант.

Всё было готово, механизм был запущен. На полдень было назначено очередное собрание Альянса, на этот раз — на первой из захваченных ими баз Федерации; во время Войны они такие трофеи просто уничтожали до последнего камешка, но теперь решили присваивать себе. Это означало, что уже сейчас одиннадцать членов Альянса находились на пути туда и что они не смогут ему помешать. Не то чтобы он всерьёз рассчитывал, что кто-либо из них станет ему мешать, даже если бы он попытался убить брата прямо у них глазах — в их трения предпочитали не вмешиваться — но учесть такую возможность стоило. Сам Чёрный Овен отбыл утром на переговоры с одним высокопоставленным коррумпированным чиновником из Федерации, у которого намеревался выбить привилегированное право для Альянса пользоваться одним межгалактическим правительственным ретранслятором, что дало бы пиратам как минимум преимущество в устраивании засад. Ретранслятор был бы ещё одним важным шагом пиратов к новой цели — уничтожению новой единой системы закона изнутри, и Конрад был настроен категорично: он собирался убить чиновника в случае отказа в назидание другим кандидатам на переговоры на ту же тему. И перед тем, как отправиться на место встречи, он с заметной издёвкой велел Аргзе побыть швейцаром и встречать прибывающих на собрание союзников, оставив его на базе.

Конечно, дорогой брат, подумал тот про себя с усмешкой, конечно, я побуду для тебя швейцаром, дворецким, телохранителем — кем захочешь. Всё для тебя, родной. Конечно.

Сделка, увы, не должна была состояться: в другое время Аргза, возможно, и позволил бы брату сначала довершить исполнение этой его затеи, но сейчас всё складывалось слишком удачно, чтобы упустить такой шанс, и общее благо пиратской братии заботило его куда меньше, чем своё собственное. К тому же, ему уже порядком надоело ждать. Потому он заранее позаботился о том, чтобы выгодная сделка сорвалась, посетив накануне пресловутого чиновника и обменяв всю имеющуюся у него полезную информацию о

предстоящих переговорах на согласие сотрудничать, а затем посетил и место встречи — пустынный астероид с собственной искусственной атмосферой и невнятными руинами — которое изучил со всей тщательностью, чтобы использовать позже Тёмную технику. Техника эта, кстати, была его особой гордостью — кузен ей не владел, и это создавало отменные условия. Он настроил чиновника на отказ и предупредил, что Конрад захочет его в этом случае устранить, но зато и снабдил достаточными данными о его манере боя, чтобы представитель Федерации соответственно подготовился. К счастью, чиновник попался довольно боевой, не из трусливых, и это тоже было как нельзя кстати.

Отвлёкшись от размышлений, Аргза взглянул на время: десять часов. Отлично, значит, пора было выходить. Он ещё раз проверил, не забыл ли ничего. Фосфорицирующее зелье с добавлением крови Конрада, набранной прямиком из сердца — специально пришлось как-то подкупить врача, пару раз в несколько лет берущего у Конрада анализы на проверку разных заболеваний, в том числе и венерических (о своём здоровье чёртов пижон беспокоился почти параноидально). Гладкий шестиугольный камешек, часто служивший своеобразным усилителем для самых разных магических ритуалов, с шестью обмотанными вокруг него волосами Конрада — нашёл на его расчёске. Кривой церемониальный кинжал из серебра, с вплавленным в железную рукоятку зубом Конрада — вот зуб достать было крайне сложно, даже сложнее, чем кровь из сердца, но однажды ему всё-таки повезло, и где-то в середине Войны на пути Чёрного Овна попался один шустрый вражеский командир, которому удалось-таки выбить ему зуб. Наконец, полное имя Конрада, написанное на обратной стороне листка с самим заклинанием. Последнее, к слову, было единственным по-настоящему обязательным элементом, Аргза слышал, что некоторые маги, проводя задуманный им ритуал, обходятся и без крови, и без волос, и, естественно, без зубов и камней-талисманов — но для того, чтобы повернуть всё без этих ингредиентов, нужно было, во-первых, иметь соответствующий опыт во всей этой шаманщине, и, во-вторых, быть магом гораздо более высокого класса, чем он. Аргза магом не был, он был воином, так что лишняя подстраховка ему бы точно не помешала. Таким образом, удостоверившись, что все его маленькие неодушевлённые помощники при нём, Аргза, не теряя больше времени даром, глубоко вздохнул и переместился на тот самый астероид.

Когда он заявился туда, они уже дрались: Конрад — длинной шпагой, чиновник — электрическими хлыстами. Аргза возник позади сражающихся незамеченным, но его временный союзник, которому он сразу же подал сигнал, увидел его и сделал то единственное, что тут от него требовалось: заманил противника в условленное место. Аргза с предвкушением ухмыльнулся.

И Тёмной техникой мгновенно доставил зелье под ноги Конраду, сам оставаясь на месте. Зелье вспыхнуло, разлилось по заранее нарисованному в условленном месте сложному знаку. Фосфор осветил прозрачные чернила, сделав их видимыми: это была звезда с шестьюдесятью лучами (Аргза заколебался её выводить накануне), обхватывающая пространство в три квадратных метра, и точно в центре её стоял Чёрный Овен. Представитель Федерации с готовностью исчез.

Годы ненависти, годы презрения, годы соперничества, годы насмешек — всё так или иначе, казалось, шло к этому моменту, шло к тому, чтобы разрешить один очень-очень давний спор всего за несколько секунд. Почему-то так чаще всего и бывает, что человек может бесцельно влачить существование хоть целые столетия — чтобы решить свою судьбу однажды за пару мимолётных мгновений.

Конрад был быстрым, но лески оказались быстрее, и за долю секунды до того, как он отскочил от знака, они пронзили его, отвлекая, а затем знак под его ногами вспыхнул ещё ярче, и Конрад застыл, обездвиженный не столько лесками, сколько магией. Тогда Аргза, не мешкая, бросил в знак мешочек со всеми заготовленными им ингредиентами, одновременно начав монотонно произносить заклинание, которое зазубрил наизусть.

Голубое пламя, вспыхнувшее в следующий момент, ослепило его, оглушило, выжгло ему не только, казалось бы, глаза, но и всю кору мозга. Это сияние выжигало его дотла, и он запомнил это до конца своей жизни.

На него обрушились тонны, вольты, тысячелетия, километры неведомой силы. Он почувствовал себя открытой дверью, через которую лилось это невозможное чистое пламя энергии, превращавшее в угли саму Вселенную, и в то же время в обратном направлении в эту дверь задувал немыслимой силы ветер, дующий со стороны Конрада. Ветер и пламя, и энергия, и медленно пустеющие зрачки ненавистного двоюродного брата — вот и всё, что составляло сейчас его жизнь, и у него больше не существовало ни тела, ни разума. Вместе с тем его наполняло ощущение какого-то кровожадного, нечеловеческого восторга, от которого он быстро начал задыхаться — задыхаться на всех уровнях, ментальных и физических. Слои реальности, которые он теперь мог видеть так ужасающе чётко, выгорали один за другим, и каждый навеки отпечатывался на обратной стороне его ставших прозрачными век.

Это сводило с ума.

Кажется, он потерял должную концентрацию, потому что шквальный ветер, прошивающий саму изнанку мироздания, вдруг начал дуть в обратную сторону, к Конраду. Бренное тело коварно вернулось, и у Аргзы подкосились колени; он закричал, раздираемый той энергией, которую сам же впустил, но не услышал своего голоса.

Ну уж нет, подумал он со злостью, опомнившись. Не для того он столько готовился, чтобы вот так глупо всё проиграть.

Он сосредоточился на этой злости, на своём незыблемом упрямстве. Он призвал всю свою силу, всё своё мужество, чтобы снова развернуть ветер на себя. Яростный лихой восторг, так и не отпустивший его даже при потере контроля над происходящим, запыхал с новой силой, и его сердце заходило в таком бешеном ритме, какого не бывало у него ещё никогда. Что-то животное, неукротимое, дикое вырвалось в нём на свободу, и крик сменился торжествующим смехом. Голубое пламя плясало на его лесках, соединяющих его с братом, и Аргзу распыляло, растворяло в этом пламени на мельчайшие атомы. И каждый атом его смеялся и кричал одновременно...

...А потом всё как-то неожиданно кончилось.

Аргза сделал вдох, обнаружив попутно, что, оказывается, на самом деле так и не издал ни звука и не пошевелился. Ветер стих, пламя погасло, но что-то всё ещё пульсировало внутри него, слишком горячее, слишком живое. Лески мёртвенно покоились на перепачканных фосфоресцирующим зельем камнях, шестидесятилучевая звезда медленно гасла.

От Конрада Грэна не осталось даже трупа.

Аргза постоял немного, прислушиваясь к ощущениям. Ему показался странным тот факт, что никаких особых изменений, кроме упомянутой пульсации, он в себе не чувствовал, но справедливо решил, что эффект проявится позже. В груди его приятно тлели торжество и гордость победы, и в целом он ощущал себя лучше некогда. Он посмотрел на время: час дня.

Значит, на собрание он не успел, лидера обычно не ждали так долго.

А лидером теперь был он.

Но, пожалуй, всё равно стоило там появиться. Сообщить, быть может, о своём триумфе, чтобы все эти заносчивые генералы... Или нет, лучше не сообщать, решил он. Просто объявить о том, что он теперь заменит Конрада во всём, и ничего не объяснять: обойдутся. Он хмыкнул сам себе и переместился обратно на базу.

Вот тут-то его и ждал такой сюрприз, который он совершенно не ожидал когда-либо увидеть. В конференц-зале на бывшей базе Федерации находились всего пятеро (или четверо, как посмотреть) человек: Близнецы и три трупа на полу.

Айлин и Рональд лежали рядом, Друм Фон Строфф — чуть поодаль. Под всеми тремя натекла порядочная лужа крови. У Айлин была прострелена голова, у мужчин — сердце и лёгкие. Прострелены из обычного, судя по ранам, револьвера, даже не лазерного. Револьвер этот валялся тут же, на полу, в крови. Близнецы сидели на столе со скрещенными ногами, зеркально отражая позы друг друга, и играли... нет, на этот раз не в "ладушки", а в обыкновеннейшие карты. Лучезарные улыбки наконец-то стёрлись с их одинаковых лиц, и теперь эти лица венчало одинаковое же скучающее выражение. На трупы возле стола они внимания не обращали.

— Что здесь произошло?!

Близнецы даже не потрудились повернуться в его сторону, продолжая игру.

— Ты немного поздно, — произнесла девушка, Лилео. — Нам наскучило ждать.

— Понимаешь, — произнёс парень, Лилей. — Мы могли бы и не ждать вовсе, но ты единственный, кто ещё не видел результаты нашей работы.

— И ещё, — подхватила Лилео. — Мы хотели рассказать тебе всё.

— Потому что, — подхватил Лилей. — Ты сам был занят довольно долгое время проворачиванием одной занятой аферы, и мы подумали, тебе будет приятно знать, что ты не один такой.

У Аргзы закружилась голова от их мелодичных голосов.

— Твой брат, кстати, — сказала Лилео. — На самом деле о тебе заботился. Зря ты так с ним.

— Это ведь он, — сказал Лилей. — Нанял того торговца, который продал тебе когти. Потому что знал, что, если он вручит тебе это оружие сам, ты их выбросишь назло ему.

— И это только один пример его заботы о своём младшем кузене.

— Впрочем, ты и сам всё скоро увидишь.

— Когда его воспоминания станут твоими.

— Этого ведь ещё не произошло?

— Похоже, эффект замедлен.

— Но по нашим расчётам...

— ...это случится...

Аргза зарычал и шагнул к ним, ослеплённый гневом. Как эти убожества смели за ним шпионить?! Он всерьёз намеревался устранить их сейчас, как ненужных свидетелей, и ему было откровенно плевать, что они задумали и что тут случилось. Он уже активировал когти, когда...

— ...прямо сейчас, — dokonчили они фразу хором.

И его тут же пронзила дикая, невыносимая боль. Реальность снова вспыхнула перед его глазами, только уже бесцветным пламенем. Череп сдавило будто бы в тиски, сердце, до того

спокойно отбивающее привычный ровный ритм, вдруг снова взбесилось и начало как-то рвано дёргаться в груди, словно бы пыталось освободиться от держащих его пут из вен и артерий. Чужие воспоминания, чужая жизнь хлынула через него сплошным потоком образов и ощущений, и всего этого было так много, что, казалось, не вмещалось уже в мозг и от этого разрывало кости и мышцы, стремясь будто бы выйти из него наружу. Он опять начал задыхаться. Затем рухнул на пол, как подкошенный, и обнаружил, что не может пошевелить даже пальцем. Близнецы остались безучастны, продолжая размеренно шлёпать на стол перед собой карты и говорить то по очереди, то хором, а он не мог вымолвить ни слова в ответ.

— Ты хочешь знать, что произошло, — припомнила Лилео.

— И мы расскажем тебе, как обещали, — отозвался Лилей.

— На самом деле, мы убили только двоих.

— Но потом все будут говорить, что троих, а это нечестно.

— Хотя нам всё равно: одним больше, одним меньше. Бородатый мистер был застрелен этим забавным домашним мальчиком.

— Кто бы мог подумать, правда? Такое милое создание. Но бородатый мистер набросился на его забавную красивую невесту, прежде чем мы её застрелили. И домашний мальчик хотел её защитить.

— Это так мило.

— Ужасно мило.

— Мы и не думали, что этот мальчик способен на убийство. Но, оказывается, способен. Он стрелял в него, пока в стволе не остался один патрон, даже когда его невеста уже была мертва.

— Потом бородатый мистер умер тоже.

— И мы застрелили мальчика оставшимся патроном.

— Но он всё-таки был довольно смелым. Жаль, что это так поздно раскрылось. Мы все думали, что он ни на что не способен без этой забавной девочки, но, когда мы вложили в его руки револьвер, он всё-таки выстрелил, хотя до этого в жизни никого не убивал.

— Да, он был смелым. А вот бородатый мистер оказался каким-то очень слабым. Мы так долго нашёптывали ему то, что он считал собственными мыслями, а он этого даже не понял. И послушно спивался от депрессии. Хотя это было нетрудно, привести его в депрессию, учитывая, как развивались события на Войне.

— А ведь он жил войной, ты знал? У него не было иной цели в жизни, кроме как постоянно воевать. Смысл его существования, как он считал, был в том, чтобы не прекращать сражаться. Мы шептали ему всего лишь то, что и так было очевидно.

— Что он бесполезен.

— Что он устарел для войны.

— Что на самом деле его существование лишено всякого смысла. И он верил нам, потому что сам в глубине души знал, что это так и есть. Мы выбрали его, потому что он был слабым с самого начала. Интересно было наблюдать, как его бедный разум падает всё дальше в пучину отчаяния и алкогольной зависимости.

— Это был довольно любопытный эксперимент. Раньше мы ещё никогда не пробовали сводить кого-то с ума. Но, кажется, это и впрямь весело. Хочешь знать, почему его жертвами мы выбрали этих мальчика и девочку?

— Потому что они тоже были слабы. Они уже давно планировали отделиться от Альянса, сразу после окончания Войны, чтобы жить где-нибудь тихо и мирно.

— И мы решили, что эти трое — самые подходящие кандидатуры для того, чтобы мы могли заявить о своём уходе из Альянса первыми.

— Уходить надо красиво.

— Мы об этом где-то читали.

— Хотели ещё написать что-нибудь кровью на стенах на прощание.

— Или хотя бы расчленив их трупы на двенадцать частей, было бы символично.

— Но потом подумали, что это слишком вульгарно.

— И оставили как есть.

— И между прочим, для бородатого мистера даже не пришлось создавать сильную иллюзию, чтобы он потерял рассудок и отвлек внимание от нас.

— Иллюзия была слабенькая, но он много пил, и поэтому сразу же в неё поверил.

— В общем, было весело.

— Люблю иллюзии, — последнее было сказано хором.

Аргза лежал, раздираемый болью и вынужденный безмолвно слушать всю эту ересь. Момент истины и прозрения как-то прошёл мимо него: тогда он был несколько занят тем, чтобы не сойти с ума самому от свалившихся на него воспоминаний Конрада. Перед глазами всё плыло, организм скручивало и сдавливало, заставляя бороться за каждый глоток воздуха — проще говоря, ему было слегка не до открывшейся ему страшной правды. Шлёпанье карт не прекращалось ни на миг, что невольно наводило на сомнения, что Близнецы играют настоящей колодой и в настоящую карточную игру.

— И кстати, — вновь подала голос замолчавшая было Лилео. — Раз уж мы решили рассказать тебе всё, мистер Паук, то следует упомянуть и о том, что с сегодняшним происшествием никак не связано.

— Однако, — продолжил замолчавший было Лилей. — Это всё равно должно быть тебе интересно. Ну, во всяком случае, интересно твоей новой личности, у которой скоро будет новая двойная память.

— Здорово ты это, кстати, придумал, мы тоже хотим попробовать. Наверное, дико интересно, когда в тебе уживаются два человека.

— Так вот. Мы хотели ещё поведать вот о чём: в Войне Альянс проиграл тоже из-за нас.

— Дело в том, что мы как-то залезли в голову к другой смешной девочке-генералу, когда она ещё этим статусом не обладала. Той, которая будущее видит, зеленоглазая такая. И что ты думаешь? Она действительно это будущее видит, причём постоянно.

— Бардак у неё, правда, в голове ещё тот, не представляю, как она со всем этим справляется. Но если знать, что искать, то это чем-то похоже на поиск в интернете.

— Задаёшь слово или словосочетание поисковику — и пожалуйста, получаешь ссылки на нужные сайты. Так и в её разуме: нужно только знать, какую конкретно картинку из миллионов возможных ищешь.

— Мы бы не против пошариться у неё в голове подольше, это наверняка обеспечило бы нас развлечением до конца жизни.

— Но она слишком быстро всё просекла и захлопнула все двери и окна в свой разум — и не подглядишь ведь теперь даже украдкой.

— Зато нужную картинку мы увидеть всё-таки успели.

— Там была победа Альянса.

— Мы решили, что это слишком скучно, и сказали правительству, что нужно делать, чтобы противостояние было немного интересней.

— Так что идея с внедрением шпионов в виде гражданских лиц заранее на все территории — наша идея.

— Правда, мы молодцы? — это опять хором.

Потом они замолчали. Веер карт у обоих в руках постепенно истощился и опустел, и они, оставив колоду на столе, синхронно спрыгнули на пол. Направились к двери, взявшись за руки. У порога остановились, развернулись, как по команде, и уставились на него одинаковыми добрыми взглядами, привычно заулыбавшись.

— А ты ничего так, — сказала Лилео. — Весёлый.

— Имей в виду, — сказал Лилей. — Ты нам нравишься больше того чёрствого зануды.

— Мы бы с удовольствием поддержали твою кандидатуру на пост нового лидера.

— Но нам пора идти. Мир ждёт.

— Главное, помни, — добавили они хором. — Мы за тебя! Ты будешь отличным боссом!

И, сказав это, они покинули конференц-зал. Оставив его наедине с болью и ошеломляющей правдой о своих истинных сущностях.

Вот так.

— Вот так, — заключил Аргза философски. — Вот так и закончилась эта история. Ничего особенного, конечно, просто всё это довольно показательно. Ты порой упрекаешь меня в паранойе, пташка — и я показал тебе, откуда она берётся.

Сильвенио открыл глаза окончательно.

— Значит, Близнецы оказались сильными телепатами, и никто об этом не знал?

— Именно. Телепаты и иллюзионисты. И всё равно они — полные психи, даже если психи не такие невинные, какими казались сначала. Но теперь-то, во всяком случае, мы знаем, что они очень опасны. Из-за них мой корабль в своё время упал на твою планету, кстати — они заманили меня в вашу глушь.

Они помолчали. Сияние за стеклом уже ослепляло так, что невозможно было разглядеть в этом свете даже собственные ладони. Сильвенио зажмурился, ощущая, как с каждой минутой корабль ускоряется притяжением звезды всё больше и больше. Затем попытался снова вернуться к той идее, которую так и не дал ему высказать Аргза:

— Сир... если бы вы сняли мой ошейник, я смог бы это остановить. Я мог бы запустить двигатели магией. Я... я обещаю, что не сбегу... — и, вынужденный быть честным, добавил уже тише: — По крайней мере, пока не выгату вас отсюда.

Аргза хмыкнул и не ответил.

— Милорд. Я могу спасти вас. Спасти корабль. Если вы снимете ошейник...

Аргза бездумно смотрел вдаль, ничего не говоря. Сильвенио вздохнул.

— Да, вы знаете, что я не могу пообещать вам остаться навсегда и позволить вам после надеть на меня ошейник снова. Вряд ли я смогу... добровольно... если снова почувствую в своём теле магию... Но неужели вам важнее держать меня своим рабом, чем предотвратить столько смертей? Мы... мы могли бы видеться, если захотите, даже когда...

Аргза молчал и улыбался, даже не щурясь от света. Сердце его размеренно стучало у Сильвенио возле затылка. В тишине вырывались облачка пара из их ртов.

— Хорошо. Хорошо, сир, я обещаю, я клянусь, что позволю вам надеть на меня ошейник снова, если вы снимете его сейчас и позволите мне что-то предпринять. Вы знаете, я стараюсь выполнять свои обещания. Вот вам моё слово, что после того, как я уведу корабль в безопасную зону, я останусь с вами и не буду убегать, когда вы вернёте ошейник на мою шею. Что вам ещё нужно?

— О? Готов пожертвовать собой для спасения чужих жизней? Даже если в число этих жизней входит моя? Ты готов пожертвовать своей свободой, чтобы спасти меня?

— Любая жизнь бесценна...

— И моя тоже?

Он вздохнул повторно.

— Вы не собираетесь снимать ошейник, не так ли? Да, сир, ваша жизнь тоже бесценна для меня, потому что вы живое существо.

Аргза выпутал одну руку из-под одеяла и погладил его по волосам.

— Прости, — и это было всё, что он сказал.

Умиравшая звезда пела тоскливо, печально, и Сильвенио грустно ей улыбнулся.

"Прощай, — сказал он ей, вплетая голос своего разума в мелодию её песни. — Надо сказать, ты — не самый худший вариант. Такая красивая смерть... спасибо."

И ему показалось, или она и вправду его... услышала?

А потом консоль жизнерадостно затрещала, просыпаясь и прерывая воцарившееся молчание. Сильвенио, бросившийся к ней, даже не удивился: за свою недолгую жизнь он успел уже порядком привыкнуть к тому, что спасается от смерти каждый раз исключительно чудом; наверное, если бы не покровительство случайной удачи, он умер бы ещё до того, как ему исполнилось на этом корабле пятнадцать.

— Гиперскачок! — Аргза подскочил к консоли, тоже мигом сбросив свою сонливость. — Автопилот и гиперскачок на максимальное расстояние, быстро!

Сильвенио незамедлительно отдал нужную команду.

— Зато нужную картинку мы увидим всё-таки успели.

— И моя тоже?

"Прощай, — сказал он ей, вплетая голос своего разума в мелодию её песни. — Надо сказать, ты — не самый худший вариант. Такая красивая смерть... спасибо."

И ему показалось, или она и вправду его... услышала?

Ещё несколько минут ожидания — минуты на подготовку к скачку, на разогрев двигателей. Сильвенио взял варвара за руку, кое-как нащупав возле себя его пальцы, и обеими руками сжал его ладонь. В ответ Аргза притянул его к себе и напряжённо обнял за плечи, и если бы в этот момент консоль снова сломалась, и они бы рухнули на холодную звезду, так и не сумев воспользоваться очередным накрывшим их чудом — то они бы так и держались друг за друга до самого конца.

Корабль ощутимо трянуло, консоль жалобно заискрила, вынужденная сражаться с подавляющим её магнитным полем звезды.

— Могу поспорить, она сделала это ради тебя.

— Кто, сир?

Корабль дрожал и грозил развалиться на части, сопротивляясь силе тяготения.

— Дохлая звезда. Могу поспорить, что ты попросил её, и она дала нам шанс.

— Вы же не верите в это...

Корпус затрещал. Двигатели, только что окончательно проснувшиеся, взрвели.

— В то, что у скоплений газа есть разум? Нет, не верю. Но я верю в тебя, моя замечательная пташка, и верю в то, что, если ты попросишь, тебе вряд ли кто-то сможет отказать. Даже я очень редко нахожу в себе силы это сделать.

— Тогда снимите с меня, ошейник, пожалуйста?.. И я ничего у этой звезды не...

И их швырнуло гиперпрыжком в спасительную черноту космоса, далеко за пределы воздействия белого гиганта. Консоль тут же вспыхнула довольным ровным светом, двигатели присмирели и заурчали в обычном своём тихом темпе. Во все отсеки начало быстро возвращаться благословенное тепло.

Сильвенио неверяще проморгался, когда зрение более-менее восстановилось. Аргза улыбался широко и торжествующе, словно бы записывал себе очередную победу над Смертью. Его руку Сильвенио так и не отпустил, и теперь, когда всё миновало, продолжал неосознанно к нему прижиматься.

— Так что... насчёт ошейника, сир?

— Так что насчёт принятия горячей ванны? У тебя по-прежнему синие губы и руки. Пойдём, Лиам. Сейчас я тебя отопрею как следует, а потом ты покажешь мне наиболее безопасный и выгодный курс. На этот раз, обещаю, я тебя выслушаю.

Всё, как обычно.

[Запись в бортовом журнале номер G777IYX365999_87:]

"Мне как-то беспокойно. Неясное предчувствие перемен теперь царапает меня изнутри, но что это за перемены — приятные или нет — интуиция молчит. Вся эта история о Близнецах, об Альянсе, о неожиданных поворотах судьбы... Почему мне кажется, что всё это ещё будет иметь ко мне самое непосредственное отношение?.."

[Запись удалена.]

— А что это, мама?

— Это цветы. Много-много жёлтых цветов.

— Ух, ты! Они похожи на солнышки!

— Ты прав, дорогой.

— А небо синее. Разве жёлтое море не должно отражаться в небе?

— Нет, малыш.

— Но почему?

— Потому что небо не умеет отражать."

[Поступил входящий звонок. Контакт неизвестен. Принять?]

Аргза удивлённо нажал кнопку ответа.

— Паук! — тут же звонко раздалось из коммуникатора видеосвязи. — Сколько зим, сколько лет!

Аргза раскатиисто рассмеялся, а Сильвенио, услышав знакомый голос, перебрался поближе к варвару, чтобы увидеть на экране улыбающееся лицо Красного Скорпиона.

— Ты говоришь, в точности с кем связался, Хенна? Ты уже забыла, как соблазняла меня буквально с первой минуты нашего знакомства?

— Фи, Паук, напоминать о таком девушке! Я же тогда думала, что ты честный человек!

— Правда, что ли? — изумление его было неподдельным.

— Нет! — она фыркнула. — Нихера подобного!

Сильвенио не уставал поражаться этим людям. Оба в один голос утверждали, что прекратили отношения давным-давно, практически не общались и сталкивались разве что на собраниях Альянса и на Приёме изредка, частенько отзывались друг о друге крайне нелестно — но при всём при этом их взаимный флирт не надоедал ни одному из них уже четвёртое десятилетие подряд. На дружбу это походило мало, на любовь — ещё меньше, и Сильвенио, рассматривая их отношения, склонялся к определению, что это, скорее, мирная вражда очень сильно симпатизирующих друг другу людей, построенная на взаимном уважении в той же степени, что и на соперничестве.

— Хей! — она наконец обратила своё внимание и на эрландеранца, помахала ему рукой в красной железной перчатке. — А ты чего не здороваешься со мной, заморыш? Неужто не скучал?

Он искренне ей улыбнулся из-за плеча Аргзы.

— Здравствуйте, леди Хенна. Скучал, очень.

— Я не леди!

— Она не леди, — подтвердил Аргза со смешком.

— А ты бы молчал, Аргза! — и сразу же, без перехода: — Как у тебя дела, парень? Этот мудака тебя не слишком обижает?

— Пылинки с него сдуваю! — снова вмешался варвар и демонстративно поцеловал его возле уха. — Хенна, до того, как я познакомил тебя с этим птенцом, честное слово, я был уверен, что пресловутый материнский инстинкт у тебя отсутствует напрочь, но теперь убеждаюсь в обратном. Может, тебе его усыновить?

— Я не тебя спросила, Аргза, — она состроила ему строгое лицо, а затем снова тепло посмотрела на Сильвенио. — Эй, мальчик, сунь своему болтливому хозяину носок в рот, что ли! Я разрешаю, не бойся! Так что, вы живёте дружно или он всё ещё тебя жуёт?

— Я не совсем... Господин Аргза всё ещё кусает меня, если вы об этом, но я не уверен, что об этом стоит говорить...

— Ябеда, — немедленно вставил Аргза, явно пребывавший в более благодушном настроении, чем обычно. — Твоя мамочка же теперь меня накажет, ужас какой.

— И не надейся даже! Говорю же, извращенец! И вообще, — она внезапно посерьёзнала. — Я, может, не просто так спрашиваю. Может, я на него свои виды имею, м? Кроме шуток, Аргза: я, в общем-то, звоню как раз для того, чтобы в кои-то веки попросить у тебя об одолжении. В частности, об одолжении мне твоего милого искусанного помощника на время.

Аргза мгновенно напрягся и прищурился, теряя весь шутливый настрой. Он мог сколько угодно флиртовать с Хенной и выказывать ей своё расположение, но, как только речь зашла о подобном, Красный Скорпион вновь переходила в разряд врагов.

— Брось, Паук! — Хенна сердито вскинулась на его молчание. — Мне всего лишь нужна его помощь в предстоящей кампании! Ты знаешь меня, Паук. Ты знаешь, что я обычно вполне обхожусь и своими силами. Но на этот раз — в подробности пока посвятить не могу — мне нужен телепат и техник, а у тебя как раз есть один отличный, так почему бы не дать его мне на время? Кроме того, держу пари, что он вернётся к тебе основательно счастливее — глянь только на его щенячью мордашку! Обещаю, я позабочусь о мальчишке в лучшем виде.

Аргза молчал, размышляя. Хроническое недоверие боролось в нём с разумными доводами и желанием сделать приятное как Хенне, так и Сильвенио.

— Ладно, — наконец произнёс он нехотя. — Пташка, ты сам-то точно хочешь к этой фурии? Учти, она ведьма похлеще Криги.

— Вы тоже не подарок, сир...

— Мм? — он сжал его бедро, нехорошо сверкнув глазами. — Что-что?

Хенна закатила глаза, наблюдая за этим, а Сильвенио покраснел и быстро поцеловал Аргзу в лоб возле линии волос, успокаивая: он испугался, что тот сейчас разозлится и не отпустит его к Хенне. А ему очень, очень хотелось хотя бы немного побыть рядом с этой женщиной, в чьих глазах пылало Солнце.

— Нет, сир, ничего, простите. Можно мне, пожалуйста, помочь леди Хенне в её деле?

Аргза вздохнул, сдаваясь, и ослабил хватку.

— Ты смотри-ка, спелась за моей спиной! Когда только успели?.. Что ж, хорошо. Усынови его, Хенна, серьёзно — ему, похоже, не хватает его мамочки, чтобы было, за чей подол подержаться. Забирай хмырёныша, Красный Скорпион, только вернуть не забудь. Не вернёшь за две недели — приду и отниму сам.

— Уже поджилки затряслись от страха! — откликнулась она весело. — Отправь его экстренным телепортом, я тут близко. До связи, красавчик!

[Звонок завершён.]

Аргза перевёл задумчивый взгляд на радостного Сильвенио.

— Чем она тебе так приглянулась? Я понял бы, польстись ты на её прелести, но ты ведь, насколько мне известно, не тот случай.

Он смутился.

— Леди Хенна... она удивительная, сир. Она... вдохновляющая.

— Почему ты никогда не говоришь ничего подобного обо мне?

Воображаемая лампочка "Опасная тема!" снова предупреждающе вспыхнула в мозгу Сильвенио, и он, помявшись, выбрал наиболее нейтральный вариант:

— Честно говоря, я не знаю, что вам ответить на это, чтобы не солгать и чтобы при этом вы не разозлились. Но, если хотите знать, вы тоже довольно... впечатляющая личность.

— Ну, спасибо и на том! — Аргза сердито махнул рукой. — Иди уже к кругу телепортации, твоя "удивительная" тебя уже заждалась. И помни — две недели, не больше, и то это неслыханная щедрость с моей стороны.

— Да, сир. Благодарю вас!

Сказав это, он ещё раз от избытка чувств коснулся губами его лба, и, после того, как варвар быстро поймал его губы своими, втянув в более глубокий поцелуй, он поспешил покинуть кабину.

Привычная вспышка телепортации перенесла его на чужое судно — и он сразу же, не успев даже поздороваться, оказался втянут в ещё один поцелуй. Он машинально приоткрыл было рот, впуская чей-то настойчивый язык, и только тогда с суеверным почти ужасом осознал, что целует его совсем не Аргза.

— Ооо, эта шокированная мордашка определённо сделала мой день! — Хенна отстранилась с довольной ухмылкой. — Я начинаю понимать, что такого забавного в тебе находит Паук!

От изумления он совершенно ничего не мог сказать, и только ошарашенно хлопал глазами. Хенна звонко рассмеялась и дружески похлопала его по спине, чуть не лишив равновесия и едва не впечатав его носом в пол этим своим жестом.

— Да ладно, пацан, в обморок только грохаться не надо, договорились? Не переживай, я так приветствую всех близких знакомых, кто мне нравится. Все мои лучшие командиры в восторге! Не бойся: заразных всяких не целую, инфекцию не распространяю.

— Я... эм... я... — пришлось срочно собирать основательно расползавшиеся мысли. — Здравствуй, леди Хенна, я благодарен вам за оказанную честь находиться на вашем судне и готов предложить требуемую помощь...

— Ага, — она взяла его под локоть и потащила куда-то вглубь коридора. — Славный ты, маленький заморыш, редко таких встретишь. Ты, ну, чистый, что ли? Светлый, я не знаю. И грустный. Люблю таких. И ты десять лет терпишь этого кретина, а этого не смогла даже я, так что уважь тебе, герой.

Слышать такое от этой женщины было безумно приятно, хотя и как-то очень уж неожиданно, и в конец растерявшийся Сильвенио не знал, что ответить, даже споткнулся от смущения, засмотревшись на её колючий рыжий затылок, маячащий перед глазами. Кровь прилила к его лицу, и Хенна, мельком обернувшись к нему, вновь разразилась смехом — что, разумеется, несколько не придало ему уверенности. Рядом с ней он постоянно испытывал такое ощущение, будто у него вырвали почву из-под ног, но это ощущение ему как-то иррационально нравилось.

— Спасибо вам за такие слова, леди Хенна, я... Я не заслуживаю их, наверное, потому что я не могу сказать о себе всего этого, но всё равно — спасибо. Однако, вы так и не сказали мне о цели моего пребывания здесь.

Она подтащила его к тому времени к дверям, за которыми слышались голоса множества людей, и вдруг притормозила перед ними, словно не хотела продолжать разговор в

присутствии своих людей. Не доверяла, как Аргза, или просто не считала нужным объяснять всё при аудитории?

— На самом деле, если уж говорить начистоту, в предстоящей мне небольшой локальной войнушке твоя помощь не так уж и необходима, и я, в общем-то, не намерена заставлять тебя в ней участвовать — если, конечно, сам не вызовешься добровольцем, в этом случае прогонять не буду, не дура. Но, видишь ли, после того, как закончится эта кампания, я планирую развернуть другую, более масштабную — по свержению нашего главнокомандующего Альянса пиратов с его воображаемого трона.

— Вы хотите сразиться с господином Аргзой?! — он уставился на неё с испугом. — Но это... это же... леди Хенна, это самоубийство, поверьте мне, прошу вас! Зачем вам это?

Она лукаво улыбнулась и опять хлопнула его по спине, на этот раз уже чуть лучше рассчитывая силу.

— Да не дрейфь ты! Ты забываешь, что я знакома с Аргзой всё-таки чуточку дольше, чем ты, и прекрасно осознаю, как опасно с ним драться. Только и я ведь не промах. За последние годы я хорошенько поднакопила сил, так что, думаю, я вполне способна с ним схлестнуться на равных. Уж не знаю, кто из этого противостояния выйдет живым — фишка в том, что мне уже очень давно дико хочется это проверить. Но ты, уж извини, в мои планы никоим образом не вписываешься. Я могу воевать с Аргзой на равных — масштабно, до полного уничтожения и разгрома — только в том случае, если бой будет честным, старое-доброе махалово. Без участия телепатов, врубаешься? Ты — любимый грязный приёмчик Аргзы, и наличие тебя у него, по-моему, несколько несправедливо по отношению к его противникам, — она помолчала, потом посмотрела ему в глаза, всё так же хитро улыбаясь. — Поэтому, как ты понимаешь, я не собираюсь тебя возвращать ни через две недели, ни через три, ни через год.

И, когда Сильвенио уже всерьёз начал уныло размышлять о том, что если у неё всё получится, то он будет, видимо, считаться слугой не Паука, а Красного Скорпиона — тогда она вдруг добавила торжественно:

— В общем, ты отправляешься на Эрландерану вместе с ближайшим торговым кораблём, который улетает туда через девять дней!

Сердце его пропустило два удара, а потом забилося так часто, что перед глазами начала расплываться какая-то сияющая пелена. С одной стороны, напоминание о доме всё ещё отдавалось в груди режущей болью: сколько раз уже Судьба вот так насмеялась над ним, давая и сразу отбирая иллюзорный шанс на спасение — и всё это обращалось только нестерпимым разочарованием. Но, с другой стороны — это же сказала Хенна! Хенна-солнце, Хенна-пламя, Хенна-удивительная, Хенна-потрясающая! Хенна, которой просто невозможно не поверить! Он пошатнулся от завладевшей им бури противоречивых эмоций, но устоял на ногах и лишь слабо выдавил:

— Ошейник... в нём маяк... он найдёт меня...

— Ну, снять я его, конечно, не могу, а вот маячок... Ты, похоже, не в курсе, хотя должен бы быть, но, вообще-то, этот маяк уже где-то полгода — или около того — как не работает. Я пару раз специально хакеров нанимала, чтобы они проверили — не чета тебе, но их умений хватило, чтобы посмотреть наличие сигнала от твоего ошейника у Аргзы. Я, знаешь ли, действительно тщательно к этому подготовилась.

"Полгода, — он невольно вздрогнул. — Примерно столько прошло с того инцидента с Демоническим Кристаллом, когда я чуть не умер при попытке с ним пообщаться... Значит,

он тогда всё же успел сломать если не весь ошейник, то хотя бы маяк?"

— Эй? — Хенна заглянула ему в лицо. — Эй, ты в порядке, Сιο?

— Сιο? — переспросил он на автомате. — Почему Сιο?.. Я... я в порядке, спасибо, просто... Просто вы как... как добрая фея для меня...

"Сιο" на петерианском наречии, служившем для Хенны вторым родным языком, означало название особого вида серебряных воробьёв — что означало, что его наградили ещё одним птичьим прозвищем.

— Вот уж спасибо, кем не являюсь — так это грёбаной феей! Я что, выражена в розовые кружева и имею крылышки за спиной? Нет? Вот и не надо меня так называть! Короче, теперь ты всё знаешь, пошли внутрь. Представлю тебя моим парням. И не надо мне тут в обморок от счастья падать, повторяю. Я слабая хрупкая женщина, и если буду таскать такого дылду, то у меня вывалится откуда-нибудь грыжа — ты же меня на полторы головы выше!

Сильвению улыбнулся и галантно подхватил её под руку. Он не стал ничего говорить, хотя был абсолютно уверен, что, назови кто другой эту женщину "слабой и хрупкой" — эту женщину, несомненно, способную поднять его над своей головой на вытянутых руках и ещё пробежать так километровый забег — то этот кто-то непременно получил бы как минимум испепеляющий взгляд с весьма резким ответом, а как максимум — несколько переломов.

За автоматической дверью оказалось большое общее помещение, сплошь наполненное солдатами. Кто-то играл в карты, сидя небольшими группами за, судя по совершенно разным несочетающимся стилям, натащенными со всех галактик столами, кто-то отрабатывал в группах некоторые приёмы рукопашной, кто-то тренировался со штангой и гантелями, кто-то тихо разгадывал кроссворды, никому не мешая и изредка перебрасываясь парой слов с лезущими с советами товарищами, кто-то так же молча полировал оружие, кто-то смотрел на портативных коммуникаторах какие-то спортивные матчи, а кто-то и просто разговаривал о чём-то отвлечённом — словом, было похоже, что это помещение служило чем-то вроде общей комнаты отдыха. Сильвению присмотрелся к солдатам внимательнее — его удивил тот факт, что среди них не все были люди и не все — мужчины: женщин и представителей близких, но негуманоидных рас (и негуманоидных женщин в том числе) здесь тоже присутствовал довольно большой процент. У Аргзы никогда не было на корабле женщин-наёмниц, и уж тем более он никогда не заключал контрактов с теми, кто не являлся потомком детей Старой Земли. И если женщины ценились у него хотя бы в качестве рабов, то представителей чужих рас не терпел и в таком качестве. Даже Сильвению, насколько бы ни отличался от большинства людей, на самом деле был тоже всего лишь слегка модифицированным человеком. Здесь же, похоже, и те, и те чувствовали себя вполне вольготно и комфортно. Увидев свою предводительницу, все солдаты резко прервали свои занятия — только для того, чтобы поприветствовать Красного Скорпиона кивком, радостным восклицанием или как-то более эмоционально. Кажется, её здесь действительно искренне любили (и Сильвению вполне понимал, почему).

— Цыц, братва! — перекрыла она шум весело, продолжая широко улыбаться. — Все быстро смотрим сюда и здороваемся с нашим гостем! А ты, гость, — она толкнула его локтем. — Не стой столбом и представься!

— Сильвению Антэ Лиам, — представился он послушно и вежливо поклонился.

Теперь приветственные возгласы, улыбки и кивки уже предназначались только для него. Он осторожно просканировал общий ментальный фон, опасаясь, что кто-то здесь будет очень недоволен тем, что Хенна привела его сюда, но — нет: он не ощутил ни малейшего

раздражения по поводу своего присутствия. Судя по всему, о решении привести его Хенна сказала всем заранее, и почему-то никто даже не думал возражать против решения их командира, хотя Сильвенио полагал изначально, что они не очень-то рады будут бесплатно подвозить его, для них, по сути, абсолютно бесполезного и чужого.

Хенна оставила его у порога, сама же нырнула в толпу: раздавала короткие указания, что-то спрашивала, уточняла; одного или двух, выглядевших покрепче остальных, она шутливо ударила в плечо, и те даже не пошатнулись; немногочисленным женщинам-воительницам — по большей части так же коротко остриженным и одетым в какой-либо вид защитного снаряжения — она коротко, по-мужски пожимала руку; по меньшей мере трёх человек — среди них была и одна молодая на вид девушка с такой пышной копной светящихся фиолетовых волос, что непонятно было, как она умудряется удерживать эту тяжесть на голове и не заваливаться в сторону — Хенна крепко поцеловала; ещё несколько солдат она вместо приветствия зачем-то нехило приложила по голове кулаком. Всё это время Сильвенио стоял один, с интересом оглядываясь и краем глаза за ней наблюдая. К нему никто так и не подошёл, но взгляды, скользившие по нему, были лишь дружелюбными и слегка заинтересованными, так что, видимо, опасаться было всё-таки нечего. Девушка со светящимися волосами, получив свой поцелуй, плавно, словно пантера, заскользила в его сторону, откровенно покачивая бёдрами и глядя на него из-под ресниц, и в какой-то момент она как-то внезапно оказалась рядом.

— Так как тебя зовут, зайнька? — спросила она ласково, накручивая на палец длинную фиолетовую прядь.

Сильвенио посмотрел на неё. Она была одета даже ещё более вызывающе, чем Хенна — чёрные лоскутки ткани, ни капли не похожие на доспехи, едва прикрывали грудь, а вместо юбки служило подобие набедренной повязки — две узкие полоски чёрной же ткани спускались с пояса сзади и спереди. На ногах её обозначилось что-то вроде плетёных босоножек, на самом деле состоящих из одних лишь тонких верёвочек и почти незаметной мягкой подошвы. Судя по одежде, волосам, заострённым ушкам и мраморно-бледной коже, его собеседница была с Иггшада-Ли, мрачноватой планеты, где жители из-за непригодной поверхности вынуждены были обитать в подземельях с рождения, оттачивая свои боевые навыки до совершенства из-за суровых условий, но, насколько Сильвенио было известно, выходцы с этой планеты были все сплошь холодными и надменными интровертами, скрытными по самой своей природе, и то, как томно эта конкретная представительница на него смотрела — почти облизывая взглядом с головы до ног — не очень-то вязалось с этим образом.

— Моё имя Сильвенио Антэ Лиам, леди.

— Длинное! — собеседница осуждающе цокнула языком, но сразу же вновь заулыбалась. — Впрочем, не мне жаловаться. Я Илаинара, но ты, зайка, можешь звать меня Ила, мне будет приятно. Ты к нам надолго? Хочешь пожить в моей комнате? Я хорошая соседка: не кричу, не ругаюсь по утрам, грязь не развожу. Пойдёшь ко мне, мм?

— У него будет своя комната, когда мы вернёмся на базу, Илка! — подошедшая к ним Хенна почти с упрёком шлёпнула Илаинару пониже спины, ухмыляясь. — Кончай совращать ребёнка, он тут не для этого. Сию, не верь этой вертихвостке: она имеет нехорошую привычку калечить или убивать всех мужчин, с которыми переспит больше двух раз, а судя по взгляду — она с тобой явно хочет зайти дальше одного!

Он в немом ужасе уставился на продолжавшую сладко улыбаться ему обладательницу

фиолетовой гривы, на что та только кокетливо передёрнула хрупкими плечиками и невинно одарила его парой взмахов длинными ресницами.

— Почему ты думаешь, что я сразу собралась с ним переспать, Хени? Может, я хотела для начала его немножко потискать и полелеять? Ты только посмотри на него, солнышко, он же такая милашка!

— Леди Ила, — попробовал он. — Я безмерно польщён вашим предложением, но...

Красный Скорпион не дала ему договорить, снова схватив его за локоть и дёрнув в сторону коридора, откуда они пришли.

— Не тронь мальчишку, Илка, целее будешь! — погрозила она на ходу, прежде чем автоматические двери за ними закрылись, а затем она чуть замедлила ход и обернулась к Сильвенио. — Не принимай её всерьёз, Сио, она какой-то ужасный гибрид, один предок вроде как с Иггшада-Ли, а другой — вообще хрен знает откуда. Дерётся здорово, как и все эти, подземельные её сородичи, магию знает неплохо, да вот бывает временами, что на неё накатывает память о втором неизвестном предке, и она входит в режим "Мисс Чёрная Вдова" — уж не знаю, зачем. Причём, у неё это только мужиков касается, а так — вполне себе адекватная. Вообще-то, тебе тут вреда никто не причинит, у нас тут народ не кровожадный, так что не бойся. К Илке только не подходи — и всё пучком будет.

Они шли вдоль коридоров, и Сильвенио автоматически подмечал различия в строении с кораблём Паука: здесь коридоры были не такие извилистые и не с такими резкими поворотами, не наблюдал он и переплетения лабиринтов, план экстренной эвакуации, замеченный им на одной из стен, поразил его своей простотой. Попадавшиеся им навстречу солдаты всё так же радушно приветствовали их обоих; он обратил внимание, что некоторые из них вытирали руки от машинного масла, и это тоже было очень странно — с техникой и корабельным оружием у Аргзы связывались обычно только рабы, но, если судить по военной осанке и поведению в отношении Красного Скорпиона, Сильвенио пока ни одного раба на пути не встретилось.

— Леди Хенна, могу я спросить? — решил он через какое-то время. — И, если можно... не один вопрос.

Она отмахнулась, продолжая буксировать его за собой.

— Я не твоя хозяйка, мальчик, и я в любом случае не намерена затыкать тебе рот. Спрашивай, сколько угодно. И я не леди, сколько раз повторять?

— Вы же знаете, что я всё равно продолжу называть вас так. Так вот, для начала, я хотел бы уточнить... Вы всегда называете своих людей "парнями". И... сегодня вы сказали "братва". Но среди них есть и особи женского пола. И я видел одного представителя наррианцев, а они, насколько я знаю, вообще бесполы...

— Да ну, мне проще называть их всех парнями, чем обращаться к каждому по отдельности! — она дёрнула плечом, фыркнув. — И — ты видел их? "Особей женского пола"? Ну, так вот — поверь мне, они все по характеру покруче некоторых мужиков будут. Нет в них ничего бабского. Если тебе интересно, меня мои солдаты частенько называют "сэр" и не парятся с этим. Потому что я для них — прежде всего командир, а уж потом — женщина. Хотя... разве что, Илка больше всех из нас похожа на что-то действительно женское, особенно, когда в модусе соблазнения всех подряд находится. Я раньше, когда ещё не привыкла к ней, обращалась специально отдельно: "братва и ты, в бикини". А потом как-то раз забила просто, а она, вроде как, оказалась не против, чтобы я и её к общему числу относил. Только с тех пор она зовёт меня не "сэр", а этим ужасным и выбешивающим

сокращением "Хени". А я в отместку зову её Илкой. С этим всё ясно?

— Да, благодарю. Ещё я хотел бы знать вот что: вы сказали, что своя комната у меня будет, когда мы доберёмся до вашей базы, но, судя по координатам судна господина Паука, которое находилось рядом в момент моей телепортации — здесь поблизости нет обитаемых объектов, искусственных или естественных. Значит, путь довольно долгий. Не хотелось бы вас беспокоить, однако я наверняка буду мешать, если буду ночевать в общей комнате, хотя, конечно, я постараюсь быть как можно незаметнее и...

На этот раз смех её прозвучал самодовольно, но она не замедлила шаг.

— О, Сио, плохо же ты обо мне думаешь! Я всё-таки в какой-то степени осведомлена о законах гостеприимства, даже если это — пиратский корабль, и уж, наверное, я бы как-нибудь позаботилась бы о комнате для тебя и здесь, если бы это было необходимо. Фишка в том, что мы прибудем на базу через пару часов, тебе не понадобится изображать неприкаянного сироту. Подозреваю, что следующий вопрос — "как"? Ха, сейчас увидишь! Куда, ты думаешь, я тебя тащу? А вот: хочу кое-чем похвастаться перед тобой, я знаю, ты оценишь. Что-то я с тобой слишком много болтаю, пацан, так что пора мне умолкнуть. Всё равно уже пришли.

Они оказались перед ещё одной массивной стальной дверью, на этот раз явно с гораздо более высоким уровнем защиты. Электронный замок требовал ввести код доступа и отпечаток ладони, и Хенна, ничуть не заботясь тем, что рядом с ней стоял Сильвенио, способный запоминать такие вещи с одного раза, тут же ввела пароль и, нетерпеливо приложив ладонь, втощила его внутрь.

Его глазам предстало какое-то гигантское устройство, занимавшее почти всё пространство комнаты от стены до стены и от пола до потолка.

— Ретранслятор! — ахнул он, не сдержавшись.

Хенна только довольно улыбнулась, с гордостью оглядывая устройство. Возившийся возле этого устройства высокий мужчина в военной форме приветственно махнул им рукой и, поднявшись на ноги, двинулся к ним.

— Ага, он самый, — подтвердила Хенна догадку эрландеранца. — Не такой мощный, разумеется, какие прикарманила себе Федерация, через галактики сразу переносить не может. Зато через пару-тройку систем — запросто. Причём в любом направлении. И топливо при этом не тратится, в отличие от гиперпрыжка, так что за сутки его можно использовать много раз. Потом, правда, ему нужна подзарядка и отдых, но недолго. Красавец, правда? Такой же стоит ещё на десятке моих кораблей. Один мы продали тем самым торгашам, которые отправляются на Эрландерану твою, так что твоё возвращение домой займёт, к счастью, не годы. О, они нам заплатили за него, как за целое судно!

— Я бы сказал, как за судно, набитое золотом, — вмешался приблизившийся к ним вплотную солдат. — Это тот самый тайный козырь Паука стоит рядом с тобой, Хенна? Выглядит, как обычный тощий мальчишка.

Несмотря на свои слова, глядел мужчина на Сильвенио вполне приветливо. Один глаз у него перехватывала чёрная повязка, а выгоревшие почти до белизны короткие растрёпанные волосы в сочетании с щеголеватой аккуратной бородкой производили почти такое же впечатление, как простой кожаный жилет и манера речи Тихого Льва — будто бы хозяева этих атрибутов вышли откуда-то из прошлого, этакие благородные пираты из старины. Правда, этот мужчина всё же выглядел немного современнее: к военной форме прилагался сдвинутый набок берет, а за спиной висела самая обычная винтовка. Оставшийся глаз —

тёмно-синий, цветом насыщеннее, чем у Сильвенио — смотрел внимательно, оценивающе, с извечной беззлобной смешинкой.

— Тот самый, уж поверь мне! Его зовут Сильвенио. Сильвенио, это Гиш, мой добрый друг и доверенный товарищ. Если тебе что-то будет нужно, а меня не окажется рядом — обращай к нему. Он не Илка, тащить в постель и убивать не будет.

Странно: всегда насмешливая воительница, обо всех отзывавшаяся с неизменной долей сарказма, об этом Гише говорила без тени иронии. Сильвенио поклонился ему и в третий раз за сегодня представился полным именем, что вызвало громкое фыркание Хенны и лёгкий смешок со стороны солдата. Тёмно-синий глаз продолжал его сканировать.

— Значит, телепат, да? А ну-ка, какой у меня любимый цвет?

Сильвенио не отвёл взгляда и протянул тонкую ниточку своих мыслей к разуму Гиша. Как оказалось, у того был достаточно качественный блок против телепатии, кроме того, поверх блока солдат усиленно пускал явно ложную мысль, звучащую как "зелёный-зелёный-зелёный". Сильвенио не стал бы идти дальше, потому что это означало бы искать в блоке трещины или прорываться силой, чего он делать не собирался, но этого и не потребовалось: вопрос про цвет был слишком простым, и правильный ответ сам пробивался из-под непрозрачной воображаемой стены, не пускавшей его мысли дальше.

— Красный, — отозвался он задумчиво и уточнил на всякий случай: — Красный, как доспехи леди Хенны.

Гиш уважительно присвистнул и потрепал его по плечу, а Хенна, наблюдавшая за этим, только почему-то покачала головой. Тогда Гиш повернулся к ней и сказал уже серьёзно:

— Ретранслятор работает нормально, Хенна, до базы добросит быстро, но потом вряд ли сможем летать ещё несколько дней: я осмотрел корабль, и помимо этой штуковины подзарядка и ремонт ещё многим частям не помешают. Нашу пташку изрядно потрепало в последней стычке.

От слова "пташка" Сильвенио едва ощутимо дёрнулся — хотя, конечно, Гиш имел в виду их корабль. Красный Скорпион кивнула, принимая информацию к сведению.

— Да ладно, Гиш, нам же и не будет необходимости летать пока. Сейчас надо сосредоточиться на наземном бое, помнишь? А выиграем войнушку — тогда и починимся как следует. Не сомневаюсь, что для тебя привести эту птичку в полную боевую готовность труда не составит. А пока — брысь отсюда! Иди и поспи наконец, чёртов трудоголик, и так круги под глазами! Я тут пообщаюсь с моим новым фаворитом пока.

— О, — мужчина со смешком отдал честь, вытянувшись в струнку, его глаз хитро блеснул. — Ну, раз уж вы приказываете, мой командир, не могу не подчиниться. Оставляю вас наедине. Был рад познакомиться, — он усмехнулся. — Товарищ новый фаворит.

С этими словами он вышел, напоследок почти невесомо коснувшись руки Хенны. Воительница оставила этот жест без внимания, поскольку в своих латных перчатках ничего не почувствовала, но Сильвенио заметил, как Гиш, проходя мимо неё, совсем мимолётно погладил большим пальцем её запястье. Это не был жест похоти или какого-либо намёка, просто незаметная, привычная для обоих ласка, ни к чему, вроде бы, не обязывающая.

— Ну что? — Хенна, подождав, пока за Гишем закроется дверь, вновь обернулась к нему. — Поможешь мне настроить эту чудовищно полезную хреновину?

Он немного замялся: последний вопрос, который он намеревался задать, выглядел несколько невежливым в его представлении. Всё же, он подошёл к ретранслятору и отрешённо к нему прикоснулся, давая технике почувствовать себя. Потом произнёс:

— Да, леди, буду очень рад помочь вам с этим. Но прежде... я хочу ещё кое-что спросить. Почему вы направили сюда своего доверенного человека? Я имею в виду... проверка состояния судна обычно не входит в обязанности солдат и высших офицеров, для этого на пиратских кораблях есть...

— Рабы? — подсказала она со смешком, вводя на соединённой с ретранслятором небольшой консоли нужные координаты. — Рабы мне не нужны: от них никакого толка. У меня имеются обычные рабочие, но я щедро им плачу и они могут уволиться в любой момент, когда пожелают — или просто уходят, когда истекает контракт. Но в основном со всякой рутиной справляются и офицеры. А рабы... ну, что я могу сказать, они действительно бесполезны на самом деле. Когда человек не хочет делать какую-то работу, но его заставляют — от этого изрядно страдает качество самой работы. Если ты закончил с расспросами и с любовным поглаживанием моей крутой хреновины, то будь добр, приведи пресловутую хреновину в действие. Тебе приятно — мне польза.

Он не стал скрывать вырвавшийся у него вздох огромного облегчения и быстро активировал устройство в угоду этой невероятной женщине.

Чтобы добраться до пункта назначения, им потребовался с десятков межсистемных переходов, но на месте они оказались действительно быстро. База Красного Скорпиона на этот раз расположилась на планете, которую едва ли не официально признавали общим пиратским центром развлечений. Кажется, там только и имелись, что всевозможные кабаки, казино, загаженные курортные зоны и базары самого разного назначения. Формально, правда, почти все планеты, подобные этой, находились под управлением Федерации, и на каждом таком "пиратском острове" обязательно имелось ещё и здание правительства, но многочисленные служители закона прилетали сюда исключительно развлекаться и никогда — наводить порядок, так что такие места обычно контролировались сообща самыми сильными пиратами. Красного Скорпиона здесь, похоже, знали и гости; и местные жители, потому что, пока они шли от корабля до занимаемого её командой большого пустующего здания, встречные пираты обменивались с ней уважительными кивками и рукопожатиями, а всяческие карманники и мелкие мошенники с испугом шарахались от них в сторону, спеша убраться с дороги. Правда, один воришка полез было к замешкавшемуся Сильвенио, который невольно засмотрелся на то, как здешнее солнце на закате окрасилось почему-то в ярко-зелёный, но вовремя оказавшаяся рядом Хенна вырубилла незадачливого карманника прежде, чем тот сумел понять, что красть у Сильвенио, кроме одежды, совершенно нечего — дальше Хенна поручила эрландеранца заботам Гиша, а сама, добравшись до базы, ушла о чём-то договариваться с теми своими подчинёнными, что прибыли сюда на других кораблях. Гиш выделил ему свободную комнату, сменный комплект белья и одежды и ушёл за своим командиром, после чего Сильвенио, оставшись один, почти сразу же заснул, утомлённый насыщенным эмоциями длинным днём. В ту ночь ему снилось что-то не обременённое смыслом, но, несомненно, хорошее и радостное: он проснулся утром с улыбкой, хотя и ничего из сна не запомнил.

Утром база показалась ему чересчур тихой. Ещё вчера она была наполнена чужими шагами, разговорами и гудящим ульем чужих мыслей, а сегодня, по его ощущениям, в здании было пусто — он нашёл разум разве что одного человека. Мысль о том, что его просто бросили здесь без всяких объяснений, он отнёс сразу же, разумно решив, что Хенна бы с ним так не поступила. Но всё равно ему стало как-то не по себе, к тому же, лежать одному в кровати было непривычно холодно в сравнении с тем, как тепло обычно было просыпаться в

объятиях Аргзы, и он, поспешно вывернувшись из одеяла и одевшись, спустился на кухню, к мерцающему там огоньку дружественного разума.

— А, с добрым утром, зайныка! — приветливо улыбнулась ему обнаружившаяся на кухне Илаинара, полировавшая за столом пилочкой длинные ногти. — Я тут, видишь ли, маникюром занялась, так что, не будешь ли ты так любезен сделать мне чашечку кофе, м? И себе сделай, я великодушно разрешаю. Или ты чай больше любишь? У нас и чай есть, и яичница даже. Не стесняйся, всё, что найдёшь — твоё.

Он растерянно кивнул и подошёл к кофеварке, возле которой, к слову, как раз обнаружилась благоухающая хлебница. Пока он делал кофе для Илаинары, а бутерброды с маслом и чай — для себя, девушка закончила полировать ногти и занялась их покраской; кухня наполнилась сладковатым запахом лака. Сильвенио, молчаливым жестом спросив разрешения, открыл окно, впустив в кухню легкомысленный тёплый ветерок. Лучше, правда, особо не стало: ветер принёс с собой запах алкогольных паров и уличных нечистот, что для этой планеты было вполне нормальным элементом атмосферы.

— Вот ваш кофе, леди Ила, — он поставил перед ней чашку и сел за стол завтракать сам. — Могу я поинтересоваться, куда все ушли, или мне не положено это знать?

Она отложила в сторону лак и одной рукой, ногти на которой пока были не покрашены, изящно взялась за ручку своей чашки, чуть опустив ресницы. Задумчиво сделала глоток.

— Почему же не положено, котик? Ты же теперь вроде как наш, а у нас от своих секретов нет. А куда ушли — так Хени же должна была вроде тебе рассказать, нет? Маленькая локальная войнушка, как она это называет. Они ушли штурмовать местное здание правительства, ещё на рассвете. А меня, как видишь, оставили скучать тут. Обычно мы жребий тянем, кто вытащит короткую — тот остаётся уныло сторожить базу, но на этот раз я сама виновата. Прощтрафилась, так сказать — попыталась немножко пофлиртовать с этим её Гишем. Не подумай, я не собиралась его всерьёз убивать. Но нашу дорогую Хени же не переубедишь, и теперь я тут... ммм... срок отбываю в качестве наказания. А могла бы сражаться сейчас с ними... эх!

Кофе ей, похоже, понравился, потому что она, допив до конца, состроила несчастную мордашку и намекаяюще протянула ему пустую чашку. Когда он молча поднялся, принимая чашку из её рук, она заулыбалась ещё обворожительнее.

— Ты просто душка, милый! — воскликнула она, с энтузиазмом забирая наполненную во второй раз чашку. — Такой лапочка безотказный, что просто слов нет! Ладно, не думай только, что я такая уж эксплуататорша. За то, что ты со мной так мил, я покажу тебе корабль, который отвезёт тебя домой. Как там? На Эрл... Эрна... Элран... неважно, у меня всегда было плохо с запоминанием географических названий. Короче, я уверена, что ты будешь рад на этот корабль взглянуть. Познакомишься заодно с торгашами, которые тебя сопровождать будут.

— Но... как же охрана базы?

Она беспечно махнула рукой, вновь приканчивая свой кофе, и принялась красить оставшиеся ногти.

— Ах, зайка, не будь таким наивным! Кто же в здравом уме будет нападать на базу Красного Скорпиона? Увы, нет тут таких дураков, а то бы я хоть развлеклась немного. Подожди чуток, я сейчас закончу с маникюром — и прогуляемся с тобой.

Потом, когда он доел, а она докрасила ногти в чёрный цвет, они вышли из здания и направились куда-то в сторону ближайшего пустыря. По пути Илаинара всё не оставляла

попыток недвусмысленно к нему прижаться и без конца щебетала, жалуясь на всех подряд: похоже, ей в самом деле было скучно без товарищей.

— И вот Гиш этот её, — говорила возмущённо. — С ним ведь даже не пофлиртуешь, вообще-то! И чего Хени разозлилась, если знала, что он всё равно не поведётся на мои попытки? Ну, у нас, конечно, есть жёсткий закон — типа, своих не трогать ни под каким предлогом. Но я ведь и правда даже не надеялась на успех, когда к нему подкатывала вчера! Гиш же только на нашу Хени и смотрит, и не то чтобы я его винила — Хени-то неотразима, что и говорить. Даже моя безоговорочная сексуальность ей уступает. Мы все по ней немножко с ума сходим, потому что она, сволочь такая, прекрасно знала, кого в команду понабрать. У нас самое страшное наказание знаешь, какое? Изгнание. Не убийство даже, смертную казнь у Хени надо ещё заслужить. А вот если выгонит из команды — всё, позор на всю жизнь и полный абзац, словом. Без неё нам и податься некуда будет. Так что, неудивительно, что если уж Хени сияет рядом в своём великолепии, то ни на кого из своих обычно и смотреть даже не хочется. Только на неё, заразу эту. Но Гиш-то, он же и в её отсутствие ни на кого другого так не смотрит! Не интересуется даже. Вот Хени называет его своим лучшим другом, а мне жаль мужика, пропадает ведь.

Сильвению не знал, что на это ответить, поэтому только молча слушал и вежливо кивал иногда. К тому моменту они уже подошли к огромному кораблю, стоявшему на пустыре, и вокруг этого корабля неспешно возились люди: кто-то затаскивал внутрь деревянные и железные ящики с товаром, кто-то отдыхал в тени судна. Завидев Илаинару, многие торговцы начали махать ей рукой и подбегали ближе, она же, видимо, опять войдя в режим поиска жертвы, посылала налево и направо томные улыбочки и несколькими тщательно выверенными движениями создала вокруг себя целую толпу тихо млеющих поклонников. Особенно эффектно ей удавалось поправлять свои развевавшиеся на ветру невозможные волосы: от этого жеста у одного из отдохавших в тени стариков, кажется, чуть не случился инфаркт. Сильвению невольно подумал, что она была права в том плане, что, будь здесь с ними Хенна, рыжая воительница бы безусловно затмевала бы собой даже эту остроухую красавицу — хотя Хенна бы делала это не нарочно, в отличие от той же Илаинары. Просто такова уж была её особенность, что, где бы Хенна ни появилась, внимание окружающих, в чьё поле зрения она попадала, неизбежно притягивалось к ней. Илаинара была красива и знала все тонкости соблазнения кого-либо, а Хенна просто была громкая и очень, очень яркая — и выигрывала этим.

— Мальчики, — Илаинара, собрав достаточно зрителей, театрально понизила голос. — Вот этот крайне умилительный субъект, который стоит рядом со мной — ваш будущий спутник в предстоящей долгой-долгой дороге. Представляете, он родом с этой... мм... ну, куда вы там направляетесь, название такое ужасное ещё! Так вот, он родом с этой самой, и вы обязаны доставить его домой в целости и сохранности. Мой командир, наверное, уже разъясняла вам, что с вами будет, если вы в пути вздумаете обидеть этого милаху? Да-да, вам не скрыться от её гнева ни в одном из существующих миров!

Торговцы тут же принялись обещать ей, что всё будет сделано в лучшем виде, досталось обещаний и Сильвению, которого начали хлопать по плечам и дружелюбно заверять в том, что он будет в их компании в полной безопасности. Он с безукоризненной вежливостью всех благодарил и не знал, куда девать глаза от смущения: слишком непривычно было встретить столько обращённой к себе доброты. Признаться, он был даже немного напуган таким пристальным вниманием к своей скромной персоне, поэтому, когда Илаинара спросила,

хочет ли он пока остаться здесь или вернуться на базу, он предпочёл вернуться. Со своими попутчиками, сказал он себе, у него будет время познакомиться и позже.

Была, к тому же, и ещё одна причина, почему он не мог пока позволить себе остаться в компании торговцев: ему было беспокойно на душе за воюющую где-то Хенну.

— Леди Ила? — позвал он тихо.

На обратном пути до базы Илаинара молчала и больше к нему не липла: очевидно, успела уже насытиться за день флиртом, но выглядела при этом довольной.

— Да, котик?

— Что за "маленькую войну" ведёт сейчас леди Хенна? Вы сегодня сказали, что все "ушли", а не "улетели", значит, они сражаются где-то здесь, на этой планете. И штурмуют здание правительства. Выходит, леди Хенна намерена захватить здесь власть?

— О, это не такая простая задачка, как кажется! Контролировать всю прибыль и военную мощь этой планеты — такой лакомый кусок, что за него сражается не только грёбаная Федерация, но и наши друзья-нелегалы. На нашу Хени из-за этого разом набросились почти все самые сильные пиратские бароны, которые захотели этот кусок себе, и сейчас она сражается одновременно и с ними, и с Федерацией, на двух фронтах, можно сказать. Но, в общем-то, это и не предел невозможного: мы тут сражаемся уже который день, отвлеклись только, чтобы кое-какие боеприпасы достать и заодно тебя подбросить сюда, и войско правительства уже дерётся довольно вяло, да и друзья-нелегалы уже не слишком рьяно рвутся в бой. Сегодня Хени окончательно выгонит правительственных шишек с планеты и увенчает их здание своим флагом, и останется разобраться только с теми самоубийцами, которые потом захотят этот флаг заменить каким-нибудь другим. Собственно, большинству населения вообще плевать, кто тут заправлять всем будет, все же понимают, что Хени не собирается превращать эту золотую жилу в образец правопорядка. Да и она вполне могла бы обойтись без этой планеты, но, видишь ли, её завоевание больше будет как объявление для всех остальных пиратов: мол, посмотрите-ка, какая у нашего солнышка силища и какие амбиции. Это будет первый шаг к тому, чтобы разгромить Паука.

Они уже успели дойти обратно до базы, и Сильвенио остановился на пороге, в дверях, тревожно глядя на свою спутницу и не понимая, почему она так спокойна.

— И вы... вы не волнуетесь за неё? Всё-таки, сражаться на двух фронтах одновременно... Я знаю, леди Хенна очень-очень сильная, но...

Илаинара подошла к нему и снисходительно постучала ему согнутым пальцем по лбу:

— Тебе нужно больше веры в неё, зайныка. Волноваться за Хени — это всё равно, что сопереживать тому же Пауку: так же бессмысленно и вредно. Хени ведь... всегда побеждает в итоге. Если она не победила в каком-то сражении — значит, будет пытаться сделать это снова и снова, пока в конце концов даже враги не устанут от её настойчивости. Это же наш командир, она, знаешь, такая: всегда идёт до конца, никогда не сдаётся, ничего не делает наполовину. Уж если дерётся — так до победного, если напивается — так в хлам, если орёт — то так, чтоб стёкла дрожали, если любит — то непременно безоглядно, если решила кому-то помочь — так голову расшибёт, а поможет, если решила убить — то уж дорвётся, и ничто её не остановит. Вот взять тебя, к примеру: зачем, казалось бы, столько с тобой возиться? Не такая уж ты помеха при войне с Аргзой, и можно бы было, наверное, нанять всяких техников и поставить блок на телепатическое вмешательство, чтобы тебя нейтрализовать. Но нет, ты же нравишься ей, и она вбила себе в голову, что обязательно должна вырвать тебя из лап Паука и вернуть домой — значит, пойдёт в этом до конца.

Говорю же, ничего наполовину не делает — если ей кто-то нравится, то этот кто-то либо в скором времени отправляется служить в её команду, либо просто получает от неё все возможные привилегии. Короче, это я всё к тому веду, что уж кто-кто, а наша Хени точно не пропадёт. Потому мы и идём за ней слепо, как бараны на заклание. Понимаешь теперь?

Он почувствовал, как улыбка сама собой появляется на его лице, и улыбку эту совершенно не хотелось оттуда прогонять.

— Да... думаю, я понимаю. Благодарю вас, леди Ила.

— Не за что, рыбонька! — она засмеялась и поманила его в сторону кухни. — Пойдём уже время обеда, и я хочу, чтобы ты мне что-нибудь приготовил, потому что кофе у тебя вышел преотличный.

День миновал незаметно. К вечеру вернулись остальные члены команды, включая Красного Скорпиона, и, судя по тому, что уже издали они все кричали какие-то победные речёвки, волноваться за них действительно не стоило. Сияющая Хенна объявила праздник, и они всей толпой завалились в ближайший бар, совмещённый с казино. Сильвению, которому от Хенны досталась пара крепких объятий, чуть не сломавших ему рёбра, с собой в бар потащила неугомонная Илаинара, и не то чтобы он сильно сопротивлялся — на самом деле ему нравилось наблюдать за Хенной, когда она так бурно радовалась. В итоге он весь вечер и половину ночи тихо просидел в углу, попивая сок и с улыбкой рассматривая всех этих необычайных пиратов. И, конечно, он смотрел на Хенну: на то, как она танцевала под какие-то дикие мелодии, на то, как она забиралась на стол и громко произносила тосты про все их будущие победы, на то, как она на спор опрокидывала в себя всё новые стаканы самых разных алкогольных напитков — и на спор же потом выполняла какие-нибудь акробатические трюки, ничуть не шатаясь. Выпивали там, к слову, все до единого, кроме него, и даже у сдержанного Гиша весело блеснул слегка затуманенный тёмно-синий глаз, когда он приглашал Хенну на удивительно медленный для этого вечера вальс. Потом Илаинара выдернула её на танго, а потом пляски снова стали весёлыми и общими.

После праздника все отсыпались до полудня и дольше, и утром на базе снова было тихо. Сильвению — единственный, поднявшийся рано — после завтрака самостоятельно сходил к тем самым торговцам, чтобы ещё раз выразить им свою благодарность и познакомиться получше, и вернулся уже тогда, когда солнце начало уже лениво переползать к горизонту, медленно окрашиваясь в зелёный, а база наполнилась уже опохмелившимися и выспавшимися пиратами. Хенна обнаружилась в комнате отдыха, играющей в карты с Гишем, и в тот момент, когда он вошёл в комнату, она как раз бросала свои карты на стол, сопровождая это руганью на петерианском наречии — очевидно, в карточных играх удача сопутствовала ей не так часто, как в сражениях. Играли, видимо, не на деньги, потому что выигравший Гиш только ласково щёлкнул своего командира по лбу в качестве расплаты, за что получил сердитый пинок по лодыжке и требование щёлкать "как следует". Солдат пожал плечами и выполнил её требование, оставив на её открытом лбу красную отметину, угрожавшую превратиться в синяк, чем Хенна осталась почему-то очень довольна. Затем, заметив Сильвению, она встала со своего места и направилась к нему — и, конечно, не заметила, каким взглядом проводил её Гиш.

— Простите, леди, — сказал он ей. — Я отлучался практически на весь день, не оповестив вас об этом. Я просто не хотел вас будить...

Кажется, в её глазах отразилось неподдельное сочувствие.

— Ох, парень. Похоже, Аргза вбил в тебя рабское мышление глубже, чем я думала, и это

абсолютно не делает ему чести. Ты теперь свободный человек, помнишь? Даже если я по какой-то невероятной причине проиграю Аргзе, ты к тому времени уже давно будешь на пути домой. Ты не обязан ни перед кем оправдываться, маленький заморыш. Ни передо мной, ни перед кем-либо ещё. Ты больше не раб.

Он прикрыл глаза, прислушиваясь к растущему тёплому комку в его груди, который обжигал ещё сильнее от всех этих слов. А ведь когда-то, подумать только, он и представить не мог, какие слова однажды сделают его таким счастливым: не слова любви и не слова тайных знаний, а только простое "ты больше не раб".

— Спасибо вам...

— Перестань меня благодарить, ради всего святого! Лучше пойдём, — она потянула его за локоть в коридор. — Воздухом подышим. Тут душно.

Она вытащила его кружными путями на пустую террасу. Тёплый пьяный ветер ласкал им лица и нашёптывал на ухо разными голосами что-то многообещающее, зелёное солнце неторопливо падало сквозь кучерявые облака к линии горизонта. Сильвению засмотрелся на этот закат, а Хенна, прищурившись, смотрела куда-то в сторону, словно бы выглядывая там что-то. Потом она сказала:

— Разведка донесла сегодня, что завтра где-то около полудня здесь будет лидер Клана Волка. И он тоже явно летит сюда не развлекаться. Когда-то он страсть как хотел войти в Альянс пиратов, но не получилось, и все эти годы он тоже силу копил. Теперь вот, небось, думает, что если победит меня и захватит эту территорию, которую я объявила своей, то его с распростёртыми объятиями в Альянс примут на моё место. Ага, так прям сейчас вот и приняли, ха! Хотя, конечно, чёрт знает этого Аргзу, что ему на ум придёт... В общем, суть не в этом, а в том, что завтра всё решится. Стоит мне победить Клан Волка — и планета моя, насовсем. Больше никто лезть не захочет, я в этом уверена. И всю неделю мы с парнями будем набираться сил и отдыхать, а после того, как ты улетишь на свою Эрландерану, я созову сюда все свои шестьдесят кораблей, и отсюда мы отправимся за Пауком. Думаю, я даже могу заключить с ним что-то вроде пари: один мой маленький флагман против его гигантского чудовища, и если я проиграю в этом бою — то все мои остальные пятьдесят девять кораблей перейдут под его командование, а если выиграю — что ж, тогда я разгромлю его целиком и полностью, и Альянс будет моим. Так что... если ты хочешь передать ему что-нибудь на всякий случай — можешь передать через меня.

Он покачал головой: что он мог ему передать? Бессмысленно было бы в данной ситуации отправлять ему послание в духе "берегите себя", потому что в бою с Хенной Аргза себя беречь явно не будет. Это было, без сомнений, ужасно невежливо — сбегать вот так, не попрощавшись, но Сильвению действительно не знал, что он мог бы ему сказать в качестве прощания. Его счастье, его надежды, его мечты — всё было отравлено привкусом горечи из-за этого некрасивого поступка, который он собирался совершить, из-за того, что он собирался навсегда оставить Аргзу одного, наедине с его вечными демонами. Но, возможно, говорил он себе, он сможет навестить его однажды, если Аргза выживет...

— Нет, леди, мне нечего ему сказать. Всё, что я мог бы сказать, он воспримет, как издевательство, а я этого не хочу. Я хотел попросить вас о другом. Вы сказали, что завтра вам предстоит последняя битва здесь... могу я принять в ней участие? Я хочу помочь вам. Разумеется, толку от меня в открытом бою не будет, но в моих силах просчитывать действия противника и замедлять либо аннулировать его атаки, если у меня будет доступ к любому местному компьютеру, и если корабль и связные устройства противника будут достаточно

близко... И я могу устроить общий телепатический фон вашим солдатам, чтобы вы могли лучше координировать их действия. Ненадолго, правда... Я готов сделать всё, что на что способен, ради вашей победы.

Хенна воззрилась на него с крайним изумлением, но усмехнулась и кивнула:

— Я уже говорила, что не дура, чтобы отказываться от твоей помощи, мальчик. С тобой у нас, бесспорно, всё пройдёт гораздо быстрее и гораздо более гладко, чем без тебя. Завтра с утра я подумаю, как лучше тебя пристроить на поле боя. А пока... проводи меня до моей комнаты, побудь на этот вечер моим кавалером.

Обратно по коридорам они шли прогулочным шагом, и Хенна держала его под руку. У её двери они остановились, и она посмотрела на него со странной выжидательной улыбкой, чуть прищурившись. Он же только наклонил голову в непонимании. Улыбка её чуть изменилась: теперь она закусила губу, как будто бы сдерживая что-то, янтарные глаза сверкали искрами нерождённого смеха.

— Мда, — фыркнула она, так и не дождавшись больше ничего с его стороны. — Иногда я забываю, что ты у нас не от мира сего. Как вы там вообще размножаетесь у себя, если простейших намёков не понимаете?

Он вспыхнул, осознав.

— Вы... вы... леди Хенна, вы...

— Да, я, я Хенна, но не леди, сколько раз повторять? Пойдём уже внутрь, Сио, не стой столбом. Ты правильно понял, что именно я тебе предлагаю. Впрочем, если у тебя от Аргзы на этой почве какая-нибудь боязнь или там психологическая травма — я не настаиваю.

Сильвенио задумался. Пока он думал, Хенна успела затащить его в свою комнату, захлопнув за ним дверь, и расстегнуть ему куртку. Он ощутил, как её немного мозолистые от меча пальцы забрались ему за пояс штанов, и это на самом деле было более чем настойчиво, но чужие губы — чувственные, полные, ярко-красные — прижались к его губам очень мягко, приглашающе.

— Мужчины обычно выказывают больше энтузиазма, если я делаю так, — жарко прошептала Хенна, беззастенчиво двигая поверх его нижнего белья ладонью вверх-вниз. — Некоторые женщины, впрочем, тоже не остаются равнодушными обычно. Я не принуждаю, Сио, я не Аргза, чтобы тащить тебя силой, и всё-таки я очень надеюсь, что ты не станешь оскорблять меня отказом.

Нет, он совершенно не хотел её оскорблять, Хенна не заслуживала никаких оскорблений, тем более, с его стороны, а ведь он столь многим ей обязан. И будет обязан ещё больше, если ей всё же удастся отправить его домой, а в таком случае он после даже не сможет её отблагодарить. Сделав все эти заключения, он вздохнул и начал аккуратно расшнуровывать её открытые доспехи, в которых она умудрялась ходить весь день. Если она хочет получить его сегодня ночью — что ж, пусть.

Он, видимо, слишком медлил, потому что Хенна нетерпеливо высвободилась из доспехов и кольчуги сама и подтолкнула его к кровати, чтобы стянуть с него всю нижнюю часть одежды — куртка уже была отброшена куда-то в угол. Потом вдруг остановилась и как-то хмуро оглядела его, оставшегося в одном белье. Он знал, на что на смотрит: некоторые особенно глубокие синяки и засосы ещё не до конца прошли после последней ночи с Аргзой, хотя миновало уже три дня с тех пор, как он в последний раз к нему прикасался.

— Всё в порядке, — поспешил заверить Сильвенио. — Эти следы... скоро исчезнут. Я

уже к ним привык.

Она покачала головой и за локоть потянула его к кровати.

— Чувствую себя так, будто собираюсь насилловать несчастного ребёнка, которого, к тому же, бьют родители — я, наверное, ещё большая извращенка, чем Илка, — проворчала она и искоса глянула на него. — Ты точно в порядке — ну, с этим всем? Повторяю: я не принуждаю.

Он улыбнулся, опираясь о постель коленями и нависая над ней сверху, поцеловал её в плечо, заскользил кончиками пальцев по твёрдому плоскому животу.

— Да, леди Хенна, я в порядке. Идея совокупления не вызывает у меня отвращения сама по себе, к тому же, я действительно хочу вас отблагодарить за всё и сделать вам приятно. Если вы хотите, чтобы я выразил вам свою искреннюю признательность именно так — я не в праве отказать.

Хенна засмеялась и притянула его в новый глубокий поцелуй, простонав только:

— Я не леди!!!

Потом слова как-то сами собой закончились, и на комнату опустилась уютная, жаркая тишина. Хенна была вся раскалённая, прямо как Аргза, но если у того тепло распространялось равномерно по всему телу, то Хенна полыхала как-то частями, словно огненные шары путешествовали от одного участка её тела к другому с умопомрачительной скоростью. Сильвению попытался отследить хотя бы один такой шар огня ладонью, затем губами — не вышло, упустил. Зато Хенне, похоже, его исследование понравилось, и она, довольно выгнувшись навстречу его движению, одобрительно обвела языком его ухо. Подвижная, как ртуть, гибкая и горячая, она едва-едва позволяла ему перехватить инициативу в некоторые моменты, но в целом являлась бесспорной и полноценной хозяйкой ситуации. Сильвению же, впервые имеющий подобный опыт с женщиной, никак не мог заставить свой разум перестать каталогизировать, и потому невольно сопоставлял различия, подмечал интересные особенности, изучал новую для него сторону вопроса. Однако он был благодарен Хенне теперь уже хотя бы за то, что она и не требовала от него ничего невозможного: она фактически сделала всё сама, за него, хотя он не мог не признать, что удовольствие в итоге получили они оба. Она направляла его, подсказывала своими движениями нужную позу, стимулировала жаркими умелыми ладонями, и если он делал всё правильно, то она гортанно рычала и выгибалась, отчего у него периодически приятно мутнело перед глазами. Е

му оставалось купаться в её жаре, в её глазах, в её страсти — и ему это до безумия нравилось.

После, когда всё закончилось, Хенна раскинулась на простынях, вновь неизбежно напоминая довольную кошку. Сильвению сел в кровати, заворачиваясь в покрывало — спать не хотелось, да и оставаться в чужой постели было как-то неловко. Одно дело — спать в кровати Аргзы, к которому он успел за эти годы основательно привыкнуть, и совсем другое — оставаться на ночь пусть даже с Хенной. Теперь, когда чуточку схлынула волна благоговейного трепета, ему было стыдно и как-то неудобно. Её взгляд из-под полуопущенных век прожигал ему спину: одного раза ей явно было недостаточно, но настаивать она больше не стала.

— Чего ты вскочил? — поинтересовалась она лениво, тронув его поясницу. — Полежи ещё, я тебя не гоню. Или засмутился теперь?

— Да, немного... простите.

— Жалеешь, что ли, что изменил своему хозяину? — она тихо прыснула в кулак. — Да брось, он-то уже, небось, развлекается там с кем-то из своих рабочих, пока тебя нет.

— Я знаю, — он повернулся к ней, поменял позу, поджав под себя ноги, но из покрывала разворачиваться не стал. — Я знаю, леди, что тут не о чем жалеть, как и о том, что господин Аргза не из тех, кто будет соблюдать какие-то... м... нормы поведения в этом плане. Просто... просто всё это так странно. Столько обстоятельств, из-за которых я вынужден забывать многие традиции своего народа... Но вы же мой друг, так что, наверное, тут нет ничего страшного.

— Друг? Хм, — она задумчиво улыбнулась. — Хорошо. Звучит неплохо. Хотя и не хуже, чем "любовник".

Он покраснел, в который раз за вечер.

— Леди Хенна...

Воительница рассмеялась и сладко потянулась в постели, закинув руки за голову.

— Расскажи мне о нём, мальчик. О Пауке. Почему он тобой так дорожит? Ты замечательный, не пойми неправильно, но я знаю этого мерзавца: он ни к кому ещё не относился так трепетно. И так долго. У него вообще, по-моему, самые долгие отношения длятся не больше двух-трёх ночей. Сомневаюсь, что у него даже на его родной планете постоянный партнёр был.

— Я не знаю, почему так, леди. Но, полагаю, я всё же не единственное исключение: вы были с ним гораздо дольше.

— Ну, дольше двух ночей уж точно, но меньше, чем ты. Хотя, как видишь, он до сих пор никак не идёт у меня из головы, да и он, готова поспорить, частенько обо мне вспоминает.

— И всё-таки вы расстались?

Она на мгновение сморщила нос.

— Ну да. Мы, знаешь ли, не лучшая пара. Он хотел меня полностью контролировать и бесился, поскольку я этого ему делать не позволяла. А я хотела, чтобы он хоть немного перестал быть таким придурком — и тоже, в общем, не получала желаемого. Мы оба слишком хотели власти друг над другом и в то же время не хотели ничем жертвовать. А отношения — это всегда компромисс, верно? Только вот... я сомневаюсь, что он на этот компромисс будет когда-либо способен.

Сильвению ощутил мимолётный прилив чего-то, подозрительно похожего на гордость, и сразу же заглушил этот порыв. Но всё же не удержался и заметил тихо:

— Я научил его извиняться...

Хенна издала недоверчивый горловой звук.

— Серьёзно? А тапочки он тебе не приносит?

— Серьёзно. Не приносит, разумеется. Но извиняется. Хотя и редко...

— Ха! Если он извинился перед тобой хотя бы один раз — ты уже герой!

— Я не думаю, что...

— Знаешь, — перебила она. — Он выглядит с тобой счастливым. Со стороны, наверное, незаметно, но я-то не совсем "сторона". То, как он на тебя смотрит... это даже не смешно. Как будто ты — его сокровище. Он смотрел так на тебя ещё тогда, в день нашей с тобой первой встречи.

— Что вы такое говорите, леди... Он тогда чуть не изнасиловал меня прямо там, на столе, вам ли не помнить... Я тогда хотел провалиться сквозь землю от стыда...

— Ты стоял к нему спиной, разве нет? Поверь мне, Сие: так, как он смотрел на тебя —

и смотрит до сих пор! — так он не смотрел ни на кого. Не сомневаюсь, что при этом он остаётся тем ещё ублюдком и не даёт тебе спокойной жизни, но с этим уже ничего не поделать. Тебе хоть нравилось с ним? Хоть немного? Или он, как дракон, только стережёт своё сокровище, ничего не давая взамен?

Сильвенио задумался, глядя в пространство и плотнее кутаясь в покрывало. Он считал себя, вообще-то, довольно внимательным, однако вечно оказывалось вдруг, что он всё-таки что-то упустил. Особенно часто он ошибался с выводами насчёт Аргзы. Или это ошибались окружающие? Джерри говорил, что Аргза всегда относился к Сильвенио лучше, чем к остальным рабам, но Джерри был мёртв; разве это означает хорошее отношение — убивать чьего-то лучшего друга? Аргза почти не бил его, зато и к его словам он был гораздо более придиричив, и наказания его были тяжелее. Теперь Хенна заявила, что Аргза как-то по-особенному на него смотрит, и — да, он и сам помнил все те странные тёплые взгляды и улыбки, которые варвар посвящал одному ему, но... в свете многих его действий и поступков все эти улыбки и взгляды, честно говоря, немного обесценивались. Или же наоборот, их в таком случае следовало ценить ещё больше? Сильвенио так и не мог решить, какую систему ценностей здесь следует применять. Аргза определённо не был нормальным... или, напротив, он как раз и был нормален, а эрланские представления о том, что является для людей нормой, безнадёжно устарели, пока они жили в своём затворничестве? Столько вопросов — и ни одного точного ответа, который нельзя было бы оспорить.

— Я... я не знаю, честно. Я не знаю, нравится ли мне с ним. Иногда он бывает таким... заботливым. Он защищает меня. От холода, от опасностей, от врагов, от всякого страшного... Тогда — да, нравится, пожалуй. Но потом он снова делает что-нибудь такое, что переворачивает всё с ног на голову, и тогда мне с ним очень трудно. Я очень редко могу его понять, несмотря на мою телепатию и несмотря на то, что наши разумы связаны.

Хенна молчала, думая о чём-то своём. До рассвета было ещё далеко, а сегодня должна была состояться последняя большая битва, и если Сильвенио хотел принять в ней участие, то ему стоило выспаться. Он начал собирать по комнате свою разбросанную одежду и натягивать её на себя.

— Если у тебя есть с ним ментальная связь., - наконец произнесла Хенна задумчиво. — То лучше тебе её разорвать. Пойми меня правильно, эта связь только помешает. И тебе, и мне.

Он кивнул, застёгивая куртку. Мысль об этом уже приходила ему в голову, но ему до сих пор трудно было принять окончательное решение. Однако Красный Скорпион, разумеется, была права, и ему следовало как можно скорее перекрыть мысленный канал, связывающий его с Аргзой. Существовала, правда, связь ещё и куда более глубокая, которую разорвать без посторонней помощи пока не представлялось возможным — та связь, которую заключил с ним сам Аргза посредством ритуала разделения боли. Теперь из-за этой связи у него что-то ныло внутри: пока ещё безболезненно, но с каждым днём всё ощутимее. Оставалось надеяться, что с этим помогут разобраться на его родине. Впрочем — впрочем, он не сомневался, что, когда он наконец-то вернётся домой, в сравнении с этим все мнимые тревоги покажутся ему сущей мелочью, полуреальными кошмарами из прошлого. В конце концов, он будет слишком счастлив, когда это случится, разве нет?

— Да, — сказал он вслух. — Да, вы правы. Спасибо вам ещё раз... за оказанную мне честь сегодня. Увидимся утром, леди. Хороших снов вам...

— И тебе, Сно, и тебе, — догнал его в дверях её голос.

Этой ночью ему не снилось абсолютно ничего, и, тем не менее, проснулся он с тем самым нехорошим предчувствием, которое преследовало его ещё до судьбоносного звонка Хенны. Что-то определённо должно было случиться сегодня.

Пираты, видимо, были целиком и полностью уверены в своих силах и в силах своего невероятного командира, потому что Сильвенио, проснувшийся на всякий случай даже раньше обычного, не увидел никаких приготовлений к предстоящей битве. Многие ещё спали, а больше половины бодрствующих лениво стягивались с кухни в комнату отдыха. Позавтракав вместе с откровенно зевающей Илаинарой, он отправился на поиски Хенны надеясь, что хотя бы она не собирается сегодня вставать в последний момент — и обнаружил её вместе с Гишем, что-то обсуждающих. Завидев его, Хенна сделала приглашающий жест рукой, чтобы он подошёл ближе.

— Не передумал, малыш? — спросила она сразу.

— Нет, леди Хенна.

— Отлично. Значит, поручаю тебя ему, — она кивнула на Гиша. — Он тебе расскажет, что и как. А я пойду будить своих солдат — через полтора часа надо бы потихоньку выдвигаться. К полудню мы не только должны уже быть у здания правительства, где теперь наш флаг, но и сделать к тому времени вид, будто мы оттуда и не вылезали.

Гиш снова коснулся напоследок её запястья, и снова она ничего не заметила. Сильвенио проводил её задумчивым взглядом и некоторое время просто молча наблюдал, как Гиш, усевшись на подоконнике, чистит свою винтовку.

— Ты хочешь у меня что-то спросить, прежде, чем я начну тебе что-либо объяснять, — констатировал тот, не поднимая от винтовки глаз. — Вперёд.

Он сконфузился и тоже опустил взгляд.

— Это не моё дело... я не должен в это лезть...

— Не валяй дурака. Спрашивай, если уж приспичило.

Сильвенио вздохнул и украдкой посмотрел на своего собеседника, убедившись прежде, что Хенна действительно ушла.

— Почему вы не скажете ей?

— О чём?

— О том, как... как сильно вы её любите.

Гиш приостановил своё занятие и тоже посмотрел на него. Тихая спокойная улыбка озарила его загорелое лицо, в морской бездне уцелевшего глаза плескался нерождённый ещё тайфун, которому суждено было высвободиться только позже, когда начнётся бой.

— Мы все её любим. Все её подчинённые, со всех её шестидесяти кораблей. Она держит нас вместе. Хенна — центр нашего существования.

— Да, но... вы любите её по-особенному... Сильнее всех. Больше, чем друга...

Тот пожал плечами и вернулся к чистке своего оружия.

— Ну и что с того? Ей не нужен ещё один обожатель. Ей нужно плечо, на которое можно опереться в случае чего. Ей нужен тот, кто будет её временами осаживать и чуток сдерживать её темперамент. Любовников у неё и так много, а друг — один, и я не собираюсь её этого друга лишать. Вот и всё.

Сильвенио молчал, не зная, что ещё сказать и нужно ли говорить вообще. Гиш же, закончив с винтовкой, поднялся с подоконника и, знаком велев Сильвенио следовать за собой, вышел в коридор, на ходу переключаясь на объяснение плана.

— Слушай сюда, — сказал он, обернувшись через плечо. — Мы с Хенной решили, что

поскольку тебе необходима безопасная позиция так же, как и мне — хороший обзор, то лучше всего нам с тобой разместиться вместе на крыше одного здания, что неподалёку от здания так называемого правительства. Оттуда мне будет удобно отстреливать врагов, да и тебя там никто не достанет. Я правильно понимаю, что тебе достаточно одного портативного компьютера? Отлично, тогда я беру с собой только один. Плюс у тебя будет постоянная радиосвязь, как и у всех наших, — Гиш бросил ему, не замедляя хода, маленький чёрный наушник. — У тебя, правда, волосы слишком ярким пятном на фоне крыши выделяться будут, но я тебе сейчас выдам куртку с капюшоном, авось и не станут палить по безоружному, если что. А вообще-то, ты, "если что", лучше уматывай с крыши и скрывайся где-нибудь в городе, хоть в ближайшем кабаке. Все двери в том свинарнике, который Федерация красиво именуется здешней столицей, всегда открыты. Это я к тому, что на твою персональную защиту у нас, сам понимаешь, времени нет. Хотя на самом деле тебе вряд ли будет что-то угрожать: бой по всем параметрам предстоит быстрый и не особенно трудный. Если ты такой полезный, как отзывается о тебе Хенна — то и вовсе к ужину вернуться успеем. И, возвращаясь к теме крыши — имей в виду, я тебя где-нибудь в середине оставлю и присоединюсь к остальным, как патроны кончатся. Нам лучше выйти пораньше остальных — присмотреться на месте, расположиться. Да и тебе нужно наверняка настроить... что-нибудь. Так что, лучше выйти сейчас.

— А леди Хенна не будет возражать?

— О, ты просто не знаешь, как она любит немного покрасоваться на поле боя, если у неё есть какие-нибудь незримые, но знакомые ей наблюдатели. Я, может быть, дам тебе даже полюбоваться на неё в прицел, если у меня там будет не слишком много работы.

Так они, по пути захватив для Сильвенио куртку с капюшоном, вышли с базы. Снаружи их ждало несколько бронированных машин с новыми контрабандными ускорителями, которые Хенна скупала в каждом городе, где собиралась воевать, но Гиш, игнорируя эти гибриды спортивных автомобилей и танков, направился к одиноко стоявшему возле них старому мотоциклу, и Сильвенио ничего не оставалось, кроме как последовать за ним и усесться за его спиной на этот ненадёжный по всем параметрам транспорт.

До места они добрались задолго до полудня, и пока Сильвенио осматривал с крыши пиратскую "столицу", заодно изучая захваченный Гишем с базы небольшой компьютер размером с две его ладони, снайпер флегматично курил и примерялся к направлению ветра. Смотреть на перманентно протекающие внизу пьяные драки и высчитывать процент содержания спирта в воздухе не хотелось, и Сильвенио, маясь от скуки, углубился в бесконечные сети интернета — искать что-нибудь полезное о Клане Волка. Почти случайно вышел на персональный компьютер предполагаемого врага, но взламывать не стал — без необходимости он этим заниматься не собирался. Он ещё раз напомнил себе, что решил на это не для того, чтобы показать кому-либо свои умения; нет, он согласился сражаться только лишь потому, что всё ещё чувствовал, что не до конца отплатил Хенне. Ну и, пожалуй, потому, что он безумно хотел помочь ей пусть даже в этом.

Солнце уже начало досадно припекать, а ещё ничего толком не происходило, но потом в город ворвались те самые бронированные машины Хенны, и на улицах сразу стало как-то заметно меньше бродяг и пьяниц. Красный Скорпион вошла в этот город уже не как предьявляющая права на территорию хищница, а как королева: кто-то из вольных бандитов даже кричал её новый титул вслух.

А потом — а потом небо наполнилось чужими кораблями, и вся сонная ленивая

атмосфера как-то разом слетела со всего войска Хенны.

От скуки не осталось и следа: ближайшие часы у Сильвенио не было на неё времени. Город заполнился воинственной толпой, криками, выстрелами и звоном оружия, и у Сильвенио, у которого неожиданно пошла кругом голова от всей этой какофонии голосов и разумов, все усилия уходили на то, чтобы выполнять свою часть работы. Он координировал действия солдат Хенны, отдавая им короткие телепатические советы и указывая наилучший момент для атаки, он поддерживал связь напрямую с Красным Скорпионом, в нужный момент давая ей увидеть месторасположение её подчинённых и её противников, выяснял ежеминутным сканированием слабые места вражеских кораблей и оружия — и многое другое. Гиша рядом с собой он практически не замечал с самого начала боя, винтовка у того стреляла совершенно бесшумно, и когда снайпер перед тем, как покинуть облюбованную ими крышу, протянул ему свою флягу с водой, чтобы он промочил пересохшее горло, Сильвенио поначалу изрядно растерялся, поскольку, как оказалось, совершенно выпал из реальности, полностью расщепив свой разум на слой компьютерный и слой телепатический.

На самом деле, прогнозы Хенны и Гиша полностью оправдывались: бой уже можно было считать выигранным, а Клан Волка — почти полностью разгромленным. Даже лидер их, сражающийся уже три часа кряду с Хенной, заметно выдыхался. Сама она, правда, тоже уже изрядно устала от столь напряжённого темпа, Сильвенио слышал через наушник её затруднённое дыхание, да и остальные её солдаты уже выбивались из сил — разве что Илаинара никак не проявляла то, что вымотана. Однако это только приободряло войско Красного Скорпиона ещё больше, потому что им, в отличие в их противников, оставалось продержаться совсем чуть-чуть до полной победы. Ещё чуть-чуть, одно, последнее усилие, последний рывок — и можно будет отдыхать целую неделю, так думали все, и Сильвенио тоже; он представлял, как за эту неделю постарается ещё оказаться полезным этим потрясающим людям, и ещё он представлял долгую дорогу домой, так что на усиливающуюся от такого размера ментального поля головную боль можно было и не обращать внимания. В общем, всё шло согласно плану.

Пока его компьютер не вырубился совершенно неожиданно и пока каким-то образом не отключилась и радиосвязь во всём городе, и его телепатическое поле, охватывавшее всех нужных ему участников.

Ровно пять минут он пытался восстановить хотя бы что-то, но нечто неведомое будто бы пресекало все его попытки под корень. Он почувствовал это: чужую силу, давившую на его разум, давившую на все его инстинкты. Попытавшись эту силу осторожно прощупать, он протянул к ней неощутимые, слабые нити-усики, но его в ответ только ударили со всего размаху, да так, что он отлетел чуть ли не на противоположный край крыши, хотя, кроме него, там абсолютно точно никого не было. Он успел понять только, что, пожалуй, вполне мог бы потягаться с неизвестным вражеским телепатом: он (или она) брал умениями и недюжинной сосредоточенностью, но Сильвенио знал, что по количеству чистой ментальной силы мог бы перебороть его, даже при том, что он никогда не использовал атакующих приёмов и понятия не имел, как наносить такие точные удары тому, кого даже не видишь. Он мог бы потягаться с этим неведомым новым врагом, да, но, разумеется, он не стал, потому что всё, что он мог себе позволить — это защищаться, а не нападать, и защитные техники в любом случае годились сейчас при таком раскладе сил только на него одного. Поэтому он прекратил вмешиваться, и противник его больше не трогал, потеряв к нему, видимо, интерес. В принципе, ничего такого страшного не случилось, несмотря на то,

что его так резко вывели из игры, он был уверен, что воины Красного Скорпиона прекрасно сориентируются и сами, да и исход сражения, опять же, был уже решён. Однако, терзаемый всё тем же ужасным предчувствием, которое всё никак не желало хоть на сколько-то надолго его покинуть с того самого момента, как Аргза рассказал ему историю становления и падения Альянса, Сильвенио попытался мысленно докричаться до Хенны, однако найти её сейчас, когда контакт разорвался, было слишком сложно, а новое поле ему возводить не позволял его собственный незримый противник. Предчувствие усиливалось с каждой минутой, заставляя проклинать свою излишне острую интуицию, и что-то неодолимое повлекло его с относительно безопасной крыши в самую гущу боя.

И он увидел то, что заставило его похолодеть от ужаса: солдаты Хенны сражались уже не столько с Кланом Волка, сколько друг с другом. При этом каждый из них кричал ещё что-то воинственное, что-то обидное, и по их воодушевлённым лицам, по их блестящим глазам он понял, что они одурманены какой-то иллюзией. Пока они тратили оставшиеся силы друг на друга, их враги довольно шустро меняли позицию, нанося удар исподтишка, в спину. Их враги собирали своих раненых, деловито приводили в порядок оружия, а их даже не видели, к тому же, число противников явно начало резко возрастать. Откуда-то приходили и приезжали всё новые и новые нападавшие, и доблестной армии Красного Скорпиона грозило уже даже не поражение, а полное истребление под ноль. Сильвенио бежал, задыхаясь, и всё ещё лихорадочно искал хоть какие-то признаки Хенны — голос, мысль, яркие доспехи, красный меч, рыжую голову — всё, что угодно. Он бежал, а над ним разрывались снаряды, гудели лазерные бластеры, вокруг него что-то оглушительно звенело и грохотало, раздавались взрывы, почва уходила из-под ног, и перед его глазами перемещивались и небо, и земля, и люди, и огонь, и реки крови. Он бежал, а в него стреляли, в него летели тяжёлые железные осколки, один из которых глубоко пропорол ему плечо, вызвав такую дикую волну боли, что он не упал только лишь потому, что понимал: его просто затопчут и переломают ему все кости, не заметив. Чёрный дым забивался в ноздри и разъедал глаза, и вскоре Сильвенио уже не знал, куда бежит, он потерял свою цель, не искал уже даже Хенну и только мечтал поскорее выбраться из этого Ада. Ему уже казалось даже, что он не бежит, а давно потерял сознание или просто умер, и только воображение его, вероятно, зачем-то пририсовывало ему ненужные больше ноги и заставляло нестись дальше.

Наконец, он каким-то чудом увидел совсем рядом Гиша, чуть не разрыдался от облегчения и — тут же восстановилась его собственная поисковая сеть. Вернее, её наверняка восстановили за него, потому что он помнил точное число всех солдат Хенны, а огоньков разума, равных этому числу вначале битвы, оставалось от силы несколько штук. Где-то справа мелькнула пышная фиолетовая копна волос Илинары, на его глазах она оказалась в эпицентре очередного взрыва — погас ещё один из этих немногочисленных огоньков. Он ощутил в конце концов и разум Хенны, самый яркий, самый порывистый огонёк, но она находилась слишком далеко, а сердце его сжалось уже в страхе не за себя, а за неё, и потому он первым делом бросился к снайперу, который, пока он приходил в себя, успел оказаться к ней ближе, чем к нему.

— Сэр Гиш! — закричал он, срывая голос и уже с отчаянием понимая, что его вряд ли услышат в таком невообразимом шуме. — Сэр Гиш!!! ХЕННА!!! СПАСИТЕ ЕЁ! ПОЖАЛУЙСТА!

Кажется, Гиш не расслышал ничего, кроме одного лишь заветного имени, и этого хватило, чтобы снайпер мгновенно бросился в сторону своего командира, расшвыряв по пути

врагов, как ненужные помехи. В этом порыве, в этом движении была вся его любовь, вся его сила, всё его стремление...

Гиш не успел.

В тот же миг, когда снайпер упал замертво, а его отрезанная голова покатила по пыльной земле, снаряд попал Хенне в живот, и она, разрубив ещё несколько врагов мечом, рухнула сначала на колени, а затем — на землю вниз лицом. Сильвенио, издав какой-то нечеловеческий протяжный крик, опрометью кинулся вперёд, к ней, не замечая, что после этого последнего выстрела во всём городе повисла неестественная тишина, которая после всего этого оглушала сильнее, чем взрывы. Огонёк в его мыслях остался только один.

Хенна, когда он её нашёл, успела перевернуться на спину и теперь бездумно смотрела в сокрытое дымом небо.

— Ног не чувствую, — сообщила она ему абсолютно спокойно, когда он, содрогаясь, упал рядом с ней на колени. — А жаль. Я бы ещё встала. Но эти уроды, кажется, перебили мне позвоночник. Слушай... можешь отдать мой меч Гишу?

Сильвенио судорожно сжал её ладонь обеими руками и наклонился к ней ниже.

— Не могу... Сэр Гиш умер, леди. Тридцать секунд назад. Вы... вы последняя... из вашей команды.

На мгновение янтарные глаза подёрнулись тоской, но затем она взяла себя в руки и мужественно нашла в себе силы улыбнуться:

— Последняя, значит? Что ж... неплохо. Значит, мои парни там ждут только меня, да? Хорошо... хорошо.

Он до крови закусил себе губу, чтобы не расплакаться, как ребёнок. Потому что Хенна не должна была видеть его слёз, иначе он будет недостоин того, чтобы быть последним, кого она увидит в своей жизни.

— Как там моя рана, Сио? Всё плохо? Только, чур, честно.

— Да... да, леди, всё очень плохо, — чтобы быть в этом уверенным, ему даже не нужно было знать медицину: сквозная дыра в её животе, сквозь которую просвечивала сырая от крови земля, говорила сама за себя.

Непонятно было, как при таком ранении Хенна умудрялась не только оставаться в сознании и говорить с ним, но и ничем не выказывать испытываемой ей боли. На её побелевшем лице как-то вдруг ещё острее обозначились все углы, и только глаза — яркие, пылающие, невозможно живые — всё ещё оставались такими же привлекательными, как и всегда.

— Эй, — она сжала его руку в ответ, и её хватка была по-прежнему сильна. — Не раскисай, глупый Сио. Всё хорошо. Я прожила отличную жизнь, честно. Весёлую жизнь! Я пила, воевала, дралась, трахалась вдоволь. Сколотила себе превосходную команду! Я, чёрт побери, любила, и ещё как! Так что, не распускай тут сопли, хорошо? Всё в порядке, я тебе говорю. Жаль только, с Аргзы сбить спесь не успела... ну да ладно, я собой и без того горжусь.

У Сильвенио невыносимо болело раненое плечо, и пришлось заставить себя кое-как успокоиться, чтобы Контроль не ослабевал. Если он потеряет сознание от боли прежде, чем уйдёт Хенна, всё будет напрасно.

— Вы имеете право собой гордиться, леди... Ваше имя останется в истории навсегда, это я могу сказать вам точно. И вы... вы самый невероятный, самый потрясающий человек, которого я знал. Я давно хочу сказать вам это... спасибо вам за всё, правда. За всё, леди! За

то, что вы... за то, что мне довелось с вами познакомиться.

Она хрипло рассмеялась, горячая багряная кровь хлынула из её рта на шею и грудь. У Сильвенио снова всё неудержимо поплыло перед глазами.

— Тебе спасибо, мальчик! Не каждой девушке удаётся услышать такие комплименты перед смертью. Ты и правда... славный очень. Хотела бы я посмотреть на тебя, когда ты повзрослеешь немного... впрочем, нет — не взрослей, ничего хорошего в этом нет. Оставайся таким же славным и добрым.

Огни её янтарных глаз вспыхнули болезненно-остро — и тут же начали гаснуть. Они оба знали, что это означает, и Хенна, нахмурившись, свободной от его ладоней рукой схватила его за капюшон куртки и резко дёрнула на себя.

— Уходи отсюда так быстро, как сможешь, — сказала она, глядя на него уже без следа улыбки. — И постарайся всё-таки вернуться домой, ладно? И... передашь от меня послание ему? Аргзе. Если вдруг ещё когда-нибудь его встретишь...

— Конечно, леди Хенна. Что передать? — он с трудом сглотнул слёзы.

Она с силой отёрла плечом свой рот от крови, не выпуская Сильвенио.

— Чисто? — осведомилась она деловито.

— Да, теперь чисто, но я не понимаю...

Она притянула его ещё ближе, а потом — поцеловала его, страстно, горячо, немного зло. Он чувствовал во рту солёный вкус её крови. Она целовала его не так, как целовала бы его, Сильвенио Антэ Лиама; нет, на этот раз она и вправду оставляла через него сообщение для другого человека. Хотя он сильно сомневался, что сможет передать это послание именно так, как нужно.

— И ещё, — добавила она, отстраняясь. — И ещё передай, что он — тупой осёл, который никогда не умел ценить своё счастье.

Она рассмеялась в последний раз, вновь выплеснув кровь изо рта. И как-то внезапно затихла, словно бы в ней просто выключили какой-то рубильник. Она так и осталась лежать, глядя в небо с широкой счастливой ухмылкой, и ведьминский костёр её рыжих волос погас вместе с её глазами, похожими теперь на мёртвые звёзды.

Так встретила свой конец Хенна.

Хенна-воин.

Хенна-амазонка.

Хенна-пламя.

Хенна-Солнце.

Хенна, Красный Скорпион.

Сильвенио дрожащей рукой опустил её веки и свернулся возле неё клубком, в очередной раз находя спасение от окружающей его реальности в мягких объятиях его личной темноты. И он уже не слышал, как чьи-то тихие шаги остановились возле него.

Когда он открыл глаза, он увидел склонившиеся над ним лица, настолько милостивые, что он решил поначалу, будто все-таки умер, и теперь его встречают ангелы. Парень и

девушка, с одинаково длинными блестящими волосами цвета бледного золота, с участливыми взглядами и участливыми же добрыми улыбками.

— Ой, смотри, очнулся!

— И правда! Вот здорово!

— Эй, ты нас слышишь?

Только вот радужка глаз у этих ангелов была почему-то кроваво-красной, и одиночные красные цветы в их волосах казались какими-то хищными. Сильвенио моргнул.

— Да-да, он нас слышит!

— А посмотри, какие у него прелестные глазки!

И вдруг реальность, до того мирно дремавшая на дне его памяти, болезненно ударила его под дых. Он вспомнил всё: жуткое сражение, смерть Хенны. И имена этих людей. Как только он вспомнил последнее, ему показалось, что весь ужас, весь страх, который он когда-либо до этого испытывал в жизни, на самом деле был лишь предвестием того Страха, который он испытывал сейчас.

Потому что это было хуже всего, что он мог себе когда-либо вообразить.

И его новые знакомые, конечно, тут же улыбнулись ему ещё добрее. И сказали хором:

— *Добро пожаловать на корабль Близнецов, Сильвенио Антэ Лиам.*

"Путники терпеливо ждали, когда проснётся Трусливый Лев; он слишком долго дышал отравленным воздухом макового поля. Но Лев был крепок и силён, и коварные маки не смогли убить его."

Сильвенио шёл по бесконечному зеркальному коридору. Не только стены, но и пол, и потолок здесь тоже были зеркальными, и отовсюду, со всех направлений на него смотрел он сам, испуганный и полностью обнажённый. Он догадывался, зачем у него отобрали ещё и одежду: чтобы заставить смутиться ещё больше, заставить начать бояться собственного отражения. Сильвенио и раньше, вообще-то, никогда не любил зеркала, хотя и не избегал их по жизни. Теперь же собственный вид, многократно повторенный и переломленный, вызывал в нём почти что дурноту: зеркала безжалостно показывали ему и безобразный шрам в виде выжженного вокруг его правого глаза паука, и постыдный ошейник, узкой металлической полоской оттенявший бледную шею (не зря он всё же прятал его за высокими воротниками!), и позорные яркие следы, молчаливо свидетельствующие о его обоюдном предательстве — синяки, укусы и засосы, принадлежащие равно как Аргзе, так и Хенне. Он не помнил, правда, чтобы Хенна оставляла ему нечто подобное на прощание, потому что при всей своей горячности она старалась быть с ним максимально осторожной в их единственную совместную ночь, но допускал мысль о том, что он мог эти следы просто проглядеть или они могли проявиться позже, потому что они очень чётко отличались теперь от меток варвара.

И, конечно, зеркала в полной мере демонстрировали ему разнообразные, покрытые сейчас засохшей серебряно-красной коркой порезы по всему телу, число которых с каждой ночью всё увеличивалось.

Красный огонёк, за которым он следовал последние несколько суток, в какое-то мгновение вновь вспыхнул в одном из зеркал — значит, прошёл ещё один день: это был условный сигнал, который Сильвенио приучился считать чем-то вроде заката Солнца. И появление его не сулило ничего хорошего. Именно сейчас, когда глаза у Сильвенио уже невыносимо слипались, а мышцы сводило от усталости — именно сейчас ни в коем случае не следовало останавливаться, раз красный огонёк снова дал о себе знать. И точно: коридор позади него резко покрылся сеткой трещин, а потолок начал осыпаться осколками. Стены задрожали, завибрировали, предупреждая о том, что приближалось из-за поворота, и Сильвенио уже мог видеть ползущие вдоль многочисленных трещин щупальца липкой, смертоносной темноты. Драгоценные секунды ушли на то, чтобы понять, где заветный огонёк — лишь отражение, а где — настоящий, и только потом Сильвенио кинулся в открывшийся проход, а на него отовсюду сыпалось стекло, и он едва мог прикрыть хотя бы глаза. Коридор ходил ходуном, облако темноты, разрушая всё на своём пути, неуклонно ползло следом за бегущим из последних сил человеком, и кровь из рассечённого лба заливала ему лицо, мешая смотреть по сторонам. Пол осыпался тоже. Бежать было очень, очень больно.

Ты же не думаешь, что сможешь убежать бесконечно, малыш?

Интересно, почему все вечно называют его малышом, подумалось Сильвенио вдруг, хотя сейчас его мысли должны были быть заняты исключительно собственным спасением. Но, в

самом деле, это ведь было совершенно нелогично: он был под два метра ростом (хоть и неестественно для такого роста худой и тонкий), он был выше среднестатистического человека, как и все эрландеранцы, и уже давно не являлся ребёнком. Ему уже почти исполнилось двадцать один, и, хотя он должен был выглядеть сейчас несколько младше, если бы имел счастливую спокойную жизнь, в данный момент это было не так, и он не понимал, почему все окружающие продолжают всячески намекать ему на...

А теперь ты думаешь, что сможешь отвлекать нас заведомо не нужными нам мыслями и убежать одновременно. Похвальная самонадеянность, малыш, но это не поможет. Тем более, что это всего лишь первый этап. А ты уже почти выдохся.

Нет, он не выдохся, ни в коем случае. Он ускорился ещё больше, лихорадочно стирая кровь с глаз и пытаясь не обращать внимания на порезы. Мириады сверкающих осколков с диким звоном сыпались на него со всех сторон, некоторые особенно крупные так и норовили ему что-нибудь отрезать. Так он лишился одного уха и двух пальцев на правой руке. И из каждого осколка, разумеется, на него всё ещё смотрели его тысячекратно умноженные отражения, только в темноте ничего не отражалось и не сверкало — но он туда не хотел. Красный огонёк, по-прежнему издевательски маячащий где-то впереди, не давал ему остановиться.

Ты занятный. Правда. Нам нравится.

Он всё ожидал, когда же это прекратится. В предыдущие несколько дней вся эта безумная тряска прекращалась примерно через три минуты после того, как появлялся красный огонёк, но сейчас по его подсчётам прошло уже по крайней мере минут семь-восемь, и он, конечно, уже дико устал. Словно бы потворствуя его желанию отдыха, один впечатляющих размеров треугольный осколок, отделившись от потолка, обрушился на его ногу, и ступни больше не стало. Он закричал, не помня себя от боли, и неловко упал на рушащийся пол, едва успев в последний момент отвернуть лицо от зеркальных зубов, которыми пол ощерился. В любой другой подобной ситуации у него бы давно включился Контроль, или, по крайней мере, он бы потерял от болевого шока сознание, но сейчас, когда Контроль у него отобрали, а его чувствительность специально понизили ровно до того предела, чтобы он не мог спастись через небытие и при этом ощущал всё, что им необходимо — сейчас он мог только лежать и смотреть на подбирающуюся всё ближе темноту, потому что ползти дальше на руках было бы ещё большее самоубийство.

Когда живая тьма накрыла его целиком, он крепко зажмурился и обнял себя руками. Вокруг него образовалось подобие эластичного кокона, не позволяющего тьме растворить его в себе, но кокон не защищал его от инстинктивного, древнего ужаса, который тьма несла с собой, как не защищал и от бесчисленного множества голосов, которыми тьма говорила. Больше он ничего не ощущал — ни холода, ни уже даже боли, только слышал голоса и чувствовал непреодолимую панику, просачивающуюся через всё его существо.

Не сопротивляйся, детка.

Он закрыл уши руками, всё ещё чересчур чётко различая в голосах темноты единственный, слившийся из двух. Темнота разъедала его кокон, начиная с ног. Он сделал глубокий вздох, хотя воздуха у него уже совсем не осталось, и всё-таки решился ответить:

Не называйте меня так, пожалуйста... Я знаю, чего вы добиваетесь. И я не позволю этому произойти. Пусть я могу только защищаться, но я буду защищаться до последнего, потому что вы несёте мне даже не смерть, а то, что гораздо хуже смерти... И я хочу предупредить: однажды я уже уничтожил сущность, пытавшуюся играть с чужим

разумом. А то, что делаете вы — это ещё ужаснее.

Его кокон засиял ровным ярким светом, заставляя темноту, уже жадно облизывавшую ему искалеченные ноги, отступить как можно дальше. Он призвал всю свою силу — и остальные чувства начали понемногу к нему возвращаться, а голоса чуть поутихли. Кажется, его мучителям это даже понравилось. Он услышал их переливчатый смех.

О, Храбрый Портняжка, надо же! Ты слышал о такой сказке, детка? Мы можем её тебе рассказать. Мы можем рассказать тебе много-много сказок, потому что ты нам правда очень-очень нравишься. Твоя смелость похвальна — и бесполезна, увы. Ты потом узнаешь, почему так... мы расскажем тебе, если пройдёшь хотя бы первый этап.

Он задрожал, на всякий случай усиливая свою защиту, но страх уже сделал своё дело: его кокон, только что сиявший так ослепительно, стал расходиться трещинами, как до того трескались и ломались проклятые зеркала. Дышать было уже совершенно нечем. Неведомые чужие голоса становились всё громче, гудели единым роем всё невыносимее, и Сильвенио остро ощутил: ещё немного, и у него потечёт кровь из ушей от такого напряжения. Впрочем... какая теперь разница, должно быть. Подумаешь, лопнувшие барабанные перепонки. На мгновение им овладело пугающее безразличие и не менее пугающее искушение: просто сдаться. Прекратить сопротивление, и — будь, что будет.

Остановите это!!! Пожалуйста, остановите!!! Я не хочу так!!!

Его кокон вспыхнул снова, но сияние его на этот раз было уже каким-то нестабильным, словно бы умирающим. Он забился, пытаясь стянуть прилипающие к нему омерзительные отростки темноты руками, но увязал в них только больше.

Вот видишь, ты уже сдаёшься. Чего ты боишься, малыш? Ты даже не пытаешься посмотреть на это с другой стороны. А ведь на самом деле бояться, в общем-то, нечего. Попробуй это. Попробуй просто получить от этого удовольствие. И ты увидишь, ты узнаешь, как это хорошо. Мы хотим только подарить тебе свободу — такую, о которой ты и мечтать никогда не смел.

Его прошиб холодный пот от этих слов. От спасительного кокона оставался уже маленький клочок пульсирующего света. Мир мерк вокруг стремительно и неуклонно.

Ваша свобода... не та, которая мне нужна. Вы предлагаете мне безумие... Я не хочу этого! Я не допущу этого. Я буду счастлив, если просто вернусь домой. Пожалуйста?.. Мне ничего от вас не нужно. И я никогда не делал вам ничего плохого... я... я почти никому не делал, если на то пошло. Я старался, во всяком случае... Тогда почему вы поступаете так со мной? За что?..

Снова — радостный, искренний смех: наверное, он и правда выглядел до забавного жалко в их глазах, с этими своими попытками цивилизованно поговорить. Какая цивилизованность, в самом деле? Он говорил с чистыми сумасшедшими, с больными людьми, которые, возможно, и людьми-то не являлись уже по большей части, и очень глупо с его стороны было ждать хоть какого-то проблеска логики в их разговорах. У сумасшедших, как известно, логика всегда своя собственная.

Больше никакого ответа не последовало. Тьма наконец поглотила его без остатка, хотя он продолжал бороться до самого конца. Не было боли, не существовало больше времени и пространства. Голоса ворвались в его голову, раздирая её изнутри, и больше он ничего не видел и не слышал.

Он умирал.

...проснулся.

Близнецы Лиланда, разумеется, были всё ещё рядом. Руки Лилея мягко обнимали его со спины, локоны Лилео щекотали его щёки и шею. Лилей сзади поддерживал его голову, чтобы у него во время очередной отключки не завалился, перекрывая дыхательные пути, язык, Лилео же, усевшись на его коленях, обхватывала нежными тёплыми ладошками его виски и делала основную работу по проникновению в его разум. Иногда они менялись, хотя Лилео, несомненно, была в плане непосредственного проникновения более одарённой, а у Лилея лучше получалось следить за их физическими телами на время каждого такого "путешествия". Но картинка, то, что было "внутри" — они всегда, всегда придумывали неизменно вместе. Сценарий, сюжет, детали, декорации, спецэффекты — у них всё было согласовано друг с другом.

Только Сильвенио, разумеется, никакого участия в обсуждении не принимал, да и не слышал никогда, чтобы эти двое обсуждали что-то вслух.

— О, — сказала Лилео в этот раз, и удивлённо-обрадованное выражение её невинного лица, казалось, никогда не надоедало ей в такие моменты. — Смотри-ка, братик, наш Храбрый Портняжка очнулся! А всё-таки глазки у него прелестные, не правда ли?

— Правда, сестричка! А какой голосок! Или он звучит по-другому, когда наш маленький смельчак не открывает свой чудный ротик?

— Но он кричал, братик. С открытым ртом.

— Верно. Но это был другой рот, сестричка. Не тот, который снаружи.

Пока они спорили, Сильвенио машинально оглядел себя. Естественно, его одежда была цела, целы были и все его конечности, и на всём теле не обнаруживалось по ощущениям ни единого пореза, но все раны, полученные им там, "внутри", тем не менее, болели ничуть не менее сильно, хотя в реальности их не существовало. И, естественно, он ни на секунду не покидал не только корабль, но и даже капитанскую рубку, где находился с самого момента своего сюда попадания. Каждый раз он просыпался в одном и том же положении: сидя на полу у ближайшей к консоли управления кораблём стене, прикованный к этой стене такими мощными магнитными наручниками, что он едва мог оторвать от неё руки на несколько сантиметров — и то с немалым трудом. В остальном же Близнецы в буквальном смысле вертели им, как хотели, благодаря тому, что наручники были отдельными друг от друга и их можно было перемещать по всему пространству стены; иногда Близнецы, когда им наскучивало мучить его разум, просто играли им "в куклы", и в такие дни Сильвенио явственно чувствовал себя Алисой, которую силой затащили на чаепитие вконец спятившего Шляпника. Он не знал, снимали ли его с этой стены в те часы, когда он просто отрубался, истощённый и измождённый, однако естественные нужды, в любом случае, почему-то не беспокоили его так уж сильно.

— Милый, — Лилео, отвлекая его от анализа собственных ощущений, ласково потрепала его за щёки. — Мы решили, что ты просто обязан нам что-нибудь сказать, а то

ведь мы до сих пор так и не слышали твоего голоса тут, снаружи, и это, конечно, ужасно невежливо с нашей стороны — так и не дать тебе сказать ни словечка за все эти дни. Но я уверена, что твой голосок понравится нам и здесь.

Он устало поднял на неё глаза: его левая нога в том месте, где в иллюзии с зеркалами ему отрубил осколком ступню, болела нестерпимо остро, и ему всё ещё казалось, что он может видеть несуществующую лужицу крови под ней, продолжавшую увеличиваться. Логично, что у него не было абсолютно никакого желания разговаривать. Всё, чего он хотел бы — это снова упасть в беспамятство. Или, быть может, глоток воды для начала. И... душ? Да, всё это было бы просто замечательно.

— Ну же! — Лилей, теперь сидевший на коленях справа от него, совсем не ласково схватил его за лицо и насильно заставил его открыть рот. — Скажи что-нибудь!

— Лапочка, — уговаривала Лилео.

— Живо, — нажимал Лилей.

— Солнышко, ну что же ты, порадуй своих крёстных фей, — не сдавалась Лилео.

— Не то нам придётся заставить тебя кричать и тут, — продолжал Лилей.

— Будь хорошим мальчиком, — добавили они хором.

И при этом обоим, разумеется, прекрасно было известно о том, что его даже не нужно заставлять. Если бы им просто вздумалось у него что-нибудь спросить напрямую — и он бы ответил, не мог бы не ответить, он вынужден был бы сдать им всё: подробный план корабля Паука, технологию взлома правительственных сайтов, технику запретной магии, прочтённую им когда-то по чистой случайности. Он бы вынужден был выдать им абсолютно любую информацию, которой была забита его многострадальная голова, потому что информация эта у него из головы не имела свойства удаляться, даже если была ему не нужна; и эти двое были достаточно умны и достаточно опытны, чтобы с помощью этой информации захватить власть во множестве галактик. Но дело было именно в том, что они никогда его ни о чём не спрашивали: они знали, что он не может не ответить на прямой вопрос, но никогда этих вопросов ему не задавали. Только в его собственном разуме, именно тогда, когда отвечать как раз было необязательно. Может быть, они считали, что так будет... веселее.

— Пожалуйста, — выдохнул он. — Пожалуйста, не будите меня...

И только после этого он упал в сон без сновидений.

Последнее, к его величайшему сожалению, было явлением крайне недолговечным.

Шаги давались тяжело.

Очень, очень тяжело, но ему нужно было двигаться, непременно двигаться вперёд. Руки постоянно затекали, но совсем опускать их тоже было нельзя — иначе он гарантированно свалится. Падать определённо не хотелось: справа от него бушевало бесконечное море огня, изредка для остротки лизавшее подушечки его пальцев на вытянутой для баланса правой руке и подпалившее ему край правой штанины, слева неистовал ледяной буран, из-за которого левая рука и левая половина лица были сплошь синие, замороженные, и управлять

этой стороной было ещё труднее, чем правой.

И он шёл босиком по возвышавшемуся над двумя бездонными пропастями лезвию, которое истончалось с каждым шагом.

Как это случилось с ним? Сильвенио не помнил. Он знал только, что шёл так уже достаточно давно. Должно быть, целые годы, потому что изначально он, насколько ему было известно, шёл по широкой железной плите, а теперь то, что осталось от этой плиты, безжалостно резало ему ноги. Остриё лезвия вонзалось в его босые ступни тем глубже, чем дальше он продвигался, и густая серебристая кровь уже давно отмечала его путь. С правой стороны лезвия кровь мгновенно высыхала и либо застывала на железе жуткими бурыми разводами, либо испарялась и добавляла в воздух свой отчётливый узнаваемый привкус. С левой стороны кровь замерзала, не успевая даже добраться до того уровня лезвия, ниже которого из-за бурана ничего уже разглядеть было нельзя, а иногда, повинуясь непрерывно мечущемуся между двумя сторонами ветру, кровавые испарения справа снова превращались в жидкость, стоило им попасть под порывы холодного воздуха, и оседали на его лице и одежде хаотичными тёмными брызгами. Ветер, к слову, кажется, считал своим любимым занятием мешать Сильвенио идти всеми доступными способами: бил в лицо, обдавая поочерёдно жаром и холодом, подсекал под колени, толкал со всей силы влево и вправо, и Сильвенио удерживался до сих пор только благодаря тому, что приучился уже за время жизни на пиратском корабле держать равновесие даже в таких невыносимых условиях. Боль в разрезанных ногах грозила вскоре лишить его сознания, и неизвестно, почему этого не произошло до сих пор; правая сторона его тела была обезвожена, и даже пот, до того покрывавший каждый миллиметр кожи с этой стороны, уже давно высох и теперь напоминание о нём осталось лишь в виде липнущей к телу одежды; левая сторона его тела перманентно сотрясалась дрожью и была уже нечувствительной, ухо и рука с той стороны готовы были в любой момент отвалиться, как уже отвалился недавно мизинец на ноге, когда эрландеранец неосторожно решил отдохнуть хотя бы немного.

Никогда в жизни ему так сильно не хотелось заплакать. Кажется, он и плакал, потому что никого вокруг в обозримом пространстве не наблюдалось: он был в этом Аду совершенно один на этот раз. Но плакал бесслёзно и беззвучно — слева слёзы уже давно образовали ледяную корку от глаза и до подбородка, справа слёз просто не осталось, а горло — горло чудовищно расцарапывали изнутри и холод, и жажда, с одинаковой силой.

Но ему всё равно приходилось идти дальше. Ему необходимо было двигаться вперёд, потому что сзади на него неотвратимо надвигалось облако чернильной тьмы. Всего две вещи он знал сейчас наверняка: ему было ни в коем случае нельзя позволить тьме себя захватить, но и умирать, малодушно сбросившись куда-нибудь в сторону — нельзя было тоже, потому что и в том, и в другом случае его ждало нечто, что было хуже смерти. Кто-то — кто, интересно? — определённо проверял его, это говорили все его инстинкты, и этому кому-то, очевидно, важен был совсем не результат. Сильвенио и сам понимал, что у него нет ни единого шанса когда-нибудь дойти до безопасного места, и тем бессмысленнее был его путь, однако что-то подсказывало ему, что тому, кто его проверяет таким образом, важно само его стремление, важно посмотреть, будет ли он бороться или же сдастся, и если сдастся — то он не очнётся уже больше никогда, ни в одном из миров, ни в одной из реальностей, а если нет... то кто знает, что тогда? У него была только эта бессмысленная, нелогичная, глупая надежда, и отчего-то казалось, что если он предаст эту надежду и позволит себе умереть сейчас, то лишится не только будущего, но и прошлого, и его имя канет в забвение навсегда.

Прошлое... Он не знал, существовало ли оно на самом деле. Воспоминания о прошлом казались очень далёкими, очень смутными, недостоверными какими-то. Периодически чьи-то лица всплывали перед почти ослепшими за годы этой непрекращающейся пытки глазами, чьи-то образы, чьи-то голоса... Он помнил лучистые зелёные глаза своей матери, помнил улыбку своего отца. Помнил уверенный ритм чьего-то большого сердца, который так приятно было слушать, тепло чьих-то сильных рук, чьи-то огненно-рыжие волосы, чьи-то полные алые губы, чью-то зелёную спецовку, пропитанную красной кровью, чей-то мягкий, миролюбивый голос, звавший его с такой нежностью и горечью — но кому это всё принадлежало? Судя по этим крошечным фрагментам его жизни, он был когда-то окружён заботой и любовью — тогда где сейчас все эти люди? Были ли они когда-нибудь на самом деле? Были ли у него хотя бы родители? Существовал ли он сам когда-то? Или, может быть, он действительно жил, только был ужасным грешником и умер, а это — его расплата?

Сильвенио не знал ничего из этого, но продолжал упрямо идти вперёд — такой маленький по сравнению с миром двух стихий, такой ничтожный. Одинокое, потерянное, забытое всеми и забывшее всех существо, преследуемое неведомым злом, идущее без цели и без смысла и имевшее только такую же ничтожную призрачную надежду — вот кем он был, и вот кем он, похоже, будет теперь всегда.

Вот только — не всегда. Лезвие истончалось, заострялось, сужалось, постепенно превращаясь в ниточку, на которой висела его жизнь. Лезвие всё сужалось, тьма наступала всё быстрее и нетерпеливее, жар и холод всё усиливались, а ветер ненавидел его с каждой минутой всё больше. И — у него кончались силы. Совсем. Как физические, так и духовные.

Так что, в общем, было неудивительно, когда он всё-таки споткнулся. Один неловкий поворот искалеченной, окровавленной стопы, одно неуклюжее движение одеревеневшей левой рукой — и он уже летит вниз, не в огонь, который его расплавит, и не в бурю, которая сделает его цельным куском льда. Он летит вниз, лбом точно на лезвие, и он бы, может быть, и попытался бы ещё выровняться хоть как-то, попытался бы вернуть равновесие, но в этот момент лезвие внезапно стало запредельно острым и разрезало обе его ноги до самых коленных суставов, и он успел только закричать.

Прежде чем его просто разрубило пополам и он...

...проснулся.

Глубокий вдох дался ему с трудом, и, тем не менее, сделать его было величайшим удовольствием из всех, доступных ему на данный момент. Хотя нет — пожалуй, самым большим удовольствием всё же было не дыхание, а вернувшийся к способности ясно мыслить разум. И, конечно, его тело снова было в полном порядке: ни следов обморожения, ни красноты ожогов, ни крови. Зато трясло его сейчас самым натуральным образом, теперь уже — всё тело, а не половину. Щекам было мокро: значит, всё-таки не сдержался, жаль. Все мышцы ныли и болели, ноги ниже колен он не чувствовал вообще, хотя и подозревал, что это — лишь следствие испытанного шока, и позже вся гамма фантомных ощущений вернётся к нему в полной мере, стоит ему лишь немного успокоиться.

— Больно, наверное? — в этот раз "загружал" картинку Лилей, и он же сейчас сидел на

его бёдрах, обхватив ладонями виски, ему же и досталась сегодня роль сочувствующего.

Лилео, поддерживавшая его сзади, смеялась и зачем-то прижималась раскрытыми губами к его шее. Лилей погладил его по щеке, вытирая слёзы, поцеловал возле носа. Надо сказать, это несколько не утешало, но он не решался как-то уклониться от их прикосновений: в прошлый раз, когда он попробовал попросить, чтобы его оставили в покое, они решили, что у него осталось предостаточно сил для нового "путешествия", раз он всё ещё что-то соображает. В общем, перечить им было ещё более чревато, чем Аргзе.

— Можно мне... можно мне стакан воды, пожалуйста? — горло всё ещё царапало, голос был какой-то неузнаваемый и совсем хриплый.

— Ещё рано, — загадочно отозвался Лилей, нажимая на кончик его носа пальцем.

Сильвенио закрыл глаза.

— Могу я уточнить, для чего рано?

— Для угощений, — ответила Лилео ещё загадочнее, и они с братом наконец-то оставили его одного.

Распорядок дня у Сильвенио теперь не отличался разнообразием. Либо он пребывал искусно устроенной Близнецами иллюзии внутри своего разума, либо наблюдал за их общением и упомянутой уже игрой "в куклы", как они это называли, либо просто спал без сновидений, восстанавливаясь. Впрочем, восстановиться нормально ему не дали ещё ни разу, потому что Близнецы возвращались всегда слишком быстро — похоже было, что они сами едва ли спали пару часов в сутки, но при этом выглядели почему-то всегда бодрыми и полными жизни — и, вернувшись, погружали его в новый кошмар.

Сначала кошмары были простыми.

Что, разумеется, несколько не уменьшало того факта, что это всё-таки были кошмары.

Время было неоднозначно, расплывчато, и он не знал, когда он увидел тот или иной кошмар. Дело было даже не в его восприятии времени, перманентно находившегося теперь в состоянии отключения за ненужностью — нет, теперь дело было просто в том, что реальности для него больше не существовало как таковой, вернее, он не знал, является ли реальностью хоть что-то из того, что с ним происходит. И потом, он мог прожить дни, годы и даже столетия в очередной иллюзии — и обнаружить, что прошло всего несколько минут там, в маленькой комнате с магнитными наручниками и неизменной стеной. Близнецы не уставали придумывать всё новые сюжеты, получая какое-то извращённое удовольствие от его мучений, подтачивали день за днём его волю и рассудок, и он уже не мог точно сказать, были ли сумасшедшими они или же он сам, потому что с этим непроходящим ощущением общей абсурдности своего нынешнего существования он начинал уже подумывать о том, что, должно быть, это он всё просто выдумал, попался в ловушку собственного больного воображения. Надо сказать, для этих мыслей у него вполне имелись основания: легендарные генералы-предатели, развалившие знаменитый Альянс пиратов, вообще были слишком сюрреалистичными, чтобы быть настоящими, да, к тому же, они слишком хорошо знали его разум, они знали каждую его мысль, каждый его страх — и успешно воплощали их в кошмарах. Они ломали любую его ментальную защиту, сколько бы силы он в неё ни вложил, потому что, казалось, знали все секретные коды, открывавшие любые его внутренние замки. Они могли перенастраивать его чувствительность, управлять его телом, заставлять его испытывать несуществующие ощущения — а он даже не мог им ничего противопоставить, потому что они занимались этим, наверное, чуть ли не всю свою жизнь, а он сталкивался с такими умельцами впервые. Они читали его, как книгу, пока он бродил в их иллюзиях, и он

не хотел даже думать о том, что будет, когда эта книга им наскучит.

Однажды, открыв глаза после нормального, естественного сна, он тут же их снова крепко зажмурил, потому что понял, что лучше ему не видеть то, что происходило на данный момент в кабине. К сожалению, он всё же успел увидеть достаточно, и, будь проклята его эйдетическая память, обнаруженная им картина всё-таки отпечатавалась в его сознании предельно точно, словно выжженная на подкорке головного мозга: закрытые глаза, переплетённые пальцы рук, приоткрытые губы, из которых периодически вырывались томные стоны, белые стройные ноги с красными ногтями на ритмично движущейся узкой спине, бледно-золотые водопады волос, стекающие единым потоком почти до пола. Близняшки Лиланда занимались любовью прямо на панели управления, не заботясь о том, что Лилео, прижатая к консоли, нажимала спиной и локтями на какие-то кнопки, из-за чего на экранах рябили какие-то тексты, цифры и видеозаписи. Выражения лиц при этом у обоих были почему-то такие блаженные и умиротворённые, будто бы они сейчас не предавались запрещённой в десятке крупнейших галактик инцестной страсти, а по меньшей мере отдыхали после трудового дня, посвящённого помощи нуждающимся и сиротам. Сильвению невольно передёрнуло от такого сравнения, но глаз он не открыл. Ещё какое-то время он слышал их вздохи и тихие стоны, сливающиеся в один, и непроизвольно размышлял о том, что при такой абсолютной ментальной близости, какая наблюдалась у этих двоих — учитывая, что они заканчивали друг за друга мысли — в этом случае близость ещё и физическая приравнивалась, наверное, к самоудовлетворению.

Сильвению передёрнуло снова, и на этот раз его всё же заметили, хотя он старался максимально не привлекать к себе внимания. Вздохи вдруг прекратились, и он с холодеющим сердцем услышал их мягкие, плавные шаги, направлявшиеся к нему. Он зажмурился ещё крепче и вжался в стену всем телом, как никогда желая уметь сливаться с металлом. Шаги остановились совсем близко.

— Братик, мы такие нецивилизованные. Наш гость, должно быть, чувствует себя ужасно неловко теперь. Как бы нам загладить свою вину?

— Может, нам стоит пригласить его присоединиться, сестрёнка? Мы уже делали так с другими гостями.

Сильвению судорожно молился матери Эрлане и всем Богам, в которых верил.

— Но они не были такими симпатичными. Кроме, разве что, парочки из них.

— Определённо. И мне по-настоящему нравится его голосок.

Богам, в которых не верил, Сильвению теперь тоже молился.

— И мы ещё не довели дело до конца.

— Ты думаешь, он..?

— Позже. Сейчас я хочу другого.

Сильвению ничего не понимал, но страх уже цепко перехватил ему горло.

— Да. И рот. Это должен быть его рот.

— Забрал себе лучшее, да? Ну ладно, пусть у тебя будет рот. А я...

— Ниже? Хорошо. Меняемся потом?

— Меняемся. Да.

Сильвению ощутил, как его быстро и методично раздевают. Он забился в чужих умелых руках, распахнул глаза и произнёс дрожащим голосом:

— Не надо! Пожалуйста!!! Простите меня! Я не хотел... вас прерывать... я...

Лилей и Лилео были одеты, но это ни о чём не говорило: Лилео задрала голубое платье,

занимая место между его ног, с которых стащила штаны, и на ней не было белья, а Лилею, вздёрнувшего вверх его голову за волосы, нужно было только подвернуть голубую тунику и приспустить голубые же штаны из мягкой ткани. Их красные глаза горели любопытством и каким-то детским почти весельем, и близняшки улыбались очень по-доброму, очень невинно. Сильвенио, конечно же, опять никто ни о чём не спрашивал.

— Всё будет хорошо, — пообещали они хором.

На этот раз ладонь на его висок положил каждый со своей стороны.

Видимо, на то, чтобы придумать очередные впечатляющие декорации, на этот раз Близнецы решили усилий не тратить — и в их состоянии это было, в общем, неудивительно. Сильвенио всё ещё чересчур отчётливо помнил, каким возбуждением от них повеяло, прежде чем он оказался здесь.

"Здесь" было жарко и пусто. Тьма, до того во всех предшествовавших этому кошмарах ползущая за ним по пятам, теперь равнодушно покоилась двумя непроницаемыми стенами, по обе стороны от пыльной дороги, простиравшейся от горизонта до горизонта. Точно над дорогой, зависнув навечно в точке полуденного зенита, в сером небе плавилось бледное, будто выгоревшее от собственного жара солнце, поливавшее бесплодную даль липким тяжёлым зноем, и дорога в его свете казалась совсем жёлтой.

Дорога из жёлтого кирпича и маки в волосах... кто бы мог подумать, что эти двое безумцев знают такие древние сказки Старой Земли.

Поначалу царила неестественная тишина, и Сильвенио просто шёл вперёд, напряжённо поглядывая на молчаливо взиравшие на него чёрные стены, достигавшие, похоже, самого неба. В этот раз темнота не говорила с ним на разные голоса, не взывала к нему из глубины, не шептала и не завывала его имя, как было во всех снах до сих пор. Также на этот раз ему оставили и его воспоминания, что тоже было редкостью. Сильвенио подумал уже, что зря так сильно боялся, раз уж разум двойняшек был занят сейчас явно не им — но тут же одёрнул эту мысль, потому что знал, что они просто не могли оставить его в покое. Они слишком любили доводить свои иллюзии до совершенства, чтобы схалтурить подобным образом.

Потом в душном горячем воздухе медленно начало разливаться неясное гудение. Сильвенио вжал голову в плечи и заозирался было затравленно, но тьма продолжала оставаться пугающе неподвижной, как и вся остальная местность в виде прямой, как стрела, жёлтой дороги. Источник гудения обнаружился минутой позже, когда Сильвенио приблизился к рою каких-то мелких мошек, с громким жужжанием кружащихся в паре метров над дорогой. Мошки, вопреки обыкновенному поведению насекомых, при его приближении не разлетелись испуганно в стороны, а потянулись стайкой за ним. Часть из них облепили его руки и плечи и почему-то ни в какую не желали отцепляться, даже когда он неловко попытался их согнать. Через какое-то время ему встретилась на пути ещё одна такая же стайка, присоединившаяся к первой. Потом появилась и третья. Сильвенио остановился было, размышляя, не лучше ли будет повернуть назад, раз уж дорога тянулась в

обе стороны, но, естественно, когда он оглянулся — уже догадываясь, что увидит — третья плотная стена мрака уже замыкала жёлтую дорогу, отрезая путь обратно. Впрочем, эта третья стена тоже не двигалась и вроде бы не собиралась его преследовать, значит, его ожидало что-то новое. Пожав плечами, он снова двинулся вперёд.

Мошки вскоре начали липнуть к лицу. Как и в каждом кошмаре, этот не оставался постоянным, и в нём, как и во всех других, присутствовала некая увеличивающаяся величина. Только теперь этой величиной было количество мошек, и если сначала Сильвенио мог просто не обращать на них внимания, то по прошествии некоторого времени из-за них уже стало трудно идти: насекомые пытались залететь в рот или в ухо, садились на глаза, заползали под одежду, вызывая неприятную щекотку на коже. Он попробовал остановиться и подождать, пока они улетят сами. Бесплезно — мало того, что улетать уже прицепившиеся к нему явно не собирались, так ещё и новая стайка мошек подлетела к нему сама. Не желая, тем не менее, топтаться на месте в качестве удобной приманки, он всё-таки двинулся дальше, так как больше ему ничего не оставалось.

Неладное он заметил слишком поздно. Когда он почувствовал первый укус и в недоумении посмотрел на свою руку, вместо мошек на его локте уже сидели несколько довольно крупных пауков. Он стряхнул их — и обнаружил, что они успели прогрызть в рукаве неровную дыру, сквозь которую просвечивала бледная кожа. Пока он рассматривал эту дыру, начали превращаться и другие прилипшие к нему мошки, и он ощутил сразу несколько новых паучьих укусов.

Сильвенио побежал.

Пауки и не думали больше падать с него. Они цеплялись за одежду и за кожу, прогрызая на бегу ткань, вонзали в него челюсти и острые мохнатые лапки. Ещё не больно, неощутимо даже почти — однако стряхнуть их было уже невозможно. Ещё одна партия навязчивых мошек бросилась ему прямо в лицо, мешая смотреть по сторонам, пока их сородичи один за другим превращались в пауков и каких-то ярко-красных жуков. Сколько-то копошилось в его волосах, но большая часть уже ползала по телу, кусая и щекоча. В основном они разъедали даже не саму одежду, но швы, на которых она держалась, причиняя тем самым двойное неудобство: швы были расположены, как назло, возле самых чувствительных мест.

Сильвенио в панике побежал втрое быстрее, как будто за ним снова гналась тьма, хотя это было не так.

И, конечно, рано или поздно это должно было случиться из-за закрывающих весь обзор мошек: он споткнулся. И упал.

Его колени тут же намертво вросли в землю, и он неловко растянулся на дороге. Следом, стоило ему попытаться встать, вросли и руки — так, словно бы никогда и не существовало у него ничего ниже запястий, словно бы он сам всегда рос из этой пыльной бесплодной земли. К тому времени куртка и штаны, выданные ему когда-то очень давно, с десяток вечностей назад, Гишем, уже валялись позади погрызенными как следует кусками бесполезной ткани. Насекомые теперь облепляли чёрно-красными движущимися потоками всё его тело, делаясь похожими на новый своеобразный обтягивающий костюм — так их было много. И становилось всё больше и больше. Сильвенио на самом деле любил природу и до сих пор, до этого дня, даже представить себе не мог, что что-то, настолько похожее на природное явление, на живых созданий, может оказаться настолько страшным. Треклятые мошки продолжали слетаться на него отовсюду и превращаться в жуков и пауков, исследующих его вдоль и поперёк. В рот они набивались уже толпами, хотя Сильвенио

отчаянно мотал головой без остановки и изо всех сил сжимал губы и стискивал зубы — это не особенно помогло, потому что в итоге красные жуки полезли в его нос, и в какой-то момент ему просто пришлось открыть рот, чтобы не задохнуться. Он чувствовал привкус пыли на их хитиновых панцирях и колючих шерстинках, ощущал, как они деловито утаптывают его слизистые и язык, кусают его за дёсны, скатываются по горлу в пищевод. Насекомые пытались лезть и в глаза — вновь пришлось зажмуриться — и в уши, отчего он очень чётко слышал их шорохи и то, как скребли волосатые лапки по кожному покрову. И ещё они начали лезть в...

Тссс, только не кричи. Сейчас тебе кричать нельзя, — упредил его порыв знакомый мелодичный голос, единый из двух. — *Иначе они умрут.*

В то же мгновение до того непроницаемые стены по обе стороны дороги стали прозрачными, и Сильвенио, приняв то, что полчища насекомых в этот момент схлынули с его лица, за знак, открыл глаза и огляделся, отплёвывая вторженцев. За завесами темноты, теперь похожими на чёрное стекло толщиной в несколько метров, он увидел людей. Они его, впрочем, явно не замечали: кто-то спал прямо на земле (на полу?), кто-то листал какие-то бумаги, кто-то мирно разговаривал — он не слышал, о чём. Один человек играл на скрипке, ещё двое что-то чертили на больших исписанных формулами листах. До Сильвенио смутно доносились только отзвуки далёкой скрипичной мелодии, большинство же звуков завеса успешно поглощала.

Вот тебе девять человек, чьими сознаниями мы можем управлять. Они все находятся под нашим контролем в реальности, и сейчас мы создали небольшую общую сеть, соединяющую нас с тобой и с ними одновременно. Самое смешное — они даже не подозревают, что сейчас происходит. Они не видят и не слышат тебя — пока. Однако, если ты закричишь, застонешь, заплачешь, пусть даже очень-очень тихо, как ты умеешь — то они тебя услышат, потому что мы усилим любой звук, поступающий с твоей стороны. А когда они тебя услышат — мы убьём их. Тех, кто попробует прийти на помощь через сознание, как-нибудь отзовется — мы убьём в первую очередь. Тех, кто останется равнодушным, сочтя это за галлюцинацию — чуть позже, но всё равно прикончим. Но... — голос резко смягчился, интонации стали почти утешающими, как будто этот голос принадлежал родителю, успокаивающему плачущее дитя, или любовнику, помогающему возлюбленной. — У тебя есть выбор на этот раз. Ты можешь в любой момент — абсолютно любой! — прекратить всё сам, стоит тебе лишь попросить. Если ты попросишь, всё тут же закончится. Правда, в этом случае это будет равносильно тому, чтобы добровольно шагнуть в так сильно пугающую тебя темноту, и тогда мы будем считать, что ты всё-таки сдался в итоге, после всего того, через что ты прошёл. Выбор за тобой, малыш. А пока... а пока мы позабудем.

Копошение жуков, замерших на всё время речи Близнецов, возобновилось с новой силой. Пауки тоже стали ещё активнее, ещё настойчивее. Мошкара всё слеталась и слеталась, и Сильвенио совсем скоро оказался полностью погребён под горой насекомых, которые безостановочно лезли буквально во все доступные отверстия. Сильвенио судорожно дёргался, пытался вырваться или хотя бы стряхнуть их, но вросшие руки и колени не давали ему особой свободы движений — и всё это время он молчал. Тысячи и десятки тысяч тварей населяли его и снаружи, и внутри, он ощущал каждое их движение, мириады маленьких острых ножек разрывали верхние слои эпидермиса и слизистых, и его уже давно тошнило, ему хотелось кричать и рыдать от собственного бессилия, потому что они проникали в

самые интимные места, и это было мерзко-мерзко-мерзко даже для него, повидавшего уже благодаря Аргзе так много, это было омерзительнее всего, что ему довелось видеть когда-либо — но он молчал, молчал и давился вместе с пауками беззвучными всхлипами.

Только, как оказалось, это ещё было не самое страшное, что его ожидало.

Самое страшное началось, когда бесчисленные насекомые начали пожирать его изнутри.

Он в полной мере почувствовал себя деревом, сплошь наполненным термитами от корней и до макушки. Насекомые грызли всё, до чего могли добраться там, внутри: вены, капилляры, кости, мышцы, хрящи, внутренние органы. Добрались и до артерий, и Сильвенио упал лицом вниз, истекая кровью — к сожалению, все жуки и пауки прекрасно обходились и без воздуха, продолжая грызть его даже тогда, когда их затапливало. У него начались обширные внутренние кровоизлияния; от боли, ужаса, нехватки воздуха и усиливающейся тошноты он ослеп и оглох, и им овладело вдруг спасительное, блаженное безразличие ко всему происходящему. И он уже не видел, как они возятся чёрно-красной живой массой в заливающей жёлтую дорогу серебряной крови, как они прогрызают себе в нём путь наружу, как появляются на его теле сквозные дыры, как от него остаётся один остов — который тоже исчезал довольно быстро.

Не видел — но продолжал всё чувствовать. И молчал.

Паника вернулась к нему только тогда, когда он уловил настойчивую щекотку уже где-то под черепом. Это было так странно и так жутко — ощущать, как что-то пробирается в самый мозг, обычно защищённый от всего плотной черепной коробкой. Сильвенио неожиданно пробил неадекватный смех: его так и тянуло громко сказать своим мучителям, что в головном мозге поверхностных нервных окончаний нет и быть не может, что они немного перестарались в своём желании сделать всё максимально достоверным, что это уже чересчур бредово даже для них. Но он молчал, нелепо и неуместно улыбаясь во весь полный жуков рот. А потом он ощутил щекотку и возле сердца.

Он только издал совершенно беззвучный истерический смешок и...

...проснулся.

Зря.

Близнецы всё ещё насиловали его вдвоём, и Сильвенио устало закрыл глаза, ожидая, пока всё закончится. Его догадка оказалась верна: они сейчас заполняли иллюзию реальными объектами, хотя могли обойтись и без этого. Конечно, здесь никаких жуков, пауков и прочей мелкой живности не существовало, но с их умениями совсем просто было приукрасить даже самые слабые и имеющие мало общего с нужными ощущения. Так, две их свободные руки — не те, что держали его голову — беззастенчиво бродили по его обнажённому телу, и там, в иллюзии, наверное, именно это вызывало такое реалистичное ощущение полчищ насекомых на его коже. Остальное же... об этом не следовало даже говорить.

Только когда они оба отстранились от него, оправляя одежду и тяжело дыша, он

решился открыть глаза и оглядеть себя. Теперь, будучи обнажённым, он мог убедиться, что тело почти полностью осталось чистым: в тот же день, как он попал на этот корабль, Близнецы магией вылечили и его плечо, раненое на поле боя, и все мелкие ссадины и ушибы, так что у него не осталось исчезающих следов даже от Аргзы, не говоря уже о более поздних. Правда, сейчас они его всё-таки повредили и физически тоже. Лилео, мурлыча от наслаждения, облизала свои тонкие пальчики, покрытые тёмным вязким серебром — она была не особенно осторожна, как и Лилей, но ему облизывать было нечего, и он только утешающе гладил Сильвенио по коленке. Двигаться Сильвенио не мог, и сейчас он в кои-то веки видел плюс в том, что ему никуда не нужно было идти.

— Мы с братиком у тебя немного порвали что-то там, внутри, — сказала Лилео, будто бы извиняясь, потрясающе невинным голосом.

— Но мы не хотели, — вторил ей так же ласково Лилей. — Мы не любим портить тела. Это некрасиво. Ты должен извинить нас: мы увлеклись.

— Но ты ведь простишь нас, если мы тебя полечим, мы уверены, — закончили они, как обычно, хором.

Они снова переплели пальцы и потянулись к нему. От их сцепленных ладоней разлилось неяркое свечение, и Сильвенио ощутил, как что-то тёплое просачивается сквозь кожу прямо в мышцы — и внутрь. Тело его само собой расслабилось, и боль — настоящая, не фантомная — исчезла за считанные минуты. Фантомная, правда, осталась, и он не видел большой разницы между своим состоянием до лечения и после: его разум всё ещё считал, что с ним далеко не всё в порядке. Мимолётная истерика миновала, зато вернулось то сонное равнодушие, что одолевало его до этого, и вот сейчас, в данный момент, он не хотел уже абсолютно ничего. После всего этого накала эмоций он чувствовал себя опустошённым и каким-то механическим, неживым.

Окровавленную руку Лилео вылизала дочиста, но всё равно, когда она коснулась этой рукой его щеки, заставляя поднять лицо, он вздрогнул.

— Ты сильный, — произнесла она нежно и поцеловала его в лоб. — Очень сильный, малыш. Ты прошёл весь первый этап — до такого редко кто доходит. Нам обычно нравится ломать тех, кто считает себя обладателем неслышимой воли и железных нервов. Но ты — ты такой забавный маленький храбрец, прямо Стойкий Оловянный Солдатик. Нам интересно, сколько этапов ты выдержишь. А потом, когда ты всё-таки сломаешься, мы возьмём тебя к себе. Не станем убивать. Потому что ты станешь ещё забавнее потом. Когда увидишь свободу, которую мы тебе предлагаем. Когда перестанешь бояться. С тобой, должно быть, будет очень весело. Вот увидишь. Мы будем играть вместе. И с другими людьми. И мы расскажем тебе много-много сказок, тех, о которых ты и не слышал, ни на корабле Паука, ни на своей распрекрасной Эрлане.

В мгновение ока с него слетела вся апатия, и он уставился на Близнецов широко распахнутыми глазами. Он ослышался или..? Но этого не может быть. Просто не может, никогда, ни в реальности, ни в галлюцинации. Скорее всего, это была только незначительная оговорка, ведь они так много копались в его разуме, что, похоже, просто привыкли называть его планету именно так, как называл он сам...

Близнецы засмеялись, и смех их был похож на перезвон серебряных колокольчиков.

— Ты зря сомневаешься, детка, — пояснил Лилей, мимоходом целуя прижавшуюся к нему сестру в щёку. — Мы, конечно, не были рождены на Эрлане и никаких кровных уз с её жителями не имеем. Тем не менее, мы называем её именно так, а не Эрландераной, как

называют остальные невежественные чужаки, потому что мы, в некотором роде, не совсем эти самые чужаки.

Они с сестрой переглянулись, очевидно, ведя какой-то безмолвный диалог: Лилео вопросительно приподняла бровки, Лилей капризно надул губы. Сильвенио напряжённо наблюдал за их переглядками, молча ожидая продолжения.

— Ах, да, — улыбнулась Лилео. — Мы же обещали тебе всё рассказать, если ты пройдёшь первый этап. Видишь ли, мы попали на твою планету когда-то очень-очень давно.

— Наш корабль занесло туда случайно, когда мы ещё путешествовали с родителями, будучи маленькими детьми, — улыбнулся Лилей.

— И мы жили там некоторое время.

— И местные учили нас управляться с нашими способностями.

— Показывали разные фокусы.

— Рассказывали сказки.

— Обучали основным трюкам телепатии.

— Помогали создавать наши первые иллюзии.

— И они даже не чувствовали в нас угрозу.

— А мы гуляли в их головах.

— Узнавали их устройство.

— Разрабатывали планы. На всякий случай. Нам было интересно: что будет, если повернуть все эти забавные вещи, которые они умели, на что-нибудь плохое? Что-нибудь, что будет направлено не только на защиту и созидание.

— Защита и созидание — это так скучно. Нам не хватало развлечений. И мы изучали сами то, чего нам показывать не хотели. Мы улетали оттуда уже подростками, когда маме и папе там надоело.

— И попросили, чтобы двое местных полетели с нами. Из тех, что считали себя нашими няньками. И они согласились, чтобы присматривать за нами некоторое время и дальше — наверное, начали что-то подозревать.

— Только с этим они слегка запоздали. Эти двое нянек были первыми, чей разум мы препарировали. Мы исследовали их вдоль и поперёк, и они после нас остались почти овощами, кусками плоти, пускающими слюни.

— Они защищались, конечно, и обезвредить их было довольно хлопотно. Но в конечном счёте мы справились. Мы оставили их на корабле родителей, а сами сбежали на первой же попавшейся планете.

— Потому что с родителями тоже скучно. Нас искали, но не нашли: мы всегда умели прятаться. И с тех пор мы путешествуем только вдвоём.

— Потому что нам больше никто не нужен, по большому счёту. Но ты не волнуйся, тебя мы, наверное, всё-таки действительно оставим.

— Да, непременно. Так вот, Позже мы нашли ещё тех представителей твоего народа, которых вы называете Ищущими. Или что-то вроде того.

— И в их головах мы тоже покопались.

Закончили они, как всегда, хором:

— Теперь ты понимаешь, почему твои попытки противостоят нам такие бесполезные? Ты сильный, мальчик, но мы сильнее. Мы — опытнее.

Сильвенио молча моргал, пытаясь осознать поток свалившейся на него информации. Голова работала плохо после всего пережитого, но, как он ни старался замедлить течение

своих мыслей ещё больше, ужасная истина всё же дошла до его сознания: в рождении этих сумасшедших, пусть даже косвенно, были виноваты его сородичи. Подумать только — эрланцы, испокон веков считавшиеся символом разумности и добродетели, поспособствовали невольному становлению этих... этих людей! Его затрясло во внезапном ознобе, и Лилей тут же заботливо начал его одевать, шепча что-то успокаивающее, а Лилео всё гладила его по голове и целовала ему лицо.

Ему показалось, что алые маки в их волосах издевательски над ним потешались.

Дети были странные.

Надо сказать, странным тут было, пожалуй, вообще всё. Небо было чересчур серое, вода в реке была чересчур мутная и чересчур спокойная, без единой волны, местность была чересчур безжизненная. Да и тот, кто управлял лодкой — Сильвенио не видел его лица — был чересчур молчаливым. Надо всем здесь висела какая-то очень тяжёлая, мрачная атмосфера, и зловещую тишину нарушал только тихий равномерный плеск длинного весла лодочника.

Но дети... Сильвенио никогда таких прежде не видел. Они сидели среди взрослых, но в то же время будто бы в стороне от всех, и держались за руки. За время всего пути они ни разу не пошевелились, ни разу на их лице не мелькнуло даже подобия какого-то выражения. Просто сидели, как две бледные золотоволосые куколочки, держались за руки и невидяще смотрели куда-то вдаль остекленевшими красными глазами. Сильвенио пробовал звать их, пробовал легонько трясти их за плечо — всё было тщетно. Дети не обращали на него никакого внимания, а кожа их даже через слои рваной голубой ткани, из которой была соткана их одежда, казалась мёртвенно-холодной. О том, что они ещё живы, говорило только их ровное дыхание — две грудные клетки вздымались в унисон, будто связанные единой невидимой ниточкой.

— Оставь ты их, — посоветовал в конце концов какой-то угрюмый тип, сидевший возле него и кутавшийся в грязное покрывало неопределимого цвета. — Всё равно не ответят.

— И правда, — согласилась шевельнувшаяся рядом грустная маленькая старушка. — Оставь ребятишек. Может, им так даже лучше будет, если они не поймут, что происходит.

Он непонимающе огляделся и всё-таки рискнул спросить:

— А что, собственно, происходит?

Ответа не последовало. Мужчины и женщины, тесно сидевшие бок о бок в длинной узкой лодке, опускали глаза, когда Сильвенио заозирался по сторонам в поисках объяснений, которых, видимо, ему никто здесь давать не собирался. Вздохнув, он отвернулся и стал вновь смотреть на воду — наблюдать за понурыми лицами своих спутников было почти в той же мере тоскливо, что и за неподвижными детьми. Лодочник, закутанный с головой в какой-то выцветший коричневый балахон, продолжал равнодушно грести вперёд, не отвлекаясь на разговоры пассажиров.

Местность, которую они проплывали, не отличалась разнообразием. Пустынные берега, изредка уныло выступающие им навстречу из стелющегося по воде густого тумана,

обозначались иногда низенькими чахлыми деревцами, вяло тянущими к серому небу растопыренные руки-ветки без единого листочка. Пелена мрачных низких туч, застелившая небо от горизонта до горизонта, временами, словно прохудившееся старое одеяло, которым завесили дыру в прогнившей крыше, выплёвывала несколько капель весьма жалкого на вид дождя, не приносившего никакого облегчения пересохшей долине, как, впрочем, не приносила ей облегчения и узкая река, флегматично прокладывая через долину свой незатейливый путь. Было прохладно и сыро. Пассажиры одинокой лодки, рассекавшей тихую водную гладь, всё больше молчали или коротко перешёптывались о чём-то, явно не стремясь налаживать какие-то контакты: видимо, на них слишком сильно давил этот надоевший печальный пейзаж. Их было немного: одна старушка, одна молодая женщина, державшая на руках спящего младенца и периодически засыпавшая сама, трое разновозрастных мужчин, двое странных детей и он, Сильвенио Антэ Лиам. И безмолвный лодочник, чьего лица не было видно из-под наброшенного на голову глубокого капюшона. Отчего-то Сильвенио избегал даже смотреть на этого лодочника, как и остальные его попутчики, словно в личности лодочника было что-то такое, пугающее само по себе, безо всяких внешних атрибутов.

Хрипло каркнул, пролетая над ними в направлении берега, большой чёрный ворон. Одно чёрное перо прямо в полёте отделилось от облезлых крыльев и, плавно кружась, приземлилось на нос лодки. Сильвенио взял перо, повертел его от нечего делать в руках. Старушка глянула на него почему-то неодобрительно, поджав сухие губы, а вот один из мужчин, до того бездумно тарачившийся в пустоту и как-то затравленно обнимавший свои колени, вдруг придвинулся к Сильвенио ближе, тоже глядя на перо в его пальцах.

— Куда мы плывём? — спросил Сильвенио через какое-то время, вновь обернувшись к другим пассажирам.

Снова ему никто не ответил. Сильвенио зачем-то убрал вороново перо в карман куртки и настойчиво повторил:

— Куда мы плывём? Кто-то из вас же наверняка знает? Я приношу свои извинения, что отвлекаю вас, но дело в том, что я совершенно не помню, как тут оказался. Может быть, кто-то помнит хотя бы, как я сюда попал? Я был бы благодарен за любую информацию.

В лодке молчали и отводили глаза. Снова каркнул ворон, уже где-то вдалеке. Равномерный плеск воды, доносившийся из тумана, не прекращался ни на секунду.

— Повтори свой вопрос в третий раз, — сказал тот мужчина, который так и глядел теперь на его карман с пером.

— Зачем? Мне всё равно, похоже, не ответят...

— Три — хорошее число. Магическое. Святое.

Сильвенио внимательно посмотрел на него: спутанные грязные волосы, торчащие во все стороны, заплёванная поношенная одежда, состоящая из грубого кафтана и широких штанов не по размеру, босые исцарапанные ноги, болезненно-худые руки с погрызенными и поломанными ногтями, под которые забились земля, измождённое лицо и лихорадочно блестящий дикий взгляд — всё это явно говорило не в пользу душевного здоровья его неожиданного собеседника. Впрочем, выбирать не приходилось, и Сильвенио повторил в третий раз, обращаясь уже только к нему одному:

— Куда мы плывём?

Внезапно тот расхохотался — истерически, нервно, с определённой ноткой безумия.

— Никуда, парень! — выкрикнул он сквозь смех, и его голос прозвучал чересчур громко

для этого тихого места. — Никуда, в том-то и дело!!!

Сильвенио как-то автоматически отскочил от него, чуть не вывалившись через невысокий бортик лодки, но его, к счастью, вовремя придержал за плечо другой мужчина, единственный из троих, кто до этого с Сильвенио не говорил вообще.

— Осторожнее, — предупредил он лаконично и помог ему вернуть равновесие, после чего вновь спрятал руку в недрах своего дорогого на вид пальто.

Безумец продолжал неистово хохотать до тех пор, пока тип с покрывалом не приложил его кулаком по уху. Тогда тот замолк так же резко и опять начал тарашиться в пустоту, и они снова плыли молча. Женщина с младенцем на руках, разбуженная недавним криком, осоловело моргала, пытаясь понять, чем был вызван шум, но вскоре задремала опять. Младенец же, в отличие от неё, так и не просыпался. Ни златовласые дети, ни лодочник внимания на произошедшее не обратили. Лодка не замедляла и не ускоряла свой ход.

— Неужели ты до сих пор не понял? — услышал Сильвенио через некоторое время шипение того же безумца, и, обернувшись, увидел, что дикий, злобный какой-то взгляд теперь направлен исключительно на него. — Мы все тут обречены, парень. Все! И ты, и я, и бабка, и Мистер Пальто, и жадюга со своим пледиком, и тупая девка с её тупым ребёнком, и эти двое, которые, я смотрю, уже приготовились к своей участи. Ну, может быть, не обречён из нас только этот субъект, — человек в кафтане кивнул на лодочника. — Он-то, наверное, только рад нас отвезти в это самое никуда! Или не рад, кто его знает. Но, в любом случае, доставит нас туда именно он.

Всё это было очень странно и, признаться, начинало действительно пугать. Сильвенио поёжился и обнял себя руками, чтобы хоть как-то согреться. Ему отчего-то было беспокойно и тревожно.

— Нельзя доставить в никуда, — возразил он неуверенно. — Если он нас куда-то везёт, то у этого пути должен быть конечный пункт. И почему мы обречены? Если... — он невольно сглотнул и понизил голос до свистящего шёпота. — Если бы нас хотели утопить, то это всё равно было бы затруднительно: здесь слишком спокойное течение, и нам не составит труда доплыть до берега. Значит, что-то ждёт нас там, на берегу? Но что именно?

— Ничто, — отозвался безумец ещё более зловеще. — Нас ждёт *ничто*.

Сильвенио поёжился повторно, на этот раз — от его тона.

— Вы говорите загадками.

Его собеседник опять истерически расхохотался, а обладатель потрёпанного покрывала ещё раз заехал ему по голове кулаком и буркнул недовольно, обращаясь к эрландеранцу:

— Что ты с ним говоришь? У него крышняк поехал, видно же невооружённым взглядом. Припадочный он. Чего тебе толку с припадочными общаться? — и добавил подозрительно, прищурившись: — Может, ты сам уже того, а? Вот же, бля, рейс психов, тоже мне!

Сильвенио не счёл нужным обижаться на такое заявление и терпеливо ответил:

— Я не знаю, присутствуют ли у меня психические отклонения, потому что, как я уже говорил, я мало что помню. Но клянусь, что вреда я никому не нанесу, если вы этого опасаетесь. Мне просто любопытно... а он — единственный, кто отвечает на мои вопросы. Я всего лишь хочу знать, куда мы направляемся. Разве это так много? Пожалуйста, сэр, ответьте мне хоть вы.

Мужчина что-то проворчал себе под нос и угрюмо замолк, закутавшись в своё покрывалко едва ли не по самые глаза.

— Не нужно тебе этого знать, юноша, — ответила вместо него старушка. — Поверь мне,

старой перечнице — не нужно, и всё тут. Тебе так самому спокойнее будет. И с этим молодым человеком не разговаривай, тебе правильно сказали. Только беду накличешь.

Сильвенио не стал их разубеждать и, достав перо из кармана, опять начал крутить его в пальцах. Со скуки он пересчитал все мелкие ворсинки и поиграл с полученным числом, возводя его в разные степени, умножая и распределяя по уравнениям. Перо было гладкое, лоснящееся, удивительным образом совсем не подходившее старому облезлому ворону, словно бы и не принадлежало ему вовсе. Трогать его было приятно, и Сильвенио, помимо математических подсчётов, некоторое время развлекался тем, что проверял чувствительность своих ладоней, попеременно их щекоча кончиком пёрышка. Небо в очередной раз прохурилось и окропило лодку подобием дождя.

— Не трогал бы эту пакость, юноша, — взялась за своё старушка. — Она с собой несчастья несёт. Выброси лучше за борт, от греха подальше.

— Почему? — он непонимающе моргнул. — Что плохого в этой вещице? Это перо всего лишь упало с крыла ворона.

— Вороны — к несчастью, — заметила старушка тихо.

Сильвенио пожал плечами и последовал её совету, выбросив перо. Сам он к таким суевериям не был склонен, но беспокоить других пассажиров не хотел, да и перо успело ему наскучить. Тишина, только того и ждавшая, с готовностью накрыла лодку своим прозрачным колпаком. Пейзаж всё так же не испытывал склонности хоть как-то меняться. Люди на лодке сонно клевали носами. Сильвенио мёрз и пытался занять свой разум хоть чем-нибудь, потому что час от часу усиливающаяся тревога никак не желала оставлять его в покое, и на ум уже приходили совершенно дурацкие идеи — вроде поговорить с тем же лодочником. Не то чтобы Сильвенио всерьёз рассчитывал, что лодочник проявит какую-то реакцию, если он всё же решится с ним заговорить, но по какой-то неведомой причине даже обращаться к нему казалось в высшей степени неразумным. Как если бы он добровольно пытался обратить на себя внимание какого-то древнего чудовища... Совсем уже отчаявшись и желая занять если не разум, так хотя бы руки, он начал тщательно шарить по своим немногочисленным карманам в поисках каких-нибудь заваливавшихся мелких предметов. Обнаружилось только всё то же перо, хотя он точно помнил, что буквально недавно его выкинул в реку, но на всякий случай сообщать о своём открытии другим он не стал и рыться по карманам прекратил. Перо было почему-то очень тёплое и едва ощутимо грело его через ткань куртки, как единственный источник тепла в этом холодном остывшем мире.

— Посмотри в воду, — произнёс безумец, не отрывавший от него взгляда.

Он повернулся к нему.

— Зачем?

— Не делай этого, — сказал мужчина в пальто. — Серьёзно, пацан, не надо.

От его тона у Сильвенио побежали мурашки по спине.

— Что я там увижу?

— Не надо, — встrepенулась женщина со спящим ребёнком. — Правда, мальчик, не смотри.

— Но почему? Что я увижу, если посмотрю?

Интуиция выла разбуженной сигнальной сиреной. Все инстинкты, обострившиеся вдруг до предела, буквально вопили о тревоге. Что-то здесь было не так, со всеми этими людьми, с этим местом, с этой лодкой. Что-то было не так с ним самим, и если в воде крылась разгадка, то...

— Посмотри в воду, — повторил безумец, оскалив нечищенные зубы и злобно сверкнув тёмными глазами из-под нахмуренных бровей.

И Сильвенио посмотрел.

Поначалу он ничего не мог разглядеть из-за мути и тумана. Затем взгляделся повнимательнее — и в воде вдруг поступило что-то рыжее. Рыжий мужчина с распахнутыми слепыми глазами волочился под водой медленным течением, и что-то в нём показалось Сильвенио знакомым, что-то такое родное...

Он душераздирающе закричал, узнав в утопленнике Джерри, и его крик, как до того — крик находившегося с ним в лодке безумца, эхом пронзил отсыревшую серую глушь.

— Посмотри ещё, — толкнуло его в спину торжествующее шипение человека в кафтане.

Нет, он совершенно точно не хотел больше смотреть в эту проклятую воду. Он знал, что этого делать ни в коем случае не стоило, он был в этом более чем уверен. Но безумец шипел ему в спину, перо ворона обжигало его грудь, стремясь добраться до сердца, и его голова будто бы сама собой снова склонилась к воде, и его глаза сами собой продолжили смотреть и посылать информацию в мозг.

Следующим размытым огненным росчерком в воде мелькнул труп Хенны. Её точно так же свободно несло течение, и её глаза точно так же были слепо распахнуты. Её губы и кожа были совсем синими, яркие волосы безнадёжно померкли. Он взгляделся ещё внимательнее. Трупам оказалась заполнена вся река. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч — их было до невозможности много, и даже Сильвенио не взялся бы их сосчитать. Он видел Лимину Джантэ Тревори, благодетельную Ищущую, видел её друзей и соратников, видел Атрия Джоза — раздувшегося ещё больше, чем при жизни, омерзительного до крайности. Он видел Конрада Грэна, абсолютно белого, как статуя. Он видел всех тех, кого убил Аргза за время их знакомства. Он видел... Господи. Он видел своих родителей. И самого Аргзу Грэна. И всех членов Альянса пиратов.

И себя. Он видел самого себя. Мёртвого. Раздувшегося. Почти почерневшего из-за второго цвета своей крови. С отслаивающейся кожей, с вываливающимися через рыхлую плоть органами, с распахнутым в немом крике ртом, с закатившимися белыми глазами.

Господи, Господи, Господи. Спаси и сохрани.

И, видимо, он в порыве ужаса наклонился к воде слишком низко, забыв о бдительности. Потому что в следующее мгновение из воды вытянулись руки — его собственные руки! — и схватили его за горло. Сильвенио захлебнулся новым криком, рванулся назад, с трудом осознавая, что делает. Кажется, вырвался из хватки мертвеца он только благодаря помощи своих соседей по лодке, отбивавших его каждый в меру своих сил, потому что, когда мимолётная вспышка сознания осветила для него происходящее, он понял, что лежит на дне лодки, сжавшись в тугий комок, а на вся куртка у него спереди вся разодрана. Мертвец забрал у него злосчастное вороново перо, с мясом выдрав и ткань куртки, и кожу под ней, в том месте, где раньше находился карман. Сильвенио сделал глубокий вдох, попытавшись успокоиться, но он всё ещё мог чувствовать ледяной холод чужих — своих! — мёртвых пальцев на своём горле, так что успокоиться так сразу, естественно не получилось.

При следующей вспышке сознания он обнаружил себя дрожащим, как при сильной лихорадке, тихо рыдающим и скулящим что-то нечленораздельное в подол чужой длинной юбки, а добрая грустная старушка гладила его по голове, как любимого внука. В лодке все молчали. Туман уже заполнил бреши, скрывая зеркально-ровную водную гладь, эхо последнего громкого звука впитало в себя, как вата, безрадостное небо, и ничего не

напоминало о том, что тут только что случилось. Сильвенио, всхлипнув в последний раз, поднялся с колен, вежливо поблагодарив женщину за утешение — и тут же чуть во второй раз не вывалился из лодки, почувствовав на себе чей-то внимательный взгляд.

Две пары равнодушных красных глаз смотрели сейчас на него.

Дети всё так же не пошевелились ни на миллиметр, но, определённо, они теперь смотрели не *сквозь* него, как раньше, а именно *на* него, и это пугало едва ли не больше, чем вид себя-утопленника в мутной тёмной воде. От третьего вскрика Сильвенио удержался только потому, что его голосовые связки и без того уже окончательно осипли и не могли больше издавать ничего, кроме невнятного хрипа, но если бы он мог, то закричал бы и сейчас. Потому что дети просто не могли смотреть *так*. Через их глаза будто бы смотрело что-то другое, какая-то чуждая, могучая сила, и... и Сильвенио буквально каждой клеточкой своего продрогшего тела ощутил на себе холодный интерес лодочника, хотя тот всё так же молча продолжал грести, а капюшон всё так же надёжно скрывал лицо.

— Куда мы плывём? — едва слышно спросил он одеревеневшими губами у детей, но обращаясь через них к тому, кто смотрел их глазами. — Я должен знать.

Зато взгляды других пассажиров вдруг разом опустели, словно бы кто-то в мгновение ока выкачал из них души. Их тела, их одежда — всё начало становиться каким-то эфемерным, незначительным, и, тем не менее, Сильвенио знал, что они всё ещё здесь. Он знал, что они оживут, когда он и неведомое существо закончат разговор.

— Куда мы плывём? — повторил он с колотящимся где-то в придушенном горле сердцем.

Дети молча смотрели на него, интерес лодочника ощущался всё острее — почти как трупным окоченением по нервам. "Три — хорошее число, магическое", — вспомнилось Сильвенио, и он, встав в лодке в полный рост, сделал шаг к детям. Не давая себе передумать, положил по ладони на плечо мальчика и на плечо девочки. Его руки всё ещё ощутимо дрожали, и страх всё ещё парализовывал его на всех уровнях, мешая связно мыслить и нормально двигаться, но он не мог остановиться. Он хотел знать. Он задавал этот вопрос уже три раза, но не тем и не так. Настало время посмотреть истине в лицо, какой бы она ни была. Истина — вот что имело значение здесь и сейчас, только она и больше ничего. По крайней мере, он изо всех сил пытался в этом себя убедить.

— Куда мы плывём? — спросил он в третий раз, умоляюще и жалко.

— Тебе лучше знать. Ты отвезёшь их, — безразлично ответило голосом детей таинственное нечто.

Что?

— Что? — произнёс он вслух, хватая ртом воздух.

Сквозь мелькающие перед глазами чёрные пятна Сильвенио вдруг осознал, что уже минуту как перестал слышать плеск весла. Лодка остановилась, и ему показалось, что вместе с ней остановился целый мир. Даже нет: все существующие миры остановились в один миг, как будто кто-то повернул гигантский рубильник. Остановилось само движение времени, и Сильвенио ощутил это так же явно, как ощущал собственные руки и ноги. За голову, правда, он бы сейчас поручиться отказался, потому что в данный момент его голова, похоже, была наполнена только вымораживающей пустотой и расплзающимся от спинного мозга ужасом. Лодочник шагнул к нему. Его коричневый балахон развеялся на несуществующем ветру, капюшон сдуло с его головы на спину.

Скелет. Конечно же. Как он раньше не догадался.

Рука скелета протянула ему весло. Сильвенио не находил в себе сил ни кричать больше, ни двигаться, ни о чём-либо спрашивать. Ему очень хотелось просто потерять сознание. И никогда больше не приходить в себя. Всё это было слишком странно, слишком страшно, слишком непонятно, слишком больно. Слишком неправильно. Слишком нереально. Слишком... слишком, одним словом.

— Ты, — пояснили дети чужим голосом. — Новый Перевозчик. Ты был избран. Ты будешь здесь, пока через семьдесят семь веков тебя не сменил кто-то другой.

У него не хватало сил даже на то, чтобы просто закрыть глаза. Он ненавидел, действительно ненавидел самого себя в такие моменты, когда он совершенно ничего не мог сделать и мог только смотреть. Так было с Джерри, так было с теми продажными повстанцами с планеты, на которой Аргза совершил первый на его памяти полнейший геноцид, так было с гибелью Ищущих на Данаре — и так было сейчас. Он безвольно смотрел, как скелет в балахоне вкладывает в его ладонь весло. Как это весло на несколько мгновений становится железной косой в его руке. Как тоненькая серебристая курточка и штаны осыпаются с него и превращаются в пыль, как лопаются и выгорают его собственная бледная кожа, чтобы принять форму старого коричневого плаща с капюшоном. Как в пустых глазницах черепа напротив его лица вспыхивает и гаснет ослепительное синее пламя. Как падает в наполненную трупами реку последний мертвец, до того управлявший лодкой.

Сильвенио сделал последний в своей жизни вдох, чтобы...

...проснуться.

— Одними руками, — услышал он голос Лилео, пока приходил в себя.

— Хорошо, — услышал он голос Лилея, пока силился открыть глаза. — Спорим. С ментальной стимуляцией?

Лилей, как обычно, обнимал его сзади, а Лилео, оценивающе поглядевшая на эрландеранца в этот момент, привычно сидела на его коленях.

— Пожалуй, без неё не обойтись. Наша бледная бабочка выглядит совсем не так, будто может сейчас получить удовольствие без небольшой корректировки с нашей стороны.

Сильвенио всё никак не мог взять в толк, как они умудряются возвращаться в реальность раньше, чем он: по его представлениям, иллюзии такой мощности требовали огромных усилий, и Близнецы, как главные конструкторы и режиссёры, должны были чудовищно уставать после очередного вторжения в чужой разум, а они, тем не менее, оставались всегда такими же перманентно-бодрыми, в то время как сам Сильвенио вскоре после возвращения в реальность просто отключался.

— Как вы не устаёте? — решил всё-таки спросить он у них, когда Близнецы начали снова его раздевать.

Они синхронно улыбнулись с одинаковой снисходительностью. Улыбку Лилея он видел только боковым зрением, пока тот удерживал одну его руку на расстоянии от стены, насколько позволял магнитный наручник, чтобы аккуратно стянуть рукав куртки. Потом то же самое он повторил с другой рукой — за всё это время они ещё ни разу не порвали его

одежду. По крайней мере, в физическом мире.

— Мы не делаем с твоей головой ничего сверхъестественного, — пояснила Лилео, стаскивая его брюки. — Это не требует таких усилий, как ты себе вообразил.

— Это же как детская игра, — добавил Лилей, пробегая ногтями по его позвоночнику. — В кубики. Мы просто берём отдельно твои страхи, твои сокровенные мысли, твои комплексы и принципы...

— ...выворачиваем всё наизнанку...

— ...добавляем немного своих фантазий...

— ...раскрашиваем...

— ...прикрепляем к нервным окончаниям...

— ...соединяем всё вместе...

— ...и корректируем сюжет по ходу действия. Вот и всё. Это весело.

— Ты когда-нибудь тоже оценишь всю прелесть такой игры.

Он с тяжёлым вздохом закрыл глаза, стараясь не замечать того, что руки обоих близняшек уже всюду ползают по его телу, как четыре прогретшиеся на солнце ласковые змеи, готовые в любой момент вонзить в его плоть ядовитые зубы.

— Я никогда не стану этого делать... Я никогда не буду пользоваться своей силой во зло! Вы... вы могли бы приносить людям пользу... вы могли бы так много, если бы...

Их смех был похож на журчание кристальной чистоты ручейка.

— Да ну? — поинтересовалась Лилео весело, поглаживая его бёдра. — И много пользы ты принёс за свою жизнь? Ах, да, ты же помогал Пауку — несомненно, делать людям добро и заниматься благотворительностью, как же иначе! Детка, тебе не кажется, что ты немного лицемеришь? Ты говоришь о пользе, но в твоих воспоминаниях нет абсолютно ничего, что могло бы выглядеть со всех сторон хорошим поступком. В каких-то твоих действиях с телепатией была замешана корысть, в каких-то — страх наказания перед Пауком. А где же благородство, лапочка? Где же чистосердечная доброта? Где хвалёная эрланская мудрость? Где твоя великая ответственность, которой ты буквально пропитан с детства?

Надо сказать, не замечать их прикосновения и ласки становилось всё сложнее. Они играли сенсорными иллюзиями с его нервами, и его то будто прошивало сильнейшим разрядом тока, то словно щекотало пушистой кисточкой, то знобило, как от приложенных к коже кубиков льда, то бросало в жар, как от поднесённой близко-близко зажжённой спички. Ощущения — ненастоящие, но очень правдоподобные — сменялись одно за другим, с такой скоростью, что он не успевал даже каталогизировать их. Больно — приятно — горячо — холодно — больно — больно — щекотно — хорошо — больно — приятно.

— Видишь, — руки Лилея бродили по его груди, бесстыже трогая за все особенно чувствительные места. — Это всё — палка о двух концах. Демагогия, малыш, только и всего. Все эти рассуждения о том, как правильно и как неправильно использовать данную тебе от природы силу... Ты ежедневно почти наблюдал, как твой Паук убивает неудобных ему людей. Но ты, со своей высокой моралью, со своей нравственностью, ты ни разу его не остановил. Более того, ты не единожды его спасал. Это Паука-то! Жестокого тирана и убийцу! Конечно, он лишил тебя магии, но твой основной дар всё ещё остался с тобой. И он вроде бы даже пустил тебя в свой разум добровольно. Представить не могу, сколько невинных жизней ты бы спас, если бы воспользовался этим великолепным шансом!

Внезапно они прекратили воздействие, и участливо заглянули в его лицо, одновременно погладив его скулы с двух сторон.

— Ну что ты? — спросила Лилео сочувствующе. — Не плачь, маленький трусишка. Мы же понарошку сейчас, не по-настоящему. Вреда не причиним.

Только после этой её фразы Сильвенио понял, что его снова затрясло — ещё сильнее, чем в недавнем кошмаре. Но он, разумеется, и не собирался плакать. Нет уж, это — последнее, что он собирался делать перед этими людьми. Просто... просто у перехватило дыхание и очень сильно кружилась голова, вот и всё.

Просто их слова били точно в сердце, вот и всё. Не больше и не меньше. Он чувствовал себя ужасно жалким и недостойным самого существования. Потому что — да, они, конечно, кругом были правы: он не помог ещё посредством своей силы ни одному существу. Пытался неоднократно — но не смог. Не сумел. А может быть, он и в самом деле был всего лишь лицемером и лгуном...

— Не плачь, глупенький, — вторил сестре Лилей. — Ну, хочешь, мы сейчас уйдём. А ты пока подумай над тем, что мы сказали.

Они действительно встали с пола, и следующее прозвучало уже хором:

— Подумай хорошенько, синий мотылёк. Тогда, может быть, ты сам захочешь остаться с нами, если поймёшь всё правильно.

В сарае было тепло и сухо. В золотистых лучах вечернего солнца, лившихся в единственное имеющееся здесь окно и в щели между досками, плясали озорные пылинки. Сено, в котором он лежал, пахло, как и положено селу, травами и летним полем.

Сильвенио чуть пошевелился, чтобы переместить затёкшую конечность, и невольно сморщил нос — рана всё ещё дико болела при малейшем движении. Он осторожно повернул голову, разглядывая свой красный от крови бок — серебристая шерсть там сваялась и размокла, неприятно прилипла к коже. Повреждённое ребро вспарывало обломком кости шкуру, но лёгкое, к счастью, задето не было, и, хотя дышать было тяжело, он полагал, что у него, в принципе, немало шансов выжить. Надо только отлежаться пару дней в покое, позволяя сильному волчьему организму восстановиться, и потом, чтобы закрепить эффект, поохотиться немного на жирных кроликов с ближайшей фермы — он заметил такую на пути сюда. Впрочем, если на ферме с кроликами обнаружится излишне бдительный хозяин — особенно, если у хозяина найдётся ружьё — то можно будет обойтись и местными курами. Только это всё потом, для начала эти пару дней, пока затягивается рана, надо ещё пережить. Потому как есть жутко хотелось прямо сейчас, но, естественно, об этом не могло быть и речи: сейчас он был слаб, как трёхмесячный щенок, и не мог поймать даже какого-нибудь слепого цыплёнка, не говоря уже о том, чтобы уходить от погони.

Прерывая его размышления, дверь в сарай приотворилась, и Сильвенио мгновенно напрягся. Когда он выбежал, загоняемый подстрелившими его охотниками, из-под спасительного лесного покрова, особого выбора в убежищах, конечно, не было, но он всё же нашёл в себе силы дойти до той территории, которая выглядела наиболее заброшенной: и дом, и сарай возле него показались ему необитаемыми. Выходит, он здорово ошибся, потому что сейчас в сарай кто-то вошёл: он слышал осторожные шаги маленьких ножек и тихие

человеческие голоса. Их золотые головки мелькнули в солнечных лучах из-за стога сена, за которым он укрывался — похоже, его нежданные гости были совсем ещё детёнышами, судя по росту. Кое-как приподнявшись, он попытался отползти подальше в тень — и тут же был обнаружен.

— Ух ты! — услышал он голос одного из человеческих детёнышей. — Волчик! Белый! Сестрёнка, смотри, белый волчик!

Детёнышей было двое: похожие друг на друга, как две капли воды, близнецы, мальчик и девочка. В светлой одежде, со светлыми волнистыми волосами, с искренними радостными улыбками — они выглядели невинно и миролюбиво, как и большинство детей. Это взрослые обычно стреляли в Сильвенио из ружья, кидали в него камни и вилы, напускали на него охотничьих собак, а дети, бывало, даже иногда кормили его хлебом и колбасой. Только вот с этими двумя особями явно было что-то не так. От них пахло опасностью, да такой, какой редко повеет от иного взрослого. Да и глаза у этих маленьких человечков были... нехорошие. Красные, цвета крови, с непонятым огнём, таящимся в самой глубине. Такие глаза не могли принадлежать кому-нибудь доброму. Волку обладатели этих глаз сразу не понравились, и он попытался отползти ещё дальше, одновременно угрожающе зарычав на детей.

— Серебряный, — поправила брата девочка, никак не реагируя на волчье рычание. — Не белый он, братик, а серебряный. Красивый! Смотри, у него кровь. Волчик ранен!

Он зарычал громче, что эффекта также не оказало. Клацнул зубами, когда мальчик приблизился вплотную и погладил его по голове между ушами — снова тот же результат, а вернее, его отсутствие. Откусывать ему руку по-настоящему он не решался: *другой* не любил, когда он трогал детёнышей. К тому же, если он причинит им вред, то они могут позвать сюда взрослых, а уж взрослые-то точно придут опять с ружьями и вилами, и тогда ему конец. Пока же есть надежда, что маленькие человечки немного поудивляются и спокойно уйдут, забыв о нём.

— Тише, волча. Мы тебя вылечим. И накормим. Ты ведь хочешь есть?

— И возьмём себе! — девочка от радости подпрыгнула, и сено под её ножками разлетелось в стороны. — И у нас будет собственный питомец!

— Ага! Всегда мечтал завести собаку!

Сильвенио это не понравилось. Собравшись с силами, он поднялся на лапы и кинулся к выходу — но человечки бросились на него вдвоём и снова повалили на пол. Рана при этом взорвалась такой болью, что он не выдержал и жалобно заскулил, хотя вовсе не собирался этого делать. Дети принялись наперебой его гладить и шептать ему что-то успокаивающее, чего он не понимал; он хотел только, чтобы они оставили его в покое и дали уйти в какое-нибудь другое безлюдное место, где он сможет нормально отлежаться. Он не хотел становиться ничьим питомцем и уж точно не собирался становиться чьей-то "собакой". Но они его не отпускали, а от их ладоней вдруг начало исходить какое-то тёплое свечение, от которого его боль стремительно утихала, и потому он покорно позволил им себя залечить. Слабость, между тем, не проходила так легко: он по-прежнему не чувствовал себя способным полноценно охотиться.

— Вот так! — воскликнули близнецы хором, довольные своей работой. — Сиди здесь, волча, мы принесём тебе еды.

С этими словами они ушли из сарая, и волк остался лежать, приходя в себя после неожиданной помощи. Инстинкты, однако, говорили, что лучше бы ему отсюда уходить как можно быстрее, невзирая на громкие требования напоминавшего о себе пустого желудка

остаться. Своим инстинктам он доверял всё же больше, чем телу, и потому, вновь поднявшись, он поплёлся из сарая, поминутно оглядываясь по сторонам. Лес был, по его прикидкам, не так уж далеко, но до него ещё надо было миновать открытое поле, в этом заключалась главная проблема.

Услышав позади топот детских ножек, он побежал быстрее, но, видимо, он был ещё и в самом деле слишком слаб, потому что детёныши снова догнали его и повалили на землю. Рычание вновь не возымело никакого эффекта, как и его слабые попытки от них отбиться. Пока один детёныш вис у него на шее, другой поставил перед ним миску с почему-то ничуть не расплескавшимся на бегу мясным супом. Пахло угощение, честно говоря, просто изумительно. Сильвению жадно втянул носом воздух и, подозрительно глянув на человечков, принялся лкать суп из тарелки, пока те наблюдали за ним с неприкрытым восторгом.

— Волче нравится!!! Волче нравится!!! — они захлопали в ладошки и запрыгали на месте, поочерёдно трогая его за мохнатые уши и веселясь от этого ещё больше.

Шуму они производили при этом очень много. Сильвению заозирался, проверяя, не сбегутся ли на их верещание другие фермеры. Воспользовавшись тем, что он отвлёкся, дети проворно защёлкнули на нём железный ошейник с цепью вместо поводка, а когда он в панике забрыкался, отчаянно мотая головой и пытаясь стянуть ошейник передними лапами — они напялили на него ещё и какой-то нелепый белый чепец с неаккуратно прорезанными дырками для ушей.

Я сейчас перегрызу им обоим горло, спокойно сказал волк *другому*.

Нет, так же спокойно возразил другой внутри его разума, голос его, как всегда, был строг и печален. Ты этого не сделаешь, сказал другой. У нас договор, напомнил он. Ты не должен трогать детей, сказал другой настойчиво, потерпи, и мы сбежим.

Поэтому он терпел, когда человечки, взявшись вдвоём за цепь, потащили его в заброшенный дом возле сарая. Похоже было, что жили тут только они, потому что всюду на полу валялись игрушки и фантики от конфет, разбросанные книжки с яркими картинками и обрезки абстрактных аппликаций, а пыль и паутина, тем временем, покрывали почти все остальные поверхности — детёнышам явно было не до уборки. Два окна были разбиты, вместо стёкол дыры заделали невнятными кусками бумаги с детскими рисунками — неудивительно, что поначалу дом показался ему совсем пустым.

Его, упирающегося всеми лапами, приволокли в кухню и поставили перед ним полное блюдо молока. Молоко, правда, уже начало киснуть, но волку удавалось так редко его попробовать, что он не стал кривить морду и вылакал всё до дна. Потом ему дали большой ломоть душистого хлеба, который он проглотил в один миг, а потом у них кончилась еда, так что ему пришлось довольствоваться этим, хотя и супа, и молока с хлебом было явно недостаточно, чтобы полностью утолить терзавший его сейчас голод. Он молча поднял на них глаза, ожидая, что будет дальше — побег был назначен на сегодняшнюю ночь. Всё равно ему необходимо было восстановиться как следует, прежде чем снова подаваться в леса.

Тут можно было бы сказать, что он надеялся, что никто из его сородичей никогда не узнает о том, как он сидел посреди человеческой кухни с двумя человеческими детёнышами, в дурацком чепчике на голове и с подсыхающим на морде молоком — но дело как раз было в том, что стыдить его, собственно, было некому: он уже очень давно не состоял ни в одной стае. Остальные волки избегали его и недолюбливали, потому что у него был тот, *другой*, с которым они делили не только голову, но и тело. Раз в месяц, при круглой полной луне, он становился человеком, это ощущали как волки, так и люди. В результате они с другим почти

всю свою жизнь были одни, так и не сумев завести ни семью, ни соратников. Большую часть времени одиночество волку нравилось, потому что это была ещё одна разновидность свободы, которую он так любил, но иногда, в глухие безлунные ночи, в особенно сильную зимнюю вьюгу или в дни, когда люди всей деревней праздновали что-то сообща — иногда ему вдруг становилось очень, очень тоскливо, и он, бывало, всю ночь напролёт выл в равнодушное к его тяготам небо, пока горло не срывалось окончательно и не начинало издавать мерзкий скрип вместо воя.

— Вааа, он такой милый! — девочка снова кинулась обнимать зверя. — Правда же милый, братик? Давай назовём его Пушистиком!

— Снежок, — не согласился мальчик. — Он должен быть Снежком. Посмотри, какой он беленький!

— Серебряный, — поправила девочка. — Он серебряный, и он больше похож на Пушистика, чем на Снежка!

Другой автоматически переводил для волка человеческую речь, хотя сейчас необходимости в этом не было — волка совершенно не интересовало, как эти особи собираются его назвать, потому что, разумеется, в его намерения не входило остаться с ними на сколько-нибудь долгий срок. Человека в его голове звали Сильвенио, и волка это имя вполне устраивало, оно подходило им обоим. Дети на пару мгновений задумались, выискивая подходящее для них обоих решение, а потом мальчик уверенно заявил:

— Ладно, его будут Снежок-Пушистик, двойное имя — это здорово. Ты будешь звать его Пушистиком, а я — Снежком, так он будет слушаться нас обоих.

Потом они до самого вечера тискали его и гладили, чесали ему брюхо и наряжали в разные нелепые костюмы, разрезая для него свою старую одежду, а волк продолжал стоически всё терпеть, дожидаясь ночи и возможности сбежать. Вот только на ночь, прежде чем уйти спать, зевающие человечки вывели его во двор, где примотали за цепь к столбу, подпирающему небольшой навес над крыльцом, разрушив все его планы побега. Всю ночь он беспокойно дёргал за цепь, надеясь сломать деревянный столб, рыл землю когтями, громко выл, мстительно думая о том, что, раз не спит сам, то помешает спать и глупым детёнышам — никакого результата он так и не добился.

Так этот лесной зверь приобрёл ужасный для любого вольного существа статус "питомец".

Естественно, к утру он совершенно не выспался, что не лучшим образом сказалось на его и без того ослабленном организме. Так что, когда бодрые и счастливые дети утром отвязали его от столба и потащили куда-то в поле, он едва мог переставлять лапы и уже даже огрызался вяло, по инерции. Только к полудню он заметил, во-первых, что они идут совсем не в сторону леса и не в сторону деревни, а во-вторых, что у мальчика через плечо перекинут небольшой походный мешок, наполненный какими-то мелкими вещицами, а у девочки в руках что-то вроде дорожной палки. Они не останавливались, чтобы передохнуть, а есть Сильвенио между тем хотелось всё больше — пришлось обходиться поеданием полевых кузнечиков и жучков, по дурости своей крутящихся возле его морды. Разумеется, этого было для молодого волка крайне мало, к тому же, от такого рациона у него к вечеру началось несварение, а вот детей, похоже, отсутствие еды вообще никак не заботило — они шли, казалось бы, на чистой идее, как порой бывает с очень увлечёнными внезапным вдохновением людьми. Только тогда, когда чёрный купол неба зажётся далёкими мерцающими звёздами, похожими на прилипших к тёмному бархату светлячков, маленькие

человечки остановились на отдых и начали укладываться спать, предварительно обмотав цепь вокруг ствола старого дуба, под ветвями которого они решили устроиться на ночлег.

И вдруг Сильвенио неожиданно повезло: прямо перед ним в высокой траве обозначилось шевеление, как от довольно крупного живого существа. Он ощутил соблазнительный запах кролика — и точно: в траве мелькнули длинные серые уши. Кролик, ничего не подозревающий, подошёл ближе, и волк уже мог разглядеть его тепловым зрением — он был жирный и ленивый, должно быть, сбежал с той самой примеченной им фермы. Подождав, пока жертва приблизится ещё чуть-чуть, волк прыгнул вперёд, уже представляя, с каким наслаждением вонзят зубы в податливую мягкую плоть...

Ну, то есть, он думал, что ему повезло. Потому что в следующее мгновение проклятые дети, до того вроде бы мирно спавшие, вдруг вскочили и набросились на него, сердито крича что-то о том, что "волчику нельзя есть бедного симпатичного кроличку". Добычу они, конечно же, мгновенно спугнули, и кролик стрелой умчался в ночь, безнадёжно скрывшись из виду, а детям ещё хватило наглости бить волка по голове своими маленькими кулачками. Тогда он не выдержал и укусил одну из этих вездесущих тонких ручек, несмотря на строгие предупреждения другого в его голове. Девчонка, которой он зубами раздробил плечо, истошно заверещала. Мальчишка же тем временем нашёл на земле какой-то булыжник и швырнул его в Сильвенио, попав точно в глаз. Тихая звёздная ночь, помимо режущего по ушам визга двух человеческих детёнышей, наполнилась ещё и злым звериным воем.

После этого мальчик лечил магией сестру, а затем, словно извиняясь, они вдвоём залечили волку глаз — перед этим они совместными усилиями натянули на него ржавый железный намордник, который достали из мешка.

— Больше не кусайся, Пушистик, — погрозила пальцем девочка.

— И кроличек не кушай, Снежок, — погрозил пальцем мальчик.

Утром следующего дня они вышли на широкую утоптанную дорогу, ведущую к видневшемуся вдалеке городу. Лес, как и фермы, остались далеко позади. Намордник с Сильвенио так и не сняли, и теперь он не мог ловить даже мелких насекомых, чтобы хоть как-то утихомирить голод. Он не ел ничего путного уже больше суток, но детей, видимо, это ни в коей мере не беспокоило. Днём они догнали едущую в направлении города телегу с какой-то утварью; возница поначалу хмуро косился на идущих рядом близнецов, однако те улыбались ему так широко и так приветливо, что вскоре он смягчился и не только согласился их подвезти, но и угостил их целой буханкой хлеба и конфетами. Пока они ели, волк, затащенный ими на повозку тоже, жадно за ними наблюдал, капая через намордник слюной на тюки с утварью (чего возница не заметил): угостить зверя никто из них так и не додумался. После возница отдал им одну из двух его фляг с водой, и Сильвенио обнаружил, что, вдобавок к голоду, его уже давно мучает жажда.

Всю дорогу к городу дети беспрерывно болтали друг с другом и всё так же беспечно трепали волка за уши и хвост, пачкая его светлую шерсть липкими от шоколадных конфет ручонками. Он рычал и порывался время от времени спрыгнуть с телеги, но после нескольких таких попыток дети отдали свободный конец цепи снисходительно наблюдавшему за ними вознице, а уж тот держал цепь куда крепче. Сильвенио было чудовищно жарко под палящим солнцем, ему по-прежнему хотелось есть и пить, и ещё ему хотелось, чтобы с телеги свалились сами дети — и попали под колёса, чтобы уж больше никогда его не мучить. Но другой запретил их сталкивать, и в результате волк улёгся на дно повозки и снова молча терпел все издевательства, закрыв глаза. Всё, о чём он мечтал — это

наконец сбежать в тень любого ближайшего леса и в жизни больше не выходить к человеческим поселениям. Лучше он будет всегда один, чем с такими надоедливymi компаньонами.

К городским воротам они подъехали уже на закате, когда Сильвенио от отчаяния грыз всунутую ему детьми через намордник длинную деревянную щепку, пропитанную смолой. Зубы у него от этого так и норовили склеиться, да и желудок от этого пустого щёлканья челюстей урчал только сильнее, но выбирать не приходилось — ему необходимо было погрызть хоть что-нибудь. Возница, не спеша с ними прощаться, помог детям стащить зверя с повозки и спросил их, где они собираются тут остановиться и где их ждут родители.

— У нас нет родителей, — сказала девочка беззаботно.

— Мы с сестрёнкой одни на всём белом свете, — сказал мальчик беспечно.

На этом они хором попрощались с подвёзшим их мужчиной и проворно скрылись в толпе прохожих, утащив за собой спотыкающегося о собственные лапы волка — пока им не стали задавать лишних вопросов.

В городе Сильвенио ещё никогда до этого не бывал, потому городской шум и зловоние надолго выбили его из колеи. Всё здесь было как будто бы специально создано, чтобы тревожить его чуткие слух и обоняние, глаза не успевали следить за суетливо снующими туда-сюда людьми. Со всех сторон завлекающе пахло едой, и это натурально сводило его с ума, потому что дети ни на минуту не отпускали его от себя: они походя воровали яблоки с уличных прилавков, выпрашивали у прохожих сладости, умильно хлопая донельзя наивными глазками, будто назло крутились возле мясных лавок, что-то высматривая в толпе, а потом им ещё и вздумалось потаскать его по всяческим уличным представлениям, словно всего этого до сих пор было мало.

Сильвенио чувствовал себя так, как будто его ни много ни мало пытала Святая Инквизиция, о которой он слышал когда-то от своего внутреннего человека.

А потом близнецам захотелось пойти в трактир (они ничтоже сумняшеся прихватили у нескольких прохожих туго набитые деньгами кошельки), и им сказали:

— С собаками нельзя.

И эти глупые человечки, виновато перед Сильвенио извинившись, затолкали его в какой-то ближайший подвал с забитыми деревянными досками маленькими окнами, и закрыли его там, защёлкнув болтавшийся на двери тяжёлый замок. И ушли.

Сколько времени прошло так, Сильвенио не знал. Судя по резко сменявшимся запахам и звуковому фону города, миновала ночь и миновал день. И ещё один день. И ещё. Сильвенио был так громко, как не был никогда в жизни, бросался на стены, пробовал прорыть себе ход наружу через пол, пытался разодрать когтями массивную дверь. Но до его воя людям снаружи почему-то не было никакого дела, пол оказался каменным, а всё, чего он добился в отношении двери — это немного поцарапанная её внутренняя поверхность. Он обнюхал все углы в надежде поймать хотя бы маленькую ничтожную мышку — забыв про намордник — однако владелец подвала, как видимо, был слишком хозяйственным, чтобы позволять мышам ошиваться в его собственности, потому что все щели и углы были добротнo замазаны какой-то вонючей гадостью, от которой в отвращении отскакивал даже волк, не говоря уж о более мелкой живности.

Между тем голод его неизбежно рос и вскоре превратился в самый настоящий Голод, с большой буквы. С улицы глумливо тянуло всевозможными мясными изделиями, сырыми и жареными, варёными и копчёными, а он не мог даже выбраться из треклятого подвала, не

говоря уж о том, что он до сих пор не знал, как бы избавиться от намордника и при этом не раскроить себе голову. Ему казалось, что ещё немного — и он просто сунет в намордник лапу и будет грызть самого себя.

Дети вернулись к нему на исходе четвёртого дня. Мальчик тут же обнял его за шею, а девочка высыпала на пол целую кучу леденцов на палочке. Потом они, смеясь, вместе поковырялись в его наморднике скрепкой — и тот со звоном упал на пол.

— Прости, что не навещали так долго, Снежок! — сказал мальчик, счастливо улыбаясь.

— Зато мы принесли тебе еду, Пушистик! — сказала девочка, улыбаясь не менее счастливо и с восторгом показывая на рассыпанные по полу леденцы.

Волк смотрел на них какое-то мгновение немигающим горящим взглядом.

Нет, закричал другой в его голове, не смей, не надо, они всего лишь дети, всего лишь глупые дети, они не со зла, они не подумали.

Зверь уже его не слушал. Он просто бросился вперёд и одним движением челюстей перекусил девочке хлипкую шейку. Мальчишка завизжал и начал бить его по спине железным намордником — зверь не глядя ударил его лапой наотмашь. Тот отлетел к стене и больше не поднимался.

Нет, заходился истерикой и мольбами другой в его мыслях, нет-нет-нет-нет-нет.

Горячая кровь хлынула в пасть, и он — наконец-то!!! — ощутил такой желанный вкус тёплого мяса. Волк больше не думал о том, какому унижению эти глупые детёныши его подвергли, не думал о том, сколько неприятностей они ему доставили и что ему пришлось из-за них перенести. Он думал только о том, что они очень вкусные, оба, и вкус у них двоих совершенно одинаковый, как будто они в самом деле были одним человеком, почему-то разделённом надвое; он думал о том, что ещё никогда прежде ему не попадалось такое сладкое, такое сочное мясо, такие хрупкие косточки, такая изумительная кровь, такая молодая кожа. Только прекрасные золотые волосы он не тронул, потому что волосы были невкусными, а всё остальное он сожрал с превеликим удовольствием. Он ел и ел, и это было поистине чудесное пиршество, и он думал о том, что, возможно, ему стоит ещё как-нибудь включить в свой рацион человеческих детей, раз уж при жизни они такие бесполезные и неприятные...

Он почти закончил, когда в щель подвальной двери, которую близнецы неплотно прикрыли за собой, пробился единственный лунный луч, и Сильвио вдруг вспомнил: сегодня полнолуние. Прежде чем он успел посмаковать последний кусочек своей трапезы, волка вдруг не стало, и в подвале остался голый, забрызганный чужой кровью человек.

Человек с неопишуемым ужасом взглянул на самого себя, на жуткие ошметки невинных детей, от которых остались лишь погрызенные кости и волосы цвета бледного золота.

И человек закричал, потому что...

...проснулся?

Но тогда почему он всё ещё слишком реалистично чувствовал насыщенный солёный вкус во рту, как будто он и в самом деле...

В следующую секунду он полностью осознал происходящее и поперхнулся жидкостью, которой его поили Близнецы. Вязкая, тёмно-красная и очень, к сожалению, узнаваемая субстанция пролилась на его грудь, запачкав куртку.

— Что?.. — только и смог выдавить он сквозь кашель. — Что... это?..

— Угощение, — откликнулись Близнецы хором. — Пришло время для угощений.

Они поили его кровью. Господи, они поили его настоящей человеческой кровью! И у них в руках был поднос с сырым мясом, половина которого... О нет. Половина мяса была уже съедена. Судя по всему, им самим.

Господи. Святая мать Эрлана. Все Высшие Силы.

Угощения... Сильвенио не мог дышать от переполнявшего его омерзения.

— Да, наверное, это вышло немного топорно, — застенчиво улыбнулся ему Лилей. — Ты уж прости, но мы решили, что это наилучший способ тебя накормить.

— Хотя, конечно, ты в праве обижаться, — Лилео виновато опустила ресницы. — История получилась уровнем чуть ниже, чем ты заслуживаешь. Мы сначала хотели сделать из тебя свихнувшегося каннибала, а получилось только голодное животное...

— Но не волнуйся, — добавил Лилей солнечно. — В следующий раз мы дадим тебе шкуру настоящего серийного маньяка. Это будет гораздо веселее!

— А пока, — заметила Лилео ласково. — Тебе нужно подкрепить силы. Ты уже давно просил у нас воды, помнишь? Вот. Пей. И мы, заметь, так щедры, что даём тебе и поесть тоже.

У него предсказуемо закружилась голова и свело судорогой живот. Честно говоря, он очень надеялся, что его стошнит прямо сейчас — но Близнецы, заметив его состояние, протянули к его голове свои ладони, и тошнота разом прошла, одновременно под действием их лечащей магии и управления рефлексами его тела. Стало только хуже: теперь его тошнило только ментально. Такого сильного отвращения к самому себе он ещё не испытывал. А они, тем временем, запрокинули ему голову и зажали нос, чтобы продолжать вливать кровь прямо в горло.

— Не надо!.. — он вырывался, позорно хныча. — Пожалуйста!.. Я не хочу!!! Я ничего больше у вас не попрошу, я никогда больше не буду вас ни в чём упрекать, только НЕ НАДО!!! Я умоляю вас!!! Не надо... пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!!!

— Ну что ты, — ворковали его мучители. — Ты же хочешь пить. И ты голоден. Давай, не упрямясь.

Кровь и мясо, мясо и кровь.

Кровь. И мясо.

Что-то как будто щёлкнуло, сломалось у него внутри. Всё это — всё это было слишком. Он больше не мог выносить этой ежедневной пытки, а теперь ещё и кровь...

"Ты должен запомнить: зови меня на помощь, если что случится."

Аргза.

"Помни, что я приду на помощь сразу же, если ты позовёшь. Непременно приду, ясно?"

Аргза.

"Никогда и никому я не позволю тебя тронуть. Слышишь, Лиам? Никогда. Никому."

Аргза.

"Ты молодец, Лиам. Ты выдержишь. Всё будет хорошо. Слушай мой голос. Я здесь. Я рядом. Только я. Только мы. Слушай меня очень внимательно, Лиам. Очень внимательно, ты меня понял? Всё будет хорошо."

Аргза...

"Есть только мои руки. Есть только мой голос. Есть только мои слова. Есть только я. Я. Я — начало. Я — конец. Твой мир замкнулся сейчас на мне, Лиам. Слушай меня очень внимательно. Потому что нет больше никого и ничего. Я рядом. Я здесь. Только я. Мы одни. Мы всегда будем одни. Я с тобой."

Аргза!

"Ты слышишь только мой голос. Ты чувствуешь только мои руки. Есть только я, Лиам. Сосредоточься. Это очень важно, чтобы ты сосредоточился. На мне. Я — есть. Я. Слушай меня. Ты молодец, Лиам. Ты у меня молодец..."

— Аргза!!! — закричал он вслух, зажмурившись. — А-А-АРГЗА-А-А-А!!!

Консоль взорвалась фейерверком искр, корпус корабля дрогнул, а Близнецы синхронно отпрянули, из носа у обоих шла кровь, и они держались за головы. На этом Сильвенио, к сожалению, иссяк. Последнее, что он видел перед тем, как в очередной раз за время своего нового плена потерять сознание, были направленные на него взгляды Близнецов — полные совершенно сумасшедшего неприкрытого восхищения.

— Ты нас здорово удивил, — сообщила ему Лилео, когда он пришёл в себя на следующие сутки. — Мы такого вообще никак не ожидали, признаться.

— И ты нас даже немножко покалечил, — добавил Лилей. — Мы восемнадцать часов не могли подняться с кровати из-за головной боли, которой ты нас наградил. И нам потом пришлось ещё четыре часа настраивать панель управления, которую ты напрочь вывел из строя — только недавно закончили.

— Но больше удивило нас даже не это.

— О твоей громадной силе мы уже догадывались.

— Просто ты сам не знаешь её пределы.

— Дело в другом.

— Ты звал Паука. Мы, конечно, разорвали вашу мысленную связь в первый же день, как только ты попал сюда, потому что нам она была совершенно ни к чему, но...

— ...удивителен сам факт, что ты звал именно его. После всего того, что он с тобой сделал, это чрезвычайно забавно...

— ...что именно его имя вызвало в тебе эмоциональный всплеск такой мощности. Думаю, мы вполне можем разнообразить наши игры, пользуясь полученным знанием.

— Кстати, ты ведь в курсе, что уже давно прошёл второй этап и перешёл на третий? Поздравляем! Серьёзно, детка, если первый этап проходит единицы, то до третьего не дотягивает уж точно никто. Ты — первый! И единственный!

Он устало закрыл глаза. Аргза не пришёл и не спас его, в кои-то веки, да и не мог он его спасти, конечно. Без маяка, без ментальной связи — даже его умение приходить всегда вовремя не могло бы тут помочь. Сильвенио ощутил себя редкостным дураком. И потому, что надеялся на чудо, хотя знал, что чудес в его жизни не бывает. И потому, что вообще вспомнил об Аргзе... не стоило этого делать, пожалуй. Он уже решил оставить его в прошлом, когда Хенна обещала ему вернуть его домой; ну и что, что её план не удался? Пусть домой ему вернуться по-прежнему не светит, но прошлое из-за этого ворошить ни к чему.

— Сколько... сколько всего этапов вы планируете? Сколько ещё вы намерены меня мучить вот так? — спросил он обречённым сорванным голосом.

Ответом ему был звонкий, по-детски искренний смех.

— Это зависит от нашей фантазии, на которую мы пока не жалуемся, сладкий. И, конечно, от того, сколько ещё ты намерен сопротивляться.

Он сидел в капитанском кресле, как всегда, собранный и величественный, с прямой спиной и цепким взглядом, без усталости скользким по мониторам — подчинённые могли говорить о нём много чего, и он знал все эти слухи досконально, но вот в чём они его никогда не упрекали, так это в отсутствии лидерского образа. Весь хрупкий и тонкий, воздушный даже, похожий на изящную ледяную скульптуру, он, тем не менее, вполне умел внушать уважение своим видом. Стоило лишь какому-нибудь особо бравому солдату заглянуть в его глаза — и все насмешки, если они ещё роились в чьей-то неразумной голове, сразу же пропадали напрочь. Глаза капитана не любил никто: поговаривали даже, что, если смотреть в них долго, можно лишиться души. Когда-то невыразимо давно, наверное, подобные суеверия в его адрес несказанно бы Сильвенио огорчили... но сейчас, на самом деле, это его только забавило.

Душа! Придумали тоже, наивные. Не существует в действительности такого явления, как "душа". Сильвенио был в этом уверен теперь, после всего, через что довелось ему пройти, а он был в достаточной мере образован, чтобы утверждать что-то наверняка, основываясь не только на личном опыте, но и научных фактах. Это если не упоминать того, что он, ко всему прочему, являлся Хранителем Знаний — а уж им-то сейчас все верили безоговорочно.

И вот теперь, после побега от Близнецов, после принятия нового себя, после захвата необходимой ему власти — теперь Сильвенио Антэ Лиам, капитан бывшего флота Паука, лидер Альянса пиратов, поработивший разумы оставшихся генералов, стал наконец тем, кем должен был быть с самого начала.

Повелителем.

Шум на одном из мониторов привлёк его внимание. Рабочие опять чего-то требовали, охранники кого-то избивали. Похоже, очередная массовая потасовка. Когда уже они успокоятся? Сильвенио присмотрелся к источнику проблемы внимательнее — и раздражённо закатил глаза. Сколько можно, в самом-то деле.

— Говорит капитан. Ко мне зачинщика, — велел он в коммуникатор.

Через пару минут в кабину управления втолкнули виновного. Сами охранники застыли по обе стороны от двери, ожидая дальнейших приказов. Сильвенио тяжело посмотрел на бунтаря: это был единственный человек, который смел вызывать его недовольство дольше одного раза. Более того, этот наглец занимался этим регулярно.

— Аргза.

Тот, стоя на коленях, поднял на него глаза. Надо признать, варвар выглядел грозно даже сейчас: полуголый, в одних штанах, со спутанными грязными волосами, падающими на лицо, он по-прежнему напоминал могучего дикого зверя, каким-то образом загнанного в условно-человеческое тело.

— Ты же понимаешь, что я не убил тебя с самого начала только потому, что до этого ты

несколько раз спасал мне жизнь. Однако мои долги по отношению к тебе уже вот-вот исчерпаются, и каждый такой инцидент, когда ты намеренно меня огорчаешь, только приближает неотвратимую развязку. Я начинаю уставать от тебя, Аргза.

Вот только взгляд — лишь взгляд его изменился радикально. Взгляд у грозного Аргзы Грэна теперь был перманентно бессмысленный, безвольный. Покорный. В общем-то, его разум почему-то оказал наименьшее сопротивление из всех захваченных. Когда Сильвенио размышлял об этом, ему отчего-то становилось не по себе. Он как будто не боролся с ним вообще — но иногда поднимал вдруг неожиданно-негаданно эти нелепые бунты, пытался убить охранников, подбивал остальных рабочих на мятежи, и те тянулись за ним, как овцы за пастухом. Сильвенио никак не удавалось понять, в чём причина такого странного контраста в поведении. В конце концов, ему самому Аргза вреда причинять всё это время, похоже, не собирался.

— Подойди. Хотя... не вставай с колен при этом.

Аргза послушно подполз к нему на коленях, не сводя с его лица взгляд своих пустых глаз.

Это всё неправда. Это не по-настоящему... Какие ужасные глаза!.. Это не по-настоящему, не по-настоящему!..

Сильвенио вытянул ноги и насмешливо кивнул на свои сапожки:

— Снимай.

Аргза бережно снял с него обувь.

— Теперь целуй. И клянись мне в верности. Клянись мне, что больше не будешь меня расстраивать. Ты ведь не хочешь, чтобы мне было грустно из-за твоих выходов?

Аргза целовал его белые ступни, заученно повторяя в который раз всё, что ему требовалось говорить в такие моменты.

— Нет, хозяин, не хочу. Прости меня. Я больше не буду тебя огорчать. Я клянусь, что останусь верным тебе до конца своих дней.

Это не может быть правдой. Просто не может. Он бы никогда... я бы никогда...

Потом глаза варвара словно начали просыпаться: они стали темнее, зрачки заметно расширились, и, в общем и в целом, в этих глазах появилось некое выражение. Он припал к его ноге губами более страстно, чем до этого, затем выпрямился, по-прежнему не вставая с колен, и наклонился к нему ближе.

Что именно — никогда, малыш? Это твои потайные желания. Маленький мстительный извращенец, ты показал нам себя с очень плохой — очень хорошей для нас — стороны.

Нет! Это не мои желания! Я никогда такого не хотел и не захочу!!!

А чьи же, сладенький? Уж не наши, это точно. Мы не были знакомы с Пауком настолько близко, чтобы желать ему чего-то подобного.

— Можно?.. — спросил Аргза со странной интонацией. — Можно мне?.. Я так давно тебя не видел. Я хочу... можно?..

Мда, он научил его спрашивать, после долгой и изнурительной для обоих дрессировки, но так и не научил терпеть. Почему у него вообще появлялось неуместное "я хочу" в речи, когда у него давно должны были исчезнуть всяческие личные желания? Почему эти желания никак не удавалось устранить? Хотя, может быть, виноват был тот факт, что Сильвенио не слишком-то и хотелось эти желания устранять: что и говорить, ему было приятно такое обожание.

Не ваши. Но и не мои. Я... я не хочу такого. Вы пытаетесь запутать меня... показать, что могло бы быть, если бы я сдался... Но этого не будет. Я никогда не стану... таким.

— Можно? — повторил Аргза настойчивее.

Сильвенио вскинул вверх ногу и, положив ступню на лицо варвара, отпихнул его от себя, намеренно не касаясь его руками. Ему всё ещё льстило, что после стольких лет он — единственный, кого Аргза хочет вне зависимости от того, есть у него воля или нет.

— Нельзя. Не заслужил. Это чересчур нагло с твоей стороны — просить меня о таком после очередного мятежа. Если ты хочешь получить от меня хотя бы поцелуй, ты должен быть паинькой. Обойдись без выходов хоть пару месяцев — и, возможно, я пересмотрю своё решение. Может быть, однажды я даже снова пушу тебя в свою постель.

— Ладно, — согласился Аргза покладисто, проводя по его ступне языком.

Неужели? Не станешь? Ну-ну, детка, мы это ещё посмотрим. Кстати, самое замечательное в этой истории — то, что этот сон сейчас видит и Паук. Ему, несомненно, будет полезно это увидеть.

Вы ошибаетесь. Он... не видит снов. Вообще.

Твоё дело — верить или нет, способны ли мы подарить ему этот единственный в жизни сон. Тебе решать, настолько ли мы могущественны. Но даём подсказку: это вполне возможно с нашими силами.

— А пока я вынужден наказать тебя, Аргза. Верно ведь?

— Верно, — согласился тот ещё более покладисто, если не сказать безразлично.

Сильвенио откинулся в кресле, глядя варвару в глаза. И послал в его мозг через это унижительное прикосновение ноги к лицу мощную волну боли, отчего Аргза мгновенно напрягся. Секунда, две, три — только через десять варвар не выдержал и заорал.

Ты чувствуешь, какую гамму ощущений заставляешь его испытывать сейчас? Он чувствует себя так, будто его медленно, с удовольствием прокручивают через мясорубку. Его кости, его мышцы, его органы, его кожа и, естественно, мозг — всё пребывает в агонии. Он умирает миллионы раз за секунду. И вот сейчас, когда он корчится в невыносимых муках у твоих ног... разве ты не чувствуешь себя действительно отомщённым? Разве не испытываешь ты торжество истинного победителя?

Нет!!! Прекратите это!!! Можете сделать это со мной — только не с ним, не надо! Если это и правда его сон... отпустите его! Я никогда не хотел сделать ему больно! Я... я вообще никому такого не хотел! Я — ваша жертва, ваша игрушка, разве нет? Так отпустите его... пожалуйста... Он ведь ни при чём...

Похвальная самоотверженность, маленький ангелочек. Но ведь это делаем не мы. А ты. Это твоя сила делает ему больно сейчас. Это тебя он видит перед собой.

Кажется, у Аргзы даже шёл дым из ушей — но, возможно, это было просто что-то с освещением в кабине. Когда Сильвенио убрал ногу, разрывая контакт, Аргза мешком упал на пол, таращась в пространство и пуская слюну. Он выглядел... неприятно.

— Переломать ему ноги, — приказал Сильвенио застывшей с каменными лицами охране. — Как минимум в пятнадцати местах. И заставьте его ползать на руках. Пусть, я не знаю, таскает зубами тележки с углём, что ли. Всё, свободны. Уберите... это.

И тут всё замерло. Шагнувшие к Аргзе охранники картонными фигурами упали на пол. Фон за обзорным окном, до того вполне правдоподобный, сменился чем-то невнятным и более фантастическим. А Сильвенио — Сильвенио ощутил почти что облегчение, внезапно

перестав чувствовать Близнецов у себя в голове. Он словно бы переместился сюда целиком, каким-то неведомым образом покинул своё тело там, на чужом корабле, прикованное наручниками к стене. Вот только это тело, в которое он переместился — ему не принадлежало. Он не мог управлять им, не мог сдвинуть его ни на миллиметр, не мог даже поменять выражение своего лица.

Похоже, вот теперь он попал в настоящий сон Аргзы Грэна, и управляли этим сном уже не Близнецы, и даже не Сильвенио. Аргза... перехватил на себя контроль? Если, конечно, предположить, что всё это не было частью плана Близнецов точно так же, как и все предшествовавшие кошмары.

Аргза выпрямился снова. С колен он так и не встал. Но его глаза... теперь это были его прежние глаза, тёмные, глубокие, осмысленные. Злые.

— Интересно, — произнёс варвар задумчиво. — Первый сон, который я вижу за всю свою жизнь — и кто же в нём фигурирует? Улетевшая от меня пташка, клявшаяся мне, помнится, что никогда больше от меня не убежит. И правда, занятно.

Было ли это продолжением кошмара или всё-таки уже чужим сном? Сильвенио не знал. Он не мог говорить, мог только следить за Аргзой глазами. На самом деле, как он только что с удивлением понял, ему было по-настоящему больно видеть Аргзу таким, каким он был какую-то минуту назад. И ему было *больно* причинять ему боль, вот такой каламбур. Только ничего смешного в этом, конечно же, не было и быть не могло. И — осознание пришло совершенно неожиданно — оказывается, он не хотел вредить ему всё-таки несколько больше, чем кому-либо другому. Чего он хотел — так это чтобы Аргза просто обнял его, как раньше. Чтобы Аргза к нему прикоснулся, позволил спрятаться в его руках от всех бед и несчастий. Чтобы Аргза вновь сказал ему, что всё будет хорошо.

Но Аргза Грэн, как известно, просто обожал обманывать чужие ожидания.

— Маленький врунишка, — заметил он хмуро, опираясь ладонями о спинку кресла и нависая над эрландеранцем. — Опять меня обманул. Я не думаю, что это ты послал мне этот сон — а значит, ты в беде. Ты всегда попадаешь в беду, стоит мне на минуту тебя оставить. Хенна ведь не собиралась мне тебя возвращать, не так ли? А ты, я смотрю, и рад был согласиться. Идиот. Ты, Лиам, просто идиот.

Потом он вдруг отчего-то резко пришёл в ярость: его глаза засверкали настоящей жадой убийства, зубы обнажились в зверином оскале, мышцы напряглись, и то, что он ударил кулаками только лишь по спинке кресла по обеим сторонам от головы Сильвенио, выражало, очевидно, крайнюю степень сдержанности, которую он мог себе сейчас позволить. Сильвенио не мог даже вздрогнуть — только поднял на него глаза.

— Да дьявол тебя побери, что с тобой не так, трусливая ты тварь?! — прорычал варвар ему в лицо. — Ты же, твою мать, так заверял меня, что никуда не денешься! Говорил мне, что ты смирился, что ты согласен быть со мной! И хлопал своими умными честными глазёнками... Я ненавижу тебя, сукин сын!!! Ненавижу, уяснил?! Какого хрена ты опять от меня сбежал, гадёньш?!

Обними меня, хотелось сказать Сильвенио. И ещё: "прости". Но он не мог разомкнуть губы своего фантома. Аргза продолжал мрачно сверлить его взглядом, из которого постепенно уходило бешенство.

— Где ты теперь, моя пташка? — спросил он как-то глухо. — Мне не хватает тебя. Я выбросил твой тупой цветок, к твоему сведению. Я не слышу его грёбаного пения без тебя. Я недавно был в твоей комнате и от злости всё там погромил, теперь там одни руины. И

цветок вышвырнул в открытый космос. Ничего — всё равно ты, когда вернёшься, переедешь окончательно в мою спальню. Я посажу тебя на цепь и буду водить за собой на поводке. И никаких больше визитов на чужие корабли.

Сильвенио молчал. Аргза наконец прикоснулся к нему: погладил щёку ладонью, провёл большим пальцем по тонким губам.

— Хотя, знаешь, мне уже кажется, что я даже бить тебя не буду по возвращении. Ты же у меня слабый... загнёшься ещё, если я в полную силу руки распущу. Только мозги на место вправлю немного, чтобы больше так не делал. Я хочу тебя увидеть. Я хочу... я уже не знаю, чего я хочу. Наверное, поймать тебя и не выпускать из поля зрения никогда в жизни. Вернись ко мне, глупый. Или нет — я сам найду тебя и верну. Я найду тебя в любом уголке этой чёртовой Вселенной, я найду тебя везде, где угодно. Ты только держись там, хорошо? Мне требуется время. Но в конечном итоге, будь уверен, я тебя найду. Я уже развернул сеть поисков по нескольким галактикам. Я вернул на службу все двести девяносто девять кораблей, ты ведь помнишь, что я до сих пор ими формально владею? Я разослал их по всему миру, и все они ищут одного человека: тебя. Ты можешь потом упрекать меня, сколько угодно, ты можешь снова быть неблагодарным, ты можешь на меня обижаться и называть меня чудовищем, как ты делал раньше — но я всё равно тебя верну. Я уже говорил, что ты будешь со мной до самого конца. А я, в отличие от тебя, свои обещания всегда выполняю. Ты слышишь меня, Лиам? Слышишь, я уверен. Где бы ты ни был, ты сейчас слышишь меня. И, надеюсь, ты запомнишь мои слова.

В это мгновение сон вернулся к своему первоначальному сюжету. Взгляд Аргзы опустел, и охранники уволокли его из кабины.

Сильвенио вдруг задрожал, и Сильвенио же непонятно и высокомерно усмехался.

Но теперь он знал, что настоящим из них был тот, который...

...проснулся.

Проснулся.

Ещё раз проснулся.

И ещё бесконечное множество раз.

Кошмары становились всё изощрённее, всё болезненнее. И в большинстве из них теперь фигурировал Аргза: Аргза, долго и жестоко убивающий по его приказу Хенну; Аргза, тянущий его за собой в бездонную пропасть и разбивающийся вместе с ним о скалы; Аргза, сломленный и подавленный; Аргза, превращающийся в гигантское взбешённое чудовище, поедающее всех без разбору и спрашивающее Сильвенио, за что ему такая участь; Аргза, командующий, опять же, по его приказу, непредставимо масштабной атакой на Эрлану до полного её уничтожения. Иногда, для разнообразия, Аргзы в кошмарах не было, но Сильвенио не сказал бы, что это приносило хоть какое-то облегчение, потому что тогда Близнецы старались, как могли, компенсировать этот, с их точки зрения, "недостаток": в одном из таких снов он был пациентом психиатрической лечебницы на Старой Земле, которому привиделось, будто он какой-то там эрландеранец и какой-то там непонятный

Хранитель Знаний, бредящий о несуществующем будущем с космическими кораблями и магией; в другом Близнецы всё-таки, как и обещали, сделали его серийным маньяком-убийцей; в третьем он был наркоманом в последней стадии, побирающимся под мостом на свалке незнакомой ему пиратской планеты и продающим своё тело всяческим гнусным личностям. И так далее, и тому подобное.

Однажды утром (или днём, или вечером, или ночью) ему показалось, что он проснулся от звуков пения, чего, конечно же, быть просто не могло. Но, открыв глаза, он убедился, что слух его не обманул: Близнецы действительно пели. В этот момент они меньше всего на свете походили на тех демонов безумия, что безжалостно пытали его всё это нескончаемое время. Голоса их — чистые, звучные, хрустальные — лились чудесной завораживающей мелодией, и, наверное, каждый, кто мог слышать сейчас эту медленную песню, чувствовал себя в Раю, потому что так петь не могли никакие земные создания. Песня на непонятном языке то взлетала в холодные просторы космоса, окрашивая пустоту тёплыми солнечными лучами, то стекала водопадами света к вымершим древним планетам, одаривая их дыханием жизни; песня эта была крылатой и свободной, смелой и ласковой, смеющейся и уютной одновременно. Сильвенио бездумно слушал, пожалуй, чуть ли не впервые в жизни не думая абсолютно ни о чём плохом, впускал песню в своё сердце, и то снова забывало испытанный ужас и страх, а тело забывало о боли и жажде. Близнецы, одинаковые ещё больше, чем когда-либо — обычно Лилей забирал волосы в хвост, а сегодня тоже распустил их, как сестра — одним сплошным золотисто-голубо-красным небесным видением обитались сидящими на полу кабины, в такт мелодии вода сияющими красными гребешками по волосам друг друга, и улыбались, прикрыв глаза, так кротко, что все иконописцы мира, наверное, могли бы удавиться за эти две улыбки, лишь бы изобразить их на своих полотнах в виде великих святых. Даже поцелуй, которым эти двое наградили друг друга по завершению этого странного ритуала расчёсывания, мог бы показаться почти целомудренным.

Но песня закончилась, а с ней закончилось и очарование этой картины. Сильвенио вновь вспомнил, кто он и где он, вспомнил, что его ждёт здесь и что он уже пережил. Возвращаться к реальности было сейчас очень болезненно. Тем временем Близнецы повернулись к нему, и он ожидаемо напрягся, предчувствуя новый кошмар.

— Не бойся, — сказала Лилео. — Сегодня играть не будем.

— Только не сегодня, — сказал Лилей. — У нас особенный день.

И хором они добавили:

— Мы называем это "День Добрых Дел", который мы проводим раз в году. Сегодня тебе ничего не угрожает, бедненький мотылёк.

Они встали и подошли к нему, опустили возле своего пленника на колени. Улыбки их всё ещё были участливые и открытые.

— Чего ты хочешь? — спросили они снова хором.

Он внимательно посмотрел на них. В чудеса он всё ещё не верил, но... попытаться стоило. Поэтому он неуверенно произнёс:

— Я хочу, чтобы вы меня отпустили...

Разумеется, на это не стоило и рассчитывать.

— Пф! — фыркнул Лилей. — Это неинтересно!

— Ты просто сам не знаешь, чего хочешь, — фыркнула Лилео.

Он вздохнул. Конечно, даже добрые дела они понимали по-своему.

— Тогда можно мне хотя бы стакан воды? Чистой воды, я имею в виду... я был бы вам

очень признателен...

— Ерунда, — перебила Лилео. — Мы можем принести тебе ещё крови, если хочешь пить.

— Загадай чего-нибудь получше, — посоветовал Лилей.

— Я... я не знаю... может быть вы... вы дадите мне просто отдохнуть? От всего этого...

Тут они просияли и кивнули, вот только от выражений их лиц у Сильвенио всё сжалось внутри от дурного предчувствия.

— Точно-точно! Сестрёнка, мы же знаем, чего бы он на самом деле хотел, правда?

— Правда-правда, братик! Чур я — к голове!

Они быстро заняли позиции: Лилео пробралась ему за спину и обхватила сзади голову ладонями, а Лилей начал его раздевать, нависая сверху, и... и его черты стали меняться. На глазах у Сильвенио Лилей наращивал мышцы, становился выше и шире в плечах, кожа покрывалась многолетним загаром и врождённой смуглостью, волосы темнели и выпрямлялись, черты лица ужесточались и заострялись, а глаза из красных стали совсем чёрными. Сильвенио непроизвольно дёрнулся, едва не заехав затылком по носу прижавшейся к нему Лилео: это было уже слишком для него.

Аргза — с сахарной блаженной улыбочкой, с добрым-добрым взглядом невинного ягнёнка, с выражением перманентного приторного умиления на лице — выглядел более чем жутко. Когда он поцеловал его, то Сильвенио почувствовал на губах привкус клубники и ванили: на завтрак Близнецы обычно предпочитали насыщенные кремом пирожные. Сильвенио стало дурно.

Выходит, не так уж хорошо они его изучили, если думали, что он когда-либо мог бы захотеть... это. Гибрид Аргзы и Лилея поистине делал его глубоко несчастным одним своим видом, хотя Сильвенио не мог бы в точности сказать сейчас, почему так. И в то же время... у него родилась некая идея. Он почти не верил в её успех, он боялся даже представить себе, что с ним будет, если эта последняя идея провалится, и он был уверен, что при любом исходе совесть вскоре заест его окончательно, потому что то, что он собирался сделать, противоречило и словам его, и принципам. Однако он уже настолько устал, что не мог не попробовать. В конце концов, это был его единственный шанс.

— Вы... — он решительно поднял глаза на продолжавшего раздевать его Лилея-Аргзу. — Вы делаете это неправильно. Я... я... я хотел бы видеть его другим, — и это была правда, но, конечно, не вся. — Позвольте мне... показать? Показать, что я хочу... Показать, каким... каким он мне нравится больше...

Они не должны были на это соглашаться; существовало множество логически обоснованных причин, почему они совершенно точно не должны были соглашаться, и если бы у них была хоть капля здравого смысла... Но они только заулыбались ещё радостнее и согласились.

И пустили его в свой единый на двоих разум.

Сильвенио и вправду показал им. Он откопал на глубине своей памяти самые интимные, самые сокровенные моменты жизни с Аргзой, он открыл им все потаённые радости их совместного существования, подарил им все свои короткие мысленные признания, адресованные когда-либо этому человеку. Он показал им тепло рук Аргзы, его взгляды и улыбки, показал мельчайшие выражения его лица, которые когда-либо вызывали в Сильвенио неясную тёплую волну, он показал им то, каким видел грозного Паука изнутри. Он дал им услышать успокаивающий ритм его сердца, ощутить живую вибрацию его

энергии, прочувствовать некоторые сказанные им слова, которые когда-то запали Сильвенио в душу.

А когда они расслабились достаточно, полностью поглощённые впитыванием всей этой мельчайшей информации, которую им ни за что не прочитать бы в другое время без его на то согласия — когда они потеряли бдительность, он собрал всю свою оставшуюся силу и вложил в один удар. Это был даже не удар, а, скорее, некий посыл, он по-прежнему не собирался им вредить. Но этот единственный посыл силы полностью сломал их ментальную защиту. И в нём был только один мысленный приказ: "усните".

Близнецы, всё так же синхронно, повалились на пол и крепко заснули.

Несколько минут он боялся шевелиться, ожидая, что они вот-вот проснутся. Однако они всё не просыпались и выглядели, к тому же, даже более мирно, чем обычно. Лилей, уже вернувший свою обычную внешность, сладко свернулся возле его ног, Лилео, успевшая машинально нащупать руку брата, положила её себе под щёку. Они должны были проспять ещё как минимум несколько часов. В кабине наконец-то было совершенно тихо.

Сильвенио, не веря своей удаче, осторожно придвинулся к консоли, насколько позволяли прикованные магнитами к стене руки. Потом пришлось закусить губу и призвать остатки мужества, чтобы приступить к следующей части плана: он сместил руки за спиной вместе и при помощи левой вывихнул большой палец правой. Боль была недолгой — поскольку Близнецы им больше не управляли, Контроль тут же благополучно лишил его всех ощущений. Повторив то же самое со второй рукой, он наконец освободился полностью. Затем кинулся к консоли.

[Функция рассылки голосовых сообщений включена. Подтвердите запрос. Запрос подтверждён, сообщение будет отправлено по всем доступным адресам и случайным каналам ближайших источников связи:]

"Помогите мне!!! Кто-нибудь, помогите мне срочно, пожалуйста! Если меня кто-нибудь слышит — помогите! Мои координаты: JL35-KohgP, триста шестьдесят пять-четыре-ноль-два, созвездие Сирены, на десять градусов от седьмого спутника. ПОЖАЛУЙСТА!"

[Сообщение отправлено.]

И тут Сильвенио повезло ещё один раз. Потому что:

[Поступил входящий звонок. Принять?]

На экране возникло знакомое лицо, обрамлённое белыми волосами.

— Сильвенио, это ты?..

"Чувствовать в сновидении запах мимозы — к расставанию с родными и друзьями. Если Вы увидели во сне, что Вам преподносят в дар мимозы, то в ближайшем будущем Вас ожидает сюрприз, который радикально изменит всю вашу жизнь. Увиденное в сновидении дерево мимозы советует Вам повременить с делами и спокойно отдохнуть."

— Сильвенио, это ты?..

Он затравленно оглянулся на спящих Близнецов, проверяя, не начали ли они просыпаться, и только после этого позволил себе вплотную приблизить лицо к экрану. После всего этого Ада, после всех этих пыток — после всего видеть этого человека было таким облегчением, что в горле у Сильвенио мгновенно образовался комок, мешающий говорить, и он с трудом выдохнул в динамик:

— Мартин! Да, это я, Мартин! Помоги мне!

Тот, забывшись, даже притронулся к экрану с той стороны, словно желал прикоснуться напрямую к Сильвенио. Судя по его виду, он тоже совершенно не ожидал, что их первый после столь долгого молчания разговор состоится именно так.

— Что случилось? Где ты? Я отслеживаю корабль Паука, и он где-то на другом конце мира, но тогда что за координаты ты назвал?.. Там нет планеты, только космос, и...

Сильвенио постарался, чтобы его голос звучал как можно твёрже, иначе был риск, что его попросту не услышат.

— Я... на корабле Близнецов. Ты слышал о них, Мартин? Я у них в плену... я только что усыпил их, но не знаю, надолго ли этого хватит... они могут в любой момент... — его голос всё-таки сорвался, и он зарыдал, закрыв лицо руками. — Мартин, пожалуйста, забери меня отсюда! Я не вынесу больше, честное слово, не вынесу!.. Пожалуйста!..

На том конце связи повисло молчание. Кое-как справившись с собой, Сильвенио утёр лицо и посмотрел на экран. Мартин сосредоточенно набирал что-то у себя на панели, не глядя на него, но в его светлых глазах плескался такой священный ужас, что Сильвенио вдруг с ещё большим облегчением понял: к нему обязательно придут на помощь. Его спасут... должны спасти. Он и в самом деле не представлял, как сможет остаться с Близнецами ещё хотя бы на день — его мутило от страха при одной мысли об этом. Наверное, он действительно больше не выдержит. Сломается раз и навсегда, сдастся, опустит руки, позволит безумию захватить себя целиком — если только немедленно отсюда не сбежит.

— Я буду через пятнадцать минут, Сильвенио, — произнёс Мартин встревоженно. — Быстрее никак не получается, извини, я делаю всё, что могу, но я слишком далеко. Продержись там, хорошо? Я быстро. Ты можешь добраться там до экстренного телепорта?

— Н-не знаю... сейчас посмотрю... Подожди.

Взламывать систему корабля с вывихнутыми большими пальцами было жутко неудобно, руки из-за Контроля слушались плохо, но всё равно весь процесс не занял у Сильвенио и минуты. У него возникло такое впечатление, что Близнецы не удосужились защитить свою систему изнутри вообще: видимо, перспектива того, что кто-то может обладать доступом к их консоли на самом корабле, казалась им слишком абсурдной. Так что Сильвенио без

особого труда нашёл и расположение телепорта, и канал видеонаблюдения, к которому тут же подключился. Удача, вопреки его мрачному настрою, казалось, всё не изъясляла ни малейшего желания его покинуть, потому как он обнаружил, что его сила подействовала не только на Близнецов — спали на корабле все до единого, в том числе, разумеется, и охрана телепорта.

— Да, я могу до него добраться без проблем, наверное...

— Тогда иди туда прямо сейчас, ладно? Там должно быть в любом случае безопаснее, чем в кабине — я же правильно понимаю, что Близнецы всё ещё там? Поэтому выключи связь и иди к телепорту, я заберу тебя ещё на подлёте. Хотя нет, не выключай связь полностью, выключи только изображение — если я услышу, что они там, в кабине, просыпаются, то... что-нибудь придумаю. Если возникнет необходимость, я постараюсь тебя отбить в сражении.

— Мартин...

— Я тоже надеюсь, что до этого не дойдёт, Сильвенио, но если дойдёт — будь уверен, я сумею за тебя постоять. Мне хватило уже потерять тебя один раз, больше я этого не сделаю. А пока иди к телепорту, пожалуйста.

Ему ничего не оставалось, кроме как кивнуть и сделать, как он просил.

Эти оставшиеся десять минут (три с половиной минуты он шёл от кабины), в неестественно-тихом огромном отсеке, среди сладко спящих вооружённых до зубов солдат на полу — эти десять минут были, пожалуй, одними из самых долгих в его жизни.

Но никто из них так и не проснулся. Звуки боя не разносили гулкое эхо по мёртвенным чёрным просторам снаружи, телепатическое поле, которое Сильвенио сканировал каждые десять секунд, не подавало никаких признаков активности, всё было мирно и спокойно. А потом телепорт приглашающе загорелся, и эрландеранец без раздумий шагнул в него, опасаясь, что ноги его в самый последний момент подведут и не сдвинутся с места от того волнения, которое он испытывал.

— Сильвенио! Я не могу выразить своего счастья по поводу того, что...

Он не дал Мартину договорить и просто обнял его, мелко дрожа. Согласно правилам этикета, это было далеко не самое вежливое приветствие старого друга после долгой разлуки, но Сильвенио в данный момент было просто не до этого. Признаться честно, ему вовсе не хотелось говорить о произошедшем — или говорить вообще. Сейчас ему хотелось только молча вдыхать умиротворяющий запах мяты от чужих-знакомых волос, прижиматься к тёплому человеческому телу и ни о чём не думать.

Вообще ни о чём.

Так, в молчании, они провели остаток дня. Сильвенио не отходил от Мартина ни на шаг, пока тот в спешном порядке направлял свой корабль как можно дальше от созвездия Сирены. Руки миротворец вылечил ему магией. Потом Мартин отвёл его на корабельную кухню, где отпаивал соком и предложил целый список имеющихся у него вегетарианских блюд, заявив с сочувствием, что он выглядит измождённым. Есть Сильвенио не хотел, но пил очень много, как будто боялся, что у него в любой момент могут отнять драгоценную жидкость. И всё никак не мог убедить себя, что отнимать у него больше никто и ничего не собирается, что всё кончилось, а Мартин, милый, добрый Мартин — только наблюдал за ним с неподдельным страданием и вздыхал. Но ничего не спрашивал.

— Если бы у меня было достаточно сил, я бы немедленно объявил им войну, — сказал Мартин только поздним вечером.

И это было уже после: после того, как они приземлились на Эль-Вират, где располагался ближайший официальный штаб миротворцев; после того, как Сильвенио три часа отмокал в горячей ванне; после того, как Мартин привёл его в выделенную комнату; после того, как Сильвенио из этой комнаты сбежал и с разрешения Мартина поселился временно у него в кресле; после того, как Мартин потерял всякую надежду уложить Сильвенио спать, потому что тот боялся надолго закрывать глаза.

— Почему? — спросил у него Сильвенио, подтянув в кресле колени к себе. — То, что я им попался... это только моя вина. Я не думаю, что война бы что-нибудь решила: насколько я понял, они развлекаются так со своими пленниками уже очень много лет.

— Да, — согласился миротворец и погладил его по голове, улыбаясь со странной грустью. — Я знаю, что это ничем бы не помогло. Скорее всего, я бы просто погиб, или они разгромили бы весь мой флот, не приученный к военным действиям, а меня взяли бы в плен вместо тебя. Я всё это знаю.

Сильвенио не вовремя вспомнил Аргзу, который никогда не сомневался в своей победе и уж точно не смотрел на превосходящие силы врага. Он просто шёл и убивал, или летел на корабле и убивал — разница была только в масштабах. Что ж, теперь-то можно было порадоваться, что времена всяческих рискованных мероприятий безвозвратно миновали.

— Тогда почему?

Голос Мартина стал совсем тихим, и Сильвенио так и не удалось разобрать, чего этот голос был полон больше: страха, сочувствия или всё же тщательно сдерживаемого гнева.

— Потому что ты поседел, Сильвенио...

Сильвенио этого не знал. Чуть нахмурившись, он включил голосовой командой в комнате выключенный было свет и подошёл к зеркалу.

Одинокая широкая серебристая прядка проложила себе путь сквозь яркую синеву.

— Неудивительно, — отозвался он тихо и больше ничего не сказал.

Мартин, вероятно, думал, что он всё-таки заснёт позже, потому что, поддавшись уговорам, вскоре лёг сам и благополучно заснул. Сильвенио же продолжал сидеть в кресле, обняв колени руками, и слипающимися глазами упрямо смотрел в темноту: ему казалось, что если он позволит себе хотя бы задремать, то проснётся уже снова прикованный к стене, с нависающими над ним лицами Близнецов...

Ему бы хотелось сейчас лечь под бок к миротворцу, укрывшись одним одеялом, как они делали с Аргзой, но свой лимит бесцеремонности Сильвенио на сегодня уже исчерпал. Поэтому вместо ещё одного акта невоспитанности он сидел в темноте и думал; он бы был бы счастлив остановить течение своих мыслей хотя бы ещё на одну ночь, но, к сожалению, это было выше его сил. Мысли были разные. Он думал о том, почему он постоянно вспоминает Аргзу, и нельзя ли как-нибудь перестать о нём вспоминать вообще, потому что пора бы начать привыкать к жизни без Паука; он думал о том, почему всё же Мартин с ним так добр, и что делать, если он вдруг снова начнёт проявлять прежние... чувства. Если он опять захочет его поцеловать — стоит ли выражать на это согласие? Мартин — не Хенна, ему не нужно постели с ним на одну ночь, ему нужно нечто большее, и хотя Сильвенио дал бы ему всё, что тот только потребует — в одну лишь благодарность за своё спасение, но в том-то и дело, что Мартин ничего требовать не станет, он может разве что попросить. Сильвенио не знает, готов ли сейчас к тем отношениям, которые может предложить Мартин. А может и не предложить. Как ему с ним себя вести? Как отблагодарить достойно и не обидеть при этом? Быть ли ему безукоризненно-хорошим другом и при этом пресекать все попытки общаться

теснее?

Думал он, правда, и о вещах гораздо более мрачных в ту ночь. В частности, его всё не оставляла назойливая параноидальная мысль о том, что он, возможно, просто продолжает спать — там, у Близнецов — и видит очередной сон. Который в любую минуту может обратиться кошмаром, наверное, ещё более жутким, чем все кошмары до этого, судя по тому, что пока у него всё так подозрительно хорошо складывается. И ещё он думал о том, что, даже если это не кошмар, свобода в любом случае закончится довольно быстро — так, что он даже не успеет ей насладиться. Так было всегда и так, похоже, всегда и будет.

Немудрено, что к утру он чувствовал себя, как выжатый лимон. Голова нещадно болела, в горле снова основательно поселилась мучительная жажда, к которой теперь запоздало добавился и голод, а мышцы мстительно затекли из-за целой ночи, проведённой в неудобной позе в кресле, но, несмотря на всё это, он терпеливо ждал пробуждения друга, надеясь, что его спокойствие как-нибудь передастся и ему.

— Боже милосердный, — произнёс Мартин первым же делом, как только проснулся. — Доброе утро, Сильвенио. Ты что, так и не спал?

Он помотал головой, вежливо ответив на утреннее приветствие, и взгляд Мартина приобрёл скорбное выражение. Он начал немедленно громко раскаиваться за то, что не уделил своему гостю достаточно внимания прошлой ночью и что так беспечно улёгся спать сам. Несколько виноватые и смущённые заверения Сильвенио в том, что всё в порядке, эффекта не возымели, и до конца дня Мартин смотрел на него так, словно бы он являлся кормящей матерью, у которой тяжело заболел грудной младенец.

Сегодня Сильвенио, однако, и не думал расслабляться. Он был вялым и одновременно напряжённым, всё так же не отходил от Мартина ни на шаг, с другими миротворцами, радушно встретившими его в штабе, держался с церемонной отстранённостью. Ему всё казалось, что на Эль-Вират вот-вот прилетят Близнецы и всё тут уничтожат, а он сможет опять только бессильно смотреть. Реальность виделась ему нестабильной и зыбкой, готовой распусться по швам от малейшего его неверного движения. Всё вокруг было слишком ненадёжно, как-то пугающе чуждо, окружающий мир чудился сплетённым из тончайших прозрачных нитей на грани вымысла и бреда. Участливые лица миротворцев казались лишь бесконечными новыми масками, прикрывающими сумасшедшие красные глаза, даже Мартин, единственный, кому он решил доверять в этой ситуации, мог нечаянно напугать его едва ли не до инфаркта, когда ему случалось как-нибудь неожиданно, без предупреждения его касаться. Мартин пытался его разговорить хотя бы на нейтральные темы, но Сильвенио ограничивался только ответами на его ничего не значащие вопросы и по собственной инициативе разговор не заводил, отчего беседа чересчур быстро увядала. Единственное, что изменилось — так это то, что он в этот день он наконец вдоволь ел и пил, постепенно навёрстывая прежний режим питания.

— Может быть, позволишь мне сводить тебя завтра на экскурсию? — предложил Мартин за ужином. — Эль-Вират — довольно красивое место. Фактически это — культурная столица местного союза четырёх галактик. Здесь множество музеев, театров и просто радующих глаз мест. Я уверен, тебе бы понравилось. Ты мог бы... ну, знаешь, отвлечься.

Он, конечно, изо всех сил старался помочь, но Сильвенио передёрнуло от одной мысли оказаться на открытом пространстве.

— Нет, я... я не думаю, что это пойдёт мне на пользу, извини, Мартин... Я пока не

могу.

Доедали ужин они снова молча, и всё это время Мартин изучал его тяжёлым взглядом, полным прежнего беспокойства. Потом они шли в его спальню, где миротворец сначала предложил снотворное, а затем, получив испуганный отказ, решился спросить:

— Ты уверен, что не хочешь мне рассказать? О том, что было там... у Близнецов. Ты ничего не рассказываешь, и я вполне понимаю твоё желание держать всё в тайне, потому что это совершенно точно не те воспоминания, которыми хочется делиться. Но ты поседел. И ты явно до сих пор напуган. Это, очевидно, травмировало тебя, Сильвенио. Ручаюсь, тебе станет намного легче, если ты хотя бы расскажешь кому-нибудь.

С минуту Сильвенио раздумывал, пока Мартин, вручивший ему пахнущую лавандой белую пижаму, помогал ему переодеться и почти насильно устраивал в своей кровати, памятуя о прошлой ночи. Сам он, видимо, предполагал ночевать на притащенном откуда-то в комнату гостевом диване. Сильвенио было ужасно неловко от всей этой суеты и заботы о нём, которую он, вероятно, не заслуживал. Действительно, если он и мог с кем здесь поделиться всем пережитым, то только с этим человеком, и он уже даже открыл рот, чтобы начать говорить — неважно что, лишь бы вывалить свалившийся на его душу тяжкий камень — и тут же его закрыл. Потому что Мартин и без того слишком сильно за него переживал, принимая все его несчастья практически за свои собственные, и расстраивать его ещё больше Сильвенио определённо не хотел. Мартин попросту не заслуживал всего того мерзкого и плохого, что скопилось у него на сердце после знакомства с Близнецами.

— Я... нет, Мартин, я не хочу этого рассказывать. Извини ещё раз...

Тот вздохнул и смерил его ещё одним невыносимо печальным взглядом.

— Нет нужды извиняться передо мной за это, Сильвенио. Я всего лишь волнуюсь за тебя.

— Я знаю. Прости.

— Я же говорю, не надо из... — миротворец издал новый вздох. — Ладно, тогда спокойной ночи. Я очень надеюсь, что сегодня ты всё-таки сможешь уснуть, потому что, уж прости за откровенность, на тебя смотреть больно, как ты мучаешься. Помни, я теперь рядом. Всё хорошо, я никуда не исчезну. И ты не исчезнешь тоже. Ты в безопасности.

Сильвенио не стал возражать, только припомнил про себя, что Хенна тоже говорила ему нечто похожее. А теперь Хенна была мертва, так и не выполнив своих обещаний относительно его, и он даже не знал, удосужился ли кто-нибудь её достойно похоронить или же она так и осталась лежать на поле боя, чтобы постепенно сгнить на воздухе...

В кровати, естественно, было гораздо более удобно, чем в кресле. После всех этих дней, проведённых на жёстком полу и с прикованными к стене руками, мягкая кровать миротворца для его тела была истинным наслаждением. К сожалению, то же нельзя было сказать о его разуме, и когда он, потеряв бдительность от непривычной расслабленности, чуть было не заснул, пришлось спешно себя одёргивать и убирать из-под головы коварно манящую к себе подушку. Помогло, надо сказать, мало.

— Ты ведь всё ещё не спишь?

Он замер и обругал себя за то, что доставляет неудобства приютившему его другу.

— Ещё нет... я не хотел тебя будить, Мартин.

— Ты меня не разбудил, я тоже не мог заснуть. Думал о том, как тебе помочь, — Сильвенио мысленно застонал, обнаружив, что из-за него лишился сна ещё и этот замечательный человек. — И знаешь... я пришёл к выводу, что тебе нужно их заблокировать.

Неприятные воспоминания. Ты ведь можешь это сделать. Знаю, удалять их совсем ты не будешь, это против твоей природы Хранителя Знаний. Но что, если просто их сделать... невидимыми для твоего разума? Ты всегда сможешь открыть их заново, если возникнет такая необходимость — в чём я лично глубоко сомневаюсь, но возможность такую не отрицаю.

Сильвенио повернулся в кровати так, чтобы быть лицом к дивану, хотя в темноте всё равно почти ничего нельзя было различить.

— Спасибо, что беспокоишься обо мне, но... я не могу этого сделать. Даже заблокировать... это не согласуется с моими принципами...

— Но ты хочешь это сделать. И тебе так будет легче. Ты сможешь вернуться к нормальной жизни. Однажды ты вновь откроешь эти воспоминания. Когда станешь достаточно сильным. Сейчас же... сейчас ты на грани. Это опасно, Сильвенио. Что бы там с тобой ни сделали — это тебя медленно отравляет тебя изнутри. Либо ты справишься с этим сейчас, либо сломаешься. Мне действительно очень больно видеть тебя в таком состоянии, и я не могу оставаться к твоим мучениям безразличным... Но это — всё, что я могу предположить. Я понятия не имею, что я ещё могу для тебя сделать, а ты даже не хочешь мне рассказать. И всё же... это выглядит достаточно хорошим выходом, тебе так не кажется? Это как запереть злобного джинна в бутылке и выпускать лишь по мере необходимости.

Последнее его высказывание вызвало у эрландеранца слабое подобие улыбки. Пока он сомневался, Мартин, кажется, приподнялся на локте и слепо взгляделся в темноту комнаты — Сильвенио видел только очертания его белых волос.

— И я, по-моему, знаю, как тебя на это уговорить. Как ты смотришь на то, чтобы я взял тебя с собой на дипломатический визит на Парсивиреурреной? Принцесса Юмба, Глас народа парсивиреурренойцев, именующих себя скайрах-кьяр, должно быть, уже знакома тебе, раз она официально состоит в Альянсе. Думаю, она не откажется помочь нам. Давай договоримся с тобой, хорошо? Мы попросим её заглянуть в будущее и проверить, случится ли что-нибудь страшное, если ты всё же заблокируешь свои воспоминания о времени, проведённом у Близнецов. И если она скажет, что это ни на что не повлияет, то ты последуешь моему совету. Если же у этого будет какой-то нежелательный исход — что ж, тогда я закрою эту тему и буду стараться придумать что-нибудь другое, что помогло бы тебе справиться с твоей ношей.

Это звучало куда как лучше. Предложенный Мартином вариант решил бы его спор с собственной совестью по этому вопросу, потому что Юмбе он действительно верил. К тому же, ему в самом деле хотелось побывать на родной планете скайрах-кьяр.

— Хорошо. Эта идея мне нравится, пожалуй. Я был бы счастлив полететь туда с тобой...

Мартин выдохнул с облегчением и улёгся обратно на подушку.

— Отлично. Значит, договорились. Завтра и полетим.

Потом его дыхание постепенно стало ровным и тихим, и больше в ту ночь Мартин ничего не сказал. Сильвенио лежал какое-то время, перебирая свои мысли и эмоции по поводу предстоящей необходимости выйти к людям, а потом он вдруг понял, что невыразимо устал от всяческих переживаний. И уснул.

К его тайному удивлению, проснулся он всё в той же мягкой кровати, в той же просторной светлой комнате, где и засыпал. Наручники не вернулись, удобная пижама не сменилась потной и пыльной одеждой, иллюзия не разрушилась. Вместо участливых лиц

Близнецов его встретила нежная улыбка вовремя подошедшего Мартина, который принёс ему на завтрак стакан свежего апельсинового сока и бутерброды с левианским синим сыром. Точнее, наверное, уже на поздний обед — судя по положению солнца за окном, сейчас было далеко за полдень. Тело ликовало, разум немного прояснился: впервые за Бог знает сколько времени Сильвенио по-настоящему выспался.

— Здравствуй, — Мартин поставил поднос с едой и соком ему на колени прямо поверх одеяла. — Ты проспал больше двух суток. Я волновался сначала, но сейчас ты выглядишь таким отдохнувшим, что я не могу не порадоваться за тебя.

Больше двух суток! Сильвенио снова стало за себя стыдно. Мартин, наверное, и вовсе сам не свой был всё это время. Негоже было заставлять его так переживать. К тому же, они ведь договаривались полететь на Парсивиреуорреной, а из-за него, получается, либо задержали вылет дипломатической делегации, либо отправили её без Мартина, что тоже было очень нехорошо по отношению к нему. Да и завтрак (обед) в постель...

— Благодарю за твою заботу, — произнёс он наконец смущённо. — Не стоило так, право... Что с визитом к скайрах-кьяр?

Мартин улыбнулся ещё нежнее и присел на самый краешек кровати.

— Я объяснил братьям-миротворцам ситуацию, и они согласились подождать твоего пробуждения. Помочь кому-либо с Эрландераны для нас почитается за высшее счастье. Тем более, тому, кто прошёл через столько ужасных бед. Да и скайрах-кьяр не склонны торопить и выказывать нетерпение, так что можешь не спешить со сборами.

Всё это, конечно, было очень здорово, однако у Сильвенио от такой доброты усиливалась не только испытываемая им неловкость, но и подозрения, что это всё — лишь прелюдия к очередному невыносимому кошмару. Поэтому он всё же предпочёл собраться и привести себя в порядок как можно быстрее, чтобы быть готовым к отлёту.

Корабль миротворцев был совсем небольшим, но изнутри оказался светлым и каким-то уютным, как и их база на Эль-Вирате. Чувствовалось, что предназначен он для долгих неторопливых рейдов, а не для скоростных виражей наперегонки с висящими на хвосте врагами и временем. Сильвенио из любопытства осведомился, есть на этом корабле какое-либо оружие, чтобы отбиваться в случае опасности хотя бы от тех же пиратов, но, по словам Мартина, обороняться им было незачем: на кораблях, принадлежащих миротворцам, никогда не возили ничего ценного, и пиратам это было отлично известно, так что, завидев их флаги, охотники за наживой предпочитали пропускать их невредимыми, потому что нападать на них не было никакой практической пользы. Сильвенио имел возможность в этом убедиться лично: все три дня, что понадобились им на кратчайший путь до Парсивиреуорреной, прошли исключительно мирно. Все эти дни он практически неотлучно сидел, забившись в угол в кабине управления, и наблюдал за Мартином, который был одним из тех немногих своих собратьев, кто имел необходимые навыки пилотирования.

Высадившись на планете, первое, чему поразился Сильвенио — захватывающая дух красота ландшафта и строений. Было что-то такое непредставимо прекрасное в том, как высокие сверкающие здания, созданные из чего-то, очень похожего на хрусталь, влетают в покрытые тем же материалом извилистые мостовые; в том, как по изогнутым волнами дорогам плавно течёт свет странного синего солнца; в том, как отражается бледное сияние далёких звёзд в причудливых крышах, ввинчивающихся в фиолетово-синее небо наподобие гигантских конусообразных ракушек. И только потом бросалось в глаза то, насколько же этот чудесный город на самом деле пустой и тихий. Ни человеческих голосов, ни птичьего

пения, ни копошения зверья — ничего не было слышно, по крайней мере, от того места, где они приземлились. Что угнетало ещё больше — так это то, что и растений нигде не было заметно. Всю дорогу от посадочной зоны и до самого королевского дворца Сильвенио невольно искал хоть какие-нибудь признаки природной жизни — но все его поиски оказались тщетны. Несколько раз, правда, он видел наблюдавших за делегацией из окон своих домов местных жителей — да и те, скорее, выглядели призрачными видениями, чем живыми людьми: все, как один, зеленоглазые, с нетронутыми даже мимическими морщинами юными лицами, с неизменной печатью спокойного равнодушия во взгляде, сероволосые и в серой одежде, расшитой странными узорами. В остальном город был мёртв и почти пустынен. Надо сказать, в любое другое время Сильвенио бы неминуемо очаровало такое явление, и он мог бы бродить здесь часами и днями в полном одиночестве, слушая историю бесплодной покинутой земли, но сейчас его, до сих пор не отошедшего от своего страха вновь оказаться в иллюзии Близнецов, всё это только сильнее пугало, так что он, к своему стыду, снова не придумал ничего лучше, кроме как крепко сжимать руку Мартина в пути и стараться как можно меньше смотреть по сторонам. Другие миротворцы, идущие с ним рядом, поглядывали на него с тем же сочувствием, которое почему-то так его нервировало, но он ничего не мог с собой поделаться, чтобы не вызывать у них для этого поводов.

Юнба сидела во дворце на высоком троне, такая неподвижная и так хорошо гармонирующая со всей этой планетой сразу, что с первого взгляда могло показаться, будто бы это статуя, а не человек — причём статуя, созданная какими-то Высшими Силами одновременно с самой планетой. Но вот она повернула голову к вошедшим в тронный зал, вот её взгляд скользнул по каждому из гостей, остановившись почему-то на лице Сильвенио, вот она неспешно сошла с трона — и стало ясно, что она всё ещё жива, хоть и той странной призрачной жизнью, которой дышало здесь из века в век всё остальное.

— Мы приветствуем вас, посланники мира, — произнесла она, и все пришедшие почтительно ей поклонились. — Мы считаем своим долгом сообщить, что в вашем намерении проявить дипломатическую вежливость по отношению к нашему народу нет нужды, однако мы рады лицезреть вас своими гостями и без всяких церемоний. Скайрахкьяр всегда к вашим услугам, посланники мира, мы с вами не воюем, и нет необходимости заключать какие-либо контракты. Поэтому предпочтительнее сразу перейти к побочной цели вашего визита.

Видно было, что миротворцы, не ожидавшие такого приёма, совершенно растерялись поначалу. Только Мартин, для которого, похоже, нечто подобное было очевидно, открыто улыбнулся Юнбе и ободряюще коснулся плеч Сильвенио, чуть подтолкнув его вперёд. Тот понял, что говорить ему придётся всё же самостоятельно — впрочем, так, наверное, и должно было быть по всем правилам этикета.

— Я... у меня к вам просьба личного характера... леди Юнба, если бы вы... — неловко начал он, запнувшись на середине фразы, затем взял себя в руки. — Моя просьба несколько эгоистична, леди Юнба. Я хотел бы попросить вас воспользоваться вашим даром видеть возможное будущее, чтобы вы сказали мне, стоит ли мне стирать некие воспоминания. То есть — скажется ли это на ком-то, кроме меня? Не подорвёт ли это основы моего... призвания? Эти воспоминания меня, признаюсь честно, очень сильно тяготят, но я не могу решиться пока заблокировать их, не зная точно, как это отразится на моей дальнейшей жизни. Или на жизни моих друзей и тех, кому я когда-либо должен буду помочь...

Юнба смотрела на него очень внимательно, пока он говорил. В тусклых зелёных глазах светился отблеск её мысли — только отблеск, потому что мыслями, похоже, она была совсем не здесь, не в хрустальном дворце с непрозрачными стенами и ракушечной крышей.

— Значит, ты хочешь избавиться от воспоминаний о пребывании в плену у Близнецов и хочешь знать, не повлияет ли это на твою судьбу Хранителя Знаний? — уточнила она медленно, взвешивая каждое слово не для себя — для него.

Сильвенио резко побледнел, но решительно кивнул. Мартин украдкой сжал его руку.

— Хорошо, — ясновидица кивнула в ответ, глядя на него всё так же внимательно. — Хорошо, мы посмотрим. И скажем тебе прямо сейчас. Однако за это ты должен будешь нам услугу, Сильвенио Антэ Лиам.

— Какую? Я готов сделать всё, что вы попросите...

Взгляд Юнбы стал на мгновение неожиданно очень ясным, словно и не смотрела она только что в одни ей ведомые дали несбывшегося.

— Ты должен пообещать нам, что, какой ответ бы мы ни дали тебе сейчас, ты останешься верен своему слову и позже окажешь нам услугу. Когда придёт время и когда мы попросим. Это всё. Ничего конкретнее сейчас пока сказать нельзя, чтобы не породить ещё одну вероятность будущего. Твоё слово — всё, что нам нужно.

Делегаты смотрели на официальную принцессу парсивиреуорренойцев с заметным изумлением: видимо, она ещё никогда не требовала ни у кого и ничего за свои услуги предвидения. У Сильвенио не было ни малейшей догадки, что за услугу она может с него когда-либо спросить. Быть может, это было как-то связано с тем её мрачным предсказанием о том, что однажды он каким-то образом поспособствует разрушению мира? В любом случае, ему оставалось только довериться ей и её дару. Больше всего на свете он сейчас желал перестать наконец ощущать реальность вокруг себя такой зыбкой и нестабильной. Он хотел быть уверен если не в собственном благополучии, то хотя бы в том, что проснётся на следующее утро там же, где засыпал. И ещё ему очень хотелось прекратить с ужасом смотреть на собственное отражение в зеркалах, с замиранием сердца ожидая, что в любой момент он может превратиться в одну из тех поистине жутких личностей, какими делали его в кошмарах Близнецы.

— Я даю вам моё слово, что буду считать себя у вас в долгу до тех пор, пока не исполню то, о чём вы попросите меня в любой удобный вам момент.

Глаза её снова безразлично потухли, как будто она до поры до времени потеряла к Сильвенио интерес. Наверное, так и было на самом деле.

— Твоё решение пойдёт тебе на пользу и ни на что не повлияет. Только тебе будут иногда сниться по ночам плохие сны, которые, скорее всего, будут забываться при дневном свете. На будущем это не скажется никак.

Если бы он тогда знал, чем всё в итоге обернётся!.. Может быть, в таком случае он бы не принял эти слова на веру, хотя, вполне возможно, что, приняв такое решение, он бы всё равно ошибся, но...

Ещё некоторое время после того, как они вышли из дворца, он вместе с миротворцами бродил по мёртвому городу, безмолвно восхищаясь его красотами. Долго они, однако, задерживаться на Парсивиреуорренное не стали, потому что без жизни всякая застывшая красота не может притягивать душу достаточно сильно. Оказавшись на корабле, Сильвенио чуть ли не впервые со дня отлёта прошёл в свою каюту и сразу же занялся блокировкой ненавистных воспоминаний. Это оказалось, к счастью, довольно легко.

Следующим утром он проснулся новым человеком.

А вернее, он проснулся самим собой.

Проснулся — и сам не понял, почему вздохнул вдруг с таким облегчением. Он помнил всё, что было до пленения Близнецами, помнил, как очнулся у них на корабле, помнил, каким образом от них сбежал и что было после — а вот промежуточный этап стал полностью его восприятию недоступен. Это было как-то странно и неудобно — как будто целый стеллаж с книгами вдруг неожиданно исчез из знакомой и любимой библиотеки, где известно было расположение каждой пылинки. Зато и спокойнее ему стало сразу же, душевная буря (он не знал сейчас, в чём была причина, но явственно ощущал следы её внутри) улеглась — а значит, принятое решение было единственно верным.

И у него наконец-то началась новая жизнь. Та, о которой он мечтал — почти та, конечно, потому что для полного счастья ему всё же нужно было вернуться на Эрлану. Но и так было, признаться, довольно неплохо. Он был свободен, он был окружён заботой и умными, понимающими людьми, он имел возможность неограниченно читать всё, что попадалось в местных библиотеках, и неограниченно же бродить по самым одухотворённым местам Эль-Вирата. После стольких лет, проведённых в качестве раба на чужом корабле, теперь для него несказанным удовольствием было просто гулять там, где ему захочется. Мартин всюду ходил с ним: в театры, в оперу, на представления уличных артистов, на разные научные семинары и конференции, на презентации новых компаний, на бесцельные прогулки по рощам и паркам — казалось, он только рад сопровождать Сильвенио везде и всегда. Его общество Сильвенио нисколько не тяготило — с Мартином было ужасно приятно беседовать обо всём на свете, совсем как в старые времена, и он обнаружил внезапно, что очень, очень скучал по этой лёгкости в общении с кем-либо.

Всё это было настолько натуральным заменителем полноценного счастья, настолько хорошей видимостью полной безопасности и комфорта, что Сильвенио даже перестал придавать значения тому, что может быть и как-то по-другому.

Ночами он иногда вспоминал во сне про Близнецов: они приходили к нему и мучали его снова и снова, заставляя раз за разом проживать тот ужас, который он так старался навсегда забыть. Он просыпался задолго до рассвета с колотящимся в панике сердцем, с мокрыми от пота и сбитыми от его метаний простынями, а на утро он снова всё забывал и только недоумённо приподнимал брови в ответ на заявления Мартина о том, что он кричал ночью.

А однажды ему приснился Аргза. Это был сон о том, что уже было когда-то: Сильвенио хорошо помнил этот день, который ему приснился. Тогда он ещё жил на корабле Паука, и они приземлились на какую-то планету, где у Аргзы нашлись очередные поделщики. Сильвенио тогда было как-то особенно грустно: это должен был быть День рождения Джерри, но, поскольку Джерри был мёртв уже очень давно, о дате этой, разумеется, помнил только сам Сильвенио. Поэтому он отпросился у Аргзы погулять возле корабля, дав слово, что не отойдёт дальше, чем его можно будет увидеть из главного обзорного окна кабины. Шёл сильный дождь, и Сильвенио вымок до последней нитки, что, конечно же, заметил только тогда, когда вернулся на корабль и получил ожидаемый озноб, уже оказавшись в тепле кабины управления.

— Иди сюда, — сказал ему тогда Аргза, сидевший в капитанском кресле и смотревший на него с непонятной улыбкой. — Ты на мокрого цыплёнка похож. Простудишься так.

Сильвенио шагнул к нему, повесив голову: он был всё ещё погружён в безрадостные мысли о сегодняшнем несостоявшемся празднике. Свои Дни рождения он на этом корабле

не отмечал, а вот с Джерри праздники всегда были весёлыми. Аргза молча встал с кресла, молча подошёл к нему ближе и так же молча начал вытирать его волосы выдернутым из его личной ванной комнаты полотенцем. Полотенце пахло его травяным шампунем, запах которого Сильвенио знал наизусть. Почему эта деталь придавала ощущениям того дня какого-то невыразимого уюта. Почти... домашнего, что ли.

Крупная капля медленно скатилась с его переносицы на кончик носа. Аргза приподнял его лицо, всё ещё обхватывая его голову полотенцем с обеих сторон, внимательно посмотрел на эту каплю, а потом наклонился и поцеловал его в нос, убирая её. Что-то такое неопознанное мелькнуло в его тёмных глазах, и мгновение спустя пират уже покрывал невесомыми поцелуями всё лицо эрландеранца, то ли правда убирая таким образом ещё не высохшие капли дождя, то ли ещё что. Сильвенио стоял, закрыв глаза и послушно запрокинув вверх голову, и никак не реагировал на волну этой внезапной нежности, охватившей варвара. Щёки у него горели, озноб быстро прошёл, изгнанный произрастающим откуда-то изнутри теплом. Спустя столько времени, он всё ещё был искренне уверен, что тогда это было всего лишь первым признаком поднимавшейся температуры и того, что он действительно заболел. Рассматривать другие версии такого явления ему не хотелось совершенно.

— Зачем вы это делаете? — спросил он, когда варвар отстранился.

— С каких пор мне нужна причина, чтобы тебя целовать, пташка?

— Нет, я... — он открыл глаза и посмотрел на него. — Я имею в виду, зачем вы так ведёте себя постоянно? То бьёте меня, унижаете, то целуете вот так... словно я и вправду вам дорог... Это так странно. Я совсем вас не понимаю. Почему вы делаете это всё? Почему вы ведёте себя так противоречиво?

Аргза закончил вытирать его волосы и вернул полотенце обратно в ванную своей техникой. Затем он тоже на него посмотрел, всё ещё улыбаясь.

— Потому что я так хочу. Вот и всё. Если ты меня злишь и мне хочется тебя ударить — я бью. Если мне хочется тебя поцеловать — целую. Если хочется трахать до потери сознания — делаю это. Что непонятного? Я просто делаю то, что я хочу. Такова политика моей жизни, и тебе пора бы давно с этим смириться.

— Вот как...

Честно говоря, Сильвенио ему даже завидовал немного. Он никогда не делал то, чего ему хотелось, а если и делал, то так редко, что это походило скорее на исключение, чем на правило. Его безоблачное детство до десяти лет было обозначено теми действиями, которые были предписаны в поглощаемых им книгах, или же теми, которые советовали ему родители, теми, которые диктовала ему его собственная природа, а уж она-то диктовала зачастую почти насильно. О жизни после десяти лет и говорить не стоило: у рабов вообще желаний никто не спрашивает. Когда же его мнением или желаниями интересовались, это всё равно неминуемо означало, что он должен выбирать лишь из того, что ему предложено. Или из того, что подразумевалось, хоть и не было произнесено вслух: так что даже в том случае он должен был угадывать желания чужие.

На этом сон закончился. Сильвенио проснулся в своей кровати, в штабе миротворцев на Эль-Вирате, и до самого рассвета больше не мог заснуть. Он лежал, свернувшись ничком, и всё никак не мог отделаться от накотившей вдруг на него грусти. При мысли об Аргзе сердце отчего-то тоскливо сжималось. Ясная звёздная ночь за окном, просторная светлая комната, мягкая кровать, запах мяты, неизвестно как наполнивший комнату — всё вдруг показалось

ему чужим, ненужным, но он списал это чувство на последствия того самого ритуала, которым Аргза так прочно привязал его к себе. Что ещё это могло быть?

Утром того же дня, за завтраком в общей столовой, Мартин, который выглядел необычайно хмурым, поставил его в известность, пока они пили чай за одним столиком:

— Знаешь, а ведь Паук призвал на службу откуда-то ещё почти триста кораблей. Я и не подозревал, что их у него так много. И он разослал их искать тебя. Несколько десятков, как я слышал, уже находятся в зоне опасной близости от Эль-Вирата — правда, пока ни одного нет непосредственно в этой системе, но до этого, похоже, недалеко. Хуже всего то, что Паук, судя по сообщениям от других наших штабов, дал приказ своим людям обыскивать и посольства миротворцев. Нам нельзя оставаться здесь надолго, но и поспешно убегать нельзя тоже, это навлечёт подозрения. Хотя... я думаю, мы можем подыскать тебе жильё где-нибудь подальше от города и попросить местных жителей не выдавать тебя. У них с нами довольно хорошие отношения, должно получиться.

Сильвенио, ещё не отошедший от своего сегодняшнего сна, чуть заметно вздрогнул при упоминании Паука. Его глупое сердце тут же забилось сильнее — то ли от испуга, то ли от чего-то другого. И тут же пришла несколько неуместная мысль: он ведь теперь с Мартином, который тоже, наверное, далеко не всегда делает то, что хочется, и значит, они теперь с Мартином на равных. Это было приятно... и немного грустно. Получалось, что у порядочных людей ни при каком раскладе не может быть в жизни полной свободы. А у непорядочных... Нет, определённо, в этом мире не существовало никакой справедливости. В этом он имел несчастье убедиться ещё очень давно.

— Я не могу подвергать опасности жителей, — возразил он. — Они ведь меня даже не знают...

Мартин, казалось, о чём-то напряжённо раздумывал.

— Не то чтобы я тебя не понимал... Но, Сильвенио, это ведь неразумно. До тех пор пока Паук не успокоится и не прекратит поиски, ты не можешь считать себя в безопасности. А значит, тебе нужно скрываться, и один ты это сделать не сможешь. Разумеется, я останусь с тобой до тех пор, пока ты сам меня не прогонишь, и прошу прощения, если это заявление звучит слишком самонадеянно и навязчиво... Тем не менее, моей помощи может оказаться мало. Если я правильно понимаю дальнейшие наши перспективы, то нам довольно часто придётся заручаться поддержкой местных, потому что иначе, как бы хорошо мы ни прятались, нас в любой момент могут выдать. Мы не справимся одни, ты же понимаешь.

А Аргза, наоборот, всегда говорил, что он справится сам. И справлялся, что характерно. Сильвенио, не отвечая, устремил взгляд куда-то за окно столовой, рассеянно помешивая ложечкой сахар в забытой чашке с чаем. Беспричинная грусть продолжала царапать его изнутри. Он очень хотел по крайней мере найти для своей грусти повод — и всё равно его не находил, потому что никакой логикой он своё состояние объяснить не мог. Казалось, грустно сегодня было от всего: от не желающих выветриваться из головы остаточных эмоций после сна, от того, что он до сих пор мог ощущать фантомные горячие поцелуи на своём лице, от безграничной преданности Мартина, готового идти с ним куда угодно без каких-либо вопросов, от необходимости скрываться и находиться в бегах, от того, что ему придётся, видимо, покинуть эту красивую планету, подарившую ему столько культурного насыщения, сколько не дарило ещё ни одно место.

— Сильвенио, — продолжил Мартин уже мягче. — Не переживай. Я думаю, всё это закончится довольно скоро. Нам только нужно убраться подальше из зоны поиска, а даже

если это и не удастся, то Паук скоро устанет и сам, я уверен. Не может же он искать одного раба слишком долго. Нам всего лишь надо продержаться до момента, когда он решит заняться более важными делами. И потом... мы ещё можем добраться до Эрландераны. Правда, мы не можем использовать для этого ни один из кораблей миротворцев, потому что всегда существует шанс, что Паук на всякий случай отслеживает все наши перемещения, а уж такой долгий путь мы точно не сможем пролететь, нигде при этом не засветившись. Зато мы могли бы попробовать долететь туда с пересадками, на каких-нибудь неприметных туристических кораблях. Так будет гораздо дольше, но и безопаснее — тоже. Я бы сказал, это вполне реальный шанс. Пусть даже это займёт годы, и всё же...

Он снова не ответил. Чай уже совсем остыл, столовая почти опустела — все здешние миротворцы привыкли завтракать вместе, в одно и то же время. Он не знал в точности, чем остальные занимались в свободное от дипломатических миссий время, и, к своему стыду, обнаружил, что до сих пор этим даже не интересовался ни разу. Иногда они встречали других миротворцев во время их с Мартином прогулок по городу и его культурным местам, большую же часть дня те пропадали где-то ещё. Вероятно, творили свои бескорыстные добрые дела? Переводили старушек через дорогу, покупали детям конфеты и воздушные шарики, приносили игрушки в детские дома, кормили бездомных животных, умирляли уличные драки? Он не знал и знать, на самом-то деле, не хотел: слишком велико было бы его разочарование, если бы правда оказалась иной. К сожалению, в его жизни это случалось и без того чересчур часто.

— Сильвенио? — голос Мартина стал несчастным. — Ты меня слушаешь?

— А? Да, да, Мартин, я слушаю тебя, прости. Просто задумался кое о чём...

Тот проникательно взгляделся в его лицо. Сильвенио, смутившись, решил прикрыться хотя бы чашкой для вида и залпом выпил холодный чай. Не сказать, чтобы от этого чай сильно потерял во вкусовых качествах, холодным он был тоже неплох.

— Ты ведь не против того, чтобы я полетел с тобой, Сильвенио? Я... я о том, что хотел бы остаться на твоей планете, если ты не возражаешь... Я хотел бы жить там, потому что это, признаюсь, является моей давней мечтой. И раз уж нам придётся лететь туда так долго, наверное, тебе лучше решить заранее, не против ли ты моего общества. Подумай — может быть, около десятка лет со мной для тебя окажутся слишком тяжёлым испытанием, а ведь и Эрландерана не такая уж большая, чтобы в случае чего перестать пересекаться совсем...

К концу его речи Сильвенио не на шутку задохнулся от смеси самых разных чувств, обрушившихся на него в этот момент подобно ведру ледяной воды. При всём своём словарном запасе он не мог бы описать, какие конкретно эмоции им в этот миг овладели: были там и шок, и страх, и резкая боль в груди, и неверие, и даже толика злости — на себя самого и на глупые слова друга. Он потряс головой, пытаясь упорядочить мысли, схватил ладони миротворца своими и крепко сжал их, глядя ему в глаза и с трудом хватая ртом ускользающий воздух.

— Что ты такое говоришь?! Неужели я как-то... неужели я каким-то образом оставил у тебя впечатление, будто твоё общество мне не нравится?! Если это так — я приношу свои глубочайшие извинения, друг мой! Потому что, заверяю, это в корне не так! Ты столько для меня сделал, ты спас меня, ты показал мне настоящую жизнь! Я обязан тебе всем! И ты думаешь, что после всего этого я вдруг не захочу тебя видеть?! Ты... ты лучший из всех, кого мне довелось встретить! Ты добрый, самоотверженный, смелый, образованный, умный, щедрый, всегда думаешь о других, а не о себе... Нет, я никогда не смогу испытывать к тебе

даже малейшей неприязни, что бы ни случилось! Пожалуйста, не говори больше таких слов! Ты мой друг, и ты всегда им останешься, клянусь!

Страдание наконец ушло с лица Мартина, и он робко улыбнулся, не выпуская его рук:

— Значит, ты не возражаешь, чтобы я летел туда с тобой?

— Нет! Я буду только счастлив! Мне не обойтись без тебя в этом пути...

На этом тема была исчерпана, и Мартин, заметно просветлевший, начал с энтузиазмом рассуждать о том, сколькими рейсами примерно можно добраться до Эрландераны. Сильвенио слушал его и кивал время от времени. Только в уголках губ его притаилась привычная горькая складка: он не стал говорить другу, что до его планеты они не доберутся никогда. Сильвенио знал это так же твёрдо, как двадцать семь геометрических теорем Шамирада или точное количество атомов в своём теле. Теперь он был непоколебимо уверен, что ему уже не суждено в этой жизни вернуться домой — судьба, на его взгляд, довольно ясно дала это понять. Оставалось надеяться хотя бы на то, что Мартина, по крайней мере, не постигнет та же участь, что и Хенну — ведь она тоже обещала Сильвенио несбыточное.

Потом они снова пошли гулять по городу. В центре открылась новая выставка "удалённого экспрессионизма", и Сильвенио затянул Мартина туда. Картины в этом стиле всегда считались более чем странными, и каждый зритель был волен вкладывать в них тот смысл, который был ему наиболее удобен. Сильвенио, предпочитавший более определённые направления, любил слушать или поверхностно считывать чужие мнения о каждой картине — а потом сравнивал их с замыслом самого художника, каждый из которых непременно приходил в галерею в день её открытия. Он ведь не собирался выведывать чьи-либо сокровенные секреты, заглядывая в чужой разум только одним глазком — кому это могло навредить? Никто даже не чувствовал.

— Стакан! — говорил он позже, уже вечером, когда они с Мартином возвращались с прогулки. — Представляешь, это был стакан!

Мартин целых десять секунд выглядел совершенно ошеломлённым: та картина, про которую они говорили, изображала что угодно, только не пресловутый стакан.

— Гранёный, — продолжал Сильвенио, улыбаясь. — Обыкновенный гранёный стакан. Сэр Да'Огакх даже не вкладывал в это особого смысла! Просто стакан, понимаешь? Он сначала так его и нарисовал. А потом подумал, что выходит не презентабельно, и начал выливать на холст все попадающиеся под руку краски. Вдохновение, представляешь, накрыло его до такой степени, что он начал вычерчивать контуры этого самого стакана мёдом. Который, конечно, стёк и перемешался с красками и водой... И вот что в итоге вышло! А что думали по этому поводу все эти образованные сэры и леди!

— Да, я помню, одна дама в меховом манто ещё громко убеждала своего кавалера, что там изображена... как она сказала, Сильвенио?

— "Пчела, подвергшаяся радиоактивной мутации и ставшая профессором математики", конец цитаты.

Мартин засмеялся, и Сильвенио, заражаясь его весельем, засмеялся тоже. И вдруг, в этот самый момент, смеясь со своим лучшим другом на тихой улице красивейшего из виденных им городов, в неоновом свете ночных фонарей, с лёгким сердцем и приятными мыслями — Сильвенио вдруг понял, что его отпускает. Грусть, владевшая им с утра, образ Аргзы, смятение от встречи с Юнбой Шимеи, тревога за будущее, горечь за прошлое — всё уходило из него прочь, испарялось куда-то к мерцающим на темнеющем небе звёздам. Он был свободен и счастлив, свободен и не одинок — лучшего сейчас и желать не

представлялось возможным. Этот смех, первый искренний смех за столько времени, смех, разделённый на двоих, словно бы послужил неким условным сигналом, заставившим мрачное настроение окончательно улетучиться. Теперь он был убеждён, что всё будет хорошо, всё будет *правильно*, и неважно, как именно "правильно" будет. Его ждала впереди ещё целая жизнь — конечно, со своими трудностями и напастями, но это была его жизнь, которая теперь принадлежала ему целиком и полностью, а это и было сейчас главным.

— Сильвенио, — произнёс Мартин тихо и как-то очень интимно, отсмеявшись. — Могу я поцеловать тебя?

И он не стал возражать: лишь кивнул и сам шагнул к миротворцу. Переулок, в который они забрели, всё равно был пустынен, и они уже дошли почти до самого посольства. А Сильвенио так хотелось поделиться хоть с кем-нибудь расправившим его изнутри счастьем, что ждать до возвращения в свою комнату он уже не мог. Пусть всё будет прямо сейчас и прямо здесь, решил он неожиданно даже для самого себя. Мартин подошёл совсем близко, взял его за руку, свободную руку несмело положил ему на плечо. Чего же ты ждёшь, хотелось сказать Сильвенио, счастье в нём требовало немедленного выхода, давило изнутри неуёмной энергией, а Мартин почему-то всё медлил и медлил, и Сильвенио не решался потянуться к нему сам, потому что это было бы...

Как бы это было, он додумать не успел, потому что Мартин всё-таки поцеловал его в этот момент, и он ответил — с жаром, с благодарностью. Пожалуй, этот поцелуй был не таким волшебным, каким должен был стать тогда, когда он был бы для Сильвенио первым; но и так получилось достаточно хорошо. Ничего особенного, никаких дополнительных ощущений вроде учатившегося пульса или сбитого дыхания, и, пожалуй, на самом деле это вполне можно бы было заменить простым объятием — с тем же эффектом. Его разум, привыкший каталогизировать, фоновое сопоставил, что с Аргзой целоваться всегда вроде бы было как-то по-другому, но более точных данных не предоставил, так что полного анализа не получилось. Мартин, однако, казался довольным, все показатели его тела говорили об этом, и Сильвенио не стал разрывать поцелуй ради него, хотя секунд через двадцать поцелуй этот ему уже немного наскучил. В конце концов, ничего плохого в этом тоже не наблюдалось.

Так в их дни добавилось ещё больше близости. Мартину нравилось его целовать, а Сильвенио нравились объятия — таким образом удовольствие получали оба. Ничего больше не изменилось: миротворец не настаивал ни на дальнейшем развитии отношений, ни на срочном отлёте. Всё так же неторопливо, всё в том же спокойном темпе их нынешней жизни, они изучали расписания дальних туристических рейсов, продумывали, что взять с собой в такой долгий путь, ходили по городу, взявшись за руки, неспешно целовались в тени парковых аллей и долго беседовали вечерами в чьей-нибудь из двоих комнате на самые разные темы.

Что бы потом ни случилось, как бы ни менялся сам Сильвенио и его жизненный путь, много позже он всегда вспоминал этот период своего бытия с неизменной теплотой. Иногда, когда ему становилось особенно тоскливо и одиноко, когда испытываемые им страдания становились невыносимыми, он вызывал перед глазами образ сияющего от счастья Мартина и тепло его рук, переносился разумом на мирные тихие улочки Эль-Вирата — и, бывало, от одного этого ему становилось легче. Он старался не вспоминать лишь тот грустный оттенок неизбежности, который довлел над его сердцем всё это время.

Только однажды Мартин дал ему знать о своих истинных желаниях: одним утром,

проснувшись, Сильвенио обнаружил, что друг недвусмысленно склонился над ним, и, судя по расширившимся зрачкам и учащённому дыханию, думал он явно не о вегетарианском меню открывшегося в городе нового ресторана. Похоже, никаких активных действий он предпринимать пока не собирался, терпеливо ожидая его пробуждения, но Сильвенио очень хорошо видел, чего ему стоило это терпение.

— Доброе утро?

Мартин чуть ли не впервые не отозвался на приветствие, глядя на него несчастными глазами собаки, остро нуждающейся во внимании хозяина. От него веяло неприкрытым желанием, ещё не животным, но, тем не менее, очень сильным. Сильвенио машинально вжался спиной в простынь, борясь с порывом оттолкнуть его от себя.

— Сильвенио, — даже голос у миротворца был более напряжённым, чем обычно, и в то же время каким-то очень тягучим, грудным. — Я знаю, что слишком быстро перехожу к... У вас, наверное, на это уходят годы, и, поверь, мне ужасно стыдно, что я себя так веду, но... я не могу так больше, Сильвенио. Ты — ты позволишь мне?..

Он закусил губу, вжимаясь в постель ещё больше. Мартин, видя его замешательство, рискнул к нему прикоснуться: его руки бережно откинули одеяло, его губы коснулись шеи возле уха. Сильвенио задрожал, сам не зная почему. Воспоминаний о том, что с ним делали Близнецы, больше фактически не наблюдалось в его голове, однако его тело всё помнило, и, более того — это тело ещё помнило Аргзу. И больше телу пока совершенно не хотелось никаких излишних контактов.

— Позволь мне, пожалуйста, позволь мне... — лихорадочный шёпот Мартина вызывал толпы мурашек по коже там, где он касался её горячим дыханием. — Я не причиню тебе боли, ты же знаешь, я никогда, ни за что не сделаю тебе больно, ты можешь даже ничего не делать, я же не требую, я хочу только... только... Позволь мне, ладно?..

— Не надо...

— Тебе нечего бояться, я позабочусь обо всём, я всё сделаю сам, ты даже не почувствуешь, я могу так, чтобы ты ничего не ощутил, я...

— Мартин! — он упёрся в его грудь ладонями, держа его на расстоянии, и повторил уже твёрже, глядя ему в глаза: — Не надо. Если ты у меня наконец-то есть возможность выбирать... если ты даёшь мне эту возможность... то мой ответ — нет.

Несколько секунд Мартин молча смотрел на него, словно бы не вполне осознавая смысл сказанных слов. Затем отстранился и сел на самом краю постели, криво, невесело улыбнувшись. Между ними повисло крайне неловкое молчание.

— Прости меня, — заговорили они одновременно.

Сильвенио кивнул, давая ему право высказаться первым. Мартин повернулся к нему, улыбаясь всё так же печально.

— Прости. Я не должен был, я знаю. Просто ты такой... такой красивый. Я не сдержался. Но я всё понимаю и впредь себе такого не позволю, тебе не о чем волноваться. Я понял и принял твой ответ... Спасибо уже за то, что ты и так долго терпел мои ужасные домогательства, спасибо за то, что подарил мне немного моего эгоистичного счастья.

Сильвенио сел в кровати и решительно обнял его обеими руками, уткнувшись лбом в его плечо.

— Мартин, ты... Ты снова неправильно всё понял. Почему ты всегда всё так драматизируешь и сгущаешь краски? Ты нравишься, мне, правда. И я уже говорил, почему. Я просто... не хочу сейчас такого. Раньше у меня никогда не было выбора. Паук заставлял

меня... леди Хенна считала отказ оскорблением... подозреваю ещё, что и Близнецы внесли свою лепту в мою неприязнь к... такого рода взаимодействию. Не обижайся, пожалуйста. Дело не в тебе, ты же знаешь. Просто теперь, когда ты показал мне свободу, я хотел бы не заводить пока подобных отношений. Я хочу, пока есть возможность, пожить без всего этого. То есть, для себя, понимаешь? Посвятить свой разум тому, для чего он предназначен: поиску и сбору информации, познанию Вселенной. А физические отношения всегда этому только мешают, на мой взгляд. Во всяком случае, они ещё ни разу мне не помогали. Но если — если я решу, что мне всё-таки нужно это, то ты будешь единственной возможной кандидатурой, обещаю! Только ты. А до тех пор... ты можешь просто, ну... побыть рядом? Мне необходима твоя поддержка. Твоя дружба. И мне... нравятся объятия. И я могу потерпеть поцелуи... Так что? Ты согласен оставить всё, как есть?

— Конечно, — тут же согласился Мартин, не раздумывая. — Конечно, Сильвению. Я буду рядом столько, сколько тебе нужно.

Но больше он его не целовал.

Всё случилось, как и всегда, как-то внезапно, когда никто из них этого не ожидал, хотя, если уж говорить начистоту, им обоим просто не следовало излишне расслабляться, а следовало быть начеку. Это должно было стать совершенно обычной прогулкой, такой же, как и многие другие. Вот только, конечно, им уж точно не стоило идти на самый большой рынок планеты за покупкой всех мелких бытовых вещей для предстоящего путешествия, а что бы стоило — так это помнить о том печальном факте, что толпа, к сожалению, почти всегда таит в себе опасность. Особенно для тех, кто не умеет от этой опасности защититься.

Мартин оставил его буквально на минуту, оставив Сильвению заворожённо осматривать прилавки с гобеленами, расшитыми национальными узорами Эль-Вирата, а сам отошёл, дабы глянуть, не закрылся ли ещё неподалёку магазинчик с портативной техникой. В один момент Сильвению ещё мог краем глаза видеть его выделяющийся даже в такой многолюдной толпе белый силуэт — а в следующий момент его самого уже тащили куда-то прочь, вцепившись в его плечо внушительной когтистой лапой, которая при ближайшем рассмотрении оказалась всего лишь искусно сделанной перчаткой.

— Сильвению! — миротворец тут же бросился вдогонку, расталкивая толпу, а его всё тащили и тащили, не обращая, кажется, на поднывающую суматоху ни малейшего внимания.

Он попробовал повернуться к своему похитителю, но увидел лишь чью-то смутно знакомую светлую косматую гриву.

— Вы не могли бы меня отпустить? Должно быть, вы обознались...

Он пытался говорить как можно громче, чтобы его голос достиг слуха похитителя даже через фоновый рыночный шум, однако всё равно не услышал сам себя. Потому что ему вдруг стало нестерпимо страшно: он решил, что за ним пришли люди Паука — или, что ещё хуже, люди Близнецов. Сквозь пульсацию прилившей к голове от страха крови он слышал где-то невообразимо далеко голос Мартина, зовущий его по имени, такой близкий и родной.

— Сюда! — присоединился к Мартину с другой стороны чей-то восторженный женский визг. — Сюда, я здесь!

— А... — начал было снова Сильвению, но не успел закончить.

Потому что похитители вместе с ним мгновенно перенесли телепортацией куда-то, где было очень тихо, прохладно и сумрачно по сравнению с оживлённой рыночной площадью. Голос Мартина смолк, теперь уже не достигаемый. Сильвению ещё подумал обречённо, что, должно быть, слышал этот голос в последний раз.

И даже не представлял, насколько был в этот момент прав.
Неизбежная бесконечность завершила свой круг.

*"Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови её, хоть нет."*

— Позвольте представиться, сударь. Имя моё Трокс, а это — дама моего сердца по имени Мирта Зеленохвостая. Возможно, вы помните нас по собраниям Альянса пиратов, над коим главенствует ваш владелец Паук.

От слова "владелец" Сильвенио едва не передёрнуло, но — да, теперь, когда он взял себя в руки и взгляделся в своих новоявленных похитителей внимательнее, он сразу же их узнал. Тихий Лев, наконец отпустивший его плечо, даже поклонился ему на какой-то безнадёжно устаревший манер, а Рыбка только восхищённо, с непосредственной детской радостью осматривала его с головы до ног.

— Да, сэр Трокс, леди Мирта, я вас прекрасно помню... Зачем вы меня... то есть, извините, чем могу быть полезен?

Первый его страх прошёл, возвращая возможность ясно мыслить: вряд ли бы Аргза стал посылать за ним членов Альянса. Если он и расширил границы своего доверия, распространив его на остальные корабли, находящиеся под его командованием, то Альянса это уж точно не касалось. Даже Красному Скорпиону Паук никогда бы не дал подобное задание — найти его, Сильвенио, и привести к нему обратно — не говоря уж об этих двух, с которыми он с самого начала не особенно общался.

— Ааа! — Мирта снова взвизгнула, от избытка чувств вцепившись в загорелый бицепс Тихого Льва. — Он такой офигенно вежливый, прям почти как ты, Трокси! Я тащууусь!!!

Тот улыбнулся ей, словно бы разом забыв о существовании Сильвенио.

— Я счастлив, что угодил тебе с подарком, моя милая.

— Вии! Ты просто чудо, Трокси! С тебя я тоже тащусь! Я тебя люблю!

— Уверен, что люблю тебя больше, дорогая.

— Нет, я больше, я!

Некоторое время они ворковали, в шутку выясняя, кто же всё-таки кого любит больше. Затем, придя, видимо, к согласию, они обнялись и начали шептать друг другу ещё какие-то нежности на ушко. Сильвенио, растерянный и смущённый, отвёл глаза, смутно надеясь, что о нём всё же соизволят вспомнить... хоть когда-нибудь. Он огляделся. Похоже, что они телепортировали его на корабль Тихого Льва — вернее, уже на их совместный корабль, наверное, учитывая, что половину пустого отсека, в котором они оказались, занимал огромный аквариум. В дальнем окне чернели безразличные ко всему звёздные просторы, по которым нельзя было определить, как далеко остался Эль-Вират. Наверняка Мартин уже обыскивал рынок и опрашивал там всех возможных свидетелей похищения, а эти двое перед ним всё ещё беззаботно обменивались ничего не значащими милыми глупостями, не снисходя даже до того, чтобы пояснить, зачем он им вообще понадобился... Впрочем, чего ещё ждать от пиратов, подумалось ему.

— Сударь, — Трокс, как ни в чём не бывало, повернулся к нему. — Полагаю, вы ожидаете объяснений, что вполне справедливо. Видите ли, дама моего сердца отчего-то захотела видеть вас в качестве своего подарка ко Дню рождения. Не сочтите за злодейство

же мой поступок, ибо я не могу ни в чём ей отказать. Сим заявляю, что отныне вы изволите именоваться её трофеем и во всём слушаться эту прекрасную деву, ибо так надлежит по кодексу чести.

— Боюсь, я понятия не имею, сэр, о каком конкретно кодексе речь, и я...

— Трокси, пупсик, я иногда забываю, как ты прикольно выражаешься! Ты у меня такой классный! — Рыбка перебила попытавшегося было давить на логику Сильвенио, и влюблённые снова увлеклись воркованием с поцелуями.

Сильвенио же с тоской подумал, что его жизнь, к огромному его огорчению, напоминает попеременно то театр абсурда, то фильм ужасов. Почему Судьба была к нему так чудовищно несправедлива? Почему бы ей просто не забыть о нём на какое-то время, как она сделала это недавно, позволив ему наслаждаться свободной жизнью? Ведь он уже давным-давно отказался от всех тех мечтаний и надежд, которыми был когда-то окрылён по детской своей наивности; всё, чего он хотел сейчас — это немного покоя, разве же это много? Нет, он, разумеется, догадывался с самого начала, что невезение однажды вновь настигнет его рано или поздно и накроет с головой, заставив захлёбываться в безжалостном водовороте собственного существования. Но от этого ему сейчас не становилось менее обидно. Правда, на этот раз его, похоже, хотя бы не будут мучить...

Разглядывание мерцающих бликов в аквариумной воде ввело его почти что в медитативный транс, поэтому, когда холодные влажные ладошки как-то внезапно обхватили его лицо, он чуть было не вскрикнул от неожиданности, удержавшись лишь в последний момент. Мирта же только издала очередной восторженный визг, бесцеремонно вертя его голову в разные стороны.

— Какой ты симпатяжка! Я тащусь, реально! Правда, мой Трокси просто душечка, что подарил мне тебя, а? Ты согласен? Ну, конечно, ты согласен! Виинии!!! Такая, типа, живая кукла, реально! Я буду тебя наряжать, буду пускать тебя в свой бассейн даже! А то Трокси, знаешь, постоянно отлучается, а мне без него скучно, ну и вот, а тут, типа, ты на рынке такой стоишь, и даже без своего Паука, и его нигде не видно, ну я и думаю — может, стырить тебя по-быстрому? Ну, знаешь, у тебя такие волосы клёвые, и глаза тоже клёвые, ты на наших похож чем-то, на чуваков с моей планеты, а я, ну ты понимаешь, скучаю чутка по дому, только не так скучаю, чтобы совсем, а вот немного, и, короче, я и говорю моему Трокси...

У Сильвенио слабо закружилась голова от такой скорости речи и такого обилия в ней слов-паразитов. Он беспомощно огляделся было, но Трокс уже успел куда-то исчезнуть из комнаты с аквариумом. Сперва он надеялся, что без Тихого Льва ему легче будет уговорить Мирту выбрать себе какой-нибудь другой "подарок", однако она всё говорила и говорила, не давая ему вставить ни слова, и надежда на разумный разговор двух взрослых людей неумолимо таяла с каждой секундой. Болтая, Мирта осуществляла и нежелательный телесный контакт: беспрестанно трогала его, щупала, дёргала за волосы и вообще всячески нарушала его личное пространство. При таком образе жизни Сильвенио удивлялся, что у него вообще оставалось ещё личное пространство, несмотря на то, что эту условно обозначенную его подсознанием зону комфорта нарушали все, кому не лень.

— Леди Мирта, — попробовал он, когда поток слов амфибии на минуту приостановился. — Я глубоко польщён вашим вниманием к моей персоне, однако, боюсь, я не могу остаться с вами... Во всяком случае, я должен хотя бы попрощаться с моим другом, иначе он будет меня искать...

— Ты ведь хорошо плаваешь, а? — судя по вопросу, она явно его не слушала. —

Говорят, что у ваших, типа, с этим почти так же хорошо, как у наших, ну, только без жабр и хвоста, конечно, всё равно не так клёво, но ты же должен круто плавать, ага?

Он обречённо кивнул: пловцами и ныряльщиками эрландеранцы слыли превосходными, в том числе и потому, что умели дольше других наземных рас обходиться без воздуха под водой. Вообще-то, в любое другое время он бы с радостью согласился поплавать в своё удовольствие — но не сейчас, когда всё это было так невовремя. Зато Мирте, похоже, абсолютно плевать было на его проблемы: она уже вновь щебетала без умолку, бесцеремонно подталкивая его к аквариуму, который упорно именовала "бассейном".

— У меня нет запасной одежды, леди Мирта, и я не думаю, что стоило бы...

Она со смехом столкнула его с лестницы, на которую успела втащить, прямо в прохладную воду. Не успев даже глотнуть воздуха, он беспомощно забарахтался, вынырнув на поверхность, а амфибия, уже отрастившая себе вместо ног сверкающий чешуйчатый хвост с зеленоватым отливом, только смеялась над тем, как нелепо он пытался привести себя в относительный порядок в воде.

— Очухался? — осведомилась она весело, когда он всё же выровнял дыхание. — Давай теперь наперегонки, м? Кто первым доплывёт до каюты Трокси — тот, типа, победил!

— Дух соперничества не свойственен моей... — он глубоко вздохнул и заставил себя переменить тему, заметив, что Мирта вновь теряет к его словам интерес. — Я не знаю, где каюта сэра Трокса, и, честно говоря, представления не имею, как до неё... доплыть...

Нежное личико амфибии просветлело.

— А! Точно, ты же не знаешь тут нифига! Ладно, так и быть, тогда первый заплыв — понарошку как бы! Двигай за мной, сейчас всё тебе покажу.

Прежде, чем он успел ещё что-либо сказать, она нажала какую-то подводную кнопку в стенке аквариума — и где-то в полу открылись шлюзы, мгновенно начавшие засасывать в себя воду вместе с теми, кто в ней находился. Мирта, проплывая мимо, цепко ухватила его за лодыжку, после чего их цепочкой затянуло в чёрную круглую пасть трубы.

Вода несла их с поистине бешеной скоростью в крошечной темноте, отчего Сильвенио ежесекундно почти ударялся об трубу локтями и головой на особенно резких поворотах. Ловкая Мирта, отцепившаяся уже от его ноги, с радостным смехом летела по трубе где-то впереди. Это было похоже на водяные горки в парках развлечений — но Сильвенио, никогда в жизни в таких парках не бывавший, натерпелся порядочно страха за всё то время, пока течение с неумолимой силой волокло его дальше и дальше, заставляя выделять вместе с ним мёртвые петли и прочие опасные виражи.

В результате труба выплюнула их в ещё один аквариум, точную копию первого. Кое-как придя в себя после такой встряски, Сильвенио с трудом вынырнул и, тяжело дыша, озадаченно огляделся. Они явно попали в другое помещение: вместо просторного пустого холла его взору предстала сравнительно небольшая жилая комната, в которой большую часть пространства занимал как раз аквариум, а тот крохотный уголок, который оставался свободным от него, занимала уютная двуспальная кровать, застеленная бежевым бельём. Судя по всему, это и была упомянутая Миртой "каюта Трокси". Сильвенио невольно охватило любопытство: были ли такие трубы проведены по всему кораблю?

— Круто, да? — Мирта так светилась от гордости, что можно было решить, будто труба — непосредственно её собственных рук дело.

— Да, — признал он, когда испуг уступил место интересу. — Значит, сэр Трокс переоборудовал свой корабль ради вашего развлечения? Должно быть, это стоило довольно

больших денег...

— Трокси ничего для меня не жалко, прикинь! Я когда сказала ему, типа, что хочу такие штуkenции по всему кораблю, он на той же неделе всё провернул! Поставил везде трубы и бассейны, и систему установил, чтобы, ну, ты понимаешь, ни один бассейн после вот такого прикола пустым всё равно не оставался! Я так целыми днями катаюсь, ты прикинь, пока мой Трокси занят чем-нибудь скучным. Правда же, он просто мегаклёвый?

Вопрос, похоже, был опять-таки риторическим, потому что она, не дожидаясь его ответа, начала мечтательно плескаться в воде. Сильвению немного за ней понаблюдал, а потом решил позволить себе чуть-чуть расслабиться, раз уж он всё равно ничего не мог в данный момент предпринять. Промокшая насквозь одежда липла к телу, и плавать в ней было не слишком удобно, но сама вода уже начала на него своё успокаивающее воздействие. Мягкие голубоватые блики скользили по потолку и выкрашенным в жёлтый стенам комнаты, иногда к ним присоединялись зеленоватые отсветы от хвоста наматывающей по "бассейну" круги Мирты. Сильвению какое-то время просто бездумно смотрел за завораживающими перемещениями этих бликов, лёжа в воде на спине. Затем, устав от постоянных брызгов в лицо со стороны амфибии, сделал глубокий вдох — и позволил своему телу опуститься вниз, на самое дно аквариума. Там, под прозрачным колышущимся водяным одеялом, он закрыл глаза, пытаясь продумать, как же ему всё-таки вернуться обратно к Мартину, пока тот не натворил без него глупостей — а ведь он мог, судя по тому, с какой решительностью миротворец заявлял, что сумеет отбить его даже от Блинецов. Странное дело, но Трокс и Мирта, несмотря на то, что являлись пиратами и членами Альянса, никак не походили на злодеев или вообще на остальных, агрессивных по большей своей части, представителей пиратской братии. Они казались просто... слишком увлечёнными друг другом и собой лично. Но, тем не менее, у Сильвению не возникло ощущения, что они, подобно некоторым его знакомым, получают удовольствие от чужих страданий — значит, шанс на то, что их удастся как-то уговорить отпустить его, всё-таки существовал. Сильвению не верил уже в этот шанс, однако попробовать стоило. Быть может, ему разрешат хотя бы выйти с Мартином на связь и объясниться с ним? Вроде бы, ему тут не собираются особо вредить, и можно было бы постараться как-нибудь успокоить друга этим обстоятельством...

— Слушай! — Мирта рывком выдернула его со дна обратно к поверхности. — А ты любишь его? Ну, Паука? Вы ведь с ним уже довольно долго — не так долго, как мы с Трокси, конечно, но тоже дофигища лет! Так у вас с ним, типа, любовь?

Он смутился и возмутился одновременно: почему едва ли не каждый встречный так и норовит поинтересоваться его отношениями с Пауком? Разве не должно быть это только его личное дело? К тому же, он бы не взялся объяснять леди Рыбке нечто настолько сложное, чего не понимал до конца и сам — она совершенно не выглядела кем-то, склонным к долгим философским дискуссиям. Однако, верный своей неумолимой природе, он не мог не ответить.

— Я... я не знаю, леди. Честно говоря, я не совсем понимаю определение любви, и поэтому не уверен, что могу выразиться более точно.

— Что, правда? — она вытаращила на него глаза, а затем погрузилась в рассуждения: — Ну, вот у нас, например, с Трокси реальная любовь! Он дарит мне всякие подарки крутые, балует по-разному, ну и вообще он весь такой пусечка! Он выполняет любое моё желание и делает много комплиментов. Мне дико нравится с ним целоваться и, ну ты понимаешь, всякие обжиманцы, то-сё... Когда я его вижу, мне прям хочется его затискать! — от

переизбытка эмоций она совершила сразу три быстрых кувырка в воде, обрызгав Сильвенио хвостом. — Он такой милый, что я прям не могу! И мы никогда друг другу, ну, не надоедаем. И мы никогда не ругались по-настоящему, вот. И мы всегда друг друга понимаем без слов! Вот! Он ради меня готов на всё, совсем на всё, прикинь? Ну и я тоже, да, понятное дело. И мне с ним даже лучше, чем со своей, типа, семьёй. Это и есть любовь! А у тебя так, мм?

Он задумался. Ему совершенно точно не было с Аргзой лучше, чем было бы со своей семьёй и на своей родной планете. Он не считал его милым, разве что в редкие-редкие моменты, например, как когда он в первый и последний раз в жизни видел искренние слёзы грозного Паука. Ругались и ссорились они практически постоянно, и Аргза далеко не на всё был готов ради него, да и он сам вряд ли пошёл бы ради Аргзы, скажем, на убийство. Про полное взаимопонимание и речи не шло — они были разными настолько, насколько это вообще возможно. И ему, пожалуй, ни за что в жизни не хотелось бы его "затискать", это не только глупо и странно, но и чревато последствиями. С другой стороны... с другой стороны, Мартин, подходящий практически под все эти пункты (кроме семьи и пресловутого желания "тискать"), под которые не подходил Аргза, почему-то всё равно упорно не ассоциировался у Сильвенио с той любовью, которую описывала Мирта. Нет, всё-таки слишком мало данных! Он ещё раз убедился, что книги понимать проще и приятнее, чем людей, даже если в число последнихходишь ты сам.

— Нет... не так. Если отталкиваться от вашего определения, то — нет, на любовь это похоже очень мало.

Она явственно огорчилась, уже настроившись, похоже, выслушать романтическую историю. Такое чувство, будто она только такими историями и жила.

— Ну и плохо, что не так! А тот, беленький, который на том рынке с тобой ходил? Может, у вас с ним любовь?

Он снова отрицательно мотнул головой.

— Нет. Не думаю... — он вдруг спохватился, что, раз уж она сама завела о Мартине разговор, нужно ещё раз попытаться высказать свою просьбу. — Но он мой друг! Я безмерно уважаю и ценю его, а потому я очень хочу, по крайней мере, сказать ему...

— Фу! — амфибия мгновенно сморщила носик и окатила его ещё одной волной из-под нервно плеснувшего по воде хвоста. — Дружба — это дико скучно! В ней нет вообще ничего клёвого, а вот любовь — другое дело. Ты что, совсем глупый, что ли? Дружба — это таааак неприкольно!

Так он понял, что уговорами действовать бесполезно — а других способов он не принимал. Они ещё немного поплавали (Мирта всё не переставала трещать о чём-то своём, перескакивая с одной темы на другую и не нуждаясь в ответах собеседника), а потом вернулся Трокс. Рыбка при его появлении в комнате радостно взвизгнула и, оттолкнувшись от воды мощным хвостом, буквально вывалилась из бассейна наружу — чтобы оказаться у пирата на руках и тут же обвить его шею руками.

— Извините? — предчувствуя очередной неловкий момент, Сильвенио робко постучал по стеклу аквариума. — Я хотел бы попросить у вас сухую одежду... можно?

Ему никто не ответил: двое упали на кровать, снова забыв, что они в комнате не одни. Послышался неразборчивый мурлыкающий шёпот Трокса, смех амфибии стал более кокетливым — пока не перерос незаметно в стоны. Сильвенио, покрасневшему до корней волос, оставалось лишь запустить обратное откачивание воды из этой комнаты и повторить своё катание по водяным горкам в другую часть корабля.

Естественно, на то, что он в итоге всё-таки простыл, никто из его похитителей не обратил ни малейшего внимания, и сменную одежду взамен мокрой ему так и не выдали.

С каждым днём однообразие и собственная беспомощность утомляли его всё больше. Поначалу где-то глубоко внутри у него всё ещё слабо теплилась надежда, что его в конце концов *услышат*, и он не оставлял попыток достучаться до здравого смысла этих людей (этого человека и этой амфибии, точнее), но попытки его оставались всё такими же тщетными, так что это быстро ему надоело. Они не слушали его, им было плевать на его мнение; они *слышали* только себя и друг друга — весь остальной мир попросту не существовал для них. Большую часть суток он был предоставлен сам себе, пока Трокс с Миртой то ворковали, то занимались любовью: тогда Сильвению просто бродил по их кораблю, неприкаянный и никому не нужный, и мучительно искал для себя хоть какое-то занятие, неподдельно страдая от свалившегося на него вдруг безделья. К его неопишуемому сожалению, отсек, который, судя по эвакуационному плану корабля, должен был изначально быть библиотекой, оказался лишь вместилищем для ещё одного аквариума, а вход в кабину управления охраняли солдаты, хотя он подозревал, что и там для аквариума место нашлось. Временами, когда Трокс всё же исчезал с судна, Мирта снова и снова затаскивала эрландеранца плавать, так и не удосужившись позаботиться о его одежде, и часами с ним болтала. Честно говоря, от этого он страдал только ещё больше — никакой новой информации, в которой так отчаянно нуждался, он от неё не получал: она только раз за разом засоряла его слух новыми жаргонными словечками и совершенно ненужными ему сведениями о том, как ей скучно, о том, как сложно делать макияж на постоянно влажной коже, о том, какой Трокс "расчудеснённый" или даже о том, как ей хочется однажды "сделать это" не с ногами, а с хвостом. Вынужденный весь этот словесный хлам покорно поглощать, Сильвению едва подавлял желание высказать всё в лицо этой глупой женщине, понимая, однако, что делать этого ни в коем случае не стоит — опыт жизни с Аргзой был переполнен множеством подобных ценных уроков.

— Знаете, — произнёс он однажды еле слышно, пока Мирта рассказывала ему о каком-то новом модном бренде с её планеты. — Я верю, что любовь действительно прекрасное чувство, и глубоко уважаю силу вашей взаимной привязанности друг к другу с сэром Троксом, но... вы никогда не думали, что этого недостаточно? Я имею в виду... вы живёте так из года в год, из десятилетия в десятилетие... вам никогда не хотелось чего-то большего? Чтобы ваша жизнь была наполнена не только любовью? Друзья, или... творчество?.. помощь миру?.. самореализация?.. Вас никогда не интересовало что-то из этого? Вы свободны, вы не знаете нужды в деньгах, вас не ограничивают какие-то социальные или религиозные нормы. Фактически, вы можете заниматься всем, чем пожелаете, а вместо этого... Я хочу сказать, если бы я имел всё это, то ни за что бы не променял эти преимущества на... любовь.

Мирта сердито обрызгала его водой, недовольно скривившись, и посмотрела на него так, будто в действительности глупым был здесь он, а не она.

— Да ну тебя, зануда! — обиженно отозвалась Рыбка. — Тебе не понять, ты же никого не любишь! Быть с моим Трокси-Шмокси — это и есть то, чем я хочу заниматься всю жизнь! Ты, типа, просто не знаешь, что значит встретить свою половинку! Это такой кайф, что больше вообще нифига не надо!

Ну, впрочем, он и не особенно надеялся этим её образумить. Сам Сильвению только больше убеждался, что ему проще быть всю жизнь одному, чем выносить подобное существование, как у Мирты или как у Тихого Льва. Всё, что они делали, со стороны

выглядело настолько же смущающим, насколько скучным.

Более того — это выглядело так, как будто Тихий Лев ежедневно жертвовал собой добровольно ради этой так называемой любви. Потому что, когда пришла настоящая беда, именно это в итоге и послужило причиной его падения.

— Ты умеешь хранить секреты, чувак?

Вопрос исходил от Мирты, которая в тот день была необычайно озабочена чем-то — видимо, поддавалась общему хмурому настроению. В воздухе с самого утра что-то назревало, и Сильвенио никак не мог понять, что именно.

— Да, леди, думаю, что умею.

Она глянула по сторонам, дабы убедиться, что никто не подслушивает.

— Ну, в общем, тут, типа, какая-то фигня намечается... Короче, у моего Трокси начали пропадать корабли. Целиком, прикинь, да? Они, типа, не отзываются и на связь не выходят, в системе их нет, а недавно... — она сделала большие, полные ужаса глаза для усиления драматичности. — Недавно Трокси телепортанул на одну планетку, чтобы купить мне новые серёжки из чистых соленизанских изумрудов — кстати, посмотри, клёвые, правда же? — и угадай, что он там нашёл! А вот и не угадаешь! Обгоревшие останки одного из своих кораблей! И там все были жмуриками уже, ты прикинь!!! То есть, скопытились они ещё до аварии, Трокси выяснил, заплатив какому-то криминалисту или что-то вроде того. Ну, то есть, не все, конечно, но большинство! Изрезаны в месиво кровавое, сечёшь? То есть, не обломками, а оружием, сечёшь? И чёрные ящики забрали, а все камеры повреждены настолько, что их записи, типа, восстанавливать бесполезно. Трокси даже хотел выяснить, не осталось ли там чьей-нибудь посторонней ДНК, или как она там называется — но ничего, вообще вот! Ну, то есть, я слышала, что сейчас появились всякие технологические примочки, которые, типа, помогают убрать после себя все следы, но они же, наверное, жууутко дорогие! Даже Трокси, наверное, такое себе купить не может, а ведь он покупает мне такие дорогушие украшения! Вот, кстати, правда же, что эти новые серёжки очень подходят к аристократично-голубому цвету моей кожи и к потрясающему цвету моего хвоста?

— Д-да, действительно подходят, леди, но... нет даже предположений, из-за чего это происходит с кораблями сэра Трокса? Это всё очень странно...

— Ещё бы не странно! Как они вообще посмели нападать на подданных моего суперпарня?! Какими идиотами надо быть, чтоб такое сделать!

Больше она его не слушала, опять начав говорить о чём-то своём, и пауз для его ответа — из-за излишне бурных переживаний, видимо — не оставляла вовсе. Это дало Сильвенио время самому поразмышлять над ситуацией. Обстоятельства были действительно странными: кто-то намеренно и, судя по всему, очень последовательно уничтожал корабли Тихого Льва один за другим, не оставляя ни единой улики против себя. Сильвенио догадывался, что и остальные пропавшие судна Льва постигала та же участь. Если эта догадка была верна — следовательно, кто-то не только устраивал на этих кораблях резню, каким-то образом справляясь со всеми опытными бойцами, не только ликвидировал после себя все следы, но и устраивал потом кораблям аварии с расчётом на то, чтобы повреждения были как можно более сильными. Можно было, конечно, предположить, что найденное Троксом судно являло собой следствие некой случайной аварии, а все остальные просто объявили бунт либо находились вне зоны связи. Но в этом не было решительно никакого смысла — все подчинённые были полностью преданы Тихому Льву, как своему предводителю, даже сейчас, когда тот практически ничего не делал, чтобы удержать свою

власть. Сильвенио твёрдо это знал уже по тому блеску в глазах, с которым бойцы смотрели на Трокса. Чего он никак не мог понять — так это зачем кому-либо вообще устраивать что-то подобное против Тихого Льва. Этот пират славился своими честностью и благородством, ходили слухи, что воевать с ним почитается за честь. Так зачем кому-то объявлять войну настолько скрытно? Даже среди пиратов трусость считалась настоящим пороком, а это определённо казалось проявлением трусости. Обычно те, кому удавалось разгромить часть чужой флотилии, хотя бы оставляли свой знак на проигравших суднах, дабы доказать, что никто больше не может присвоить себе их достижение. Сейчас же противник изображал из себя неуловимого невидимку.

Когда беда заявила о себе впервые, её, разумеется, проигнорировали. Трокс тогда как раз вернулся с очередной "прогулки" — и сразу же нырнул в бассейн к Сильвенио Мирте, без стеснений сбросив всю одежду. Возлюбленную свою он тут же обнял, и Сильвенио спешно выбрался из воды, чтобы не мешать. В ту же минуту брошенный на полу коммуникатор Трокса известил о входящем голосовом сообщении, и — о чудо! — тот отвлёкся от подводного поцелуя с амфибией, даже вынырнул, чтобы сказать:

— Сударь, извольте посмотреть, что там. Это могут быть воины мои отважные, которым я велел связаться со мной в случае ещё одного бесчестного нападения.

Подобрав коммуникатор с пола, Сильвенио послушно взгляделся в экран.

— "Срочное сообщение! Пожалуйста, сэр, ответьте, я не могу печатать сейчас, это очень важно!!!" — прочёл он и вопросительно обернулся к бассейну. — Принять звонок?

Лев дёрнулся было из бассейна, но Мирта непустила его, крепко обвив руками. После секундного раздумья Трокс повелительно кивнул ему, чтобы он включил громкую связь. Из коммуникатора тут же раздался страшный шум — крики, разнообразный грохот, многочисленные выстрелы.

— Сэр! Слава Богу, вы на связи! Это рядовой Бакерсон, сэр, судно номер 78-HG! Я дозвонился, как и было приказано. На нас напали, сэр! Количество человек неизвестно, они отключили все камеры, я в данный момент защищаю снаружи кабину пилота, как и было приказано, сэр! Нам нужна ваша помощь!

— Я отправляюсь сейчас же, дождитесь меня, мои воины!

И тут словно громом прозвучало:

— Нет. Ты остаёшься здесь.

Сильвенио и Трокс в молчаливом изумлении уставились на Мирту, сказавшую это. Амфибия же только сжала пирата в объятиях сильнее и упрямо повторила:

— Ты остаёшься здесь, Трокси-Шмокси.

— Но... — Тихий Лев выглядел совершенно ошарашенным. — Но, дорогая, это же мои воины! Я их предводитель, я защитить должен своих людей, ибо они доверяют мне жизни свои и сердца свои! Я должен вести их к победе над неприятелем!

Мирта завизжала так, что замолчал даже не перестававший до этого умолять своего генерала придти рядовой Бакерсон.

— Ничего не хочу слышать про твоих дурацких людишек!!! Ты всегда, всегда несёшься к ним как чокнутый, стоит чему-то случиться, Трокси! А как же я?! Как же наша, типа, любовь?! Они же там реально могут тебя убить, совсем убить, ты не догоняешь, что ли?! А мне нафиг не надо, чтобы тебя убивали! Так что, если ты меня реально любишь, ты никуда сейчас не пойдёшь! Я, типа, запрещаю! А ты, — она указала пальцем в сторону Сильвенио с коммуникатором в руках. — Ты выключи эту тупую штуку, вопли эти реально не круто

слушать, бесят!

Он перевёл недоумевающий взгляд на Трокса, ожидая его решения.

— Извольте, — выдавил тот глухо. — Слушать мою даму... Выключите это, сударь...

Он выключил и аккуратно положил коммуникатор туда же, откуда взял — к валявшемуся на полу кожаному жилету, светлым штанам из грубой ткани и невысоким старым сапогам, составлявшим всю одежду Тихого Льва. Мирта тем временем, разом успокоившись, запустила перепончатые пальцы в мокрую русую гриву своего возлюбленного, сложив свои пухлые губки бантиком.

— Ну, милый, не дуйся, я просто реально не хочу тебя терять... — голос её, только что визгливый и режущий по ушам, вновь полился сладким сиропом теперь. — Ты, типа, мой парень, и я о тебе забочусь, даже если ты думаешь, что я это, типа, для себя делаю. А вот и не для себя, а для тебя! И вообще. Давай закончим то, что начали, ага? Вот увидишь, пообжимаемся немного — и ты вообще париться перестанешь. Мммммм?

Сильвенио поспешил покинуть комнату. По пути к сушилке, которой работники корабельной прачечной разрешили ему пользоваться время от времени, он всё никак не мог отделаться от мысли, что либо эти двое понимают любовь неправильно, либо это действительно, *действительно* ужасное чувство.

И в последнем своём предположении он имел, к несчастью, возможность убедиться лично позже.

Он услышал о Мартине тогда, когда перестал уже мечтать даже о том, чтобы всего лишь мельком его увидеть. Просто в какой-то день Тихий Лев вошёл на корабельную кухню, где местный повар угощал Сильвенио остатками общего супа, и объявил:

— Сударь, со мною изволил связаться ваш отважный друг, желающий вас вернуть, и попросил вашей аудиенции. Я спросил мнение моей дамы сердца, поскольку вы ныне её собственность, но она была столь добра, что не отказала ему в разговоре с вами, посему прошу вас пройти со мной сию минуту.

Сильвенио подорвался с места, как ужаленный, и кинулся вперёд Трокса очертя голову в рубку. Мирта уже была там, рассказывающая кому-то по видеосвязи о чём-то бессвязном и бессмысленном, а её собеседник хранил вежливое молчание. Завидев знакомый белый силуэт на экране, эрландеранец с трудом подавил счастливый крик, дожидаясь, пока Мирта привычно бросится в объятия подошедшего Трокса, освобождая Сильвенио место рядом с мониторами.

— Мартин! Как ты узнал, где я? Как ты нашёл этот номер? Где ты сейчас? Что ты намерен делать? Ты же не натворишь что-нибудь неразумное? Я так переживал за тебя, Мартин! Я боялся, что ты... ты..!

— Сильвенио, — перебил миротворец его поток слов с лёгкой улыбкой. — Всё хорошо, не бойся. Я опросил с два десятка человек, которые были на рынке в тот момент, когда ты пропал, и по их описанию рискнул предположить, что это небезызвестные члены Альянса пиратов. Во всяком случае, больше всего люди, которые тебя увели, ходили именно на них. Потом я навёл справки — и выяснил, что это действительно были они. Дальше мне нужно было лишь выяснить текущие координаты главного судна и подойти на хотя бы минимально близкое расстояние.

— Что? Так ты сейчас рядом?

Он думал, что обрадуется этому, но ему стало только невыносимо тревожно. Никакой радости эта новость ему не принесла.

— Сильвенио, — лицо Мартина посерьёзнело, серые глаза наполнились той тяжёлой смесью грусти и решимости, которая в миротворце почему-то пугало. — Я прилетел за тобой, как и обещал. Я собрал своих братьев и сестёр по духу, я выкупил на наши общие сбережения настоящий военный корабль, я договорился с Тихим Львом, что он подождёт, пока я подлечу ближе, чтобы бой получился по-настоящему честным. Один мой корабль и один — его. Так что... я спасу тебя, чего бы это ни стоило.

И Сильвенио ощутил отвратительное чувство дежавю, когда чётко и ясно сказал:

— Нет.

Мартин улыбнулся ему так, словно он был заранее готов к такому повороту разговора и уже всё для себя решил. Но Сильвенио тоже сдаваться не собирался. Он поджал губы и постарался не выглядеть совершенно обречённым, каковым себя чувствовал:

— Нет, Мартин. Я уже говорил тебе это и скажу ещё раз: ты не должен изменять своим принципам ради меня. Мартин, ты... ты не должен ради меня менять свою натуру. А ты по натуре — не воин, это я тоже уже говорил. Если ты начнёшь сражаться, забыв все свои прежние идеалы, если изменишь собственному убеждению, что любой конфликт можно решить миром... то я никогда себе этого не прощу. Понимаешь? — его глаза, против воли, были абсолютно несчастными, но он ничего не мог с этим поделать. — Именно поэтому ты и нравишься мне так сильно. Твоё спокойствие, твоё миролюбие... это делает тебя особенным. Мартин!.. Я не хочу всю оставшуюся жизнь знать, что стал причиной того, что ты обратился к насилию!

Мартин поражённо молчал. Сильвенио опустил голову, не желая смотреть ему в глаза — слишком хорошо он знал, что в них увидит: не презрение, не досаду, не обиду даже, а только всепоглощающую, всепрощающую любовь, способную покориться любой его воле. Любовь, которую он не заслуживал; любовь, которой он не понимал и боялся. Любовь, на которую он, в общем-то, даже не мог искренне ответить. Почему это вообще случилось с ним? Видит Бог, он никогда не хотел губить чью-то жизнь подобным образом. Он никому не хотел причинять боли. Он не хотел чужих страданий. Он не хотел, чтобы кто-то вот так отдавал ему всего себя, ничего не требуя взамен. Он не хотел, чтобы кто-то ради него одного был готов на такие страшные жертвы — полностью изменить себя, рисковать своей жизнью и своей душой, толкать на этот путь других невинных людей...

— Но я обещал, что спасу тебя... я не могу сидеть сложа руки, Сильвенио! Я так устал от бездействия, я устал терять тебя, устал извечно оставлять тебя страдать одного!

— Я знаю, — он вновь устало поднял на него взгляд. — Знаю и всё равно прошу тебя об этом. Но вот что... я выберусь. Я придумаю что-нибудь сам, хорошо? Тебе только нужно немного подождать. Я могу это сделать, я могу найти выход из этой ситуации. Ты ведь в меня веришь, правда?

Мартин кивнул: конечно, он в него верил. От этой слепой веры Сильвенио стало совсем паршиво, однако он не подал виду, чтобы не разрушить свои же доводы.

— Вот... поэтому ты должен дать мне время. Обещаю, я вернусь к тебе...

Это было более чем опрометчиво — давать такое обещание, но что ещё оставалось делать? Если бы он не утешил миротворца, то тот стал бы слушать никаких его доводов и всё равно сделал бы, то задумал, а Сильвенио хотел остановить это любой ценой. Что касается времени... он и сейчас мог бы — он быстро оглянулся на продолжавшую обниматься парочку пиратов — справиться с ними даже сейчас. Возможно, это и был наилучший момент — пока корабль Мартина настолько близко, что есть возможность

телепортироваться прямо к нему. В конце концов, он провернул этот трюк с Близнецами, которые сами являлись мощными телепатами, так что с Троксом и Миртой, наверное, это будет даже легче. Нужно было всего лишь усыпить их прямо сейчас, он знал, что мог это сделать, он знал, что был на это способен; к тому же, это ведь даже не причинило бы им вреда, да и кому повредят несколько лишних часов здорового сна?..

Сильвенио так ужаснулся своим собственным же мыслям, что едва не пропустил ответ Мартина:

— Хорошо... Хорошо, я принимаю твоё решение, хоть это и ранит моё сердце. Дай мне, пожалуйста, поговорить с Тихим Львом. Я попробую повторить переговоры...

— Да, но прежде... — он выдавил из себя слабую, натянутую улыбку. — Я хочу сказать спасибо за всё, что ты для меня сделал, Мартин. Мне — мне было хорошо с тобой. И... некрасиво было бы не попрощаться, верно?

Мартин встревоженно нахмурился, и Сильвенио обругал себя за невольную слабость.

— Но ведь мы ещё увидимся? Ты обещал мне...

— Да, увидимся. Я выполню своё обещание. Но попрощаться всё равно надо. Так... на всякий случай.

— Сильвенио...

— То есть, временно попрощаться, я имею в виду. Как... положено по нормам этикета. До свидания, Мартин.

Как бы он сейчас хотел его коснуться! Взять за руку, как раньше, тронуть шелковистые длинные волосы цвета свежеснеженного снега, вдохнуть его запах! Услышать его настоящий голос, без малейших искажений, возникающих из-за видеосвязи. Но — нет. Кажется, там, на рынке Эль-Вирата, он имел возможность наслаждаться этим действительно в последний раз. Поэтому он не стал запоминать сердцем ответную печальную улыбку — только головой, поместив между других ненужных сухих фактов. Сердцем же он помнил улыбку его другую, которая грела его все эти дни неожиданной свободы, так бесславно закончившейся.

— До свидания, Сильвенио.

Он отошёл от экрана, не желая затягивать прощание дольше необходимого, и деликатно тронул Трокса за локоть, чтобы привлечь его внимание. Тот нехотя оторвался от очередного долгого поцелуя:

— Да, я вас слушаю внимательнейшим образом, юноша. Позвольте поинтересоваться, чем закончилась беседа ваша с другом? Быть может, он изволил поставить новые условия для нашей будущей дуэли?

Каким образом этот человек умудрился пропустить всё мимо ушей? Он же стоял прямо здесь, совсем рядом, и слышал весь их разговор, так почему... а, ну да.

— Нет, он... я уговорил его отказаться от сражения с вами. И сейчас он хочет лишь ещё раз поговорить с вами.

Трокс, кинув, прошёл к экрану, Мирта потянулась за ним, как приклеенная. Сильвенио же предпочёл выйти из рубки и удалиться в коридор, итак зная, чем всё закончится.

Что его интересовало — так почему его собственная природа вдруг позволила ему солгать. Единственный раз в жизни он намеренно говорил неправду, хотя до этого пытался много раз, когда это нужно было для самозащиты — однако раньше никогда не получалось. Правда вылетала из него сама собой, не спрашивая его мнения и желания, как не спрашивало это большинство тех, кто окружал его; всё, чем он раньше мог бороться против правды — это молчать, но молчание не срабатывало в ответ на прямой вопрос. Так почему же вышло

так сейчас? Было ли это потому, что он лгал не ради себя, а ради другого человека, или же потому, что технически это была не совсем ложь — в любом случае, Сильвенио был благодарен мирозданию за такую неожиданную поблажку. Правда, он лично предпочитал всё же опираться в своих размышлениях по этому поводу как раз на второй вариант: ведь он не сказал, *когда* выберется, *какой* выход из ситуации найдёт, *как* они увидятся. Может быть, он имел ввиду, что это состоится уже после его смерти. Он не сказал ничего конкретного; получается, и правду он искажил незначительно.

— ...и вот он, типа, говорит такой: "Я готов на всё ради того, чтобы вернуть его, кроме сражения, потому что не могу предать его заветы." Так смешно тоже выражается! Вы там все такие прикольные, что ли? А мой Трокси и говорит такой, что спросит меня, потому что ты, типа, мой трофей теперь, а не его. Ну он и спросил. А я что? А ничего! Я такая смотрю на этого чувака и говорю: "Так у вас любовь всё-таки или что вообще?" Вот так и сказала, да! А он такой мнётся весь, как лох полный, и говорит, типа, это не очень прилично обсуждать, и ещё какую-то там шнягу нёс. Я, короче, сразу просекла, что он в тебя втюрился по самые уши, но ты ж в него не втюрился, это видно же! Ну и, в общем, я решила, что любовь без взаимности — это реально отстой, и сказала, что не отдам свой трофей. Ты бы видел его мордашку в этот момент! Ну и ладно, зато найдёт себе нормальную любовь, взаимную. А ты у меня будешь жить, вот так!

Это было уже поздно вечером, когда Мирта, выполняя свою давнюю угрозу, передела его в длинное платье с рюшечками и пила с ним чай за столиком в так называемой гостиной, попутно рассказывая об итогах сегодняшних переговоров с Мартином. Сильвенио молчал, безропотно снося это унижение. Потом вернулся откуда-то Трокс, и они с Миртой ушли в спальню (в кой-то веки), оставив его одного.

Уже через минуту Сильвенио беззвучно плакал, неловко спрятав лицо в юбке. Ему было невероятно жаль себя: из-за того, что не мог постоять за себя, что ничего не мог противопоставить такому обращению, из-за того, что на самом деле он мог это сделать, если бы он не был таким ужасно правильным; из-за того, что он сегодня вынужден был впервые соврать; из-за того, что ему так безудержно хотелось вернуться к Мартину, из-за того, что, опять же, он *способен* был это сделать — и тем горше было осознавать свою беспомощность, в которую была надёжно закована его же сила; а также из-за того, что счастье больше не представлялось ему возможным в принципе. Он потратил на глупую жалость к себе ровно два часа, а после — после просто заснул там же, на диване, не переодевшись и не допив давно остывший чай.

Итак, правило номер один в жизни Сильвенио Антэ Лиама: никогда не жалея себя, ибо в любой момент всё может стать гораздо, гораздо хуже.

Тревога зазвучала на корабле в один из самых обычных дней, как и положено тревоге — совершенно внезапно. Сильвенио, уныло прогуливающегося по коридорам, чуть не затоптал пронёсшийся мимо отряд солдат. Сирена с энтузиазмом ударила воем по ушам, но капитанская рубка молчала, да и аварийное красное освещение не включилось — следовательно, решил Сильвенио, опасность не такая уж страшная. На всякий случай, однако, он решил разыскать хотя бы Мирту, и на пробу постучался в её комнату — никто не ответил. Что ж, наверняка она либо была там с Троксом, либо была с ним же где-нибудь ещё, и надеяться на разъяснение причин включения сирены в таком случае было бесполезно. Поразмыслив, он решил переждать в холле, где было чуточку безопаснее, чем в любой другой доступной для него сейчас комнате, потому что в гостиной можно было по крайней

мере спрятаться. И, поскольку ему лично никто ничего объяснить не собирался, он растянул на ближайšie пару палуб корабля поверхностную телепатическую сеть. Только — только ему пришлось сразу же её захлопнуть, потому что сеть его в первые же секунды поймала слишком много ужаса. Ужаса и... крови. Очевидно, что на корабле происходило в данный момент что-то действительно жуткое. Сильвенио похолодел, накрытый леденящим пониманием: то зло, которое Трокс недавно так беспечно проигнорировал, пришло, наконец, и сюда.

Продолжая осторожно, незаметно продвигаться к гостинной, Сильвенио развернул сеть снова, на этот раз — уже заранее приготовившись к резкому всплеску чужих эмоций у себя в голове. Ничего внятного он по-прежнему не нашёл, пришлось абстрагироваться от эмоциональных образов для того, чтобы сосредоточиться на коротких мыслях-фактах, мыслях-словах. Надо сказать, представление о происходящем это тоже дало весьма слабое — только напугало его ещё больше, потому что теперь он знал наверняка две вещи: во-первых, неведомое зло убивает очень быстро, причём одновременно в разных частях корабля, а во-вторых, убивает оно всех без разбору. Рабочие, солдаты, технический персонал, служащие медицинского отсека, работники столовой и прачечной — в живых не оставался никто, встреченный злом на пути. Зло было одновременно яркое и невидимое, блестящее смертоносной сталью и озарённое огнём, бесшумное и оглушительное, спокойное и с безумным оскалом. Так ничего из всего этого общего сумбурного ощущения не поняв, телепат провёл ещё один этап фильтрации, настраиваясь на мысли конкретных двух человек, которые управляли эти кораблём.

"Как же может она просить меня о таком... ведь это трусостью будет с моей стороны..." — мысли Тихого Льва были тягучими и неторопливыми, как он сам.

А мысли Рыбки, напротив, скакали в её голове ещё более бойко, чем обычно вслух:

"Вот придурок, о нём же забочусь! Ой, лапочка, не дуйся! Какой забавный! А! Что это было сейчас?! Ужас, мне страшно! Аааа!!!"

Гостиная была совсем близко, и, похоже, влюблённые тоже находились именно там. Пропустив ещё один отряд солдат по коридору, Сильвенио ускорил шаг. Сирена продолжала завывать, вызывая у него несвоевременный приступ головной боли.

"Нет, нет, я должен сказать ей, должен воспротивиться её воле на этот раз, ведь это моё судно, моя славная команда! Как я могу их оставить сейчас, даже если просит она! Я должен сказать..."

"Блин, ну реально придурок же! Эй, чувак, твоя любимая девушка у тебя на руках буквально умирает от страха, а ты ей говоришь про какую-то команду! Ну, точно, неделю после этого с тобой разговаривать не буду... Может, пустить, типа, слезу? Тогда-то он догадается, что надо срочно сматываться отсюда!"

Сильвенио был так удивлён, что чуть не потерял контроль над своей отфильтрованной версией ментальной сетки. Неужели Тихий Лев, благородный пират, всё ещё чтущий мифический кодекс чести, бросит свою команду и сейчас, когда напали на его собственное судно? Неужели сила его любви к Мирте разрушила не только его разум, но и его душу окончательно? Неужели этот человек, известный своей любовью к свободе не меньше, чем своей отвагой — неужели он сдался так легко?!

"Да, теперь вижу я, что ты права, любовь моя... Мой первейший долг — доставить тебя в безопасное место, дабы ничто не угрожало жизни твоей и ничто не пугало тебя больше! Что ж... видно, так поступить суждено мне самой Судьбой..."

В тот момент, когда Сильвенио вбежал в гостиную, Тихий Лев исчез с Рыбкой на руках в сиянии телепортационного заклинания. Об их живом "трофее" никто из них даже не вспомнил.

Тишина вдруг начала как-то странно давить на уши, и только тогда Сильвенио заметил, что уже минуту как не слышит завываний тревоги. Выключить её можно было исключительно из капитанской рубки, что означало, что и туда уже добрались враги. Стихли и крики, и грохот сражения, и топот солдат в коридорах. Сильвенио не рискнул в третий раз проводить мысленное сканирование — он боялся, что попадёт таким образом прямиком в мысли этого самого зла, так как вряд ли кто-то ещё на корабле оставался хотя бы в сознании, судя по неестественной тишине. Трясаясь от страха, он спрятался в самом тёмном углу комнаты — в узкой щели между аквариумом и стеной. Он забился туда до самого предела, пытаясь стать как можно незаметнее, и постарался даже тише дышать, когда в коридоре раздались шаги. Он ожидал всего, что угодно: звероподобного монстра, живой сгусток мрака, ядовитый туман, влияющий на сознание. Но всё равно оказался почему-то не готов к тому, что увидел.

Потому что зло, как всегда, решило принять вид... человека.

Вернее, двух. Один человек вошёл в пустую гостиную и флегматично огляделся. Потом, не обнаружив, видимо, искомым объектов, так же флегматично убрал багровые от чужой крови катаны в ножны себе за спину.

— Ну? — спросил из коридора второй человек нетерпеливо.

— Здесь их нет, — отозвался первый. — Я тебе говорил, что надо сюда сначала. Дебил.

Второй человек вошёл следом, заложив на плечо что-то, напоминающее усовершенствованный автомат. У второго человека были ядовито-зелёные сапоги, нелепые розовые шорты в обтяг, тёмно-синяя обтягивающая же футболка со знаком сатанистов по центру и кривая ухмылка, демонстрирующая его заострённые клыки.

— Надеюсь, ты назвал дебилем себя, радость моя? Не забывай, что именно я придумал для нас это милое семейное развлечение. Плевать, что Трокс и его сучка сбежали — так даже лучше. После того, как мы порешили столько его псов, самого Трокса достать не проблема. Держу пари, он уже обоссался со страху, раз смылся. Кстааати...

Стрелок вдруг совершил немислимый какой-то прыжок в сторону — и оказался прямо у укрытия Сильвенио, откуда грубо вытащил последнего за шиворот, выбросив в щель длинную худую руку. Тот лишь коротко и обречённо вскрикнул, задрожав ещё сильнее.

— Ктоооо это у нас тууут? — протянул снайпер противно-приторным голосом. — Ба! Кого я вижу, Рогатый! Да это же настоящий паучий помёт!

— Твои шутки с годами становятся всё более тупыми, — сообщил ему Крэйен, подходя ближе и безразлично оглядывая Сильвенио с головы до ног. — Нахер он тебе сдался? Паука здесь нет, это точно. Прикончи сопляка и пошли уже.

— Сладкий мой, — в кадык Ядовитого Рога упёрся короткий кинжал, тогда как второй рукой Стрелок продолжал удерживать Сильвенио. — Я, кажется, уже говорил, что не надо мне указывать, мм? Видишь ли, когда мне указывают, что делать, я становлюсь нервным, а когда я нервничаю — мне хочется крови. Желательно, крови того, кто указывал. А за паучёнка, кстати, можно получить нехилый такой выкуп.

Сайго Крэйен закатил глаза, никак не реагируя на нож у своего горла.

— У тебя мало денег, Рил? Или у тебя ранний маразм и ты случайно так забыл, сколько мы уже награбили с учётом сегодняшней добычи?

— Не убивайте меня, пожалуйста...

Через плотно зажмуренные веки Сильвенио почувствовал, как оба убийцы уставились на него, словно бы всё это время не принимали во внимание тот факт, что он тоже умеет говорить.

— Не убивайте меня, — повторил он, чувствуя себя совершенно жалким. — Я... я не хочу умирать... я буду... полезен... пожалуйста...

Что ещё он мог сказать после всего этого ужаса? Храбриться и мужественно молчать? Ещё более мужественно высказать пренебрежение к своей участи? Нет, он не мог сейчас ничего, кроме как бояться и молить о пощаде. В конце концов, он никогда не был храбрым воином; кем он был — так это слабым, ни на что, кроме сбора информации, не годным мальчишкой. Который очень, очень не хотел умирать, несмотря ни на что.

— Ха! Ты слышал это, Рогатый? Малютка говорит, что будет полезен! Ну нет, я такое веселье не пропущу, я слишком устал видеть каждый день только твою тупую рожу. Пусть паучёнок побудет моим питомцем и выслужит свою жалкую жизнь!

Сильвенио открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Стрелок и Крэйен одновременно набирают координаты на браслетах-телепортах, которые были гораздо более улучшенной версией тех, что он видел когда-то у крысоподобных созданий, как-то продавших Аргзе злосчастную правительственную технологию. Через костлявые пальцы Стрелка, болезненно вцепившиеся в ключицу Сильвенио, энергия телепортации перекинулась и на эрландеранца, забирая его с собой.

Что там о правиле номер один?..

Выстрел, выстрел, выстрел. Стена в нескольких сантиметрах от лица Сильвенио брызнула каменной крошкой, заставив его броситься опрометью в противоположном направлении. Следующие несколько выстрелов были устремлены ему под ноги, отчего он совершил в воздухе такой крутой вираж, которого даже сам от себя не ожидал. Правда, в результате этого виража он неловко упал, сильно ударившись коленом. Жуткий, не предвещающий ничего хорошего щелчок откуда-то издалека — и над его головой, едва не спалив ему волосы, пронёсся мощный поток огня. Пришлось забыть об ушибленной ноге и срочно бежать дальше, чтобы пламя, насмешливо вырисовывающее опалённые узоры на стене прямо его за спиной, его не настигло. Выстрел, выстрел, выстрел, щелчок огнемёта, пламя, выстрел, выстрел, пламя, ещё пламя, ещё. Сильвенио метался, как загнанный кролик, дыхания уже давно не хватало — в лёгких неприятно саднило от недостатка кислорода. Ему даже необязательно было уворачиваться от каждой пули, было достаточно лишь безостановочно продолжать лихорадочное движение хоть куда-нибудь, потому что тот, кто в него стрелял, мог запросто поразить движущуюся мишень с одной попытки. Условие было таково: он бежит — стреляющий промахивается, он останавливается — стреляющий попадает. Уворачиваться, правда, он пытался рефлекторно всё равно сразу от всего, потому и выдыхался так быстро.

Но тело в последний момент всё-таки предательски подвело: от усталости он

споткнулся на ровном месте и растянулся на мраморном полу. Подняться он уже не успевал — да и не мог, честно говоря. Понимая, что это означает, он приготовился к смерти. И...

Ничего не произошло.

Выждав несколько секунд для полной уверенности в том, что не пропустил собственную смерть мимо сознания, он как следует набрал дыхания и вскочил на ноги, оглядываясь. Неужели его пощадил?..

Нет: просто Стрелок оказался слишком занят, чтобы его убивать.

Занят яростным долгим поцелуем с Сайго Крэйеном.

Сейчас, по прошествии некоторого срока, это уже не ошарашивало так сильно, а вот тогда, когда они стали целоваться (если эти взаимные укусы можно было назвать поцелуями) у Сильвенио на глазах в первый же день, как только доставили его сюда — тогда он был поначалу настолько изумлён, что едва вспомнил о том, что ему надо бы отвернуться и не глазеть. В самом деле, он ни за что бы не предположил ранее, что эти двое могут вместе спать, жить и вообще сосуществовать в относительно тесном пространстве. Однако, вот же: они вместе добыли эти новые наручные телепорты, реагирующие как на ввод координат, так и на короткие мысленные посылы, они вместе зачищали с помощью этих браслетов один за другим корабли Тихого Льва, они вместе делили потом награбленное и даже — что удивляло больше всего — вместе проводили время. Более того, ранее они вместе, судя по всему, завоевали для себя целую базу Федерации, на которой они и обосновались — вдвоём. Огромная база, расположенная на планете-спутнике и дрейфующая таким образом вместе с планетой в космосе по собственной орбите, покрытая куполом с искусственным кислородом, имеющая бункер с запасами консервированной еды чуть ли не на столетие — теперь она пустовала, и двое вольных убийц до появления Сильвенио были здесь единственными обитателями. Сам Сильвенио склонялся к версии, что они не отнимали эту базу у прежних владельцев, а просто заняли заброшенное бесхозное здание: во всяком случае, следов чужой жизни и чужого присутствия он так и не обнаружил, как и пятен крови на мраморных полах.

Хотя не то чтобы у него, собственно, было достаточно свободного времени, чтобы осмотреться. Нынешний режим существования очень сильно напоминал ему тот, который установил как-то для него Аргза, после того как он имел неосторожность чересчур вольно высказаться о своём "хозяине". Тогда у него тоже почти не было возможности нормально отдохнуть. И, как и тогда, от такого режима он был абсолютно измучен. Днём Стрелок, развлекаясь, выгонял его во внутренний двор базы и палил по нему из всего, что попадётся под руку. Под руку ему попадалось много, так как собственный запас оружия у него был практически неограничен. Также Стрелок заставлял его выполнять функцию домашней услуги — непонятно зачем мыть по всей необъятной базе полы и окна, стирать их с Ядовитым Рогом одежду, чистить им сапоги и оружие, заправлять маслом оба их одиночных истребителя, собственноручно готовить им еду. Последнее, правда, ему очень быстро делать запретили, так как без точных инструкций еда получалась в лучшем случае сырой и пресной, в худшем — несъедобной, ибо те кулинарные книги, что он когда-то случайно читал в интернете, нужных рецептов не содержали. Да и от разнообразных чистящих средств у него уже начинала развиваться на руках аллергия: на первых порах это выражалось только в покрасневших и опухших кистях рук, а затем, когда он начал непрерывно оглушительно чихать — Стрелку пришлось отобрать у него все эти средства, оставив ему в распоряжение только ледяную воду из-под крана (допотопный водопровод сохранился здесь не иначе как

чудом) и обыкновенное мыло.

Ночью было... гадко. Гадко и мерзко. Если днём в дни своего присутствия на базе Стрелок и Крэйен предпочитали уединяться вдвоём, испытывая на прочность любую попавшуюся вертикальную или горизонтальную поверхность, то ночами они, желая поиздеваться над ним ещё больше, брали его с собой в общую спальню. Они завязывали ему глаза, потому что Стрелка отчего-то приводил в бешенство его взгляд, и завязывали рот — тогда, когда не решали использовать его рот сами. Сильвенио не помнил, что делали с ним Близнецы, но, судя по обрывочным воспоминаниям тела, это было что-то похожее. А он — он по-прежнему не мог сопротивляться, хотя знал, что эти воспоминания стереть позволить себе уже не сможет, какими бы дурными они ни были.

К счастью, Ядовитому Рогу вскоре надоело терпеть в постели безвольную живую куклу, и они начали заставлять его всё реже — только в тех случаях, когда Сайго улетал с базы куда-нибудь, а Стрелок оставался один и в плохом настроении.

По крайней мере, Сильвенио мог теперь привести свои мысли в порядок и как следует поразмышлять обо всём, что увидел и узнал. Во-первых, имя Стрелка было Рил, потому что Ядовитый Рог звал его или так, или каким-нибудь оскорбительным прозвищем вроде "кретин" и "дебил". Во-вторых, Рил-Стрелок был совершенно очевидно безумен. Его извечный зубастый оскал, цвета его одежды, его пристрастия, его выбор развлечений, его резкий захлёбывающийся смех в неподходящие моменты, его то и дело подлетающие и так же неожиданно затихающие интонации, его нежелание каких-либо физических контактов, не несущих в себе тот или иной оттенок насилия либо унижения — всё говорило об этом довольно явно. Это было не то сумасшествие, которое таилось в добрых улыбках Близнецов, но и не то, которое он видел когда-то в белых глазах вернувшегося к полужизни Конрада Грэна. Это сумасшествие было более целостное, более злое, более поверхностное. Иногда Сильвенио казалось, что где-то глубоко внутри Стрелок и вовсе ничего уже не ощущает и лишь продолжает жить, как заведённый, а неадекватное поведение — лишь сросшаяся с его сущностью маска, ввевшаяся в его душу внешняя корка, отдери которую — и увидишь кровавые разводы, не прикрывающие уже мёртвенную пустоту. Зато, в-третьих, Ядовитый Рог, напротив, казался порой вполне разумным. Или относительно разумным: он тоже убивал людей от скуки, и в его глазах тоже прочно поселился металлический блеск, он тоже бил Сильвенио, когда был не в духе — однако при этом он никогда не усугублял его мучений, как любил делать это Рил, и он был большую часть времени абсолютно спокоен, словно ничто в мире его не касалось лично. Единственным, кто вызывал у него хоть какие-то эмоции, предсказуемо значился Стрелок, постоянно его провоцирующий едкими насмешками. Таким образом, они будто бы уравнивали друг друга: Рилу требовалось, чтобы кто-то вовремя его осаживал и давал выход его беспричинной вечной злости на весь мир, а Сайго просто необходим был человек, способный вывести его из обычного безразличного ко всему состояния и дать почувствовать немного вкус жизни. Даже если вкус этот был солёным вкусом крови.

Сильвенио невольно задавался вопросом: может, это тоже такая своеобразная любовь? Что он об этом явлении, в принципе, знал? Достоверно — ничего. Разные источники определяли это понятие по-разному. Он почувствовал на себе любовь Мартина, он видел со стороны любовь Мирты и Трокса. Аргза тоже говорил ему когда-то... но это-то точно сюда не относилось. Так, может, и эти двое на самом деле любили друг друга? Иногда они напоминали пожилую семейную пару, ругающуюся по пустякам и без особых проблем

выстраивающую совместный быт (на Эрлане семейные пары не ругались, но Сильвенио знал, что у других рас так бывает). Больше, правда, их отношения всё-таки были похожи на ненависть, судя по тому, какими обоюдными побитыми и расцарапанными они выходили из спальни наутро, но ненавидящие друг друга люди не стали бы жить бок о бок и терпеть недостатки друг друга. Или стали бы, учитывая, что они могли всерьёз подраться даже из-за такого пустяка, как вопрос "кто первым идёт в ванную утром", хотя свободных ванн на базе было бесчисленное количество? Он снова запутался.

Однако, возвращаясь к полезным размышлениям: было и ещё одно обстоятельство, которое он упускал поначалу из-за чрезмерной усталости и прошедшей на данный момент аллергии. Заключалось это обстоятельство в том, что теперь Сильвенио хотя бы примерно знал, каким способом может выбраться. Ситуация с Троксом выглядела безнадежной; здесь же, как ни странно, у него появился крохотный шанс выполнить всё же данное Мартину обещание. Если в случае с Тихим Львом ему пришлось бы непременно использовать для этого свою силу, чего он позволить себе не мог — потому как не мог пренебречь возложенной на него за эту силу ответственностью — то сейчас ему всего лишь нужно было позаимствовать у одного из пиратов браслет-телепорт. Хищение чужой собственности, конечно, тоже не входило в его обычные принципы, но, во всяком случае, это уж точно никому бы не принесло вреда. Тем более, что браслет, уже переместившись, наверняка можно было отправить назад отдельно в ту же минуту. Главная проблема состояла в том, что для выполнения этого нехитрого плана Сильвенио требовалось, чтобы Стрелок или Ядовитый Рог оставили бы свой браслет без присмотра, а они, казалось, ходили с этими браслетами даже в душ и в спальню, а эрландеранец не хотел лишней раз привлекать их внимание к своей персоне, потому не рисковал пока заходить в столь приватные места, чтобы попробовать взять браслет уже оттуда.

Но Судьба, разумеется, терпеть не могла, когда он вообще строил какие-либо планы.

Страшный грохот снаружи базы заставил Сильвенио, старательно оттиравшего пятно машинного масла на полу в коридоре, вскочить на ноги и испуганно замереть на месте. Грохот повторился — создалось ощущение, будто на базе по меньшей мере рухнуло несколько десятков стен. Мимо него в сторону ангара промчался Ядовитый Рог, успевший нацепить боевое снаряжение и взять катаны. Неугомонное любопытство тянуло Сильвенио во внутренний двор, чтобы увидеть всё своими глазами, но, поразмыслив, он решил, что будет там в случае чего слишком хорошей мишенью — и поспешил в огромный торжественный зал, из окна и прозрачного потолка которого обзор открывался почти такой же, как из двора, но при этом там была некая гарантия безопасности в виде бронированного стекла.

Целая вереница военных кораблей угрожающе зависла над бывшей базой Федерации, заслоняя собой небо. Чуть ниже, явно приготовившись к бою, под ними застыли два пиратских истребителя.

— Это бывший флот миротворцев, — прогремело на всю базу из центрального корабля. — И мы требуем членов Альянса пиратов освободить Сильвенио Антэ Лиама, проходящего под нашей юрисдикцией. Отказ приравнивается к объявлению войны!

Мартин!.. Как он узнал?..

Значит, вот как он решил поступить: объявить себя "бывшим" миротворцем и обменять безобидные корабли своего флота на вооружённые линкоры.. И в этом целиком и полностью была вина одного лишь Сильвенио, потому что он слишком долго медлил с

выполнением обещания.

Правило номер два в жизни Сильвенио Антэ Лиама: если у тебя что-то впервые получается — например, солгать — это определённо приведёт к дурным последствиям.

— Ууу, какие мы грозные! — отозвался Стрелок из своего истребителя так же по громкой связи, и голос его, искажённый динамиками, резал слух ещё неприятнее, чем обычно. — Знаешь, может, я бы и отдал твоему вонючему флоту таких же вонючих хиппарей мою новую игрушку, но ты сказал, что отказ будет означать войну — а это, по-моему, гораздо веселее! Так что — сам понимаешь. Это, как бы, отказ.

Их с Ядовитым Рогом истребители стартовали одновременно, вонзаясь в небо с умопомрачительной скоростью. Пока корабли миротворцев тратили драгоценные секунды на то, чтобы перестроиться и приготовить пушки, истребители уже прошли навывлет сквозь бреши в их тесных рядах и таким образом оказались над ними. Такой простой манёвр — а они уже получили преимущество! В них, разумеется, тут же направили огонь из всех орудий, но они уворачивались почти лениво, почти играючи. Сильвенио, неотрывно наблюдая за разворачивающимся в небе действием, с трудом заставил себя прекратить делать аналитические прогнозы на исход боя. Хотя, надо признать, всё выглядело достаточно очевидным: несмотря на то, что судна пиратов значительно уступали линкорам в размерах и в количестве, всё же во внимание следовало принять тот решающий факт, что Стрелок и Сайго Крэйен занимались этим чуть ли не всю свою жизнь, а Мартин — как, наверняка, и большинство его нынешних верных последователей — сражался впервые. Господи, да ведь он не был стратегом! Ни стратегом, ни воином, ни генералом, ни военным пилотом, приученным к сложному маневрированию — Мартин не был никем из них, он был всего лишь наивным идеалистом, верящим до поры до времени, что все конфликты можно разрешить мирно — а ведь в это не верил уже даже Сильвенио! Мартин был прирождённым дипломатом, талантливый лидером, возможно, любимцем толпы, ценителем искусства и просто замечательным человеком; и теперь этот человек должен был нацелить себя и своих людей на чьё-то убийство, на насилие, на серьёзный бой, в котором цена не имела значение. И всё — из-за глупого-глупого Сильвенио, который не смог вовремя переступить через себя, чтобы этого не пришлось делать кому-то другому. Из-за глупого, эгоистичного, жалкого Сильвенио, который знал, что никогда себя за это не сможет простить.

Яркие вспышки выстрелов, раскрашивающие небо над базой подобно каким-то страшным фейерверкам, мешали разобраться, что происходит, и видны были только отдельные отрывки разразившейся битвы. Вот истребитель с характерным фиолетовым шипом на носу в очередной раз увернулся от серии атак, уйдя в тройной штопор. Вот Стрелок подбил сразу два двигателя погнавшегося за ним судна, после чего одним самоубийственным виражом превратил тщательное построение противника в полнейший хаос, хотя, по идее, один так называемый "стервятник" не должен оказывать такого эффекта на тяжеловесные военные суда. Миротворцы — бывшие миротворцы — не умели стрелять, не имели должного напора, отступали по привычке, хоть и сразу же атаковали, но как-то несмело, неуверенно. Сильвенио вжался лицом и ладонями в стекло, в безмерном напряжении ожидая чего-то, чего и сам пока не хотел осознавать. Нервы его были натянуты так, будто бы их поочерёдно пытал на дыбе какой-то невидимый маленький инквизитор; ему казалось, что он сейчас пройдёт через бронированное стекло, растворится в этом бое, станет чистым сознанием, расплывшимся на мириады невообразимо долгих секунд, которые с громким тиканьем отсчитывали время сражения у него в голове. Вот оба истребителя

истерике — и умирал с каждой наносекундой вместе со всеми своими товарищами и друзьями, вместе со всеми, кого он когда-либо знал и любил. Он был там, в коридоре корабля Паука, перехваченный за горло чужими пальцами, чёрные дыры вместо глаз напротив, беззвучное "смотри" и неправильное сочетание зелёного с красным; он был там, на Хорвении, связанный острыми лесками по рукам и ногам, громкое "огонь" и безвольно свисающая из горы трупов ладошка последнего ребёнка последних местных аборигенов; он был там, на Данаре, удерживаемый горячими руками варвара, ослепительные голубые вспышки, жёлтый пиджак Атрия Джоза, самоотверженные лица и музыкальные голоса, прощающиеся с ним навсегда; он был там, на городской площади, раненый и слабый, угасающий солнечный взгляд, круглая сквозная рана в животе и храброе "я прожила отличную жизнь"... Он был там — одновременно везде, одновременно сейчас и всегда, он проживал заново каждый момент, каждую чужую смерть.

Ни одного корабля миротворцев не уцелело. Оба истребителя же каким-то чудом успели вернуться на базу. Почему чудеса всегда случаются с теми, кто этого не заслуживает?..

И тут Сильвенио как будто бы выключили. Резко, словно из него разом выкачали всю энергию, он рухнул на колени, прижимаясь к окну рассечённым лбом, и замолчал.

Стало невообразимо тихо. Тишина звенела в ушах, пульсировала в голове вместо мыслей, оковывала льдом вены. И в этой тишине, где-то глубоко-глубоко у него внутри, подняли головы некие жуткие, хищные демоны, разбуженные ещё Близнецами. Эти демоны пока ещё не дали о себе знать, но они уже проснулись: тишина в сознании послужила им лучшим сигналом. Что-то тёмное, что-то ужасное, что-то неправильное шевельнулось в нём — шевельнулось пока молча, но готовое в любой момент подать голос. Сильвенио ещё не чувствовал, ещё не знал, не догадывался ещё даже о существовании этого, как не догадываются порой люди, что живут на спящем вулкане. Всё, что он ощущал в тот момент... он ничего не ощущал.

На него нахлынула чистая, блаженно-тихая Пустота. И это казалось ему на удивление гармоничным. Ведь у мертвецов внутри должно быть пусто, верно?..

...Чужие голоса слышались, как через толстую подушку:

— Да ну, блин, это было так скууучно! Самая тупая и самая короткая драка в моей жизни. Кто этих хиппарей драться учил, мм? Испортили мне настроение на целый день своим идиотизмом!

Слова были вроде бы знакомые, но смысл от Сильвенио как-то ускользал. Быть может, это потому, что смысла теперь не было больше ни в чём?

— Кончай ныть уже.

— Ах, любовь моя, у тебя, должно быть, совсем к старости плохая память стала? Я уже говорил, что не надо мне указывать, сладенький, иначе я тебя прирежу. Я и так сейчас не в духе, так что, будь добр, заткнись.

Вместе с голосами приближались шаги: одни — тяжёлые и глухие, другие — быстрые и нервные.

— Эй, ты только посмотри на него! Бессовестно отлынивает от работы и дрыхнет, как ни в чём не бывало! Слушай, я начинаю думать, что Паук избавился от него сам, раз он такой бесполезный. В постели — хныкающее бревно, убираться и готовить не умеет, бегают медленно. Он мне надоел. Пожалуй, я его всё-таки убью.

Оказалось, что Сильвенио успел задремать прямо там, на холодном мраморном полу возле окна в торжественном зале, подтянув колени к груди. Он открыл глаза и, приняв

сидячее положение, молча посмотрел на Стрелка без всякого выражения. Почему-то последнего это взбесило ещё больше, и он со злостью ударил его ногой в лицо. Сильвенио упал обратно на пол, не пытаясь как-то прикрыться от последовавших за этим ударов. Просто лежал и смотрел, ничего не говоря. Пустота внутри него оставалась равнодушной.

— И это отродье ещё смеет на меня глазеть! — горячился Стрелок всё больше, выпуская пар после слишком быстро окончившегося сражения. — Бесит меня уже этот щенячий взгляд! Смотрит вечно так, как будто великомученик, блядь, святоша чёртов! Бесит, бесит, бесит!!! Если ты, мразь, думаешь, что можешь меня своими щенячьими глазками пронять — то очень ошибаешься, вот что я скажу! Я убью тебя, ты понял?! Ну, давай, начинай трястись и умолять, как в прошлый раз, ты же ни на что больше не способен!

Он пинал его по рёбрам, по почкам, по лицу — везде, куда доставал, а Сильвенио так и не издал ни единого звука. Он продолжал бездумно на него смотреть, по-прежнему не вкладывая в свой взгляд уже никакого выражения, да и зачем бы сейчас. Теперь окровавленным был не только его лоб, но и разбитые губы — ему было всё равно. Что-то в нём сломалось навсегда, что-то в нём безвозвратно исчезло; он шёл к этому все эти долгие годы, он справлялся со всеми этими испытаниями, но, в конце концов, он не был железным, и у него был предел. И этот предел был достигнут сегодня. Он перешёл черту, из-за которой уже никогда не возвращаются прежними.

— Да угомонись ты, кретин. Достали твои визги.

— Опять указываешь?! Ну, я предупреждал!!!

Драка завязалась уже между Стрелком и Ядовитым Рогом. Сильвенио отвернулся, свернувшись в клубок: все драки между этими двумя заканчивались всегда одинаково, и хорошо бы на сей раз они хотя бы уединились в спальне, а не делали это у ближайшей стены. Хотя ему, конечно, уже не было до этого дела.

Он, наверное, снова успел задремать, потому что, когда кто-то тряс его через какое-то время за плечо, он не сразу вернулся в реальность. Очнувшись, он обнаружил, что Сайго Крэйен вернулся — почему-то один, уже полуголый, весь в укусах и царапинах. Стрелка поблизости не было.

— Встать можешь?

Он кивнул и встал. Благодаря Контролю его даже не шатало. Сайго критически его осмотрел, затем насильно вложил в его вялую руку что-то металлическое. Машинально взглянув на предмет, Сильвенио увидел в своей ладони два ключа, побольше и поменьше.

— От ангара и от истребителя, — пояснил тот совершенно без эмоций. — Случалось пилотировать корабль?

Он кивнул повторно, всё ещё не понимая, чего от него хотят.

— Да... случалось. Я был главным пилотом на корабле Паука, когда он... не мог этим заниматься.

Он не стал рассказывать о слепоте варвара, но Сайго и не спрашивал причин.

— Отлично, значит, мой дестроер не грохнешь по дороге. Потом не забудь настроить автопилот так, чтоб он доставил истребитель обратно сюда. Мне он ещё нужен.

Сильвенио молча смотрел на него, механически сжимая в руке ключи. Сайго коротко зарычал — похоже, он и так был на взводе, а Сильвенио ещё и сердил его своим непониманием. Ему показалось, что его сейчас опять будут бить — однако нет:

— Да, вижу, что ты реально тупой, — процедил Крэйен раздражённо и сплюнул куда-то в сторону. — Слушай сюда, сопляк, повторять не буду. Сейчас ты идёшь в ангар, берёшь мой

дестроер и улетаешь на нём с этой грёбаной планеты до ближайшей густонаселённой системы. Ставишь автопилот и возвращаешь истребитель мне. Потом ты заляжешь на дно — сменишь внешность по возможности, найдёшь себе неприметную работу и не будешь нигде засвечивать своё дурацкое имя. Как только на горизонте покажется кто-то знакомый — улетаешь к чёртовой матери снова и снова, пока не будешь относительно в безопасности. Ты меня понял?

Пустота слабо шевельнулась, как шевельнулись недавно погребённые под ней демоны. Сильвению прижал ключи к груди, как единственное имеющееся у него сейчас сокровище. Кто бы мог подумать, что даже тогда, когда он останется совсем один, кто-то из внешнего мира всё равно попробует его спасти. И кто ему сейчас предлагал спасение? Пират, убийца, один из его мучителей! Если бы он ещё мог чувствовать что-то в данный момент, то он был бы благодарен. Возможно, он бы даже ощутил к этому человеку симпатию, попытался бы посмотреть на него по-другому, простить его за всё прежде свершённое...

Но он лишь кивнул в третий раз и, как робот, направился к выходу из зала, ведущему к ангарам. Сайго Крэйен почему-то усмехнулся ему вслед.

— Никто не должен быть рабом. Запомни это, пацан.

Прошлое давило изнутри. Будущее — о нём думать не хотелось. На будущее ему было наплевать.

А в настоящем — в настоящем ему только что дали свободу, о которой он когда-то так мечтал и которая была ему теперь не нужна.

Символ мудрости; символ иллюзий.

Аргза скептически оглядел бар изнутри, намётанным глазом определяя и примерную цену выпивки, и значимость местного контингента. По всему выходило, что бар довольно-таки средненький, не совсем по его уровню, но, вообще-то, по большому счёту ему было всё равно, где развезься. Слишком редко он себе в последнее время это позволял.

— Ром, — бросил он коротко, лениво шлёпнув на стойку пару монет. — Не разбавлять.

Бармен безразлично кивнул, принимая плату, а вот официант, протиравший там же, за стойкой, стаканы, как-то странно вздрогнул при звуке голоса пирата. Аргза подозрительно на него глянул, но ничего интересного не обнаружил: обычный мерианец, работающий, скорее всего, за сущие гроши. Это была одна из тех рас, представителей которых люди нанимали в качестве дешёвой рабочей силы в те места, где посетителей бы не беспокоили, к примеру, тараканьи жвала на морде или щупальца вместо рук. Этот вот, попавшийся Аргзе на глаза, выглядел ещё более-менее прилично со своим толстым брюхом и бледно-розовой лысой головой неопределённой формы, похожей на желе.

— Чёрт, — процедил варвар, попробовав свой ром. — Так и знал, что пойло тут паршивое.

— Неудачный день? — невозмутимо поинтересовался бармен, привыкший уже, видимо, к тому, что клиенты по пьяни изливают ему душу.

— Неудачный год, — Аргза бросил на стол ещё три монеты, и бармен понятливо отдал ему всю бутылку вместо того, чтобы разливать по маленьким порциям. — Или полгода? Не знаю, он уже очень давно сбежал.

Мерианец слева от него снова вздрогнул — почти незаметно, но Аргза, приученный следить вокруг себя за каждым малейшим движением, всё равно уловил это секундное колебание. Ром кончался как-то слишком быстро, совершенно не улучшая настроения.

— Кто? — решил поддержать беседу бармен.

Аргза неопределённо мотнул головой: рассказывать в этой убогой забегаловке про своего сбежавшего раба как-то не хотелось. С другой стороны, он уже очень давно не выговаривался хоть кому-нибудь, и оттого смутно ощущал потребность в разговоре. Этот мальчишка, надо признать, его ужасно разбаловал своими извечными проповедями.

— Не твоё собачье дело.

Проклятье, ну и зачем он вспомнил?! Столько поисков — и всё впустую! Его люди уже начинали странно на него поглядывать, и это просто до невозможности бесило, тем не менее, разумеется, он не собирался останавливаться. Кого угодно он смог бы отпустить, будь тот достаточно удачливым, чтобы вот так же бесследно исчезнуть — кого угодно, но не этого... идиота. Только не его. Чтобы заглушить ненароком вызванный образ, Аргза опрокинул в себя остатки бутылки залпом и тут же заказал новую.

Позади кто-то громко, на весь бар, ругнулся — и сразу же громыхнуло об пол несколько стульев. Аргза обернулся через плечо. Как он и подозревал, тут намечалась хорошая драка. Его солдаты, уже изрядно навеселе (когда успели только?), собирались сцепиться со здешними заводилами. Аргза идею одобрил: ему и самому хотелось поразмяться. Не желая

ждать, пока они сами накалят обстановку до нужного градуса, он бросил куда-то допитую бутылку, не целясь. Это возымело нужный эффект — бутылка попала кому-то точно в лоб, и драка вспыхнула сама собой. С оглушительным рёвом бросились друг на друга и зачинщики, и до того мирно напивавшиеся посетители, с грохотом начали падать стулья и опрокидываться столы. Аргза, широко ухмыляясь, встал во весь рост, уже приметив себе подходящего крепкого противника.

Тут официант дёрнулся куда-то в сторону кухни, и Аргза, не раздумывая, резко схватил его за склизкую розовую руку. И только секунду спустя осознал, что именно заставило его сделать это: из-под удлинённого рукава у официанта виднелся дешёвый маскировочный браслет, который теперь ворчливо затрещал под его ладонью.

— Куда-то собрался? — спросил он хищно.

Тот испуганно отшатнулся. Аргза же окончательно уверился в своих догадках, поняв вдруг, что с самого начала настораживало в этом официанте. Не то чтобы он, Аргза Грэн, был таким уж знатоком других рас, но что-то подсказывало ему, что таких ярких голубых глаз у полуаморфных меринцев не бывает.

— Пустите, я... моя идти. Моя не любить драки...

Голос и акцент были чужие, а вот интонации — те же. Ох, пташка, не умеешь ты притворяться, так и не пытался бы! Аргза надавил на браслет сильнее — чужой облик замерцал и исчез, обнажив такое родное большеглазое бледное личико под шапкой пушистых синих волос. Правда, смотрел Лиам на него сейчас так, будто Аргза явился за ним в виде по меньшей мере посланника самого Сатаны, не иначе — столько безмолвного ужаса плескалось в знакомых глазах.

— Что, пташка, не ожидал, что я распознаю твою слабенькую маскировку?

В этот момент кто-то попытался ударить его по голове стулом (правда, слегка не дотянулся). Аргза, не выпуская своей добычи, развернулся к неудачливому нападавшему лицом, намереваясь как можно быстрее с ним разобраться. Боковым зрением он видел, как Лиам отчаянно затрепыхался, вырываясь с таким усердием, будто хотел вывернуть себе руку из сустава. Кажется, он даже начал что-то тихо, беспомощно скулить, словно попавшийся в капкан по дурости щенка.

— Прости, приятель, — усмехнулся Аргза, вырубая смельчака со стулом одним ударом. — Драка отме... чёрт!!!

Боль в руке была действительно острой, но вскрикнул он скорее от неожиданности. В немом изумлении уставившись на предавшую его конечность, пират обнаружил нож, торчащий в ладони ровно между большим и указательным пальцами его левой руки. Нож, который держал...

— Лиам? Что это только что было, твою мать?

От удивления он даже разжал раненую руку, хотя не сделал этого непосредственно в сам момент ранения. Да и не ранение это было, так, глубокая царапина, но сам факт того, что это сделал тот, от кого он меньше всего ожидал... Да и эрландеранец, похоже, сам был в не меньшем шоке, судя по расширившимся до каких-то ненормальных размеров глазам. Несколько секунд они просто глупо пялились друг на друга, пытаясь осознать случившееся, а потом Лиам отшвырнул нож — и опрометью кинулся к выходу. Аргза был так ошеломлён, что ещё какое-то время медлил, застыв в совершеннейшем ступоре.

— Держите его! — проорал он во всю глотку, опомнившись — кому как не ему было знать, как его Лиам умеет быстро бегать.

Сильвенио бежал, не разбирая дороги. Ему было попросту не до этого. Кажется, он в кого-то несколько раз врезался по пути, Аргза что-то кричал ему вслед, но он уже ничего не слышал и не видел: перед глазами маячила выступившая на руке варвара кровь, причиной которой стал он сам. Сильвенио бежал так быстро, будто бы хотел убежать от самого себя; нет, убежать от того человека, который вместо него схватился за нож в приступе паники. Чтобы этот человек не догнал его — и чтобы он не стал им, Сильвенио Антэ Лиамом. Потому что иначе придётся признать, что это действительно произошло, что это не галлюцинация и не вымысел, придётся разбираться с тем, *другим*, который встанет на его место в сознании. А он этого не хотел. Он этого боялся. Может быть, если он будет бежать с достаточной скоростью и прекратит наконец думать-думать-думать...

Поэтому, когда снаружи его схватили, он только начал вырываться сильнее. Он не мог остановиться, он не мог встретиться с самим собой, оставшимся в баре — и, видит Бог, он не мог вернуться на корабль Паука! Он не мог больше быть рабом, нет-нет-нет, никогда больше, почему они все пытаются заставить его сделать это, почему кому-то обязательно держать его в неволе? Столько усилий — все прахом! Он ведь правда пытался всего лишь построить нормальную жизнь, свободную жизнь! Нет, нет, он не мог, он не вернётся, они не заставят его, он должен бежать, потому что вместе с Аргзой его настигнет и *понимание*, а он этого не выдержит, он же умрёт, абсолютно точно умрёт, если остановится хоть на мгновение, если не сумеет обогнать и на этот раз само время, саму Судьбу!..

— ПОЖАЛУЙСТА!!! — завопил он во всю мощь лёгких, извиваясь в чьих-то руках.

Неужели они не понимают?! Неужели не видят идущего за ним по пятам облака чернильной Тьмы, неужели не чувствуют приближения его Смерти?!

— Отпустите меня!!! Пожалуйста!!! Отпустите! Отпустите! Отпустите меня! Отпустите Отпустите! Пожалуйста!!!

Он кричал и кричал, уже не слишком соображая смысл своих слов. Он умолял и, похоже, проклинал, он вырывался изо всех сил, но его лишь держали крепче.

— Вы разве не люди?! Разве нет в вас ничего человеческого?! — обращался он к безликим теням, ничего уже не различая сквозь слёзы. — Отпустите меня! Я же никому не делал зла, я не заслужил, я не хочу, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

К его мольбам, как и всегда, остались глухи. Пара рослых солдат скрутили ему за спину руки и заставили опуститься на колени, вдавив его лицом в землю. Уже понимая, что и в этот раз ему не спастись, он глухо завыл, и рыдания его очень быстро перешли в судорожный кашель, пока он задыхался в дорожной пыли.

Замолчал он только тогда, когда, защёлкнув на его ошейнике унизительную короткую цепь, подошедший Аргза вздёрнул его на ноги.

— С возвращением, блудная пташка, — азартно выдохнул варвар ему в лицо и, прерывая постепенно затихающие всхлипы, зло его поцеловал, до крови прокусив губу.

Только оказавшись в кабине управления, Аргза отпустил цепь, за которую волочил несопротивляющегося помощника, и уселся в капитанское кресло, так и лучась самодовольством. Пожалуй, впервые за прошедшие с побега этого мальчишки месяцы настроение пирата было настолько хорошим. После всех этих поисков, после столь затянувшейся охоты, после этих (в чём он, разумеется, никогда бы не признался) переживаний — после всего этого его Лиам наконец-то был снова с ним, снова под рукой и... и он вёл себя подозрительно тихо. Может быть, с наказанием стоило подождать? В конце концов, у них было теперь впереди ещё много времени, и спешить было ни к чему.

— Эй, — позвал Аргза с усмешкой, выводя судно с поверхности планеты. — Видишь, я же обещал, что найду тебя и верну — и вот ты здесь.

Лиам не ответил, почему-то уставившись куда-то в одну точку. Проследив за его взглядом, Аргза обнаружил, что смотрит тот на его наспех перемотанную руку. Должно быть, рана была глубже, чем показалось сначала, потому что повязка уже пропиталась кровью, но сухожилия задеты не были, палец отрезанным не оказался — и на том спасибо, так что он успел уже по пути забыть про эту царапину. Хотя, конечно, то, что нанёс её именно Лиам... это было довольно странно. Очень, очень странно. Неужели глупый птенец и в самом деле так сильно боялся к нему вернуться, что даже переборол свои дурацкие принципы?

— И ещё я обещал вправить тебе мозги. И это я тоже сделаю, как только придёшь в себя. Хотя, если начнёшь извиняться прямо сейчас, возможно, я ещё подумаю над смягчением твоего наказания.

Лиам по-прежнему не отвечал и всё так же пялился на его руку, будто бы не слыша, что к нему обращаются. Взгляд его Аргзе не понравился. Как назло, стоял эрландеранец далековато для того, чтобы его можно было притянуть к себе и получить доступ к желанному телу — Аргза пожалел, что бросил цепь слишком рано.

— И не забывай, что ты мне также должен за все эти ночи без тебя, — продолжил он уже более напряжённо. — Не то чтобы я воздерживался, но возместить моральный ущерб ты мне всё равно обязан. Я полагаю, мы можем заняться данным вопросом этим же вечером.

Сильвению смотрел на его руку, на первую рану, которую он нанёс другому человеку, и демоны внутри него, почуяв кровь, уже неистово рвались наружу. Спасительный кокон равнодушной Пустоты, прятаясь демонов под собой, сжимался и лопался, открывая жуткие гнойные язвы.

— Это ты виноват, — сказал он вдруг, неожиданно даже для самого себя. — Это всё ты виноват...

Аргза нахмурился.

— Что?

Найденный ответ показался Сильвению таким простым! Да-да, это бы всё объясняло, всё-всё, разве это не чудесно? Он должен был найти рациональное объяснение — и он его нашёл. Он ощутил прилив какой-то безумной радости, папахивающей истерикой.

— Это ты виноват! — повторил он громче, делая шаг вперёд. — Ты! Это всё ты, Аргза Грэн! Это ты меня похитил. Это из-за тебя я стал рабом. Из-за тебя был разлучён с родной планетой. Из-за тебя не смог следовать своему призванию. Ты сделал меня таким! Ты!

С каждым шагом, с каждым словом уверенность его в собственной правоте возрастала. Демоны внутри него заливались счастливым воем, барьеры рушились, границы стирались — зато мир обретал недостающую ему целостность. Он наконец нашёл того, кто виновен во всём, что с ним стало! Ну разве не чудесно? Это означало, что Судьба, которую он так часто корил, вовсе не виновата. Никто не виноват. Кроме Аргзы Грэна. Этот... этот варвар был воплощением Вселенской несправедливости! Он был ключевым фактором всех его бед! Да что — его, этот пират был ключевым фактором всех бед человечества! Всего мира! Да, точно, это же всё он, этот человек, Зло во плоти, правая рука самого Дьявола, он был послан в этот мир только для того, чтобы превратить его в полнейший хаос, чтобы сеять разрушения и смерть, чтобы заставить его, Сильвению, свернуть с истинного пути!

— Это всё ты! Только ты, только ты, Аргза Грэн! Это всё из-за тебя!

Он повторял это, как заведённый, он задыхался от накатившего вдруг гнева — гнева, захватившего его целиком и полностью. Как же долго он копил в себе этот гнев! Как мучительно долго не позволял себе этой опьяняющей свободы чувств! Как слеп и глух он был всё это время, подумать только!

— Лиам... — пират поднялся из кресла, но взгляд у него был скорее встревоженный, чем сердитый. — Тебе лучше успокоиться сейчас же.

Да какая разница, что этот ужасный человек там говорит! У Сильвенио полыхнула перед глазами алая пелена. В одно мгновение всё стало так прекрасно, так просто и легко: он знал, кто был всему причиной, и этого... эту личность следовало устранить. Да, устранить! Зачем бы Вселенной существование этой личности? Ведь она нарушает баланс. Гармонию. Аргза Грэн мешал всему доброму в этом мире, мешал больше, чем кто-либо. Сильвенио плавился в раскалённом пламени собственной ярости. У него отняли всё — всё! Абсолютно всё! Почему бы кому-то не заплатить за это? Демоны прогрызали себе ходы прямо сквозь его душу, терзали его сознание огненными когтями, даруя взамен такое приятное ощущение вседозволенности.

— Лиам. Послушай меня.

Он не хотел слушать. У него в кои-то веки было всё так просто, зачем опять усложнять? Всё гениальное — просто. Всё простое — гениально.

— Это из-за тебя!!! Ты должен умереть! Почему бы тебе просто не умереть? Ты не заслуживаешь жизни! А я — заслуживал, но ты отнял у меня и это право! Ты отнял у меня... так много! Почему бы тебе просто не умереть теперь?!

Он бросился на него, неумело, но яростно забил по нему кулаками — что, естественно, урона никакого не нанесло бы при всём желании. Он мог бы убить его одной лишь силой мысли, однако для этого надо было сосредоточиться, призвать свою истинную силу — а у него было так мало времени в запасе! Ведь враг стоял прямо перед ним, тот, кто виновен во всём, и он не мог больше тратить ни секунды на хождения вокруг да около, иначе эта адская тварь успеет разрушить ещё чью-нибудь жизнь!

— Лиам. Прекрати. Или мне придётся принять меры.

Почему бы всем Высшим Силам Вселенной не помочь ему просто убить этого человека? Сильвенио вкладывался в эти тщетные удары весь без остатка.

— Лиам. Я предупреждаю в последний раз, — Аргза перехватил его правую руку за тонкое запястье, накрыв и половину ладони.

Только теперь Сильвенио заметил, с каким беспокойством варвар на него смотрит, и благодаря этому демоны милостиво разрешили взять ему передышку. И только сейчас он обнаружил, как сильно его трясёт, словно в припадке. Да это и был самый настоящий припадок, если уж начистоту, но ведь... что он ещё мог сделать? Теперь-то? К тому же — к тому же Аргза держал его той самой рукой, которую Сильвенио ранил. Огненные твари взбесились с новой силой, красная дымка вновь укрыла его несчастный разум. Он заколотил свободной рукой по животу варвара.

— Умри!!! Просто умри!!! Тебя не должно существовать! Я ненавижу тебя! Умри, умри, умри!!!

Лицо Аргзы словно бы окаменело, глаза сделались совсем страшными из-за какого-то особого жестокого блеска, проявлявшегося у Аргзы в такие моменты. Чёрные зеркала, вспомнила какая-то часть сознания Сильвенио, продолжавшая зачем-то фиксировать происходящее. Чёрные бездушные зеркала, чёрные дыры, чёрные провалы во Тьму.

— Я предупредил, — заключил Аргза совершенно спокойно.

Сначала был звук, и звуком этим был ужасающе громкий хруст костей.

А потом, слегка запоздав, пришла и Боль.

Потом снова был звук: Сильвенио закричал, но ещё как-то слабо, словно бы не веря.

Боль никуда не делась. Он поражённо посмотрел на Аргзу, как будто пытаясь спросить, почему же Боль не уходит, почему не приходит ей на смену либо забвение, либо привычная анестезия. Аргза молча вернул ему взгляд и всё с тем же непроницаемым лицом сжал его руку сильнее. Хрупкие косточки в железной лапице варвара крошились, как сухие ветки, и при этом тот даже не напрягался.

Контроль включился так же запоздало, как и Боль.

И выключился.

Включился.

Выключился.

Включился.

Выключился. Может быть, мешал гнев? Надо сконцентрироваться, убрать лишние эмоции, надо...

Контроль больше не включался.

Тогда случился ещё один звук. Сильвенио закричал снова — тонко, пронзительно, поначалу тихо, а затем всё набирая по возрастающей обороты. Секунда, две, пять, десять — крик всё продолжался и продолжался, разносясь звонкой трелью по всему кораблю, просачиваясь во все отсеки и щели, ввинчиваясь в уши, простреливая сердце. Аргза, которому довольно быстро надоело это терпеть, потащил его за сломанную руку прочь из кабины, а Сильвенио всё кричал и кричал. Когда у него перехватило дыхание, он начал кричать снова. И снова. И снова, и снова. И снова — он кричал до тех пор, пока Аргза не зашвырнул его в самую дальнюю, самую тёмную пустую кладовую. Только тогда крик прекратился, а Аргза закрыл дверь кладовой на замок и ушёл.

...Узкая полоска света выхватила из темноты осунувшееся лицо с запёкшимися губами и блёклыми, пустыми глазами. Лиам лежал на боку, лицом к двери, и просто смотрел на свет, не щурясь. Убедившись, что он адекватен, Аргза открыл дверь шире и вошёл внутрь.

— Успокоился?

Прошло уже два дня с тех пор, как он бросил эрландеранца в эту кладовку, и сейчас, как он и надеялся, Лиам пока больше не выказывал никаких признаков недавнего срыва. При его приближении он приподнялся, опираясь на левую руку — правая покоилась возле его лица, согнутая в локте, и, похоже, Лиам старался ей лишний раз не шевелить, хотя в глазах его уже явственно читалось, что Контроль в итоге всё же подействовал.

— Да, сир. Прошу простить меня за моё неподобающее поведение, больше такого не повторится, — отозвался Лиам чуть слышно из-за сорванного голоса.

Это был тот самый тон, который Аргзе так сильно не нравился. Тем не менее, этот тон был лучше тона двухдневной давности, когда с Лиамом творилось что-то, описанию не поддающееся.

— Идём. По пути заглянешь к врачу, я всё-таки нанял нового. Потом придёшь в кабину.

Сильвенио без единого слова поднялся и пошёл за ним, автоматически держа сломанное запястье на весу.

Потом они молчали и у консоли. Аргза, сидя в своём кресле, проверял электронную почту, а Сильвенио, уже с перебинтованной рукой, проводил общую калибровку, как делал

всегда, когда не хотел разговаривать и в то же время не знал, чем себя занять. Бинт ему наложили особый: тонкий, как кожаная перчатка, он был ещё и твёрдый, как гипс, из-за акариновых вкраплений, а использованные наногены в нём способствовали скорейшему сращению сломанных костей. Аргза наблюдал за помощником краем глаза, уже понимая, что не будет ни наказания, ни "возмещения морального ущерба" — честно говоря, он вообще ни малейшего представления не имел, что с таким Лиамом можно сделать, чтобы тот не сорвался снова. А то ведь, глядишь, и с катушек съехать так может — недавняя истерика тому лучшее доказательство. Сейчас же, хоть Сильвенио и ничем не напоминал больше то неведомое кричащее существо, которое заменило тихого послушного мальчика в те минуты, Аргзе по-прежнему было не по себе от его вида: таким сломленным ему своего личного маленького телепата видеть ещё не приходилось ни разу. Даже тогда, после смерти Джерри, даже после их большой размолвки во времена незапланированного визита Конрада.

— Как ты? — спросил он мягко, осторожно тронув его за локоть.

Сильвенио не повернул головы в его сторону.

— Некорректная формулировка вопроса.

Аргза чертыхнулся и процедил уже более нервно:

— Отчёт о физическом и психическом состоянии.

Тот ответил не сразу, делая вид, что увлечён никому не нужной калибровкой. Аргза терпеливо ждал, внимательно следя за его лицом в надежде уловить хотя бы тень его прежнего Лиамы. Чтобы разобрать, что он говорит, требовалось сильно напрягать слух — удивительно, что после такого крика у него вообще остался хоть какой-то голос.

— Физическое состояние в норме, сир. Контроль и обезболивающие сделали тело нечувствительным, рука надёжно зафиксирована, доктор сказал, что полностью заживёт через две или две с половиной недели. Психическое же...

И замолчал. Аргза подождал ещё, но продолжения не последовало. Пришлось коснуться его снова, уже не так аккуратно. Сильвенио вздрогнул и закончил ещё тише:

— Психическое состояние... оставляет желать лучшего.

— Поцелуй меня.

Лиам бросил на него вопросительный взгляд. Вернее, то, что в принципе могло бы считаться именно вопросительным взглядом, а не каким-либо другим: на самом деле для того, чтобы увидеть хоть какое-то выражение в его потухших глазах, требовалась недюжинная фантазия. Что же с ним сделали такого ужасного там, "на воле"? Вряд ли это состояние было вызвано исключительно необходимостью возвращения к Пауку. Во всяком случае, Аргза предпочитал думать именно так. Что кто-то сломал его бедную пташку до него, а ему предстоит её починить.

— Поцелуй меня. Сейчас. Это приказ.

Он рассчитывал, что поцелуй скажет ему немного больше, чем неразговорчивый эрландеранец. Объяснять это вот такому Лиаму, изображающему из себя сейчас робота с севшей батареей, не хотелось. Сильвенио подошёл на шаг, наклонился...

Но целовать не стал.

— У меня к вам просьба, милорд, — сказал он вместо этого, глядя ему прямо в глаза.

Аргза удивлённо приподнял брови.

— Мм?

— Убейте меня.

Этого, надо признать, он уж точно не ожидал. Аргзе показалось, будто его ударили в

живот железной булавой в тонну весом. Целую минуту он не мог дышать, внезапно забыв, как это делается. Это было так странно, так, чёрт возьми, *больно*. Его Лиам, который всегда так любил жизнь, так за неё цеплялся, его Лиам, который всегда, всегда выживал, несмотря ни на что, его маленький Лиам, парадоксально казавшийся всегда таким удивительно сильным при всей своей внешней слабости — этот Лиам сейчас просил убить его. И кого он просил? Разве не знал этот чудак, как сильно Аргза оберегал его? Разве не знал, сколько нервов он потратил на его поиски? Разве он не знал, как сильно Аргза его...

— Убейте меня, — продолжил Сильвенио всё так же ровно, словно и не замечал совершенно растерянный взгляд варвара. — Пожалуйста. Я... у меня больше ничего нет. Ничего и никого. Я больше никогда не смогу вернуться на свою родину. Я не могу теперь даже думать об этом, после того... после того, что натворил. Я предал все заветы моего народа, более того — я и сам больше в эти заветы не верю. Я не верю больше ни во что. Я больше не знаю, для чего жить. Я не вижу ни единой причины продолжать существование. Но я... я слаб. Я боюсь делать это сам. Я не уверен, что у меня хватит воли... Поэтому я прошу вас. Вам же ничего не стоит. Убивать для вас — обычная привычка, такая же, как чистить зубы или что-то вроде того... Я прошу вас, выполните мою просьбу, если... если я дорог вам. Если вы цените то, что я для вас сделал за годы знакомства. Если вы хоть немного мне благодарны. Мне больше не к кому обратиться.

Это было ещё больнее. Да если бы он, Аргза, мог, то убил бы этого засранца прямо сейчас. Или нет: раньше. Намного раньше. Ещё до того момента, как этот мальчишка проник ему так прочно в кровь, в лёгкие, в мозг. В сердце. Он бы убил его до того, как ему зачем-то стало *не всё равно*. Если б он только мог. Наверное, в этом была какая-то очень злая ирония: Аргза Грэн мог убить любого человека, кроме одного никчёмного сопляка.

Он взял себя в руки, минутная слабость миновала. Дьявол, нельзя так распускаться.

— Назови ближайшую к нам необитаемую планету с пригодной для жизни атмосферой.

Сильвенио выпрямился и ещё какое-то время печально на него смотрел. То есть — действительно печально, на этот раз выражение его лица было вполне однозначным.

— Это значит "нет", сир?.. — потом печаль из взгляда ушла, и вернулось мёртвенное безразличие. — Кси-Браш-Лавир-Пять.

— Флора и фауна пригодны для обитания? Наличие съедобных растений, хищных животных? Посещаемость планеты туристами, колонизаторами?

— Да, пригодны. Растения есть, хищники крайне неагрессивны и малочисленны. Посещаемость практически нулевая: на планете практически нет полезных ископаемых, достопримечательности отсутствуют, планета является естественным заповедником, охраняемым законом Федерации.

— Хорошо. Подходит. Курс на Кси-Браш-Лавир-Пять.

Сильвенио ввёл нужные координаты, и вскоре они уже летели туда. За всё время полёта они не обмолвились между собой ни словом, и тяжёлая, гнетущая тишина давила на обоих, поскольку и сказать-то, собственно, им было друг другу уже нечего.

Как только они приземлились, Аргза подхватил так и волочащуюся за помощником цепь и потащил его наружу. Сильвенио, не сопротивляясь, механически переставлял ноги, смотря в землю. Очнулся он только тогда, когда Аргза вдруг отстегнул цепь и, всё так же молча, развернулся, собираясь идти обратно к кораблю, от которого они уже успели отойти на порядочное расстояние.

— Сир?.. — он неуверенно шагнул за ним, ничего не понимая.

— Нет. Ты остаёшься здесь.

Лиам за его спиной издал невнятный звук, напоминающий больше всего полузадушенный писк. Этот звук заставил Аргзу остановиться и обернуться, хотя это не входило в его нынешние планы. Лиам, дрожа, уцепился за его рукав, выглядя при этом так, словно сейчас заплачет. Каким же нестабильным он теперь стал в эмоциональном плане! У бедняги, похоже, совсем расшалились нервы.

— За что? — прошептал Сильвенио неверяще. — Если за то, как я себя вёл... я ведь извинился! Я больше не буду так... Не... не бросайте... не надо...

А вот это уже было определённо нечто новенькое. Выходит, теперь этот дурачок ещё и боялся оставаться один? Да, должно быть, он и самого себя уже боялся. Аргза заметил вдруг — только сейчас, когда появилась возможность по-настоящему внимательно его оглядеть — что в синеве волос эрландеранца прорезалась первая седина, и от этого у пирата что-то болезненно защемило внутри.

— Глупый, — вздохнул он и притянул его к себе, поглаживая по голове и спине. — Это не наказание. Это отпуск. Очевидно, что тебе просто необходим отдых. Ты ведь любишь природу, верно? Тебе должно стать лучше здесь. Я вернусь за тобой через месяц. Или раньше, если тебе что-то понадобится. Я починил твой маячок и немного его подкорректировал, так что теперь я найду тебя без проблем. Ничего не бойся, хорошо? Я прилечу по первому твоему зову.

Он ненавидел, когда голос его против воли начинал звучать так нехарактерно мягко, но ничего не мог с этим поделать. По-другому разговаривать с этим больным несчастным ребёнком просто не представлялось возможным. К тому же, это действительно возымело эффект: Сильвенио немного расслабился в его руках, перестал так испуганно дрожать, взгляд его стал чуть более осмысленным. Аргза, не сдержавшись, наклонился, припал закрытыми губами к синей макушке, уже не такой пушистой после пребывания в кладовке.

— Можешь уже меня отпустить, — напомнил он, отстраняясь сам.

Сильвенио тяжело сглотнул появившийся в горле ком и послушно отошёл на шаг, показывая, что согласен перетерпеть этот неожиданный-негаданный отпуск. Улетал Аргза в каком-то несвойственном ему смятении.

Месяц прошёл как в тумане: Аргза спал, ел, пил, грабил, заключал сделки — и вроде бы совершенно не думал о Сильвенио, ему не было посвящено ни одной конкретной мысли. В то же время сам образ Лиам почти непрерывно маячил где-то на фоне сознания, заставляя Паука не улетать далеко от Кси-Браша и крутиться поблизости. Лиам не позвал его ни разу, сигнал от маяка чинно оставался в пределах заповедника и не угасал, настроенный на жизненные показатели носителя ошейника. Всё было спокойно и хорошо — настолько, что хотелось побыстрее закончить с этим ожиданием.

Когда он вернулся на Кси-Браш, там было солнечно и почти жарко. Сигнал провёл Аргзу сначала через небольшую цветущую рощицу, затем — вдоль берега озера. Ещё прежде, чем тёмная точка на светлом песке преобразовалась в одинокий человеческий силуэт, Аргза убрал дисплей с сигналом, уже зная заранее, что не ошибся.

Сильвенио лежал на песке, обнажённый по пояс, и улыбался припекающему солнцу, закрыв от удовольствия глаза и раскинув руки в стороны. Бинт с правого запястья был уже размотан и вызывающе торчал из кармана расстеленной рядом рубашки, оставшейся ещё из памятного бара, где Лиам работал официантом. Аргза полюбовался открывшимся ему зрелищем какое-то время, не желая спугнуть очарование картины, а потом сел рядом и

хозяйски провёл ладонью от его живота до щеки.

— А если бы это был какой-нибудь посетитель этого чёртова заповедника, решивший коварно совратить вылезшую на берег невинную русалку? — поинтересовался он насмешливо, изо всех сил пытаясь сдержаться и не наброситься на эту "русалку" сейчас.

Тот потёрся о его ладонь щекой, как кот.

— Я знаю звук вашего корабля, сир, — отозвался Лиам тихо, открыв глаза и посмотрев прямо на него. — И я знаю ваши руки...

Его взгляд, его умиротворённая улыбка, его расслабленные движения — всё опять было абсолютно новым. Аргза всматривался в него, как мог, но так и не находил отголосков ни прежней затравленности, ни душераздирающего отчаяния. Очевидно было, что в Сильвенио снова произошёл резкий перелом — вот только теперь, вроде бы, перелом этот был в хорошую сторону. Возможно, его недавнее истерическое состояние было лишь неким переходным этапом, призванным завершиться именно так? Аргза мысленно похвалил себя: решение оставить Лиам наедине с природой и своими мыслями было, конечно, рискованным — но чертовски верным.

— Ты в порядке? — спросил он вслух, продолжая неосознанно гладить его лицо.

— Да, — Лиам сел, глаза его сверкнули в солнечном свете каким-то странным торжеством. — Я в полном порядке, сир. Благодарю вас за этот отпуск. Он пришёлся как нельзя кстати.

Аргза не стал подавать ему рубашку, только чтобы посмотреть, как тот тянется за ней, открывая взору пирата гибкую белую спину с налипшим на неё песком. Интересно, эти эрландеранцы вообще загореть не могут даже теоретически? Потом они вместе поднялись, и после того, как Сильвенио как следует отряхнулся и оделся, они вместе пошли к кораблю. Сильвенио по дороге блаженно шурился на солнце, а Аргза всё никак не мог оторвать глаз от его такой непривычной улыбки, являвшейся на этом печальном личике очень редкой гостьей.

— Я мучился первые дни, как попал сюда, — продолжил Лиам тем же ровным тоном. — Я был в совершенном раздрае. Я боялся спать, я плакал ночами от всего того, что на меня навалилось. Ещё и Контроль ослаб из-за эмоционального разлада, а действие выданных доктором обезболивающих закончилось, так что к боли душевной прибавилась ещё и боль в руке... — Аргза нахмурился было, решив, что этот маленький нахал собирается его упрекать, но последовавшее за этим продолжение его удивило. — А потом я кое-что понял. Знаете... просто сидел на траве, слушал ветер и шелест листвы, дышал ароматами цветов... и вдруг, среди всего этого, ко мне пришло понимание. Так что я теперь... снова имею смысл жизни. Я чётко осознаю, что должен делать теперь, и это прекрасно.

То, как он это сказал — это прозвучало неожиданно твёрдо. Аргза немного подождал, однако подробностей своего нового "смысла жизни" Сильвенио раскрывать пока, похоже, не собирался, и пират не стал его расспрашивать. Сам расскажет, если захочет. Главное — чтобы продолжал улыбаться вот так и ценил свою глупую жизнь.

— И больше не желаешь мне мучительной смерти? — поддел его Аргза вместо этого.

Сильвенио искоса глянул на него из-под ресниц, и улыбка его из спокойной стала на мгновение открытой и тёплой.

— Нет, милорд. Я искренне сожалею о том, что наговорил вам тогда. Я кое-что понял... относительно и вас тоже. Можно сказать, я пришёл к согласию с самим собой по всем вопросам. Включая вопрос об отношении к вам. У меня было много времени подумать.

До корабля они дошли как-то незаметно. Аргза остановился у трапа, повернулся к Лиаму, притянув его за руку — на всякий случай, за ту, которая не была сломана. Чтобы окончательно удостовериться в правильности своего решения, чтобы отбросить малейшие оставшиеся сомнения, оставалось сделать только одно.

— Поцелуй меня, пташка.

Лиам улыбнулся ещё радостнее. Протянул к нему руки, прося наклониться, сам привстал на цыпочки — и немного неловко прижался на секунду губами к уголку его рта. Скромненько, как всегда. Аргза усмехнулся и привычно чуть повернул голову, чтобы вовремя превратить поцелуй в более взрослый.

Вопрос, вернётся ли прежний Сильвенио когда-нибудь, Аргзу больше не волновал.

Всю следующую неделю Лиам вёл себя безупречно. Он явно стал более улыбчивым и спокойным, без малейших препирательств выполнял все приказы, не делал страдальческий вид, а на третью ночь, когда Аргза наконец решился снова привести его в спальню, не опасаясь ещё одного срыва — тогда Лиам не только не возражал, но и, казалось, был сам не против. Он ластился к нему, словно котёнок, соскучившийся без тепла, засыпал на его груди, прижимаясь всем своим гибким телом, долго слушал его ровный пульс перед сном и сам тянулся за поцелуями. Всё это было так замечательно, что Аргза даже как-то забывал спросить, что за приключения пережил его птенец до того, как он нашёл его в том баре, хотя узнать об этом, честно говоря, ему хотелось даже больше, чем о том, что же всё-таки заставило его так сильно перемениться во время отпуска.

Своеобразная исповедь случилась ровно на восьмой день, когда Сильвенио, стоявший у консоли, вдруг тихо вздохнул, словно бы решаясь на что-то, присел на подлокотник кресла Аргзы и ни с того ни с сего произнёс:

— Леди Хенна умерла.

Аргза сгрёб его за пояс, сваливая с подлокотника себе на колени, подождал, пока тот волей-неволей устроится поудобнее.

— Я знаю. Я организовывал её похороны.

Сильвенио смотрел куда-то в пространство и молчал. Тишина, повисшая в кабине, была для разнообразия уютной и какой-то даже домашней: будто семья собралась у камина после долгой разлуки, чтобы послушать о путешествиях друг друга. Лиам не улыбался больше — слова о прошедшем давались ему, как видно, пока что тяжело, но Аргза знал, что, когда он всё же расскажет обо всём, что его беспокоило, ему самому станет определённее легче. Это был последний груз, до сих пор висевший на душе Лиамы, и его следовало снять, чтобы он освободился от всего этого уже насовсем.

— Она была хорошим человеком.

Аргза прикрыл глаза, вспоминая эту невозможную женщину.

— Да. Это точно.

Сильвенио помолчал ещё, то ли отдавая дань памяти, то ли собираясь с мыслями. Когда он продолжил, лицо его напряглось — видимо, он переходил к самой трудной части.

— Она погибла на моих глазах. Я пытался помочь ей в битве против Клана Волка, но... ничего не смог сделать. Вмешались Близнецы, и я оказался бесполезен... Меня ранили на поле боя. Я очнулся на корабле Близнецов.

Ну, это проясняло довольно многое, если не всё: и его зашуганность, и страх одиночества, и крики, с которыми Лиам иногда просыпался среди ночи, и слишком раннюю седину в его волосах. Аргза был более чем наслышан о развлечениях Близнецов с их

пленниками. Крепче прижимая эрландеранца к себе, Аргза мысленно поставил себе пометку: убить грёбанных Близнецов, чего бы это ни стоило. Сколько бы сил, сколько бы лет ни пришлось на это потратить, он убьёт их, он будет убивать их долго, с особой жестокостью, мстя за каждый седой волосок Лиама, за каждый его крик. Должно быть, и тот самый сон тоже был их виной.

— Позже я заблокировал все воспоминания за тот период, оставив только сам миг первого пробуждения на их судне и то утро, когда мне удалось сбежать, усыпив их вместе со всем экипажем корабля... Но кое-какой осадок всё равно остался, и у меня ещё ни разу не возникало мысли открыть эти воспоминания заново, даже тогда, когда я хотел умереть, когда согласен был сойти с ума, только чтобы не... — он замолк, не окончив фразу, затем лицо его вновь немного разгладилось, закаменевшая было спина расслабленно обмякла. — Меня спас Мартин. Слава святой Эрлане, он оказался поблизости. Он привёз меня на Эль-Вират, помог справиться с... последствиями плена. Это он был тем, кто уговорил меня избавиться от тех воспоминаний. Он показал мне Парсивиреуорреной, где живёт народ леди Юнбы Шимей. Он помог мне восстановиться, показал, какой бывает мирная жизнь. Если бы не он... не знаю, что бы тогда со мной было. Боюсь это даже представлять.

— Ты любил его? — спросил Аргза, тщательно контролируя свои интонации, чтобы не спугнуть эту доверительную откровенность своей несвоевременной злостью.

— Да, любил, — Сильвенио поднял на него глаза и добавил после паузы: — Любил, как человека, а не то, что вы сейчас подумали. Мне было с ним... хорошо и спокойно. Я ему очень благодарен. Тем более, он потом тоже... умер. Умер, пытаясь меня в очередной раз спасти. Надеюсь, вы не станете ревновать меня к мёртвым?

— Надейся, — проворчал пират, успокаиваясь, но его не приняли всерьёз (и правильно).

Ещё одна минута молчания; время текло медленно, тягуче, и торопить его не хотелось. Взгляд Сильвенио чуть просветлел — похоже, все самые значимые и оттого самые трудные слова остались позади. Наверное, этот перелом, который Аргза наблюдал, произошёл в Сильвенио именно со смертью Люмена, потому и говорить ему стало после этого легче.

— Ещё до того, как Мартин погиб, меня похитили сэр Трокс и леди Мирта. Сэр Трокс меня... вроде как подарил ей. Дни у них были... бессодержательные.

Аргза поморщился: он очень хорошо мог представить себе, как Рыбка умеет выносить мозг. Откровенно говоря, они с Троксом вполне стоили друг друга — чудик, начитавшийся в детстве древних сказочек про благородных пиратов, и безмозглая дура, с годами нисколько не умнеющая.

— Потом на корабль сэра Трокса напали Стрелок и Ядовитый Рог. Сэр Трокс и леди Мирта телепортировали, оставив команду и меня. Команду всю вырезали под корень. Меня снова похитили. Кажется, они надеялись заполучить за меня выкуп от вас, но я не уверен, потому что Стрелок вскоре забросил эту затею... Я до сих пор не понимаю, что им было от меня нужно. Может быть, им действительно просто нравится издеваться над слабыми...

Аргза сделал ещё одну мысленную пометку: избавить Альянс от четырёх никчёмных предателей. Включая Льва и Рыбку. Всё равно они не слишком-то полезны. Хотя, конечно, Стрелка с Рогом он подозревал в склонности к предательству довольно давно.

— В любом случае, именно они способствовали гибели Мартина. После Стрелок захотел меня убить, но сэр Крэйен вовремя его отвлек и позже отпустил меня, одолжив свой истребитель, — в пометках добавилось: "Крэйена помиловать, убить быстро и безболезненно, в отличие от Стрелка". — Затем я скитался по планетам, укрывался от ваших

людей. Из-за вашего клейма на моём лице меня отовсюду гнали от греха подальше, я не мог найти себе работу или жильё, потому что никто не хотел рисковать: ваш знак и ваш нрав очень широко известны... В конце концов я набрёл на тот бар, где владелец брал на работу всех подряд, даже беглых рабов, и он же дал мне маскировочный браслет. Вот и всё. Теперь вы всё знаете.

Аргза задумчиво провёл ладонью по его спине, наблюдая, как тот машинально прогибается под лаской. Неудивительно, после такого-то "приключения".

— Мда. А ты у меня, оказывается, смелее многих, Лиам. Мало кто смог бы со всем этим справиться. Я тобой горжусь, честно.

Руки Сильвенио легли ему на плечи, синие глаза смотрели с надеждой, с доверием.

— Да, это всё было очень... утомительно. Поэтому я хотел попросить вас... — Аргза напрягся, помня, чем закончилась предыдущая такая просьба, однако Лиаму вновь удалось его удивить: — Не мучайте меня больше, ладно? Не бейте, не... не ломайте мне конечности, не унижайте. Это всё, чего я прошу. Я не буду пытаться сбежать, я буду слушаться... по возможности. Я буду с вами приветлив, буду должным образом оценивать ваше ко мне внимание. Взамен же я прошу лишь немного покоя.

"Должным образом", хм? Так вот откуда такая внезапная инициативность в отношениях! Значит, таким способом этот хитрец намерен себя обезопасить? Ну что ж, пусть так. Вряд ли бы он пошёл на это, если бы ему было так уж это неприятно, верно?..

— Ладно, — Аргза с ухмылкой пробежался пальцами по его голове, несильно сжав волосы на затылке. — Но только если ты скажешь сейчас, что скучал по мне.

— Вы же знаете, я не могу лгать...

— А что? — Аргза дразняще поймал его дыхание своими губами. — Разве это будет враньём? Неужели ты совсем не скучал по мне, пташка?

Сильвенио посмотрел на него в упор, очень серьёзно, полностью напомнив наконец прежнего себя. Пальцы его на плечах варвара неуверенно сжались, комкая перья шубы.

— Я... я не знаю. Как я уже говорил, я много думал обо всём этом и... и пришёл к выводу... что вы — меньшее из всех возможных зол.

— Меньшее из зол? Глупый мой, неужели ты ещё не понял? Я — лучшее из того, что могло с тобой случиться, дурачок!

Сильвенио, видимо, хотел что-то робко возразить, но Аргза не позволил ему, прижав большой палец к его губам. Хватит споров, настала его очередь говорить. Сейчас пришло его время высказать всё то, до чего этот юный гений должен был додуматься сам уже давно и по каким-то причинам не сделал этого. В самом деле, неужели это не очевидно, неужели он не мог прочитать это в его мыслях? Ведь всё было так просто!

— Глупый, — повторил Аргза с уже нескрываемой нежностью, и глаза его потемнели, наполненные лихорадочным мутным блеском. — Глупый мой. Умный, но глупый, надо же. Я твоя судьба. Я твоя лучшая участь. Где бы ты был, если бы не я? Загнивал бы на своей захолустной планетке, окружённый этими радостными хиппи, не знающий настоящей жизни. Ты был бы одинок, у тебя не было бы никого, кроме твоих дурацких книжек, и никто бы не защищал тебя, хлипкого, от всего злого и страшного. А я — я брошу мир к твоим ногам, со всеми его загадками и тайнами, которые ты так любишь. Я клянусь тебе: я сниму с тебя ошейник, как только достигну грёбаного Сердца Вселенной, и подарю тебе половину своей власти. Ровно половину Вселенной, где ты будешь править, где ты будешь волен делать всё, что тебе вздумается. Ты можешь устроить там тотальный пацифизм, можешь присвоить

себе все библиотеки мира, можешь исполнять все свои мечты; а я буду рядом, буду твоей опорой и защитой, я буду заботиться о тебе, моя пташка, чтобы больше никто и никогда не смог сделать тебе больно. Я обещаю тебе, что мы будем на равных, на равных друг с другом — и выше всех остальных, выше кого бы то ни было в этом мире. Ты больше никогда не будешь страдать.

Закончив, он перевёл дыхание и убрал руку от рта Лиама, ожидая, что он скажет. Впрочем, это было уже и неважно: Аргза решил уже за него и за себя, как всё будет, и он собирался выполнить это решение, несмотря ни на что. Даже если этот глупыш будет поначалу против — потом-то ему всё равно понравится. Он оценит, он увидит, как Аргза старается для него, он перестанет относиться к нему как к "меньшему из зол", он поймёт.

Сильвенио смотрел на него так, будто увидел впервые в жизни. Несколько раз он открывал и закрывал рот, словно бы намереваясь что-то сказать и не находя слов — или словно бы у него вдруг перестало хватать дыхания. Наконец он спросил слабо:

— Почему вы не... не соглашались снять ошейник раньше?

Аргза усмехнулся: вопрос — не возражение. Значит, он и в самом деле не против.

— У этого ошейника нет ключа, Лиам, и это его единственный изъян. Я не мог бы снять его при всём желании. Поэтому я загадаю это желание первым, когда найду Сердце: избавить тебя от ошейника.

— Тогда... почему вы не сказали мне об этом? Почему вы никогда раньше не говорили мне всех этих вещей? Если бы я знал, что вы ищете Сердце... и собираетесь сделать всё это... если бы я знал, то, возможно, я бы...

— Ты бы что?

Лиам на мгновение опустил взгляд, смутившись.

— Я бы не сопротивлялся вам так сильно и так долго.

Смотри-ка, а говорил, что врать не умеет. Умная букашка, хитрая букашка. Аргза покачал головой и откинулся на спинку кресла, утягивая Лиама за собой.

— Видишь ли, я и не собирался делать этого. Найти Сердце — да, это мой давний замысел, всё как-то времени и возможности не было вплотную этим заняться, однако это всегда было в моих планах. Это — но не ты. Изначально я планировал, получив от Сердца всемогущество, оставить тебя возле себя. В качестве наложника. Надо сказать, перспектива эта до сих пор кажется довольно заманчивой... Но потом я передумал. Теперь я думаю, что мне не жаль для тебя половины Вселенной, а то ведь заскучаешь ещё, пока я буду вершить всякие там великие дела.

Сильвенио смотрел на него долго, изучающе, испытующе даже. Казалось, он тщательно взвешивает все аргументы "за" и "против", размышляет над возможными вариантами событий, определяет, насколько Аргза с ним честен сейчас.

— Вы... вы и правда очень жестокий человек, — заключил он в итоге, а затем вдруг улыбнулся с небывалым облегчением и уткнулся лицом ему в шею, обнимая крепко-крепко. — Но я устал бороться, и потому я... покоряюсь вашей воле.

Ошейник ревниво поблёскивал на его горле.

— Так, и куда теперь?

Сильвению задумчиво оглядел открывшуюся им огромную древнюю библиотеку. Взгляд его сразу же мечтательно затуманился, выдавая неподдельное благоговение. Аргза отрезвил его лёгким подзатыльником:

— Нет, Лиам, мы не будем задерживаться здесь дольше необходимого. Можешь вынести несколько книг позже, но только после того, как мы найдём то, за чем пришли.

— Да, я знаю, просто... Жаль, что такое великолепие пропадает зря. Вряд ли у меня получится что-либо вынести после того, как мы найдём искомое: в некоторых источниках присутствовали довольно прозрачные намёки на то, что этот храм разрушится, лишившись главной ценности. А это означает, что после нашего ухода, скорее всего, всё это богатство будет навеки погребено...

— Не очень-то большая потеря для человечества, учитывая, что сюда вообще навряд ли заходил кто-либо последние пару веков, — проворчал Аргза, вспоминая, каких трудностей им стоило сюда добраться.

Теперь, имея вдохновляющую Сильвению цель, варвар смог по-настоящему оценить поисковые возможности своего помощника. Тот скрупулёзно собирал отрывочные сведения из сети, вызывал в бездонной памяти почерпнутые когда-то случайные крупницы информации — и вот, спустя всего лишь пару недель после возвращения Лиама из отпуска, они уже здесь, в храме, затерянном среди джунглей едва ли обитаемой планеты Ури, в найденной спустя одиннадцать коротких лабиринтов библиотеке, неизвестно кем собранной. Согласно уверениям Лиама, здесь находилась нужная им книга, которая якобы должна указать путь и к Священному Семицвету, призванному служить ключом к тайне, и к непосредственно самому Сердцу. Аргза не спорил и не сомневался: Сильвению и его способностям он всё ещё безмерно доверял.

— Может быть, я что-то упустил? Наверное, должно быть какое-нибудь простое заклинание или что-то в этом роде, чтобы книга сама отозвалась?..

Аргза с подозрением покосился на своего личного умника: у него возникло стойкое ощущение, что тот просто хочет потянуть время, дабы иметь возможность просмотреть как можно больше древних фолиантов прежде, чем храм уйдёт в небытие. Честное слово, если когда-нибудь у этого книжного червя и вправду будет своя библиотека, придётся вытаскивать его оттуда силком. Аргза хорошо представлял себе это: наркоманские, одуревшие от чтения глаза Лиама и "ещё пятьсот страничек, ну пожалуйста".

— Скальпа три принёс охотник, начал их перечислять, — пробормотал варвар себе под нос. — Балагур, бездельник, плотник. Чей бы завтра скальп содрать? Раз-два-три, один-три-два — твоя слетит с плеч голова.

С этими словами он наугад указал на ближайший стеллаж:

— Начнём оттуда.

Сильвению глянул на него с искренним любопытством. Хм, а раньше бы это было бы выражение укоризны или ужаса после такой весёлой считалочки.

— Что это было, сир?

— Не обращай внимания, всего лишь национальный фольклор Архагла. Чем только не баловались в детстве с ровесниками.

— У вас даже детские считалочки кровожадные, да? Не хотел бы я побывать на вашей планете... Нам в другую сторону, сир, вот сюда.

— Откуда знаешь?

Тот даже не подумал смутиться и невозмутимо направился к другому стеллажу.

— Просто знаю... Там должна быть книга корешком внутрь.

А ведь действительно изменился, зараза. Стал как-то увереннее, наглее даже. Особенно получив-таки от Аргзы обещание "не мучить больше". Похоже, он всю наслаждался своей нынешней безнаказанностью. Было это хорошо или плохо, Аргза пока не решил, но благодушно прощал ему абсолютно всё — счастливый Лиам нравился ему определённо больше Лиама забитого и печального.

Корешком внутрь желтела страницами на указанном стеллаже только одна-единственная книга — оставалось лишь подивиться аккуратности бывших владельцев этого хранилища. Зато располагалась эта самая книга на высоте примерно в пять человеческих ростов, так что даже Аргза не мог её достать. Лестницы поблизости не наблюдалось, но полки ближе к цели вроде бы становились немного шире. Аргза окинул Сильвенио оценивающим взглядом.

— Если подсажу, сможешь залезть?

— Да, наверное, смогу... Вы же поймаете меня, если я упаду?

Вот наглый, в самом-то деле.

— Нет, не поймаю, дам тебе разбиться об пол. Не задавай глупых вопросов и забирайся.

Вес Сильвенио — сначала на ладонях, которыми он воспользовался в качестве ступеней, затем и на плечах — практически не ощущался, до того он был лёгким. Кости у него полые, что ли, как у настоящего птенца?

— Какого хрена ты такая пушинка, Лиам? Опять недоедаешь?

Сильвенио, стоящий коленями на его плечах и обхвативший для равновесия его голову руками, рассеянно ответил что-то о том, что — нет, он ест достаточно, его вес в пределах нормы для эрландеранцев. Затем он кое-как перебрался коленями же на ближайшую полку, пока не решаясь вставать на ней в полный рост. Аргза пару секунд бездумно пялился на его босые ступни, застывшие как раз напротив его лица — обувь Лиам вежливо снял, прежде чем залезть на варвара. Ступни эти, белые и узкие, какие-то слишком миниатюрные для его роста, так и манили взгляд, дразнили своей близостью и удивительной после такого путешествия чистотой. Так что — Аргза, не выдержав, уткнулся в эти ступни лицом и глухо заворчал, как обозначающий свою добычу зверь.

— Сир?..

Аргза потёрся о них носом и лбом; невнятное ворчание преобразовалось в практически мурлыканье.

— Моё, — произнёс он в высшей степени довольно. — Всё моё.

Присвоенные ноги пошевелились, маленькие пальчики на них смешно поджались, развеселив пирата ещё больше.

— Ваше, — отозвались сверху с приятной теплотой в голосе. — Всё ваше, сир, но не могли бы вы... продемонстрировать это как-нибудь в другой раз? Мне щекотно, и я вот-вот упаду, а вы сказали, что не будете меня ловить.

Аргза со смешком отстранился, и ноги (вместе с их истинным обладателем) полезли дальше.

— Это был сарказм, к твоему сведению.

— Я знаю, милорд. Я пошутил.

Когда этот зануда научился шутить? Впрочем, если он всегда шутил таким серьёзным

тоном, то, вполне возможно, Аргза мог этого и не замечать. Пират наблюдал за тем, как Лиам ловко карабкался по полкам до нужной высоты, словно заправский альпинист, а затем тот ненадолго завис, чтобы удостовериться в правильности выбора книги.

Как только Лиам вытащил книгу с полки, храм угрожающе дрогнул от макушки до основания. Между стеллажом и остальным помещением библиотеки пролегла, подняв в воздух облака каменной пыли, широкая трещина в полу, которая, судя по беспроглядно-чёрной глубине, вела едва ли не под кору планеты. Аргза на ногах стоял крепко, потому лишь легко пошатнулся, тут же вернув себе равновесие, а вот Сильвенио, чуть не полетевший прямо в расщелину, судорожно вцепился в полку, одной рукой уже неосознанно прижимая к себе толстенный ветхий фолиант.

— Храм начал рушиться раньше, чем мы ожидали, — заключил он удручённо, вжав голову в плечи при повторном толчке.

Грохот раздался в третий раз, и пол начал осыпаться в расширяющуюся посекундно трещину. Стены малодушно поползли вниз и в стороны, словно бы решив отдохнуть за тысячелетия непрерывной службы. Следуя их примеру, высокий потолок начал плеваться каменными обломками разной величины.

— Лиам, прыгай!

Сильвенио испуганно воззрился на него сверху, лишь крепче вцепившись и в полку, и в книгу одновременно. Кажется, после Данара, где ему пришлось "полетать" в виде кота над водяной пропастью, он начал изрядно бояться высоты. Аргза раздражённо выругался про себя — времени уговаривать этого трусишку не было: храм трещал по швам.

— Прыгай, я сказал! Я тебя поймаю, ну же! Иди ко мне!

Стеллаж, на котором повис Лиам, начал неумолимо крениться в сторону расщелины.

— Лиам, чёрт тебя подери! Ты мне доверяешь?

Этот вопрос они тоже уже проходили. Тогда, на Данаре, ответ был отрицательный, что немудрено. Сейчас — сейчас целое бесконечное мгновение Сильвенио только беспомощно хлопал глазами, собираясь с духом. А потом выкрикнул с неожиданной решимостью:

— Да! Доверяю! — и вместе с книгой сиганул вниз, зажмурившись от страха.

Он приземлился точно на вовремя подставленные руки варвара. И он так хорошо умещался в его руках, так комфортно ему было в этот момент и так безопасно, что обоим в этот момент вдруг показалось, будто только для того и созданы были эти руки, чтобы всю жизнь таскать легковесного эрландеранца и спасти его от любой беды.

Застывшие секунды бездумного созерцания друг друга были прерваны новым грохотом. Очнувшись, Аргза перехватил свою драгоценную ношу поудобнее и бегом кинулся к выходу. Храм проваливался под землю, неотступно преследуя пирата кусками потолка и отвесно падающими стенами, лабиринты крушились один за другим, превращаясь в бесформенное каменное месиво, пол уходил из-под ног, путь самопроизвольно менял направление, а спасительный выход мелькал то там, то тут, окончательно запутывая. Сильвенио, однако, Аргза опустить и не подумал.

Как-то совершенно внезапно вынырнув из всего этого хаоса на свежий воздух, Аргза тут же бросился на землю, подгоняемый интуитивном порывом. И точно: вслед за этим храм рухнул окончательно, обдав близлежащую местность целым градом обломков. Немалый поток их достался и спине варвара, и вместе с непредставимым громыханием камнепада это на минуту или больше ввело варвара в подобие кратковременного транса, заставившего его инстинктивно замереть в неподвижности, закрывая голову.

Когда всё наконец-то затихло, откуда-то из-под Аргзы раздался протестующий тихий хрип:

— Сир... я благодарен вам за защиту, но... мне кажется, моя грудная клетка сейчас вдавится в позвоночник... не могли бы вы...

Он не отреагировал поначалу, и хрип стал совсем уж отчаянным:

— Сир!.. Воздух!.. Пожалуйста!..

Вспомнив о Лиаме, Аргза с усилием приподнялся на локтях, приходя в себя. Сильвенио, плотно прижатый его телом к земле, тут же с облегчением задышал, как только получил немного пространства. Потом заизвивался, как ужонок, и шустро выполз из-под него. Аргза поднялся на ноги следом, мельком оглядывая помощника на предмет повреждений. Вроде бы, от основной опасности его удалось уберечь — тот получил разве что пару ссадин. Меньше всех пострадала треклятая книга, которую Сильвенио так и продолжал трепетно прижимать к себе и которая десятком секунд раньше больно впивалась в грудь Аргзы острыми уголками. Аргза вздохнул: у кого какие ценности, что называется.

Храм остался позади, обвалившийся вовнутрь и почему-то не утянувшийся в подземное царство ни метра от прилегающих к нему территорий.

— В порядке?

Сильвенио — весь пыльный и чумазый, с счастливо блестящими на испачканном землёй лице яркими глазами — жизнерадостно ему улыбнулся в ответ.

— Да! Я в порядке, спасибо вам. И я спас книгу! Я не потерял по пути ни странички!

У кого какие ценности, опять же.

Позже, уже вернувшись на корабль и приняв душ (Лиаме для этого пришлось отлеплять от книги насильно, как Аргза и предполагал), они сидели в кабине управления и листали добытый таким трудом фолиант. Вернее, листал Сильвенио, ничтоже сумняшеся занявший без разрешения капитанское кресло, а Аргза стоял рядом, опираясь о спинку кресла, и слушал тихое восторженное бормотание эрландеранца.

— Это... это просто потрясающе, сир! Как кому-то пришло в голову уместить всего в одну книгу столько знаний? Даже чьи-то заметки на полях... Смотрите: вот явная отсылка к знаменитой Книге Тысяче Пророчеств, где собраны только самые значимые предсказания мира разных эпох... А это... это же схематичное изображение первого из Осколков Священного Семицвета! И наверняка тут есть ещё какие-нибудь секретные подсказки вроде невидимых чернил и потайных страниц... Сколько же этой книге времени? Она кажется такой старой, что я боюсь повредить страницы неосторожным прикосновением! Нам нужно отсканировать её, пожалуй, хотя оригинал всё равно понадобится, безусловно... Святая Эрлана, я так взволнован! Это же настоящее сокровище, сир! Это... это... непостижимо! Это просто...

В этот момент Сильвенио повернул голову, дабы, видимо, поделиться своим восторгом с пиратом. Лицо Аргзы оказалось как-то неожиданно близко, и слова сами собой застряли на кончике языка, так и оставшись произнесёнными. Сильвенио застыл, пойманный тёмными глазами напротив, а потом взгляд его произвольно упал на губы пирата, и его щёки почему-то порозовели. Аргза наблюдал за всеми этими метаморфозами с самодовольной ухмылкой, не предпринимая никаких действий. Сильвенио, сгорая от охватившего его вдруг неясного напряжения, просяще посмотрел на варвара, не понимая, почему тот ничего не сделает с этим.

— Ну уж нет, — Аргза ухмыльнулся шире, будто нарочно накаляя воздух между ними

своим дыханием. — Если чего-то хочешь — говори словами.

В слова желание оформилось легче, чем Сильвению думал, но он вовремя перевернул эти слова так, чтобы они прозвучали ненавязчивым вопросом вместо предложения:

— А вы не... вам не хочется меня поцеловать?

Аргза хмыкнул: очевидно, он надеялся на более конкретную формулировку. Внимание, однако, он заострять на этом не стал, и Сильвению был ему за это благодарен.

— Что ж, меня дважды просить не надо.

Потом были дни суеты и беготни, дни суматошных метаний из одной галактики в другую — хорошо хоть, Сильвению сразу предупредил, что чем ближе они будут к цели, тем большим количеством топлива надо заранее запастись. Вообще-то, это было почти что весело — по крайней мере, скучать не приходилось уж точно: Аргза был занят в основном ликвидацией всех несогласных с их намерениями присвоить себе ту или иную часть Священного Семицвета, уничтожением всякого рода препятствий, возникающих на пути (как то: убирать с дороги гигантские валуны, ломать двери, обезвреживать попадающиеся древние ловушки, прорезживать путь сквозь плотоядные джунгли или устраивать штурм исторических музеев и храмов), а затем — и переоборудованием корабля для предстоящего путешествия. Сильвению же занимался исключительно умственной работой, чему, естественно, был несказанно рад. Он только и делал, что разгадывал всевозможные головоломки, которые могли бы теоретически подтолкнуть их в нужном направлении поисков, штудировал свою бесценную книгу с указаниями, забывал про еду и сон (Аргза оттаскивал его в каюту уже спящим), зависал в интернете на сайтах разнообразных архивов данных и внимательнейшим образом изучал каждый уже добытый Осколок.

Всё, что Аргза вынес для себя познавательного — так это то, что все древние, видимо, обожали число семь, потому что в конечном итоге в плане значилось ровно семь семёрок. Семь Осколков Семицвета (который и в самом деле оказался этакой отвратительно-радужной мозаичной картой из плоских кусков семи разных форм), собранные в семи разных частях мира, и откуда-то Лиам вытащил информацию про "семьсот семьдесят семь чёрных дыр", которые им вроде бы нужно преодолеть для того, чтобы попасть к Сердцу "кратчайшим путём". Аргза, услышав эту цифру, тихо присвистнул и покачал головой — ему этот путь "кратчайшим" совсем не показался.

— Но я могу это сделать, — настаивал Сильвению с необычайным упорством. — Я могу рассчитать координаты ближайших чёрных дыр и проложить пространственный коридор с использованием гипер-прыжков между ними так, чтобы из одной точки сразу же попадать в другую. А в книге сказано, что Семицвет, собранный воедино, должен максимально защитить корабль от их сверхгравитации. Я думаю, его нужно присоединить к кораблю. Лучше где-нибудь в центре, чтобы его свойства распределялись равномерно.

Понятное дело, что у Аргзы имелись веские основания сомневаться в успехе этой кампании, потому что — ну, он, конечно, был непобедимым Пауком, никогда не отступавшим перед трудностями, но всё-таки семьсот семьдесят семь чёрных дыр?..

— Вы говорили, что не сомневаетесь в моих способностях, — напомнил этот несносный надоеда, видя его скептический настрой. — Я знаю, это выглядит чистой фантастикой, но на самом деле всё очень точно выверено. Мы в любом случае должны рискнуть, разве нет?

И, добивая, Лиам изобразил тот самый взгляд, который всегда безотказно пресекал любые аргументы варвара:

— Пожалуйста, сир. Это наш единственный шанс. Если мы не используем этот рискованный метод, то до Сердца придётся добираться целые годы. Даже десятилетия. Дольше, чем... чем до Эрланы. Гораздо дольше.

— А ты куда-то спешишь, пташка?

Лиам тогда как-то смазанно ответил, что конкретно никуда не торопится, просто хочет поскорее прикоснуться к самой захватывающей тайне, и больше они к этой теме не возвращались. Отказываться от затеи, однако, Аргза не стал — может быть, потому, что и сам не любил долгих ожиданий, предпочитая рискнуть всем и сразу, но — быстро.

В результате, укрепив судно всеми возможными способами и вживив Семицвет в обшивку где-то по центру, закупив топлива на три года вперёд (старуха Крига за свой чудесный топливный порошок забрала без малого пять жизней рабочих, на что обычно расстраивавшийся по такому поводу Сильвенио не обратил в запале внимания) и заставив Лиама в который раз перепроверить все имеющиеся данные, Аргза наконец решил, что он готов к предстоящей аванюре чуть более чем полностью — и отдал приказ отбывать.

— Я поставлю автопилот, — сообщил Сильвенио, прежде чем они отправились к первой точке своего пути. — Расчёты показали, что двигаться нужно непрерывно, ни в коем случае не сходя с траектории коридора, иначе энергии перехода может не хватить, и тогда мы застрянем навечно между двумя чёрными дырами, пока одна из них не затянет нас или пока нас не разнесёт на атомы с двух полюсов... То есть, войдя в начало туннеля, мы сможем выйти только после того, как кончатся все чёрные дыры, но это должно произойти быстро, учитывая, что нас будут тянуть одновременно силы гравитации и энергия скачка. Если... если корабль всё-таки не выдержит, то мы...

— То мы ничего не сможем предпринять "по дороге", пит-стоп не предусмотрен в межкосмическом пространстве, я понял, — Аргза раздражённо кивнул на консоль. — Ты прекрасно знаешь, что меня невозможно напугать чем-то подобным. Вперёд, запускай свой коридор. Мне не терпится покончить с этим.

Сильвенио послушно занял место возле консоли, производя самые последние настройки. Нудным механическим голосом в кабине сообщилось о включении автопилота и запуска гипер-скачка, а потом, присоединяясь к этому голосу, тихо пискнул радар.

— А? Сир, кто-то сел нам на хвост. Понятия не имею, как они могли подойти незамеченными так близко, чтобы... о нет... Нет, только не это...

Аргза кинул в его сторону быстрый взгляд, насторожившись. Сильвенио дрожал, зябко обхватив себя за плечи руками, и панически смотрел на экран.

— Что там?

Тот не отозвался.

— Лиам?

Сильвенио повернулся к нему, вроде бы начиная приходить в себя понемногу.

— Близнецы, — сказал он, справившись с собой. — Прямо за нами.

Аргза, предвкушающе оскалившись, бросился к панели управления, дабы остановить запущенный уже скачок и разобраться раз и навсегда с этими двумя опасными психами. К его удивлению, Лиам преградил ему путь, уже полностью успокоившись внешне.

— Нет, сир, это неразумно — завязывать бой сейчас. Если они повредят обшивку, то мы не сможем пройти через коридор. Они... они не смогут проследовать за нами без артефакта. Проще позволить им попытаться.

Говорил он и в самом деле спокойно, но Аргза, приученный читать не слова его, а

подавляемые на дне глаз эмоции, мигом распознал, какой ужас в действительности испытывает его помощник от возможной встречи со своими мучителями. Варвар притянул его к себе и обнял, свободной рукой глядя по волосам.

— Ладно, — согласился Аргза. — Как скажешь. Пусть их разнесёт сверхгравитация дыр, я разве против? Не бойся. Ты ведь помнишь, что теперь ты в безопасности? Ты со мной. И я никому тебя не отдам. Я обещаю тебе, что не дам тебе снова попасть к ним в руки. Что бы они ни сделали, они уже подписали себе приговор, и я не позволю им даже коснуться тебя вновь. Ты меня понял?

Некоторое время Лиам сопел ему в грудь, прижимаясь холодным лбом, и это было до одурения приятно: как будто он чувствовал себя наконец по-настоящему защищённым в его руках. Близнецы ничего не предпринимали, очевидно, собираясь войти в скачок вместе с ними, радар уныло попискивал, оповещая, что чужое судно по-прежнему находится в нежелательной близости от них, автопилот отсчитывал секунды до прыжка.

— Ты готов? — спросил Аргза, чувствуя, что сейчас всё начнётся.

— Да, — Сильвенио улыбнулся. — И вы тоже.

Это был уже не вопрос — утверждение. Аргза ещё раз потрепал его по волосам и тут же, не отстраняясь, склонился для поцелуя.

И тогда Коридор открылся.

Лучше бы, конечно, было заранее пристегнуться, потому что корабль сорвался с места с такой скоростью, что их чуть не расплющило об двери кабины, но Аргза вовремя ухватился за прикрученное к полу кресло — правда, едва не вырвав его, что называется, с мясом. Их всё-таки отбросило в итоге к стене, только несколько мягче, гарантированно оставив у Аргзы синяк на плече. Звёзды, планеты и астероиды — всё снаружи мгновенно пришло в движение, закрутилось, завертелось, вспыхнуло и погасло миллионы раз, смазываясь в одну сплошную сияющую полосу; а двое на корабле не разрывали поцелуя, и Аргза мог поклясться, что слышал сквозь этот поцелуй счастливый смех Лиама, бережённого в его объятиях от столкновений со стенами и дверью. Страхи и тревоги, подозрения и сомнения, все сожаления, все колебания, все предубеждения — всё это выдувало неощутимым встречным ветром, развеив пеплом прошлого где-то далеко позади. Ничего больше не имело значения: всё было только для этого дня, для этого момента, и Аргза почувствовал себя вновь помолодевшим на пару-тройку десятков лет — тем безбашенным почти-юнцом, лишённым и абсорбированной позже Конрадовой серьёзности, и собственного жизненного опыта — кем он был когда-то так досадно давно.

Мимолётная лёгкая боль в нижней губе заставила Аргзу отпрянуть от неожиданности и с неподдельным изумлением воззреться на Сильвенио.

— У меня галлюцинации или ты и правда только что *укусил* меня?

Лиам скромно опустил глаза, улыбаясь так, что Аргза сразу понял — ему не стыдно.

— Простите... больше этого не повторится, сир...

Аргза ухмыльнулся. Если его Лиам научился *кусаться* — это открывало множество недоступных ранее возможностей. Это окончательно убедило пирата в том, что все разительные перемены с его помощником произошли исключительно к лучшему.

— Так уж и не повторится? Имей в виду, я разрешаю.

Корабль резко мотнуло из стороны в сторону, тряхнуло, корпус сдавило со всех сторон — но судно не смялось внутрь себя, как должно было, а лишь немного замедлило движение. Из обзорного окна видна была только непроницаемая чернота, не освещаемая даже

завихрениями энергии затяжного гипер-прыжка — это означало, что они вошли в Коридор полностью, и остановиться было уже нельзя. Внезапно что-то яркое мелькнуло и пропало где-то совсем рядом, едва не задев окно, и замолчавший было на время прохождения "входных ворот" радар снова ожил. Сильвенио выглядел одновременно и растерянным, и испуганным.

— Что... как они?.. Милорд! Близнецы прошли за нами и... и, судя по результатам термосканирования, они только что в нас стреляли!

— Промахнулись, — заключил Аргза спокойно, глядя на ещё один тусклый огонёк за окном, вспыхнувший уже чуть ближе. — Не учли искажённое переходным туннелем пространство. Но, похоже, учатся на ошибках. Придётся учиться и нам, а?

— Нам нельзя отклоняться от...

— От траектории. Я помню, Лиам. Не бойся, я не выключу автопилот.

Аргза сел в кресло, взял на себя управление всеми боевыми орудиями на корабле и любовно огладил штурвал, не давая, тем не менее, команду на отключение автопилота. Сильвенио понятливо уселся в собственное невзрачное сидение, которое обычно игнорировал ввиду того, что работать проще было стоя, и поспешно пристегнулся, предчувствуя длительную тряску.

— Но... вы уверены, что сможете вступить в бой *здесь*? Как вы уже говорили, в искажённом пространстве всё гораздо сложнее, и не факт, что справитесь с...

— Лиам.

— ...с гравитацией! Не говоря уже о расчёте энергии, что не могу сделать пока даже я, не имея...

— Лиам.

— ...не имея хоть сколько-нибудь данных о коэффициенте общего искривления в данном пространстве! Близнецы атаковали на удачу, но мы в гораздо более трудном положении, учитывая, что они могут повредить нашу обшивку, и тогда Семицвет...

— Заткнись, будь добр. Я пытаюсь сконцентрироваться.

Лиам взволнованно замолк, а Аргза тем временем настраивал оружие. Он выглядел сейчас, как хищник перед прыжком: остро блестящие глаза были сосредоточенно прищурены, напряжённая линия челюсти контрастировала с азартным оскалом, и всё его существо, казалось, было готово тотчас же броситься в атаку, хотя поза его говорила, напротив, о спокойной уверенности.

— На сколько метров примерно мы можем отклоняться от курса, чтобы не выйти за пределы Коридора?

— Не больше десяти, в сравнении с масштабами нашего корабля эта цифра слишком...

— Лиам, кончай ныть, — Аргза не повернулся в его сторону, целиком уже погружаясь в то, что он задумал сделать. — Я не сомневался в тебе и согласился на это безумство, настал твой черёд верить мне на слово, не считаешь?

То, что происходило далее, больше было не на бой, а на игру в кошки-мышки. Аргза рванул штурвал на себя, заставляя судно резко перевернуться вверх дном. Не давая кораблю выровняться в новом положении, он дёрнул штурвал ещё раз — и корабль отнесло назад. Обычно при таком манёвре энергия скачка бы затормозила их и кинула бы снова вперёд, но в этот раз позади ещё была очередная чёрная дыра, которая неумолимо тянула их к себе, и из-за этого их протащило по самому нижнему пределу Коридора обратно к ней. На радаре обозначилось, что корабль замешкавшихся Близнецов прошёл прямо над ними, и в эти

мгновения Аргза открыл огонь из всех орудий так, чтобы зацепить вражеское судно хотя бы по касательной. Следующий рывок привёл к тому, что их так же резко перевернуло в исходное положение, а Близнецы оказались уже перед ними, превратившись из преследователей в преследуемых. Активировав на полную мощность все щиты, Аргза снова начал без какой-либо системы стрелять по их кораблю, в то же время выжимая из собственного корабля максимальную скорость, дабы вернуться в поток. Кажется, ему удалось всё же попасть по крайней мере пару раз, и, хотя, выстрелы и теряли изначальную силу из-за искривлений энергии, это всё-таки нанесло какой-то урон врагам. Зато сразу же после прохождения новой чёрной дыры Близнецы зеркально повторили его предыдущий манёвр, и теперь опять оказались позади них. Эти догонялки со взаимным обстреливанием друг друга повторились ещё несколько раз, и всё это время оба корабля вынуждены были вращаться вдоль своей оси почти непрерывно.

— Нам нужно было предупредить рабочих, — вспомнил вцепившийся в своё сиденье Лиам. — Представляю, что у них сейчас там творится...

— Да какая, к чертям, разница?! — заорал в ответ Аргза, перекрывая надсадный гул уставшего от всех этих виражей корпуса. — Мы с тобой, пташка, попадём в историю! Чего уж тут мелочиться!

Наверное, длиться это могло бы длиться бесконечно и даже дольше, учитывая нездоровое упорство Аргзы и не менее большую настойчивость Близнецов — но вдруг те изменили тактику, словно вспомнив, что могут сражаться не только при помощи корабля. Этого Аргза и опасался: завеса темноты перед ними расцвела невообразимо гигантскими яркими щупальцами какого-то космического кальмара, собирающегося, похоже, сожрать оба судна, летящие прямо в его круглую зубастую пасть.

— Не могли ничего умнее придумать, иллюзионисты хреновы, — пробормотал Аргза немного нервно.

И нарвался: щупальца никуда не делись, зато исчез целиком сам корабль, оставив Аргзу висеть одного в непроглядной тьме. Он не видел никого и ничего, кроме треклятых щупалец и — он автоматически обернулся — летящего на него на всех парах вражеского судна. Знание о том, что это лишь очередная иллюзия, не очень-то помогло; пришлось, стиснув зубы, молча ждать, пока пасть чудовища поглотит его и Близнецов.

— Суки, — выдохнул он, вернувшись после этого в свою кабину управления. — Вот же суки. Убить мало, блядь.

— Не обращайтесь внимания, — побледневший Лиам рядом тоже перевёл дыхание. — Иллюзии поддерживать в постоянно меняющемся пространстве и на таком расстоянии долго не смогут даже они.

— Ты можешь как-нибудь нас оградить от этих миражей?

Лиам ответить не успел — корабль начало стремительно разъедать будто бы вековой ржавчиной, и он начал разваливаться на части у них на глазах. Потом было нашествие тараканов размеров с человеческую голову, потом консоль обросла кровавыми цветами-мутантами, щерящими на варвара и эрландеранца свои хищные пасти, полные акульих зубов. Потом сам Лиам превратился в Лилея — Аргза чуть не потянулся убить его, подумав, что тот телепортировался на место эрландеранца, к счастью, вовремя себя одёрнул.

— Ещё немного, — подал голос Сильвению, когда на них с потолка кабины обрушился поток ледяной воды. — Вы же видите, сир, они в отчаяньи. Я постоянно сканирую их судно, и могу сказать, что оно уже на пределе. Чем бы они ни укрепляли его от сверхгравитации —

эта штука гораздо слабее Семицвета, и потому их судно скоро разрушится, не выдержав напряжения.

Сбылось его предсказание целую вечность — как показалось Аргзе — спустя, на самом же деле, наверное, не прошло и полминуты до того момента, когда корабль противника наконец исчез с радара совсем. Не было ни вспышки, ни взрыва — Коридор поглотил все звуки и все источники света — однако мимо обзорного окна пронёслось в темноту несколько довольно крупных металлических обломков.

Порадоваться и испытать заслуженный вкус победы Аргзе не позволили.

— Привет, Паук, — произнёс за их спинами ласковый голос девушки.

— Привет, Сильвению, — произнёс за их спинам ласковый голос парня.

Они обернулись одновременно, и синхронно же повскакивали со своих кресел. Близнецы стояли у самых дверей кабины, как всегда, держась за руки и улыбаясь невинными улыбками сошедших на грешную землю ангелов.

— Не иллюзия, — любезно пояснили Лиланда хором. — Мы тут, вроде как, бездомными стали. Не одолжите своё корытце?

Они произнесли это так буднично, будто по-соседски просили кружку сахара. Аргза, зарывчав, активировал когти, весь пылая наполнившей его до самых краёв ненавистью.

— Сир!.. Обшивка!..

Ах, и верно — обшивку нельзя было повреждать даже изнутри, чтоб этот Семицвет черти побрали. Малейшая царапина будет означать повреждение целостности, что может привести к мгновенному крушению. Когти Аргза не убрал, но лески выпускать передумал; тем временем Близнецы обратили своё внимание на Сильвению.

— Мы рады тебя видеть, детка, — сказала Лилео.

— Хоть ты и обманул нас, — сказал Лилей.

— Мы хотели, чтоб ты знал...

— ...что мы всё равно тебя любим.

— Не хочешь вернуться и ещё с нами поиграть? Разве нам было не весело вместе? — сладко поинтересовались они хором.

Сильвению задрожал и попятился назад. Аргза задвинул его себе за спину, зарывчав громче. Ненависть его выливалась уже едва ли не в физически ощутимые волны. Лиам за его спиной дышал громко и часто, будто не мог найти для себя достаточно кислорода.

— Вы сдохнете за это, — предупредил варвар коротко. — Прямо сейчас.

Они, должно быть, прочитали его мысли, потому что в следующее мгновение ровно в середины кабины столкнулись его и их личные защитные барьеры, усиленные во много раз. Это было единственным выходом в данной ситуации, когда нельзя было применять боевую магию и оружие, дабы не повредить корабль, как нельзя было и отходить от консоли ради физической атаки, дабы не дать им шанса обхитрить и перехватить управление на себя. Вот только для самих Лиланда силовым полем способы нападения сейчас не ограничивались: под ногами у Аргзы разверзлась огненная бездна, до того реалистичная, что он даже по-настоящему чувствовал испепеляющий жар на коже. Это были иллюзии уже совершенно иного уровня, на порядок выше тех неловких миражей, которыми Близнецы пытались сбить их с пути ранее; теперь, когда их способности применены были в обычном пространстве, всё стало гораздо серьёзнее. Аргза, задыхаясь, усилил свой барьер ещё больше, ощущая уже запах палёного мяса и кожи — иллюзорное пламя пожирало его, начиная с ног и причиняя совсем неиллюзорную боль. Как бы он ни злился, противопоставить их умениям у него было

совершенно нечего, да и щит его, применяемый достаточно редко, обещал продержаться не так уж долго...

Холодная узкая ладошка легла в его ладонь, и Лиам решительно вынырнул из-за его спины, вставая с ним рядом. Его широко раскрытые глаза отражали отважную внутреннюю борьбу с собственным страхом.

— Возьмите мою магию, сир... Я не могу сделать ничего больше, кроме этого, пока я в ошейнике, но... я хочу помочь. Заберите мою магическую энергию и сделайте её своей, это усилит ваше защитное поле и поможет преодолеть их иллюзии. А я буду держать оборону на ментальном уровне.

Действительно: энергия, вливаемая в него Лиамом через их крепко сцепленные руки, уменьшила разом и напряжение, и боль, барьер стало поддерживать гораздо проще. Они даже смогли заметно оттеснить барьер Близнецов, которые с по-детски непосредственным хихиканьем уже вполголоса обсуждали их трогательное единение.

— Они следовали за нами по пятам, как только сообразили, что именно мы ищем, — сказал вдруг Сильвенио, внимательно вглядываясь в лица близняшек. — Следили за нашими перемещениями и потом прибывали в то место, откуда мы уходили. Считывали там разумы местных, которых мы встречали на пути, иногда даже считывали память животных, которые нам так или иначе попадались... Так они выяснили про Священный Семицвет и про то, как выглядели его Осколки. Потом... потом они воссоздали артефакт по чужим воспоминаниям, переложив на основу из какого-то другого артефакта магические слепки тех мест, где хранились Осколки... И последовали за нами к месту открытия туннеля, замаскировавшись даже от радара невидимыми вуалями. Только копия Семицвета оказалась всё равно слабее оригинала, поэтому их судно разрушилось.

— Тебе удалось пробиться к ним в разум? — Аргза мельком глянул на него, стараясь не выпускать из поля зрения и Близнецов.

— Нет... — тот мотнул головой. — Они сами мне это показали...

Лиланда улыбнулись ещё невиннее, как дели и тогда, когда придумывали для Сильвенио пытки на своём корабле — хорошо, что он этого не помнил.

— Ну, слишком жестоко бы было заставить вас умирать от любопытства, разве нет? — отозвались они довольно.

Затем они тоже усилили свой барьер, возвращая границу противостояния на середину.

Так они и застыли все четверо, проверяя, у кого первым кончатся силы. Аргза, не привыкший к такого рода состязаниям, неосознанно высасывал из Сильвенио почти всю энергию, чего не замечал, а Лиам молчал и только жался к нему, не отнимая своей руки, и глядел уже без прежней паники на Близнецов, сохранявшими безмятежное спокойствие. В то же время ему приходилось отражать их постоянные атаки и на телепатическом поле, где установилось точно такое же противостояние, в котором каждый противник пытался подавить другого не столько умениями, сколько чистой силой — уловки их оказались бесполезны против его защиты, ибо он уже знал об их методах ментального боя. А в кабине на фоне этой напряжённой тишины рождались и умирали целые миры, взрывались звёзды и ядерные боеголовки, кричали жуткие призраки и выли небывалые монстры, восставали и растворялись в небытие бесчисленные легионы людей и тварей — фантазия Близнецов поистине могла ужасать своей нескончаемостью.

Всё разрушается в один момент, как и всегда бывало; всего лишь одно-единственное мгновение решает всё, для чего обстоятельства складывались целыми годами прежде.

Это происходит так быстро, что поначалу никто и не замечает. Красные глаза Лилео — добрые-добрые, и она смотрит на Сильвенио; смотрит одна, без Лилея — это и запутывает Сильвенио, привыкшего считать их разум единым. Она смотрит на него, делает незаметное движение изящным пальчиком, пока Лилей скрывает этот её жест очередной иллюзией, и крохотный огонёк вспыхивает у Сильвенио за спиной, прямо внутри барьера. Пока огонёк слабый, силовое поле его даже не регистрирует, но вот ещё одно движение Лилео — и огонёк, повинаясь её воле, растёт. Растёт, растёт, растёт — и неожиданно бьёт эрландеранца в центр позвоночника.

Сильвенио не понимает сначала, почему у него скапливается странная влага в уголках губ. А потом видит, что с его рта на пол падают капли цвета тёмного серебра, и его колени сами собой подкашиваются от накотившей боли и слабости; его рука, влажная от пота, безвольно выскользывает из руки пирата; мир вдруг со злорадным энтузиазмом теряет перед глазами чёткость. В следующую секунду Сильвенио обнаруживает себя сидящим на полу возле консоли и с удивлением смотрит на свои окровавленные пальцы, касающиеся сквозной раны на животе.

Как же так?.. Ведь ему даже не больно... Странно.

Аргза кричит его имя; Сильвенио почему-то не слышит ни единого звука — как тогда, с Джерри — но читает по губам короткое "Лиам". У Аргзы как-то страшно перекашивает лицо, и Сильвенио решает, что, наверное, на это не стоит смотреть, он не хочет видеть гнев варвара. Он не хочет видеть чужую боль, потому что сам сейчас ничего не испытывает — только сожаление и лёгкую досаду.

Потому что это всё странно, странно и глупо. Он ведь ещё даже не достиг своей цели. Почему ему нельзя было умереть потом, когда бы всё кончилось? Когда бы он сделал то, зачем жил все последние дни, зачем жил, как он теперь понимал, всё время своего существования на этом свете. Это было всё же несправедливо: он выживал, когда не хотел этого, и умирал сейчас, когда это было так ужасно невовремя.

Нет всё-таки в мире справедливости, верно?

То ли звуки возвращаются на мгновение, то ли он уже слышит как-то телепатически, но в какой-то момент он вновь разбирает яростный рёв варвара, больше похожий на львиный или медвежий, чем на человеческий, разбирает он и последнюю реплику Близнецов:

— О, это так мило! Кто бы мог подумать, паук привязался к своему мотыльку!

А потом всё затихает опять. Аргза, близняшки Лиланда, гудение корабля, шипение столкнувшихся защитных барьеров. Всё затихает, и Сильвенио как-то внезапно осознаёт, что их судно, вообще-то, уже давно никуда не летит. Оно остановилось.

Прибыло к месту назначения.

Всё затихает, и к Сильвенио приходит Голос. Голос говорит ему:

"Здравствуй. Я слышу тебя."

Он тоже слышит Голос — в своей голове и в своём сердце. Он слышит его всем, что у него было и есть, слышит его своим прошлым и настоящим, своим будущим, которому уже не суждено сбыться, видимо — он слышит его всем своим существом.

"Кто ты?" — спрашивает он, уже зная ответ, но не решаясь в него поверить.

"Ты называешь меня Сердцем Вселенной."

Он замирает, собственное его тщедушное сердце забывает биться на какое-то время. Оказывается, всё было так просто! Он строил планы, он бился над этой загадкой денно и ночью, он придумывал варианты один безумнее другого — а оказалось, что никаких усилий

и не потребуется. Что Сердце услышит его само. Всё гениальное — просто, он уже говорил себе это когда-то, давно-недавно, в прошлой жизни, в этой жизни — когда ещё не знал, что ему предстоит сделать.

"Я слышу тебя, — повторяет Голос, и Сильвенио понимает, что ему не нужно ни рассыпаться в благодарностях, ни задавать лишних вопросов: время не ждёт, он умирает, а ему ещё нужно успеть сделать то, что намеревался. — Я знаю твоё желание. Но ты должен сказать его сам. Это — единственное условие. Ты должен сказать своё желание, и я исполню его для тебя, как исполню любую просьбу каждого, кто ко мне обратится."

"Какая плата? Я готов на всё..."

Ему кажется, что Сердце улыбается, хотя он этого не видит. Не насмешливо и не грустно, не снисходительно и не печально — как-то по-другому, как-то очень мудро.

"Ты заплатишь тем, что твоё желание исполнится. Я не верну его обратно и не стану отменять. Я воплощу твою мечту в реальность, но ты должен формулировать осторожно. Это — условие."

Что ж, даже без платы? Тем лучше. Сильвенио не представляет, каким образом само исполнение его мечты может обратиться против него. Он — счастлив, счастлив и может спокойно умирать.

Но прежде, конечно, он загадывает своё самое-самое заветное желание. Желание, которое жило в нём всегда, но точную формулировку которого он осознал только на Кси-Браш-Лавире-Пять, во время своего отпуска. Тогда слова этого желания пришли к нему в шёпоте ветра, в журчании воды, в лучах солнца, и с тех пор, выйдя из своего так называемого отпуска, он повторял эти слова по себя каждый день.

Однако, когда он называет свою мечту и готовится уже к путешествию по дивной реке под оранжевым небом, когда он слышит уже звон белоснежного цветка на своей груди — Голос снова вторгается в его сознание.

"У тебя есть ещё одно желание."

Сильвенио заставляет себя очнуться. Первое мгновение он недоумевает: разве что-то ещё осталось? Разве не выполнил он свою миссию в этом мире?

"Я не джинн, — Сердце вновь улыбается. — Я исполняю столько желаний, сколько нужно просящему. Подумай хорошенько, пока у тебя есть возможность."

И Сильвенио вспоминает — да, точно, имеется ещё одно. То, чего бы ему хотелось. Он открывает глаза и видит Аргзу, чей гнев напитал защитный барьер необходимой энергией, чтобы практически раздавить Близнецов. Но те, конечно, только притворяются проигравшими, потому что им стоит продержаться лишь ещё немного: одних лишь гнева и ярости явно недостаточно, чтобы барьер Аргзы был достаточно прочным без недостающей теперь магии.

Представьте, что вы можете пожелать абсолютно всё. Вы можете воскресить погибших друзей и всех, кого когда-либо любили. Вы можете повернуть время вспять и отменить всё плохое, что с вами случилось. Вы можете сделаться кем угодно, создать себе совершенно новую жизнь — жизнь, где не будет ни предательства, ни страданий, ни даже обыкновенной скуки. Вы можете стать бессмертным, а можете повелевать империями живых. Вы можете получить все доступные миру знания или стать единоличным обладателем несметных сокровищ. Можете пожелать, чтобы всех, кто вас когда-либо обидел и унизил, не существовало вовсе. Вы можете это и многое, многое другое — вы можете пожелать всё, что взбредёт вам в голову, сумейте только объяснить.

Что бы вы загадали?

У Сильвенио есть такая возможность. Он может всё и знает это; но у него нет времени на раздумья. Так что он смотрит на Аргзу Грэна. Он смотрит на человека, отнявшего у него так много; на человека, который сделал его своим рабом. Он смотрит на человека, убившего его лучшего друга, на человека, долгие годы так навязчиво бывшего рядом, на человека, который показал ему всю жестокость людей. Он смотрит на него, на человека, в чьих объятиях засыпал и благодаря чьим усилиям смог добиться только что исполнения своей заветной мечты. Он смотрит на Аргзу Грэна, служившего всему в его жизни так или иначе причиной и виной.

И говорит Сердцу Вселенной:

"Я хочу спасти этого человека."

Он мог бы сказать по-другому. Например: *хочу, чтобы он был спасённым*, или же — *хочу, чтобы его спасли*. Или ещё как-нибудь. Но он говорит *"я хочу спасти"* — и это решает всё. Формулируй желания правильно, дружок, не так ли?..

И лишь после этого он позволяет себе наконец-то поприветствовать долгожданное небо цвета спелого апельсина, проваливаясь куда-то сквозь пространство и время.

Над ним склоняются чужие-знакомые лица с пёстрыми волосами и яркими глазами. Кажется, он видит лицо своей матери, но он не уверен, потому как лица сменяются одно за другим. Ему что-то говорят, его что-то спрашивают, чьи-то руки снимают с него одежду, кто-то осматривает его рану — зачем бы, ведь он же умер, умер и попал в...

И тут ошейник, до сих пор сдавливающий его горло, рассыпался мелкой металлической крошкой, возвращая время в зыбкое мировосприятие. Живительная магия хлынула в его тело изнутри и снаружи, и смертельная, казалось бы, рана затянулась в считанные минуты. Судя по всему, он опять остался жив, на этот раз благодаря самому настоящему, неповторимому, уникальному Чуду. Оранжевое небо для разнообразия оказалось реальностью, и он понял, куда его отправило Сердце.

Но времени насладиться этим снова было так катастрофически мало. Сердце, конечно, подарит немного, Сильвенио знал это, он слышал это, он это чувствовал — что Сердце даст ему достаточно времени для того, чтобы он успел выполнить оба своих желания.

— Я в порядке, — поспешил заверить своих целителей он. — Я уже... в порядке! Слушайте, братья и сёстры! Слушайте меня, я принёс вам весть! Слушайте меня... и идите за мной, потому что ваш Хранитель Знаний нуждается в вас!

Аргза понимал, что уже выдохся. Он понимал, что не может больше продолжать это нелепое противостояние ни минуты, ни секунды. Всё должно было решиться прямо сейчас, и решиться не в его пользу. Может быть, он и принял бы проигрыш более спокойно, но... проклятье, как же обидно было проигрывать, не отомстив за Лиама! Ведь он обещал ему, он клялся и самому себе тоже, что непременно заставит грёбаных Близнецов с лихвой расплатиться по всем счетам. А что вместо этого? А вместо этого он сейчас должен будет погибнуть от рук этих сумасшедших феечек, да ещё и отдать им свой корабль вместе с

Семицветом. Что за идиотизм, где его хваленая удача, когда она вдруг так сильно нужна?!

...Лучше бы он эту самую удачу не звал, честное слово.

Хлопнули двери, ушли в пространство кабины чьи-то властные слова на колдовском языке — и тонко вскрикнули Близнецы, скованные своим же барьером. Щит обратился и против Аргзы, не оставив ни единой возможности пошевелиться, и ему оставалось только потрясённо наблюдать за тем, как кабину управления наполняют белокожие стройные люди в разноцветной одежде и с просвещёнными улыбками.

— Лилей и Лилео Лиланда, — произнёс один из этих людей хорошо поставленным глубоким голосом, похожим на рокот моря. — Вы обвиняетесь в нарушении человеческих прав и свобод, в моральном и физическом насилии, а также во вмешательстве в чужой разум и намеренном доведении людей до психически нездорового состояния. Вы приговариваетесь к смерти единогласно, согласно решению Нового Суда. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Близнецы, видимо, чуя свою гибель, не стали ни возражать, ни сопротивляться — только закричали громче, обнявшись, совсем как дети. Никогда в жизни Аргза не мог представить, что когда-нибудь увидит этих двоих настолько напуганными. Впрочем, долго ему наблюдать за этим зрелищем не пришлось: говоривший совершил руками какой-то жест, и обоих близняшек просто развеяло в пыль, как будто и не было их никогда. Не осталось ни трупов, ни даже эхо.

— Какого хрена?! — очнулся Аргза. — Убили мою добычу, связали меня моей же магией и думаете, что это вам сойдёт с рук?! Да что вы ещё за самоубийцы на мою голову?!

Люди повернулись к нему, словно только заметив его присутствие.

— Аргза Грэн, — начал тот же человек с голосом моря. — Ты также обвиняешься в...

— Нет!

Это "нет" прозвучало от дверей. Аргза, услышав знакомый голос, неверяще посмотрел в ту сторону. И точно, к ним уже медленно ковылял вполне себе живой Лиам, только придерживающийся ладонью за то место в животе, где всего пару минут назад была кровоточащая рана. Сильвенио прошёл в кабину, и люди в ярких одеждах почтительно перед ним расступались, некоторые даже кланялись ему, словно какому-то принцу. А ведь стоило Аргзе только ненадолго от него отвернуться, и когда только успел?..

— Этот человек, — сказал Сильвенио чётко и торжественно. — Тот самый, о ком я вам говорил. Я беру его под своё покровительство. Он пойдёт с нами и пройдёт программу реабилитации.

Сказать, что Аргза был шокирован — значит ничего не сказать. Отвратительное чувство дежавю настигло его, и он мгновенно понял, что тут происходит. У того Лиама, у *другого*, было точно такое же просветлённое лицо лидера чокнутых сектантов, и точно так же он вершил самосуд, как это только что сделали товарищи Лиама *этого*. Однако изумление не помешало ему оскалиться и зло прорычать, глядя в глаза Лиама:

— Реабилитации?! А ты меня спросить не забыл, случайно?! Думаешь, самый умный тут? К Дьяволу иди, моя дорогая пташка! Я не знаю, что ты сделал, чтобы так быстро всё проверить, но уже примерно догадываюсь, если судить по всем этим выскочкам, объявившим себя Новым Судом. И, знаешь ли, я уже насмотрелся на всё это однажды, мне хватило. Освободи меня немедленно, иначе тебе будет очень больно.

Тот только улыбнулся, не отводя взгляда. Эрландеранцы вокруг них уважительно молчали, давая им выяснять отношения.

— Я освобожу тебя, как только мы прибудем на Эрлану, Аргза, — было так непривычно слышать от него своё имя вместо осточертевшего "сир" или "милорд", что варвар даже невольно прекратил рычать. — Не сердись так, пожалуйста. Я понимаю, что для тебя это всё слишком неожиданно, но тебе придётся с этим смириться. Не беспокойся, я... вылечу тебя. Мы вылечим этот мир от всего плохого и злого. Мы изменим людей, мой народ давно должен был это сделать. Задумайся — кто, если не мы? Только наша раса на это способна, а значит, мы не можем больше бездействовать. Я понял это только недавно, понял и принял, теперь прими и ты. Ты будешь первым, кого мы спасём.

Что?

— Ну уж нет! — Аргза с презрением оглядел собравшихся и мрачно улыбнулся Лиаму. — Я уже сказал, что достаточно на это посмотрелся. Я лучше выберу смерть, чем...

— Выберешь? — впервые в жизни Сильвенио перебил его, и это тоже было очень непривычно. — Но, Аргза... кто сказал, что я даю тебе выбор? — словно бы в извинение за свои слова, он тоже улыбнулся, мягко и виновато. — Ты не давал мне выбор, когда похищал меня. Ты вообще никогда не давал мне его. Прости, но мне кажется, я имею полное право поступить с тобой так же хоть раз... Не спросить твоего мнения. Всего один раз, Аргза.

— А, — желчно отозвался пират. — Так это месть. Сразу так бы и сказал.

— Нет... это не месть. Ты прекрасно это знаешь... Впрочем, ты волен так думать, если тебе легче это понять. Но это не месть. Это *справедливость*.

Аргза молчал, уже понимая, что его мнением на этот раз действительно никто не поинтересуется. Да только что он мог сделать, если не мог даже двинуться? Взять Сильвенио в заложники, как только тот снимет оковы? Перегрызть ему горло? Ага, конечно, так он и дался. Аргза не был дураком и реально оценивал свои шансы против целой толпы охренительно сильных телепатов и магов. Но смириться с незавидной участью не хотелось. Аргза всё ещё слишком живо помнил свой визит в альтернативную Вселенную, где имел возможность увидеть, какими методами эрландеранцы творят эту самую справедливость.

Сильвенио встал на цыпочки, потянулся к нему. Обхватил его лицо кончиками пальцев, по-прежнему просяще глядя ему в глаза. Ох уж этот его взгляд!.. Эти синие глаза лишали Аргзу воли, и с этим он тоже ничего не мог поделать.

— Тебе понравится, — зашептал Сильвенио с надеждой, будто убеждая больше себя, чем его. — Тебе понравится, ты оценишь, ты поймёшь... со временем. Не сразу, конечно. Сначала, наверное, тебе будет трудно. Но потом!.. Потом ты увидишь, что был неправ... ты осознаешь... Ведь ты на самом деле хороший человек, Аргза, тебе только надо показать правильный путь, как и всем остальным! Люди... люди так в себе запутались, я убедился в этом. Мы поможем, мы сделаем так, как всем будет лучше. И ты тоже станешь лучше когда-нибудь. Я покажу тебе путь, Аргза, я могу столько всего тебе показать!.. Ты оценишь, ты поймёшь, ты справишься, я исправлю тебя, я исправлю всех, кого смогу...

Бедный мой, маленький глупый умник, подумал варвар, кто только вбил тебе в голову такие сказки. Такие опасные сказки, которые изменили тебя полностью и которые тебя обязательно погубят однажды.

Мимолётом Аргза подумал ещё: интересно, будь у него выбор, согласился бы он на это добровольно? Не ради чепухи об "улучшении мира", не ради собственной безопасности, не ради того, чтобы ударить исподтишка позже — а ради вот этих глаз, ради вот этой лучистой улыбки? Отдал бы он свою свободу и свою гордость ради того, чтобы просто видеть счастливым этого глупого мальчишку?

Впрочем, выбора-то у него всё равно не было, а значит, и размышлять об этом было ни к чему.

[Запись в бортовом журнале N0000000_0000000:]

"Всё-таки вы ошиблись, леди Юнба. Я догадываюсь, какие две концовки этой Вселенной вы видели в будущем — я и Близнецы возле Сердца. Но я победил, и миру не угрожает ни уничтожение, ни война! Я об этом позабочусь!"

[Запись сохранена.]

[Внимание, запущена система самоуничтожения! Просьба персоналу покинуть корабль в течение десяти минут. Система самоуничтожится через 9.59, 9.58, 9.57...]

Где-то невообразимо далеко, на мёртвой планете, принцесса народа скайрах-кьяр, до того недвижно сидевшая на троне, вдруг подняла голову, словно бы услышав что-то в недоступном обычному смертному пространстве. И повторила уже когда-то сказанное, обращаясь будто бы к абсолютно пустому тронному залу:

— Мы никогда не ошибаемся, Сильвенио Антэ Лиам.